

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

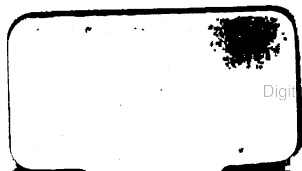
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Per 278975 d. 80

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

139

ЗАПИСКИ

1866

АВГУСТЪ

КНИЖКА ПЕРВАЯ

СТР.

I. Картины юрской эпохи. Ш. Псарня. IV. Охота на зайцевъ. V. Пчелобиты. Н. Успенскаго	407
II. Подмилльона. Романъ миссъ Амелии Эдвардсъ. <i>Часть вторая.</i> Главы VII—XII.....	421
III. Самуилъ Выморковъ. Проповѣдникъ ученія объ антихристѣ въ 1722—1725 годахъ. М. П. Семевскаго.	449
IV. Чупринскій миръ. Разсказъ. Н. Череванина	475
V. Императрица Александра Феодоровна. <i>Сочиненіе</i> А. Т. Гримма. <i>Статья третья</i>	499
VI. Петербургскія трущобы. Романъ. <i>Часть пятая.</i> Голодные и холодные. Главы XXVII—XXXII. В. В. Крестовскаго	521
VII. Труженники моря. Романъ Виктора Гюго. <i>Часть вторая.</i> Жильягъ-Кудесникъ. <i>Окончаніе третьей книги и четвертой главы I—IV</i>	552
<hr/>	
VIII. Политическая хроника. Положеніе дѣлъ въ Европѣ. — Дипломатическое посредничество Франціи. — Ходъ мирныхъ переговоровъ и участіе въ нихъ Франціи. — Перемирія и предварительныя условія мира. — Очеркъ военныхъ дѣйствій въ Германіи и въ Италіи.	95
IX. Графъ Бисмаркъ. <i>Статья вторая</i>	110
X. Интересы литературы и науки на Западѣ.	123
XI. Литературная летопись. Русская литература	138
XII. Новыя русскія, англійскія, французскія и нѣмецкія книги	154
XIII. О литературныхъ инфузоріяхъ. Письмо въ редакцію. Н. И. Соловьева.....	158

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. А. КРАВСКАГО (Литейная, № 38).

Digitized by Google

200
1870

RECEIVED

of the

of the

of the

of the

of the

of the

of the

of the

of the

of the

of the

of the

КАРТИНЫ ЮРСКОЙ ЭПОХИ (*).

III.

П С А Р Н Я .

Близъ села Вязова, за крестьянскими гумнами, въ глубокомъ оврагѣ, скрывается псарня. Каменная кухня, землянка съ печкой и котлами, сарай съ закутами для собакъ—вотъ все строеніе на псарнѣ. Сельскіе жители слышали только брехъ собакъ, звуки роговъ, хлопанье арапниковъ, ежедневно раздававшихся въ лошанѣ, но никто изъ нихъ не бывалъ на псарнѣ и не зналъ, что тамъ такое происходитъ; всѣ, однако, считали псарню заведеніемъ беззаконнымъ и непотребнымъ. Самый оврагъ, наполненный костями, падалью и вороньями, возбуждалъ въ сельскихъ жителяхъ чувство отвращенія и даже страха; носились слухи, будто бы гончія собаки, завидѣвъ чужого человѣка, особенно бѣгущаго, непременно бросались за нимъ и разрывали на части, какъ какого нибудь звѣря... Было время, когда бабы и мужики ходили въ означенный оврагъ по случаю отерывшагося тамъ водянго ключа, который потомъ превращенъ былъ въ настоящій колодезь; но вдругъ разнесся слухъ, что въ этотъ колодезь безбожный псарь засунулъ цѣлую лошадь—и съ тѣхъ поръ, псарни никто уже не посѣщаетъ: всѣ считаютъ ее понинѣ мѣстомъ проклятымъ, гдѣ живутъ богоотступники, продавшіе свою душу дьяволу.

Погожее осеннее утро. Собаки заперты по чуланамъ и воютъ. Кохинхинскія куры (барская охота) слетаютъ съ своихъ ночлеговъ и разбредаются по кустамъ. Берега оврага усыпаны варкающими вороньями. Изъ избы выходятъ псарь Евлампій и охотникъ Фока.

— Евлампій! Ступай, разводи подъ котломъ огонь, да брось зеленчука (теленба) въ котель. Все собаки охотнѣй поѣдятъ. А я

* См. №№ 4 и 12 «От. Зап.» 1866 г.
Т. CLXVII. — Отд. I.

покормлю курь. Подай мнѣ шайку овса, что я запарилъ кипяткомъ. Чортъ ихъ (курь) хлѣбомъ прокормить? Да потомъ вычисти курятникъ.

— А ты будешь бариномъ сидѣть? отвѣчаетъ псарь.

Фока не возражаетъ. Онъ кормить курь, потомъ *смыкаетъ* (связываетъ) собакъ, выпускаетъ ихъ вонъ изъ закутъ—и идетъ за ними съ арапникомъ въ рукѣ. Собаки ложатся въ кучѣ вдали отъ сарая.

— Я тебя поричу! кричить Фока: — Говорь! стойте! Экая псина! день-деньской брешешь-брешешь съ ними... Евланъ! вонъ ступай возьми—кобылу—мѣщанинъ привелъ... раздѣнь ее...

Является мѣщанинъ съ лошадыю.

— Похлопочите, братцы, могоарычъ за мной... А я тѣмъ временемъ добѣгу тутъ до мужичка, у него есть лошада... а то боюсь, уѣдетъ съять... Отъ него я забѣгу къ вамъ, кожу возьму...

— Ладно! Евланъ! получай.

— До свиданія. Могоарычъ за мной.

Мѣщанинъ уходитъ.

— Евланъ! Скоро ты тамъ?

— Да вотъ поди поддержи... отъ собакъ не отобьешься.

Фока начинаетъ помогать. Евланъ говоритъ:

— Сарай плохой, вездѣ щели, того и гляди мѣщанскую шкуру съѣдятъ... За нее тогда отвѣчай, вонъ что!

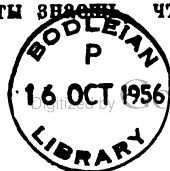
— Прикащикъ просилъ сала, подмазывать машину: ты что возьмешь за пудъ?

— Рубля два надо взять... ты знаешь, я живу безъ жалованья, одной съемкой... Что, братъ? вздохнувъ продолжалъ Евланъ: — горе мнѣ! мѣръ мнѣ все грозитъ — говоритъ: «Собрался идти Богу молиться, бросить эту поскуду, ходилъ, говоритъ, по дворахъ, просилъ, кто что дастъ на дорогу, что вотъ, дескать, иду къ угодникамъ божиимъ, и если Господь принесетъ обратно въ добромъ здоровьѣ, такъ не буду сквернить свою душу... Богъ съ ней, съ этой поскудой... помимо меня люди найдутся... а теперь взялся опять». Вотъ, что говоритъ мѣръ. И давали мнѣ, слышь, хорошее мѣсто: свотину стеречь! а я не пошелъ, да и опять взялся за старую работу... Такъ, вотъ мнѣ теперь и нѣтъ проходу ни отъ малаго, ни отъ большого.

— Да что жъ тебѣ они?

— Да кричатъ: вонъ онъ драчь-то! вѣрно работа полюбилась... А мѣръ хочеть разорить меня въ корень, говоритъ: худая трава изъ поля вонъ...

— А ты что смотришь на мѣръ? Что онъ тебѣ можетъ сдѣлать? дѣтей у тебя нѣтъ. Жена, да ты! ты знаешь, что безъ

твоей жены домъ пропаль бы у твоего брата! Чего жь мнѣ-то зѣваетъ?

— Ну, да, мнѣ не сколько осталось жить! десятковъ шесть съ прибавкомъ прожишь... похоронять добрые люди...

— Евланъ! Я разведу кормъ, а ты пускай собакъ.

Фока зоветъ собакъ въ рогъ. Вся стая несется къ корыту.

— Сто-о-я-я-яты!... Стой...

Немного погоды Фока припускаетъ собакъ къ корму. Начинается хляскъ и бурчанье.

— Евланъ! снеси щенкамъ мяса... да ты смотри, поберегай его... Соколъ! Шевелишка! Задорка! На! тпбр-руцы!... Чтѣ за оказія? Сухари... овсянка... наваръ... не жрутъ, волкъ ихъ кола! А я знаю, чтѣ: вчера поздно приѣхали съ поля... да навормили... Собаки еще не перевадились... Евланъ! приברי говядину-то!... Вонъ самъ (баринъ) ѣдетъ! онъ приказывалъ, чтобы говядины и званія не было! А тсго не знаетъ, что безъ мяса ее (собаку) не поправишь... Развѣ она воду-то будетъ трескаться безъ навару? Да ты, важется, въ землянкѣ-то ужъ выпилъ.

— Маленько пропустилъ.

— Не показывайся ему теперь на глаза! Залѣзь ступай подъ котель, да и сиди ужъ тамъ; а я скажу, что ты пошелъ обѣдать.

Евланъ скрывается въ землянкѣ. Является баринъ. Онъ привязываетъ лошадь къ избѣ и идетъ къ Фокѣ, держа въ рукѣ арапникъ.

— Кормилъ куръ?

— Сейчасъ накормилъ.

— Какъ я не приѣду, все сейчасъ, да сейчасъ...

— Да чтѣ жь мнѣ вашего корму развѣ жалко?

— Корми!...

Фока беретъ корыто съ моченымъ хлѣбомъ.

— Зови куръ!

— Цыпъ, цыпъ, цыпъ...

— Чтѣ же онѣ не идутъ?

— Вѣдь я же вамъ говорилъ, что кормилъ! вольно же вамъ не вѣрить!

— Ну, чтѣ собаки?

— Собаки ничего!

— Вѣдь скоро ѣхать: ихъ надо подмазывать... а то ихъ блохи совсѣмъ одолѣютъ... и начнутъ на баладаикѣ играть съ припѣвомъ. Ужъ это знай, несмотрянье, да неглядѣнье ваше!...

— А вотъ я жилъ у Короткаго, и знатъ не знавали подмазывать собакъ. И собака всегда чистая, исправная: съ листикомъ играетъ!

- Гдѣ жь борзныя?
- Отъ жару по чуланамъ забились. Я нарочно растворяю двери, пускай лежатъ, гдѣ хотять.
- Перебѣняйте чаще соломѣ... Сколько я вамъ говорилъ!
- Соломы въ волю.
- Гдѣ Евланъ?
- Пошелъ ко двору!
- Не отпустилъ ли ты его въ городъ пьянствовать? У васъ съ нимъ водятся шашни-то!
- Есть когда шататься! Я еще и не обѣдалъ, его поджидаю.
- Чтѣ жь у васъ землянка-то затворена?
- Притворили отъ собакъ.
- Отвори-ко! Ну, чтѣ жь ты копаешься?
- Да она у насъ туго отворяется: развѣ плотники дѣлали дверь? дроворубы! она отсырѣла... забухла... надо за топоромъ сходить!
- Да чортъ тебя возьми съ топоромъ!
- Баринъ отворяетъ ногой дверь и входитъ въ землянку.
- Это чтѣ за новость? посмотри-ко! онъ спитъ—надъ корытомъ и рыло свѣсилъ въ овсянку! Разбуди его!
- Евланъ! аль ты ошалѣлъ! а Евланъ!
- Че-е-го?...
- Вставай!
- Евланъ открываетъ глаза.
- Ты опять пьянствовать начинаешь?
- Никакъ нѣтъ, отвѣчаетъ Евланъ, расклевываясь надъ корытомъ головой, вымазанной въ овсянку.
- Я тебя обѣщался штрафовать, какъ будешь пить...
- Воля ваша! Я вины за собой не знаю. Отпустите, значить, ко двору... наймите иного... видно, я вамъ не слуга.
- Когда ты проспнешься, мы съ тобой поговоримъ. Вы тутъ только пьянствуете! обратился баринъ къ Фокѣ.
- И чортъ его знаетъ, когда онъ успѣлъ налпаться? Я пошелъ въ избу, онъ былъ ничего...
- Какъ же ты мнѣ говорилъ, что онъ пошелъ домой?
- Да что жь, мнѣ за нимъ смотрѣть, что ль? Развѣ я за нимъ нанялся ходить?
- Въ это время въ землянку вошелъ охотникъ Андрей съ огромными усами. Онъ молча прислонился къ притолежѣ; видя, что разговоръ барина съ Фокой приблизился къ концу, Андрей началъ:
- Утро, сударь, важное! създили бы въ Козы — гоньбу послушали бы!

— Ну, зачѣмъ же дѣло стало? Сѣдлай!

— Вѣдь собакъ накормили! Что жъ вы съ вечеру не призывали? сказалъ Фока.

— Молчи! дѣлай, что говорятъ.

— Дѣлай... Гнать не будутъ! Ну, какая гоньба? только лошадамъ хвосты мять? Евланъ пьянъ, отлучиться не отъ кого; а какая сдѣлается на псарнѣ погрома — отвѣчать тогда кому? все-таки мнѣ.

— А ты, заговорилъ Андрей: — пошли-ка свою жену посидѣть на псарнѣ...

— Пошли ты свою!

— Я не нанимаюсь за собаками смотрѣть; мое дѣло съ борзыми въ полѣ... а саранча (гончія) на твоей шеѣ!

— Да мнѣ что жъ? Ъхать, такъ ѡхать.

— Смотрите, сказалъ баринъ: — бросайте съ вершины... первый разъ гончихъ не морите! круга три дадутъ и домой.

— Что вы все учите? вриннулъ Фока: — мы свое дѣло знаемъ! ѡхали бы съ ними сами!

— Тебѣ ничего и приказать нельзя? А не знаешь: дѣлай мое дурное, да не свое хорошее!...

— Да это сударь не ваше дѣло! ваше дѣло слушать гоньбу... Если не погонять, не давайте жалованья. Вотъ, какъ я надѣюсь въ собакахъ!

Мѣщанинъ ведетъ лошадь.

— Что жъ, засталъ мужика-то? спросилъ Фока.

— Засталъ! посмотри, братъ, какого мерина отхватилъ! Онъ у васъ мѣсяць проработаетъ.

— Куда зря! лошади у насъ запасныя есть, торопиться не будемъ: ходить, да ходить, покуда паръ вонъ!

— Да шкура-то нужна... наши въ Болховъ ѡдутъ; она при партіи сошла бы.

— А когда такое дѣло — раздѣнемъ... Евланъ!...

Раздаются звуки роговъ... Собаки несутся къ барину, который кричитъ:

— Шевелишка! Стрѣлка! Задорка... отряжь... въ ста-аю!...

— Въ ста-а аю!... повтораєтъ Андрей.

IV.

Охота на зайцевъ.

Быль зимній, морозный день. Баринъ лежалъ въ постели, глядя въ потолокъ. Въ дверяхъ стояли два охотника въ полушубкахъ.

— Чтѣ жь мы сидимъ дома? спрашивалъ Андрей: — надо куда нибудь ѣхать! мѣсяцъ исполнился, и морозы выдерживаютъ...

Баринъ молчалъ.

— Онь (заяць) теперь въ полѣ не задержится; живо приватить кормиться... не успеешь сѣсть. Ночи дѣроги, что ваши гончія!

— Съ гончими, подхватилъ Фоа: — только мучиться надо! придешь домой, и ногъ подъ собой не слышишь! а на свирдѣ убьешь вдвое больше... Были бы зайцы, а то два воза привеземъ.

— Ужь я знаю ваши два воза! Возьми же бѣлоглазка (лошадь); да смотрите, чтобъ ее у васъ не укралъ...

— Будемъ, авось, стоять у хозяина. Вѣдь мы ѣдемъ охотиться, а не мерина караулить. Если чтѣ случится, овъ (хозяинъ) съ двора не сбѣжитъ.

— Какія же мѣста будете захватывать?

Андрей переступилъ съ одной ноги на другую, взялся рукой за притолку и началъ:

— Вотъ, благослови Господи, первую ночь будемъ спдѣть, помните, я вамъ показывалъ, на большой бѣлевской дорогѣ, не доѣзжая господской усадьбы, большое гумно, обсаженное ветелками... прибоистое мѣсто! мужики связываютъ: зайцевъ пропасть! Переночевавши, судуръ, передвинемъ версть десятокъ — въ роднѣ!... оттуда жена моя! она говорила, что охотниковъ нѣтъ никого... такъ надо понимать: заяць держится... ну, да у бабы толку не отберешь, а вотъ сами поѣдемъ, все равнюхаемъ.

— Я тоже знаю мѣсто! только что попасть туда трудно! правящихъ никого не пускаетъ... Вы, пожалуйста, сударь, записочку къ нему.

— Записочку! подхватилъ сердито Андрей: — пришли ночью, сѣли, выбили до шпенту, да тѣмъ же слѣдомъ и домой!... а тамъ спрашивай, кто былъ, откуда, да чьихъ господъ!... Позвольте, сударь, взять Выжыгала (собака). Бываетъ, ночью подстрѣлишь, а бросить жалко... днемъ добьемъ...

— Возьмите, да не пропейте его въ кабагѣ.

— Вы обижаете! Покуда мы у васъ служимъ, до тѣхъ поръ вы и охотитесь. Вашего ничего не пропадало; живемъ третій годъ, все, кажется, сохранно, а вы всегда попрекаете пьянствомъ.

— На это жалованье, добавилъ Фоа: — только въ пору семью прокормить. А водку пьемъ, когда человекъ подносить... не отказываемся!

— Знаю я ваши басни! Возьмите тулупы.

— Куда жь безъ тулуповъ ѣхать? Еслибы не тулупы, пропадать надо! На дняхъ я видѣлъ два столба на небѣ... старые люди говорятъ: умясть великъ морозъ будетъ!

— Третьяго-дня небо вызвѣдало! замѣтилъ Андрей: — а ужъ это вѣрная примѣта: на морозъ поворачивается...

— Какъ же мужики-то охотятся? Платишко дырявое, а терпаты!

— Гдѣ жъ ему супротивъ насъ высидѣть? возразилъ Андрей: — я ужъ какъ сяду, такъ покуда луно станеть (разсвѣтеть), сойду со скирда... А онъ (мужикъ) придетъ, носидитъ часть-другой, распуститъ слюни, да и бѣжитъ домой, на печку!

Баринъ остается одинъ. Охотники скрипятъ подъ овномъ у крыльца.

— Дыжи-то возьми, слышится голосъ.

— Свои я взялъ. А ты бери собаку, да укутай ее попоной. Надо спѣшить, на дворѣ не рано. Приѣдешь на мѣсто, обогрѣешься, да и на *сидку*...

— Успѣемъ! Лошадь господская, ни чорта ей сдѣляется...

Охотники уѣзжаютъ. Вечерѣть. Солнце прячется за лѣсомъ. Вотъ проселочная дорога съ вешками, соломенными пучками, опушенными инеемъ; стадо овсанокъ слетаетъ съ дороги, опускается впереди лошади, и снова слетаетъ... Лѣсокъ въ сторонѣ съ крикомъ воронъ; охотники спускаются подъ гору... дымится въ лошинѣ винокуренный заводъ, избы покрыты снѣгомъ; охотники спускаются на замерзшій прудъ, сани раскатываются; собака спокойно посиживаетъ въ санахъ, положивъ голову на градеу; ледъ трескается, и трескъ убѣгаетъ въ самый конецъ пруда, постепенно ослабѣвая.

Смерклось. Охотники вѣзжаютъ въ деревню; въ окнахъ свѣтятся огни. Стоять у сараевъ пустыя сани съ поднятными оглоблями.

Охотники стучатся въ окно.

— Хозяинъ!

— Че-е-го?

— Выдъ на сѣнцы!

Въ избѣ разговоръ вполголоса:

— Матренъ! кто тамъ?

— Кто ихъ знаетъ... Это, должно, не наши.

— Да что жъ имъ надо?

Охотники кричать:

— Пустите переночевать! вѣдь это, значить, замерзнуть надо.

— Вы чьи?

— Изъ Тетеряна, бабушка. А что, Антошъ живъ?

— Живъ; да кто вы такіе?

— Мы у васъ прошлый годъ стояли... нешто забыли?

— Да вы подите къ сосѣду попроситесь! отозвался мужицкій голосъ.

— Экой чудаки! да аль забылъ охотниковъ-то? Андрюшку помнишь?

Молчаніе. Мужикъ хлопаетъ деревяннымъ засовомъ, и является въ одной рубахѣ передъ охотниками.

— Здорово, Антонъ! говорилъ Андрей:—пусти переночевать...

— Братъ! Скотинишки много на дворѣ: тѣснато будетъ...

— Да намъ одну ночь только, а ужъ двѣ—нѣзь глазъ вонь!

— Ну, что жь? почесывась говорить хозяинъ:—вѣзжайте.

Охотники входятъ въ избу.

— Здорово, хозяинъ! Холодненько на дворѣ! насылу доѣхали. Ну, что, хозяинъ, есть у васъ зайцы?

— А кто жь ихъ знаетъ? Ребята гуторятъ, какъ ни пойдутъ молотить, одного или пару выгонять. Стало-быть, есть...

— Ну, и ладно. А нѣтъ ли у васъ хлебнуть чегонибудь горяченькаго?

— Старухъ, влей имъ щецъ! да всыпь кашки.

Охотники садятся за столъ.

— Хозяинъ, а сѣно у тебя есть?

— Есть!

— Небойсь дорого?

— Продаемъ двадцать-пять копеекъ.

— Ассигнаціями?

— На серебро!

— Ты взбѣлся!

— Вотъ тебѣ и взбѣлся... ты знаешь, сѣну неурожаи былъ.

— Ну, когда такое дѣло, брось нашей лошади соломки. Фока! надо торопиться!...

— Зачѣмъ же дѣло?

Гумно. Ночь тихая, морозная. Свѣтитъ луна. Охотники идутъ мимо сирдовъ.

— Заячьишки есть! тихо говоритъ Андрей:—вонъ маликъ (слѣдъ) пошелъ около изгороди... Смотри, куда онъ свернетъ? Стой! да онъ прыгнулъ?

— Куда прыгнулъ?

— Аль на тебѣ куриная слѣпота? да вонъ... Ну, толковать теперь нечего; ты садись противъ этого сарая, а я здѣсь, вотъ сирды-то разобраны: откуда онъ (заяцъ) ни забѣжитъ, все на

кого нибуть навернется... онъ любить на дорожкѣ шишкольничать (кормиться). Не забудь, колосиковъ покидай: онъ позадержится; да садь поаккуратнѣй, чтобъ тѣнь не падала на снѣгъ, а то и будетъ поодаль держаться и нескоро его въ мѣру дождешься. Обойди сперва скирдовникъ, да посмотри ходъ, а я посмотрю отъ изгорода.

Охотники расходятся, и черезъ вѣскольво минутъ сходятся опять.

— Ну, братъ! какъ скотина! дороги вонъ какия понадѣлали! весь скирдовникъ приеложень! напали на зайцевъ! Теперь садись; смотри, не зѣвай... далеко не бей.

— Будеть учить то! Эта грамота намъ извѣстна!

Охотники влѣзають на скирды и обстанавливаютъ себя снапами. Настаетъ мертвая тишина. Только изрѣдка гдѣ-нибудь треснетъ сукъ на деревѣ.

Утро. Опять вѣба мужива.

— Прощай, хозяинъ!

— Маловато дала-то, говоритъ съ палатей хозяинъ: — прибавьте гривну...

— Въ другой разъ... Самимъ на дорогу мало... гдѣ-нибудь заѣдемъ въ кабакъ—погрѣться.

— Ну, дай Богъ счастливо! Чтѣ жъ, много убили зайцевъ?

— Всѣ наши!

Въ полѣ бушевала вьюга. Въ деревняхъ все безвыходно сидѣло дома; по улцамъ неслись одинъ за другимъ столбы снѣжной пыли... шумѣлъ, какъ море, вѣтеръ... скрипѣли обветшалыя и распатанныя ворота... Нигдѣ ни одной птицы, ни одного живого существа... Стоитъ, какъ въ туманѣ, бѣлая сельская церковь, окруженная могильными памятниками, чрезъ которые несетса вѣеромъ снѣгъ; вороны и сороки забились подъ сараи; на поляхъ показываются одни волки, осторожно пробираясь къ деревнямъ. Вотъ стоитъ въ полѣ одинокій кабакъ: окна и дверь занесены снѣгомъ. Къ кабаку подъѣзжаютъ охотники.

— Хозяинъ! отпирай!.. Пригрѣлся на печкѣ-то!..

Между тѣмъ баринъ, прислушиваясь къ вою вѣтра, лежитъ въ постели; его глаза устремлены на шкуры лисицъ, висящихъ на стѣнѣ. Въ передней стоитъ лакей, отъ скуки покашливая и поглядывая въ окно, въ которое свѣчетъ мачель.

— Илья! вьюга не перестаетъ?

— Никакъ нѣтъ-съ!..

Шаги лакея издали-было стучъ, но вдругъ опять все замолкло.

— Боже мой, Боже мой! проговорилъ баринъ, доставая съ ночного столика папироску.

Лакей, услыхавъ вздохъ барина, вздохнулъ.

По стѣнкѣ шаркнула спичка, баринъ закурилъ папиросу, и его затылокъ снова утонулъ въ подушкѣ...

Подъ окнами раздался скрипъ саней. Лакей подбѣжалъ къ окну.

— Илья! крикнулъ баринъ:—что ты тамъ?

— Охотники пріѣхали-съ.

— Зови ихъ сюда.

Съ шумомъ входятъ охотники, неся на плечахъ зайцевъ.

— Ну, что? какова была охота?

Андрей, обтирая лицо полой тулупа, заговорилъ:

— Охота бы, сударь, и ничего, да погода помѣшалась. Оттуда едва доѣхали... какъ поднялась курь, вьюга—свѣту божьяго не видать! И еслибы не знакомыя мѣста, замерзать надо! ничего не подѣлаешь! И то два раза сбивались съ дороги. Пріѣхали, первую ночь русаковъ съ десять убили. Да волкъ, каторжный, помѣшалъ. Мы съ нимъ долго провозжались. Не успѣлъ я съѣсть, смотрю—катитъ (заяцъ). Я его далеко еще замѣтилъ. Ночь лунная, все равно какъ день. Издали какъ клубокъ катится, и сѣлъ на валу. Я приложился... Смотрю—завертѣлся! Не прошло этакъ четверть часа—пара бѣжить!

Андрей началъ воодушевляться. Баринъ приподнялся на постели.

— Вотъ я и выжидаю, покуда они дружка съ дружкой сойдутся, чтобы ихъ однимъ зарядомъ свалить... держу ихъ на цѣли! глядь—волкъ! Загорѣлись мои зайцы въ поле (убѣжали). А по закону—надо бы бить, ну, прозѣвалъ... волкъ тоже пропалъ. Мѣсяцъ взошелъ высоко, стала меня одолевать дремота; смотрю, что-то по соломѣ шуршитъ... Я приготовился! Гляжу—собака-несобака, думаю себѣ: вотъ онъ, голубчикъ! Приложился—взялъ вѣрно... и чортъ его знаетъ, какъ перевесъ зарядъ! Захватить-то—захватилъ, да не всѣмъ зарядомъ! Стало разсвѣтать. Подобрали мы зайцевъ, а сами пошли смотрѣть слѣдъ волка. Фоку послалъ за Выжигаломъ на квартиру, а самъ тѣмъ временемъ увязался слѣдомъ, прошелъ съ полверсты—крови какъ изъ борава! Бросили собаку!... она начала добираться... а ужъ про собаку, сударь, вамъ говорить нечего! Звѣрогонъ! только было бы по чемъ гонять... Погнала! Я и говорю Фокѣ: ты останься на скирдѣ; смотрю, онъ (волкъ) своимъ слѣдомъ обратно и несется. Завидѣлъ меня, сталъ миновать... побочился отъ меня... Уларилъ! волкъ смѣшался... да дробь-то лядащая! вѣдь говорилъ я, картечи взять: конецъ бы ему былъ давно. Справился—и прямо

полетѣлъ въ скверы, слышу — выстрѣлъ! Я сейчасъ полупшубокъ долой, шапку сбросилъ... бѣгу... зарьялъ (усталъ) хуже собаки. Кричу Фокъ: убилъ, что-ль? Не слышать. Убилъ, что-ль?—Убилъ!

— Что жь, старина? спросилъ баринъ.

— Матерный, сударь; лобачь здоровый!

— Ну, остальные ночи какъ?

— Я жь вамъ докладываю: поохотились бы, еслибы погода постоила. Тутъ такая поднялась подзѣмка! и сверху и снизу крутить, да ина, поди! а то бы мы нескоро отыскались. (Молчаніе). Передрогли, судары!...

— Илья! налей имъ водки!

Илья достаетъ изъ-подъ стола бутылъ.

— За ваше здоровье, сударь! прикажете идти ужинать?

— Собаку кормили?

— Собака сыта.

Охотники втащили въ переднюю волка и отправились на псарню. Ложась на печку, Андрей говорилъ:

— Ну, братъ, глухоту изъ ногъ выбили! стали сказываться...

На дворѣ гудѣла выюга...

У.

Пчеловиты.

Къ многочисленному отряду уѣздныхъ мѣщанъ, занимающихся мелкою торговлею, огородничествомъ, *стиманіемъ* въ лѣтнее время садовъ, разъѣздами по деревнямъ съ красными товаромъ, принадлежать и такъ-называемые пчеловиты, которые, хотя и напоминаютъ трилобитовъ, членистыхъ животныхъ силурійской эпохи, и, можетъ быть, раздѣляютъ съ ними одно и то же значеніе, какъ произведенія природы, но отличаются отъ силурійскихъ трилобитовъ тѣмъ, что они, какъ показываетъ ихъ названіе, занимаются битьемъ пчелъ на пасѣбахъ.

Кто не знаетъ въ уѣздѣ пчеловитовъ? Лишь только въ какомъ-нибудь селѣ повзаетъ телега съ кадушками, въ которыхъ водружены высокія весла, и надъ которыми всегда вьются пчелы, лишь только сельскіе жители завидятъ двухъ мѣщанъ (очень похожихъ своими замазанными рубашками и штанами на хохловъ), тихо идущихъ по бокамъ телеги — всѣ кричатъ: «пчеловиты! пчеловиты ѣдутъ!...» Въ это время громко лаять собаки, а пчеловоды приготовляются встрѣчать дорогихъ гостей.

Впереди пчеловитовъ идетъ хозяинъ, одѣтый въ хорошія суконныя сюртукъ; у него въ карманахъ двѣ бутылки воды, а въ головѣ зрѣютъ дипломатическіе замыслы...

Пчелобиты развѣзжаютъ по селамъ и деревнямъ всегда въ іюлѣ мѣсяцѣ, во время рабочей поры, когда пчелы перестали роиться и молодые рои давно сидятъ въ ульяхъ, занесяши меду «по вторые кресты», то-есть почти до половины улья.

Въ это время въ крестьянскихъ избахъ никого не бываетъ, кромѣ висащихъ въ люлькахъ младенцевъ, оставленныхъ на съѣденіе мухамъ. Поэтому, пчелобиты во время дня вѣдаютъ по помѣщикамъ, приващикамъ, пошамъ, у которыхъ водятся пчелы, а вечеромъ, зорькой, всегда пируютъ на какой-нибудь мужицкой пасѣкѣ, когда крестьяне начнутъ приходиться съ полей домой.

Стоитъ жара. Вездѣ отворены окна. Пчелобить-хозяинъ является въ одномъ семействѣ, и застаётъ мирную, домашнюю картинку: хозяйка вяжетъ чулокъ; ея дочь сидитъ у окна за пальцами; на полу валяются нитки, лоскутки ситца и бумаги, клубокъ, съ которымъ заигрываетъ котёнокъ; на всю комнату стучитъ маляникъ. Пчелобить вѣжливо раскланивается хозяйкѣ и говоритъ:

— Маменькѣ наше почтеніе! барышнѣ мое почтеніе... здоровы ли, маменька! гдѣ же батюшка?

— А онъ на пасѣкѣ. Сейчасъ придетъ... Давненько вы у насъ не были! гдѣ это васъ носило?

— А гдѣ носило? Были мы, стало быть, въ Кобылинкѣ, у Егора Иваннча... а тамъ, стало быть, заѣхали въ Крюково, пудика четыре наломали.

При этомъ, пчелобить становится на столъ двѣ бутылки воды, заткнутыя соломой, что придаетъ водѣ какую-то особенную свѣжесть въ глазахъ деревенскихъ пьяницъ.

Между тѣмъ, телега съ кадушками останавливается противъ оконъ на дорогѣ.

Приходить хозяинъ.

— Ну, что? надувать пріѣхалъ?

— Вотъ ужъ и надувать! Господи! не дадутъ человѣку опомниться! Батенька! пожалуйста-ко водочки...

— Да что жъ безъ толку пить? Садись! и такъ великъ выросъ!

Мѣщанинъ садится. Хозяинъ глубокомысленно спрашиваетъ:

— Почему?...

Мѣщанинъ негромко отвѣчаетъ:

— Да вѣдь Господь строитъ цѣны!

— Э! пошелъ ты!

— Маменька! одолжите рюмочку...

Является рюмка и ломоть хлѣба.

— Батенька! Пожалуйста...

— Да что жъ, говорю, безъ толку пить!

— Господи! да мы разя для ради чего нибудь прочаго? мы,

значить, за прежнюю хлѣбъ-соль! За старое пріятство! У насъ изстари съ вами знакомство! еще покойникъ тятенька ѣзжалъ къ вамъ пчель-то ломать... Пожалуйте-ко!... Прошу покерно!

— Что-то, братъ, голова болитъ!

— А болитъ, такъ надо выпить, она и пройдетъ!

Хозяинъ выпиваетъ и морщится.

— Другую, другую, другую!... Не отрывайте!...

Хозяинъ беретъ за другую. Его жена замѣчаетъ:

— Ну, вотъ!... пошелъ теперь ошарашивать!...

— Подъ руку не подговариваютъ, отвѣчаетъ хозяинъ, и начинаютъ пить.

— А вы, маменька, подтверждаетъ мѣщанинъ: — подъ руку точно не подговаривайте!... Господь съ ими!... Кушаютъ, да кушаютъ себѣ на здоровье! .

— Ну, такъ какъ же? почему цѣна-то?

— Да вотъ, въ Крюковѣ ломали по четыре съ полтиной.

— Пошелъ!... вѣдь начнетъ брехать!

— Чего? вотъ дай Богъ сейчасъ на ѣвтомъ мѣстѣ исчезнуть... ей-ей, четыре съ полтиной...

— Ну, а я не отдамъ за эту цѣну.

Въ это время, мѣщанинъ подбѣгаетъ къ маленькой дѣвочкѣ, стоящей подлѣ матери, и вынимая ей изъ кармана пряникъ, говоритъ:

— Барышнѣ гостинчикъ!... Возьмите, сударыня.

Дѣвочка прячетъ голову.

— Возьми, возьми! говорить мать.

Все семейство умиляется.

— Ну, такъ что же? какъ дѣла? спрашиваетъ опять хозяинъ.

— Эхъ, Семень Семенычъ! восклицаетъ мѣщанинъ: — охота вамъ толковать! Ну, сочтемся, и разговоръ весь... развѣ намъ въ первѣй...

— Ну, когда такъ, пойдѣмъ на пасѣву — хоть поглядимъ.

— Это дѣло.

— Послушайте, почтенный, говорить хозяйка: — какъ это вашу лошадь не заѣдятъ пчелы?

— Таковую, маменька, выбираемъ — самую старую... у ней кожа толстая... А какъ же мы-то терпимъ? До свиданія!

Но вотъ солнце начинаетъ прятаться за горой. Пчелобиты ѣдутъ въ лѣсъ на мужицкую пасѣву. Пчеловодъ съ сѣткой на лицѣ, сидитъ близъ улья и «подрѣзаетъ пчелъ».

— Помогай Богъ, Кириль Сидорычъ!...

— А! господа честные! пожалуйста въ шалашекъ, а то васъ тутъ пчелы побезпокоятъ...

— Ничего! наше дѣло привычное. Компанія собирается въ шалашѣ. Пчелобить становить двѣ бутылки воды на столціи пустой улей.

— Какъ же, говорить мужикъ, снимая съ себя сѣтку: — надо за хозяйкой сбѣгать; она намъ дастъ закусить хлѣбушка.

— Не безпокойся! Мы къ ней сейчасъ заѣзжали; она мигомъ придетъ. — Ну, какъ твои мушки (пчелы)?

— Мушки новѣшній годъ не то, чтобы хороши, да и не плохи! Гнѣвить Бога нечего! ройка была хорошая.

— Ну-ко, Кирилъ Сидорычъ, послѣ трудовъ-то выпей!

— Начинайте перва сами! а я поставлю медку закусить... Ну, вотъ и хозяйка пришла!

Вошла баба въ бѣлой занавѣскѣ и красномъ платкѣ; видно было, что она приварядилась для гостей.

— Ну-ко, Мавра! давай намъ что-нибудь къ водкѣ.

Мѣщанинъ выбѣжалъ изъ пасѣки, и вскорѣ явился съ новыми башмаками и блестящими серьгами, которые поднесъ бабѣ.

Минуть черезъ десять шла такая бесѣда:

— Кирилъ Сидорычъ! Понимаешь? Хлѣбъ-соль у насъ съ тобою изстари заведена, стало быть, удовольствія одна!... Ну-ко! Жарь!

— Никита Петровичъ! мы, значитъ, завсегда вами довольны! Жена! ты получила подарокъ? Что жь тебѣ еще надѣть?

— Кирилъ Сидорычъ! поди же, покажи, какіе ульи-то брать.

— Бери любые! Тебѣ сказано! Я самъ себѣ хозяинъ, и нието надо мной не властенъ. — Вали любой! дай богъ часть!..

Два пчелобита, надѣвъ сѣтки, рукавицы, съ ножами въ рукахъ, приступили къ операціи. Они повалили улей, вскрыли его, и начали «бить пчелъ», погружая свои ножи въ улей съ тѣмъ хладнокровіемъ русскаго человѣка, съ какимъ онъ бьетъ обухомъ по головѣ корову, доврчиво глядящую на него...

Между тѣмъ, пьяный мужикъ кувыртался посреди пасѣки, и кричалъ: «попьемъ!... погуляемъ!» А пчелобиты дѣлали свое дѣло, опорожняя ульи.

Н. Успенскій.

ПОЛМИЛЬОНА.

РОМАНЪ МИССЪ АМЕЛИИ ЭДВАРДСЪ.

Часть вторая.

VII.

ИСКУСТВО РЕАЛИЗИРОВАТЬ КАПИТАЛЪ.

Немудрено, что Саксена нигдѣ не могли найти, и что было довольно поздно, когда онъ возвратился въ домъ. Заточеніе его продолжалось болѣе часа, и когда мисъ Ривьеръ наконецъ встала и удалась, ему пришлось пройтись совсѣмъ въ другую сторону, чтобы имѣть возможность объяснить свое отсутствіе далекой прогулкою.

Но едва явился онъ въ гостиную, какъ графъ увелъ его въ кабинетъ сньюра Колонны и оставилъ его тамъ. Итальянецъ встрѣтилъ его съ распростертыми руками, а Олимпія, прилежно писавшая что-то, взглянула на него и улыбнулась.

— Чтѣ мнѣ сказать вамъ, мистеръ Трефольденъ? воскликнулъ Колонна:—какъ мнѣ благодарить васъ?

— Помилуйте! не за что, застѣнчиво возразилъ Саксенъ.

— Какъ, не за что! такая, можно сказать, царственная щедрость...

— Право, я былъ бы вамъ премного обязанъ, еслибы вы были добры неупоминать объ этомъ, прервалъ его Саксенъ.

— Вы можете меня заставить молчать, мистеръ Трефольденъ; но каждое благородное сердце въ Италиіи будетъ васъ благодарить.

— Надѣюсь, что нѣтъ, потому что я не заслуживаю благодарности: я думалъ только о томъ, чтобы угодить мисъ Колоннѣ.

— Въ такомъ случаѣ надѣюсь, что ей по крайней-мѣрѣ вы позволили отблагодарить васъ какъ слѣдуетъ, сказалъ итальянецъ, съ добродушной улыбкой поглядывая то на Саксена, то на дочь. — А теперь, позволите ли вы мнѣ сдѣлать вамъ одинъ вопросъ?

— Сдѣлайте одолженіе—хоть тысячу.

— Вы дали намъ чекъ на очень большую сумму, сказала Колонна, и взявъ бумагу съ конторки, пробѣжалъ ее глазами:— на сумму до того значительную, что я невольно усумнился, будетъ ли банкиръ вашъ въ состояніи уплатить ее тотчасъ по предъявленіи чека. По крайней-мѣрѣ рѣдко случается, чтобы даже такіе миліонеры какъ вы, мистеръ Трефольденъ, держали у банкировъ своихъ столько тысячъ наличными деньгами. Позвольте спросить, приняли ли вы это обстоятельство въ соображеніе?

Саксенъ усиленно вперилъ глаза въ чекъ, спрашивая себя, неужели Олимпія въ самомъ дѣлѣ удвоила сумму; но отлогость конторки не давала ему разглядѣть цифры.

— Я уже думалъ объ этомъ, возразилъ онъ съ тревожнымъ видомъ:— и... и я право боюсь, что...

— Что открытый вамъ кредитъ окажется недостаточнымъ для покрытія требуемой суммы, договорилъ Колонна, дѣлая краткую замѣтку на поляхъ чека. — Хорошо, что я спросилъ.

— Мнѣ очень жаль...

— Чего? Это не имѣетъ рѣшительно никакой важности.

— Я боялся, что...

— Я, конечно, не знаю, какъ и гдѣ помѣщены ваши капиталы, сказала Колонна:— но я во всякомъ случаѣ полагаю, что вамъ нелгдно будетъ перевести на имя Друммонда любую сумму, какая потребуется вамъ.

— Капиталы у меня въ государственныхъ бумагахъ — то-есть по большей части, поправился Саксенъ, вспомнивъ о «новомъ, сухопутномъ обществѣ желѣзной дороги и пароходства».

— О, такъ вамъ стоитъ только реализовать ихъ. Ничего нѣтъ легче.

Ничего нѣтъ легче! Бѣдный Саксенъ!

— Вамъ, впрочемъ, пожалуй, придется пробѣжаться въ городъ, прибавилъ Колонна. — Кстати, кто вашъ маклеръ?

Но-Саксенъ даже не зналъ, что такое маклеръ.

— Деньгами моими распоряжается мой родственникъ, сказалъ онъ:— мнѣ надо отправиться къ нему, чтобы все это устроить.

— Мистеръ Трефольденъ, что имѣетъ контору въ Чансерилентъ?

— Именно.

Синьоръ Колонна и дочь его переглянулись.

— Не вижу, зачѣмъ вамъ беспокоить вашего родственника въ этомъ случаѣ, сказалъ итальянецъ послѣ минутнаго колебанія.

— Какъ-такъ?

— Потому что стряпчему нѣтъ рѣшительно никакого дѣла до перевода капиталовъ. Онъ можетъ только обратиться отъ вашего

имени къ маклеру. Почему же вамъ самимъ отъ себя не обратиться къ маклеру? Это будетъ гораздо проще.

— Я не думаю, чтобы это было приятно Вильяму, нервѣшительно замѣтилъ Саксенъ.

— Извините за нескромный вопросъ; но хорошо ли, что вы до такой степени подчиняетесь мнѣнію вашего родственника? Не поддадите ли вы ему этимъ поводъ считать себя вправѣ присвоить себѣ нѣкоторымъ образомъ контроль надъ вашими дѣйствіями?

Саксенъ промолчалъ. Онъ очень хорошо зналъ, что его родственникъ давно присвоилъ себѣ этотъ контроль, и что онъ, Саксенъ, вполнѣ подчинился ему, но ему не хотѣлось открыто въ этомъ сознаться.

— Настоящій случай, продолжалъ синьоръ Колонна: — совершенно особая статья. Родственникъ вашъ не особенно расположенъ къ нашему дѣлу. Въ жизнь свою онъ грошема не пожертвовалъ для Италіи, и на ваше благородное приношеніе взглянетъ вѣроятно съ враждебной точки зрѣнія. Зачѣмъ же это дѣло повергать на его судъ? Если онъ отнесется къ нему съ неодобреніемъ, вѣдь вы же не возьмете назадъ своего обѣщанія?...

— Ни въ какомъ случаѣ! поспѣшно вставилъ Саксенъ.

— А упорствомъ своимъ вы его оскорбите. Послѣдуйте моему совѣту, любезный мистеръ Трефольденъ, и дѣйствуйте сами за себя.

— Но я не сѣмью дѣйствовать самъ за себя, возразилъ Саксенъ.

— Я васъ всему научу. Я васъ познакомлю съ моимъ пріателемъ, синьоромъ Наццари, что въ Остин-Фрайерсѣ. Онъ итальянскій еврей, званіемъ маклеръ, и вполнѣ заслуживаетъ ваше довѣріе.

Саксенъ поблагодарилъ Колонну, но въ душѣ былъ встревоженъ, и это выразилось на его лицѣ. Предложеніе синьора Колонны въ высшей степени соблазняло его. Ему крайне не хотѣлось объявлять своему родственнику о томъ, что онъ сдѣлалъ, зная, что его настоящій поступокъ разсердитъ его еще въ десять разъ больше, чѣмъ дѣло съ Грѣторексомъ; но съ другой стороны онъ ненавидѣлъ всякій обманъ и двуличность.

— Но не выйдетъ ли это, какъ будто я не довѣряю Вильяму? спросилъ онъ черезъ минуту. — Скрытничать я не намѣренъ. Какъ хотите, только обманомъ дѣйствовать я не могу.

Синьоръ Колонна, въ это время записывавшій адресъ своего соотечественника на клочкѣ бумаги, при этихъ словахъ взглянулъ на Саксена и положилъ перо въ сторону.

— Любезный сэръ, сказалъ онъ: — я только совѣтую вамъ по-

ступить такъ, какъ поступаютъ всё въ подобныхъ случаяхъ. Ни одинъ страпчій не занимается мажлерствомъ.

— Оно такъ, однакоже...

— Это все равно, какъ еслибы вы послали за страпчимъ въ бо-лѣзни. Ему оставалось бы только призвать доктора и сдать вась на его руки, точно также какъ въ настоящемъ случаѣ онъ можетъ только прислать вамъ майлера для размѣна вашихъ акцій.

— Право, не знаю какъ мнѣ быть! безпомощно воскликнулъ Саксенъ.

Итальянецъ нетерпѣливо взглянулъ на дочь; но Олимпія не отрывалась отъ своего писанія, и не поднимала съ него глазъ. Она отлично понимала, что отцу ея хотѣлось, чтобы она рѣшила вопросъ своимъ вмѣшательствомъ, но положила себя промолчать. Главное дѣло она приняла на себя и устроила его; до мелочныхъ подробностей она не хотѣла снизойти. И такъ Колонна долженъ былъ добиваться своей цѣли одинъ, своими силами, и онъ уговаривалъ Саксена до тѣхъ поръ, пока, если и не убѣдилъ его, то по крайней-мѣрѣ уломалъ.

Рѣшили на томъ, что на слѣдующій день Саксенъ и Воанъ отправятся въ городъ вмѣстѣ: миллионеръ для того, чтобы размѣнять свои бумаги, а майоръ — чтобы распорядиться деньгами по наставленіямъ снѣбора Колонны.

VIII.

Что случилось наканунѣ.

Было холодное, хмурое утро, совершенно непохожее на ясныя, золотистыя утра, предшествовавшія ему впродолженіе цѣлыхъ двухъ недѣль, когда Саксенъ Трефольденъ и майоръ Воанъ помчались въ Лондонъ на почтовомъ поѣздѣ, отходившемъ съ седжбрукской станціи въ девять часовъ сорокъ-пять минутъ.

Они одни занимали цѣлое отдѣленіе, и молча сидѣли другъ противъ друга, занятые каждый своими мыслями. Ландшафтъ по сторонамъ былъ самый скучный. Низко нависшій туманъ заслонялъ красивые суррейскіе холмы; паръ отъ локомотива сгущался на сыромъ воздухѣ и образовалъ почти неподвижные клубы, стоявшіе въ воздухѣ на цѣлѣ четверть мили, позади быстро удаляющагося поѣзда, и развѣсистые вязы, по мѣстамъ тянувшіеся почти вдоль самихъ рельсовъ, смотрѣли призрачно и уныло. Словомъ, это былъ именно одинъ изъ тѣхъ дней, которые любятъ описывать французскіе романисты, въ своихъ повѣствованіяхъ объ Англій и англичанахъ, одинъ изъ тѣхъ дней, когда воздухъ тяжелъ и небо сѣро, и сѣръ

Смитъ (молодой, богатъ, красавецъ, но снѣдаемый сплиномъ) отправляется на Примроз-Гилль, и спокойно зарѣзывается.

Если самый день былъ скученъ, то и путешественники были не менѣе скучны. Саксенъ въ душѣ былъ порядочно встревоженъ, а у Воана въ головѣ роились мрачныя, горькія мысли. Онъ сидѣлъ нахмуренный, прикусывая концы своихъ длинныхъ усовъ, оставивъ глаза въ коврикъ, лежавшій подъ его ногами, а умомъ и сердцемъ снова переживалъ то, что происходило наканунѣ, вечеромъ, въ гостиной леди Кастельтауреръ—переживалъ каждое слово, каждый взглядъ, все какъ было—переживалъ въ сотый разъ, и съ каждымъ разомъ воспоминаніе о роковыхъ минутахъ глубже и глубже вжигалось въ его душу.

Вотъ что происходило, и какъ все случилось.

Обѣдъ кончился, кофе былъ поданъ, и майоръ Воанъ пробрался къ уютному уголку, подъ лампою, гдѣ сидѣла Олимпія и читала. Онъ живо помнилъ, какимъ именно освѣщеніемъ свѣтъ падалъ на лицо ея сверху, и какъ она подняла глаза съ милой улыбкою, когда онъ сѣлъ возлѣ нея.

Они разговорились. Онъ сперва просилъ ее извинить за то, что рѣшился беспокоить ее, потомъ спросилъ, не имѣетъ ли она порученій въ Италію. Она отвѣтила, что единственное ея порученіе относится къ нему самому, и заключается въ томъ, чтобы онъ храбро сражался, чему нѣтъ никакой нужды учить такого неустрашимаго воина, и возвратился бы цѣль и невредимъ, когда правое дѣло одержитъ побѣду. И вдругъ, то, что онъ твердо рѣшился не высказывать никогда, прихлынуло изъ его сердца къ устамъ съ такою силою, что онъ, самъ не зная какъ, спросилъ, будетъ ли для него хоть какая-нибудь надежда, когда все кончится благополучно.

— Надежда? повторила она:—надежда на что, майоръ Воанъ?

Тогда, въ немногихъ, сильныхъ, задушевныхъ словахъ, онъ высказалъ ей, какъ онъ ее любитъ, и что для того, чтобы сдѣлать ее своею, онъ готовъ терпѣть все, идти на все. Но она, глядя на него съ какимъ-то грустнымъ удивленіемъ, отвѣчала ему, что это му не бывать.

Ему и не снилось никогда, чтобы бывать. Тысячу разъ онъ твердилъ себѣ, что было сумасшествіемъ любить ее, что еще въдесятеро бдльшимъ сумасшествіемъ было бы открыть ей свою любовь; а теперь, когда роковыя слова были сказаны, онъ не могъ заставить себя вѣрить, что они были сказаны напрасно.

Голосомъ, дрожащимъ отъ волненія, котораго онъ не въ силахъ былъ подавить, несмотря на всѣ старанія, онъ спросилъ, не мо-

жетъ ли время еще измѣнить ея чувствъ? и она, очень тихо и грустно, но и очень твердо, отвѣтила: *нѣтъ!*

Нѣтъ! Ему слышалась самая интонація, съ которою она произнесла это слово—какъ на послѣдней буквѣ его замеръ ея голосъ—слышался вздохъ, послѣдовавшій за нимъ. Онъ помнилъ и то, какъ онъ долго сидѣлъ и смотрѣлъ на ея руки, поковшіяся, слегка скрещенныя, на книгѣ, лежавшей у нея на колѣняхъ; какими тонкими и бѣлыми казались онѣ, отдѣляясь на аломъ фонѣ переплета; какъ хотѣлось ему, когда все было сказано, взять эти маленькія ручки въ обѣ свои и поцаловать ихъ, разъ, одинъ разъ, на прощаніе... Что жъ! все сказано, сдѣлано, кончено... кончено!

Онъ выглянулъ въ окно, устремилъ глаза въ сѣрый туманъ, и сталъ думать объ Италіи и жизни, полной тревогъ и дѣятельности, ожидавшей его тамъ. Онъ никогда особенно не былъ преданъ собственно «итальянскому дѣлу», а теперь менѣе, чѣмъ когда либо. Глаза Олимпія—вотъ «дѣло», плѣвившее его, и подобно многимъ другимъ, онъ прикнулъ къ Италіи только ради нея. Но теперь это не имѣло для него никакой важности. Ему нужно было развлеченіе, возбужденіе, и всякое дѣло, за которое нужно бы было выносить трудъ и подвергаться опасности, равно было бы для него нахождою.

Саксенъ, между тѣмъ, сиди въ противоположномъ углу вагона, перебиралъ въ головѣ много тоже не совсѣмъ пріятнаго. Вопервыхъ, онъ вовсе не былъ доволенъ собою прежде всего за роль, которую игралъ относительно своего родственника. Онъ никакъ не могъ отдѣлаться отъ мысли, что онъ поступаетъ съ нимъ скрытно, и эта мысль была ему невыносима. Повторныхъ, онъ чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко въ отношеніи къ мисъ Колоннѣ. Не то, чтобы онъ строго допрашивалъ себя о томъ, какого именно рода его чувство къ ней; но онъ вдругъ созналъ всю власть ея надъ нимъ, и почти съ испугомъ измѣрялъ, до какихъ крайностей можетъ довести его желаніе быть ей пріятнымъ. Вильямъ Тресфордъ когда-то сказалъ, что Олимпія способна просить его принять начальство надъ волонтерскимъ отрядомъ; но теперь въ немъ начинало возникать смутное сознаніе, что она способна просить еще и не того.

Сверхъ всего этого, онъ не могъ не вспоминать о своемъ приключеніи въ мавзолеѣ, и о томъ странномъ свиданіи между леди Кастельтауерсъ и мисъ Ривьеръ, котораго онъ былъ невольнымъ свидѣтелемъ. Печальное, молоденькое личико дѣвушки не давало ему покоя. Онъ непремѣнно хотѣлъ помочь ей, но ему нужно было посоветоваться съ кѣмъ нибудь о томъ, какъ бы толковѣе помочь ей. А главное, ему хотѣлось разъяснить тайну ея отношеній къ

леди Кастельтауерсъ. Онъ бы многое далъ, чтобы обо всемъ этомъ переговорить съ графомъ, но послѣ того, что онъ слышалъ, о такомъ шагѣ, конечно, нечего было и думать. Долго онъ разсуждалъ и ломалъ себѣ голову, и наконецъ рѣшилъ на томъ, что посоветуется съ своимъ родственникомъ, пока будетъ въ городѣ.

Такимъ образомъ, погруженные каждый въ собственные мысли, спутники неслись, сидя другъ противъ друга, но не мѣняясь ни единымъ словомъ. Путешествіе ихъ, по всей вѣроятности, продолжалось бы въ томъ же молчаніи до самаго конца, еслибы, гдѣ-то, на полдорогѣ между седжбрукской станціей и Ватерло-Бриджемъ, Саксенъ, случайно взглянувъ на своего товарища, не встрѣтилъ его взгляда, мрачно устремленнаго на него.

— Что это вы, сказалъ онъ съ удивленнымъ смѣхомъ: — смотрите на меня такими ужасъ наводящими глазами? Чтѣ я сдѣлалъ такое?

— Ничего особенно полезнаго, насколько мнѣ извѣстно, любезный другъ, отвѣчалъ офицеръ. — Вопросъ не въ томъ, что вы сдѣлали, а въ томъ, что вы еще можете сдѣлать. Я думалъ о томъ, намѣрены ли вы послѣдовать моему примѣру?

— На счетъ чего?

— На счетъ Италиі, разумѣется. Думаете ли вы присоединиться къ войску Гарибальди?

— Нѣтъ... то-есть я объ этомъ вовсе не думалъ, возразилъ Саксенъ: — а чтѣ, Кастельтауерсъ отправляется?

— Не думаю. Мать никогда его не пуститъ.

— Еслибы онъ отправился, и я бы поѣхалъ, сказалъ Саксенъ, послѣ минутнаго молчанія. — Много, я думаю, тамъ будетъ тасканія по лагерямъ и бивуакамъ, и подраться можно будетъ немало?

— Драться-то можно будетъ вдоволь; что касается лагерной и бивуачной таскатни, объ этомъ я не могу ничего еще сказать, но думаю, что работа на первыхъ порахъ будетъ тяжелая.

— Этѣ бы ничего, сказалъ Саксенъ, воображеніе котораго быстро воспламенялось при этой новой мысли.

— Какъ вы думаете, весело-ли было бы проходить цѣлый день безъ пищи, спать на голой землѣ въ проливной дождь, съ однимъ ранцемъ подъ головою вмѣсто подушки, и подняться на зарѣ, чтобы еще до завтрака драться съ неприятелемъ? спросилъ Воанъ.

— Особенно веселаго тутъ ничего нѣтъ, со смѣхомъ отвѣчалъ молодой человекъ: — а попробовать я все-таки не прочь. Чтѣ бы Кастельтауерсу отправиться; мы съ нимъ составляли планъ путешествія по Европѣ, но участвовать въ сициліанской кампаніи было бы во сто разъ веселѣе.

— Еслибы онъ былъ такъ же свободенъ, какъ вы, онъ завтра же отправился бы со мной, сказалъ Воанъ, и лицо его снова омрачилось при мысли, что не только Саксенъ, котораго онъ только подозрѣвалъ въ привязанности къ Олимпіи Колоннѣ, но и графъ, въ любви котораго къ ней онъ нисколько не сомнѣвался, оба останутся вблизи отъ нея, съ правомъ и возможностью искать и, можетъ быть, приобрести ея любовь, тогда какъ онъ будетъ далеко.

Въ этой мысли было мало утѣшительнаго, и отвергнутый поклонникъ красавицы въ эту минуту чувствовалъ, что онъ обоимъ пріятелей ненавидитъ отъ души.

— Какого маршрута вы думаете держаться? спросилъ Саксенъ, неподозрѣвавшій того, что происходило въ головѣ его спутника.

— Конечно, самаго прямого: черезъ Дувръ, Кале и Марсель. Въ воскресенье, часовъ въ девять вечера, я буду въ Генуѣ.

— А я въ Кастельтауерсѣ.

— Это какимъ образомъ? спросилъ Воанъ, рѣзкимъ тономъ: — я думалъ, что положенный вами срокъ пребыванія тамъ кончился вчера.

— Дѣйствительно; но Кастельтауерсѣ упрости меня прогостить у него еще недѣлку, и я возвращаюсь сегодня же вечеромъ. А скучно будетъ безъ васъ за обѣдомъ!

На это любезное замѣчаніе майоръ отвѣчалъ только сердитымъ мычаніемъ.

ГЛАВА IX.

Вильямъ Трифольденъ объясняетъ теорію юридическихъ фикцій.

Синьоръ Наццари, высокій, худощавый, наукообразный итальянецъ, по званію — маклеръ по части акцій и государственныхъ билетовъ, нанималъ крошечную контору подъ темной аркой, въ самомъ центрѣ безчисленнаго переплетенія проходовъ, извѣстнаго подъ названіемъ Остин-Фрайерсѣ. Онъ былъ предувѣдомленъ запискою отъ Колонны о посѣщеніи Саксена, и встрѣтилъ его съ трепетнымъ, многорѣчивымъ подобострастіемъ, перемѣшивая разговоръ свой поклонами, словно знаками препинанія, и только что не падая ницъ въ прахъ своей пыльной конторы передъ посѣтителемъ.

Паутина синьора Наццари вообще не изобиловала мухами, а такая золотая муха, какъ Саксенъ — подавно не каждый день попадалась въ нее.

Все дѣло заняло удивительно мало времени. Недаромъ Колонна говорилъ, что ничего не можетъ быть легче. Они прежде всего от-

правились въ англійскій государственный банкъ, гдѣ Саксенъ росписался въ большой книгѣ, послѣ чего возвратились въ кочтору и ждали тамъ, пока синьоръ Наццари куда-то исчезъ за деньгами, и очень скоро снова явился съ бумажникомъ, набитымъ банковыми билетами, висѣвшимъ у него на шеѣ, на стальнѣй дѣпочкѣ — и дѣло было сдѣлано.

Затѣмъ, майоръ Воанъ торжественно изорвалъ чекъ Саксена въ присутствіи маклера, и получилъ стоимость его новенькими банковыми билетами.

— А теперь, Трефольденъ, сказалъ онъ: — до свиданія — въ Италію.

— Помните, что я еще ни на чемъ не рѣшилъ, съ улыбкой возразилъ Саксенъ.

— Рѣшайте-ко ужъ лучше разомъ, да поѣдете со мною завтра утромъ.

— Нѣтъ, нѣтъ—и не говорите.

— Не откладывайте однако до тѣхъ поръ, пока не будетъ ужъ никакой потѣхи. Коли приѣдете, такъ приѣзжайте, пока еще есть зачѣмъ.

— Будьте покойны, возразилъ Саксенъ, слегка покраснѣвъ: — я не буду на побѣдномъ пирѣ, если не заслужу своего мѣста на полѣ битвы.—Прощайте.

— Прощайте.

Съ этими словами, выбравшись вмѣстѣ изъ запутаннаго остин-фрайерскаго лабиринта на большое открытое пространство передъ биржей, они пожали другъ другу руки и разстались.

Саксенъ повернулъ къ западу и пѣшкомъ прошелъ по Чипсайду. Онъ шелъ въ Чансеря-Ленъ, но не торопился достигнуть мѣста своего назначенія. Онъ шелъ медленно, изрѣдко останавливаясь, чтобы поглядѣть на выставку какого нибудь магазина, и прошелся кругомъ собора св. Павла. Онъ при этомъ старался увѣрить самаго себя, что дѣлаетъ это для того, чтобы взглянуть на памятникъ Нельсона, но онъ уже два раза видѣлъ памятникъ, и въ душѣ зналъ, что весьма мало имъ интересуется. Наконецъ неумолимая судьба доставила его къ двери конторы его родственника, и онъ побрелъ наверхъ по темной лѣстницѣ, съ тяжелымъ чувствомъ своей вины, и тайной надеждой не найти странчаго дома. На первой площадкѣ ему попался мистеръ Кожвичъ, съ шляпой на головѣ. Было ровно часъ, и почтенный господинъ отправился обѣдать.

— Мистеръ Трефольденъ занятъ съ клиентомъ, сэръ, сказалъ старшій конторщикъ, къ неизреченному облегченію Саксена.

— О! въ такомъ случаѣ потрудитесь сказать, что я заходилъ, отвѣчалъ онъ, съ величайшей поспѣшностью поворачивая назадъ.

— Но этот джентльменъ, кажется, сейчасъ уйдетъ, сэръ; можетъ быть, вамъ незатруднило бы присѣсть въ конторѣ на минуту, прибавилъ мистеръ Кэквичъ.

— Я... я думаю, не лучше ли мнѣ поскорѣе опять взглянуть, неохотно проговорилъ Саксенъ.

— Какъ угодно, сэръ; только я увѣренъ, что вамъ не пришлось бы прождать и пяти минутъ.

Саксенъ покорился обстоятельствамъ и сталъ дожидаться.

Писцы всё разошлись обѣдать, и онъ, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, оставался совершенно одинъ. Немного погодя пріотворилась дверь собственнаго кабинета Вильяма Трефольдена.

— Такъ вы сдѣлаете одолженіе, напишете мнѣ, раздался басистый голосъ, владѣтель котораго, какъ казалось, придерживавшій дверь изнутри, оставался невидимымъ.

— Можете ожидать письма отъ меня послѣ-завтра, мистеръ Беренсъ, никакъ не позже, отвѣчалъ стряпчій.

— Надѣюсь, что лордъ Кастельтауерсъ вполне понимаетъ, что деньги по закладной непременно должны быть внесены въ срочный день?

— Я уже давалъ ему объ этомъ знать. *

— *Непретѣнно*, слышите, мистеръ Трефольденъ? Помните! Я не могу давать отсрочки. Изъ этихъ денегъ двадцать тысячъ фунтовъ должны быть отправлены прямо къ уорстершайрскому агенту, какъ вамъ извѣстно; остальные пять тысячъ также понадобятся на ремонтъ, постройки и т. п. Это необходимо—положительно необходимо.

— Мнѣ вполне извѣстно, что вамъ необходимы эти деньги, слышался въ отвѣтъ ровный, спокойный голосъ Вильяма Трефольдена:—и я обратилъ вниманіе графа на этотъ фактъ съ надлежащей внимательностью. Я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что онъ расплатится съ вами въ срокъ.

— Очень радъ—за него же. До свиданія, мистеръ Трефольденъ.

Съ этими словами мистеръ Беренсъ вышелъ въ контору, въ сопровожденіи стряпчаго, который чуть не привскочилъ на мѣстѣ при видѣ своего родственника.

— Вы какъ здѣсь, Саксенъ? сказалъ онъ, проводивъ посѣтителя до лѣстницы.—Я думалъ, вы въ Кастельтауерсѣ.

Нужно бы было обладать большей проницательностью, нежели какою могъ похвалиться Саксенъ, чтобы понять, что мистеръ Трефольденъ не только думалъ это, но и желалъ этого; потому Саксенъ ничего не замѣтилъ.

— Оно, по настоящему, такъ и есть, сказалъ онъ:—я въ городѣ только на одинъ день.

— Зачѣмъ же вы пріѣхали въ городъ на такое короткое время? Дурного ничего не случилось, надѣюсь?

— Нѣтъ— какъ можно! я... т.-е. вы...

И Саксенъ, неопытный въ искусствѣ обходить истину, безмошно путался, принскивая въ головѣ, какую бы сказать причину, такъ чтобы не солгать, а настоящей все-таки не выдать.

— Вы вѣрно въ чемъ нибудь хотите со мной посоветоваться, замѣтилъ стряпчій, отъ котораго не ускользнуло его замѣшательство.—Пойдемте ко мнѣ въ кабинетъ, и рассказывайте.

Они вошли въ кабинетъ, и Вильямъ тщательно заперъ двойныя двери.

— Прежде всего, Саксенъ, сказалъ онъ, внушительно кладя свою руку на плечо своего молодого родственника:—я долженъ сдѣлать вамъ вопросъ. Вы видѣли моего клиента, чтó сейчасъ отъ меня вышелъ, и слышали, что онъ, уходя, упоминалъ объ одномъ дѣлѣ...

— Да, сознался Саксенъ:—мнѣ очень жаль...

— Позвольте. Вы слышали имя лорда Кастельтауерса?

— Да.

— Такъ позвольте васъ просить ни подъ какимъ видомъ не говорить графу объ этомъ обстоятельствѣ. Это дѣло нисколько до него не касается, и его незачѣмъ беспокоить этимъ.

— Однако, мнѣ послышалось, будто онъ долженъ этому господину двадцать-пять тысячъ.

Вильямъ Трефольденъ улыбнулся и отрицательно покачалъ головою.

— Неправда, ничего не бывало, отвѣчалъ онъ. — Это, просто, переводъ капитала, частный оборотъ, въ которомъ случайно замѣшано имя графа — одно имя его, больше ничего. Лично же ему тутъ нѣтъ никакого дѣла—ровно никакого.

— Однако!...

— Однако—вы слышали только конецъ разговора, любезный другъ, и ошибочно истолковали немногія слова, слышанныя вами. Понимаете ли вы, что вы не должны пересказывать ихъ?

— Да, понимаю, сомнительно отвѣчалъ Саксенъ.

— Такъ вы даете слово исполнить мою просьбу?

Саксенъ замаялся.

— Въ васъ, кузенъ Вильямъ, я не сомнѣваюсь, сказалъ онъ наконецъ прямо:—и вы конечно знаете это и безъ моихъ словъ. Но какъ же мнѣ, съ другой стороны, не вѣрить и ушамъ своимъ? я ясно слышалъ, какъ этотъ толстый, сердитый старикъ сказалъ, что-бы Кастельтауерсъ непременно уплатилъ ему двадцать-пять тысячъ фунтовъ въ десятому числу будущаго мѣсяца. Какъ же это по-явить, если не...

— Послушайте меня минуту, Саксень, добродушно перебивъ его мистеръ Трефольденъ: — имѣете ли вы понятіе о томъ, что такое юридическая фикція?

— Слыхалъ, но не знаю, что это такое.

— Вотъ видите ли, на юридическомъ языкѣ, юридическія фикціи опредѣляются такъ: «факты или документы, неимѣющіе собственной сущности, но признаваемые и принимаемые въ законовѣдніи для какихъ нибудь особыхъ цѣлей».

— Мнѣ и это непонятно.

— Немудрено, отвѣчалъ стряпчій съ пріятной улыбкой: — но я попытаюсь разъяснить вамъ. Въ законовѣдніи, какъ и во многомъ другомъ, иной разъ бываетъ удобно принять исходной точкой какое нибудь безвредное предположеніе, чтобы съ помощью его вывести заключенія, которыя иначе стоили бы столько труда и времени, что игра не стоила бы свѣчь. Такъ, напримѣръ, когда на морѣ заключается юридическій контрактъ, то въ заголовкѣ документа пишется «Лондонъ» или «Бирмингамъ», или любой другой англійскій городъ, для того, чтобы дѣло, какъ говорится, изъ-подъ вѣдомства адмиралтейскаго суда, перевести подъ вѣдомство вестминстерскихъ судовъ. И еще, если истецъ подаетъ жалобу въ судъ казначейства, онъ представляетъ себя должникомъ королевы, но онъ никогда не былъ должникомъ королевы. Онъ столько же долженъ королевѣ, какъ вы и я, но онъ принужденъ прибѣгнуть къ этой уловкѣ для того, чтобы попасть подъ вѣдомство именно тако-го-то, а не другого какого нибудь суда.

— Какая невыносимая чепуха! воскликнулъ Саксень.

— Еще одинъ примѣръ. Не далѣе какихъ нибудь восьми лѣтъ назадъ, законъ объ изгнаніи изъ законно обладаемой собственности основывался на цѣлой ткани юридическихъ фикцій, посредствомъ которыхъ одинъ вымышленный господинъ, называющійся Джонъ До, подавалъ жалобу на другого, вымышленнаго же господина, Ричарда Ро, тогда какъ ни тотъ ни другой никогда не существовали въ какомъ бы то ни было человѣческомъ образѣ. Что вы на это скажете, а?

— А то, что будь я юристомъ, я бы стыдился системы, составленной изъ подобныхъ лжей и подлоговъ.

Мистеръ Трефольденъ откинулся на спинку кресель и расхохотался.

— Прошу не бранить нашихъ юридическихъ фикцій, сказалъ онъ: — въ этихъ мелочахъ вся поэтическая, романтическая сторона законовѣдніи; онѣ-то и предохраняютъ мозгъ нашъ отъ совершеннаго изсушенія.

— Въ подобныхъ уловкахъ не должно бы быть надобности, сва-

заль Саксенъ, который никакъ не могъ видѣть поэтической стороны въ продѣлкахъ Джона Ро и Ричарда Ро.

— Положимъ, такъ. Онѣ вѣроятно имѣютъ начало свое въ какой нибудь погрѣшности старинныхъ законовъ. Но вѣдь у насъ нѣтъ такой благодати, какъ наполеоновскій кодексъ, а еслибы и была, то очень можетъ быть, что ми не особенно бы цѣнили ее. Намъ остается только помириться съ нашими законами, какіе они есть, да и за нихъ спасибо сказать. Они могли бы быть еще десятиро хуже, повѣрьте.

— Значить, и то юридическая фикція, будто Кастельтауерсъ долженъ мистеру Беренсу двадцать-пять тысячъ фунтовъ? спросилъ Саксенъ.

Мистера Трефольдена неприятно передернуло: онъ надѣялся, что фамилія торговца шерстью ускользнула отъ слуха Саксена, — и ошибся. Саксенъ, какъ нельзя лучше запомнилъ каждое слово: имена, числа, цифру суммы, однимъ словомъ—все.

— Именно такъ, отвѣчалъ адвокатъ на его вопросы. — Лордъ Кастельтауерсъ столько же долженъ мистеру Беренсу двадцать-пять тысячъ фунтовъ, какъ и вы. Помилуйте, да онъ бы былъ пропадашій человѣкъ, еслибы у него былъ подобный долгъ.

— Не похоже, замѣтить Саксенъ.

— Я думаю! Тогда бы онъ не набивалъ домъ гостями и не давалъ бы баловъ и обѣдовъ. Значить, я вамъ все разъяснилъ и могу разсчитывать на ваше слово.

Саксенъ пристально взглянулъ въ лицо своего родственника. Онъ воображалъ, что нѣтъ того человѣка, который бы могъ солгать, глядя другому въ глаза. Многіе имѣютъ то же убѣжденіе, но болѣе ошибочнаго понятія быть не можетъ. Опытный, направиткованный лжець, непремѣнно вперить глаза въ самые лучи слушателя, и болѣе половины успѣха своей лжи ожидаетъ именно отъ этой наглости. Но Саксенъ этому не повѣрилъ бы, еслибы съ неба сошелъ ангель и сталъ увѣрять въ этомъ. И такъ онъ искалъ подтвержденія слышаннаго имъ въ лицѣ своего родственника, и когда Вильямъ Трефольденъ на его взглядъ отвѣтилъ такимъ же безстрашно-добродушнымъ взглядомъ, всѣ сомнѣнія его исчезли и онъ, не запинаясь, далъ требуемое обѣщаніе.

— Смотрите же, сѣзаялъ стряпчій:—а теперь, Саксенъ, садитесь и разсказывайте, зачѣмъ вы пришли.

— Это длинная исторія, возразилъ Саксенъ.

— Я привыкъ слушать длинныя исторіи.

— Да я-то непривыкъ разсказывать ихъ, и право не знаю, съ чего начать. Дѣло идетъ о женщинѣ.

— О женщинѣ! повторилъ Вильямъ Трефольденъ, и Саксенъ не

могъ не замѣтить, что тонъ его голоса обнаруживалъ далеко не удовольствіе.

— Или даже, поспѣшно прибавилъ молодой человѣкъ:— вѣрнѣе о двухъ или трехъ женщинахъ.

Мистеръ Трефольденъ въ ужасѣ поднялъ руки вверху.

— О двухъ или трехъ женщинахъ! воскликнулъ онъ. — Какія страсти! Одна изъ нихъ, конечно, мисъ Колонна?

— Напротивъ, отвѣчалъ Саксенъ съ жаромъ — даже съ излишнимъ жаромъ, и пустился рассказывать, начиная съ первой встрѣчи съ мисъ Ривьеръ у ватерло-бриджской станціи и кончая приключеніемъ въ мавзолеѣ.

Мистеръ Трефольденъ съ большимъ терпѣніемъ выслушалъ его до конца, изрѣдка прерывая его вопросомъ — и нанизывая факты въ головѣ своей, по мѣрѣ того, какъ они рассказывались. Наконецъ Саксенъ перевелъ духъ и сказалъ:

— Вотъ и все. Скажите же мнѣ теперь, какъ мнѣ приняться за дѣло!

— Скажите сперва, что вы думаете дѣлать, возразилъ страпчій.

— Разумѣется, помочь имъ.

— Что же, у васъ есть адресъ молодой дѣвушки: пошлите ей чекъ на пятьдесятъ фунтовъ.

— Она не приметъ. Нѣтъ, нѣтъ, кузенъ Вильямъ, это все не то. Надо распорядиться гораздо ловчѣе. Я хочу, чтобы они получали деньги правильно, два раза въ годъ, понимаете? и чтобы этихъ денегъ хватало на содержаніе ея бѣдной матери въ Италіи, на леченіе, докторовъ, все какъ слѣдуетъ.

— Но вѣдь она получаетъ пенсію отъ леди Кастельтауерсъ...

— Леди Кастельтауерсъ такъ же жестка и холодна, какъ мраморъ, съ негодованіемъ перебилъ его Саксенъ:—я по крайней-мѣрѣ скорѣе бы съ голода умеръ, чѣмъ пользоваться отъ нея единымъ грошомъ. Еслибы вы только слышали, какъ неохотно она обѣщала эти жалкіе двадцать фунтовъ!

— Я никогда и не воображалъ, чтобы рука ея сіятельства была особенно щедрна на подаванія, замѣтилъ Вильямъ Трефольденъ.

— Подаванія! сердито откликнулся Саксенъ.

— Впрочемъ, я даже думаю, что вродь-ли это можно назвать подаваніемъ. Тутъ неперемѣнно есть какое нибудь право... Мнѣ навѣрное сдается, что я слыхалъ ими Ривьеръ въ связи съ именами Пирпойнтъ и Винклифъ — но какъ и когда... Да вотъ прійдетъ Кэквитчъ, онъ вмнѣ все разъяснитъ.

И мистеръ Трефольденъ задумчиво откинулся на спинку креселъ.

— Какъ бы вы что нибудь придумали, какъ лучше помочь имъ,

сказать Саксенъ.—Я хочу, чтобы они получали деньги, но никогда не знали, откуда и отъ кого.

— Это значительно усложняетъ дѣло, возразилъ стряпчій.

— Да, чтобы это не вышло похоже на подаяніе.

— Еще мудренѣе.

— Я думаю, нельзя ли ей дать какойнибудь заказъ, нерѣшительно предложилъ Саксенъ. — Заказать ей развѣ раскрашенныя фотографіи лучшихъ видовъ итальянскаго берега? Какъ вы думаете?

— Это недурная мысль, отвѣчалъ Вильямъ: — если приняться половчѣе... А, да вотъ, кажется, и Кэввичъ.

И мистеръ Трефольденъ вышелъ въ контору, предоставляя Саксену услаждать свое одиночество пыльною ландкартою и закопчѣлыми судебными книгами.

По истеченіи получаса, показавшагося гостю безконечнымъ, онъ возвратился съ пачкой записокъ въ рукахъ.

— Ну, кажется, все узналъ, что было можно, и, во всякомъ случаѣ, могу сообщить вамъ, кто такая ваша героиня. Повѣсть довольно романическая, такъ садитесь же и слушайте со вниманіемъ.

X.

Страница изъ семейной хроники.

Каждому, кто изучалъ англійскую исторію, знакомо древнее и благородное имя Гольм-Пирпойнтъ. Во всѣхъ средневѣковыхъ хроникахъ нѣтъ ни одного болѣе горделиваго рода. Его знаменитый предокъ, Тьерри де-Пирпойнтъ, «перебѣжалъ», какъ принято говорить, съ Вильгельмомъ-Завоевателемъ; но онъ былъ только младшимъ сыномъ младшаго же сына славнаго рода, и знатные дома, считающіе его своимъ родоначальникомъ, въ сущности только отпрыски еще болѣе древняго рода, владѣвшаго обширными помѣстьями и громкими титулами еще за три столѣтія до завоеванія острова.

Какимъ образомъ Тьерри де-Пирпойнтъ сдѣлался владѣльцемъ не одного богатаго и плодороднаго англійскаго помѣстья; какимъ образомъ размножились и благоденствовали его потомки, занимали высшія государственныя должности при тридцати слишкомъ короляхъ, стяжали себѣ славныя имена въ бою и совѣтѣ, и породнились браками со всѣми почти знатными домами страны—было бы лишнимъ здѣсь перечислять. Довольно будетъ сказать, что Гольм-Пирпойнты были одною изъ старшихъ вѣтвей первоначальнаго корня, и что въ леди Кастельтауерсъ, принадлежавшей по отцу къ Гольм-Пирпойнтамъ, а по матери къ роду Тальботовъ,

дѣйствительно до извѣстной степени была извинительна та безмѣрная родовая гордость, которая, такъ-сказать, сталась подъ каждой ея мыслью, каждымъ ея дѣйствиємъ, какъ въ картинѣ грунтовка стелется подъ всѣми слоями красокъ.

Вотъ нѣкоторыя подробности о родствѣ ея сіятельства.

Джорджъ-Конде Гольмъ-Пирпойнтъ, третій лордъ Гольмсъ, владѣлецъ Гольмъ-Кастля, въ Ланкашайрѣ, будучи уже немолодъ, и сверхъ-того, обременивъ свое небольшое имѣніе закладными, женился пятидесяти лѣтъ отроду, къ невыразимой досадѣ своего будущаго наслѣдника, капитана Гольмъ-Пирпойнта, изъ Соуерби, на дѣвушкѣ ровно на половину моложе его, извѣстной въ Портсмутѣ и его окрестностяхъ подъ названіемъ «красавицы мисъ Тальботъ». Она была пятою изъ девяти дочерей, въ семьѣ, состоящей изъ четырнадцати дѣтей, и отецъ ея, достопочтенный Чарльзъ Тальботъ, занималъ должность контр-адмирала въ королевскомъ флотѣ. Послѣ этого почти лишнимъ будетъ прибавлять, что у мисъ Тальботъ не было состоянія.

Бракъ этотъ состоялся лѣтомъ 1810 г., а въ октябрѣ 1811 г. леди Гольмсъ скончалась, оставляя младенца—дочь, Алицію-Клавдію. Вдовецъ, почти убитый горемъ, заперся въ Гольмъ-Кастлѣ, и зажилъ въ глубочайшемъ уединеніи. Онъ не принималъ ни чьихъ посѣщеній, уклонялся отъ исполненія своихъ парламентскихъ обязанностей, и рѣдко можно было его встрѣтить за воротами его парка. Тогда начали расходиться странные слухи о его нравѣ и привычкахъ. Говорили, будто онъ предавался внезапнымъ и безпричиннымъ припадкамъ бѣшенаго гнѣва; что на него находили не менѣе странныя полосы молчанія; что ему ненавистенъ былъ дневной свѣтъ, что онъ обыкновенно сидѣлъ днемъ съ зажженными свѣчами и наглухо закрытыми ставнями; что ему случалось по двое сутокъ не ложиться въ постель, и распускали тысячу тому подобныхъ, дивныхъ и невѣроятныхъ толковъ. Наконецъ, когда свѣтъ успѣлъ почти забыть о немъ, и его маленькой дочери было около пяти лѣтъ, лордъ Гольмсъ озадачилъ своихъ сосѣдей и ошеломилъ своего наслѣдника, жениась на гувернанткѣ этой дочери.

Что заставило его придти къ этому рѣшенію, женился ли онъ на гувернанткѣ ради ея самой, или ради пользы ребенка, или просто для удовлетворенія мимолетной прихоти—это осталось извѣстнымъ ему одному. Что онъ женился на ней, и что, послѣ свадьбы, онъ продолжалъ вести тотъ же угрюмый, необщительный образъ жизни, какъ и до нея—вотъ все, что могли сказать даже собственные его слуги. Новая леди Гольмсъ никуда не ѣздила и никого не принимала. Сдѣлавшись мачихой мисъ Гольмс-Пирпойнтъ, она оставалась тѣмъ же, чѣмъ была, будучи ея гувернанткой. Она не

присвоила себѣ ни малѣйшей власти. Мужа она называла «my lord», побавлялась своихъ слугъ, и уступала повелительному праву ребенка точно такъ же, какъ и прежде. Результатомъ ея малодушія было то, что она въ собственномъ своемъ домѣ оставалась нулемъ, и съ нею и обращались какъ съ нулемъ. Когда она, въ свою очередь, тоже родила дѣвочку, не послѣдовало никакихъ увеселеній, и когда, нѣсколько лѣтъ спустя, она умерла, и была положена рядомъ съ своего знатною предшественницею, по ней никто не горевалъ. Еслибы она подарила мужа наслѣдникомъ, или занимала бы мѣсто свое съ болѣшимъ сознаніемъ своего достоинства, все вѣроятно пошло бы иначе. Но слѣтъ удивительно склоненъ принимать людей по собственной ихъ оцѣнкѣ себя, а леди Гольмсъ, смущенная почестями, для которыхъ она не была рождена, оцѣнила себя по внушеніямъ одного изъ самыхъ робкихъ и смиренныхъ сердецъ, когда либо бывшихъ въ женской груди.

Такимъ образомъ, лордъ Гольмсъ сдѣлался отцомъ двухъ дочерей и во второй разъ овдовѣлъ, а капитанъ Гольмъ-Пирпойнтъ, изъ Соуэрби, несмотря ни на что, остался-таки будущимъ наслѣдникомъ титула своего родственника.

Никогда двѣ болѣе во всемъ различныя другъ-отъ друга дѣвочки, какъ обѣ мисъ Гольмъ-Пирпойнтъ, не воспитывались вмѣстѣ. Впервые, въ годахъ ихъ было шесть лѣтъ разницы. Но это было еще ничего въ сравненіи съ разницей, обнаружившейся въ ихъ наружности, характерѣ и наклонностяхъ.

Старшая изъ сестеръ была высока, стройна и величава, и съ самыхъ раннихъ лѣтъ, въ ней уже замѣтно было то необыкновенное сходство съ Маріей-Антуанетой, которое впоследствии сдѣлалось столь поразительнымъ. Младшая, напротивъ, была скорѣе мила чѣмъ хороша, до болѣзненности впечатлительна и дика, и такъ же проста и непретендательна, какъ могла бы быть любая крестьянская дѣвочка въ имѣніи ея отца. Алиція никогда не забывала, что она по отцу и матери одинаково знатнаго происхожденія; Елисавета же, казалось, никогда не помнила, что она даже по отцу принадлежитъ къ высшему сословію. Алиція была холодна и честолюбива; натура же Елисаветы была столько же привязчива и нѣжна, какъ далека отъ всякаго эгоизма. Она смотрѣла на Алицію, какъ на благороднѣйшее и совершеннѣйшее изъ божьихъ созданій; но Алиція, которая никогда не могла простить отцу его второй женитьбы, относилась къ сестрѣ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, какъ ювелиръ къ брильянту съ изъяномъ или спортсменъ къ полукровнымъ лошадямъ.

Года проходили. По мѣрѣ того, какъ сестры выходили изъ дѣтскаго возраста, разница между ними дѣлалась еще замѣтнѣе. Ког-

да старшая мисъ Гольм-Пирпойнтъ достигла возраста, дающаго ей право занять подобающее ей мѣсто въ обществѣ, она была представлена ко двору своей тѣткой, графинею Гластонбюри, и стала выѣзжать, по тому чинному порядку, который господствовалъ въ дни Георга III. Передъ концомъ сезона, она была сговорена за Гарольда Винклифа, четвертаго графа Кастельтауерса, а на слѣдующій годъ, ранней весною, еще прежде, нежели ея маленькая сестра начала выходить изъ класной, молодая красавица была обвинчана въ имѣніи ея тѣтки въ Сомерсетшайрѣ, гдѣ брачный обрядъ былъ совершенъ домашнимъ образомъ епискомъ Батснимъ и Вельскимъ.

Между тѣмъ было рѣшено устранить отъ младшей дочери лорда Гольмса всѣ опасности и затрудненія, сопряженныя съ самовластнымъ выборомъ мужа. Ея судьба была напередъ устроена. Ей положено было видѣти за капитана Гольм-Пирпойнта изъ Соуербя.

Проще и умнѣ нельзя было ничего придумать: капитанъ Гольм-Пирпойнтъ былъ наслѣдникомъ ея отца, и было, разумѣется, весьма желательно, чтобы приданое Елисаветы не перешло въ чужія руки. Кромѣ того Елисавета была очень молода — моложе даже своихъ лѣтъ — и характеръ ея нуждался въ разумной обработкѣ; капитанъ же Гольм-Пирпойнтъ былъ какъ-разъ такимъ человѣкомъ, который долженъ былъ сдумѣть «обработать» характеръ молодой дѣвушки. Онъ въ теченіе года прочитывалъ страшное количество солидныхъ сочиненій, до страсти любилъ статистику, говорилъ высокимъ слогомъ, былъ сторонникомъ строгой дисциплины, и имѣлъ «свои воззрѣнія» на воспитаніе. Въ довершеніе всѣхъ этихъ достоинствъ, нужно прибавить, что капитанъ Гольм-Пирпойнтъ былъ еще хорошъ собой, и что ему было не болѣе сорока-восьми лѣтъ.

Однакоже, какъ это ни покажется невѣроятнымъ, но младшая дочь лорда Гольма далеко не такъ восторгалась назначенной ей будущностью, какъ бы слѣдовало ожидать. Подобно всѣмъ очень молоденькимъ дѣвушкамъ, она уже много помечтала, и никакъ не могла заставить себя видѣть въ капитанѣ Гольм-Пирпойнтѣ осуществленіе того идеала, который съ такой любовью рисовало ей ея воображеніе. Любящая ея натура сильно нуждалась въ существѣ, для котораго она могла бы жить, которое она могла бы боготворить, но она знала, что никакимъ образомъ ей не жить для капитана Гольм-Пирпойнта, и не боготворить его. Болѣе же всего страшилась она мысли подвергнуться нравственной обработкѣ по его «воззрѣніямъ».

И такъ, во избѣжаніе грозящаго ей бѣдствія, младшая мисъ Гольм-Пирпойнтъ сама распорядилась своей судьбою и — бѣжала съ своимъ учителемъ рисованія.

Это было страшным ударомъ для гордости всей семьи. Тальботи и Винклифы выразили мнѣніе, что лордъ Гольмсъ только пожинаеть плоды собственнаго посяза и что больше нечего было и ожидать отъ дочери гувернантки; но самъ лордъ Гольмсъ смотрѣлъ на дѣло совершенно иначе. При всей своей жесткости и эксцентричности, старикъ въ самомъ дѣлѣ любилъ свою младшую дочь; но теперь сердце его ожесточилось противъ нея, и онъ поклялся никогда, пока живъ, не видать ея, не говорить съ нею, и не прощать ея. Затѣмъ, формально лишивъ ее наслѣдства, онъ приказалъ, чтобы имя ея никогда болѣе не произносилось въ его присутствіи.

Раздраженіе леди Кастельтауерсъ противъ сестры было не менѣе глубоко. Она тоже никогда болѣе не видала сестры и не говорила съ нею. Она не страдала такъ, какъ страдалъ отецъ ея. Сердце ея не такъ жестоко болѣло, какъ у него, вѣроятно потому, что врядъ-ли оно было способно о чемъ нибудь очень болѣть; но гордость ея была уязвлена чуть-ли еще не глубже, нежели у старика. Ни тотъ ни другая даже не попытались воротить бѣглянку. Они вычеркнули имя ея изъ семейной лѣтописи, жгли, непрочитанными, письма, въ которыхъ она молила о прощеніи, и поступали, во всѣхъ отношеніяхъ — не такъ, какъ-будто она умерла, а какъ-будто никогда не существовала.

Между тѣмъ, Елисавета Гольм-Ширпойнтъ бѣжала съ мужемъ въ Италію. Онъ былъ очень молодъ—совершенный мальчикъ—богатъ надеждами, бѣденъ деньгами, восторженъ во всемъ, что относилось до его искусства. Но восторженность такъ же часто бываетъ признакомъ просто артистическаго вкуса, какъ пробнымъ камнемъ истиннаго таланта, и Эдгаръ Ривьеръ, со всѣмъ своимъ утонченнымъ чутьемъ, своимъ поклоненіемъ античнымъ произведеніямъ искусства и боготвореніемъ Рафаэля, не имѣлъ великаго дара, единственно дѣлающаго людей поэтами и художниками—онъ не имѣлъ творчества. Рисунокъ у него былъ правильный, колоритъ блестящій, но въ немъ не было священнаго огня, не было того, что отличаетъ геній отъ изящной посредственности. При всемъ томъ онъ вѣрилъ въ себя и жена въ него вѣрила, и годъ за годомъ онъ трудился, производя картины съ самыми возвышенными стремленіями, но которыя какъ-то не сбывались, и зарабатывая скудное пропитаніе копіями съ рафаэлевыхъ картинъ, такъ нѣжно любимыхъ имъ. Наконецъ однако горькая истина стала ему ясною: онъ убѣдился, что обольщалъ себя надеждами, которымъ не суждено сбываться. Но было поздно. Здоровье его пострадало отъ долготѣнныхъ усиленныхъ и безуспѣшныхъ трудовъ, душа изныла, и не осталось въ немъ и искры того высокаго мужества,

которымъ онъ когда-то вооружился бы противъ всѣхъ ударовъ злой судьбы. Онъ недолго пережилъ свои разбитыя надежды. Онъ умеръ во Флоренціи, буквально отъ тоски, около плтнадцати лѣтъ послѣ своего романческаго брака съ Елисаветой Гольм-Пирпойнтъ, оставляя ей дочь, ничѣмъ необезпеченную.

Такова была судьба этихъ двухъ сестеръ, такова семейная хроника, которую Вильямъ Трефольденъ сообщилъ Саксену въ бѣглыхъ чертахъ послѣ своего совѣщанія съ Абелемъ Кэввичемъ.

XI.

Что было говорено въ клубѣ.

— А теперь, Саксенъ, сказалъ въ заключеніе мистеръ Трефольденъ:—я не могу сообщить вамъ ничего далѣе того факта, что Эдгаръ Ривьеръ скончался во Флоренціи года три или четыре назадъ; но кажется, нетрудно отгадать родство и исторію вашей героини. Я думаю, что мать ея осталась просто въ нищетѣ, и разумѣется, не могла же леди Кастельтауерсъ дать ей умереть съ голода. Очень сомнѣваюсь, чтобы ея щедрость переходила за эту черту.

— Боже милостивый! воскликнулъ Саксенъ, шагавшій въ это время вдоль и поперегъ комнаты въ лихорадочномъ негодованіи:— да вѣдь она ея сестра, кузень Вильямъ, ея родная сестра!

— Хотъ и не совсѣмъ родная, а все-таки ужасно.

— Ужасно? Это просто звѣрство! Будь я на мѣстѣ Кастельтауерса...

— Не думаю, чтобы лордъ Кастельтауерсъ когданибудь даже слыхалъ о ихъ существованіи, прервалъ его адвокатъ.

— Такъ надо ему сказать!

— Только не вамъ говорить. Вы случайно наткнулись на семейную тайну, и, какая бы она ни была, обязаны по чести сохранить ее. Если леди Кастельтауерсъ угодно держать у себя скелетъ, вамъ неприлично было бы посадить его за пиръ, на который она пригласила васъ.

— Къ несчастью, я долженъ съ этимъ согласиться, отвѣчалъ Саксенъ:—а жаль, хотѣлось бы сказать ему.

— И не думайте этого дѣлать, рѣшительно сказалъ Трефольденъ:—вы имѣете возможность оказать значительную помощь двумъ несчастнымъ женщинамъ, этимъ пока и удовольствуйтесь.

— Не могу я спокойно смотрѣть на вопіющую несправедливость, воскликнулъ Саксенъ съ жаромъ:—онѣ жестоко обижены.

— Согласенъ; все же изъ этого не слѣдуетъ, что вы должны изъ себя сдѣлать Дон-Кихота.

Молодой человекъ закусилъ губу.

— Имя Дон-Кихота, сказалъ онъ: — слишкомъ часто призывается всуе. Боже упаси, чтобы мы, живущіе въ девятнадцатомъ столѣтїи, съ помощью этого имени дѣлали посмѣшище изъ простой любви къ справедливости! Мнѣ кажется, что люди здѣсь несравненно болѣе заботятся о вѣжливости и приличїяхъ, чѣмъ о справедливости. У насъ въ Швейцарїи не такъ. Посоветуйте же, кузень Вильямъ, какъ мнѣ помочь имъ?

— Дайте время обдумать, отвѣчалъ Трефольденъ:—это дѣло довольно щекотливое.

— Знаю.

— Я подумаю, и напишу къ вамъ завтра.

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Разумѣется. Ну, а какъ насчетъ денегъ?

— Насчетъ денегъ—не жалѣйте.

— А если я васъ накажу положимъ на сто тысячъ фунтовъ, что тогда? сказалъ юристъ съ улыбкою.

— Этого-то я не боюсь, а скорѣе боюсь, что вы скупитесь станете.

— Не бойтесь, не стану, возразилъ Трефольденъ; затѣмъ Саксенъ отъ души поблагодарилъ его, и протянулъ ему руку на прощанье.

— Вы не спрашиваете, какъ идутъ дѣла нашей компанїи, замѣтилъ стряпчїй, останавливая его.

— Забылъ, по правдѣ сказать, со смѣхомъ возразилъ Саксенъ:— вѣрно ужъ все, какъ слѣдуетъ.

— Да, ничего, полземъ понемножку, отвѣчалъ его родственникъ:—капиталь прибываетъ, и акціонеры имѣютъ полное довѣріе къ правленію. Депутація наша еще въ Тегерагѣ, и на этой недѣлѣ мы отправляемъ одного изъ нашихъ директоровъ въ Сидонъ. Сидонъ, какъ вы, можетъ быть, помните, будетъ нашимъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ на Средиземномъ морѣ, и мы думаемъ безотлагательно приступить тамъ къ инженернымъ работамъ въ огромныхъ размѣрахъ.

— Вотъ какъ! А что, это все еще, попрежнему, секретъ? спросилъ Саксенъ.

— Болѣе, чѣмъ когда либо.

— Неужели? ну, до свиданья.

— Вы вѣчно спѣшите, только зайнешься о дѣлѣ. Куда вы теперь?

— Въ клубъ, потомъ обратно въ Кастельтауерсъ.

— Вы тамъ совсѣмъ загостились. Что Колонна?

Но Саксенъ былъ уже на половинѣ лѣстницы, и повидимому не слышалъ послѣдняго вопроса.

Онъ проѣхалъ прямо въ Эректеумъ, гдѣ немедленно сдѣлался центромъ всеобщаго вниманія. Молодёжь обступила его, и зная откуда онъ пріѣхалъ, завидала его вопросами объ Италіи, о томъ, что дѣлаетъ Колонна. Думаетъ ли онъ присоединиться къ Гарибальди? Что замышляетъ Гарибальди? Сочувствуетъ ли Викторъ-Эммануилъ сицилійской экспедиціи? Перенесется ли война въ Неаполь и Римъ? Въ такомъ случаѣ, полагаетъ ли Колонна, что императоръ французскій будетъ помогать папѣ вооруженной рукой? Правда ли, что Воанъ собирается присоединиться къ арміи освободителей? Правда ли, что лордъ Кастельтауерсъ будетъ командовать англійскимъ контингентомъ? Правда ли, что самъ Саксенъ поступилъ въ офицеры? и такъ далѣе безъ конца, пока Саксенъ не заткнулъ себѣ уши и не объявилъ, что не станетъ больше слушать ни одного вопроса.

— Я не состою у синьора Колонны въ должности повѣреннаго, сказалъ онъ:— и рѣшительно ничего не знаю о его планахъ и предположеніяхъ. Одно только могу сказать, что я и не думалъ поступать въ офицеры, и съ полной увѣренностью могу объявить то же и о Кастельтауерсѣ.

— А Воанъ? спросилъ сэръ Чарльсъ Бургойнъ.

— Воанъ дѣйствительно отправляется. Онъ ѣдетъ въ Геную сегодня въ ночь.

— Я въ этомъ былъ увѣренъ, замѣтилъ Грѣторексъ съ многозначительной усмѣшкой:— можетъ быть, прелестная Олимпія обѣщалась скалиться надъ нимъ.

Саксенъ обернулся точно ужаленный.

— Что вы этимъ хотите сказать? спросилъ онъ запальчиво:— что можетъ мисъ Колонна имѣть общаго съ отъѣздомъ Воана?

— Мало ли что, возразилъ банкиръ:— что же невѣроятно, если онъ свою руку посвящаетъ дѣлу Италіи, а она вознаграждаетъ его, отдавая ему свою? По настоящему, справедливость того требуетъ.

— А Воанъ уже не первый годъ поклоняется олимпійской святинѣ, прибавилъ сэръ Чарльсъ.

— Къ тому же, вмѣшался другой членъ клуба:— больше незачѣмъ ему и ѣхать: всѣ мы знаемъ, что онъ Италію собственно въ грошъ не ставитъ. Но вѣдь онъ можетъ и ошибиться въ расчетѣ.

— Это вѣрнѣе всего, по моему, замѣтилъ Бургойнъ:— Олимпія Колонна—женщина умная и знаетъ себѣ цѣну по курсу; будьте увѣрены, что она мѣтнѣтъ выше бѣднаго драгунскаго майора.

Лицо Саксена все время пылало отъ гнѣва и какого-то стыда. Наконецъ, онъ уже былъ не въ силахъ промолчать.

— Можетъ быть, все это и правда, сказалъ онъ: — я не считаю вѣрными, но не имѣю возможности опровергнуть эти слухи. Во всякомъ случаѣ, я знаю одно, что въ душевой клубной залѣ не мѣсто подвергать имя женщины пересудамъ, какъ это дѣлаете вы, господа.

— Вашъ афоризмъ совершенно безукоризненъ въ общемъ смыслѣ, любезный другъ, возразилъ Бургойнъ: — но въ настоящемъ случаѣ оказывается несостоятельнымъ. Когда имя женщины нѣсколько лѣтъ красуется во всевозможныхъ депешахъ, прошеніяхъ, комитетныхъ спискахъ и отчетахъ гражданскихъ и военныхъ, оно можетъ выносить атмосферу даже душевой клубной залы.

— Миѣ кажется, тутъ дѣло совсѣмъ другого рода, упорствовалъ Саксенъ. — Депеши и прошенія — дѣло гласное, подлежащее всенародному обсужденію.

— А предполагаемый бракъ хорошенькой женщины — дѣло частное, хотите вы сказать, и подлежитъ только секретному обсужденію, смѣясь прибавилъ гвардеецъ. — О себѣ во всякомъ случаѣ скажу, что я намѣренъ застрѣлиться въ день свадьбы мисъ Колоннъ съ какимъ бы то ни было смертнымъ.

Затѣмъ разговоръ снова перешелъ на Гарибальди и Виктор-Эмануила, и Саксенъ потихоньку ушелъ изъ клуба, поспѣшивъ на желѣзную дорогу.

Онъ былъ не въ духѣ и почти сердитъ во все время, пока, развалившись въ кэбѣ, катилъ вдоль Стрэнда. Въ короткій часъ, проведенный имъ въ клубѣ, онъ слышалъ многое, что ему было крайне неприятно, многое, чего онъ не могъ опровергнуть, и что, слѣдовательно, долженъ былъ выносить сравнительно терпѣливо. Одно то, что имя Олимпія такъ свободно произносится столькими праздными устами, уже казалось ему оскверненіемъ; но произносить его заодно съ именами Воана и Кастельтауерса, и — почему знать? — быть можетъ, десятковъ другихъ, поневолѣ поставленныхъ въ сношенія съ нею своими политическими убѣжденіями — одно это уже было въ глазахъ его ни болѣе ни менѣе, какъ святотатство.

Начать съ того: былъ ли на свѣтѣ человѣкъ, достойный ея? Во всякомъ случаѣ, ужъ никакъ же не майоръ Воанъ, съ своими поверхностными понятіями о нравственности, своимъ худо-скрытымъ цинизмомъ и бородою болѣе чѣмъ съ просѣдою. Даже не Кастельтауерсъ, при всемъ его истинно джентльменскомъ благородствѣ. Нѣтъ! Олимпія Колоннъ въ мужа годилась бы только какой-нибудь современный Дюкленъ или Байардъ; какой-нибудь мужъ древняго, героическаго заката, душа котораго пылала бы такимъ же огнемъ, какой воспламенялъ ея душу, который совершилъ бы

великіе подвиги для любимаго ею дѣла, и клалъ бы свои славныя лавры къ ея ногамъ. Только существовалъ-ли такой герой: молодой, прекрасный собою, отважный, пылкій, обольстительный въ любви и мощный въ бою — герой, рыцарь *sans peur et sans reproche*?

Быть можетъ, Саксена и утѣшало лишь это убѣжденіе, что только какою-нибудь *chevalier preux* можетъ быть достоинъ мисъ Колонны, и что нѣтъ вѣроятности, чтобы таковой явился.

Предаваясь подобнымъ размышленіямъ, онъ очутился на станціи, какъ разъ къ третьему звонку. Бросить кассиру деньги, пробѣжать всю платформу, и вскочить въ вагонъ перваго класса въ ту самую минуту, какъ кондукторъ издавалъ предварительный свистокъ — все это было дѣломъ мгновенія. Когда дверца за нимъ захлопнулась, и онъ опустился въ ближайшее кресло, знакомый голосъ позвалъ его по имени, и онъ передъ собою увидѣлъ мисъ Гатертонъ.

ХІІ.

Въ вагонъ.

— Очень рада васъ встрѣтить, мистеръ Трефольденъ, сказала она, протягивая ему руку съ тѣмъ радушнымъ, почти мужески-непринужденнымъ движеніемъ, отъ котораго Саксену всегда дѣлалось такъ пріятно и весело въ ея обществѣ. — Чтò жь, много вы перестрѣляли тетеревей, много выиграла пари на бѣгахъ съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами видѣлись въ послѣдній разъ?

— Нѣтъ, шутливо отвѣчалъ Саксенъ. — Я занимался болѣе полезнымъ дѣломъ.

— Очень рада слышать. А можно спросить, какимъ именно?

— О, мисъ Гатертонъ, если вы потребуете подробнаго отчета — я погибшій человекъ! Я только имѣлъ смутное, но отрадное сознаніе, что я велъ себя похвально, и вообще сталъ лучше, нежели былъ. Довольно неопредѣленный отвѣтъ, не такъ-ли?

— Весьма неудовлетворительный. Во всякомъ случаѣ, вы еще не облеклись въ красную рубашку?

— Въ красную рубашку! откликнулся Саксенъ, съ невольнымъ взглядомъ на маленькія синія подковочки, которыми была усѣяна грудь одежды, украсившей въ этотъ день его особу. — Какъ это, красную рубашку?

— Ахъ, боже мой, какой вы непонятливый; ну, еще не перешли въ Гарибальди?

Опять Гарибальди! Казалось, будто самый воздухъ въ этотъ день былъ наполненъ одними именами Италіи и Гарибальди.

— И вы туда же, мисъ Гатертонъ! въ отчаяніи воскликнулъ Саксенъ. — Въ одно утро, проведенное мною въ городѣ, я слышался объ итальянскихъ дѣлахъ болѣе, чѣмъ во все время моего пребыванія въ Кастельтауерсѣ. Въ клубѣ больше ни о чемъ не говорили.

— Весьма естественно, отвѣчала наслѣдница. — Постороннимъ зрителямъ гораздо досужнѣе болтать, нежели самимъ дѣятелямъ. Серьезно, неужели же мисъ Колонна не завербовала васъ?

— Право же, нѣтъ.

— Вы меня удивляете. Я никакъ не думала, чтобы она выпустила изъ рукъ такого рослаго молодца, какъ вы. Но, можетъ быть, вы, во всякомъ случаѣ, сами собираетесь?

— Я еще вовсе не рѣшилъ, ни такъ ни иначе, отвѣчалъ Саксенъ: — но еслибы кто-нибудь изъ нашихъ отправлялся, я бы съ удовольствіемъ присосѣдился.

— Я бы непременно поѣхала, будь я мужчина, сказала мисъ Гатертонъ. — Кстати, какъ идутъ денежные дѣла Италіи? Я на дняхъ слышала, что сильно нуждаются въ деньгахъ, и послала бездѣлицу — немного, но въ эту минуту больше не могла.

— Касса, кажется, ничего — пополняется, отвѣчалъ Саксенъ, съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ.

— Вы, конечно, одинъ изъ подписчиковъ?

— Да, и я кое-что далъ.

Мисъ Гатертонъ пытливо посмотрѣла на него.

— Хотѣлось бы мнѣ знать, какой цифрѣ равняется это *кое-что*, сказала она. — До меня сегодня дошелъ странный слухъ... но вы, вѣроятно, не станете отвѣчать мнѣ, если я сдѣлаю вамъ вопросъ?

Саксенъ засмѣялся, и отрицательно покачалъ головой.

— *Слухъ* по большей части не что иное, какъ благозвучный синонимъ *лжи*, возразилъ онъ. — Никогда не вѣрьте слухамъ.

— Вы, можетъ быть, правы, отвѣчала мисъ Гатертонъ серьезно: — прискорбно было бы, еслибы всему вѣрить...

Она не договорила и прибавила:

— Еслибы вы какъ-нибудь собрались въ Италію, мистеръ Трефольденъ, непременно дайте мнѣ знать. Я только не надивлюсь, какъ мисъ Колонна давно не принялась испытывать на васъ свое краснорѣчіе.

— Да вѣдь я не итальянецъ.

Мисъ Гатертонъ улыбнулась, съ видомъ сожалѣнія.

— Любезный сэръ, сказала она: — еслибы вы были индійскій душитель, и захотѣли бы посвятить «дѣлу» свой арканъ, то Колонны и тогда приняли бы васъ. Національность для нихъ ничего не значить. Имъ нуженъ либо волонтеръ, либо подписчикъ, больше ни-

чего. Вѣдь значительное число вашихъ соотечественниковъ уже перешло черезъ Альпы.

— Вѣрно ли вы это знаете?

— Такъ же вѣрно, какъ то, что вы газеть въ руки не берете.

— Вѣриѣ ничего быть не можетъ, смѣясь согласился Саксенъ: — дѣйствительно, въ чтеніи газетъ я неповиненъ.

— Англійскій волонтерскій отрядъ уже организовался въ Генуѣ, продолжала мисъ Гатертонъ.

— Знаю.

— Я слыхала, что будетъ и нѣмецкій отрядъ: еще поговариваютъ о двухъ отрядахъ: швейцарскомъ и венгерскомъ.

Саксенъ привскочилъ съ своего мѣста.

— Швейцарскій отрядъ! почти крикнулъ онъ: — швейцарскій отрядъ, и никто мнѣ о немъ не сказалъ ни полслова!

— Странно, замѣтила мисъ Гатертонъ.

— А мисъ Колонна не позже, какъ вчера утромъ, еще такъ много толговала мнѣ объ Италіи!

— Можетъ быть, имъ вовсе не хочется сдѣлать изъ васъ вонна, мистеръ Трефольденъ, сказала наслѣдница.

— Но вѣдь они нуждаются въ солдатахъ!

— Такъ, но...

— Но, что?

— Можетъ быть, они въ настоящую минуту болѣе нуждаются въ томъ, что издревле называется мышцами войны, чѣмъ лично въ вашихъ мышцахъ.

— Вы говорите о деньгахъ! заиняясь проговорилъ Саксенъ.

— Вѣдь васъ, чего добраго, убить могутъ.

— Конечно, могутъ, но вѣдь каждый волонтеръ рискуетъ жизнью. И Воана могутъ убить.

— Ничего нѣтъ мудренаго; разница въ томъ, что у майора Воана нѣтъ вашихъ несметныхъ миллионовъ.

— Я... я, право, васъ не понимаю! сказала она.

— Желаете ли вы, чтобы я говорила яснѣе?

— Безъ всякаго сомнѣнія.

— Въ такомъ случаѣ скажу, извините за сравненіе, что можетъ быть, было бы не совсѣмъ политично убивать курицу, несущую золотыя яйца.

— О, мисъ Гатертонъ, заступился Саксенъ: — можно ли быть до такой степени несправедливою, даже злою!

Мисъ Гатертонъ добродушно усмѣхнулась.

— Я выражаюсь довольно рѣзко, мистеръ Трефольденъ, сказала она: — а за эту черту, обыкновенно, попадаешь въ несправедли-

вше и зше. Только, право, вамъ незачѣмъ сердиться на меня за то, что я говорю правду.

— То-то, что вы ошибаетесь: это неправда, и не похоже на правду.

— Послушайте, сказала она:—я обоихъ Колонновъ знаю лучше васъ. Джуліо Колонна положительно небасытимъ, какъ только дѣло касается Италіи. Я не оспариваю у него личнаго безкорыстія. Онъ бы снялъ съ себя платье, чтобы купить пороха и дрови для Италіи, но не задумался бы снять его и съ сосѣда для той же цѣли.

— Увѣряю васъ...

— Увѣряю васъ, мистеръ Трефольденъ, что вы можете вѣрить мнѣ, когда я вамъ говорю, что онъ считалъ бы своей священной обязанностію усадить въ итальянское дѣло все ваше состояніе до послѣдней копейки, еслибы только могъ до него добраться. Вамъ не мѣшаетъ остерегаться его.

— Во всякомъ случаѣ я увѣренъ, что мисъ Колонна...

— Мисъ Колонна во всемъ подчиняется своимъ политическимъ убѣжденіямъ и вліанію отца. Остерегайтесь и ея.

— Вы скоро велите мнѣ остерегаться васъ самихъ, мисъ Гатертонъ!

— Врядъ ли, любезный сэръ. Я въ вамъ крайне расположена, но не имѣю на васъ никакихъ видовъ. Мнѣ не нужно ни вашихъ денегъ, ни... Знаете ли, что говорятъ про васъ и мисъ Колонну?... Кстати, не это ли ваша станція?

— Про меня и мисъ Колонну? повторилъ Саксенъ, съ замирающимъ сердцемъ.

— Да... только это въ самомъ дѣлѣ Сердзбрукъ. Убирайтесь—здѣсь не стоятъ ни одной минуты.

— Ради самаго неба, мисъ Гатертонъ, скажите!

— Нѣтъ, нѣтъ, не скажу! Убирайтесь, говорю вамъ, или васъ увезутъ. Я вамъ скажу, когда вы соскочете на платформу.

Саксенъ выскочилъ изъ вагона, но обѣими руками держался за спущенное окно.

— Такъ что же? сказалъ онъ:—говорите!

— Вотъ что, отвѣчала мисъ Гатертонъ, произнося слова нѣсколько медленно, и глядя ему прямо въ глаза:—говорятъ, что вы промотаете все свое состояніе на Италію, женитесь на Олимпіи Колоннѣ и сдѣлаете лорда Кастельтауерса несчастнымъ человѣкомъ.

Но послѣднихъ пяти словъ Саксенъ не слышалъ. Ихъ покрылъ острый свистокъ локомотива и поѣздъ тронулся. Молодой человѣкъ нѣсколько минутъ глядѣлъ ему вслѣдъ въ какомъ-то тупомъ оцѣпенѣніи.

«Промотаєте все свое состояніе на Италію, и женитесь на Олимпіи Колоннѣ!» повторялъ онъ про себя.

— Прикажете свезти въ Кастельтауерсъ, сэръ? спросилъ единственный извозчикъ мѣстечка, узнавшій гостя графа.

Но Саксень предпочелъ идти пѣшкомъ, и отправился проселкомъ черезъ поле, напутствуемый словами мисъ Гатертонъ, неотступно звучавшими у него въ ухахъ.

«Женитесь на Олимпіи Колоннѣ!» въ двадцатый разъ твердилъ онъ, сядя на заборъ, и безсознательно обезглавливая своей тростью ближайшіе одуванчики. — «Женитесь на Олимпіи Колоннѣ!» — Боже мой, да на всей землѣ нѣтъ ни одного царя, который на половину былъ бы достоинъ ея! А я... да я едва въ рабы гожусь ей, какая дикая фантазія! Дикая, нелѣпая фантазія!

Дикая, нелѣпая фантазія — пусть такъ; однако онъ ни о чемъ другомъ не могъ думать, и медленно пробираясь веселыми лугами, все только повторялъ сумасшедшія слова:

«Женитесь на Олимпіи Колоннѣ!»

САМУИЛЪ ВЫМОРКОВЪ,

ПРОПОВѢДНИКЪ УЧЕНІЯ ОБЪ АНТИХРИСТѢ

въ 1722—1725 годахъ.

I.

Въ началѣ прошлаго столѣтія, въ городѣ Тамбовѣ, у деревни Успенія Пресвѣтой Богородицы, служилъ дьячкомъ Осипъ Выморковъ. Были у того дьячка дѣти, между ними рано сталъ выдѣлаться своею охотою къ книжному ученью сынъ Степанъ; взросилъ его отецъ, обучилъ грамотѣ и всему церковному обиходу и опредѣлилъ, едва-ли не на свое же мѣсто, дьячкомъ Успенской церкви.

Предъ молодымъ человѣкомъ лежала дорога торная, мирно пройденная отцомъ его: занимать свое мѣсто на клиросѣ приходской церкви, участвовать въ совершеніи различныхъ церковныхъ требъ, рано какъ водилось и водится въ духовномъ званіи, жениться, обзавестись домкомъ, и многіе-многіе годы отчитавъ да отпѣвъ множество обѣдней, всенощныхъ бдѣній, молебновъ и панихидъ—мирно опочить въ оградѣ мѣста своего служенія. Молодого дьячка женили дѣйствительно рано; введи хозяйку въ собственный домикъ свой, Степанъ скоро сдѣлался отцомъ... Но обзаведясь и домкомъ, и семьей, молодой дьячокъ вовсе не былъ увлеченъ въ суету мірскую и заботы житейскія—нѣтъ, онъ весь погрузился въ чтеніе книгъ, преимущественно религіознаго характера, къ которому съ юныхъ лѣтъ чувствовалъ необыкновенное влеченіе... Молодой человѣкъ одаренъ былъ натурою необыкновенно впечатлительною, страшною; умъ его постоянно работалъ въ разрѣшеніи тѣхъ или другихъ сомнѣній, которыя вызываемы въ немъ были явленіями современной, столь полной всевозможныхъ тревогъ жизни. Пытливо доискивался онъ отвѣтовъ на свои вопросы у лицъ, окружавшихъ его, и мучился новыми сомнѣніями, зараждавшимися въ его пылкой головѣ... Читалъ онъ

много и читалъ то, что только могло ему, скромному дьячку одной изъ церквей незначительнаго тогда «провинціального» города Тамбова ¹, попадаться подъ руку: то были разныя, безъ сомнѣнія, рукописныя лѣтописныя сборники; кромѣ того, книга Бароніа, переведенная съ польскаго на славянскій, язъ ваковой книги, между прочимъ, какъ извѣстно, дѣлалъ свои выписки, въ осужденіе отца своего, злополучный царевичъ Алексѣй Петровичъ ²—читалъ и на память зналъ Выморковъ множество житій святыхъ изъ Чтеніи-Миней, сочиненія отцовъ церкви, и многія творенія духовныхъ писателей. У священниковъ и монаховъ, родственныхъ ему или просто знакомыхъ, молодой дьячокъ пытливо выспрашивалъ, нѣтъ ли у нихъ что почитать, рылся у нихъ въ вельяхъ, въ чуланахъ и шкапахъ, и добывая оттуда какую-нибудь книгу, прочитывалъ ее съ особеннымъ вниманіемъ. Такъ зачитывался онъ разными «повѣстями объ антихристѣ» и о прочемъ, что попадалось въ рукописныхъ сборникахъ, не пропускалъ безъ вниманія и книгъ гражданской печати, но особенно любезно было молодому дьячку чтеніе старопечатныхъ книгъ: сборниковъ, требниковъ, между прочимъ, наизусть зналъ и часто ссылался онъ на книгу Ефрема Сирина ³, на поученія Кирилла, и что вычитывалъ Выморковъ изъ нихъ, то вполне соотвѣтствовало настроенію его духа, возбужденному всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ имъ о дѣяніяхъ Петра... Дьячокъ Степанъ былъ одаренъ натурою далеко недюжинною; это былъ человѣкъ прежде всего мысли и увлеченія. Его голова постоянно работала, постоянно вдумывалась въ смыслъ того, что онъ видѣлъ и слышалъ, и при возбужденномъ состояніи своего духа молодой человѣкъ не въ силахъ былъ оставаться безъ дѣла: онъ жаждалъ

¹ Тамбовъ, или какъ называли его при Петрѣ I и писали въ бумагахъ: Тамбовъ—былъ, въ описываемое нами время, провинціальнымъ городомъ Воронежской губерніи. Городъ былъ изъ новыхъ, основанъ при царѣ Михаилѣ, имѣлъ 13 церквей, два монастыря и до 10,000 жителей обою пола. Географ. словарь Щекатова. М. 1808. ч. VI стр. 62—64.

² Дѣянія церковныя и гражданскія, отъ Рожд. Господа нашего I. X. изъ лѣтописаній кесаря Бароніа собранная, переведенная съ польскаго языка на славянскій, кромѣ явныхъ съ церковью православною восточною, противностей римскихъ у Бароніа и Скварги обрѣтающихся. М. in-f^o, 2 т. 1719 г. на церк. сл. язык. Собственноручныя выписки царевича Алексѣя Петровича изъ «Бароніуса» см. въ изд. г. Погодина: «Царевичъ Алексѣй Петровичъ по свидѣтельству вновь открытима». М. 1861 г. стр. 144—163

³ Книга сіа богоугодныхъ трудовъ: пр. от. наш. Ефрема Сирина: к ней же и вновь преведомая с греческихъ хартейныхъ книгъ учителя его и вразумительная словеса, монашескому и мірскому состоянію во изрядную пользу и спасеніе... М. 1701 г. церк. печ. in-f^o. До этого изданія поученія Ефрема Сирина выдержали у насъ нѣсколько изданій, изъ нихъ первое было въ Москвѣ въ 1647 году.

осуществить свою мысль на дѣлѣ и идти противъ того, что; по его мнѣнію, было зло... При другихъ обстоятельствахъ, въ другой сферѣ, въ немъ, быть можетъ, выросъ бы пылкій, способный, страстно-преданный дѣлу Петра I-го дѣятель; но изъ той среды, въ которой возросъ герой нашего разсказа, ему суждено было выдти армянъ противникомъ преобразователя и увеличить собою число лицъ, отъ всей души ненавидѣвшихъ петровскую реформу.

Для насъ, однако, весьма интересно, въ виду ознакомленія съ состояніемъ умовъ въ эпоху преобразователя, прослѣдить, подъ влияніемъ какихъ внушеній сложилось враждебное настроеніе Степана Выморкова; вслѣдствіе сего мы и постараемся во всей подробности прослѣдить *образованіе* Выморкова, какъ одного изъ враговъ преобразованій императора Петра. Ближайшее знакомство съ жизнью безвѣстнаго дьячка Успенской церкви города Тамбова, даетъ намъ возможность довольно живо воспроизвести тотъ образъ мысли о дѣлахъ Петра I-го, какой особенно отличалъ въ то время населеніе юго-восточной части нашего отечества ¹. Въ самомъ-дѣлѣ, въ первой четверти XVIII вѣка на всемъ обширномъ пространствѣ между Тамбовомъ, Воронежемъ, затѣмъ по всему Дону и влѣво отъ него до Каспія, мы встрѣчаемъ монаховъ, лицъ блага духовенства, казаковъ, наконецъ людей торговыхъ и простолюдиновъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, почти поголовно съ ужасомъ и негодованіемъ взиравшихъ на дѣянія Петра. Крутыя мѣры его противъ монастырей и чернаго духовенства, ворованія преслѣдованія старообрядцевъ, заточеніе первой жены, царицы Авдотьи, осужденіе сына, пристрастіе къ иноземцамъ—вотъ тѣ главнѣйшія стороны петровскаго царствованія, которыя вызывали особенно упорное и злое осужденіе со стороны тогдашняго населенія Россіи вообще и юго-восточнаго угла ея въ особенности. Этотъ уголь, какъ извѣстно, издавна питалъ въ себѣ элементы, враждебные правительству: здѣсь неразъ подымалось кровавое знамя вооруженнаго возстанія, здѣсь почти на глазахъ Выморкова по синимъ волнамъ Дона плыли плоты съ висѣлицами, на которыхъ болтались трупы болѣе двухсотъ повѣщенныхъ сподвижниковъ смѣлаго Булавина ², сюда, въ этотъ привольный край, несмотря на всѣ мѣры правительства, стекались со всѣхъ сторонъ Россіи «бѣглецы» отъ «всѣхъ новыхъ порядковъ»; въ придонскихъ станицахъ

¹ Коротенькая замѣтка о Самуилѣ Выморковѣ была помѣщена г. С. Соловьевымъ въ Православномъ Обзорѣнн 1860 г. № 7, стр. 332.

² См. Разсказы изъ русской исторіи С. Соловьева: 1) Сто свадѣбъ въ Астрахани. 2) Булавинъ. 3) Мазена. «Рус. Вѣст.» 1860 г. № 15, и Исторія Россіи—*его же*, т. XV. М. 1865 г. стр. 264, 265 и другія.

издавна гнѣздилися расколъ, наконецъ въ монастыряхъ этого края питался, несмотря на весь бдительный надзоръ новопоставленныхъ надъ обителями честныхъ отцовъ-инквизиторовъ, духъ особеннаго недовольства всѣми распоряженіями Петра I. Этотъ духъ былъ общій всѣмъ обитателямъ святыхъ пустынь, начиная съ ихъ игуменовъ и кончая послушниками и монастырскими служками... Могъ ли не увлечься тою же ненавистью къ преобразователю и нашъ книжникъ, при его увлекающей впечатлительной натурѣ, при его «чувствости къ высшимъ вопросамъ жизни и способности не удовлетворяться однимъ разглагольствіемъ объ нихъ».

1722-й годъ засталъ Степана за его мирными занятіями по должности дьячка. Попы Андрей Ѳеодоровъ и Дмитрій, священники Успенской церкви въ г. Тамбовѣ, были расположены къ своему дьячку и не разъ, какъ видно, пускались съ нимъ въ разсужденія по поводу разныхъ вопросовъ, занимавшихъ время отъ времени молодого челоуѣка, но онъ еще жилъ «безъ сумнительства» какъ по поводу религіи, такъ и относительно дѣяній и личности Петра I-го. Ревность же къ православію со стороны Выморкова и къ обрядамъ церкви была въ немъ въ то время очень сильна; такъ онъ усердно «заставлявалъ лѣностныхъ» людей къ хожденію въ церковь, и однажды ревность къ православію увлекла его даже къ доносу на одного изъ поповъ своей церкви, будто бы свисходительно отнесагося къ одной женщинѣ, позволившей себѣ «блевать въ народѣ на святую церковь, на тайны, на святыхъ иконы и на священный чинъ».

То же блюденіе чистоты религіи и всего священнаго стало скоро вызывать со стороны Выморкова разныя «сумнительства», не посягаютъ ли на чистоту религіи, на этотъ разъ, уже ни какаго-нибудь полуумная дѣвка, а самыя власти придержащія? а на тѣ сумнительства навелъ его нѣкій старецъ, монахъ Савва. Старецъ тотъ служилъ въ Тамбовѣ сначала при часовнѣ, а потомъ какъ часовни лишнія были, по указу Петра, закрыты, Савва поселился въ томъ же городѣ въ Казанскомъ монастырѣ. Вѣроятно, строго подвижническая жизнь Саввы привлекла къ нему Выморкова, и молодой дьячокъ любилъ бесѣдовать съ отшельникомъ.

— Прочелъ я въ книгѣ Ефремовой повѣсть объ антихристѣ, сообщилъ однажды Степанъ своему пріятелю старцу.

— А гдѣ онъ, антихристъ, будетъ? спросилъ старецъ.

— Знато, что въ Иерусалимѣ, отвѣчалъ Степанъ.

— Нѣтъ, тотъ антихристъ, что нынѣ въ Москвѣ, что царемъ прозывается; для того, что въ Москвѣ было благочестіе, а нынѣ отпало, какъ Римъ (какъ и Римъ?), да и потому онъ — антихристъ,

что владѣеть самъ одинъ и патріарха нѣтъ, а то его печать, что бороды брѣютъ и у драгуновъ роскаты.

— Они и погибнуть такъ! воскликнулъ Степанъ.

— Иные за простоту свою, былъ отвѣтъ старца:—и не погибнуть...

Этотъ разговоръ повергъ молодого человѣка въ ужасъ. Онъ повѣрилъ отъ всей души, что надъ отечествомъ его властвуетъ антихристъ, что слуги царскіе—слуги антихристовы, что встрѣчаемыя имъ всюду лица съ выбритыми бородами всѣ носятъ на себѣ печать антихристову. И всюду-то эти люди ходятъ, и въ церкви они бываютъ, и тѣмъ церковь, какъ слуги антихристовы, скверняютъ. И тяжело задумался дьячокъ: куда бѣжать отъ тѣхъ слугъ антихристовыхъ? Наступилъ, между тѣмъ, рождественскій постъ въ томъ же 1722-мъ году. Выморковъ, весь погруженный въ думу о слышанномъ имъ отъ Саввы, перечитываетъ Апокалипсисъ, перечитываетъ другія старопечатныя книги, впадаетъ въ разныя сомнѣнія, повторяетъ ихъ старцу Саввѣ, тотъ по своему ихъ разъясняетъ, говоритъ ему, между прочимъ, объ уничтоженіи Петромъ патріаршества, и все то въ «противномъ» государю духѣ. Сердце молодого человѣка отъ всѣхъ тѣхъ рѣчей все болѣе и болѣе ожесточается; читаетъ онъ старопечатный требникъ, и къ ужасу своему находитъ, что въ немъ «о брадобритіи пишутъ въ отрицаніе приходящимъ въ православную вѣру». Сочиненіе Ефрема Сирина, между прочимъ, было особенно любимую книгою Степана; вдругъ обнаруживается распоряженіе синода о томъ, чтобы вмѣсто прежняго чтенія по церквамъ въ великій постъ книгъ Ефрема Сирина, Соборника и прочихъ книгъ, читать новопечатныя буквари съ толкованіемъ заповѣдей Божіихъ *. Изгнаніе, такимъ образомъ, издревле установленнаго чтенія, и замѣна его — чтеніемъ буквара, должно было весьма поразить многихъ, дать пищу непріязненнымъ правительству толкамъ и повергнуть въ немалое «сумнительство» и нашего подвижника церкви. Болѣе и болѣе сталъ онъ погружаться въ думу, что такіа дѣянія не могутъ идти ни отъ кого, какъ отъ слугъ антихристовыхъ; брадобрѣйцовъ онъ уже видѣлъ равнодушно не могъ, и избѣгая ихъ встрѣчи, упорно не ходилъ въ церковь. Последнее обстоятельство не могло не поразить его жену.

* Новый букварь изданъ былъ въ 1720-мъ году въ Петербургѣ, подъ заглавіемъ: «Первое ученіе отрокомъ, въ ней же буквы и слоги; таже: краткое толкованіе законнаго десятословія, молитвы господней, символа вѣры и девяти блаженствъ». Любопытныя свѣдѣнія какъ объ этой книгѣ, такъ и по поводу введенія ея во всеобщее употребленіе при Петрѣ, см. въ изслѣдованіи *Полварская* т. 1 стр. 178—181 и 501.

— Что ты дѣлаешь? спрашивала она своего мужа:— почему не ходишь въ церковь? Я съ раскольникомъ жить не хочу!

Мнимоу раскольнику казалось легче было оставить жену, впрочемъ имъ, какъ видно изъ послѣдующихъ его дѣйствій, нѣжно любимую—нежели отступити отъ своего рѣшенія: не ходить въ церковь, гдѣ онъ встрѣчалъ слугъ антихристовыхъ. И онъ не задумался написать женѣ «распусное, противное письмо, въ такой силѣ»:

«Я Степанъ, Осиповъ сынъ, Выморковъ, отпускаю жену свою на волю, какъ похощеть, хотя и замужъ пойдетъ, я не иска- тель, а я хочу такъ жить, а свидѣтель тому всему всевидящее обо».

Жена взяла то письмо, сказала мужу, что отнесла его къ отцу духовному, и не стала раздѣлять съ Степаномъ брачнаго ложа.

Выморковъ спѣшилъ найти утѣшеніе въ книгахъ; сталъ онъ зачитываться извѣстной книгой Кирилла объ антихриствѣ и знакахъ его (М. 1644 г.)*, и введенный ею въ новое сомнѣніе, вновь пересталъ ходить въ церковь. А нашелъ онъ въ той книгѣ такое выраженіе: «*во имя Симона Петра имѣетъ бити гордый князь міра сею антихриствѣ*». Такое предсказаніе для него, уже «сматен- наго духомъ и уstraшеннаго въ своей совѣсти», казалось пря- мымъ указаніемъ, что царствіе антихриста, въ лицѣ государя Петра I, уже осуществилось, и вотъ Выморковъ свое убѣжденіе сообщаетъ дьячку другой тамбовской церкви, Елисею Петрову. Тотъ не только, какъ видно, согласился съ Степаномъ, но еще сообщилъ ему новый поводъ въ его «совѣстному уstraшенію», передавъ слухъ о томъ, будто «скоро начнутъ служить на опрѣс- вокахъ».

Степанъ объявляетъ свое ученіе казаку Старкову. И тотъ, со- гласясь съ Степаномъ, въ свою очередь сообщаетъ ему слухъ о томъ, что «немного де-жить свѣту, въ пол-пол-осьмой тысячѣ конецъ будетъ»!

Степанъ передаетъ этотъ толкъ высокочтимому имъ старцу Саввѣ, и отвѣчалъ тотъ Савва: «нѣтъ, и того не достанетъ»! (т. е. преставленіе свѣта еще скорѣй того наступитъ, нежели какъ предполагаетъ то полковой казакъ Старковъ).

Въ виду столь скорого конца свѣта, чтобъ не пострадать на- прасно, Степанъ вновь не захотѣлъ ходить въ церковь молиться съ прочими слугами антихристовыми. И мать, и жена, дивясь тому нехожденію, неоднократно его спрашивали:

* См. «О такъ-называемой Кирилловой книгѣ», рассужденіе А. Лилова. Ка- зань, 1858 г.

— Для чего жъ ты въ церковь не ходишь? другихъ людей заставляешь, а нынѣ самъ не ходишь?

— Не хочу ходить, отвѣчалъ дьячокъ;—не хочу Бога молить за антихриста, что нынѣ императоромъ прозывается, и за слугъ его.

Жена, имѣя распускное письмо отъ мужа, только дивилась его поведению, но бѣдная мать не могла смотрѣть на своего Степу спокойно и спѣшила обратиться съ сѣтованіями на его поведенье къ разнымъ людямъ. Такъ ходила она къ тамбовскому протопопу Тихону, жаловалась на нехождение Степана въ церковь, но протопопъ сказалъ только: «бездѣлуешь-де сынъ твой!» и никакой затѣмъ нагонки «бездѣлюющему» не учинилъ. Мать стала совѣтоваться съ монахиней Киликеей... «Напрасно не ходитъ твой сынъ въ церковь» отвѣчала на жалобы старухи монахиня Киликеея, «и съ чего то нехождение?»

— А ради того не ходитъ Степанъ въ церковь, что бороды брѣютъ...

— Кто бороды брѣетъ, тому и грѣхъ, не совсѣмъ успокоительно для старухи отвѣчала Киликеея:—а все-таки благочестіе еще есть — потому на пяти просвирахъ служить, а какъ стануть на опрѣсновахъ служить, и мы отречемся, въ церковь не будемъ ходить.

Въ то время, когда старуха мать тоскуетъ и плачется на неблагочестіе своего сына, молодой человѣкъ, осаждаемый тяжелыми думами объ антихристѣ, вспомнилъ, что въ Тамбовскомъ уѣздѣ, въ селѣ Тотоковѣ, у знакомаго ему попа Ивана есть старопечатный трепникъ. «Дай посмотрю въ немъ, что-де тамъ объ антихристѣ сказано», думаетъ Выморковъ и спѣшитъ къ отцу Ивану. Случилось на его бѣду такъ, что во время прихода его, къ отцу Ивану пріѣхали пристава изъ Переяславля-Рязанскаго, развозили тѣ пристава попамъ присяги и увѣщанья*. Сталъ читать Выморковъ увѣщанье, и вдругъ остановился на томъ мѣстѣ, гдѣ «въ похвалу и честь» государя писано такъ: «ниѣти бы яко главы своя и отца отечества, и Христа Господня!» Съ ужасомъ вспомнилъ молодой человѣкъ, что въ Кирилловой, старопечатной книгѣ именно сказано: «Антихристъ—ложно Христомъ»

* Вѣроятно, здѣсь надо разумѣть: «Уставъ о наследіи престола», обнародованный 5 февраля 1722. (См. П. С. З. т. VI № 3,893), по поводу котораго требовалось «клятвенное обѣщаніе» отъ всѣхъ подданныхъ въ признаніи ими того наследника престола, котораго избереетъ самъ государь; или тѣ «Присяги», которыя разосланы были въ 1722 г. всѣмъ священникамъ, при указѣ 17 мая (т. VI № 4012), о объявленіи священникамъ отырытыхъ имъ на исповѣди преднамѣренныхъ злодѣйствъ... Подъ словомъ же *увѣщаніе*, безъ сомнѣнія, разумѣется то увѣщаніе синода къ раскольникамъ, которое было издано въ томъ же 1722 г., янв. 27-го. П. С. З. VI № 3,891.

прозывается!» И такъ сбылось уже и это пророчество, сталъ думать Выморковъ: антихристъ, возсѣвшій на царскій престолъ, сталъ ужъ именоваться и Христомъ.

— Смотри, читай эту книгу Кириллову, говорилъ вскорѣ послѣ этого Степанъ дьячку Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря:—тутъ имя написано антихристово, и передалъ ему все слышанное отъ Саввы ¹:—примѣть и то, продолжалъ Степанъ: бывало, молятъ Бога за царя Петра *Алексѣевича*, а нынѣ стали молиться за императора Петра *Великаго*, отечество-жь уже не поминается ².

Степанъ не скрывалъ терзавшихъ его сомнѣній ни отъ кого изъ знакомыхъ, тѣмъ болѣе не рѣшился онъ скрыть ихъ отъ отца своего духовнаго, Архангельской церкви попа Ивана Аѳанасьева. Не разсѣтъ ли ихъ отецъ духовный? Нѣтъ! отецъ Иванъ еще утягилъ тревожное состояніе Выморкова разговоромъ: «вотъ, какъ мы бывали на Воронежѣ въ пѣвчихъ и пѣвали предъ государемъ и при компаніи (т. е. его свитѣ) проминали измѣнниковъ, и дошелъ разговоръ до Талицкаго, и государь въ то число говорилъ тако: о, воръ Талицкій! ужъ и антихристъ предъ тобою! къ чему жъ то государь говорилъ, заключилъ священникъ, Богъ знаетъ» ³.

Разказъ попа Аѳанасьева не разсѣлъ недоушній дьячка Степана, «къ его сомнѣніямъ приложилъ попь только новое сомнѣніе». И нигдѣ-то онъ не встрѣтилъ кого либо, кто бы ему положительно и ясно доказалъ всю нелѣпость его убѣжденій. Напротивъ, всюду онъ слышитъ подтвержденіе своей дикой мысли. Степанъ сталъ подумывать, не обратиться ли къ старообрядцамъ за разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній, и сталъ онъ спрашивать предварительно,

¹ Монахъ Савва около этого времени скончался.

² См. въ П. С. З. т. VI № 8,882 синодскій указъ 18 янв. 1721-го года: о возношеніи высочайшихъ именъ при церковнослуженіяхъ по даннымъ формамъ... «и тѣ формы, указано было: священно-служителямъ твердить со всякимъ прилежаніемъ... и чтобъ какого противнаго и неумотрительнаго произношенія не было, но весьма опасно и речивисто, такъ было произнесено, какъ во оныхъ формахъ напечатано, и не тою изъясненіемъ речей, по и просодіи, то-есть гласнаго ударенія употребленіе и строчное прещипаніе, безъ погрѣшности паблюдалось, подъ страхомъ жестокаго штрафованія...» Въ формѣ взгляденія многолѣтія, между прочимъ, значилось.. «въначпому и превознесенному, отцу отечества, Петру Великому, императору» и, т. д.

³ Имена Талицкаго, Левина и пѣкоторыхъ другихъ раскольниковъ, долго и долго вспоминались одними—какъ имена людей, вынесшихъ жестокаія истязанія за *правословіе*, другими—какъ самыхъ злыхъ и дерзкихъ поносителей государя Петра I-го. См., между прочимъ, дѣло Теофана Прокоповича въ *Чт. Общ. Истор.* и Древн. 1862 г. I стр. 14, «Варлаамъ Левинъ» статья *Есинова* въ «Русскомъ Словѣ» 1861 г., П. С. З. т. VI № 8891, *Пискаревско*: Наука и Лит. при Петр. Век. II 80—82, и проч.

у знакомаго уже намъ протопопа Тихона, о существѣ разницы крестнаго знаменія первыми тремя перстами, и однимъ первымъ большимъ съ двумя послѣдними: которое изъ сихъ сложений рукъ болѣе истинно?

— Какъ хочешь крестись, равнодушно отвѣчалъ отецъ Тихонъ:—я крещусь и такъ, и сякъ, въ томъ силы нѣтъ, хоть и кулакомъ крестись.

— Ну, а что то за слово *императоръ*? допрашивалъ Степанъ.

— Знатно, что больше царя, отвѣчалъ протопопъ.

Возрастающіе толки о томъ, что скоро повелятъ служить на опрѣснокахъ, что скоро и монастыри не будутъ смѣть принимать къ себѣ новыхъ сподвижниковъ, до того устращли Степана, что онъ рѣшился постричься въ монахи.

— Антихристъ скоро велитъ служить на опрѣснокахъ, свазалъ Степанъ своимъ домашнимъ, сидя на Рождество 1722 года за обѣдомъ:—а я не стану того ждать, я уйду въ монастырь.

— Не слѣши постригаться, останавливала его старица Киликея, которой онъ также сообщилъ свое рѣшеніе:—не слѣши, жена у тебя есть.

— Да ужь указы пришли, чтобъ не постригать новыхъ монаховъ, я и потороплюсь, пока указъ не исполненъ, возражалъ Степанъ:— да и монахъ Савла сказывалъ мнѣ, что въ мірѣ у насъ царствуетъ антихристъ.

— Вреть онъ, спорила Киликея:—антихристъ женатъ не будетъ...

— Вѣдь я самъ присмотрилъ въ Кирилловой старопечатной книгѣ, стоялъ на своемъ дьячокъ:—что во имя Симона-Петра имать сѣсти гордый князь, міра сего антихристъ...

— Нѣтъ, не онъ—это нашъ государь... А читала я въ книгѣ, продолжала Киликея:— что первое гоненіе будетъ отъ антихриста на монаховъ, монастыри опустошены и огнемъ пожжены будутъ...

— Однакожъ, я постригусь; когда что будетъ, тогда и въ горы уйду...

Сталъ обходить Виморковъ своихъ знакомыхъ, причемъ пзвѣщалъ ихъ о своемъ рѣшеніи постричься; зашелъ, между прочимъ, онъ къ посадскому челоуѣку, жителю Тамбова, Котову. Въ бесѣдѣ съ женой его, Анной Обросимовной, сообщилъ Степанъ и ей свое ученье.

— Да, вотъ и я скажу на то, замѣтила Анна:— жила я въ городѣ Шуѣ, и случилось сроднику моему быть въ городѣ Суздали, куда сослана царица, и она говаривала людямъ, а въ томъ числѣ и сродники мои слышали: «держите вѣру христіанскую, это не мой царь, иной вышелъ». А и насчетъ крестнаго знаменія,

та-жь Анна Котова пояснила, «что ей довелось слышать отъ по-па иль протопопа, а именно не упомянуть, что въ слаганіи первыхъ трехъ перстовъ сидитъ самъ сатана»...

И услыша отреченіе заточенной царицы отъ своего мужа, Степанъ съ обычнымъ своимъ простодушіемъ вполне повѣрилъ разсказу объ этомъ событіи и «наипаче въ сумѣннн своемъ объ антихристѣ укрѣпился». Да и какъ не укрѣпиться, мыслятъ дьячокъ, когда и у Григорія Назіанзинна, въ концѣ его книги сказано: «внезапу привозстанеть и превознесется и возлицемѣрствуетъ благостыню!» Въ страхъ, что-де все равно, при державѣ антихриста жить долго не доведется, Степанъ Выморковъ порѣшилъ окончательно уйти отъ зла и сотворить благо, то-есть постричься въ монахи.

II.

Чтобъ поступить въ монахи, какъ можно видѣть изъ указовъ того времени *, надо было преодолѣть немало трудностей. Правда, знаменитое «Прибавленіе къ Дух. Регламенту, о правилахъ причта церковнаго и чина монашескаго», прибавленіе—сдѣлавшее крайне-труднымъ, почти невозможнымъ, поступленіе въ монахи, не было еще получено въ Воронежской губерніи, но уже и безъ сего «Прибавленія» предстояло, при поступленіи въ монашество, много разныхъ формальностей... Выморковъ, однако, не убоился ихъ; онъ рѣшился постричься въ Трегуляевомъ Предтечевомъ монастырѣ, находящемся въ восьми верстахъ отъ города Тамбова. Игуменъ Юсафъ, къ которому онъ обратился съ просьбой постричь его въ монахи, зналъ Степана за человѣка «къ церкви подвижнаго, въ молитвѣ не лѣностнаго, къ пѣнью на клиросѣ удобнаго», притомъ же изряднаго начетчика. Поэтому, Юсафъ и спѣшилъ утвердить Степана въ его намѣреніи покинуть свѣтъ, и надоумилъ, что онъ долженъ былъ для этого сдѣлать. Согласно наставленью отца-игумена, молодой человѣкъ неоднократно словесно просилъ, какъ его, игумена, такъ и всю честную братью монашествующую принять его въ свою среду; затѣмъ, Степанъ подалъ письменное о томъ прошеніе: игуменъ, іеромонахи и іеродіаконы положили, какъ того требовали указы того времени, письменную резолюцію на томъ прошеніи, что они согласны принять въ свою среду просителя. Но Степанъ былъ женатъ; современныя же постановленія, обнародованныя правительствомъ, тре-

* П. С. З. т. III №№ 1612 п. 16 и 17; 1629; т. IV №№: 1834, 1839, 1856, 1886, 2394; т. V, №№ 2985 п. 3; 3712; т. VI № 3713, 3888, 3910, 3912, 3964—66, 3975, 4012, 4015 и друг.

бывали, чтобъ жена желающаго постричься, дала отъ себя «роспускное письмо». Самъ игумень взялся то дѣло уладить, отправился къ женѣ Степана, и убѣдилъ ее дать означенное письмо. Въ письмѣ молодая женщина заявляла, что мужъ ея желаетъ постричься, что препятствій къ тому съ ея стороны не имѣется, и что о растрижении его нигдѣ она бить челомъ не станетъ. Письмо должно было быть засвидѣтельствовано отцомъ духовнымъ, Иосафъ устроилъ и это: нашъ прежній знакомый, отецъ Дмитрій скрѣпилъ то письмо своею подписью. Выполняя требуемая формальности, игумень Иосафъ, спустя нѣсколько времени, опросилъ мать и жену Выморкова, при постороннихъ свидѣтеляхъ: дано ли то письмо роспускное добровольно? и дѣйствительно ли отецъ Дмитрій, по ихъ просьбѣ, скрѣпилъ то письмо своею подписью? Обѣ женщины отвѣчали утвердительно, и жена Степана, при игуменѣ, для его увѣренія, протянула руку попу Дмитрію.

— Аще нынѣ не пострижется мужъ твой, говорилъ молодой женщинѣ Иосафъ:—вѣкъ монахомъ не будетъ, потому ужъ теперь, по указу, составляется перепись монаховъ, и когда составится реестръ и учинится табель всѣмъ имъ, тогда постригать никого не доведется... * а ты, продолжалъ онъ, обращаясь къ женѣ будущаго монаха:—выходи вновь замужъ, за кого похочешь.

— Коли такъ, я пойду замужъ, сказала та Выморкову.

— Нѣтъ, не ходи, молвилъ тотъ, мысленно рѣшившись, однако, скорѣе видѣть жену свою за другимъ, нежели вернуться въ свѣтъ.

Такимъ образомъ, Степанъ Выморковъ покончалъ всѣ свои отношенія къ семьѣ, и вскорѣ по исполненіи надъ нимъ обычной церемоніи, въ братью Предтечева-Трегуляева монастыря поступилъ новый братъ *Самуилъ*.

III.

Трегуляевъ монастырь въ то время принадлежалъ къ числу довольно богатыхъ монастырей, за нимъ немало было деревень, земли и всякихъ угодій. Въ монастырѣ была многочисленная братія и новый братъ скоро встрѣтилъ въ ея средѣ нѣсколькихъ лицъ, которымъ довѣрчиво передалъ свои убѣжденія относительно

* Въ январѣ 1723 г. по всѣмъ монастырямъ, вслѣдствіе синодскаго указа, составлялись реестры всѣмъ находящимся въ монастыряхъ монахамъ, съ указанием: сословія, изъ какихъ они поступили въ монастырь, сколько имѣютъ лѣтъ отъ рожденія и какъ долго находятся въ монастырѣ, въ той или въ другой обители приняли постриженіе, какія имѣютъ дѣла послушанія, какому искусны рукодѣлію и т. п. Переписи та скрѣплялась монастырскими властями.

появленія на свѣтъ антихриста; довѣріе съ его стороны къ нѣкоторымъ изъ монаховъ тѣмъ скорѣе было вызвано, что они вполне раздѣляли убѣжденія Самуила, и гораздо прежде его остановились на той мысли, что въ Петербургѣ давнымъ-давно сидитъ антихристъ. Одинъ же изъ братій, монахъ Филаретъ, разсказалъ Самуилу, по поводу толковъ о томъ, кто таковъ императоръ Петръ, слѣдующую, ходячую въ то время въ народѣ легенду.

— Надъ нами царствуетъ нынѣ, говорилъ Филаретъ:— не нашъ государь Петръ Алексѣевичъ, но Лефортовъ сынъ; блаженной памяти, государь-царь Алексѣй Михайловичъ, говорилъ женьѣ своей, царницѣ: «ежели сына не родишь, то учню тебѣ нѣкоторое озлобленіе». И она, государыня, родила дочь, а Лефортъ сына, и за помянутымъ страхомъ, втайнѣ отъ царя развѣялись— и тотъ, Лефортовъ сынъ, и нынѣ царствуетъ!...

Такіе разказы не могли, разумѣется, разсвѣтъ заблужденій молодого монаха; напротивъ, болѣе и болѣе коснѣлъ онъ въ нихъ, и креститься сталъ по старопечатнымъ книгамъ, что, какъ кажется, не производило смущенія въ честной обители. Только іеромонахъ Никодимъ, пиввизиторъ Мигулинскаго Троицкаго на Дону монастыря, дядя родной Самуила, зайдя его провѣдать, замѣтилъ племяннику: «крестись ты первыми тремя перстами, вѣдь и греки такожь крестятся»... Тотъ повелъ съ своей стороны рѣчь объ антихриствѣ, что-де царствуетъ онъ надъ ними...

— Нѣтъ, успоковвалъ его Никодимъ:— то не антихристъ, развѣ— *предтеча сію*... И это говорилъ *инквизиторъ*, то-есть лицо должностное, облеченное большою властью надъ монахами, и обязанное о всякомъ «противномъ» словѣ доносить властямъ придерживающимъ!...

Племянникъ не успоковлся, не повѣрялъ дядѣ, и пропагандируя въ средѣ молодыхъ братій честной обители ученіе объ антихри-

* Г. Соловьевъ приводитъ въ XV-мъ томѣ своего труда народныя толки о Петрѣ I-мъ и его преобразованіяхъ, и изъ дѣлъ преобразенскаго приказа и тайной канцеляріи выписываетъ нѣсколько бродившихъ въ народѣ легендъ о происхожденіи Петра I-го (М 1865 г. стр. 126—133 и друг.). Такимъ образомъ, составитель «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» призналъ справедливость давно уже и нѣсколько разъ высказанной нами мысли о томъ, что при изложеніи дѣяній Петра I-го, историкъ не имѣетъ ни малѣйшаго права обходить молчаніемъ того говора, тѣхъ сужденій и розсказней, съ которыми встрѣчались народныя массы реформы Петра Великаго. Печатаю нѣкоторыя изъ вышеписанныхъ дѣлъ тайной канцеляріи въ разныхъ журналахъ 1860—1862-хъ годовъ, мы постоянно указывали на то значеніе, какое долженъ имѣть этотъ важный матеріалъ для историка эпохи преобразованія, и теперь отъ души радуемся, что и г. Соловьевъ не преминулъ воспользоваться этимъ матеріаломъ.

ствѣ, скоро нашелъ себѣ въ молодомъ монахѣ Степанѣ ревностнаго послѣдователя. Степанъ былъ увлеченъ рѣчами Самуила, тѣ рѣчи проникнуты были самымъ искреннимъ убѣжденіемъ, и повѣрилъ онъ своему сотоварищу во всемъ, и сталъ креститься большимъ перстомъ съ двумя послѣдними, и во всѣхъ, нераздѣляющихъ его и учителя его убѣжденій, сталъ видѣть не кого другого, какъ слугъ антихристовыхъ. Въ другомъ монахѣ, Павлѣ, Самуилъ скоро приобрѣлъ другого, не менѣе ревностнаго послѣдователя своего ученія.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1723 года, всю братію трегуляевской обители выѣстѣ съ пугуменомъ, по какому-то *важному* дѣлу, вызвали въ Воронежъ, гдѣ въ надворномъ судѣ снимали съ нихъ допросы. Самуилъ имѣлъ въ Воронежѣ родныхъ, у которыхъ и проводилъ свои досуги, не оставляя пропаганды своего ученія.

— Богъ то знаетъ, антихристъ-ли онъ, императоръ-то Петръ, замѣтила однажды Самуилу одна изъ его собесѣдницъ, Федосья Оспова:—потому, жила я въ Нижнемъ, а про то не слышала, а говорятъ въ Нижнемъ, что нынѣ новая вѣра, а старую вѣру покинули, и архіерей нижегородскій, Птипримъ, самъ былъ въ старой вѣрѣ, да преложился, и мучить тѣхъ, кто крестится однимъ большимъ перстомъ съ двумя послѣдними...

— Я и въ книгѣ то присмотрѣлъ, замѣтилъ на это Самуилъ:—это такъ...

— Вотъ его, продолжала Федосья:—его, Птиприма, нижегородцы точно называютъ антихристомъ*. А сама я слагаю руку по старопечатнымъ книгамъ, потому такъ велятъ креститься священники въ Нижнемъ.

Вскорѣ послѣ того Самуилъ составилъ и своеручно написалъ въ тайнѣ «хулительное письмо»; то было нѣчто въ родѣ воззванія къ священнымъ чинамъ о томъ, что они повинуются не государю, исполняютъ волю не законнаго монарха, а антихриста. Письмо то Самуилъ сохранялъ у себя и, какъ кажется, никому не читалъ, выжидая только удобнаго случая его подбросить кому нибудь такъ, чтобы оно «до священнаго чина дошло». Случай

* Птипримъ, архієпископъ нижегородскій и алатырскій съ 1719 по 1738 г., род. около 1666, ум. въ 1738 г. Птипримъ извѣстенъ какъ самый рьяный гонитель раскола, и какъ авторъ нѣсколькихъ полемическихъ противъ раскола сочиненій; этотъ человекъ былъ весьма замѣчательнъ умомъ, силою воли, необыкновенною ревностію къ православію и необычайнымъ для своего времени безкорыстіемъ. Императоръ Петръ дѣлалъ Птиприма въ защиту православія противу раскола называлъ: «подвигами равноапостольскими». Весьма обстоятельная біографія Птиприма помѣщена архимандритомъ *Макаріемъ* въ его «Исторіи Нижегородской іерархіи». Сиб. 1857 г. стр. 82—103.

этотъ представлялся въ день выхода изъ Воронежа. Самуилъ подкинулъ то письмо, безизвѣстно отъ своихъ сотоварищей-монаховъ, во дворъ одному изъ жителей города Воронежа. Дошла-ль та граматка «до священнаго чина» и какая судьба ее постигла, неизвѣстно. Между тѣмъ, на пути изъ Воронежа въ Тамбовскій уѣздъ «Самуилъ въ церковь гдѣ ходилъ, гдѣ нѣтъ, крестился противу старопечатныхъ книгъ, и не надѣялся обрести въ молитвѣ, въ церквахъ, никакого для себя спасенія». Перечитывая въ это же время книгу Стефана Яворскаго: «объ антихристѣ», онъ ни мало ей не вѣрилъ и стоялъ на томъ, что книгу сочинилъ преосвященный только съ единственною цѣлью угодить *ему*, антихристу ¹.

А тутъ, на бѣду Самуила, встрѣтился ему въ селѣ Избердей, боярскій сынъ Захаръ Лежневъ; новый знакомый сталъ разъяснять Выморкову, куда дѣлся *настоящій* государь: «нашъ государь, толбоваль Лежневъ, пошелъ въ Стекъ-холмъ, и тамъ его посадили въ заточеніе, а это, что нынѣ царствуетъ, не нашъ государь, царь Петръ Алексѣевичъ, иной...

«Кто жъ *иной*, какъ ни самъ антихристъ!» думалъ Самуилъ и вмѣстѣ съ единомышленникомъ своимъ, монахомъ Павломъ, стали гласно разъяснять жителямъ села Избердей—кто таковъ, по ихъ твердому убѣжденію, царь Петръ Алексѣевичъ.

Рѣчи произвели свое дѣйствіе: крестьяне повѣрили. Встрѣтился на дорогѣ дьяконъ. Самуилъ тотчасъ сообщаетъ и ему свое ученіе.

Привли въ свой монастырь. Здѣсь Самуила ждалъ новый, тяжкій ударъ. Полученъ былъ «Духовный Регламентъ» ². Случи-

¹ Знаменія прішествія антихрестова и кончины вѣва... М. 1708 г. Ц. печ., въ 8 д. Соч. Стефана Яворскаго, имѣло послѣ того нѣсколько изданій. Самый выходъ этой книги въ первые же годы царствованія Петра I, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, до какой степени сильно было распространено въ народѣ ученіе объ антихристѣ. Правительство вынуждено было не только *скасывать* проповѣдниковъ того ученія, но и обращаться къ вразумленію массъ народныхъ въ особо составленномъ съ этою цѣлью сочиненіи. Объ означенномъ твореніи Стефана Яворскаго, см. у *Пекарскаго*, т. II, стр. 77—80. Перечень сочиненій раскольниковъ объ антихристѣ, см. въ изд. «Каталогъ или библіотека старообрѣдческой церкви, собр. тшаніемъ Павла Любопытнаго, въ Слб. 1829 г. изд. В. И. Касаткина. М. 1861 г. №№ 10, 147, 187, 219, 274, 288, 302, 325, 350, 351, 364, 395, 401, 487, 580, 598; другое изд. труда Павла Любопытнаго по другому списку и безъ всякихъ передѣловъ со стороны издателя, см. въ Чтеніяхъ Об. Ист. 1668 кн. I, стр. 119—178.

² Объ изданіяхъ «Духовнаго Регламента» см. у *Пекарскаго*, т. II, стр. 520—526; 543—545; П. С. З. VI, № 4022. Духовный Регламентъ съ его прибавленіемъ распубликованъ, то-есть разосланъ былъ по епархіямъ гораздо позже его составленія и напечатанія. Въ Тамбовѣ, напримѣръ, означенный Регламентъ былъ полученъ въ маѣ 1723-го года.

лось такъ, что инквизиторъ тамбовскихъ монастырей Александръ велѣлъ именно монаху Самуилу читать братіи присланный Регламентъ, читать во время «трапезнаго ядвінія»...

Самуилъ Выморковъ, по окончаніи чтенія, дошелъ до такого изступленія, какъ самъ потомъ рассказывалъ, что готовъ былъ бросить «Регламентъ» на полъ и тутъ же, въ трапезной, предъ лицомъ всей братіи, потоптать его ногами. Только присутствіе грознаго «инквизитора» удержало его отъ поступка безумнаго. Но за то послѣ трапезы и чтенія Самуилъ успѣшилъ излить свои чувства и думы другу своему Степану.

— Вотъ помнитса мнѣ, говорилъ Самуилъ:—въ Кирилловой книгѣ именно написано, что антихристъ вся заповѣди святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ сокрушить, и своихъ заповѣданій заповѣсть держати, и вотъ то *ею* заповѣданія... и то къ тому стало, какъ прочь отвесть отъ монашества... бѣжимъ изъ монастыря въ пустыню!...

— Я въ твоемъ мнѣніи тебѣ помощникъ, съ полною довѣренностью къ учителю отвѣчалъ Степанъ, и они оба положили покинуть навсегда монастырь, ограда котораго не могла укрывать ихъ отъ ненавистныхъ имъ «заповѣданій антихриста».

Бѣгство рѣшено. Степанъ, подъ предлогомъ работы, ушелъ въ одно изъ подмонастырскихъ селъ. Самуилъ, между тѣмъ, «великое свое страшное сумнѣніе» и причину своего бѣгства спѣшилъ изъяснить въ письменномъ воззваніи къ братіи.

«Увѣдалъ я—писалъ Самуилъ на полуистѣ «среднимъ письмомъ», запершись въ своей кельѣ—увѣдалъ я отъ свѣтлыхъ писаній, что попущеніемъ Божиимъ принялъ область антихристъ прельстити весь міръ зане умножиса нечестіе вездѣ и повсюду злая содѣвается»... приведа затѣмъ нѣсколько мѣстъ изъ повѣсти въ книги Ефремовой объ антихриствѣ, и слова писанія: «егда же узрети мерзость запустѣнія, стоящую на мѣствѣ святѣ, тогда сущія во Іудеи да бѣжатъ на горы», Самуилъ разъяснялъ, что и овъ бѣжить по слову тому въ пустыне, за тѣмъ вмѣнялъ «печати антихристовой быть брадобритіе» и много и долго еще писалъ, а все о томъ же возросшемъ въ лицѣ императора Петра антихриствѣ; воззваніе заканчивалось словами «се азъ съ вами есть до скончанія вѣка, аминь».

IV.

Самуилъ успѣшилъ съ воззваніемъ къ другу и ученику своему Степану, въ подмонастырскую вотчину. Тамъ они вмѣстѣ прочли «письмо», потомъ ушли въ монастырскій пчельникъ, гдѣ ихъ ждалъ

знакомый нашъ монахъ Павелъ, и тутъ же друзья нашли двухъ другихъ монаховъ пзъ своего монастыря, Киріона и Марка; первый былъ старъ и глухъ, второй безграмотенъ. Воззваніе было передано Павлу и онъ вслухъ прочелъ его всѣмъ предстоящимъ... Содержаніе его вызвало большіе толки и разсужденія между тремя друзьями; долго совѣтовались они, между прочимъ, о томъ, какъ и когда уйти въ горы. Необходимость бѣгства была признана.

— Я теперь, говорилъ Павелъ: — какъ на ножевомъ острѣѣ, на которую сторону свалюсь, въ ту и пойду...

— Богъ-знаеть, говорили между тѣмъ прочіе собесѣдники, отцы честные Киріонъ и Мартъ:—а мы токмо знаемъ, что Господи помилуй!

Молодой монахъ Степанъ, спльно возбужденный воззваніемъ Самуила и твердо рѣшившійся бѣжать, душою болѣлъ, что его родные въ Шацкѣ живутъ и погибнуть въ слѣпотѣ¹, въ невѣдѣніи, что падъ ими властвуетъ врагъ Христовъ. Юноша молилъ своего учителя написать въ Шацкѣ посланіе, просвѣтитъ невѣдущихъ. Учитель охотно согласился и писалъ къ роднымъ Степана нѣсколько писемъ, въ которыхъ разъяснялъ имъ о подлинномъ крестномъ знаменіи противъ старопечатныхъ книгъ и о прочемъ, то-есть объ остороженіи отъ антихриста. Письма, однако, не дошли по своему назначенію; люди, которымъ молодые пріятели вручили ихъ для доставки въ Шацкѣ, «присмотрѣли, что письма тѣ были безголовныя», и ихъ взодрали.

По написаніи тѣхъ писемъ, отправился Самуилъ въ городъ, зашелъ на степя во дворъ тамбовскаго Казанскаго монастыря, заночевалъ здѣсь и не упустилъ случай въ пропагандѣ. Разговоръ дллся у него съ однимъ монахомъ долго, слушатель съ своей стороны приводилъ свидѣтельства о рожденіи врага Христова. Подошелъ къ собесѣдникамъ іеродіаконъ Изосима, онъ незадолго предъ тѣмъ былъ въ Москвѣ: «Ну, какъ имѣется въ Москвѣ, началъ Самуилъ разспрашивать пріѣзжаго:—какъ ходятъ тамъ старообрядцы?

— Ходятъ въ бородахъ и съ козырями, отвѣчалъ Изосима:—и носятъ особое платье, а другимъ запрещено указомъ бороды носить, и платье носятъ нѣмецкое; раскольникамъ же приказано надзирать у воротъ и на кабакахъ у всякихъ сборовъ²...

¹ Шацскъ или Шацкѣ, съ 1779 г. уѣздный городъ Тамбовской губерніи, въ 158 верстахъ отъ Тамбова. Въ описываемое нами время, Шацкѣ былъ провинціальнымъ городомъ Воронежской губерніи, см. *Щекатова* т. VI, с. 216—220.

² См. указъ Петра I о раскольникахъ въ П. С. З. т. IV № 2015, т. V №

— Для чего книгу Ефремову и Соборникъ отставилъ? *

— Присланъ указъ, въ чемъ (то-есть въ чтеніи его и исполненіи) подписались игумены...

— Топерича, перебилъ Самуилъ: — стало сущее невѣрствіе, знатно имъ, императору да синоду, Ефрем-отъ пишетъ въ противность... Онъ — не царь-отъ, Петръ, онъ антихрпствъ! сущую правду старообрядцы говорятъ, что нашего государя нѣтъ — онъ въ полону, а этотъ иной... Вонъ и царцу оставилъ, а другую поляхъ... Надобно за то, что отставлены книги Ефремова и Соборникъ умереть!...

— Что тебѣ дѣйствовать, отвѣчалъ іеродіаконъ:—не надобно умирать, пропадешь душою и тѣломъ... а что точно чтеніе книги Ефрема и Соборника по церквамъ отставлены, часовни ломають, оклады образовъ — посодрали... и хотя не антихрпствъ онъ, императоръ-то, потому и въ писаніи сказано: «нѣсть и не бывало еще на земли» его, антихриста, — однако знатно по всему, что онъ предтеча антихриста...

Пришелъ Самуилъ на утро въ Тамбовъ, вошелъ въ домъ свой и объявилъ роднымъ и женѣ: «не хочу быть монахомъ у отступниковъ, хочу дома жить, да въ церковь не ходить и носить платье старообрядцевъ, и окладъ готовъ платить за это»...

Пришли пристава отъ инквизитора, арестовали Выморкова и привели въ Казанскій монастырь. Инквизиторъ выѣстъ съ игуменомъ Измаиломъ встрѣтили арестанта на крыльцѣ игуменской кельи. Взглянулъ на нихъ Самуилъ, вспомнилъ, что эти самые начальные люди подписались подъ указомъ о нечитаніи книгъ Ефремовой и Соборника, и не пошелъ подъ благословеніе.

— Для чего ты подъ благословеніе не идешь? закричалъ инквизиторъ.

— А для чего вы, отвѣчалъ помолчавъ Самуилъ, обращаясь къ игумену:—для чего вы подписываетесь въ нечитаніи книгъ?

— Не мы первые, отвѣчалъ тотъ:—и архіереи въ началѣ подписались...

— Надо-тъ его отстегать плетью, говорилъ инквизиторъ:—за то что подъ благословеніе не идетъ — пошлите сюда приставовъ съ плетью...

— Въ духовномъ регламентѣ, говорилъ между тѣмъ игумену Самуилъ:—въ регламентѣ написано: проклять, кто жену повинулъ;

2874, т. VI № № 3944, 4034, 4041, 4121; т. VII № № 4245, 4256, 4596 и проч.

* «Соборникъ сі есть собраніе словъ правоучительныхъ и проч.» изд. 2 вѣк. въ 1642, 1647 и 1700 гг.

я хотѣлъ-было себѣ спасеніе достигнуть—постригся, а нынѣ по (той) клятвѣ (регламенту) не хочу монахомъ быть, а хочу съ женою жить...

— Ну, и спринь монашество, насмѣшливо отвѣчалъ игумень.

Самуилъ снялъ камілавку и положилъ ее на крыльцо... «Постригся я у отступниковъ», думалъ онъ про себя: «и то постриженіе теперь отложу, уйду въ пустыню въ монахамъ, въ горы и тамъ вновь постригусь»...

— Вотъ и дьяконъ сталъ, хохоталъ игумень:—дуракъ ты, дуракъ, въ регламентѣ написано: кто нынѣ покинетъ жену, тотъ проклятъ, а вѣдь ты уже монахъ! не бойся клятвы!...

Взялъ Самуилъ камілавку, надѣлъ ее и перекрестился по арменскому слаганію... «Ужъ (ничего не подѣлаешь), умру въ монахахъ.» Подошли пристава съ плетями и началось битие нещадное... Высѣченнаго сдали подъ караулъ въ духовный приказъ, оттуда на утро перевели въ Казанскій же монастырь въ хлѣбню. Вчерашнее наказаніе было сильное—бѣднякъ стоналъ.

— Что поврхатываешь? спросилъ его іеродіаконъ Изосима.

— Бить плетями за укореніе игумена и инквизитора въ подписаніи о вечтаніи книги Ефремовой.

— Не надобно было тебѣ укорять...

— Духъ бодръ, а плоть немощна.

Не былъ, однако, въ избитомъ тѣлѣ п духъ бодръ; несчастный продолжалъ терзаться своими обычными тяжкими сомнѣніями, и не видя исхода изъ нихъ, рѣшился уморить себя голодомъ... Дня съ два пролежалъ онъ въ монастырской банѣ безъ пищи, въ чайніи — замучиться, наконецъ плоть одолѣла надъ духомъ, и Самуилъ вкусилъ монастырскаго брашна и питія...

Изъ Трегуляевскаго монастыря явился за нимъ отъ Іосафа посланный. Самуила посадили, по приказу инквизитора, на цѣпь. Несчастный сидѣлъ на цѣпи много дней и сильно тосковалъ о томъ, что ему не удалось убѣжать изъ сѣтей антихристовыхъ. И отъ «великой своей ревности противъ антихриста и сумнительнаго страха»—сталъ Самуилъ кричать злыя слова въ худу и поношеніе Петра I.

Впрочемъ, фанатизмъ вашъ не пострадалъ за «злыя слова»; дѣло въ томъ, что самъ игумень Іосафъ нетолько снисходилъ томлящемуся на цѣпи монаху, но видимо раздѣлялъ его образъ мысли о Петрѣ. По крайней-мѣрѣ, когда Самуилъ и ему, игумену—впрочемъ съ глазу на глазъ — высказалъ свое мнѣніе о томъ, кто таковъ императоръ Петръ—Іосафъ отвѣтилъ только на это: «поди зѣвай на торгу (то-есть кричи на площади), а не здѣсь!» Го-

ворили они, на единъ же, и о ненавистномъ имъ обоимъ духовномъ регламентѣ.

— Мнѣ я, говорилъ арестантъ: — до конихъ мѣсть здравствуетъ государь, до тѣхъ мѣсть и регламентъ будетъ, а какъ его не станеть, то и унпчотжится...

— Вонъ царь говорилъ, сказываютъ, сообщалъ отъ себя Иосафъ:—съ Степаномъ (Яворскимъ), съ митрополитомъ: я, молъ, сдѣлалъ регламентъ генеральный, а ты сдѣлай регламентъ духовный, насъ и будутъ поминать...

— Государь-то императоръ, онъ пишется не просто, разсуждалъ между прочимъ съ игуменомъ Самуилъ:—я прежніе греческіе цари, какъ вычиталъ я въ книгѣ Боронія, писывались императорами...

О чемъ шла еще бесѣда у Иосафа съ Самуиломъ, намъ неизвѣстно, но что первый не питалъ ни малѣйшаго нерасположенія къ послѣднему, это онъ доказалъ выхлопотавъ у инквизитора освобожденіе Самуила. «Ну, будешь ли безъ вѣдома изъ монастыря бѣгать?» — спрашивалъ послѣ того игуменъ Выморкова. Тотъ предъ образомъ «далъ вѣру», что изъ монастыря безъ вѣдома уходить не будетъ. Иосафъ успокоился и, отправляясь въ городъ нѣсколько дней спустя, взялъ съ собой и Самуила, откуда и отпустилъ его одного въ монастырь. Въ тотъ же вечеръ Выморковъ сошелся съ друзьями своими, монахами Павломъ и Степаномъ, да съ жителемъ Сокольскаго уѣзда, бѣльцомъ, Захаромъ Лежневимъ, «молодымъ еще молодчикомъ». — Долго и долго они бесѣдовали и объ общемъ злодѣѣ «антихристѣ», и о томъ, какъ бы уйти въ горы «свои души спасать», и всѣ-то четверо хвалили старопечатныя книги и радовались объ нихъ и пѣли противъ тѣхъ книгъ тропари: «помилуй насъ, Господи, помилуй насъ»...

Поздно ночью друзья, поужинавши, разошлись по кельямъ. Самуилу не спится, голова воспалена бесѣдой, и онъ идетъ на колокольню помечтать о своемъ побѣгѣ въ горы. Душа молодого монаха жаждетъ бесѣды, и все о томъ же «сумнительствѣ объ антихристѣ», неотвязно днемъ и ночью преслѣдующемъ его. — Приходить на колокольню пономарь Іоаннъ. Самуилъ, съ обычно ему смѣлостью, начинаетъ говорить: «какъ намъ быть, вѣдь церкви-то божіи осквернены антихрестовою скверною»... и отхватываетъ цѣликомъ раскольничью рѣчь, вычитанную имъ въ служебникѣ, временъ царя Алексѣя.

— Воля божья, отвѣчаетъ пономарь:—хотя и брадобритый (а пущай) ходить въ церковь, мы его покропимъ святою водою, такъ и ничего не будетъ.

Въ ту же ночь, на 29 іюня 1723 года, бѣжалъ Самуилъ въ

степь. За нимъ послѣдовалъ и преданный ему монахъ Степанъ. А такъ-какъ бродяжничество монаховъ въ то время строго на строго воспрещалось указами и безъ паспорта нельзя было выходить изъ монастыря, то Самуилъ самъ написалъ себѣ видъ и подписалъ его вмѣсто игумена Иосафа.

V.

Ночью бѣглецы пришли на пчельникъ близъ монастырской вотчины, недалеко отъ ихъ обители. Сюда же явился и Павелъ.— Пошли толки и планы о побѣгѣ. Степанъ и Самуилъ убѣждали Павла бѣжать съ ними, тотъ что-то все еще не рѣшался. Тогда друзья развернули внигу Ефремову и стали читать рѣчь, приведенную въ повѣсти объ антихристѣ, въ которой, между прочимъ, особенно останавливались на слѣдующемъ мѣстѣ: «егда же узрите весь міръ смущенъ и кожде бѣжаша скрытиса въ горы и о всѣхъ гладомъ умпрающихъ, и иныхъ жаждою истаяющихъ, яко воскъ, и не будетъ помогающаго» и проч. Все это мѣсто чтецы приводили въ подтвержденіе необходимости бѣгства.

— Я уже рѣшился, отвѣчалъ Павелъ:—но еще погожу...

На пути встрѣтился имъ монахъ пзъ Преображенской пустыни Ефремъ. Бѣглецы не сочли нужнымъ скрывать отъ него, что пробираются въ горы, къ какимъ бы нибудъ людямъ, чтобы укрыться у нихъ и жить тайно.

— Заѣзжайте вы, посовѣтовалъ имъ встрѣчный инокъ:—заѣзжайте на рыбную ловлю, тамъ есть у меня товарищъ, монахъ Варсонофій, скажите, что вы отъ меня, онъ васъ укроетъ, и вы меня тамъ дожидитесь, а я съ вами готовъ самъ уйти хоть въ Царьградъ...

На рыбной ловлѣ отецъ Варсонофій привялъ бѣглецовъ дѣйствительно радушно. Пробыли они здѣсь, въ ожиданіи Ефрема, съ недѣлю и не потеряли время для пропаганды. Познакомилъ ихъ Варсонофій съ жителемъ деревни Бротки, бѣльцомъ Григоріемъ, и имъ обоимъ друзья наши съ обычнымъ жаромъ передавали свое учение, приводили свидѣтельства отъ писанія, учили креститься «противъ старопечатныхъ книгъ». — Оказалось, что тѣ уже крестятся по старообрядчески, и книги старопечатныя любятъ, тѣмъ не менѣе бѣглецъ Григорій до того былъ умилень поученіями Самуила и Степана, что сказалъ имъ:

— Сыщите себѣ мѣсто гдѣ отъ меня не въ дальности, въ горахъ, и вырывъ пещеру, живите въ тайнѣ, я васъ кормить готовъ, а въ даль не ходите; я бы самъ куда шолъ, да жалъ жены и дѣтей.

Пришелъ, между тѣмъ, и новый пріятель нашихъ бѣглецовъ, монахъ Ефремъ, и всѣ четверо: «многими умшленными разговорами» открыли ему все ученіе о явившемся антихристѣ; между прочимъ, Самуилъ ссылался въ подтвержденіе своего мнѣнія на Кирилову книгу, гдѣ сказано, что антихристъ явится подъ именемъ Симона-Петра, что царствѣ его можетъ быть въ Римѣ и во Іерусаламѣ, «а въ Кириловой книгѣ, толковалъ Самуилъ:—помнится мнѣ, написано тако: или отъ Рима или отъ инуда (?) такую восприметь власть (антихристъ), и потомъ, и во Іерусалимѣ будетъ царемъ»...

— Такъ оно и будетъ, вполне согласился Ефремъ:—онъ, государь-то, Петръ, а при себѣ сдѣлалъ—синодъ, тоже стало и выходить: Симонъ да Петръ... А и вреститься, заключилъ Ефремъ:—противу старопечатныхъ книгъ, я люблю и готовъ.

Увидалъ у новообращеннаго Самуилъ святцы новаго изданія, развернулъ ихъ, а на заглавномъ листѣ напечатана обыкновенная оголовка: «во славу Святыя Троицы и проч. повелѣніемъ всепресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго государя нашего Петра Великаго, императора и самодержца всероссійскаго, благословеніемъ же святѣйшаго правительствующаго синода»... Не стерпѣлъ фанатикъ и, руководимый «безмѣрною ревностью и сумнительствомъ», вырвалъ листъ изъ книги, «изщипалъ его и бросилъ въ рѣку».*

— Напрасно ты это дѣлаешь, замѣтилъ Ефремъ.

— Видѣть я того не хочу, горячился Самуилъ:—вѣдь вотъ содержитъ все онъ, государь, яко православный христіанинъ, а между тѣмъ, какъ ни на есть прельститъ онъ насъ и отведетъ отъ вѣры... Правду сказано въ повѣсти Ефремовой о антихристѣ: «образъ приметъ истиннаго пастыря, да прельститъ овецъ стада» и проч., а и Григорій Назіанзинъ, что пишетъ: «внезапу превозстанетъ и возцарствуетъ и возлицемѣрствуетъ благостыню и потомъ поженетъ церковь Божию» и проч.

Проповѣдникъ съ сотоварищемъ собрались въ путь, идти дальше искать «спасеніе душъ своихъ». Между тѣмъ, какъ пропаганда Самуила и Степана шла такимъ образомъ довольно удачно и они находили радушный себѣ пріемъ, сотоварищъ ихъ, монахъ Павелъ, рѣшилъ наконецъ также бросить монастырь и въ началѣ іюля прибилъ къ воротамъ монастыря какіе-то «листы», какъ кажется хулительные, и бѣжалъ въ степь; 8 іюля листы были

* Достоинно вниманія, что и нынѣ старообрядцы, не всегда имѣя возможность имѣть старопечатныя книги, пользуются и тѣми изданіями, какъ напримѣръ, Четыи-Минееми, которыя изданы по благосл. синода, но въ такомъ случаѣ, заглавный листъ всегда вырывается старообрядцами.

замѣченъ, и одинъ подъячій, дядя Выморкова, призналъ въ прибитыхъ письмахъ, неизвѣстно по какимъ «примѣтамъ», сочиненіе Самуила...

Сочинитель въ это время, сопровождаемый Степаномъ, шелъ въ казачьимъ городкамъ.—Путь далекій, идутъ, да бесѣду ведутъ.

— Хотѣлъ было *антихристь*, рассказываетъ Степанъ:—въ патриархи поставитъ кievскаго митрополита. Вотъ и привели его въ соборную церковь ставить, а митрополитъ говоритъ: дай мнѣ, чтобъ были старопечатныя книги—и буду патриархомъ, а ежели не такъ, не хочу. А антихристь-то, въ отвѣтъ на то, выхватилъ палашъ и замахнулся на него (митрополита), да какъ замахнулся, такъ и упалъ на него... Знатно за то случилось съ нимъ это, заключилъ Степанъ:—что онъ, антихристь, не можетъ о старопечатныхъ книгахъ слышать... благодать божія за это самое и ушибла его, а поднялъ его Александръ Меншиковъ, и по поднятіи молвилъ антихристь ко всѣмъ: не будетъ вамъ патриарха!..»

Бесѣдуя такимъ образомъ, друзья пришли въ Добринскую станицу. Остановились на нѣсколько дней у поца. Степанъ съ найма работалъ поденно у казаковъ, Самуилъ же «съ брѣвѣжкимъ вниманіемъ» читалъ старопечатныя служебныя и требныя, да ходилъ съ попомъ въ церковь, къ службѣ божіей.—А по вечерамъ оба друга, «присмотря кого либо изъ препростыхъ людей, изъ бурлаковъ», открывали имъ ученіе свое объ антихриствѣ.

— Всѣмъ бо имущимъ боговидѣнія и разумъ, говорилъ Самуилъ Степану, приступая къ *просвѣщенію препростыхъ бурлаковъ*:—тогда разумно будетъ пришествіе мучителево, а имущіе умъ свой присно вещи житія сего и любящимъ земная неразумно будетъ пришествіе мучителево, аще и услышатъ слово, но не имутъ вѣры и вельми имъ омерзятъ глагола—по словамъ симъ Ефремовымъ въ повѣсти о антихриствѣ, поучалъ Самуилъ друга своего, «инимъ людѣмъ и сказывать того не надлежитъ, за тѣмъ, что не повѣрятъ...»

На этомъ основаніи пропагандисты начали вести свои поученія болѣе осторожно; такъ отрывая *свѣтъ* препростымъ бурлакамъ, удерживались отъ откровенности въ разговорахъ съ попомъ Добринской станицы; впрочемъ, поппъ понравился имъ, между прочимъ, тѣмъ, что на ектеніяхъ *императора* называлъ *императоромъ*.

— Прямой *императоръ*, пояснилъ нашимъ пріятелямъ поппъ:—немало онъ людей—*перетеръ*...

И любо то было объясненіе Самуилу и Степану.

Пришли они въ Урюпинскую станицу, вечеромъ вь субботу; въ церкви шла вечерня, и какъ сталъ поппъ возноситься въ ектеніяхъ

титულъ государя, по положенной формѣ, и Самуилъ со Степаномъ не выдержали. «Мерзко имъ было слышать то и они стали харкать и плевать», то же дѣлали на заутрени и часахъ, и поспѣшили уйти изъ этой станицы.

Въ Тепкинской станицѣ, путники познакомилсъ съ иконописцомъ, казакомъ Аванасьевымъ; Самуилъ занялся у него тваньемъ, а Степанъ пошелъ у казаковъ работать изъ поденной платы; ночевывали же они вмѣстѣ на Майданѣ, здѣсь по вечерамъ разясняли нѣкоторымъ казакамъ и бурлакамъ, что царствуетъ нынѣ антихристъ. Слушали ихъ преспростые люди съ вѣрою и умилениемъ, и только однажды, одинъ изъ нихъ замѣтилъ проповѣдникамъ:

— Кому бы не служить, лишь бы насъ жаловали!...

Въ Тепкинской станицѣ Самуилъ, къ великому своему сожалѣнію, долженъ былъ разстаться съ спутникомъ: Степанъ сильно заболѣлъ и боялся умереть въ «мірскихъ домахъ». — Выморковъ купилъ ему лодочку, написалъ подорожную отъ имени игумена Юсафа въ другой монастырь, а иконникъ Аванасьевъ далъ граматку, благодаря которой больной могъ найти себѣ приютъ у одного «трудника», спасавшагося гдѣ-то на берегу Дона, въ пустыни.

VI.

Съ отъѣздомъ вѣрнаго сопутника и друга, Самуилъ вдругъ измѣняется въ образѣ мыслей своихъ объ антихриствѣ. Причиной тому было то, что новый знакомый его, иконникъ Аванасьевъ первый взялъ на себя трудъ разяснить молодому монаху его заблужденіе.

Задумался Самуилъ, взявъ Прологъ, сталъ читать съ обычнымъ вниманіемъ. * «Сумнительство» его стало мало по малу разсѣиваться: «буди такъ — думалъ монахъ, все то это хорошо, только противно мнѣ брадобратіе и что все то творять не противъ старопечатныхъ книгъ»...

Тѣмъ не менѣе на Самуила произвело сильное впечатлѣніе объясненія иконника; новель онъ съ нимъ разговоры многіе, а всѣ-то тѣ разговоры были, какъ онъ самъ потомъ рассказывалъ, про его императорское величество; Аванасьевъ развивалъ доказательства тому, что Петръ никакъ не можетъ быть антихристомъ. Къ сожалѣнію, бесѣды эти не дошли до насъ. Какъ бы то ни было, но толкованія Аванасьева произвели на необычно-

* О Прологѣ и редакціяхъ его, см. Москвит. 1846 г. № 11 и 12, «Виблюграфич. розысканія» Ундольскаго, стр. 206—208.

венно воспримчивую натуру Самуила самое сильное впечатлѣніе; досталъ онъ вскорѣ послѣ того Соборникъ, прочиталъ въ немъ со вниманіемъ нѣкую повѣсть, и обрадовался, и какъ самъ впоследствии времени рассказывалъ: «прежнюю хулу свою на государя и вполонѣ страшился принять, и о прежнихъ хулахъ искренно соболѣзновалъ.»

Разбитый въ доводахъ своихъ объ антихристѣ, Самуилъ встрѣтилъ зато въ той же казачьей станицѣ единомысліе по вопросу о крестномъ знаменіи. Одинъ казакъ на толки Самуила по сему предмету замѣтилъ:

— Былъ я въ полону у турокъ, и ушелъ отъ нихъ на Кубань, и на Кубани есть два монастыря, и тамъ мнѣ одинъ начальникъ (человѣкъ) о крестѣ казалъ книгу, и противъ той книги по перстамъ мнѣ рассказывалъ: въ трехъ перстахъ замыкается сатана, не крестись такъ, живи у насъ, мы — благодаримъ Бога, живемъ хорошо... Я остаться не согласился. И какъ придетъ домой, приказывалъ мнѣ тотъ же начальникъ: къ попу не ходи, насадить (онъ) тебѣ тридевятъ бѣсовъ, ты и въ годъ не отмолишь...»

Но знакомый уже намъ иконникъ Аванасьевъ, казакъ вполне православный, совершенно чуждый раскольничьихъ мнѣній, услыша отъ Самуила «сумнительство его о крестномъ знаменіи», сталъ спорить съ нимъ и по этому пункту; онъ повелъ рѣчь про Никона патріарха, да про воронежскаго архіерея Митрофана... «А того Митрофана, говорилъ Аванасьевъ, государь самъ погребалъ, и они крестились первыми тремя персты, ушто и Богу пріятно, потому нынѣ и мощи ихъ нетлѣнны...» И много, и долго говорилъ еще казакъ-иконникъ, и Самуилъ повѣрилъ его доводамъ, «замерзлое свое сомнѣніе все отложилъ и сталъ крестъ полагать во образъ пресвятыя троицы первыми тремя персты»...

Съ «отверстыми очами» на всѣ свои заблужденія, шелъ Самуилъ изъ Теникинской станицы въ Островскую. Здѣсь жилъ родной братъ его, у котораго онъ и остановился. Къ брату хаживалъ попъ той станицы, отецъ Григорій, познакомился онъ съ Самуиломъ и разговорились.

— Заѣзжалъ ко мнѣ — сообщилъ отецъ Григорій — недавно въ гости попъ изъ Царицына, или изъ Карамышенки, заѣзжалъ онъ съ игуменомъ Спасскаго монастыря, что на Усть-Медвѣдицѣ, и сказывалъ мнѣ: присланъ-де указъ изъ синода, чтобы служить на опрѣснокѣ. Богъ-знаетъ, добавилъ отецъ Григорій: — какъ тутъ быть? отложить што-ли (дождаться?) покамѣстъ что будетъ?... А мнѣ и во свѣ видѣлось: пришелъ ко мнѣ въ церковь нѣвакой господинъ, будто со опрѣснокомъ, и будтожъ прилучился

туть къ служенію Спасскій игумень, да Распоинскій полъ Павелъ, и я, да приноситель тотъ, кому-то молвили: «сотвори волю цареву!» и они будто на томъ оирѣсновѣ и служили, и причащались, но я не причащался, и то вылилъ...

Фантастическій разсказъ отца Григорья «не соблазнилъ», однако, на этотъ разъ молодого монаха; въ книгѣ «увѣтъ духовный», которая попалась ему въ Островской станціи подъ руку, Выморковъ нашелъ много «примѣровъ» противъ раскольниковыхъ заблужденій, и той книгѣ повѣрилъ, и укрѣпился.

Прошло три мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ Самуилъ сталъ исвать «спасенія души» въ бродяжничествѣ по казачьимъ станціямъ. Теперь, когда голова его прояснилась, онъ, весь отдаваясь новымъ идеямъ, сталъ подумывать о возвращеніи въ среду монастырской братіи; но страшась наказанія за самовольную отлучку, Самуилъ отправился сначала въ Мигулинскій монастырь, гдѣ въ кельѣ дяди своего родного, инквизитора Никодима, провелъ почти четыре мѣсяца, но конецъ января 1724 года, занимаясь чтеніемъ тѣхъ книгъ, какія разыскалъ въ дядиномъ чуланѣ. Особенно благотворно на него подѣйствовало внимательное чтеніе: «Соборнаго дѣянія, бывшаго въ Кіевѣ, на еретика монаха армянина Мартина»¹. Всѣ прежнія сомнѣнія молодого подвижника о крестномъ знаменіи разсѣялись; въ другихъ книгахъ, въ Соборникѣ и проч. онъ нашелъ подтвержденіе доводовъ иконника Аванасьева, и конецъ концовъ всего этого было то, что Самуилъ, отдавшись, съ обычнымъ ему увлеченіемъ, новому направленію своихъ мыслей, съ великою ревностью и желаніемъ сталъ ходить въ церковь, каляся о мимошедшемъ невѣдѣніи, о томъ, что въ церковь не хаживалъ, и худы испущалъ мерскія на императора словомъ, умомъ и помышленіемъ...

20 января 1724 г. Самуилъ оставилъ Мигулинскій монастырь; въ Спасской обители онъ провелъ затѣмъ три дня и прочиталъ здѣсь «Працицу» противъ раскольниковъ, соч. епископа Питирима нижегородскаго.² Эта книга еще болѣе разсѣяла туманъ, наполнявшій голову молодого человѣка. Первый порывъ его былъ розыскать друга своего Степана, нѣкогда введеннаго имъ въ заблужденіе, и отвратить его отъ прежнихъ мнѣній. Съ этой цѣлью Самуилъ сталъ разспрашивать монаха Спасскаго монастыря Іоилу: не слыхалъ ли онъ про того «трудника», у котораго живетъ Сте-

¹ «Соборное дѣяніе кіевское, на армянина еретика Мартина»... Ц. печ. Слб. 1718 — 1719 г. *Пекар.* II. стр. 400—402, 408, 469. Архим. *Макарій:* Ист. Нижегород. іерарх. Слб. 1857, стр. 40—48.

² О «Працицѣ», см. у *Макарія:* стр. 76—78. *Пекарскій:* II, стр. 507—512. Працица издана впервые въ 1721 г.

пань? Оказалось, что Ионилъ знаетъ урочище, гдѣ спасается тотъ «трудникъ», потому къ нему много ходитъ народу, и Самуилъ сталъ умолять Ионилу, чтобъ онъ передалъ онъ него Степану просьбу: «все сумнѣніе свое отложить, послушаться его и возвратиться въ свой монастырь».

Послѣдній поступокъ какъ нельзя лучше обрисовываетъ предъ вами Самуила. Это—весь увлеченіе, очень часто ошибочное, но всегда искреннее... Всякой идеѣ, охватившей его голову, всякой идеѣ, выработанной въ его головѣ чтеніемъ ли, бесѣдой ли съ людьми, которымъ онъ почему либо довѣрялъ, онъ предается со всей страстью, спѣшитъ ее передать другимъ, осуществляетъ ее на дѣлѣ, жертвуетъ для нея всѣми благами своей жизни, смѣло идетъ на встрѣчу всякимъ лишеніямъ и бѣдствіямъ, и такъ же круто, горячо искренно оставляетъ свои заблужденія, когда разумное слово или дѣльная книга указываетъ ему ихъ...

Такъ и теперь, знаетъ онъ очень хорошо, что съ возвращеніемъ его въ Трегудяевскій монастырь онъ неминуемо подвергнется по меньшей мѣрѣ нещадному наказанію «шелепами» и аресту на цѣпи, что для него гораздо было бы безопаснѣе ходить по казачьимъ станицамъ, либо пробраться дальше, въ горы—но онъ убѣдился, что душевное спасеніе исполнѣ возможно получить и въ стѣнахъ того монастыря, откуда онъ бѣжалъ, что царствіе антихриста еще не настало, что безбоязненно можетъ ходить въ церковь и съ брадобритыми, что, наконецъ, въ трехъ первыхъ перстахъ, складываемыхъ для крестнаго знаменія, вовсе не сидитъ сатана—а потому и спѣшитъ возвратиться въ свою обитель.

На обратномъ пути въ Тамбовъ (Самуилъ возвращался казачьими городками) нашъ молодой подвижникъ вездѣ и всѣмъ старается, «елико сила его постигла», всѣхъ отъ «сумнительствъ» отговорить и «сумнительства» исправить.

Въ мартѣ 1724 г. Самуилъ вернулся въ Трегудяевскій монастырь и первое, что успѣшилъ сдѣлать, это разубѣдить тѣхъ монаховъ, которые слыша иногда его хулы на Петра I, въ тайнѣ, какъ вазалось ему, увѣровали въ справедливость его ученія объ антихристѣ.

МИХАИЛЬ СЕМЕВСКІЙ.

Слб.

25-го іюня 1865 г.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЧУПРИНСКІЙ МІРЪ.

I.

На селѣ былъ праздникъ. Праздновали ловко; въ полудню сильно пьяно было межъ крестьянами. Митрюшка-кабаччикъ и самъ съ радости нализался. Мужики бучвами ходили по дорогѣ; около кабака, у колодца, два мужика держали третьяго подъ мышку, четвертый выкачивалъ воду, и прямо изъ ведра лилъ послѣдному на голову; дѣло это совершалось торжественно и тихо. Всего больше народа было у волостнаго правленія.

— А что, у васъ грамота слажена? спрашивалъ здоровый мужикъ, сидя на врылечкѣ.

— Слажена, заговорили въ разъ нѣсколько мужиковъ.

— Слажена, какъ есть слажена, только, значить, подписать.

— Довольны, выходятъ, вы?

— Довольны, протянулъ кто-то.

— Что же... довольны!... Ничаво!...

— И читали?

— Какъ есть читали, выходятъ—позаконному... Вотъ на евтомъ самомъ мѣстѣ посредственникъ читалъ.

— А въ рукахъ держали сами-то?

— Нѣтъ, въ рукахъ не держали...

— Не держали?... Гм...

— Чтобы значить въ рукахъ — нѣтъ, не держали... А видѣтъ, значить, видѣли, то-есть, евту самую бумагу посредственникъ вотъ на евтомъ мѣстѣ читалъ.

— А рази что того? проговорилъ боязливо лядашій мужикъ.

— Нѣтъ, я такъ.

— Ты ужь, Василій Гурьянычъ, скажи...

— Скажи, сдѣлай такую милость.

— Своимъ добро сдѣлать не грѣхъ. А сказать—что? сказать, выходитъ тебѣ что чхнуть... никакой трудности...

— Ты жь у насъ голова мужик-оть.

— Мы что? мы люди тёмные.

— Слѣпые...

Мужики заголосили. Народъ сталъ скучиваться въ одно мѣсто плотнѣе и плотнѣе. Дѣло шло у нихъ теперь сердечное; у мужиковъ уставная грамата изъ головы не выходила. Гурьяновъ всталъ, поддернулъ штаны, почесалъ подъ мышкой и пошелъ въ избу.

— Эй, Василій Гурьянычъ! кривнули ему.

Онъ не отвѣтилъ. Мужики посмотрѣли ему вслѣдъ.

— И гордый же, паря, онъ мужикъ.

— Своеобычный, какъ есть.

— Несладный...

— А на умъ онъ бизпримѣнно держать.

— Знамо, что ни есть держать.

— Ребята, грамата выходить не по закону, кривнулъ молодой парень вновь пришедшимъ.

— Ой?

— Кто говорить? Тебѣ тоже повѣрь, такъ двухъ дней не проживешь.

— Чего—повѣрь? Не бойсь, проживешь. Отъ своей бы жи какъ не околѣль.

— А ты говори: самъ что-ль выдумалъ? тогда и крушиться не стали бы.

— Василій Гурьянычъ повѣстилъ, онъ теперь въ управленіи.

— Ой?... Ну, дѣло же это...

Прихлынула еще гучка мужиковъ. Одинъ ужъ былъ зело пьянъ.

— И какъ это я, братики мои, выпилъ, рассуждалъ онъ: — такъ у меня сію-то минуточкой эта водка въ животъ ударила... и ударила она мнѣ въ животъ, православные. И-и бѣдовая же эта водка Митрюшкина.

Мужики засмѣялись.

— Вотъ погодъ еще, какъ-те грамата въ брюхо ударить, сазаль угрюмый мужикъ.

— Это, паря, не чета Митрюшкиной водкѣ, подхватилъ пискливый голосъ: — продереть кишки-то.

— А что грамата? Грамата слажена... Я пью, выходить.

— Слажена?... Сладилъ вотъ съ своимъ-то глупымъ разумомъ и вышла не по законному.

— А что жъ бы въ ней незаконнаго?

— Ты её бралъ ли въ руки-то?

— Бралъ... Я, значить, у самого тогда посредственника бралъ.

— Бралъ... Ну, что?

— Что? бумага... выходить съ печатью.

— Ой, съ печатью? полно.

— Вотъ-те лопнуть, съ печатью...

— Ребята! грамата съ печатью, слѣдственно законная. Ерёмка въ рубахъ держалъ её самое.

— Самоё ли? Повѣрь пьяному-то—одно все, что бабѣ..

— И то... Ребята, отойдемъ теперича къ васькиной амбарушкѣ.

Мужики было-двинулись; Ерёмка заговорилъ, они остановились впол-оборота къ нему.

— Не вѣрь, не вѣрь, пожалуй... Я чтѣ? я глухой человекъ, безумственный... А того глупый, неразумный мужикъ не размыслилъ: сколько ему теперь Васька Гурьяновъ словъ сказалъ? Одно... А я могу много сказать.

— Одно, да постоитъ сотни твоихъ.

— Что жъ, коль не говорить больше... и одно да дорого.

— Слышь, міръ православный, идемъ теперича всѣ къ кабаку и выставимъ міромъ штофъ Гурьянчу, бизиримъвно тогда все скажетъ..

— Оно выставить—отчего не выставить... Можно... Да поди, выпимши-то замудрить ужъ больно...

— Нѣтъ, не замудрить.

— Не замудрить, такъ что жъ—я вотъ, значить, жертвую, согласился угрюмый мужикъ и полѣзъ въ порты.

— Идемъ, мужички почтенные, къ амбарушкѣ деньги на складчину собирать.

Міръ двинулся къ амбарушкѣ. Считали деньги долго.

А тѣмъ временемъ Василій Гурьяновъ на нихъ изъ окошва посмотрѣлъ однимъ глазомъ и усмѣхнулся.

— Тоже вотъ на счетъ пьянства, проговорилъ онъ солдату-сторожу, сидѣвшему съ нимъ въ избѣ:—вуды какъ хитерь нашъ мужикъ...

— Отець родной для него водка, помощникъ въ бѣдахъ и скорбѣхъ, добавилъ дьячокъ.

— Всѣ дѣйствія она въ ёмъ производитъ, сказалъ солдатъ:—таперъ на войнѣ водка въ первой причинѣ должна состоять, потому, сердце вспламенить...

— Вотъ эта такъ точно, что всѣ дѣйствія и чувства въ нёмъ производитъ...

— А вѣдь и глупъ же мужикъ... и-и какъ!

— Какъ есть глупъ, всякъ говорить, потому—въ скотоподобіи обрѣтается.

— Да если таперъ примѣрно на некрута взглянуть... комедія!... Колько въ ёмъ этой глупости... Бывало, нашъ командеръ говорилъ некрутамъ: и въ затылкѣ-то, говорить, у тибѣ глупость,

въ рукахъ-то у тибѣ глупость, а въ ногахъ-то, говорить, у тибѣ глупость...

— А ели касательственно граматъ...

Гурьяновъ махнулъ рукой и искося опять посмотрѣлъ за окно. На улицѣ стояли бабы; подперши подбородки, смотрѣли онѣ въ окно къ Гурьянову и перешептывались.

— Кого енто смотрите? спросила старуха молодайву.

— Вишь, Гурьянычъ прѣхаль, сказываютъ—грамату привѣзъ, отвѣтила молодайка впол-оборота и опять, подперши ладонью подбородокъ, стала смотрѣть на Гурьяныча.

— Ишь на, дѣвонька!...

И эта баба стала смотрѣть.

— Чтò вы, бабы, смотрите? спросилъ Гурьянычъ.

— Да какъ же, Василій Гурьянычъ, тебя-во слушать; бабтъ, что, ишь, ты объ бѣдахъ прѣхаль говорить съ мужиками.

— Объ бѣдахъ, тѣтка, да вотъ о глупости вашей.

— Глупость-то ужъ извѣстно дѣло...

— Глупость чтò?... А вотъ таперича лекарь прѣхаль, лошадей все рѣжетъ, какъ ты объ этомъ молвишь?

— Погодь, онъ и тебя взрѣжетъ.

— Онъ те заволочу вдѣнетъ... Ишь ты, мать, растолстѣла паче свиный кормленой.

— Да что ужъ! мы его молили-молили колько разъ, а мужикито говорили, Терентій вонъ и въ ногахъ валялся—ничего себѣ не пронимаетъ, рѣжетъ, знай, съ десятокъ ужъ лошадей перепортилъ.

— Вотъ она самая баба дурища, сказалъ солдатъ:—въ понятие взять не можеть... Ты бы его, сударка, чѣмъ другимъ подчивала...

— Ну ты, нехристь табачный!...

— Такъ ужъ вотъ все бѣда-то къ бѣдѣ и идетъ: и грамата-то таперъ, и оброкъ, и лекарь.

— А, дѣвонька, третьевадни Мавариха сонъ-отъ видѣла: змѣи огненные летать будутъ...

— Знамо будутъ... Вотъ и Петруха-то опился... Божье дѣло, дѣвонька...

Бабы охали да шептались.

— Бабы! Послѣдне сотворенье! произнесъ Гурьяновъ—и въ этомъ восклицаніи выразилось все обидное презрѣніе разума къ убожеству:—говорить съ ними—умное слово понапрасну тратить.

Мужики уже двинулись отъ амбарушки, а считать все еще не переставали.

— Ерёмка третку не доложилъ, таковскій сынъ! кривнулъ му-
жикъ, считая на ладони деньги.

— Кто не доложилъ?

— Рази не понимаешь? дѣло мірское.

— Знамо, мірское, поддагнулъ рыжій мужичонко, засовывал
кошель за сапогъ.

— Чего не доложилъ? отворотившись въ сторону, допрашивалъ
Ерёмка.

— Да третку...

— Третку... Гм... третка — чтó? третки не жалко... А только
таперь грамата съ печатью, я самъ въ рубахъ держалъ, провор-
чалъ Ерёмка и пошелъ, качаясь, дальше.

— Тамъ опосля все узнаемъ... Ерёмка! слышь, третку подавай!

— А коль тагъ — ребята, дули за Ерёмкой... Намнемъ бока,
крикнулъ веселый парень.

— Дули!

— Валяй... ай... ай!..

Нѣсколько мужиковъ, бывшихъ навеселѣ, бросились за Ерём-
кой. Тотъ кинулся со всѣхъ ногъ, да на первой же сажени зап-
нулся и растянулся. Мужики засмѣялись.

— Не тронь его... Пусть упрямствуеть. Ребята! Трогай.

Голоса затихли, мужики молча подходили къ волостному прав-
ленію. А Василій Гурьяновъ опять выглянулъ въ окно, увидалъ,
что мужики подходятъ, поднялся и сказалъ солдату:

— Тоже вотъ на счетъ пьянства — куды вагъ хитерь нашъ
мужикъ. — Махнулъ рукой и вышелъ вонъ.

Солдатъ только затынулся съ хрипомъ, сплюнулъ ему вырази-
тельно вслѣдъ и промолвилъ дьячку:

— Вотъ онъ, бисъ-то, каковъ есты!

Онъ ткнулъ пальцемъ въ трубку, перенесъ ее изъ одной руки
въ другую и искоса повернулъ глаза къ окошку.

— Облечеса въ тѣлесе чловѣческое, прошепталъ дьячокъ ста-
ришка — и пошелъ тоже изъ избы; у крылечка встрѣтился ему
толстый пономарь въ бѣлой длинной рубахъ на распашку. Ста-
ричокъ, учуявъ его приближеніе еще въ избѣ, полѣзъ въ кар-
манъ и, подойдя, вагъ разъ поднесъ къ его носу берестовую съ
березинскимъ; у пономаря два пальца давно были готовы; онъ
запустилъ ихъ въ табакерку, прищурилъ глаза и нюхнулъ съ
наслажденіемъ.

— Самъ-пан-тре съ гвоздемъ! сказалъ онъ въ свою очередь,
изъ-за сапога досталъ тавлинку и поднесъ дьячку. Старичокъ
хнулъ и чихнулъ.

— Э, Мироничъ, чихнулъ! За тобой разъ, проговорилъ радостно пономарь.

— Чихнулъ! чихнешь по незлобію, коль съ перцемъ.

— Гдѣ съ перцемъ?

— Извѣстно, съ перцемъ, сказалъ старикъ и поплелся дальше.

Пonomарь самодовольно посмотрѣлъ ему вслѣдъ и пошелъ, ковыляя отъ собственной тяжести, искать овцу, раздумывая глубококомысленно о томъ, какъ при слѣдующей встрѣчѣ съ дьячкомъ «нужно глядѣть въ оба, ибо онъ чего ни есть подложить въ табакъ — и тогда безпримѣнно чихнешь.»

А въ крестьянскомъ міру свое дѣло дѣлалось. Василій Гурьяничъ, вышедши изъ волостнаго правленія, прямо пошелъ къ кабаку, не говоря мужикамъ ни слова. Они шли за нимъ слѣдомъ, въ приличномъ разстояніи. Бабы еще дальше къ сторонкѣ отошли, пропустили мимо себя мужиковъ, постояли и сами поплелись; извѣстно, и ребятишки съ ними. Послѣ всѣхъ и Еремѣй подвдвался.

— Что-жь, Васька?... Васька плутъ, это мнѣ вѣдомо... Что-жь онъ можетъ повѣстить? Ничего онъ не можетъ повѣстить, потому плутъ... А я завсегда отъ міра православнаго могу самому посредственнику всѣ дѣла предоставить, потому я не плутъ, ворчалъ онъ, и поплелся за міромъ къ кабаку.

— Дядя Еремѣй! эй! кривнула старуха изъ одной избы.

Дядя Еремѣй прошепталъ: «Кричи, напасть эдакая, кричи...» — и не отвѣтилъ.

— Парамоничъ! не пей ты больше, будь въ порядкѣ...

— Какъ это, значить, не пей? сказала Еремѣя, останавливаясь передъ своей избой и старухой: — какъ это ты сказать можешь? И что теперь въ евтомъ твоёмъ словѣ разумѣть я долженъ?

— Ну, ступай, ступай лучше домой на печку, безпутство твое великое.

— Нѣтъ... Васька пьетъ, а я что?... И теперь на печку идти не могу, потому я на міру долженъ находиться въ первыхъ и дѣла рѣшать; мужиковъ потому завсегды должно на разумъ направлять... и я это могу сдѣлать...

— Ну, поди, поди, приткой! Всѣ вы больно очень притки не въ мѣсту, поди, ехидный человекъ... Кирилличъ! доведи Еремѣю до кабака по дорогѣ, кривнула она другому мужику, направлявшемуся туда же.

— И пойду, одинъ пойду.

— Поди... Ай мало штрафъ-то съ васъ брали?... Ступай... Хоть бы въ клоповникъ-то тебя засадили, рада была бы.

— Эй ты, мірянинъ, ну-ко двигай! сказалъ мужикъ и потащилъ его подь руку.

— Штрафъ... Гм... Чтò штрафъ? Дѣло пустое...

— Пустое... Пропустишься!

— Что-жь? Я всегда могу заплатить...

— Проплатишься!... Тысячникъ грошевый!...

— Какъ это ты баешь? съ какого разума?...

— А ты шагай!... съ какого разума? Ишь выбрался одинъ какой тысячникъ!... Весь міръ штрафы смеяли, ремья ревутъ послѣ ихъ, а ты... ты одно слово—человѣкъ пьяный!...

— И ты може думаешь, что я закону государева не сполнаю? Этого сказать ты не можешь, потому выходитъ, какъ тогда Ѳедотка два бревна изъ барскаго лѣсу вырубилъ, и бросилъ онъ эти два бревна со страху на моей землѣ, и двѣ недѣли до успеньева дня лежали они тутотка, я, значить, срубъ тогда новый правилъ и эти два бревна взялъ. Когда-жь посредственнику донесся, онъ на меня штрафъ двадцать-пять рублей наложилъ; срубъ тогда со всего веру снесли и эти два дерева изымали отсюда и взяли... Я, значить, у посредственника въ ногахъ лежалъ.. Онъ мнѣ всякіе допросы подводилъ: ты, говорить, срубилъ?... Нѣтъ, говорю, не срубилъ я. Какъ, говорить, такой-сякой, не срубилъ? Вѣдь у тебя два бревна оказались? У меня, говорю, два бревна оказались, а рубить, выходитъ, не рубилъ... Зато-павши онъ тогда меня прогналъ... Въ другу радъ ворвался я къ нему и опять въ ногахъ лежалъ и говорилъ, что дескать Ѳедотка ихъ срубилъ и что не будетъ ли-де милости штрафъ пополамъ раздѣлять.. Онъ только тогда и на Ѳедотку двадцать-пять рублей наложилъ... Я сполнилъ по закону: буренку въ Буриловку свелъ.

— Дѣло!... И колько это, царьца небесная, денегъ съ міру засожено на ѡвти на самые штрафы! Куды только эти деньги итти могутъ? Колько ихъ таперь въ приказѣ въ книгу записано, и голько самой этой записи переведено... Пропастно!

Ерѣмка съ Кирилычемъ подошли къ кабаку. Василій Гурьяновъ толковалъ ужъ съ мужиками.

— Ну, мужички православные, вы пришли отъ меня хорошее слово услышать, а мнѣ выходитъ таперь это слово повѣстить вамъ.

— Знамо дѣло, что повѣстить.

— Повѣстить нужно.

— Ты намъ таперь насчетъ грамоты прежь всего толкуй.

— Ужь сдѣлай милость!

Мужики поклонились.

- Кланайся, ребята! шепнули заднимъ.
- Ужь сдѣлай милость, раздалось на задахъ, и мужики опять поклонились:—ублаженіе тебѣ мы сдѣлаемъ.
- Первая рѣчь моя—это насчетъ самой вашей глупости будетъ, потому какъ мужичокъ глупъ, и всѣ, выходятъ, такъ объ мужичкѣ полагають...
- Это такъ точно, что мужикъ глупъ.
- Мужикъ завсегды неразсудный.
- Какъ я таперь съ начальствомъ зачастую въ дѣлахъ бывалъ; и какъ въ Питеръ и въ губернію ѣзживалъ, то доподлинно могу сказать, что всѣ объ глупости вашей извѣстны, и только теперича объ евтой самой глупости говорятъ...
- Да, знамо дѣло, у мужика разума, что у курицы яицъ по зимѣ! Евто и ребятишки давно знаютъ, нетовня что мы... Давно твердятъ, всѣмъ наговорено, сказалъ угрюмый мужикъ порывисто и нетерпѣливо:—а ты насчетъ граматы толкуй...
- И насчетъ граматы будемъ говорить... А безъ глупости вашей и рѣчь объ ней быть не можетъ; такъ-какъ выходить важный разумный человекъ прежь всякаго дѣла объ глупости вашей говорить, и начальство завсегда такъ... Митрій Игнатычъ! нутко еще ставанчикъ дай пропустить; оно, ходчей за водкой-то какъ-то...
- Я баялъ, что замудрить, прошепталъ угрюмый мужикъ.
- Извѣстно, мудрить.
- Что тамотва баятъ? спросилъ старикашка на задахъ:—недослышалъ, нешто...
- Василій Гурьяновъ мудрить.
- Ой, мудрить?
- Пра, мудрить.
- Опосля бы его поштывать...
- Нутко, тѣточки, отпряните подагѣ къ заду, сказала одна баба.
- Аль что тамъ?
- Гурьянычъ, вишь баятъ, замудрилъ.
- Какъ же евто онъ замудрилъ?
- А такъ и замудрилъ; мужики баятъ, что замудрилъ...
- На разумѣ, должно, что нехорошее держать?
- Знамо.
- Вотъ вѣдь оно и ума-то много, такъ опасново. Орна, скажи своему-то хозяину, вишь онъ больно близъ къ нему подошелъ... Дернь его за рукавъ-отъ, дернь...
- Василій Гурьяновъ выпилъ, загусилъ, подумалъ что-то, потомъ всталъ на врыльцѣ у кабака, встряхнулъ свою лохматую и вне-

запно спросилъ, по обыкновенію не глядя въ глаза мужикамъ, а вперивъ взоръ свой въ даль полей:

— Такъ у васъ грамата слажена?

— Слажена.

— Вы, выходите, ее, эту грамату, подписывать не могли— слышь, не могли!...

— Ребята, слышь, грамату подписывать не могли, потому не для чего.

— Такъ къ этой граматѣ не рукоприкладствовать?

— Не рукоприкладствовать— слышь?...

— Слышимъ, всѣ слышимъ.

— А грамату эту у посредственника вамъ взять надлежить и бумагу самую эту всѣмъ обществомъ смотрѣть, такъ-какъ въ бумагѣ може фальшь!

— Ребята, слышь, въ бумагѣ фальшь! провричалъ мужикъ на задѣ.

— Опосля межевого взять, и чтобы, выходить, прежь всего онъ землю, какая по граматѣ значится...

— Надѣльную...

— Надѣльную землю въ поляхъ показалъ всему обществу — поняли?

— Поняли: какъ есть, значить, прежь всего межевой землю надѣльную повазать долженъ.

— А я теперь еще вышью и тогда все вамъ предоставляю.

— Игнатьичъ, подливай ему, подливай! сказали мужики.

— Подольемъ!

— Православные, грамату подписывать не могли!

— Знамо, коли не для чего.

— Для че подписывать!...

— Я повѣстилъ это вамъ, какъ, значить, къ міру чупринскому чувства особливныя имѣю, и потому какъ, выходить, бѣлевскіе грамату подписали, а въ граматѣ самой этой вышель фальшь.

— Ишь вотъ у бѣлевскихъ вышель фальшь!...

— А фальшь вышель потому, какъ обманъ и ехидство михалковскій посредственникъ съ княгипей учинили. Грамату самую крестьянамъ прочли и крестьяне согласіе свое объявили; а рукоприкладства самыя эти хрестьяне по глупости своей мужицкой сдѣлали подъ другой граматой, какую посредственнику желательно было... Потому выходить и надули ихъ ловко.

— Мужика надутъ-что? ничего; потому въ законѣ глупъ.

— Слышь!... и у васъ може фальшь! заключилъ Гурьяновъ, сошелъ съ крыльца,—мужики разступились,—онъ прошелъ мимо ихъ и скрылся за угломъ.

— Може, и у насъ фальшь? Ишь...

— Да, вотъ оно и гляди.

— Коли такъ, ребята, таперь фальшь этотъ нужно усмотрѣть.

— Какъ есть усмотрѣть...

— А потому, значить, всѣмъ міромъ къ старшинѣ, а онъ чтобы предоставилъ посредственнику, какъ мы, выходить, грамоту обчествомъ видѣть желаемъ.

— Идемъ къ старшинѣ!

— Идемъ! Погѣдъ, воды захватимъ, може потребуется.

Мужики отхлынули отъ кабака. Остался только Еремва, сидя на камнѣ, и глубокомысленно спалъ. Шляпка у него свалилась на сторону, да и онъ самъ клонился постепенно на бокъ.

Пока мужики толковали съ Гурьяновымъ, въ правленіе пріѣхалъ пзъ волости старшина, и отъ солдата узналъ, что «Гурьяновъ прибылъ на село и мужиковъ, по обыкновенности своей всегдашней, мутить». Старшину это извѣстіе очень огорчило, почему шляпу онъ и не повѣсилъ на гвоздикъ у «оброчной такціи», а бросилъ на столъ и, выругавшись, послалъ солдата къ попу за квасомъ. Солдатъ квасу принесъ, и пока старшина пилъ прямо изъ жбана, говорилъ ему: «я тебѣ, Ѳома Тимоѣичъ, объясняю безъ прикосновенности, что ежели выдетъ такъ, что мужикъ по умственной части заниматься начнетъ, пути не будетъ, потому мужикъ относительно умственности—одно все, что бабу въ попу поставитъ.

— Окаянство! проговорилъ старшина задумчиво, всталъ передъ стѣной и въ тысячный разъ посмотрѣлъ на картину суздальской живописи, изображающую, какъ «жилъ былъ богачъ скупяга, ехидный человекъ и сeryга».

— Змія-человѣкъ—Васька Гурьяновъ, ворчалъ солдатъ.

— Писарь теперича провалился куды-то ни вѣсть, его нѣтуту... Что дѣлать будешь? Какое съ ними, глупымъ мужичемъ, прости меня Господи, управленіе будешь имѣть, ели только, спаси, матушка пресвятая Богородица, ели возмутятся...

— Мужичье возмутится, это солдатъ знаетъ... Вѣрь, Ѳома Тимоѣичъ, тебѣ не сдобровать, положишь ты съ ними свою буйную-удалую головушку, нараспѣвъ и совершенно невинно сказалъ солдатъ.

— Гришва! Ты пошелъ, коршунъ проклятый, знаешь—куды? выразительно сказалъ старшина сторожу, принявъ смыслъ его словъ за худое предзнаменованіе.

— Ну, куды-куды солдатъ царскій идти можетъ? Ну-ко, скажи, скажи, старшина почтенный! оскорбася спрашивалъ солдатъ.

— Ну, и пошелъ, и пошелъ ты!

— Когда-бъ ты былъ не мужикъ, зятаго бы слова солдату не сказала... вотъ что! А то—тотъ же мужикъ-полѣно. Понимать сердечныхъ словъ въ себѣ чувствій не имѣешь, говорилъ солдатъ, уходя за перегородку тереть на ладони корешки и закуривать трубку. А старшина перешелъ къ другой стѣнѣ и посмотрѣлъ на привлеченный къ ней сургучомъ протестъ Тихона Воронежскаго противъ «блудницъ и пьяницъ». Это навело его на душе-спасительныя мысли.

— Богъ-спаситель теперича только можетъ въ естивихъ дѣлахъ помочь! сказалъ онъ, вздохнуль и кривнуль солдату:—Федорычъ! если таперъ мужики придуть въ буйственномъ видѣ, въ попу што-ль сходить?

— Гм... попъ! что попъ можетъ сдѣлать? палочьемъ ихъ, розгачами—непостоянныхъ чертей! злобно отвѣтилъ солдатъ изъ-за перегородки:—такъ насъ самѣхъ начальство уму-разуму учило.

Старшина выглянулъ въ окно. Издали въ волостному правленію подвигался Гурьяновъ. Старшина схватилъ шапку и чуть не бѣгомъ бросился изъ избѣ.

— Вотъ оно когда мужику туго приспичило! проговорилъ ему вслѣдъ солдатъ.

Старшина, запыхавшись, подбѣжалъ къ Гурьянову и крикнуль, подставивъ ему прямо подъ носъ кулакъ: смутитель!... смутитель безпутный! злобный ты мужикъ, вривалъ онъ задыхавшись, не обращая вниманія на низайшее привѣтствіе Гурьянова:—вѣдь въ петлю мнѣ лѣзть изъ-за тебя што-ли, изъ-за твоихъ пагубныхъ, лукавыхъ дѣловъ?

— Что-жь, Ома Тимоѣенчъ, если вы теперь это говорите на счетъ того, что я чупринскимъ мужичкамъ у кабака повѣщаль касательственно грамать...

— Ты молчи, не моги говорить. Я огорчился на тебя теперича душевно, потому—уходи.

— Ома Тимоѣенчъ...

— Ну, и уходи, уходи въ цѣлости.

— Оекла ты, а не Ома—ошибимшись родился, промичаль Гурьяновъ, и пошелъ въ правленіе.

Старшина посмотрѣлъ ему въ задъ.

— Навожденіе злобное! проворчалъ онъ, плюнуль и, быстро семеня ногами, пошелъ къ кабаку.

Въ одной избѣ поднялось окно и быстро опять захлопнулось. Со двора выбѣжалъ староста съ испуганной физиономіей, увидавъ необыкновенно быстро идущаго старшину. Шляпенка и борода у

старосты, устроенныя обѣянно, тряслись елико возможно. Онъ подбѣжалъ рысдой къ старшинѣ:

— Ты кто? спросилъ, остановясь передъ нимъ, старшина.

Старосту озадачилъ совѣтъ такой вопросъ.

— Кто? знамо, Ѳома Тимошенчъ, кто...

— Ну кто, ну кто, растакая твоя борода?

— Кто? поди, начальство.

— Начальство?! Баба твоя начальство, а не ты.. Какое есть твое въ законѣ дѣло назначено?

— Усматривать...

— А что мужики въ умѣ держуть?

— Ели на счетъ того, что пьютъ, такъ тутъ само высшее начальство не усмотрить.

— Не про пьянство рѣчь... Возмутились они, дурья твоя голова! Вѣдь пропадомъ мы съ тобой пропадемъ, сказалъ старшина и опять побѣжалъ впередъ.

— Возмутились!... Ишь вотъ... твнулъ ихъ бѣсъ! Чего же они возмутились? подумалъ староста, слѣдуя за старшиной.

Чупринскій миръ шелъ имъ на встрѣчу. При видѣ старшин, шапки у мирянъ заколыхались на головахъ.

— Мы къ тебѣ, Ѳома Тимошенчъ, заговорили-было мужики.

— Непостоянные!... Непутные... Головы ваши кабацныя!... заговорилъ старшина, неистово махая руками и головой; шляпа ходуномъ ходила на головѣ его отъ гнѣва.

— Ты, Ѳома Тимошенчъ, погоды лаяться, а прель къ посредственнику ступай и грамату отъ его — чтобы, значить, намъ безпримѣнно доставить...

— Для общества, потому, какъ мы ее видѣть желаемъ, сказалъ угрюмый мужикъ.

— Васька, Васька!... поганый ты человекъ!... сказалъ ему въ отвѣтъ старшина: — сообрази, что ты баешь, чего ты галдишь? Рази я за васъ голову на эшахвотъ што-ли долженъ нести?...

— Кто про это говорить, чтобы на эшахвотъ...

— Никто не говорить.

— Только ты посредственнику, значить, отъ насъ предоставь...

— Православные! заговорилъ старшина увѣщательно: — что значить къ посредственнику идти? Какое въ этомъ словѣ значеніе состоитъ? Уразумите вы, нежалливый вы пьяный народъ — вѣдь я собой долженъ жертвовать изъ-за вашей глупой мирской головы, карманомъ своимъ...

— Что жъ, пожертвуй...

— Ты для чаво жъ начальство?... Знамо, чтобы жертвовать...

— Жертвовать... Гм... жертвовать... Ишь вѣдь что! поди,

такъ и жертвовать?... Что ты меня кашей што-ли кормилъ, чтобъ я за тебя своимъ карманомъ, а може и душой, на старости лѣтъ жертвовать сталъ... И за что я, за какую вашу глупую великую глупость жертвовать буду?

— А за ту глупость, что намъ вѣдомо стало, что въ граматѣ фальшь.

— Такъ пошто вамъ ее? что вамъ въ ней? Уразумите нешто вы ее, глупые? Вѣдь она для начальственнаго ума писана, не для вашего глупаго разума...

— Намъ, одно слово, смотрѣть ее всѣмъ обществомъ жадательно.

— Потому, въ рукахъ ее не держали...

— Ели въ рукахъ держать будемъ, може фальшь явотъ самий усмотримъ...

— Какъ есть усмотримъ.

— Головное броженіе въ головѣ у васъ — одно только; обаломъ сабашиная въ душу вамъ забралась... Грѣководный вы народъ!...

— Лайся... что жь? Лайся...

— Если не пойдешь, мы, значить, сами двинемъ... Что жь? кланяться не станемъ...

— Двигай, двигай!... начальство скажетъ: бунтъ, и погибай вы тогда всѣ... Всѣ погибнете.

— И двинемъ...

— Знамо, двинемъ... Намъ все единственно погибать.

— Ребята! кожь погибать, такъ погибать всѣмъ...

— Знамо, всѣмъ... Ужь коли власть душу, такъ всѣмъ власть...

— Ну, и гибнете, окаянны! произнесъ старшина съ чувствомъ и побѣждалъ къ поповскому дому.

— Полноте-се вы, неразумные... что задумали?... Васька, Митрюшка, Голованъ — полноте-се... Ну-у... Что и самъ дѣлѣ, пусть ихъ тамъ и съ фальшей-то, уговариваѣ староста.

— Пошелъ ты, Сидоръ Кирилъчъ, къ своей бабѣ подъ пядю... Вотъ-те и весь сказъ.

— Миѣ-ка что?... гибнете; а я своей души власть не буду, проворчалъ староста, наклонилъ голову и сталъ повертывать ногой какую-то щепку.

Мужики дальше не двинулись, а пока стали всѣ въ кружокъ.

Староста къ поповскому дому прибѣжалъ запыхавшись; оставилася у плетня ороло садика, перевелъ духъ, снялъ шапку и, вынувъ пзъ нея платокъ, вытеръ потъ, катившіяся крупными каплями по лбу; потомъ высморкался, сплюнулъ, подумалъ что-

то божественное, положилъ платокъ опять въ шляпу — и ужъ вошелъ къ священнику прямо въ садъ, увидавъ его изъ-за плетня.

— Въ добромъ ли здоровьѣ?... Благословите, говорилъ онъ, снимая шляпу и подходя къ пону съ пригоршней.

— А! здорово!... Богъ благословить, сказалъ священникъ, благословля старшину и тывая ему руку къ носу, чтобъ онъ поцаловалъ.

Священникъ былъ мужчиною лѣтъ сорока-пяти, здоровый и съ порядочнымъ животомъ; говорилъ густымъ басомъ, который немного похрипывалъ у него; должно полагать, что онъ, бывъ прежде діакономъ въ городѣ, переведенъ былъ въ село Чуприно по благоволенію духовной консисторіи.

— А нонѣ вишенье, должно, плоховато.

— Плохо. Полагаю, стъ этого, что цвѣтъ облетѣлъ по веснѣ. Гораздо плохо... Жена сама не своя мычется — больно она ихъ ѣсть-то любить... Такъ сама не своя мычется...

— Та-акъ!... протянулъ старшина, и порывисто прибавилъ: — это точно что такъ!... А я къ вамъ, примѣрно, за сувѣтомъ...

— Въ какомъ дѣлѣ?

— Мужики, выходятъ, возмутились, и потому, глядъ, преидоидеть бунтъ, а если бунтъ преидоидеть, то чупринскіе мужички погибнуть...

— Это, должно полагать, много занимательно... Жена! крикнулъ попъ женѣ, собиравшей невдалекѣ съ градъ огурцы: — слышь, у мужиковъ бунтъ... Поди, ты желала любопытствовать... и я сейчасъ-ко одѣнусь, выду взглянуть.

— Вотъ бы ихъ трясъ тамъ перетрясъ! въ какое время выдумали, когда дѣло изъ рукъ валится, крѣпнула попадья: — ахъ ты, батюшка... Отецъ, поди ты, я приспѣю, чай...

— Вотъ и у насъ... ну-у!... А то слышишь: тамъ бунтъ, въ другомъ мѣстѣ бунтъ, интересъ большой возбуждало.

Священникъ пошелъ къ дому.

— Вы, батюшка, крестникъ бы съ собой какъ-нибудь эндакъ прихватили...

— Зачѣмъ?

— Какъ таперъ выходить, на мужиковъ подѣствовать нужно, отвратить отъ злобнаго дѣла... А на мужичка, знамо, едина крестна сила дѣствовать можетъ...

— Такъ что? развѣ мнѣ говорить што-ли съ нимъ придется?

— Это выходить насчетъ чтобы усовѣстить?... Да, вамъ это предостойтъ.

— Нѣтъ, братъ, шалишь, я не пойду... Посмотрѣтъ я пойду, а говорить — нѣтъ... Какъ я могу пойтъ? Зачѣмъ?... Еще прео-

священнѣйшему владыгѣ донесуть... Нѣтъ, я не пойду. Чтò мнѣ? Мое дѣло стороннее, говорилъ священникъ съ боязливимъ недоумѣніемъ.

— Это такъ точно вездѣ выходитъ — у Петровскихъ, вотъ тожъ было — если на мужиковъ сила начальственная дѣйствія имѣть не можетъ, то божеской должно испробовать.

— Жена, слышь, мужиковъ съ крестомъ нужно усовѣщевать.

— Мнѣ-во чтò? Ну-те васъ тутъ совсѣмъ... Чай, знаешь, гдѣ крестъ-отъ лежитъ.

— Вы, батюшка, не повиньте; звѣте божескую милость, по дѣствуйте на нихъ, знамо перва-то словомъ, а если слово не возьметъ, тогда и крестомъ можно; а пока прапрыхте крестъ-отъ подъ раску...

— Какъ же это, братъ? чтò я съ нимъ буду дѣлать?

— Словомъ таперь, примѣрно, прежь всего.

— Словомъ? словомъ?... заладилъ одно... Да какое слово, нуано знать?

— Гм... на счетъ этого, выходите, можно такъ имъ объявить: мужички, молъ, православные! вы, молъ, гибнуть отъ своей глупости хотите...

— Ну-ну... безъ тебя знаю... Янца курицу не учать... Вотъ, чай, эпитрахиль нужно взять... чтобъ ихъ тутъ! .. Дьяча тоже нужно... Эхъ, чтобъ ихъ!

Священникъ сердито зашагалъ изъ саду.

— Таперь намъ очень трудновато, можно за это отвѣчать — какъ, значить, поэтому — мужиковъ въ порядкѣ не сдержали, говорилъ старшина, слѣдуя за священникомъ въ комнаты.

— Вотъ какъ тутъ съ ними сдѣлаешься? Вздумають вѣдь, говорилъ священникъ, надѣвая полукафтанье и распуская комелекъ.

— Въ уставѣ, може, церковномъ значитса, какъ евти самыя дѣла... совѣтовалъ старшина.

Скоро священникъ и старшина вышли, чтобъ иди «усовѣщевать» мужиковъ; по дорогѣ прихватили пономаря, бывшаго въ той же бѣлой рубахѣ, только подпоясанной покромгой.

— Попа ведеть!... Чтò жъ попъ можетъ сдѣлать? заголосили мужики, увидавъ двигающихся вдали старшину и священника.

— Хе! смѣшонъ, паря! Ваську пономаря прихватилъ...

— Попъ съ Васькой ничего не могутъ прозвестъ, потому это дѣло не въ ихъ рукахъ...

— Роба! Во чтò: самыя эвти поповскіе резоны не слушать, и въ разумъ не примать.

— Зачѣмъ примать? Кто жъ примать резоны отъ попа станеть?

Наше дѣло грамота, а что жь грамота въ его дѣлахъ? Ничего... дѣло не церковное.

— А теперь его просить, значить, чтобъ онъ намъ душъ отпущенье сдѣлалъ...

— Душъ отпущенье?! Это въ какой причинѣ ты говоришь? Ты бай, да смекай, что баешь. Душъ отпущенье! Что это слово означаетъ? Это слово означаетъ, если примѣрно человѣка въ гробъ власть...

— Это такъ точно...

— Такъ точно. А гдѣ жь человѣка въ гробъ кладутъ, гдѣ жь смертный часъ нашъ?

— Гдѣ?... А къ посредственнику пойдемъ, посредственный объявить: бунтъ—и тогда погибай всѣ...

— Какъ значить: погибай?

— Такъ значить...

— Какъ?

— Такъ значить: едино слово, бумагу въ губерню напишутъ, губерня подъ эту бумагу слово подведетъ—«въ тюрьму до скончанія жизни»... Вотъ тебѣ и сказъ!...

— Филька правильно представляетъ.

— Ой, правильно?

— Знаю, правльно. Потому—намъ таперь все одно, единый конецъ: или самый фальшь усмотрѣть, или гибнуть.

— Такъ, роба, у попа души отпущенья просить?

— Просить.

Пока священникъ съ старшиной подходили къ мужикамъ, въ это время изъ воротъ волостнаго правленія выѣхалъ на телегѣ Василій Гурьяновъ. Снѣ посмотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ стояли мужики, свистнулъ и сказалъ:

— Вотъ оно куды жь пошло: и попа за бока, да не изомемъ отъ попа молока!... Эхъ, вы, смѣшнѣющій народъ! крикнулъ онъ, стегнулъ вкutomъ лошадь—и завернулъ за уголъ въ проулокъ.

Немного погодя, попадья выбѣжала со двора, вытаскивая изъ-за пояса и оправляя подолъ. Между тѣмъ священникъ толковалъ съ мужиками; но мужики поповскихъ резоновъ не слушали, а все просили душамъ отпущенья и—чтобы крестъ цаловать. Священникъ креста не захватилъ и цаловать имъ его не далъ; вмѣсто «душъ отпущенья» назвалъ ихъ «олухами царя небеснаго, дуботолками вислоухими и остолопами». Мужики на него огорчились и объяснили, что касательно грамоты онъ съ ними дѣлъ нѣтъ не можетъ, и что они «поповскихъ резоновъ никакихъ примать не

будутъ». Священникъ плюнулъ и ушелъ отъ мужиковъ, за нимъ побѣжала и раздосадованная попадьа.

— Эка невидаль вакал! плевать я хочу на это!... Бунтъ, бунтъ, кричатъ, а что въ немъ антиреснаго: мужики у кабака сошлись. Отъ дѣла только меня-то, проваленные, отблди, брапилась попадьа и бѣжала опять въ свой огородъ.

Мужики сильно опечалились, что священникъ креста цаловать имъ не далъ и по церковному душъ отпущенья не сдѣлалъ. Вслѣдствіе чего опять стали пробовать протурить старшину къ посреднику за грамотой.

— Я пойду, пойду, ехидные вы, говорилъ старшина, рѣшаясь идти къ посреднику, видя, что и попъ съ мужиками пива не сварилъ.—Я пойду, только никакихъ, подлинно говорю вамъ, голковъ изъ этихъ дѣловъ не будетъ.

— Знай ступай! опосля увидимъ и еви самые толби.

Старшина пошелъ къ дому посредника и все отираясь платкомъ; еще издали снялъ онъ шапку, а самъ однако все оглядывался въ сторону мужиковъ; потомъ завернулъ за уголъ сада и присѣлъ тутъ на бревышко. На бревышкѣ онъ все нетерпѣливо поворачивался и боязливо оглядывался. Наконецъ онъ всталъ, подошелъ къ мужикамъ и объявилъ, что мировой посредникъ его прогналъ. Боясь разспросовъ мужиковъ, онъ поскорѣе ушелъ въ волостное правленіе, почти увѣранный въ томъ, что мужики дѣло свое бросятъ.

— Ну, ребята, такъ Господу Царю небесному; выходитъ, угодно, чтобы мы Чупринске хрестьяне погибли... А потому теперь всѣ идемъ въ избы, чего Богъ послалъ пожремъ, а опосля обѣда, чтобы къ кабаку собрашисъ быть — и тогда къ посредственнику тронемъ.

— Безъ земли чтѣ мужичку за жистъ — одно посрамленіе; пушай бабы однѣ безъ земли управляются... А намъ ужъ погибать сталоь одно... къ посредственнику тронемъ.

— Тронуть, отчего не тронуть, только безъ поваинства опасливо.

— Что жъ? Царь небесный, угодиликъ Николай не допускаютъ, должно... Божье это дѣло.

— Божье дѣло.

— Такъ, робя, опосля ѣды тронемъ?

— Тронемъ..

— Бабы! вшишь домой, глупое отродье, крикнулъ молодой мужикъ:—Магрешка, ел, печь отерывай, на столъ жраньѣ подавай!...

Бабы бросились по пазамъ въ разсыпную. Мужики расходились серьезно и медленно, нарѣдка потолковывая между собою.

Скоро въ избахъ бабѣнки растворили печи и повыметали на столъ все, что въ нихъ было, а мужья принялись ѣсть. Вошелъ въ свою избу и молодой рыжий мужикъ, который «рѣчью владеетъ», перекрестился и сѣлъ за столъ. Матрешка подперла рукой голову и уныло слѣдила глазами за исправно путешествующей въ мужнинъ ротъ деревянной ложкой.

— Матрешъ! ты что не хлебаешь? Аль позрала?

— Не хлебается нешто... Оченьо щемить...

— Что у те тамъ щемить?

— Сердче...

— Хе! ишь вонь!... а я съ грѣха-то полагаля опричь его што... Двинько хлебово-то суды...

Матрена подвинула, помолчала.

— Васюша! ай въ правду бабы-те одны будутъ, а вы ишь гибнуть пойдете? спросила она боязливо.

— Одны. У тебя, должно, отъ этого щемить?

— Отъ этого...

— А вѣдь и то молвить: плохо бабамъ безъ мужиковъ... и-и, бабы, вамъ плохо будетъ!...

— Да за что ты отъ меня уйдешь? Знамо, что безъ теа?... И мнѣ рази тожь гибнуть? одинъ конецъ, говорила баба, начиная всхлипывать.

— Хе, хе! Матрешъ! Ай, щемить?... Знамо, ты баба-молодайка... Что жъ, пушай щемить. Жертвуй на миръ, всѣмъ его удоблетвори—потому мы всѣ жертвуемъ и всю свою душу дадемъ и ему предоставляемъ—значить въ общество. Вникаешь?

— Какъ не вникать!...

— Ну, и вникай. А если теперь въ граматѣ фальшь, и земли поэтому намъ непослѣдствуетъ—что жъ тогда мужики безъ земли значить будутъ? ничего; безъ земли только однѣ бабы и могутъ значить... А мы въ изгонъ поидемъ...

— Далече васъ погонять?

— Може, далече; перва на перво въ губерню, чать, а губерня какое распоряженъе поставитъ.

Баба начинала всхлипывать все сильнѣе и сильнѣе, и наконецъ разрыдалась.

— Вотъ таперъ за тея выдали, а на какую радость, на какое удовольствіе... Дѣвѣи жизнь только разстроили, молодость погубили...

— Ну-у, слышь, Матрешка, не обижать меня... Нече изъ пустаго... Мирское дѣло, а если мирское, и — сказъ весь...

Мужикъ всталъ, перекрестился, надѣлъ шляпу и пошелъ изъ избы.

— Не хнычь, сказалъ онъ; хотѣлъ еще что-то прибавить, да

махнулъ рукой и вышелъ вонъ. Матреша побрела за нимъ, оставивъ на раздолѣ мухамъ все, что стояло на столѣ.

Издали видно было, какъ мужики понемногу собирались у кабака. Изъ одной избы вышелъ Ерѣмка, успѣвшій проспаться немного и поѣсть; за нимъ шли двѣ бабы и обѣ въ голосъ причитали. Ерѣмка оборотился къ нимъ и сказалъ:

— Ты, старуха, помни... одно слово—Царь небесный!

— Знаю, Царь не-ебе-есный... Тебѣ бы тогда пойти на печь да и лечь; сунуло тебя къ кабаку идти...

— Вишь, что у кабака? Міръ у кабака — а потому не могли, выразительно заключилъ Ерѣмѣй и ушелъ отъ старухи. Старуха пошлепалась за нимъ.

— Ну-у, ишь-те жалость-то разобрала не въ моготу, говорилъ лдащій мужикъ у другой избы своей бабѣ: — жалостлива не въ мѣру... Изнутри все выворотила ревомъ-то.

Мужики въ ожиданіи другихъ сидѣли у кабака на бревнышкѣ и почесывались. Скоро собрались почти всѣ, и голоса раздались на міру.

— Всѣ-ль здѣсь?

— Всѣ чать.

— Гдѣ Стѣпка? Стѣпки нѣтъ.

— Я Стѣпка... Чего-жь еще?...

— Ты Стѣпка! знамо, ты Стѣпка — и молчи.

— Молчи... Что жь молчать? промчалъ Степанъ.

— Голоवेशки нѣтъ Стѣпки.

— Нѣтъ, Голоवेशки нѣтъ...

— Мареушка, стрекони-ко за Голоवेशкой.

— Да у него животь подвело...

— Вишь собачій сынъ!

— Стрикулисть...

— Тащи его поди и съ животоми, потому на міръ жертвуй... и животь нашъ Богу Христу предадимъ...

— Да что энто? всхлипывая проговорила баба.

— Тебѣ баять, иди — и растобарывать нече... Вишь вонъ и Ерѣмка пришелъ, не дожидаячи...

— И я пришелъ... Аль я не мірянинъ? Ты, Филипъ, не обноси напраслиной.

— А третку не доложилъ на штофъ? Должно, запаматовалъ, мірянинъ лышной...

— Выжига-мужикъ... Гдѣ дешево, такъ и онъ мірянинъ.

Мужики посмѣялись; потомъ на нѣсколько минутъ на міру стихло.

— Ну, робатушки...

— Готовы таперича?

На бревнышеѣ сидѣвшіе мужики поднялись.

— Готовы давно.

— Такъ тронемъ...

— Прешь шапки скидавай.

Шапки скинули.

— Ну, послѣдній хрестъ положимъ.

— Хрестись.

— Всѣ хрестись!...

Мужики обернулись къ церкви—и мірскія головы заковычались.

— Кто первый предоставлять всё должонъ?...

— Энто выходитъ дѣла самыя—чего значить мы жалаемъ?

— Да... Кто грамотный?

— Я грамотный, выступилъ молодой Матрешкинъ мужъ.

— Ты рѣчью владаешь?

— Владаю.

— Ты первый и трогай.

— Идетъ!... Мы рѣчью важно совладаемъ—энто правильно.—

Мужики тронулись по направленію къ дому посредника. Староста, издали увидавъ, что «мужики ужь совсѣмъ сбалмшствуютъ», побѣжалъ къ старшинѣ и объявилъ. Старшина ошѣнялъ и до того раздосадовался, что прослезился и сказалъ: «Матушка, царица небесная, не прогнѣвись на насъ много-грѣшныхъ!... Чтѣ съ экиемъ народомъ псевдунымъ подѣлаешь?... Бѣги таперъ, обратился онъ къ старостѣ:— и чтобъ сейчасъ стоишныхъ лошадей мнѣ...»

Пока мужики дошли до барскаго дома, пока еще вышелъ къ нимъ посредникъ, а славная пара стоишныхъ лошадей стояла уже у волостнаго правленія и бойкій колокольчикъ звонко раздавался по деревнѣ.

— Бараны твоя голова, переважи языко-тъ у колокола... Чтѣ обрадовался? Чему весело? заругался старшина, выходя на крыльцо.

Ямщикъ подвязалъ языкъ къ дугѣ; звукъ замолкъ. Наконецъ лошади дернули и понеслись; только слышно было, какъ старшина крикнулъ солдату:

— Федорычъ! слышь—одно слово: меня въ управленѣи нонѣи духу не было...

Солдатъ махнулъ въ стѣнѣтъ рукой и ухмыльнулся.

— Начальство хрестыанское!... Бородачи!... потѣшнѣйшая комедія только следѣтъ на ихъ.

Мужики съ открытыми головами остановились на широкой лугвинѣ передъ огромнымъ домомъ мирового посредника. Въ домѣ не было никакого движенія, хотя нѣсколько экипажей, стоявшихъ вдали, свидѣтельствовали о присутствіи гостей; но, кажется, всѣ въ домѣ были заняты слишкомъ серьезнымъ дѣломъ, и торжественное молчаніе лежало на устахъ горячихъ мыслителей и дѣятелей, сидѣвшихъ вокругъ зеленыхъ столовъ.

Мужики въ ожиданіи начальства переговаривались едва слышно:

— Если выдетъ Силычъ, съ Слычемъ дѣлъ не рѣшать — а значить потребовать самаго посредственника.

— Куда Силыча! Ну его во псу...

— И теперь же Силычу денегъ надоть, а безъ денегъ онъ не рѣшать...

Дѣйствительно, посредникъ не вышелъ, а выслалъ вмѣсто себя писмоводителя. Это былъ низенькій, толстый, съ испитой, масляной фізіономіей господинъ лѣтъ пятидесятъ; на лицѣ его ясно отпечатлѣвались и ежедневно выпиваемые имъ три штофа водки, за что Митрюшка глубоко уважалъ писмоводителя, и то немалое значеніе, какое онъ имѣлъ при посредникѣ. Вышелъ онъ передъ чупринскій міръ на балконъ, и прежде, чѣмъ сказалъ что нибудь, зарядилъ петоропливо въ носъ понюшку табаку.

— Ишь васъ чортъ нагналъ сколько!... Изъ кабака что-ли прямо? А эта сволочь зачѣмъ пришла?... Вонъ! чтобы не было! закричалъ Николай Силычъ, и затопалъ, указывая на бабъ.

Бабы прыснули за уголь.

— Ну, что вамъ, черти?

Мужики молчали.

— Что вамъ, дьяволы? вриунуль онъ, выхода изъ терпѣнья.

— Ты, значить, Николай Силычъ, не чертыкайся... Говорить, выходить, мы съ тобой не жалаемъ...

— Какъ, негодян? Кто сказалъ? задыхаясь говорилъ писарь:— кто? Выдъ сюда, выдъ...

— Выходить непошто, а посредственника намъ желательно... тебя-жь, Миколай Силычъ, ненадоть..

— Куда его!...

— Такъ я самъ же выду, подлецы! сказалъ Николай Силычъ и, сбѣжавъ внизъ, схватилъ-было одного мужика за шиворотъ.

— Ну ты, Миколай Силычъ, не больно...

— Ты лайси, да руками не задѣвай...

— Невелика птица, еностранецъ!...

— Да ты, въ самъ дѣлѣ, не тыкайся, а то и я те тву...

— Подле-е-цы! оралъ Николай Силычъ, одной рукой тыкая

мужиковъ въ животы, а другой путешествуя по ихъ лохматкамъ и бородамъ.

— Ты за бороду не дергай... На тебя законы-то есть...

— Храбрый!

Мужики зашумѣли; плотной кучей придвигались они къ крыльцу и прижимали письмоводителя.

Николай Силычъ, красный отъ гнѣва и водки, побѣждалъ отъ мужиковъ по лѣстницѣ, спотыкаясь на каждомъ шагу и на каждой ступени.

— Какъ, разбойники? вы бунтовать?... Въ Сибирь васъ, подлецовъ, вскрикнулъ онъ, вбѣжавъ на балконъ, и осѣпалъ мужиковъ площадной бранью.

— Это, выходитъ, опосля увидимъ...

— Ругайся, охальничай... а намъ чтобы грамату и посредственника подать сюды...

— Въ грамотѣ фальшь!

— Посредственника сюды! кривнулъ кто-то изъ мірянъ очень храбро. Да и всѣхъ мужиковъ раскуражилъ Николай Силычъ; они начали смотрѣть необыкновенно храбро и все ближе и ближе напирали къ крыльцу.

Письмоводитель бросился въ комнаты, и слышно было, какъ хриплымъ басомъ провочалъ онъ: «бунта!»; слышно было, какъ быстро задвигались столы и стулья, раздались шаги и самоувѣренный голосъ посредника.

— А, наконецъ!... Это интересно... Вотъ, господя, я покажу вамъ, на сколько знаю русскаго мужика... Кто вожакъ у нихъ? спросилъ онъ письмоводителя.

— А чортъ у нихъ разбереть, у дьяволовъ ..

Посредникъ едва показался на крыльцѣ, мужики на сажень отхлынули назадъ. Посредникъ—высокій, здоровый, плотный баринъ, шель, гордо поглядывая на мужиковъ, в спокойнымъ голосомъ спросилъ ихъ:

— Ну, что, что вамъ нужно?

— Грамата, батюшка... Явите милость... Видѣть желаемъ обчествомъ... Въ рукахъ не держали... Будьте милостивы.

Мужики зашумѣли. Голоса слились въ одинъ бесвязный гулъ. Посредникъ зажаль уши. Гости стояли въ сторонѣ и улыбались.

— Тише, черти!

Мужики замолкли.

— Зачѣмъ вамъ грамата? Подписывать, што-ли?... Тагъ такъ бы я говорили... Здѣсь ли понятые?

— Нѣтъ, рукоприкладствовать мы не желаемъ...

— Кагъ, не желаете?

— Такъ, выходитъ, ваша милость, не жалаемъ...

— Да вы слышали, что тамъ написано?

— Слышали, батюшка... Какъ не слышать?

— Ну, что же, согласны?

— Согласны... Много благодарны... Согласны...

— Такъ подписывайте...

— Подписывать не могли!

— Потому въ граматѣ фальшь... и въ рукахъ не держали...

— Да вы слышали ее, балбесы?

— Слышали, какъ есть...

— И согласны?

— Согласны, батюшка... Много здоровья вашей милости...

Очень благодарствуемъ...

— Такъ какъ, выходитъ, и для насъ, и для вашей милости необходимо.

— Такъ что же вы не подписываете?...

— Подписывать не жалаемъ...

— Вотъ неугодно-ли, обратился онъ, горько улыбаясь, къ гостямъ: — неугодно-ли посмотрѣть, каковъ русскій народъ...

— Боже мой! и эдакіе-то будутъ возсѣдать на земскихъ собраніяхъ вмѣстѣ съ нами! возопилъ франтовски одѣтый господинъ, метившій попасть въ председатели уѣзднаго земскаго собранія.

— Вы — ослы, пѣшки! Слышите, вы ослы! кричалъ, обратясь къ мужикамъ, посредникъ.

— Слышимъ, батюшка, слышимъ... Только грамату намъ подавай...

— Безпримѣнно подавай...

— Може, фальшь... Усмотрѣть жалаемъ...

— Обчествомъ.

И громко раздалось требованіе мужиковъ; а вмѣстѣ съ усиленіемъ голосовъ усилился и напоръ ихъ на крыльцо. Посредникъ не ожидалъ этого. Онъ вспыхнулъ, выпрямился и громко вскринулъ: — Га!... Кто у васъ первый? Выходи... всѣхъ слушать нельзя... Ну, кто первый? Живо!

— Я первый, сказалъ Матрѣшкинъ мужъ, молодцовато выступая впередъ.

Не успѣвъ еще мужикъ приосаниться, какъ раздался громкій увѣсистый ударъ и, какъ снопъ, повалился на землю Матрѣшкинъ мужъ.

— Батюшки, кормилицы... помо-оги-ите! пронесся на задахъ взрывъ бабьего плача, и въ то же время мужики, стоявшіе позади, почувствовали, какъ бабы неистово тащили ихъ отъ крыльца за хвосты кафтановъ.

А посредникъ взбѣшенный наступалъ на крестьянъ.

— Ну, кто второй?... разбойники, кто? Выходи...

Народъ безмолвствовалъ.

Мужики схватили за руки и за ноги Матрѣшвина мужа, лежавшаго на землѣ, и тихо, безъ шума отступили назадъ. Огромная масса чупринскихъ міранъ скрылась за заборъ сада; только бабій крикъ провожалъ толпу.

Посредникъ гордо вошелъ въ комнаты и по дорогѣ сказалъ писарю: «напишите донесеніе въ полицейское управленіе и на мировой съѣздъ и объясните, что такого-то числа крестьяне чупринскаго общества взбунтовались, требуя насильно выдачи грамоты.

«А потомъ оштрафуйте старшину и старосту пятью рублями серебромъ, а мужиковъ по дворамъ рублемъ въ пользу отрывающейся чупринской школы и пожарнаго сарая, что строится. Они убьютъ, совсѣмъ убьютъ»!.. заключилъ онъ, обращаясь къ гостямъ.

Къ ночи мужики были поголовно пьяны.

Н. Череванинъ.

ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА.

Соч. А. Т. ГРИММА.

ALEXANDRA FEODOROWNA, Kaiserin von Russland, von A. Th. Grimm.
1866. Leipzig.

Статья третья.

VIII.

Мы уже описывали болѣе или менѣе неизмѣнную программу, въ которой вращалась обиденная дѣятельность, домашняя и общественная, императрицы Александры Феодоровны во время пребыванія ея въ Зимнемъ дворцѣ. Наступленіе весны и совпадающее съ нею переселеніе царской фамиліи въ одну изъ загородныхъ резиденцій, до извѣстной степени измѣняли установленный порядокъ, внося въ него большее равнообразіе и свободу. Самымъ пріятнымъ и спокойнымъ въ этомъ отношеніи временемъ въ году бывали первыя лѣтнія шесть недѣль — май и половина іюня, которыя обыкновенно проводились въ полной тишинѣ въ Царскомъ Селѣ. Въ это время года ни одинъ докучливый officialный праздникъ не требовалъ присутствія и участія царской фамиліи; императрица, здоровье которой никогда не возстановилось достаточно, чтобы каждое напряженіе силъ не отзывалось болѣзненно на ея организмѣ, могла на свободѣ отдохнуть послѣ утомленія, причиненнаго ей личнымъ участіемъ въ выпускаемыхъ экзаменахъ поочередно, а отчасти и одновременно происходившихъ во всѣхъ институтахъ, начиная почти что съ самой пасхи и до конца апрѣля. При Николаѣ Павловичѣ царская фамилія обыкновенно занимала новый или Александровскій дворецъ, который, простотой своего архитектурнаго стиля, служитъ вѣрнымъ представителемъ Петербурга, тогда какъ старинный дворецъ скорѣе напоминаетъ Мескву. Государь и государыня съ великими княгинями занимали правый флигель, великіе князья со своимъ

штатомъ—лѣвый. Самый же корпусъ строенія состоитъ почти изъ однихъ огромныхъ залъ, которыя доставляли государинѣ пріятную прогулку, когда дурная погода лишала ее возможности пользоваться садомъ. Вообще она здѣсь могла наслаждаться спокойствіемъ, недостижимымъ въ Зимнемъ дворцѣ, при постоянномъ грохотѣ экипажей и непрерывномъ городскомъ шумѣ. Здѣсь она въ волю любовалась страстно любимыми ею цвѣтами; прямо изъ своей комнаты она каждое утро, одна, какъ-бы украдкой отъ докучнаго этикета, сходила въ небольшой, въ строгомъ смыслѣ, *собственный* свой садикъ, на своемъ балконѣ писала письма и никогда непрерывный ею дневникъ, затѣмъ уже присутствовала при урокахъ дѣтей или же у себя въ кабинетѣ занималась чтеніемъ или бесѣдой съ симпатичными ей лицами, которыя постоянно знакомили ее съ новѣйшими литературными произведеніями. Государь съ своей стороны также по утрамъ одинъ гулялъ въ саду, но, затѣмъ, большую часть дня проводилъ въ кругу своихъ. Къ столу онъ въ Царскомъ Селѣ никогда не приглашалъ дѣловыхъ людей, а только домашнихъ друзей, съ которыми могъ по душѣ побесѣдовать; чаще же всего онъ обѣдалъ вдвоемъ съ государыней, бесѣдуя съ дѣтьми, которыя, отобѣдавъ уже часомъ раньше, весело обкружали столъ. Такое полное затишье рѣдко могло продолжаться далѣе второй половины іюня, когда весь дворъ переезжалъ въ Петергофъ.

Впрочемъ, и въ этой резиденціи, на долю царской фамиліи выпадало много часовъ, проведенныхъ тихимъ семейнымъ кружкомъ среди природы, главныя прелести которой составляютъ тутъ море и богатая растительность. И тутъ государыня не измѣняла своимъ лѣтнимъ привычкамъ, исключая тѣ дни, когда, по случаю какого-нибудь семейнаго праздника—а большая часть семейныхъ праздниковъ, какъ нарочно, перепали именно въ эту пору лѣта—требовалось ея появленіе въ полномъ парадѣ передъ съѣзжающей изъ столицы публикой. Такимъ днемъ въ особенности былъ 1 іюля, который двойнѣ праздновался, какъ день ея рожденія и свадьбы, и праздновался съ такимъ блескомъ, какъ ни одинъ другой торжественный день въ году. Съ самого ея пробужденія, которое привѣтствовалось исполненіемъ подъ ея окнами любимыхъ ея музыкальныхъ произведеній, между прочимъ увертюры «Фрейшютца» и перваго вальса, который она, будучи еще принцессой Шарлоттой, танцевала въ Берлинѣ съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ—и до поздней ночи, официальные обряды безостановочно слѣдовали одинъ за другимъ. Парадная церковная служба, пріемъ поздравителей, обѣдъ, катаніе по налюминированному парку, балъ, фейерверки, наполняли каждый часъ

этого посвященнаго общему увеселенію дня, за который императрица нерѣдко, въ позднѣйшіе годы, платилась нездоровьемъ или, по крайней-мѣрѣ, продолжительнымъ истощеніемъ силъ. За то подобныя дни встрѣчались столичными жителями съ жаднымъ увлеченіемъ. Несметными толпами съѣзжались они съ раннаго утра, и такъ-какъ въ то время Петергофъ еще былъ ничтожнымъ городкомъ самыхъ незначительныхъ размѣровъ и не снабженъ никакими удобствами для пріема постороннихъ посѣтителей, то самый городокъ и приморье принимали видъ какого-то исполинскаго кочевья, въ которомъ телеги замѣнялись блестящими экипажами, служившими нерѣдко спальнями и даже уборными для дамъ, даже высшаго общества. Неудобства, претерпѣваемыя извѣженными обитателями и, въ особенности обитательницами столичныхъ дворцовъ, среди давки, пыли, зноя, а иногда и внезапно-прихлестнувашаго ливня, были неисчислимы. За то дѣйствительно обворожительнымъ являлся Петергофъ вечеромъ, во всей величавой красѣ своего великолѣпнаго парка, когда въ листвѣ его пылали безчисленные бенгальскіе огни, отражаясь и дробясь въ студеныхъ струяхъ фонтановъ и въ гладкомъ зеркалѣ средняго канала до самого моря, которое заканчивало эту истинно-волшебную картину далевой, опять-таки огненной перспективой залитыхъ разноцвѣтными огнями кораблей.

Послѣ этого роскошнѣйшаго изъ лѣтнихъ праздниковъ, Петергофъ еще цѣлый мѣсяць сохранялъ оживленный и оригинальный видъ, благодаря кадетскому лагерю, который также, какъ гвардейскій лагерь, расположенный верстахъ въ десяти, въ Красномъ Селѣ, требовалъ частаго присутствія императора. Эти два лагеря отнимали у него значительную часть времени, что не мѣшало ему, однако, посвящать много времени и семьѣ, съ неизмѣнной внимательностью слѣдить за каждымъ желаніемъ государыни и нерѣдко исполнять едва выговоренную ею мысль съ баснословной быстротой. «Такъ, напримѣръ, проѣзжая однажды вмѣстѣ съ государемъ черезъ хорошенькій ольховый лѣсокъ, по которому съ веселымъ журчаніемъ пробирается ручей, Александра Теодоровна замѣтила, что эту уютную пустышь очень бы украсилъ сельскій домикъ, выстроенный на манеръ русской избы. Государь обѣщалъ исполнить ея желаніе къ слѣдующему лѣту. Черезъ три недѣли, въ одно воскресное утро, онъ объявляетъ, что тотчасъ послѣ обѣдни отправится со всѣми дѣтьми въ кадетскій лагерь, а государыню просить подождать въ старомъ дворцѣ, пока онъ возвратится или пришлетъ за нею. Дѣйствительно, послѣ обѣдни онъ со всѣми дѣтьми исчезъ. Спустя часъ, явился флигель-адъютантъ, съ порученіемъ провезти государыню на указанное

государемъ мѣсто за кадетскимъ лагеремъ. Она послѣдовала за адъютантомъ въ открытомъ экипажѣ, въ сопровожденіи одной изъ своихъ дамъ, и пріѣхала къ тому самому мѣсту, на которомъ, три недѣли передъ тѣмъ, ей котѣлось видѣть русскую избу. И что же—передъ ея глазами стояла готовая изба-игрушка, съ рѣзнаго крылечка которой сошелъ швейцаръ, какъ водится, отставной солдатъ, въ длинномъ темно-зеленомъ сюртукѣ, съ золотымъ галуномъ на воротѣ и желтыми нашивками на лѣвомъ рукавѣ. Однимъ отличался онъ отъ большинства своихъ собратьевъ: то былъ не сѣдой, лысый усачъ, а высокій, статный молодецъ во цвѣтъ лѣтъ. Онъ подошелъ къ коляскѣ, опустилъ подножку, и съ глубокимъ почтениемъ просилъ государыню сдѣлать ему честь отдохнуть въ его избѣ. Только услышавъ его голосъ, государыня узнала въ швейцарѣ-ветеранѣ мужа, который однако продолжалъ разыгрывать свою роль съ невозмутимымъ хладнокровіемъ. Она вслѣдъ за нимъ вошла въ избу, гдѣ ее ожидали, выстроенные въ рядъ, всѣ ея сыновья и дочери.

— Позвольте мнѣ, началъ молодой ветеранъ:—представить вашему величеству по имени всѣхъ моихъ дѣтей, и поручить ихъ могущественному покровительству матушки-царицы. Старшій мой сынъ уже флигель-адъютантъ, хотя ему едва еще мнѣю девятнадцать лѣтъ и онъ вѣроятно составитъ себѣ порядочную карьеру. Но за трехъ остальныхъ моихъ сыновей и трехъ дочерей, я долженъ обратиться къ вашему величеству съ просьбами. Десятилѣтняго Константина я назначаю во флотъ, семилѣтняго Николая — въ инженерный корпусъ, меньшого Михаила — въ артиллерию. Старшую дочь мою, Марію, я бы желалъ пристроить въ Смольное, вторую, Ольгу, въ Екатерининскій, а младшую, Александру, въ Патріотическій институтъ.

Государыня сначала не вышла изъ роли, и съ подобающей важностью обѣщала почтительному швейцару по возможности позаботиться о его дѣтяхъ, но долго не выдержала, и тронутая до слезъ, упала къ мужу на грудь. Только когда нѣсколько оправилась, осмотрѣла она внутреннее устройство избы, въ которой находились столы, скамьи и лавки, кухонная и столовая посуда, словомъ вся утварь деревенскаго хозяйства, сооруженная съ безукорыненной вѣрностью, по настоящему сельскому образу. Домикъ былъ названъ «Никольскимъ».

Много еще происходило работъ во всѣхъ частяхъ парка и самого мѣстечка, по желанію и отчасти подъ надзоромъ императрицы, которая не менѣе самого государя заботилась объ украшеніи этой пути-къ не любимѣйшей изъ ея лѣтнихъ резиденцій, всѣми средствами, представляемыми строительнымъ и садоводнымъ

искуствами. Тѣмъ изъ придворныхъ лицъ, которыя изъявляли желаніе основаться въ Петергофѣ, государь помогалъ значительными денежными ссудами, или же дарилъ большіе участки земли, съ условіемъ — разводить на нихъ сады. Работы не прекращались до поздней осени, когда безконечныя утреннія и вечернія прогулки замѣнялись для царской фамиліи домашними занятіями и интимными собраніями. Тихо проходили тогда вечеръ за вечеромъ въ самомъ тѣсномъ семейномъ кружкѣ, изъ котораго въ эту пору не исключались даже самыя младшія дѣти. Играли въ фанты, задавали загадки, шарады, старшія дѣти нерѣдко составляли живыя картины; чтеніе и музыка тоже наполняли не одинъ подобный вечеръ. Великія книги Марія и Ольга Николаевны въ четыре руки исполняли бетховенскія сонаты и симфоніи, а у Александры Николаевны тогда уже начиналъ развиваться замѣчательный голосъ. Самъ государь любилъ исполнять церковную музыку вмѣстѣ съ дѣтьми; однажды онъ въ шутку пожаловалъ младшую дочь свою въ придворныя дѣвицы, и приказалъ министру двора, Волконскому, доставить ей по этому случаю особый мундиръ.

1834 годъ ознаменовался окончаніемъ одного важнаго эпизода семейной жизни царской фамиліи; въ этомъ году было окончено учебное воспитаніе государя-наслѣдника, и объявлено его совершеннолѣтіе, съ обычной присягой и прочими обрядами. Въ этомъ же году началось правильное воспитаніе второго царскаго сына, великаго князя Константина Николаевича. До семилѣтняго возраста другіе великіе князья оставались подъ женскимъ надзоромъ, и обыкновенно ввѣрялись попеченіямъ болѣе или менѣе престарѣлыхъ англійскихъ дамъ, но къ Константину Николаевичу оказалось необходимымъ уже съ пяти лѣтъ приставить гувернера, потому что онъ уже въ эти года ясно обнаруживалъ не только самыя живыя умственныя способности, но и замѣчательную силу воли. Императоръ, съ самаго его рожденія, назначилъ его въ главные адмиралы русскаго флота, и это назначеніе должно было много усложнить программу его воспитанія. Первымъ его наставникомъ былъ челоувѣкъ, вполне способный содѣйствовать спеціальному развитію ребѣнка по части назначенной ему карьеры — Фридрихъ фон-Литке, впоследствии адмиралъ, который, будучи не старше двадцати лѣтъ, уже совершилъ кругосвѣтное плаваніе. Когда маленькому великому князю минуло семь лѣтъ, и настало время приступить къ его общему или гуманитарному образованію, воспитаніе его по этой части было поручено второму наставнику, въ лицѣ Гримма, автору рассказываемыхъ нами записокъ, который самъ слѣдующими словами описываетъ свое вступленіе въ важную, ввѣренную ему должность:

«Уже въ началѣ 1834 г. Литке и Жуковскій увѣдомили меня, что я избранъ въ руководителя воспитанія маленькаго великаго князя, такъ-какъ время самаго Жуковскаго почти всецѣло принадлежить наслѣднику; да и самъ я довольно давно уже освоился съ этой мыслью, которую первый пробудилъ во мнѣ Сперанскій, и даже нарочно съ этой цѣлью обратилъ на меня вниманіе Жуковскаго. 14-го декабря послѣдовало мое официальное назначеніе и вступленіе въ царскій домашній кругъ. До этой поры, я постоянно оставался чуждъ всѣхъ дворовъ безъ исключенія, что значительно увеличивало застѣнчивость, съ которою я направлялся къ Зимнему дворцу. Оказалось, однакожъ, что боязнь моя была совершенно лишняя, потому что маленькій великій князь встрѣтилъ меня съ такимъ предупредительнымъ радушіемъ, какое я рѣдко испытывалъ и въ частныхъ семействахъ; я только-что воротился изъ Италіи, поэтому первые часы, проведенные мною съ мальчикомъ, стрѣлой пролетѣли среди разсказовъ о Везувіи, Римѣ, морскихъ путешествіяхъ, и я тутъ же почувствовалъ, что мои усилія не останутся безъ успѣха. Немного дней спустя, послѣдовало мое представленіе императору и императрицѣ, и мое тревожное, душевное состояніе уже значительно успокоилось. Въ залу, гдѣ всѣ дѣти предавались гимнастическимъ упражненіямъ, вошелъ государь, въ такую минуту, когда я всего менѣе ожидалъ его появленія. Личность его производила на всякаго посторонняго слишкомъ потрясающее впечатлѣніе, чтобы я могъ вполне сохранить мое самообладаніе при видѣ его; но онъ самъ очень хорошо зналъ, какъ взглядъ его дѣйствовалъ на большую часть людей, и умѣлъ, когда хотѣлъ, смягчать его повелительность, чтобы возбудить довѣріе въ своемъ собесѣдникѣ. Когда онъ обратился ко мнѣ, въ голосѣ его не было ничего повелительнаго, и онъ скоро перешелъ въ фамиллярный тонъ. Онъ объявилъ, что прежде уже замѣчалъ меня, и очень радъ узнать меня поближе, такъ-какъ великій князь внушилъ ему желаніе познакомиться со мною, и въ заключеніе, выразилъ надежду, что нетрудно будетъ продолжать знакомство послѣ такого счастливаго начала. Затѣмъ, онъ вышелъ изъ комнаты, привѣтливо поклонившись мнѣ. На слѣдующій день я былъ приглашенъ явиться къ государынѣ въ десять часовъ утра, и меня провелъ къ ней самъ великій князь. Кабинетъ ея былъ убранъ съ царственной роскошью; но я не зналъ, на чемъ остановить взоръ, когда на самомъ отдаленномъ концѣ комнаты раздался ласковый голосъ императрицы, приглашающій меня подойти ближе. Она держала младшаго сына на колѣняхъ, маленькій Николай Николаевичъ игралъ у ногъ ея, а за нею стояли двѣ дамы. Я спокойнымъ шагомъ подошелъ

къ ней, послѣ удачнаго поклона, чтѣ далеко немаловажно при первомъ представленіи. — «Вы этого мальчишка сильно къ себѣ расположили; это радуетъ меня за васъ обоихъ, начала она. «Какъ же намѣревы вы поступить въ слѣдующіе годы, чтобы сохрѣнить эти отрадныя отношенія?» Я изложилъ свои мысли, на сколько возможно было сдѣлать это стоя и безъ приготовленій, и разговоръ вскорѣ перешелъ на Берлинъ, Германію и Италію; мы упомянули о человѣкѣ, съ которымъ оба мы были близко знакомы — о кавалерѣ галльскаго университета Нумереръ, который, какъ извѣстно, въ молодость принцессы Шарлотты, часто бывалъ при прусскомъ дворѣ. Бесѣда довольно долго остановилась на немъ и его педагогикѣ, и государыня нѣсколько разъ измѣряла меня глазами, съ такимъ пронизательнымъ взглядомъ, что мнѣ уже начинало казаться, не перешла ли моя первоначальная робость въ излишнюю свободу рѣчи. Въ ея манерѣ говорить было болѣе теплоты, чѣмъ оживленности, и разговаривая съ нею, чувствовалось влеченіе высказаться съ полнѣйшей свободой. Она поставила все трудное значеніе задачи, которую я и Литке взяли на себя, и выразила надежду, что мы съ нимъ будемъ трудиться согласно и общими силами. Бесѣда наша длилась около трехъ четвертей часа, и маленькій великій князь былъ въ восторгѣ, что мать его такъ милостиво меня приняла; мнѣ и самому казалось, что я оставилъ о себѣ не совсѣмъ неблагопріятное впечатлѣніе, и я бодрымъ духомъ приступилъ къ дѣлу. Мы съ императрицей вполне сходились въ томъ мнѣніи, что на первое время, воспитаніе великаго князя не должно ничѣмъ отличаться отъ воспитанія прочихъ дѣтей; что въ немъ слѣдуетъ развить человѣка прежде, чѣмъ принца крови, великаго князя или главнаго адмирала. Поэтому, въ его отношеніяхъ съ нами и вообще всѣми учителями, изгнаны были всякая натяжка и этикетныя названія, какъ напримѣръ, «императорское высочество» и проч.; единственное отличіе, которое ему оказывалось, заключалось въ томъ, что за столомъ ему первому подавались блюда. Но самый столъ былъ простъ; даже къ прислугѣ ребѣнку не позволялось обращаться ни съ однимъ изъ тѣхъ рѣзкихъ выраженій, на которое высшее сословіе въ Россіи вообще очень щедро. День былъ строго распредѣленъ на часы; впрочемъ, собственно уроковъ на первый разъ было не болѣе трехъ, за то очень много гимнастическихъ и всякихъ телѣсныхъ упражненій. Всѣ наши разговоры за столомъ, во время прогулокъ, въ часы отдыха, имѣли цѣлью знакомить великаго князя съ гражданской жизнью на всѣхъ ея ступеняхъ и во всѣхъ ея нуждахъ и потребностяхъ. Въ упомянутомъ выше разговорѣ, государыня замѣ-

тила нѣсколько разъ съ особенной настойчивостью, что не слѣдуетъ нарушать дѣтскаго счастья преждевременно серьезными занятіями—и какъ это справедливо! Права дѣтства, если они не принимаются въ должное вниманіе, берутъ свое въ позднѣйшее, вовсе неудобное время. Далѣе, слишкомъ часто дарятъ царственныхъ дѣтей разными драгоценностями, какъ-то картинами и другими подобными предметами, которые нисколько не соответствуютъ ихъ потребностямъ, и вмѣсто того, чтобъ пробуждать въ нихъ чувство изящнаго, скорѣе притупляютъ его, порождая въ нихъ равнодушіе къ произведеніямъ искусства. Я самъ часто бывалъ свидѣтелемъ, какъ они жадно хватались за простыя игрушки, находившіяся между самыми драгоценными предметами. Императрица позаботилась о томъ, чтобы съ великимъ княземъ Константиномъ воспитывался другой мальчикъ его лѣтъ, который братски дѣлилъ съ нимъ жизнь и занятія. Въ его воспитаніи было еще одно весьма благопріятное обстоятельство, а именно, онъ былъ младшимъ братомъ трехъ сестеръ, въ обществѣ которыхъ проводилъ часть каждаго вечера. Постоянныя сношенія съ кеншивами налагаютъ нѣкоторыя стѣсненія и даютъ ему нѣкоторыя привычки, которыя оказываются неоцѣненными въ послѣдующей жизни.

Лѣтнее время употреблялось преимущественно на то, чтобы постепенно знакомить маленькаго великаго князя съ моремъ, и для этой цѣли мѣстоположеніе Петергофа было какъ нельзя удобнѣе. Для него была устроена маленькая англійская яхточка, носившая его имя, которая возила его на финскій берегъ и обратно. Далѣе этого въ 1835 г. поѣздки не простирались; но уже съ лѣта 1836 г. кругъ ихъ сталъ расширяться, и въ программу его лѣтнихъ плаваній стали входить остзейскіе и болѣе отдаленные финляндскіе города. Такъ-какъ онъ уже съ восьмого года былъ приученъ къ веденію дневника, то эти поѣздки сильно способствовали къ его быстрому умственному развитію. Послѣ того, какъ ему исполнилось десять лѣтъ, его служба на кораблѣ приняла болѣе серьезные размѣры: онъ совершалъ всѣ работы наравнѣ съ морскими кадетомъ, стоялъ по ночамъ на вахтѣ, несмотря на дождь и вѣтеръ, и уроками занимался уже только въ свободные отъ службъ часы. Изъ числа учебныхъ предметовъ, по именному распоряженію самого императора, былъ исключенъ латинскій языкъ, за то тѣмъ больше времени и старанія было употреблено имъ на изученіе точныхъ наукъ и современныхъ языковъ, въ особенности французскаго. Музыка и рисованіе, къ которымъ ребѣнокъ, подобно всѣмъ своимъ братьямъ и сестрамъ, рано обнаружилъ значительное расположеніе, тоже не оставались въ пренебреженіи,

на сколько позволяли время и прочія занятія. Но воспитаніе маленькаго великаго князя не ограничивалось изученіемъ назначеннаго ему спеціальнаго предмета и ознакомленіемъ съ отвлеченными гуманитарными науками. На практическую, чисто-жизненную сторону его образованія, постоянно было обращено самое серьезное вниманіе. Его часто съ умисломъ приводили въ столкновеніе со всѣми нуждами дѣйствительной жизни; онъ самъ учился то-карному и столярному ремеслу, посѣщалъ типографіи, всевозможные фабрики, заводы, мануфактуры, и такъ живо описывалъ матери все видѣнное имъ, что сама государыня рѣшилась вмѣстѣ съ дочерью осмотрѣть многое изъ того, что такъ сильно подѣйствовало на воспримчиваго, впечатлительнаго мальчика. Этотъ наглядный курсъ практической политической экономіи имѣлъ на умственное развитіе великаго князя, въ спеціальномъ направленіи, самое благотѣльное вліяніе и незамѣтно освободилъ его отъ многихъ превратныхъ понятій, которыя онъ, бывало, высказывалъ съ полнѣйшимъ чистосердечіемъ. Такъ онъ однажды съ душевнымъ участіемъ слушалъ исторію одного разорившагося купца, и горько заплакалъ, услышавъ, что несчастный, чтобы спасти себя отъ голодной смерти, вынужденъ былъ продать послѣднее, что оставалось у него — свою собаку. «Какъ! воскликнулъ мальчикъ на этомъ мѣстѣ разказа:—«развѣ его камердинеры и другіе слуги не могли какъ-нибудь достать ему хоть сколько нибудь денегъ?» Познакомившись съ промышленной дѣятельностью страны, онъ скоро самъ понялъ всю несообразность подобнаго вопроса. Руководителемъ въ его технологическихъ изслѣдованіяхъ служилъ ему академикъ Гамель, самый свѣдущій человекъ по части русской промышленности. Гамель двадцать лѣтъ передъ тѣмъ сопровождалъ великихъ князей Николая и Михаила Павловичей въ ихъ путешествіи по Англіи, и не былъ забытъ императоромъ, хоть и проживалъ постоянно въ Москвѣ.

IX.

Осень 1836 г. ознаменовалась событіемъ, которое сильно нарушило душевное спокойствіе императрицы и нанесло новый ударъ ея здоровью. Съ государемъ случилось несчастье во время одного изъ его путешествій по внутреннимъ губерніямъ: недалеко отъ Пензы, лошади въ темную ночь понесли его и вывалили изъ коляски на грудь булыжника вмѣстѣ съ его спутникомъ, графомъ Бенкендорфомъ. Графъ остался невредимъ, но государь сломалъ себѣ лѣвую ключицу и нѣсколько недѣль долженъ былъ пролежать въ уѣздномъ городѣ, среди всякихъ неудобствъ и лишеній, въ сильныхъ страданіяхъ и настроеніи духа самомъ мрачномъ, вслѣдствіе непривычнаго бездѣлствія. Государыня въ то время находилась въ Царскомъ Селѣ. Чтобы отстранить опасенія, овладѣвшія испуганной столпцей, она была поставлена въ необходимость разыгрывать двойнѣ тяжелую роль, и не только скрывать отъ всѣхъ обружающихъ собственную душевную тревогу, но съ притворнымъ спокойствіемъ и веселостью принимать болѣе многочисленное общество, нежели какое обыкновенно приглашалось ко двору въ эту пору года, и сообщать извѣстія о здоровьѣ государя болѣе удовлетворительнаго содержанія, чѣмъ она ихъ сама получала. Такое неестественное нравственное напряженіе не могли не отозваться болѣзненно на ея потрясенной нервной системѣ, и хотя государь около конца сентября неожиданно успокоилъ ее своимъ внезапнымъ появленіемъ въ Царскомъ Селѣ, гдѣ, для полнѣйшаго выздоровленія, провелъ съ нею еще три недѣли въ совершенномъ уединеніи, прежде чѣмъ снова показался въ столицѣ; но вынесенная тревога не осталась безъ слѣдовъ, и здоровье государыни все болѣе и болѣе приходило къ тому безвыходно-разслабленному состоянію, изъ котораго впослѣдствіи всѣ усилія медиковъ и частое пребываніе на тепломъ югѣ только временно могли выводить ее. Въ зиму 1836 г. болѣзненное состояніе императрицы въ первый разъ приняло такіе размѣры, что угрожало лишить ее возможности участвовать въ придворныхъ празднествахъ, предстоящихъ по случаю рождества и новаго года. Если принять въ соображеніе всѣ разнородныя потрясенія, какимъ подвергалась она въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, то остается только удивляться, какимъ образомъ такъ долго не сказывался этотъ неизбѣжный результатъ столькихъ испитанныхъ ею тревоженій. Дѣйствительно, происшествія 14 декабря, утомленіе отъ безконечныхъ обрядовъ по поводу двухъ торжественныхъ погребеній—императора Александра и императрицы Елиза-

веты—и коронаціи, послѣдовавшая затѣмъ война съ Турціей, польское возстаніе, смерть императрицы Маріи Теодоровны, ужасы первой холеры—всего этого достаточно было бы, чтобы подорвать любой женскій организмъ. Съ другой стороны тягостныя общественныя обязанности, налагаемыя на нее ея положеніемъ, требуя отъ нея непрерывныхъ усилій, поддерживали въ ней то раздраженіе и расслабленіе нервной системы, въ которыхъ главнымъ образомъ заключался ея недугъ. Уже съ 1835 г. государыня принуждена была избѣгать общества по мѣрѣ возможности, и рѣдко, сравнительно съ прежними годами, принимала частныя приглашенія. Чтобы щадить ея силы, всенародное празднованіе новаго года, а затѣмъ и еще нѣсколько парадныхъ празднествъ были отиѣнены. Когда же, въ 1836 г., имѣлось въ виду, что во весь рождественскій и масляничный сезонъ, Александра Теодоровна должна будетъ проводить большую часть времени въ своемъ кабинетѣ и спальнѣ, Николай Павловичъ не на шутку отуманился, не только по обычной своей заботливости о здоровьѣ жены, но и потому, что предвидѣлъ, какой ропотъ и недоумѣніе произведетъ въ столицѣ и дворцѣ лишеніе любимыхъ зимнихъ увеселеній, которымъ неудобно было бы давать ходъ при невозможности государыни принять въ нихъ личное участіе. Между тѣмъ на вопросъ его, будетъ ли она въ состояніи присутствовать въ день рождества на божественномъ богослуженіи, послѣдовала со стороны докторовъ положительно отрицательный отвѣтъ. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ давно уже ходившими по городу толками, приписывавшими болѣзненное состояніе императрицы по большей части неумѣлости пользовавшихся ее врачей, заставило государя рѣшиться на важную мѣру—удаленіе обонихъ лейбъ медиковъ. Одинъ изъ нихъ, англичанинъ Кричтонъ, находился при Николаѣ Павловичѣ въ качествѣ домашняго врача, съ самой его женитьбы, и до сей поры пользовался полнымъ его довѣріемъ; другой, нѣмецъ Раухъ, достойный старикъ рѣдкой учености и добросовѣстности, вполне заслуженно считался въ то время медицинскимъ оракуломъ города; но онъ страдалъ несчастной слабостью, мѣшавшей ему выказывать при дворѣ во всей полнотѣ свои блестящія способности: онъ не иначе вступалъ во дворецъ, какъ съ невыносимо тѣсненнымъ его чувствомъ застѣнчивости и робости, и въ особенности одно появленіе, одинъ взглядъ императора Николая повергали его, по собственному его признанію, въ лихорадочную дрожь. И такъ императоръ рѣшился посоветоваться о состояніи государыни еще съ третьимъ докторомъ, и съ этой цѣлью призвалъ ко двору молодого нѣмецкаго врача, Мандта, о которомъ въ это время

начинали со всѣхъ сторонъ раздаваться самыя лестныя отзывы. Мандтъ учился въ Берлинѣ, подъ руководствомъ Руста, Горна и Гуфланда, предпринималъ нѣсколько путешествій, съ цѣлью совершенствоваться въ естествознаніи, и послѣ краткаго пребыванія въ Петербургѣ уже сдѣлался предметомъ всеобщаго вниманія, хотя только сопровождалъ великую княгиню Елену Павловну и на первый разъ пробылъ всего одну зиму въ Петербургѣ, такъ-какъ онъ былъ профессоромъ при грейфевальдскомъ университетѣ. Дней за десять до рождества, Мандтъ явился въ зимній дворецъ, освидѣтельствовалъ состояніе императрицы въ присутствіи государя и обоихъ врачей, и объявилъ самымъ рѣзкимъ, рѣшительнымъ тономъ, что онъ въ недѣлю беретъ на себя возстановить ее на столю, чтобы ей безъ всякихъ опасеній можно было присутствовать при всѣхъ предстоящихъ празднествахъ. Императоръ передалъ ее на исключительное попеченіе молодого доктора, а черезъ недѣлю она, къ общей радости и удивленію, дѣйствительно была въ силахъ въ первый же день праздника явиться публично въ полномъ парадѣ. Съ этой минуты и государь и государыня отнеслись къ новому врачу съ безусловнымъ довѣріемъ, и старались убѣдить его переселиться окончательно къ русскому двору. Но въ городѣ поднялась страшная буря противъ счастливаго иностранца, и общество немедленно распалось на два лагерь: его горячихъ приверженцевъ и непримиримыхъ враговъ, и въ первый еще разъ двору предстояла борьба противъ общественнаго мнѣнія. Самъ же Мандтъ не принималъ никакого участія во всемъ, что происходило изъ-за него и спокойно проживалъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ числился состоящимъ при штатѣ великой княгини Елены Павловны, хладнокровно выжидая результата, съ полной рѣшимостью самому продиктовать условія, на которыхъ онъ намѣревался изъявить свое согласіе, въ случаѣ если императоръ выразитъ желаніе имѣть его постояннымъ лейб-медикомъ.

Въ то же время вступили въ переговоры съ другимъ еще врачомъ, Маркусомъ, чтобы не слишкомъ явно возстановить общественное мнѣніе, передавая всю царскую фамилію на руки молодого пришлеца. Маркусъ родился и воспитывался въ Россіи, въ молодости своей участвовалъ во французскихъ кампаніяхъ и приобрѣлъ себѣ въ Москвѣ громкую славу. Онъ былъ въ высшей степени популяренъ между своими собратьями, которые сами и обратили на него вниманіе двора, такъ-какъ въ Петербургѣ не нашлось ни одного охотника на то, чтобы раздѣлывать такую трудную должность съ Мандтомъ, который не умѣлъ даже въ обществѣ скрывать свой крутой, диктаторскій нравъ. Казалось, подобный характеръ не долженъ бы снискать ему благоволеніе

такихъ лицъ, съ какими онъ имѣлъ дѣло, но вышло наоборотъ: государыня во все продолженіе зимы чувствовала себя хорошо, настолько поправилась силами, что могла посѣщать институты и даже часто бывать въ театрѣ, такъ что нельзя было не признать искусства Мандта и вѣрность его взгляда. Онъ точно какъ будто родился и выросъ при дворѣ, несмотря на то, что во всю жизнь свою никогда не имѣлъ дѣла даже съ самымъ крошечнымъ изъ нѣмецкихъ дворовъ. Онъ былъ ловокъ до эластичности въ обращеніи, при этомъ умѣлъ держать себя съ твердостью и замѣчательнымъ тактомъ; рѣчь его была открыта и рѣзка; разговаривая съ государемъ, онъ высказывалъ свое мнѣніе свободно и коротко; въ приемахъ его не было ничего униженнаго, словомъ онъ былъ находкой для императора и императрицы. Весною и Маркусъ прибылъ изъ Москвы, и тотчасъ же сталъ знакомиться съ дворомъ и приглядываться къ тѣмъ труднымъ отношеніямъ, въ которыя предстояло ему стать. Личностью своею онъ до послѣдней возможности отличался отъ Мандта, съ которымъ не имѣлъ ровно ничего общаго, кромѣ званія. Наружность его изобличала образованнаго, добраго, изящнаго человѣка; въ классической литературѣ онъ былъ начитанъ столько же, сколько въ новѣйшей и въ естественныхъ наукахъ, и могъ справедливо считаться самымъ многосторонне образованнымъ изъ русскихъ врачей. Маркусъ нашелъ при дворѣ многихъ старинныхъ друзей; впрочемъ, онъ бы не замедлил заручиться друзьями, благодаря своему пріятному, милому обращенію, даже и тогда, еслибы былъ такимъ же чужестранцемъ, какъ Мандтъ, который, напротивъ того, уже успѣлъ, своимъ высокопріемъ, настроить весь медицинскій факультетъ враждебно къ себѣ. Оба медика не почувствовали другъ къ другу обоюднаго влеченія, и только важная должность, препорученная имъ соединеннымъ заботамъ, и почтеніе къ императорской волѣ, могли заставить ихъ дѣйствовать, въ чемъ бы то ни было, заодно. Лечение государыни было, на первый разъ, официально предоставлено Маркусу, Мандтъ же оставался въ Россіи, въ званіи медика-консультанта, состоящаго при великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, часто видѣлъ государыню и исподволь изучалъ ея организмъ. Такъ временно былъ разрѣшенъ вопросъ о назначеніи при ней новыхъ лейб-медиковъ — вопросъ, который, въ несчастію, при постоянно увеличивающейся болѣзненности ея состоянія, пріобрѣталъ съ каждымъ днемъ все болѣшую важность. Впрочемъ, лѣто 1837 г. прошло благополучнѣе, чѣмъ можно бы было ожидать, и государыня была въ состояніи предпринять путешествіе на югъ Россіи.

Царская фамилія не имѣла еще въ то время ни одного дворца на южномъ берегу Крыма, и государыня провела нѣсколько изъ самыхъ счастливыхъ недѣль своей жизни въ Алулкѣ, очаровательно похѣсть князя Воронцова. Недѣли эти пролетѣли для нея среди наслажденій; жизнь среди красотъ роскошной южной природы, получающей для развитаго созерцателя задумчивую прелесть отъ посящейся надъ нею тѣни великаго прошлаго, казалась ей осязаемой мечтою. Въ первый разъ еще переселилась она на желанный югъ, къ которому съ ранней молодости стремилось ея воображеніе, настроенное на ладъ поэзіи постоянными избранными чтеніями, столько же какъ и врожденнымъ влеченіемъ, и всегда, до сихъ поръ, получавшее слишкомъ скудное удовлетвореніе въ видѣ красивыхъ, но монотонныхъ окрестностей Берлина и Петербурга. Съ полнымъ сознаниемъ высокаго душевнаго и физическаго наслажденія, государыня внушала всѣ прелести пребыванія въ этомъ чарующемъ краю, и пользовалась каждой возможностью предпринимать болѣе или менѣе отдаленныя поѣздки по многочисленнымъ живописнымъ лункамъ, окружавшимъ ея резиденцію. Удовольствіе, получаемое ею отъ этихъ прогулокъ, удвоилось тѣмъ, что ихъ раздѣляла великая княгиня Марія Николаевна, тогда уже достигнувшая восемнадцатилѣтнаго возраста и вполне способная входить во все то, что доставляло матери ея столь глубокія и возвышенныя впечатлѣнія. Климатъ этой части Крыма былъ точно сотворенъ для болѣзненнаго состоянія императрицы, въ которой естественно возникло желаніе имѣть лѣтнюю резиденцію въ этой дивной мѣстности. Желаніе ея исполнилось: двѣнадцать лѣтъ спустя, въ Оріандѣ возвышался уже великолѣпный дворецъ, снабженный всѣми мѣстными удобствами и роскошью—но она ни разу даже не видала его.

Въ половинѣ октября вся царская фамилія съѣхалась въ Москвѣ, и пробыла тамъ до 6 декабря, и только отпраздновавъ въ этомъ городѣ день именинъ государя, возвратилась въ Петербургъ. Давно состояніе здоровья Александры Ѳеодоровны не было столь удовлетворительно и не подавало столько надеждъ на прочное возстановленіе, какъ послѣ благодатнаго лѣта, прожитаго ею въ Крыму. Но, казалось, ей было дано собраться новыми силами только для того, чтобы перенести и новое, жестокое потрясеніе. 17 декабря, немного дней послѣ ея возвращенія, загорѣлся Зимній Дворецъ. Уже нѣсколько дней во дворцѣ носился какой-то странный запахъ гари, но никто не рѣшался обращать на это вниманіе начальства, каждый, какъ говорится, боялся понасться, и вотъ 17-го числа, къ девяти часамъ вечера, яркое пламя вспыхнуло около аптеки, по счастью въ сторонѣ,

противоположной той, которую занимала царская фамилия. Чтобы эта гранитная глыба, обитаемая и охраняемая тысячами народа, могла сдѣлаться добычею пожара, казалось всѣмъ столько же вѣроятнымъ, какъ еслибы объявили, что загорѣлась Нева. Когда на царской половинѣ была поднята первая тревога, такое невѣроятное заявленіе было встрѣчено смѣхомъ. Государь и государыня въ этотъ вечеръ, въ первый разъ послѣ своего возвращенія, находились въ театрѣ; флигель-адъютантъ прискакалъ туда и сообщилъ ужасное извѣстіе одному государю, такъ-какъ было строжайше запрещено когда либо говорить въ присутствіи государыни что нибудь, могущее ее испугать. Съ обычнымъ присутствіемъ духа, императоръ просилъ жену остаться въ театрѣ до конца спектакля, и тогда уже ѣхать не въ зимній, а въ аничковскій дворецъ, а самъ немедленно отправился на мѣсто опасности, гдѣ его присутствіе придало нѣкоторую систематичность и пользу безпорядочнымъ помысламъ къ побѣдѣ, сдѣланнымъ до его пріѣзда, и тѣмъ болѣе неудовлетворительнымъ по результату, что покрытая четырех-аршиннымъ льдомъ Нева только скучно и при большихъ трудахъ снабжала необходимой водой, да и та въ трубахъ тотчасъ же замерзала. Прежде всего государь посоушилъ отправить дѣтей въ аничковскій дворецъ, пока улицы не были еще залужены народомъ, и затѣмъ уже обратился къ спасительнымъ мѣрамъ. Но потушить разгулявшееся пламя не оказалось никакой возможности. Въ короткое время оно захватило кровлю флигеля, что у Невы, и въ десять часовъ уже эта кровля съ страшнымъ трескомъ провалилась въ большой, такъ-называемой бѣлой залѣ, которая по счастью не содержала ничего, кромѣ значительнаго числа люстръ. Эрмитажъ же съ его художественными сокровищами, государственными регалиями, библиотекой и архивомъ царской фамилии, оставался въ сторонѣ отъ пожара и нисколько отъ него не пострадалъ. Между тѣмъ страшная вѣсть съ быстротой молніи распространилась по городу, и многіе изъ придворныхъ чиновниковъ поспѣли во дворецъ еще во время, чтобы спасти то, что принадлежало къ ихъ вѣдомству. Два сосѣднихъ казенныхъ зданія, генеральный штабъ и адмиралтейство, были назначены императоромъ для принятія спасаемыхъ предметовъ, которые съ лихорадочной поспѣшностью туда переносились, между тѣмъ какъ пожаръ побѣдоносно переходилъ изъ дальнихъ въ ближніе покои. Онъ одновременно охватывалъ кабинетъ государя и расположенный подъ нимъ кабинетъ государыни, въ ту самую минуту, какъ со стѣнъ снимали любимыя ея картины, св. Іоанна Доминикано, и чудную Мадонну Мурильо, потому что, какъ водится,

въ первую минуту, самые цѣнные предметы были забыты: мебель, цѣвты, работа государыни были спасены, а картины великихъ мастеровъ оставались на стѣнахъ и чуть не сдѣлались добычей пламени, алое зарево котораго разливалось уже по всему городу, и несмотря на трескучій морозъ, распространяло на площади и набережной невыносимую жару и духоту. Въ 12 часовъ весь передній флигель горѣлъ безъ всякой надежды на спасеніе, и зрители съ ужасомъ смотрѣли, какъ послѣдніе бѣглецы спасались черезъ послѣднія оставшіяся цѣлыми двери. Въ эту минуту, часы, находящіеся посерединѣ этого флигеля, пробили полночь, и едва замолкъ послѣдній ударъ, какъ рушилась вся стѣна и кровля, вмѣстѣ съ часами и возвышающейся надъ ними царской короной. Императоръ одинъ изъ послѣднихъ вышелъ изъ дворца. Сокрушить его твердость, его присутствіе духа, казалось, не въ силахъ были сами развирѣвшія стихіи, и даже среди заботъ и опасеній этой ужасной ночи, онъ не могъ не улыбнуться, когда его любимая собака, пропадавшая и забытая въ толпѣ и суматохѣ, протѣснилась къ нему, радостно махая хвостомъ, и уже не отходила отъ него, несмотря на толкотню, происходившую на необозримой площади, озаренной яркимъ, словно дневнымъ свѣтомъ.

Государыню, несмотря на предосторожности, принятые императоромъ, вѣсть о пожарѣ застигла еще въ театрѣ. Едва государь безъ шума удалился изъ ложи, какъ публика уже стала любопытно освѣдомляться о причинѣ его внезапнаго исчезновенія, и скоро затѣмъ начала расходиться, подавая этимъ государынѣ поводъ къ тревожнымъ догадкамъ. Когда она, по желанію государя, приготовилась ѣхать въ аничковскій дворецъ, тайна вполне ей разъяснилась. Она, несмотря ни на что, приказала вести себя къ зимнему дворцу, и уже издалека увидѣла пламя, стремительно возвышавшееся надъ кровлей, но передній флигель былъ еще нетронутъ. Она вышла у большого подъѣзда, гдѣ застала карету, готовившуюся увезти ея двухъ меньшихъ сыновей, которые лежали укутанные въ шерстяныя одѣяла и не просыпались отъ сладкаго, крѣпкаго сна, даже когда испуганныя англичанки поспѣшно выхватили ихъ изъ кроватокъ. Государыня поцаловала, перекрестила спящихъ дѣтей, при себѣ отправила ихъ, и пошла въ свой кабинетъ. Тутъ она вдругъ вспомнила, что одна изъ ея фрейлинь, Кутузова, лежитъ больная; она немедленно прошла къ ней, распорядилась, чтобы ее перевезли въ аничковскій дворецъ съ тѣми же предосторожностями, какъ и царскихъ дѣтей, и тогда уже направлялась въ свой кабинетъ, гдѣ сама отыскала и уложила нужнѣйшія изъ своихъ бумагъ и писемъ, и прежде чѣмъ уда-

лится, съ глубокимъ чувствомъ окинула прощальнымъ взоромъ эту комнату, двѣнадцать лѣтъ ею занимаемую, и которую она навѣрно знала, что уже не найдетъ такою, какою оставляла; затѣмъ она прошла въ давно уже опустѣвшія комнаты дѣтей и нѣсколько минутъ любовалась грозной красотой огненной пучины, стлавшейся по ту сторону главнаго внутренняго двора.

— Какое несчастье поразило ваше величество! замѣтила подошедшая въ ней дама.

— Скажите лучше, какое счастье, перебила ее государыня:— что дѣти мои спасены, и что, по всей вѣроятности, не погибла ни одна человѣческая жизнь. Будемъ прежде всего благодарить Бога за это счастье, которое онъ даровалъ намъ среди столь великаго бѣдствія, въ остальномъ же преклонимся передъ его волей. Только когда самъ императоръ извѣстилъ ее, что и больная Кутузова находится въ безопасности, она наконецъ сѣла въ карету, и проѣхала сперва въ домъ графа Нессельрода, и тамъ еще нѣсколько времени слѣдила за пожаромъ изъ окна, и тогда уже, въ совершенномъ изнеможеніи, отправилась въ аничковскій дворецъ. Тутъ она еще бодрствовала въ лихорадочномъ волненіи, до окончательнаго пріѣзда измученнаго государя. Все, что было выиграно для ея здоровья неутомимыми заботами въ теченіе цѣлаго года, пропало въ нѣсколько часовъ. Рождественскіе праздники, новый годъ, и вообще вся остальная часть зимы, прошли самымъ тихимъ, шумнымъ образомъ, какъ при дворѣ, такъ и въ самомъ городѣ. Въ нѣсколько недѣль были собраны всѣ предметы, считавшіеся потерянными во время пожара. Русскій народъ обнаружилъ, при этомъ случаѣ, по истинѣ трогательную честность и добросовѣстность. Кабинетъ государыни былъ восстановленъ въ аничковскомъ дворцѣ совершенно въ томъ же видѣ, какъ въ зимнемъ дворцѣ, вся бібліотека государя и царскихъ дѣтей была собрана, съ потерей только нѣсколькихъ разрозненныхъ волюмовъ, но и тѣ, по большей части, поодиночкѣ возвращались купцами, которымъ нашедшіе ихъ, по невѣдѣнію, предлагали ихъ въ продажу. «И вотъ, вся семья снова зажила въ аничковскомъ дворцѣ, какъ, бывало, двадцать лѣтъ назадъ. Дворецъ былъ все тотъ же, но семья уже была не та. Худощавый, блѣдный Николай Павловичъ того времени, простой бригадный командиръ, превратился въ перваго красавца Европы, въ могущественнѣйшаго самодержца на земномъ шарѣ, и хотя на немъ лежала забота управленія обширнѣйшимъ изъ всѣхъ государствъ, но онъ въ настоящую минуту, въ домашнемъ быту, пользовался спокойнымъ, даже веселымъ расположеніемъ духа. Этотъ дворецъ былъ для него полонъ такихъ воспоминаній, отъ которыхъ

вѣяло на него прежней молодостью, которая вызывали въ немъ всѣ лучшія стороны отца и мужа. Но на молодомъ, безопасномъ существѣ, которое было душою и прелестью этихъ, съ такой любовью вспоминаемыхъ дней, протекшее двадцатилѣтіе свазалось наиболѣе разительной, тяжелой переменной. Не тѣмъ, чѣмъ была она нѣкогда, воротилась она подъ первый супружескій кровъ: ея поступъ, осанка, приемы, теперь были величественнѣе, нежели за двадцать лѣтъ, но ужасы, пережитые ею въ этотъ промежутокъ, наложили матовую блѣдность на ея черты, лишили ихъ былой, юношеской прелести. Последнее постигнувшее ее бѣдствіе, разрушительно подѣйствовало на нее; она рѣдко показывалась внѣ стѣнъ дворца, бывшаго колыбелью ея супружескаго счастья; когда же она выѣзжала, то почти исключительно, чтобы посѣщать женскія учебныя заведенія. Дома она все болѣе неразлучно окружала себя дѣтьми. Городъ, сперва съ ропотомъ примѣчавшій ея постепенное удаленіе изъ среды общества, наконецъ убѣдился въ неподложности ея болѣзненнаго состоянія; доктора запретили ей принимать безчисленныя посѣщенія, немѣвшаіа никакой цѣли, кромѣ соблюденія какой-нибудь этикетной формальности. Чѣмъ болѣе болѣзнь и слабость удаляли ее отъ публики, тѣмъ тѣснѣе окружала ее дѣти, тѣмъ болѣе времени и вниманія посвящала она ихъ воспитанію. Она возстановила ту тихую семейную жизнь, которой наслаждалась двадцать лѣтъ передъ тѣмъ, на сколько позволяли это измѣнившіяся времена и обстоятельства. Въ этой отрѣшенности отъ свѣта, она находила много свободныхъ минутъ для серьезнаго чтенія, и съ особенной любовью слѣдила за историческими занятіями своихъ дѣтей. Въ эту же зиму, она пожелала ознакомиться съ историческими изслѣдованіями Нибура, котораго она лично знала, какъ наставника брата ея, наслѣднаго принца прусскаго. Но такъ-какъ его сочиненіе о Римѣ трудно доступно для женщины, то она съ глубокимъ интересомъ выслушивала отчеты, которые ей давали свѣдущіе люди о содержаніи его, впрочемъ, далеко не съ полной вѣрой относясь ко всѣмъ выводамъ автора. Кто много читаетъ, тотъ ощущаетъ потребность дѣлиться впечатлѣніями съ другими. Между придворными же дамами была только одна, которая вполне постигала императрицу: графиня Тизенгаузенъ. Она сдѣлалась необходимой для слабой, хворающей государыни; являлась къ ней съ утра, какъ другъ, присутствіе котораго ожидается съ душевнымъ нетерпѣніемъ, и никто въ такой степени, какъ она, не обладала нужнымъ тактомъ, чтобы оградить больную отъ разныхъ мелкихъ утомленій и непріятностей, въ родѣ неумѣстныхъ посѣще-

ній, дѣловыхъ записокъ и проч. Фрейлина Бартенева, своимъ прекраснымъ голосомъ, и баронесса Крюденеръ, своимъ увлекательнымъ, оживленнымъ разговоромъ, тоже немало способствовали пріятному препровожденію долгихъ зимнихъ вечеровъ.

Но всего царскаго могущества, въ соединеніи съ дружбой, преданностью окружающихъ и неослабными медицинскими попеченіями недостаточно было, чтобы поддѣржить здоровье императрицы, и доктора настоятельно потребовали переселенія ея на лѣто на нѣмецкія воды. Желательно было бы избавить ее отъ вредныхъ атмосферическихъ вліяній, сопряженныхъ для хроническихъ болѣзней съ вскрытіемъ рѣвъ, но состояніе моря и дорогъ не позволяли думать о перемѣщеніи ея въ эту, самую опасную для нея пору года, и только 19-го мая, послѣ проведеннаго ею въ самомъ тяжкомъ состояніи апрѣля, царская фамилія прибыла въ Берлинъ. Никогда не была она встрѣчаема съ болѣшимъ блескомъ, чѣмъ въ этотъ пріѣздъ. Берлинцы съ самымъ искреннимъ радушіемъ приняли сѣверныхъ гостей, которыхъ они привыкли называть «нашъ зять» и «наша принцесса Шарлотта», и поднесли императору Николаю, въ видѣ особеннаго отличія, званіе почетнаго гражданина ихъ столицы. За мѣсяцемъ, проведеннымъ семейнымъ образомъ въ Sans-Souci, послѣдовалъ еще мѣсяць въ Сплезіи, въ теченіе котораго здоровье государыни замѣтно уже стало поправляться подъ вліяніемъ спокойной жизни въ родномъ кружку и возможности па волѣ наслаждаться воздухомъ и пользоваться водами. Послѣдовавшія затѣмъ недѣли, впродолженіе которыхъ государыня должна была докончить курсъ леченія пптьемъ сыворотки въ маленькомъ баварскомъ мѣстечкѣ Крѣйтѣ, были въ свою очередь богаты наслажденіями и впечатлѣніями. Самое путешествіе черезъ горную часть Баваріи, получило особенную прелесть въ глазахъ ожившей больной, потому что тутъ въ первый разъ, хотя еще на значительномъ разстояніи, она собственными глазами любовалась величественными вершинами Альпъ, и при этомъ зрѣлищѣ утѣшалась за лишенія, налагаемыя на нее въ Мюнхенѣ своевластнымъ распоряженіемъ доктора, который поотрѣзъ отказалъ ей въ разрѣшеніи посѣтить достопримѣчательности богатой художественными красотами баварской столицы, объявивъ, что заняться поѣздками по городу, будетъ время и на возвратномъ пути. Жизнь, которую императрица вела въ Крѣйтѣ, хотя строго подчиненная гнѣиическимъ предписаніямъ врачей, и свободная отъ всякой этикетной натаанутости, далеко не могла назваться монотонной или уединенной. Въ крошечное тирольское мѣстечко собралось такое избранное общество, какое врядъ-ли въ нашемъ

вѣкъ видала въ стѣнахъ своихъ любая изъ европейскихъ столицъ; во главѣ этого общества находились три императрицы: на свиданіе съ Александрой Теодоровной, съѣхались еще: вдова императора Франциска I, дочь короля Максимилиана баварскаго, и вдовствующая императрица Бразиліи, дочь Евгенія Богарне, герцога лейхтенбергскаго, тоже урожденная изъ баварскаго королевскаго дома. Къ тремъ императрицамъ присоединилась и мать императрицы Бразиліи, вдова герцога, женщина рѣдкихъ душевныхъ достоинствъ, высокой добродѣтели которой самъ Наполеонъ I вынужденъ былъ принести дань глубокаго уваженія.

Никогда еще Александра Теодоровна такъ страстно не предавалась наслажденіямъ, которыя представляла ей прекрасная природа, окружавшая ее, никогда такъ не упивалась чувствомъ свободы отъ тягостныхъ условій этикета. Она жаждала приволья лѣсовъ и горъ, но силы измѣнили ей, и, чтобы дышать свѣжестью горной прохлады, она принуждена была прибѣгать къ носилкамъ; но это горькое сознаніе собственнаго безсилія вознаграждалось для нея видомъ ея цвѣтущей молодостью и веселіемъ младшей дочери, тринадцатилѣтней великой княжны Александры Николаевны, которая, сопровождая ее во время прогулокъ, съ легкостью обѣгала всѣ горныя тропинки и скаты. Великую княжну, страстно любившую ботанику, въ особенности счастливили безчисленныя породы неизвѣстныхъ ей полевыхъ цвѣтовъ. Уже въ Царскомъ Селѣ и Петергофѣ ея любимымъ лѣтнимъ увеселеніемъ были прогулки по лугамъ и рошамъ, изъ которыхъ она возвращалась съ богатой добычей цвѣтовъ и растений. Однажды кто-то изъ придворныхъ, заставъ ее въ паркѣ во время одной изъ подобныхъ экспедицій, замѣтилъ, что она оказываетъ скромнымъ цвѣткамъ слишкомъ большую честь, на что она весьма метко возразила: «Если Богъ не стыдился сотворить эти цвѣты, то почему же мнѣ стыдиться собирать ихъ?» Такъ проходилъ день за днемъ среди дивной горной природы; вечера же проводились интимнымъ кружкомъ, услаждаемые непринужденной бесѣдой и задушевной игрой на виолончели графа Вильгорскаго, и когда Николай Павловичъ подъ конецъ сезона пріѣхалъ за государыней, онъ нашелъ ее значительно обрѣившей, такъ что она могла уже раздѣлить съ нимъ поѣздки и посѣщенія музеевъ и мастерскихъ, которыми онъ ознакомился съ баварской столицей, удивившей его своей красотой и великолѣпіемъ.

Но царской фамиліи суждено было привязаться къ Мюнхену не одною любовью къ искусству, но и болѣе тѣсными и прочными узами. Въ этомъ городѣ государь и государыня ближе узнали

молодого герцога Максимилиана Лейхтенбергскаго, въ прошломъ году уже, во время своего непродолжительнаго пребыванія, обратившаго на себя вниманіе ихъ девятнадцатилѣтней старшей дочери, великой княгини Маріи Николаевны. Съ тѣхъ поръ уже обѣими семьями обсуждался вопросъ о ихъ соединеніи бракомъ, и теперь, въ бытность царственной четы въ Мюнхенѣ, дѣло было окончательно улажено и рѣшено. Главнымъ затрудненіемъ при этомъ служило то обстоятельство, что мать герцога не могла безъ глубокой горести подумать о томъ, чтобы отпустить его такъ далеко отъ себя, на холодный сѣверъ, а великая княгиня Марія Николаевна изъявила твердое намѣреніе не разлучаться съ родителями, и основывая собственный свой домашній очагъ, не удаляться отъ береговъ ея родной Невы. Далѣе, вдовствующую герцогиню, крайне преданную, какъ и весь баварскій королевскій домъ, католическому вѣроисповѣданію, смущало еще и то, что хотя сыну ея и не предстояло самому мѣнять религію, но дѣти его, по закону страны, должны были быть крещены и воспитаны въ православномъ вѣроисповѣданіи. Но прибытіе государя въ Мюнхенъ отстранило всѣ препятствія; 2-го октября этого года наступало совершеннолѣтіе молодого герцога, а 16-го, того же мѣсяца, онъ поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ своей благородной рыцарской личностью произвелъ на общество вполне благопріятное впечатлѣніе, хотя многимъ кореннымъ русскимъ боярскимъ сердцамъ крѣпко не по душѣ приходилась мысль, что зятемъ русскаго императора будетъ членъ, хотя и княжескаго, но не царствующаго дома. Въ Москвѣ это извѣстіе сначала было принято какъ выдумка, и тогда только повѣрили ему, когда появленіе самого государя вмѣстѣ съ молодымъ герцогомъ подтвердило возбужденную общее недовѣріе молву. Двадцать-шесть лѣтъ передъ тѣмъ, вѣзжая въ завоеванную столицу, отецъ его, вице-король Италіи Евгений Богарне, не предчувствовалъ ужасную катастрофу, вскорѣ затѣмъ постигнувшую армию императора Наполеона, но еще мѣне того снилось ему, что четверть вѣка спустя, его второй сынъ, какъ царскій зять, вступить въ ту самую блестящую столицу, которую онъ, отецъ, оставилъ опустошенной и разрушенной... Обрученіе герцога и великой княгини послѣдовало 4-го ноября, въ тотъ самый день, въ который, двадцать-три года передъ тѣмъ, Николай Павловичъ праздновалъ въ Берлинѣ свое обрученіе съ принцессой Шарлотой; при этомъ случаѣ государь объявилъ присутствовавшимъ при обрядѣ представителямъ различныхъ сословій, что онъ желаетъ, чтобы отнынѣ на герцога лейхтенбергскаго смотрѣли, какъ на его пятаго сына.

Послѣдующіе полгода герцогъ долженъ былъ провести вдали

отъ невѣсты и ея семьи, чтобы лично принять на себя управленіе обширными помѣстьями, принадлежавшими ему въ Баваріи и въ Италіи. Зима прошла для государыни благополучно въ отношеніи здоровья; она замѣтно поправилась послѣ лѣтняго своего путешествія, и болѣе чѣмъ когда либо принимала живое участіе въ воспитаніи своихъ младшихъ дѣтей, съ которыми сравнительная тѣснота помѣщенія въ аничковскомъ дворцѣ сблизила ее болѣе, нежели это было бы возможно въ зимнемъ дворцѣ.

Наконецъ въ маѣ 1839 г. герцогъ Максимилианъ лейхтенбергскій возвратился въ Петербургъ, чтобы окончательно поселиться въ новой своей родинѣ; свадьба была отпразднована 2-го іюля, въ церкви вновь построеннаго зимняго дворца, съ тѣмъ же блескомъ, какъ нѣкогда свадьба великой княгини Александры Феодоровны. При этомъ же торжественномъ случаѣ императоръ роздалъ всѣ награды, которыми онъ роскошно отблагодарилъ усердныхъ строителей, возстановившихъ погибшій въ пламени дворецъ во всемъ его прежнемъ великолѣпнн, такъ что человекъ, бывшій въ отсутствіи два года, не замѣтилъ бы, какую ужасную катастрофу претерпѣла въ этотъ промежутокъ царская резиденція.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ТРУЩОБЫ.

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ.

Часть пятая.

ГОЛОДНЫЕ И ХОЛОДНЫЕ.

—
XXVII.

С И В И Р К А.

— Веди меня въ часть, обратился Вересовъ къ дремавшему на углу городовому, перейдя нѣкоторыя улицы, за которыми уже начинался районъ той части, гдѣ производилось о немъ слѣдственное дѣло.

— Куда-а? изумился съ просонья блюститель.

— Въ часть!... въ сибирку! съ раздраженной настойчивостью повторилъ бездомникъ.

— Проходи, проходи себѣ съ богомъ, пріятель, вѣчѣмъ пу-
стяки-то болтать... Время ночное.

— Мнѣ некуда идти, у меня нѣтъ ни дома, ни пристанища—
понимаешь ли ты?... Веди же меня въ часть, говорятъ тебѣ!

— Ну, проваливай, братъ, проваливай!... Что вамъ часть—
богадельня, что ли?! За что я тебя поведу, коли ты безчинства
никакого не сдѣлалъ?... Ты сдѣлай безчинство какое, такъ я
тебя отправлю съ дворникомъ въ кварталъ, а безъ того за что
же? Ну, хмѣлень маленько— пу, это ничего: иди, знай, своею
дорогой; а мнѣ со своего поста тоже нельзя отлучиться—нерав-
но, начальство...

И блюститель послаще да поврѣпче завернулся въ свою де-
журную шубу, въ надеждѣ опять подремать съ часочекъ.

Вересовъ не двигался съ смѣста. «Безчинство»... думалъ онъ:
«даже и сюда-то не пустать тебя просто, потому что тебѣ дѣ-

ваться некуда!... Надо сперва безчинство какое сдѣлать, либо околѣть на улицѣ съ голоду да холоду—тогда сволокуть, тогда примутъ!... Господи, чтѣ же это будетъ!»

— Чего же ты стоншь? обратился къ нему между тѣмъ городской:—хочется въ часть тебѣ?—ну, и ступай самъ! дорога, чай, знакомая. А отсюда отчаливай по добру по здорову!

Бездомникъ, дѣйствительно, рѣшился самъ идти въ часть, и объявить себя бѣглымъ изъ тюрьмы преступникомъ, въ надеждѣ, что послѣ такого заявленія, ему не откажутъ въ пріютѣ. Не безъ нѣкотораго труда, однакоже, удалось ему добиться, чтобы впустили въ дежурную комнату, гдѣ на жесточайшемъ божаномъ диванѣ спалъ дежурный офицеръ. Бѣглый преступникъ, являющійся самъ объявить о себѣ, показался ему явленіемъ почти сверхъестественнымъ и весьма курьознымъ. Приказалъ, для порядка, обыскать его, причемъ, конечно, былъ найденъ временной билетъ, выданный слѣдственнымъ приставомъ.

— Какой же ты, чортъ тебя дерн, бѣглый, если ты на поруки отпущенъ? изумленно и строго опросилъ его дежурный:—что-жъ ты задаромъ-то начальство безпкоишь?... а?...

Вересовъ сталъ опасаться, что и тутъ, пожалуй, сорвется дѣло, что и отсюда выгонять.

— Я голодень... я третью сутки шатаюсь по улицамъ безъ хлѣба, безъ пріюта, заговорилъ онъ голосомъ, дрожащимъ отъ волненія и отчаянія:— не откажите мнѣ... съальтесь!... дайте мнѣ мѣсто въ арестантской сибиркѣ, хоть до утра... утрою я въ тюрьму... да еще... Христа-ради... хоть кусокъ хлѣба!

— Да ты, должно, пьянь, каналья? усомнился дежурный.

— Я голодень... съ горечью повторилъ Вересовъ.

— Вѣрно, пьянь... не можетъ быть, чтобы не пьянь... Подойди-ко сюда!

Тотъ подошелъ.

— Ближе подойди!... Совсѣмъ подойди ко мнѣ!

И ближе подошелъ, и совсѣмъ подошелъ.

— А ну-ко, дохни на меня!

И дежурный чутко подставилъ свой носъ подъ самый ротъ Вересова.

— Ну, дѣхай же, бестія!... Еще! Сильнѣе!

Тотъ исполнилъ и это.

— Хм... важись, трезвъ, животное!... Хм!... Тагъ ты въ самомъ дѣлѣ не пьянь?

— Вы видите.

— Вижу! Вижу, что вы, мерзавцы, только начальство по пугать тревожите!... Сна лишаете!... Изъ-за васъ мучься тутъ!... Тащи его, каналью, въ общую! промолвилъ онъ, обращаясь къ полицейскому солдату: — утромъ, ужъ, разберуть!

Половина жестокаго груза упала съ плечь Вересова. Онъ радостно пошелъ рядомъ съ солдатомъ, взявшимъ его за шиворотъ.

— Голубчикъ!... Коли вѣруешь въ Бога... дай миѣ... Христа ради, дай миѣ поѣсть чего нибудь... хоть корку хлѣба! со слезами умолялъ онъ солдата, на пути къ общей арестантской. Тотъ скалился и принесъ ему туда краюху ржаного солдатскаго хлѣба, щедро посыпанную солью.

Въ сибиркѣ, неотличавшейся особеннымъ просторомъ, было скучено до шестидесяти человекъ всяческаго народу. Сидѣлые подслѣдственные арестанты, въ казенныхъ сѣрыхъ пиджакахъ, являли себя, въ нѣкоторомъ родѣ, аристократами этого мѣста и потому занимали всѣ лучшія мѣста на нарахъ; остальная же публика, забранная или подобранная на улицахъ въ теченіе однихъ сутокъ, довольствовалась чѣмъ Богъ пошлетъ и по большей части валялась въ растяжку по отвратительно-грязному полу, въ безчувственно-пьяномъ образѣ. Тутъ былъ народъ съ весьма различныхъ ступеней общественной лѣстницы: и лакешко съ раскрытою щекой, и оборванный солдатъ, и купецъ въ хорошей лисей пубѣ, съ котораго сидѣлые арестанты преспокойно стащили въ свою пользу новыя сапоги, отнюдь не стѣсняясь присутствіемъ столькихъ постороннихъ людей; тутъ же валялся и чиновникъ, весь мокрый и перепачканный уличной грязью, съ оторванной фалдой виц-мундвра; и личность, напоминающая своей черной хламидой странствующаго инока; и сѣряки-мужики; и карманники-жоржи; и нѣкій иностранецъ, французъ, безъ всякихъ признаковъ панталонъ; и нѣмецкіе подмастерья вмѣстѣ съ подмастерьями російскими; и наконецъ, *мосью* съ гигантскими усами и съ краснымъ околышемъ да ковардой на замасленной фуражкѣ, изъ разряда тѣхъ, которые останавливаютъ васъ на улицѣ, непремѣнно французскою фразой, и просятъ на пропитаніе жены-вдовы съ семерыми дѣтьми малъ-мала меньше. Иные изъ нихъ были окровавлены, избиты, разшиблены, а бѣлая часть грязи и оборваны—слѣды отчаянныхъ дракъ и уличнаго ваянья. И все это храпѣло, стонало во снѣ, бредило, ругалось, хрипло кашляло, а въ одномъ углу раздавался пьяно-горькій не-

умолчный плачь и вздохи съ безконечнымъ причитаньемъ: «за что жь онъ мнѣ рожу расквасилъ?... Нѣтъ, ты мнѣ скажи, за что онъ меня растворѣжилъ всего?... Можетъ ли онъ?... Никакъ онъ этого не можетъ... и я могу... и онъ, значить, не можетъ... Нѣтъ, ты мнѣ скажи, за что» и т. д.

Замѣчательно, что у русскаго человѣка, въ свушно-пьяномъ образѣ, всѣ его мысли главнѣйшимъ образомъ и почти постоянно сосредоточиваются и путаются около одного представленія о томъ, что онъ *можетъ*, и чего *не можетъ*, а также и о томъ, что могутъ и чего не могутъ другіе. Это почти общая, характеристическая черта.

Сидѣлые арестанты, попреимуществу жоржи средняго и низшаго разрядовъ, ходили отъ одного безчувственнаго или соннаго человѣка къ другому, и задавъ ему ашмалань ¹, безцеремонно вытягивали изъ кармана въ свою пользу все, что попадется на руку: вязанный шарфъ, носовой платокъ, чулки или сапожонки, одѣжнику, какая случится, а иногда и кошелевъ либо порт-сигаръ, если таковые повабыла отобрать и припрятать до утра полицейская власть, въ дежурной комнатѣ; особенно же любятъ жоржи шейные кресты да обручальныя и нныя кольца, буде случатся подходяція: золотыя, либо серебряныя. Все это къ шести-семи часамъ утра, черезъ какого-нибудь пріятеля-солдатака, потайнымъ образомъ сбывается за предѣлы части и — ищи вѣтру въ полѣ!

Вотъ втолкнули въ сибирку совсѣмъ-пьянаго человѣка: ни ногъ не волочить, ни языкомъ не шевелить. Но чуть захлопнулась дверь, чуть удалились полицейскіе—пьяный человѣкъ вскакиваетъ на ноги, какъ ни въ чемъ не бывало и, совершенно трезвый, пробирается по комнатѣ, все нагловаясь и ища кого-то. Вотъ, отыскавъ спящаго мальчонку, легъ съ нимъ рядомъ и разбудилъ.

— Что, братъ, обмшүлился! потѣнешь?! ² съ укоризной и сочувствіемъ шепчетъ онъ мальчонкѣ.

Тотъ кручинно и досадливо чешетъ за ухомъ.

— Яманъ ³ твое дѣло, продолжаетъ мнимо-пьяный: — на духу у кармана, поди-кось, все какъ было вызвонилъ ⁴?

¹ Ошупку.

² *Обмшүлиться* — то же, что и *облопаться*, *ввалиться*, то-есть: *покастаться въ зоровствѣ*. *Потыеть* — сидѣть въ части.

³ *Яманъ* — плохо, нехорошо, дрянъ-дѣло.

⁴ На допросѣ у квартальнаго надзирателя *выбобгалъ*.

— Вызвонилъ, со вздохомъ подтверждаетъ малый.

— Ну, вотъ тот-то и есть, неумѣлышъ ты эдакій! Записали стало быть въ актъ. Какъ записали, не помнишь?

— Да такъ и такъ, что въ церкви, молъ, бывши, руку запустилъ въ карманъ, къ тому-то чорту—самъ же ты мнѣ показалъ его!—а что чортъ поймалъ за руку; съ платкомъ поймалъ. Такъ и записали.

— А ты сознался?

— А я сознался.

— Дура!... Ну, да ништо! Завтра, какъ поведуть къ ключаю¹, смотри—говори, что и знать, молъ, 'ничего не знаю, что стоялъ да молился, а онъ вдругъ за руку, молъ, ухватилъ меня, а что въ актѣ карманъ записалъ, того не знаю и мнѣ читано не было—мало-ль чего тамъ не пропишутъ; а стануть спрашивать, бываешь ли на духу да у причастія, говори: бываю, молъ, ежегодно; годовъ тебѣ—шестнадцать; работать ходишь поденно на голанску биржу. Главное стой на томъ, что про кражу знать ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю—и баста! На томъ тебя и отпустить.

И сговорившись такимъ образомъ, учитель укладывается спать съ ученикомъ, чтобы на утро опять повторить ему всѣ свои наставленія².

¹ *Ключай, ключ*—слѣдственный приставъ.

² Особого рода удочка является обычнымъ способомъ петербургскихъ мошенниковъ для выручки своихъ юныхъ товарищей и учениковъ, попавшихся на воровствѣ и угодившихъ въ арестантскую частнаго дома. Въ то время, какъ жуликъ (ученикъ), дѣйствовавшій въ толпѣ, подъ руководствомъ маза (учителя), попался, благодаря своей неловкости, менторъ воровъ слѣдитъ за нимъ, не подавая однако ни малѣйшаго подозрѣнія, будто между ними можетъ быть какое либо сообщничество. Мазъ первый же начинаетъ кричать, что мазурина поймали, и волнуется, и негодуетъ на то, что много развелось такихъ негодней, прибавляя, какъ вполне честный и добпорядочный человѣкъ, что подѣломъ вору и мука, и какъ хорошо, что его поймали. Онъ обыкновенно съ энергической жестикауляціей, съ жаромъ начинаетъ краснорѣчиво и выразительно повѣствовать о томъ, какъ все происшедшее случилось на его глазахъ, какъ онъ былъ свидѣтелемъ всему и даже первый закричалъ «держите вора»—только схватить, видишь, не удалось, потому больно прытокъ... Повѣствователя обыкновенно окружаетъ досужая, любовитная толпа, въ которой, въ это же самое время, приспѣшники маза благополучно поворовываютъ подъ аккомпаниментъ краснорѣчиваго повѣствованія. Одинъ изъ приспѣшниковъ-жоржей между тѣмъ, какъ только полиція успѣла схватить юнаго жулика, тотчасъ же отдѣляется отъ толпы и воровъ слѣдитъ издали, куда поведутъ его. Ведутъ обыкновенно въ кварталъ, а потомъ въ часть. Узнавъ такимъ образомъ о мѣстѣ пребыванія ученика, менторъ испиваетъ «для духу», то-есть для саваку, для бунету

Вересовъ, кое-какъ утоливъ голодь краюкою хлѣба, съ жадностью напился воды изъ общаго ушата и, полный тяжелой усталости и изнеможенія, повалился на полъ, гдѣ, не взирая на мириады жалащихъ насѣкомыхъ, заснулъ, какъ убитый, радуясь возможности спать не въ холодной баркѣ и со сладкой надеждой на новое переселеніе въ одну изъ татѣбныхъ камеръ Лытовскаго замка.

XXVIII.

Новая встрѣча съ отцомъ.

Утромъ, когда, наконецъ, дошла до него очередь предстать для спроса и разбора предъ свѣтлыя очи частнаго пристава, онъ чистосердечно объяснилъ свое печальное положеніе и просилъ препроводить его въ слѣдственное отдѣленіе, гдѣ надѣялся вымолить себѣ отправку въ тюрьму.

Слѣдователь крайне изумился, выслушавъ его просьбу.

— Нѣтъ, обратно въ тюрьму я васъ не отправлю, возразилъ онъ ему, съ улыбкой:—а пойдемте-ка лучше ко мнѣ на квартиру: мнѣ надо съ вами переговорить о весьма важномъ дѣлѣ.

И онъ прошелъ съ нимъ по корридору въ свою квартиру, помѣщавшуюся тутъ же.

— Вашъ отецъ убѣдился наконецъ въ вашей невинности. Вотъ—прочтите это, сказала ему слѣдователь, и подавъ письмо Морденни.

косушку воды—и вечеромъ, изображая изъ себя безчувственно-пьянаго, валялся на тротуаръ гдѣ-нибудь по близости частнаго дома. Его подбираютъ—и въ общую арестантскую, пона проспится. Ночью, сойдя съ ученикомъ, мазъ очень подробно и всесторонне научаеъ его, что именно слѣдуетъ показывать на все вопросы частнаго или слѣдственнаго пристава, какъ отпереться отъ первичнаго показанія, если таковое было уже неосторожно дано и проч. Жуликъ неизменно слѣдуетъ на другое утро лекціи своего ментора, а менторъ, въ качествѣ взятаго за пьянство, отработывается въ части казенную работу, въ родѣ мытья помоекъ въ арестантскихъ, шалии дровъ и качанья воды, въ теченіе трехъ сутокъ, по истеченіи которыхъ и выпускается на свободу, то-есть отсылается для этого выпуска въ ту часть, въ которой показавъ себя прожизвающимъ. Мальчока-жулика занерси въ своемъ воровствѣ; зликъ положительный, неопровержимыхъ противъ него, но большей части, не находится, в по-этому онъ отращивается на поруки, показывая что его можетъ взять на свое поручительство его родственникъ. Этими же родственниками обыкновенно является мазъ-учитель, черезъ день или два послѣ освобожденія отъ собственнаго ареста за пьянство. Этотъ способъ—обыкновенно самый употребительный между всеми петербургскими мошенниками, въ подобныхъ обстоятельствахъ.

Вересовъ сразу узналъ руку старика, пробѣжалъ его строки — и глазамъ своимъ не повѣрилъ. Со вниманіемъ, вдумчиво перечелъ еще разъ — и пришелъ въ величайшее изумленіе. Какъ! этотъ человѣкъ, который нѣсколько дней тому назадъ отказался взять его на свое поручительство, который сожалѣлъ, что сынъ его, въ сущности, оказывается невиненъ, который еще не далѣе, какъ вчерашнимъ утромъ такъ безсердечно, съ такою жестокостью сухостью отвернулся и прошелъ мимо его въ церкви — теперь вдругъ почувствовалъ раскаяніе, почувствовалъ невинность своего сына и такъ тоскливо просить въ письмѣ увидѣть его! Что все это значитъ? Какъ и чѣмъ объяснить столь внезапную перемену?—Вересову все это казалось похожимъ на какую-то странную грезу.

— Я самъ только сейчасъ получилъ это письмо — женщина приносила его, пояснилъ ему слѣдователь. — Отправляйтесь теперь прямо къ старику, прибавилъ онъ: — вы видите, какъ онъ торопится видѣть васъ. Скажите ему, что подъ-вечеръ я буду у него сегодня же, непременно.

Вересовъ отправился, не будучи въ силахъ вполне уяснить себѣ перемену въ чувствахъ отца. Теперь, болѣе чѣмъ когда либо, онъ не питалъ къ этому человѣку ни малѣйшей злобы, хотя и много поводовъ представлялось бы для нея въ теченіе его жизни. Единственное чувство, которое жило въ душѣ Ивана Вересова къ его отцу, было грустное и горькое сознаніе, что отецъ жестоко неправъ передъ нимъ; но теперь даже и оно исчезло: одно лишь доброе желаніе старика видѣть его, заочно протянутая ему рука, сознаніе близости конечнаго часа—все это вполне уже примиряло съ нимъ незлобивую, добрую душу забитаго и настрадавшагося молодого человѣка. Онъ торопился теперь къ отцу съ тѣмъ христіанскимъ безкорыстнымъ чувствомъ, которое слышитъ на призывъ заклятого врага, чтобы принести ему полное прощеніе и забвеніе всѣхъ обидъ, передъ его смертнымъ часомъ—а этого человѣка могъ ли онъ назвать заклятымъ врагомъ своимъ, чувствуя въ немъ все-таки своего отца, и особенно послѣ того, какъ тотъ первый заочно протягиваетъ ему руку примиренія?

На душѣ молодого человѣка было теперь тихо, свѣтло, но безконечно грустно. Чувство, похощее на это, бываетъ иногда разлито въ самой природѣ, въ послѣдніе ясные дни глубокой осени. Онъ сознавалъ себя вполне и безусловно правымъ

въ отношеніи старика; онъ сознавалъ, что до послѣдней минуты можетъ прямо и честно смотрѣть ему въ глаза, и заботился только объ одномъ, чтобы предстоящая встрѣча не была особенно тяжела и смутительна для нравственнаго чувства его отца, если только тотъ вполне искренно примирился съ нимъ. Онъ далъ себѣ обѣщанье ни словомъ, ни взглядомъ, ни намекомъ не напомнить ему о своемъ горькомъ положеніи, о своихъ несчастіяхъ, чтобы это не могло колючимъ укоромъ отозваться въ душѣ Морденки. Если ему суждено скоро умереть, Вересовъ хотѣлъ своимъ присутствіемъ, своимъ теплымъ попеченіемъ и ласковымъ ухаживаньемъ облегчить и усладить его послѣднія минуты. Въ сиротствующей, одинокой душѣ молодого человѣка была слишкомъ сильна и велика потребность въ отцовской или материнской ласкѣ и добромъ словѣ, которыхъ онъ не зналъ съ самой минуты своего явленія на свѣтъ божій, и потому-то надѣясь облегчить собою послѣднія минуты Морденки, онъ въ то же время, съ весьма понятнымъ и законнымъ эгоизмомъ, дѣлѣялъ въ себѣ мысль и надежду на взаимную отцовскую ласку, которая своимъ тихимъ вѣяніемъ облегчила бы его собственную наболѣвшую душу, заставлявъ хоть на время позабыть всё столь много и несправедливо пережитыя имъ страданья.

Въ такомъ-то настроеніи онъ переступилъ порогъ Морденкиной квартиры.

Старикъ и безъ того всегда былъ желтъ и блѣденъ, а тутъ, при этомъ внезапномъ явленіи сына, поблѣднѣлъ еще болѣе, до смертной синевы, и задрожалъ всѣмъ тѣломъ отъ величайшаго волненія. Онъ съ усиліемъ поднялся съ постели, пошелъ на встрѣчу, и вдругъ—изнеможенно бросился ему на шею. Послышалось удушливо-тихое и хриплое старческое рыданье; на глазахъ появились слезы, а восталыя руки крѣпко сжимали въ объятіяхъ сына, и сухія, холодныя губы какъ-то судорожно прилегли къ поцалу къ символену лбу, и долго-долго не отрывались.

Эта безмолвная сцена длилась нѣсколько минутъ, къ немалому удивленію чухонки Христины, выглядывавшей въ щель непритворенной двери. Но ни отецъ, ни сынъ не замѣчали посторонняго свидѣтеля. У обоихъ скопилось на душѣ столько чувства — и горькаго и отраднаго въ одно и то же время — что оба ощущали и понимали огромную трудность и даже невозможность нарушить словомъ безмолвіе этой встрѣчи.

— Ваня... Ванюша... прости ты меня... прости старика! по-

потомъ началъ, наконецъ, первый Морденко, съ объятіями, склоняясь лицомъ къ груди взволнованнаго Вересова, и не смѣя поднять глазъ, потому что совѣсть пока еще боялась встрѣтиться съ его открытымъ и честнымъ взоромъ, боялась прочесть на этомъ лицѣ слѣды горя, униженія и несчастій, перенесенныхъ этимъ человѣкомъ. Едва еще только вошелъ онъ — Морденко, уже по первому взгляду увидѣлъ, какъ много измѣнилось его лицо, какъ жалка и убита вся его фигура — и этотъ видъ мгновеннымъ и колючимъ укоромъ пронзилъ очнувшееся отцовское сердце.

— Прости... прости мнѣ, Ваничка... голубчикъ мой, сынъ мой .. родное ты мое! продолжалъ старикъ все тѣмъ же надрывающимся отъ слезъ шопотомъ: — виновать я... много виновать... а ты прости... отца... отца прости!... забудемъ другъ другу... все забудемъ!... Коли ты простишь — и Богъ проститъ меня!... Неужели ты... Ваня! неужели ты ненавидишь меня?! Неужели... О, Господи!...

Вересовъ со слезами кинулся къ его ногамъ и покрывалъ подалуями дрожащія похолодѣлыя руки.

При видѣ этого искренняго, сердечнаго движенія, на лицѣ старика тихо просіяла любящая улыбка. Онъ нагнулся къ своему сыну и цаловалъ его голову, и трепещущей рукою гладилъ его волосы, и все шепталъ.

— Милый... милый мой... родной мой... сынъ мой... не проклинаетъ... простилъ... простилъ старика...

Когда прошелъ этотъ первый горячій порывъ свиданія, и Морденко нѣсколько поуспокоился, онъ не могъ не замѣтить злощастнаго тощаго костюмиши, облекавшаго молодого человѣка, и его болѣзненно-изнуреннаго голоднаго лица.

— Встань, Ваня, встань, Ванюша! ласково твердилъ онъ, подымая его съ колѣнъ: — я радъ... ну, я радъ! — наконецъ-то это... наконецъ-то мы съ тобой свидѣлись... Привелъ Господь — не до конца еще прогнѣвался... Ты, Ваня... это-то платъишко твое тово... надо бы тово.. другое; передѣться надобно... Пстой, погоди, я дамъ тебѣ — я все дамъ тебѣ... Вотъ, сейчасъ... сейчасъ!

И онъ очень слабой, болѣзненно-шаткой, но торопливой походкой заковылялъ въ свою «моельную», порылся тамъ нѣсколько времени, и съ торжествующимъ видомъ вынесъ оттуда чистое бѣлье да пару хорошаго платья.

— Прикинь-ко это на себя, голубчикъ!... Въ пору ли будетъ? а то, и другое можно — у меня есть...

Вересовъ съ радостью переодѣлся въ свѣжее бѣлье и обмѣнялъ свое изношенное, загрязнившееся пальтишко. Новый костюмъ пришелся почти впору.

— Въ баньку бы сходить теперь, продолжалъ Морденко: — сходи-но, попарь, братъ, свои косточки... Э, да нѣтъ! это послѣ... послѣ пойдешь, ужъ, вечеромъ, а теперь не отпущу... теперь со мною побудь, наглядѣться, наговориться хочу.

И старикъ съ улыбкою оглядывалъ своего сына. Эти новыя ощущенія успѣли нѣсколько пріободрить его на время: въ желтомъ лицѣ его даже легкій румянецъ появился, и тусклые глаза вдругъ заблестали жизнью; но — увн! насильственно вызванной и потому неестественной, фальшивой бодрости, при общемъ разслабленіи обезсиленнаго организма, суждено было продолжаться весьма короткій срокъ: будучи слѣдствіемъ новаго и столь сильнаго, потрясающаго напряженія, она вскорѣ могла только еще усилить собою на нѣсколько градусовъ общую болѣзненную слабость Морденки.

— Ты, братъ Ваня, у меня молодецъ будешь... молодецъ хоть куда! говорилъ онъ, любуясь: — погоди, дай только сроку, а ты поправишься... Э! да что жъ это я-то! я не доめкнулся! — прости ты меня! спохватился вдругъ Осипъ Захаровичъ, ударивъ себя по лбу: — вѣдь ты навѣрное ѣсть хочешь!

Вересовъ, дѣйствительно, былъ голоденъ, и потому немедленно подтвердилъ отцовское предположеніе.

— Христина!... а, Христина! Гдѣ ты, дѣрица, закопошилась тамъ! затревожился снова старикъ: — наставь самоваръ поскорѣе!... Чаю завари!... Да нѣтъ, это все не то!... На, вотъ тебѣ деньги — на, пять рублей! — бѣги скорѣе въ трактиръ, закажи тамъ всего, чего знаешь — только живѣе! Супу закажи, котлетъ, жаркого тамъ какаго, что ли, да пироговъ... Вина возьми бутылку, краснаго, въ рубль — понимаешь-ли?... Да смотри, чтобъ на сдачѣ тебя не надули, вѣрнѣе считай; а то вѣчно не донесешь кофеечки, вѣчно въ недочетѣ; придется потомъ хоть самому бѣжать да по-вѣрять... Лучше счетъ спроси — пускай тебѣ тамъ счетъ напишутъ... Да только, гледи, чтобъ не прибавили на счетѣ-то! — я вѣдь повѣрю потомъ! Да живѣе ты, лѣши!

Но Христина и безъ того ужъ металась по кухнѣ, хваталась то за самоваръ, то за чайникъ да за тарелки, то отыскивала запропащившуюся кацавейку, и совсѣмъ потеряла голову, рѣшительно недоумѣвая, чтѣ бы это такое могло вдругъ случиться съ ея хо-

звѣномъ, и что это вообще за странности дѣются съ нимъ вотъ уже третья сутки? Наконецъ, отыскала кацавейку, напялила кое-какъ на одинъ рукавъ, и торопливо пустилась бѣжать съ лѣстницы.

— Деньги-то! деньги, гледи, не потеряй еще! Боже тебя избави! крикнувъ ей вдогонку Морденкѣ, и снова заторопился къ сыну, чтобы снова любоваться на него роднымъ, отеческимъ любованьемъ и радованьемъ.

Никогда еще трактирное кушанье не казалось отоцавшему Вересову такъ вкуснымъ, и давно ужъ не ѣлъ онъ такъ сладко и вволю; а старикъ все время былъ самъ не свой: то садился въ кресло противъ сына, то вдругъ принимался покачивать вокругъ него, улыбался и потирая руки; и любясь, заглядывалъ на него съ разныхъ сторонъ. — Такъ точно заглядываетъ и любитъ на какую-нибудь любезную вещь человѣкъ, желавшій долго и страстно приобрести ее, и наконецъ, исполнившій свое завѣтное желанье.

Обильный и вкусный столъ значительно подрѣпилъ силы Вересова, а стаканъ-другой давно непитаго имъ вина подѣйствовалъ нѣсколько на голову, такъ что его стало клонить ко сну. Старикъ убѣдилъ его лечь на свою кровать, и даже для того, чтобы мягче было лежать ему, приказалъ Христинѣ подстелить на тюфякъ двѣ ентовныя шубы, которыя съ болѣзненнымъ усиліемъ самъ вытащилъ теперь изъ своей молельной. — Кромѣ себя, Осипъ Захаровичъ никому и никогда не позволялъ входить въ эту послѣднюю комнату. Вересовъ скоро заснулъ съ тѣмъ чувствомъ нѣги, возбуждаемой усталостью, которое очень хорошо знакомо человѣку, долгое время спавшему кое-какъ, неудобно и жестко, когда вдругъ онъ успокоится и отрадно почувствуетъ себя на свѣжей и мягкой постели.

Старикъ, ходючи на цыпочкахъ, завѣсилъ вѣтку попугая, чтобы тотъ не тревожилъ сна своимъ пронзительнымъ крикомъ и свистомъ, а самъ осторожно опустился въ свое кресло, боясь кашлянуть и пошевелинуться неловко, и принялся глядѣть въ сонное лицо сына.

Новое и столь сильное волненіе, которое опять-таки довелось ему вынести въ это утро — волненіе, соединенное съ такимъ потрясеніемъ, съ такимъ сильнымъ чувствомъ, ошочительно уже разстрѣлило и расслабило больного старика. Онъ чувствовалъ себя весьма дурно, а самъ, межъ тѣмъ, все-таки сидѣлъ въ своемъ креслѣ и пристально глядѣлъ на спящаго. — Лицо его живо напомнило Морденкѣ знакомыя черты матери — и эти черты невѣжно

будили застарѣлую ненависть, бередя ее, словно наболѣлую рану. Но въ эту минуту онъ уже не переносилъ, какъ бывало, свое злобное чувство на неповиннаго въ немъ сына: въ старикѣ для этого слишкомъ сильно и горячо проснулся теперь отецъ — но тѣмъ не менѣе онъ ненавидѣлъ мать, и видъ напоминающаго ее лица только усиливалъ его злобу.

«Онъ — онъ, Иванъ мой дополнитъ», злорадно мыслилъ старикъ, глядячи на Вересова: — «не я, такъ онъ докончитъ мое дѣло... Какъ проснется, надо будетъ говорить съ нимъ... надо сказать ему... клятву взять съ него»...

— О, Господи, что жъ это какъ мнѣ дурно! тихо прошепталъ онъ, болѣзненно метнувшись на своемъ вреслѣ: — слабость какая-то... жаръ... то жаръ, то ознобъ... лихорадка это, что ли... Охъ, какъ нехорошо!... Подверѣли меня, Боже мой!... А поговорить надо... посерьезнѣе! заключилъ онъ, все-таки, въ концѣ концовъ, возвращаясь къ прежней завѣтной мысли.

И подъ вліаніемъ ея, лицо старика приняло свой обычный отгѣногъ сухой, желчно-сосредоточенной угрюмости, такъ что когда Вересовъ проснулся, то не безъ внутренняго безпокойства замѣтилъ эту рѣзкую перемену, которая такъ живо напомнила ему прежнее время.

Не подавая еще о себѣ голоса, онъ въ полгѣза внимательно и тревожно поглядѣлъ на Морденку: голова старика бессильно опустилась на грудь, вѣлаки были какъ-то судорожно сжаты, и сидѣлъ онъ совсѣмъ неподвижно, словно нѣмое изваяніе; а нависшія брови угрюмо сдвинулись, насушились, и поблѣкые глаза были неподвижно устремлены на полъ въ одну точку; но, при всемъ томъ, въ этомъ непривѣтномъ, чорство-омертвѣломъ лицѣ сказывалось явное присутствіе тяжелой и злобно-мрачной думы, которая словно бы застыла въ немъ. Это былъ прежній, обычный, но уже изнеможенный и больной Осипъ Морденко.

XXIX.

К л я т в а .

Наконецъ Вересовъ кашлянулъ и потянулся.

— Ты проснулся уже? слабымъ голосомъ спросилъ его старикъ, тогда какъ самого его, отъ этого кашля, словно бы очнуло изъ-подъ тяжелаго забытья.

Молодой человекъ, протирая глаза, поднялся съ постели.

Прошла минута молчанія, въ теченіе которой Осипъ Захаровичъ казался погруженнымъ въ свою прежнюю думу.

— Иванъ! позвалъ онъ наконецъ сына тѣмъ серьезнымъ, сосредоточеннымъ и даже отчасти строгимъ тономъ, который могъ предвѣщать какое-то рѣшительное объясненіе: — Иванъ! Поди сюда!... Сядь поближе — мнѣ надо говорить съ тобой.

Вересовъ приблизился къ Морденкѣ, ощущая въ душѣ тревожное волненіе нѣсколько болѣзненнаго, сжимающаго въ груди ожиданья.

Старикъ, отчасти тоскливо и не безъ тревоги, собрался съ мыслями, и началъ слабымъ, обезсиленнымъ голосомъ, которому однако же старался придать всю возможную теперь твердость и рѣшительность.

— Видно, мнѣ ужъ недолго осталось, началъ онъ, со вздохомъ: — чувствую я это... совсѣмъ уже слабъ и недуженъ — что ни часъ, то все тяжелѣе да хуже становится... Охъ!... Видно, Вседержитель къ себѣ призываетъ... Ты одинъ останешься послѣ меня — одинъ, голубчикъ... Одинъ на всемъ свѣтѣ... сиротой. Я былъ гордъ и злобенъ... много согрѣшилъ прогнѣвъ тебя... Ну, покаяньемъ очистишься, да и ты... ты вѣдь простилъ меня!... Но — видитъ Богъ — теперь я люблю тебя... Я и прежде, можетъ, любилъ тебя, да вотъ видишь ли... было такое дѣло... Охъ, и сказать-то какъ — не знаю!... Враговъ я, Ваня, имѣю — заклятыхъ враговъ; они меня злобили, а я... подъ часъ, неразумно эдакъ-то на тебѣ вымещалъ всю злобу мою. Ну, что жъ дѣлать! — каюсь! — слабъ и грѣховенъ... Сердца своего сдержать не умѣлъ... И по гробъ жизни не съумѣю, не могу я этого... Ты, голубчикъ, можетъ, и не понимаешь, а оно такъ. Ну, вотъ видишь-ли, остается послѣ меня много всякаго добра... всякаго — и денегъ и вещей... Все тебѣ оставлю, никому кромѣ тебя; только... только есть у меня векселя одни — они уже представлены ко взисканію, на сто-двадцать-пять тысячъ серебромъ... Эти векселя на имя князей Шадурскихъ... Слышишь-ли — *Шадурскихъ!* — Это враги мои, заклятые враги и въ сей, и въ будущей жизни... Они и твои враги... Они намъ много-много, Ваня, зла понадѣлали... Я не могу простить имъ; не прощай и ты!... Это тебѣ мой послѣдній отцовскій завѣтъ!... Помни!... И боже тебя избави — простить имъ! — Прокляну! въ гробу прокляну!... Кости мои перевернутса! Слышишь-ли?

И говоря это, воодушевившійся и дрожащій старикъ строго

стучалъ своимъ пальцемъ объ ручку кресла — и рѣзко-сухой, костястый звукъ его пальца, какииъ-то безпощаднымъ, гробовымъ молоткомъ отдавался въ душѣ Вересова, который внимательно и кручинно выслушивалъ теперь его прерывающіяся рѣчи, въ тяжеломъ волненіи потупивъ голову.

— Боже тебя избави прекратить мой искъ! тѣмъ же строгимъ, внушительнымъ тономъ продолжалъ Морденко: — ты доведенъ дѣло до конца... Коли въ тюрьму они сядутъ — не выпускай! не жался, гледи! Они постараются обойдти да оплести тебя, а ты — простая душа — пожалуй, и поддашься. — Боже тебя сохрани отъ этого! Боже сохрани! Плати за нихъ до конца кормови деньги, сгной ихъ въ тюрьмѣ, а не выпускай!... Я тебѣ съ тѣмъ только и все добро мое оставляю... Только съ этимъ условіемъ... Слышишь?...

— Чтѣ жъ они намъ сдѣлали? тихо и несмѣло спросилъ Вересовъ, подъ гнетомъ своего тяжелого волненія, которое еще значительно усилили послѣднія рѣчи Морденки.

— Чтѣ сдѣлали?! свернулъ глазами Осипъ Захаровичъ, и поднявшись съ кресла, выпрямился во весь ростъ: — чтѣ сдѣлали?! — Звѣря изъ человѣка сдѣлали! Чести насъ лишили, всего лишили! Вся жизнь изъ-за нихъ прахомъ пошла!... Изъ-за нихъ, что я однихъ провлятій да слезъ людскихъ на свою голову принялъ! Изъ-за нихъ я грѣшникомъ великимъ передъ Богомъ сталъ, кровопійцемъ человѣческимъ! Изъ-за нихъ! все изъ-за нихъ!... Ненавидь же и ты ихъ, все равно какъ я вотъ ненавижу... Вѣрно ужъ хорошо намъ отъ нихъ пришлось, коли и передъ смертью не прощаю!

— Ты думаешь, я и всю жизнь такой вотъ былъ?... продолжалъ онъ: — нѣтъ, Ваня, я добрый былъ... я, можетъ, хорошимъ человѣкомъ былъ бы, кабы не они... Молоды былъ тоже когда-то... надежды свои были, мечтанья разныя... Полагалъ тоже, честнымъ порядкомъ жизнь свою устроить, а они всего этого лишили меня, звѣря сдѣлали, Авела въ Канна переродили. Вотъ они чтѣ!... Такъ такъ имъ и простить все это?... Такъ и простить?!... Нѣтъ, Боже тебя избави! Боже избави!

Ослабѣвшій старикъ почти повалился на кресло, и черезъ нѣсколько времени, съ усиліемъ протянувъ къ Вересову руку, слабо, но рѣшительно спросилъ его:

— Общаешь ли ты мнѣ?

Вересовъ сидѣлъ въ глубокомъ раздумьѣ, не поднимая головы.

Онъ видѣлъ, что старину слишкомъ больно и тяжело говоритъ объ этомъ предметѣ, для того, чтобы заставлять его вводить въ новыя подробности, и въ то же время чувствовалъ, что если ужъ въ душѣ человѣка, даже и въ предсмертныя минуты, возможно присутствіе подобной ненависти, то вѣрно ужъ эта ненависть глубоко небезпричинна, и имѣеть самыя законныя права на свое существованіе. Слова старика почти ничего не пояснили ему въ этой ненависти и въ ея исторіи, но онъ живо чулъ въ нихъ самую глубокую искренность, и сознавалъ, что если такъ кроваво былъ оскорбленъ его отецъ, заклинавшій его объ отмщеніи, то въ правѣ ли былъ сынъ отвергнуть его послѣдній завѣтъ, его предсмертную просьбу?

Морденко, между тѣмъ, въ ожиданіи отвѣта, съ тревожною тоскою заметался на креслѣ. — Въ умѣ его родилась ужасная мысль: что, если сынъ не дастъ ему требуемаго общанья?! — Въ эту минуту онъ готовъ былъ снова возненавидѣть его всѣми силами своей души — возненавидѣть это «барское отрѣдье».

— Иванъ!... Не томи меня!... Отвѣчай скорѣе: да, или нѣтъ? строго и тоскливо продолжалъ онъ, не отымая выжидательно протянутой руки: — охъ, да дай же ты мнѣ хоть умереть спокойно!

Вересовъ рѣшительно поднялъ голову, твердо промолвилъ: «да!» и крѣпко пожалъ отцовскую руку.

— Поклянися мнѣ! быстро заговорилъ старикъ: — образъ снимки со стѣны!... или нѣтъ!... постой!... вотъ крестъ мой — поцалуй его — тогда повѣрю... тогда успокоюсь я.

И онъ трепетной рукою вынулъ изъ-за пазухи натѣльный крестикъ, и въ самомъ томительномъ ожиданьи, трижды перекрестясь, поднесъ его къ губамъ Вересова.

Этотъ наклонился и благоговѣнно поцаловалъ отцовскую святиню.

Морденко крѣпко прижалъ къ груди своего сына, на лобъ котораго горячо капнули двѣ его крупныя слезы, и долгимъ поцалуемъ прильнувъ къ этому лбу, проговорилъ наконецъ съ радостнымъ и облегченнымъ вздохомъ:

— Спасибо, Ваня!... милый!... Теперь — я умру спокойно... Господи, благослови тебя!

XXX.

СМЕРТЬ МОРДЕНКИ.

Въ тотъ же день вечеромъ пришли: слѣдственный приставъ, священникъ и майоръ Сидца — Петръ Кузьмичъ — тотъ самый,

который бралъ къ себѣ на воспитаніе сбродныхъ дѣтей, отдавалъ ихъ напрокатъ нищей братіи и у котораго, между прочимъ, во время оного, воспитывался и Иванъ Вересовъ. За священникомъ, который былъ духовникомъ Морденки, и за Спицей, котораго Морденко считалъ единственнымъ своимъ добрымъ знакомымъ, посылалъ онъ сегодня свою Христину. При этихъ свидѣтеляхъ было составлено, подписано и скрѣплено свидѣтельскимъ рукоприкладствомъ духовное завѣщаніе Морденки.

Вересову все это казалось какою-то болѣзненной грезой, бредомъ или соннымъ кошмаромъ. Какіе быстрые, какіе рѣзкіе переходы! Тѣ онъ — нелюбимый, отверженный сынъ; обвиняемый въ преступленіи тюремный арестантъ, бездомникъ голодный, воръ отъ голоду; тѣ вдругъ льется на него щедрый потокъ отцовской ласки, той ласки, которой столь долго алкала его сиротствовавшая душа, но о которой онъ и мечтать-то не осмѣливался, а теперь она есть, и вся безраздѣльно принадлежитъ ему. Вчера еще нищій, вчера еще и голодь и холодъ — сегодня въ теплѣ и въ холѣ и наканунѣ полученія огромнаго богатства. Вчера — эта страшная ночь въ пустой баркѣ, рядомъ со ценною сукой, и эта ужасная ночь въ Малинникѣ; сегодня — страшная клятва, вынужденная умирающимъ отцомъ. Отверженіе и ласка, ненависть и любовь, безпріютное нищенство и огромное богатство — и все это такъ странно, такъ быстро и неожиданно смѣненное одно другимъ, смѣненное въ ту самую минуту, когда онъ, какъ благодатнаго и единственнаго спасенія искалъ для себя тюрьмы — все это могло показаться ему какимъ-то невѣроятнымъ фантастическимъ сномъ. Но не было въ душѣ его мѣста скрытой радости, затаенному ликованью; Вересовъ, напротивъ того, былъ только грустно-спокоенъ.

— «Богатство», думалъ онъ: «богатство... На что мнѣ оно?... Что же я стану дѣлать съ нимъ — одинъ-одинѣхонекъ на свѣтѣ... Одинъ, совсѣмъ одинъ!... Отецъ — умираетъ... мать — гдѣ она, эта мать? Кто она? — никогда ни единого слова про нея не слышано!... Ни брата, ни сестры, ни близкаго родного человѣка, кромѣ отца, да и тотъ умираетъ!... и тотъ на минуту лишь былъ мнѣ отцомъ... Любить некого!... Кого мнѣ любить!...»

Но въ душѣ его смутно мелькнулъ при этомъ чистый образъ дѣвушки, которая молилась и плакала... такъ горько и горячо молилась и плакала въ большомъ и сумрачномъ храмѣ, опустивъ на колѣни свои блѣдныя, тонкія руки; образъ дѣвушки, съ отвращеніемъ, но такъ великодушно давшей свой чистый, святой поцалуй этому грязному и пьяному вору — среди безобразной маливкинской оргіи.

И сердце молодого человѣка тихо заняло и сжалось кручиннымъ, но сладостнымъ трепетомъ.

«Кто она, и гдѣ-то она теперь?» думалось Вересову, межъ тѣмъ какъ въ воображеніи смутно проносился этотъ образъ:—«неужели же такъ мы и затерялись другъ для друга на вѣки? Неужели намъ не суждено еще встрѣтиться?... Бѣдная! чтѣ-то съ нею дѣлается?... Сама, сама гибнетъ, а меня два раза спасла... два раза... Не будь ея, не было бы и меня теперь, или, можетъ быть, былъ бы воръ, убійца, преступникъ... Нѣтъ, я не дамъ ей погибнуть—я отыщу, я найду ее!... Теперь за мною очередь спасти ее... А какъ знать, можетъ быть, и для меня еще будетъ когда-нибудь тихое, хорошее счастье».

Всѣ эти контрасты и думы вставали въ головѣ молодого человѣка, когда онъ печально и чутко проводилъ бессонную ночь надъ изголовьемъ старика Морденки.

А старикъ Морденкѣ стало очень и очень ужъ плохо. Этотъ желѣзный энергическій характеръ выдержалъ себя до конца. Какъ ни дожимала его слабость и болѣзнь, однако онъ все жъ таки собиралъ всю волю, всѣ усилія, чтобы бодриться и перемогать себя до той минуты, въ которую покончилъ всѣ свои расчеты и распоряженія. Теперь уже онъ зналъ, что сынъ при немъ, что послѣднія мгновенья его жизни не будутъ чорство и холодно одиноки, что закроетъ ему глаза все жъ-таки родная рука; теперь онъ зналъ, что самая завѣтная мысль и желаніе его обезпечены: съ сына взята клятва; завѣщаніе написано и оформлено; духовникъ исповѣдалъ и причастилъ его, былия прегрѣшенья искуплены этою послѣдней исповѣдью и тѣмъ владычи на монастыри и давянями на сирыхъ и вдовцѣ, ради вѣчнаго поминования души раба божія Іосифа — исполнено все, что повелѣвала исполнить совѣсть и неугомонная ненависть—стало быть, можно умереть спокойно.

Онъ вѣрнулся до той самой минуты, пока сознаніе не сказало ему: «ну, теперь уже все сдѣлано!»—и вмѣстѣ съ этимъ созна-

ніемъ, перебогавшій себя организмъ ослабѣлъ уже окончательно. И тѣмъ сильнѣй, тѣмъ прогрессивнѣе шло теперь это общее разслабленіе и хворость, чѣмъ напряженнѣе и энергичнѣе были всѣ предшествовавшія раздраженія.

У старика открылась сильнѣйшая, беспощадная нервная горячка.

Онъ впалъ въ безпамятство, и пластомъ лежалъ на своей постели, а воспаленную голову его безобразно и беспорядочно посѣщали разныя видѣнья, смѣняясь одни другими — и большой широкъ раскрывалъ свои безжизненные глаза и бредилъ.

Вересовъ послалъ за докторомъ. — Докторъ явился, осмотрѣлъ больного и только пожалъ плечами, выражая этимъ полную бесполезность какой бы то ни было помощи. Медицины тутъ уже ничего не оставалось дѣлать: нервная горячка въ изнуренномъ, дряхломъ организмѣ быстро развилась до крайнихъ своихъ предѣловъ. Это была жертва, уже обреченная вѣрной могилѣ.

М рдѣнко лежалъ тихо, съ трудомъ дыша хриплымъ, перерывчатымъ дыханьемъ. То вдругъ начиналъ страшно стонать, когда его воспаленную голову пугало какое-нибудь ужасное видѣнье; то вдругъ хохотъ раздавался среди ночной тишины.

— Хе, хе, хе-хе-е!... Ваше сіятельство! бормоталъ старикъ, искривляя лицо свое злорадной гримасой: — что взяли? хе-хе-е!... Вотъ-те и «мерзавецъ»... Боже тебя избави! боже избави!... будь ты прокляты! Прокляты! Прокляты!... Образъ сними! образъ сними!... «Мерзавецъ»... Хлясты!... Хлясты!... Вонъ, животное!... Хе, хе, хе-хе-е!... Нынѣ отпускаеши... Нынѣ...

Всѣ эти отрывочныя, безсвязныя слова паводили ужасъ на Вересова и мутили тоской его наболѣлую душу.

Такъ прошло двое сутокъ. Передъ разсвѣтомъ третьяго дня для больного наступилъ уже періодъ агоніи.

Вдругъ, онъ съ невѣроятнымъ усиліемъ на локтяхъ приподнялся на своей подушкѣ, крѣпко схватилъ за руку Вересова и устрѣмилъ на него давяй, ненавистный, трепещущій взглядъ.

— Здѣсь была мать твоя... здѣсь была она... сейчасъ... я ее видѣлъ, забормоталъ онъ не своимъ голосомъ: — зачѣмъ ты выпустилъ ее?... Гдѣ она?... Куда ушла она?... Убей!... Убей ихъ!... всѣхъ убей!... Слышишь?

И съ этимъ хрипѣньемъ, вмѣсто словъ выпривавшимся изъ его груди, старикъ упалъ на подушку, а черезъ полчаса Вересовъ уже сидѣлъ надъ его длиннымъ-длиннымъ вытянувшимся трупомъ.

«Мать... послѣднее слово про мою мать было», думалъ онъ, глядя на отца: «но кто же эта мать моя? гдѣ она — жива ли, умерла ль? И что тутъ за тайна во всемъ этомъ кроется!... Про кого это онъ говорилъ мнѣ: «убей!» — про нее ли, или... Онъ сказалъ: *ижд*; «убей ихъ! всѣхъ убей». — Кого это *ижд*?... Что это, бессмысленный лп, помѣшанный бредъ умирающаго, или все та же старая ненависть?... И изъ-за чего, наконецъ, такая непримиримая ненависть, такая злоба?»

Всѣ эти думы и вопросы копошились въ умѣ молодого человека, который глядѣлъ въ неподвижное лицо покойника, словно бы хотѣлъ допытаться отъ него послѣдняго отвѣтнаго слова — но лицо это являло теперь собою какую-то неразрѣшимую загадку — и Вересову казалось, будто его тайну старикъ унесъ вмѣстѣ съ собою, будто вмѣстѣ съ нимъ и она умерла для него навѣки.

«И вотъ, опять одинъ — одинъ на всемъ божьемъ свѣтѣ!» тоскливо снималось его сердце: «ужь теперь никого не осталось... Господи! И нужно же было подразнить человека на нѣсколько мгновений отцовской теплою лаской, помянуть его безконечной любовью — и вдругъ, черезъ нѣсколько часовъ, отнять все это снова и безвозвратно!... Зачѣмъ? — затѣмъ развѣ, чтобы теперь еще больнѣе почувствовать одиночество да холодъ!... Длая злая иронія во всемъ этомъ кроется!... Господи! неужели же это всю жизнь свою придется такъ-то промаяться — все одному да одному... неужели же такъ-таки ужь и ни одной теплой души не встрѣтись!...

«Мать!... О, еслибы мнѣ теперь мать!... Никогда-то я про нее не слыхалъ ни одного слова! — *У тебя никогда не было матери*, вспомнилъ ему вдругъ суровыя слова старика, изъ воспоминавій своего бѣднаго дѣтства. — Отчего же у другихъ у всѣхъ есть матери? — *То другіе, а то ты! У другихъ есть, а у тебя не было.* Отчего же такъ? — *Молчать!!* чорство звучитъ въ ушахъ его грозный голосъ, при воспомнаніи о которомъ, Вересовъ даже и въ эту минуту вздрогнулъ и со страхомъ покосился на мертвеца.

«Мать... О, да! еслибы мнѣ теперь мою мать!... Еслибы и только зналъ, кто она, гдѣ она? — я бы отыскалъ ее, я бы любилъ ее, я бы все, все ей отдалъ — всю жизнь свою! Всю жизнь за *асковое слово, за теплый взглядъ!*»

Горе человѣку, незнающему женской хорошей любви; но безконечно горшее горе—никогда незнавшему материнской ласки.

Вересова начинало невыносимо угнетать его круглое сиротство, его замкнутое въ самомъ себѣ одиночество.

Онъ могъ еще кое-какъ переносить его до той минуты, пока въ первый разъ своей жизни не узналъ, что такое искреннее отцовское чувство. Но отвѣдавъ его столь мало — и оставшись опять сиротою — онъ уже чувствовалъ нравственный голодъ жажду по немъ; оно раздражило его, такъ что теперь уже для него сдѣлалось неодолимою потребностью родное, теплое сочувствіе, близкая родная душа, съ которой онъ могъ бы отдохнуть и пріютиться подъ ея любящей сѣнью, уйти, укрыться въ нее отъ своего одиночества и суроваго холода жизни.

И этой души у него не было, и тѣмъ-то сильнѣе онъ алкалъ ея.

Правда, мелькалъ передъ нимъ въ какомъ-то призрачно-туманномъ отдаленіи образъ молящейся дѣвушки; но это покажѣтъ еще было нѣчто далекое, нѣчто призрачное, скорѣе мечта и греза, чѣмъ дѣйствительность; а душа его, межъ тѣмъ, требовала для себя болѣе законнаго и роднаго: требовала матери.

Онъ снова пристально заглянулъ въ лицо покойника—и вдругъ по членамъ его пробѣжалъ невольный трепеть: изъ-подъ полуоткрытыхъ вѣкъ старика безжизненно глядѣли на него два тусклые, мертвые глаза.

Вересову почему-то сдѣлалось страшно. Несмѣлою рукою онъ попытался—было смежить эти вѣки, преодолевая въ себѣ свое невольное чувство; но едва лишь его пальцы успѣвали закрыть ихъ, какъ онѣ снова тихо приподнимались одна за другою. — Трупъ не успѣлъ еще охладѣть мертвой окоченелостью.

Поддавшись разъ этому ощущенію инстинктивнаго страха жизни къ смерти, молодой человѣкъ почувствовалъ и непріятный холодъ легкаго ужаса, и нѣкоторую боязнь оставаться долѣе одинъ на одинъ съ этимъ тускло-гляющимъ мертвецомъ. Онъ разбудилъ и позвалъ къ себѣ Христину.

Старая чухонка съ тупымъ недоумѣніемъ поглядѣла на покойника, на его глаза, и сама смеживъ еще разъ его вѣки, положила на каждую изъ нихъ по мѣдной тяжелой гривнѣ, и оставила ихъ такимъ образомъ на лицѣ старика, чтобы онѣ своею тяжестью придерживали вѣки въ ихъ закрытомъ положеніи, пока уже окончательно не заходѣнетъ трупъ.

— Это нехорошо... Охъ, какъ нехорошо! со вздохомъ прошептала она, покачавъ головою.

— Чтò нехорошо? безразлично спросилъ ее Вересовъ.

— А что глаза-то у него смотрѣли... Это, говорятъ, онъ высматривалъ, кого бы взять за собою... безпримѣнно кто-нибудь да еще умереть — изъ родныхъ умереть... Это нехорошо. — Примѣта такая.

Вересовъ улыбнулся какою-то странной улыбкой и покосился на Морденку.

Тотъ лежалъ такъ же неподвижно-покойно, какъ и за минуту, только лицо его приняло теперь непрятный и странный видъ: эти двѣ мѣдныя гривны глядѣли словно два глаза—большіе, черные и круглые.

Христина—съ головой покрыла весь трупъ чистою простынею, и опустилась передъ нимъ на колѣни, и сложивъ пальцы рукъ своихъ, забормотала по свѣдому какую-то молитву.

Это происходило на разсвѣтѣ, а утромъ, около девяти часовъ, уже успѣли явиться въ квартиру Морденки двое гробовщиковъ, которые, словно какимъ-то собачьимъ нюхомъ, всегда чуютъ покойника—подходящій для себя товаръ.—Они сняли съ него мѣрку для гроба, сторговались относительно всѣхъ траурныхъ принадлежностей и, въ заключеніе, прислали двухъ какихъ-то бабъ—творятъ обрядъ обмыванья, да старика-читальщика въ длинномъ сюртукѣ, съ круглыми совиными очками въ мѣдной оправѣ, и съ закатанной воскомъ тяжелой псалтырью.

XXXI.

Передъ гробомъ.

На другой день, часу въ седьмомъ вечера, пò двору загромыхла карета и остановилась у лѣстницы, по которой обиталъ покойный ростовщикъ. Но Вересовъ ни мало не обратилъ вниманія на ея слугъ, потому что онъ слишкомъ глубоко погрузился все въ одинъ и тѣ же неотступныя думы и сидѣлъ въ какомъ-то одурманенномъ забытѣ, подъ монотонный голосъ псаломщика.

— Вамъ вѣрно на счетъ закладовъ?—Не принимаетъ... совсѣмъ ужъ ниче не принимаетъ больше, послышался въ прихожей глуховато-грустный голосъ Христины, отворившей кому-то вход-

ную дзерь — но въ эту самую минуту Иванъ Вересовъ былъ неожиданно пораженъ появленіемъ лица, совершенно ему неизвѣстнаго.

Въ комнату вошла высокая и необыкновенно элегантная дама, казавшаяся нѣсколько моложе своихъ преклонныхъ лѣтъ и одѣтая съ большимъ вкусомъ въ черное шолковое платье.

Это была княгиня Татьяна Львовна Шадурская.

Она вошла и, отступивъ назадъ, остановилась въ дверяхъ, испуганно-пораженная неожиданностью картины, представшей ей взорамъ.

Въ комнатѣ господствовалъ непріятно-смѣшанный запахъ: припахивало ладономъ, квартирной сыростью, трупомъ и свѣжимъ сосновымъ гробомъ. Сопровождаемая до порога Хлѣбонасущенскимъ, который возвратился ожидать ее въ каретѣ, княгиня не могла замѣтить въ темныхъ сѣнахъ гробовую крышку, прислоненную въ самый темный уголъ, и потому все, что увидѣла она адсь, представилось для нея вполнѣ внезапно и неожиданно.

Окна, вмѣсто стору, были завѣшаны бѣлыми простынями, и вся мѣбель, за исключеніемъ двухъ стульевъ, вынесена; даже красно-зеленый другъ покойника принужденъ былъ удалиться въ смежный покой, гдѣ все время оставался во тьмѣ, ибо кѣтка его весьма тщательно завѣсилась покрываломъ, дабы онъ не кричалъ и не болталъ, по обыкновенію, раздражаемый дневнымъ свѣтомъ, что было бы вполнѣ неумѣстно, при современныхъ обстоятельствахъ. Тьмѣ не менѣе, красно-зеленый другъ, прислушиваясь все время къ совершенно новымъ для него, монотонно-тягучимъ звукамъ псаломщика, не утерпѣлъ, чтобы раза два не кракнуть изъ своего темнаго заточенія: «разорились мы съ тобой, Морденко! вконедь разоридись!»

Посрединѣ пустой комнаты нанскось возвышался тремя ступенями черныи катафалкъ, а на немъ бархатный темно-фіолетовый гробъ съ золотыми кистями и позументами, пышно покрытый блестящимъ парчевымъ покрывомъ, который широкими складками обильно спускался до полу. Четыре восковыи свѣчи, въ высокихъ, повятыхъ вреномъ подсвѣчникахъ, заливали всю комнату потоками жутко-красноватаго свѣта и плунали вверхъ къ потолку тонкія струи черной копоти, щедро озаряя изъ-желта-воскового, иссохшее лицо покойника, съ его глубокою зававшими глазами, съ сурово вытянутымъ заостреннымъ носомъ, и торчащей бѣлою щетинкой на негладко выбритомъ остромъ подбо-

родѣ и надъ вдавленно-сжатой почернѣлой губою. На разглаженномъ смертѣю челѣ его неровно скользя и лосниль блескъ этого мутно-красноватаго свѣта. А тамъ, нѣсколько дальше, виднѣются изъ-за него круглыя совиныя очи на совершенно апатической, безстрастной физиономіи старика-читальщика, — и мѣрно и глухо звучитъ по душевой комнатѣ его тягучій голосъ; а еще дальше, въ углу — молодой человекъ, въ нѣмой и неподвижной тоскѣ опустившійся на стулъ, облокотясь рукой на его спинку и бессильно сложивъ на нее свою отяжелѣвшую голову.

Вотъ чгд увидѣла княгиня, когда внезапно войдя въ эту комнату, вдругъ поддалась назадъ и неподвижно остановилась подъ неожиданнымъ и сильно бьющимъ впечатлѣніемъ. — То ли надѣялась она встрѣтить!...

«Что она!» — мгновенно сверкнуло въ ея сознаніи, при первомъ взглядѣ въ непокрытое еще кисеєю лицо покойника: «онъ умеръ — значитъ, есть надежда: некъ приостановится». И нельзя связать, чтобы эта сверкнувшая мысль была для нея непріятна. Но... успокоившись въ главной своей заботѣ, княгиня все еще оставалась въ тяжелой нерѣшительности: «уйти ли тотчасъ, или остаться немного?... Уйти — неловко... здѣсь все же есть люди, — надобно остаться».

Передъ нею лежалъ трупъ человекъ, бывшаго когда-то ей очень близкимъ: она все же, на сколько могла и умѣла — любила его — и онъ ее любилъ когда-то. Онъ даже въ то время былъ вѣдь единственнымъ существомъ, оказавшимъ ей, оскорбленной и покинутой мужемъ — свое простое, искреннее сочувствіе. Княгиня вспомнила это. Плавно шурша и свистя шлейфомъ своего шелкового платья, ступила она впередъ нѣсколько шаговъ, тихо опустилась передъ катафалкомъ на колѣни, и поклонясь до земли, около минутъ оставалась неподвижно въ этомъ склоненномъ положеніи.

Богъ-вѣсть, что въ эти мгновенья творилось въ душѣ княгини; но когда поднялась она съ колѣнъ, троекратно осѣняя себя благоговѣнно-медлительнымъ крестнымъ знаменіемъ — на длинныхъ рѣсницахъ ея томныхъ и когда-то столь божественно-прекрасныхъ глазъ, двумя жемчужинами дрожали двѣ крупныя слезинки.

Были ль то слезы о своемъ прошломъ, или слезы сожалѣнія объ этомъ нѣкогда любимомъ человекѣ; сказалося ли въ нихъ разсказаніе во многомъ, или материнская дума о сынѣ — тайномъ

сынъ ея и этого покойника—отверженномъ, затерянномъ для нея и даже давно позабытомъ? — богъ-вѣсть, но только эти двѣ сестринки сказали собою, что въ данную минуту Книгина искренно чувствовала себя и дѣйствительно была — женщиной и только женщиной.

Она иногда могла еще быть ею на мгновенья, но... только на мгновенья, и то лишь подъ сильнымъ вліаніемъ какого нибудь неискверканнаго, хорошаго чувства человѣческаго.

Вересова очнуло изъ его забытья это внезапное, странное появленіе совѣмъ незнакомой ему женщины: оно изумило его и прервало длинную нить кручинныхъ мыслей и того чувства, знакомаго лишь со вчерашнаго дня, которое такъ много жаждало близкой и родственно-сочувствующей души, среди вновь обузшаго, несконднаго одиночества, пустоты и холода. Вмѣстѣ съ изумленіемъ, не успѣвъ еще ничего сообразить и не умѣя дать себѣ отчета, что это за особа и зачѣмъ она здѣсь—молодой человѣкъ почувствовалъ даже какое-то внутренно-безпокойное волненіе. Онъ поднялся со стула и, недоумѣвая, неподвижно и выжидательно слѣдилъ глазами за каждымъ движеніемъ этой женщины, которая, межъ тѣмъ, тихо и грустно вздохнувъ изъ глубины души, отерла тончайшимъ и слегка ароматнымъ батистомъ свои слезы, и оглянулась вокругъ себя въ нѣсколько смущенномъ затрудненіи, словно бы искала какого нибудь исхода изъ своего положенія, послѣ молитвы надъ гробомъ, въ совершенно новомъ и незнакомомъ для нея мѣстѣ.

Вересовъ приблизился къ ней почтительно и тихо, но съ невольнымъ выраженіемъ вопроса въ лицѣ.

— Когда онъ умеръ? почти шопотомъ обратилась къ нему Татьяна Львовна.

— Вчера на разсвѣтѣ, около пятого часа, столь же тихо отвѣтилъ молодой человѣкъ:—вы, вѣроятно, знали покойнаго? прибавилъ онъ послѣ колебательной минуты молчанія.

— Да, я его хорошо знала... когда-то... тяжело и грустно вздохнула она.

— Извините... позвольте узнать, съ кѣмъ я имѣю честь... отчасти смущенно пробормоталъ Вересовъ, почтительно полусклонная корпусъ.

— Книгина Шадуурская—было ему сподойнымъ и тихимъ отвѣтомъ.

Онъ слегка вздрогнулъ и выпрямился, глянувъ на нее холодно-

УНИВЕРСИТЕТ

В. И. БУДУЩЕ

— МАМА

УНИВЕРСИТЕТ

— МАМА

УНИВЕРСИТЕТ

УНИВЕРСИТЕТ

— МАМА

— МАМА

УНИВЕРСИТЕТ

УНИВЕРСИТЕТ

— МАМА

— МАМА

УНИВЕРСИТЕТ

УНИВЕРСИТЕТ

УНИВЕРСИТЕТ

УНИВЕРСИТЕТ

УНИВЕРСИТЕТ

УНИВЕРСИТЕТ

— МАМА

УНИВЕРСИТЕТ

— МАМА

УНИВЕРСИТЕТ

УНИВЕРСИТЕТ

Вересок.

— Не знаю.

отецъ съвсѣмъ...

На горахъ...

она протаяла...

— Мы...

халго востану...

другъ дѣла...

Вересокъ.

ленинскіе...

острое...

груда

— Съ...

торопи...

приходи.

— Съ...

отцомъ,
ть, чор-
отношеніи
нительный
олову мо-

про меня!

одилъ даже

орбью про-
тата! Я, ко-
у него даже

вался Вер-
ать это имя.

сывался объ
ь чести, что
ть завѣщагъ

и эти слова.
ое свиданіе
нной уни-

въ землю;
свою мать,
ное чувство.

но облегчить
ски и участие
али его?... Онъ

деступить данную
встать и помысловъ,
учительна, ставъ че-

проговорила...
— отомстить...
...это нево...
...руками...
...мину.

— А! я знаю, какая это мѣсть, продолжала Татьяна Львовна:— это все дѣло о нашихъ векселяхъ...

— Да, тутъ есть какіе-то векселя... но что это за дѣло, я еще не знаю... Мнѣ не до того теперь было!... Я ничего не знаю! съ нервнымъ нетерпѣніемъ заговорилъ Вересовъ: — послѣ... въ другой разъ мы будемъ говорить объ этомъ... только не теперь... теперь мнѣ такъ тяжело, такъ тяжело!... Господи!

И онъ опять, въ отчаянномъ изнеможеніи, опустилъ на руки свою голову.

— Бѣдное, бѣдное дитя мое! съ грустнымъ чувствомъ прижала княгиня эту голову къ своей взволнованной груди, и надолго осталась въ такомъ безмолвномъ положеніи.

Кукушка прохрипѣла восемь. Татьяна Львовна поднялась и вмѣстѣ съ сыномъ вышла въ комнату, гдѣ стоялъ покойникъ. Поклонясь еще разъ тѣлу, она медленно поднялась на высокіи ступени катафалка и остановилась, глядя на строгій лиць усопшаго. Потомъ нагнулась къ его лбу — и живыя теплыя губы ея ощутили неприятный мертвенный холодъ прикосновенія къ трупу. По членамъ ея пробѣжала нервная дрожь, и вся въ какомъ-то эвальтированномъ напряженіи, съ глазами, полными слезъ, княгиня обернулась къ Вересову, не сходя со ступень катафалка.

— Видеть Богъ, виновата ли я! сказала она полнымъ голосомъ, въ которомъ дрожало рыданье. — Онъ ненавидѣлъ меня... Напрасно!... Онъ могъ ненавидѣть моего мужа — да! но... не меня... Я не хотѣла зла ему. — Прости его Богъ за это!

И произнося эти слова, княгиня по свѣдѣму была искренна и права: она, дѣйствительно, оставалась глубоко убѣждена, что лично не причинила никакого зла Морденкѣ и не желала зла ему. Когда-то она любила его, до извѣстнаго столкновенія съ мужемъ; быть можетъ, и продолжала любить бы дольше, еслибы онъ иначе сдумѣлъ поставить себя въ этомъ столкновеніи, еслибы онъ явилъ себя достойнымъ ея любви, и еслибы его униженно-трусливое поведеніе не вызвало бы въ ней разомъ презрительнаго сожалѣнія и горькаго разочарованія въ томъ человѣкѣ, котораго она, совершенно призрачно, мечтала «возвысить до себя», а онъ вдругъ оказался смиреннымъ холопомъ и трусомъ, вмѣсто того чтобы гордо и смѣло, одинъ на одинъ, въ тотъ же мигъ, защитить своею грудью, своею силой — и ее, и собственное чувство.— Такъ думала я тогда, и теперь княгиня Татьяна Львовна и — сообразно со своимъ социальнымъ положеніемъ въ свѣтѣ — на-

ходила себя исполнившею до конца свой долгъ относительно этого человѣка, тайно пославъ ему значительную сумму на воспитаніе ихъ общаго сына, на котораго она считала себя лишенною ннихъ, болѣе законныхъ правъ, потому что, сообразно условіямъ своей жизни и положенія, не могла явно признать его своимъ ребѣнкомъ.

Вересовъ, простясь до завтрашняго утра, проводилъ ее до кареты, и съ почтительной сыновней любовью, въ послѣдній разъ поцаловалъ ея руку.

Онъ былъ какъ-то мучительно и тоскливо счастливъ, и тѣмъ-то тяжелѣе становилось ему, послѣ этихъ проводовъ, вернуться къ мертвому отцу и снова оставаться одному съ этимъ покойникомъ. Внутренній голосъ нашептывалъ ему, что онъ виноватъ предъ нимъ, что онъ не исполнилъ его единственнаго завѣта, о которомъ тотъ такъ страшно и тоскливо молилъ и заливалъ его передъ смертью: — «будь проклятъ, если ты простишь имъ!» зловѣще отдавался теперь въ его сердцѣ этотъ хрипый, надорванный голосъ — и Вересовъ какъ будто чувствовалъ уже надъ собою тяготѣнье отцовскаго проклятья: ему тяжело и трудно было дышать, и страшно взглянуть на гробъ и на рѣзко выдающійся изъ него мертвый профиль лица; какъ будто со всѣхъ сторонъ его давили и душили весь этотъ воздухъ, и низкій потолокъ, и голыя стѣны, и самое чтеніе псалтири — какъ будто все это злобно-сурово смѣялось надъ нимъ, корило и проклидало.

И въ то же самое время въ груди его дрожало сознаніе такого счастья, такой радости, при одной мысли, что у него есть теперь мать, есть дружеское, любящее сердце, о которыхъ онъ и мечтать-то не осмѣливался. И въ теченіе столькихъ лѣтъ самая легкая мысль о матери встрѣчала гнетъ со стороны отца, который безжалостно давилъ всякое ея проявленіе. «Онъ скрывалъ и пряталъ ее отъ меня», думалъ Вересовъ: — «онъ хотѣлъ, чтобы мы не знали и ненавидѣли другъ друга; а когда умеръ — скрывать уже для него было невозможно: она сама первая пришла сюда, и она ни въ чемъ невиновата передъ нимъ — развѣ этого не видно было изъ ея словъ? развѣ она не сказала этихъ словъ надъ гробомъ? А онъ — онъ такъ ненавидѣлъ ее... За что же? за что все это?» — И ему горько и больно становилось на душѣ за эту женщину, которая, по его мнѣнію, столь неправо была оскорблена покойникомъ. — «Онъ и меня ненавидѣлъ — да, ненавидѣлъ, потому только, что я ея сынъ», продолжалъ думать

Вересовъ: «кто же правъ, кто виноватъ изъ нихъ? И не жестоко ли онъ заблуждался всю свою жизнь? Не было ли наконецъ это своего рода помѣшательство? Вѣдь онъ, надо сознаться, иной разъ сильно-таки походилъ на помѣшаннаго. Можетъ быть, все это только ему грезилось, и большая фантазія создала всю эту непримиримую ненависть? Нѣтъ, она вѣдь впрочемъ сказала, что мужа ея онъ могъ ненавидѣть, но не еѣ; значить, причина ненависти есть. Я узнаю еѣ. Но кто же правъ, и кто виноватъ изъ нихъ?» задавалъ онъ вопросы своему сердцу—и сердце невольно склонялось къ оправданію матери, къ оправданію той, которая съ перваго разу явила себя такой доброй, сочувственной, тогда какъ другой и умиралъ-то въ бреду съ проклятіемъ, да и всю жизнь свою преслѣдовалъ и ненавидѣлъ единственнаго сына.

Вересовъ былъ счастливъ и несчастливъ въ одно и то же время. Теперь ужъ онъ не чувствовалъ себя такимъ одинокимъ сиротой; сердце его было полно любовью; но въ этомъ же самомъ сердцѣ неумолчно раздавался голосъ: «будь проклятъ». И эта двойственность мысли и чувства раздирала его душу.

И вотъ, черною тучей напало на него новое сомнѣніе.

«Что именно такъ внезапно убѣдило отца въ моей невинности? Отчего онъ вдругъ пересталъ думать, что я покушался на его жизнь, когда еще вѣскольکو дней назадъ такъ упорно стоялъ на противоположъ? Точно ли онъ почувствовалъ угрызение совѣсти противъ меня? Точно ли онъ раскаялся, и не было ли тутъ чего нибудь другаго, какой-нибудь посторонней цѣли?»

«Быть можетъ, онъ почувствовалъ, что смерть ужъ близка, а онъ еще не отомстилъ. Не меня ли онъ хотѣлъ сдѣлать продолжателемъ своего мщенія и не для этого ли только онъ примирился со мною? Да! это такъ, это правда! Онъ вѣдь сказалъ мнѣ: «я тебя оставляю все, но только ты долженъ мстить». Онъ тѣмъ только и насѣдникомъ своимъ сдѣлалъ, для того и клѣву съ меня взялъ, для того и скривилъ ями моей матери. Теперь я все понимаю: онъ никогда не любилъ меня, а понадобилась ему я только по необходимости. Можетъ быть, онъ думалъ, что мщеніе его будетъ вдвое горше, если сынъ станеть мстить родной матери. Онъ обманулъ меня. Какая ужасная мысль!... Господи! да нѣтъ, этого быть не можетъ!... Я, наконецъ, съ ума схожу... Что это со мною?!»

И онъ въ отчаяніи схватился обѣими руками за свою голову. Оставаться долѣе въ этой комнатѣ и въ этой атмосферѣ было

невозможно: Вересовъ чувствовалъ, какъ будто ему не хватаетъ воздуха для дыханья, какъ будто съ каждымъ глоткомъ—его становится все меньше и меньше, а голова горитъ и кровь приливаетъ къ вискамъ, и въ глазахъ все какъ-то мѣшается и тускнѣеть, всѣ предметы начинаютъ терять свои естественныя очертанія и сливаются въ какія-то неопредѣленныя глыбы; даже самая эта комната, несмотря на яркое свое освѣщеніе, все болѣе и болѣе становится какою-то тусклою — словно бы уходитъ отъ него куда-то вдаль... Еще нѣсколько мннуть подобнаго состоянія—и Вересовъ навѣрное упалъ бы въ обморокъ; но тутъ онъ рѣшился наконецъ преодолѣть себя и, быстро одѣвшись, вышелъ на улицу.

Свѣжій воздухъ подѣйствовалъ успокоительно, однако же далеко еще не разсѣялъ всѣхъ этихъ думъ и двойственности ощущеній.

Всеволодъ Крестовскій.

ТРУЖЕНИКИ МОРЯ.

РОМАНЪ ВИКТОРА ГЮГО.

Часть вторая.

ЖИЛЬЯТЪ-БУДЕОНИИЪ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

БОРЬБА.

VI.

Б о й.

Жильятъ взомель на большой Дувръ.

Оттуда онъ могъ видѣть всю необозримую ширь моря.

На западѣ творилось что-то необычайное. Оттуда выдвигалась сплошная стѣна тучъ—она застилала горизонтъ изъ края въ край и медленно ползла къ зениту. Эта стѣна, прямая, вертикальная, безъ одинаго зубца наверху или выемки по бокамъ, казалось, была выведена по шнурку и отвѣсу. Эти тучи походили на гранить. Отвѣсно обрываясь на югъ, онѣ едва замѣтнымъ наклономъ спускались къ сѣверу. Эта воздушная гора безмолвно и всею своею массою росла въ верхъ и въ ширь. Ни одной складки, ни одного выходящаго угла, которые бы измѣнили свою форму или положеніе. Эта неподвижность въ самомъ движеніи производила зловѣщее впечатлѣніе. Блѣдное солнце, безъ лучей болѣзненно выглядывало изъ-за полупрозрачнаго тумана. Туча заволокла почти половину небеснаго пространства. Это былъ восходъ мрака.

Это было наступленіе ночи среди бѣлаго дня.

Въ воздухѣ парило. Отъ этой грозной, темной массы долетало знойное дыханіе. Небо изъ голубаго превратилось въ бѣлое, изъ бѣлаго въ сѣрое. Оно походило на громадную аспидную доску. Море—тусклое, свинцовое разстлалось подъ нимъ вторю, подобною же аспидною доскою. На сколько могло видѣть око

море было пустынно. Ни паруса, ни птицы. Всѣ словно почували, что безвечность задумала измѣну.

Мракъ росъ и раздавался въ стороны.

Масса паровъ, громоздившаяся въ воздухѣ и медленно наступавшая на Дувры, принадлежала къ разряду тѣхъ тучъ, которыя можно назвать боевыми. Недобрныя тучи. Въ нихъ кроется злой умыселъ

Это приближеніе было ужасно, оно леденело душу.

Жильяты пристально глянулъ на тучу и пробормоталъ сквозь зубы: Миѣ хочется пить, ты меня напоишь.

Нѣсколько мгновений онъ не спускалъ глазъ съ тучи. Казалось, онъ измѣрялъ ее взорами.

Его колпакъ былъ у него въ карманѣ; онъ вынулъ его и надвинулъ на брови. Онъ вынулъ изъ дыры, въ которую засунулъ всѣ свои пожитки, свои штіблеты и куртку, и одѣлся, какъ рыцарь, облакающійся во всеоружіе въ рѣшительную минуту дѣйствія. Мы уже видѣли, что у него не было болѣе башмаковъ, но ноги его привыкли къ лазанью по скалѣ.

Одѣвшись, онъ освидѣтельствовалъ свой брекватеръ, спустился по веревкѣ съ Дувровъ и побѣжалъ въ свой магазинъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже былъ за работой. Приближавшіяся грозныя тучи могли слышать удары его молота. Но что же онъ дѣлалъ? Собралъ всѣ свои остатки гвоздей, балокъ, канатовъ, онъ смастерилъ въ восточномъ проходѣ вторую перемычку на разстояніи десяти—двѣнадцати шаговъ отъ первой.

Тишина все еще была невозмутимая. Тонкія былинки травъ, торчавшія изъ разсѣлинъ скалъ, были неподвижны.

Вдругъ солнце скрылось. Жильяты поднялъ голову.

Надвигавшаяся туча заволобла солнце. День потухъ и смѣнился какимъ-то блѣднымъ отраженнымъ свѣтомъ.

Стѣна тучъ приняла другое очертаніе. Она уже не была болѣе сплошною. Достигнувъ зенита, она образовала складку. Въ ней можно было теперь видѣть ярусы. Въ ней уже усматривалась буря. Можно было разобрать слои дождя и пласты града. Видна была не молнія, но какое-то зловѣщее, разсѣянное сіяніе; потому что идея ужаса можетъ сочетаться съ идеей свѣта. Слышалось тяжелое дыханіе буря — таинственный пульсъ тишины. Жильяты, безмолвный, какъ и окружающая природа, слѣдилъ взоромъ, какъ эти глыбы облаковъ, взбираясь все выше и выше, громоздились надъ его головою. На горизонтѣ растянулась пелена тумана пепельно-сѣраго цвѣта, въ зенитѣ висѣла тяжелая свинцовая полоса, а съ нея спускались лохмотьями обрывки тучъ болѣе блѣднаго цвѣта. Все поле, т.-е. са-

мая стѣна тучь, было необъяснимаго бѣлѣсовато-молочнаго, тускло-землистаго цвѣта. Жиденькое, бѣловатое, неизвѣстно откуда взявшееся облачко пересѣгало узкой лентой съ юга на сѣверь темное поле стѣны. Нижний конецъ этого облака волочился въ морѣ. Тамъ, гдѣ оно опускалось въ волны, мерцало какое-то красноватое сіяніе. Повыше, нѣсколько черныхъ облачковъ разбрелись во всѣ стороны, словно не зная куда дѣться. Основная масса тучь продолжала свое наступательное движеніе, все болѣе и болѣе застилая свѣтъ и увеличивая затмѣніе. На востокѣ, за спиною Жильята, оставалось только небольшое, свѣтлое пространство, на подобіе портика, да и то грозило скоро соинуться. Несмотря на то, что не было замѣтно ни малѣшаго вѣтерка, по небу разсыпались легкія, вагъ пушокъ сѣроватыя облака; словно за горизонтомъ только что ошипали чудовищную птицу. Сплошной черный плафонъ спускался на горизонтѣ къ морю, сливаясь тамъ съ ночью. Что-то приближалось. Что-то громадное, тяжелое, свирѣпое. Мрагъ сгущался. Вдругъ грянулъ громъ.

Жильять вздрогнулъ. Въ громѣ есть доля сновидѣнія. Эта необузданная дѣйствительность въ области фантазій представляется чѣмъ-то ужасающимъ. Подумаешь, что ломаютъ мебель въ хоромахъ гигантовъ.

Но молнія не сопровождала этого удара. Это былъ темный громъ. Водарилась тишина. Это былъ роздыхъ для того, чтобы стать въ позицію. Затѣмъ, одна за другою засверкали молніи. Онѣ были нѣмы. При каждой молніи все небо вспыхивало позаромъ. Шатеръ тучь теперь превратился въ пещеру со сводами арками. Громадные силуэты перемежались съ мѣста на мѣсто; чудовищныя головы, вытягивая свои безконечно длинныя шея, выступали изъ мрака, слоны съ башнями на спинахъ, мелькали и снова исчезали. Высокій туманный столбъ съ небольшимъ бѣловатымъ облачкомъ на верхинѣ проносился мимо на подобіе трубы гигантскаго парохода. Лохмотья тучь развѣвались на подобіе знаменъ. Въ центрѣ, изъ-подъ красноватаго тумана, выступало неподвижное, непроницаемое для молній плотное ядро тучь—родъ зародыша, плавающего въ утробѣ бури.

Жильять вдругъ почувствовалъ, что на него пахнуло. Три или четыре крупныя капли съ шумомъ сплюснулись о скалу въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Снова гранулъ громъ. Поднялся вѣтеръ.

Ожиданіе мрака вышло изъ предѣловъ. Первый ударъ грома всколыхнулъ море. Второй разсѣкъ съ верху до низу стѣну тучь. Эта трещина, какъ разверзтая пасть, взрыгнула бурю.

Минута была ужасающая.

Ураганъ, ливень, молнія, зарево, волны, вздымающіяся до небесъ, бѣшеная цѣпа, раскаты грома, отчаянныя судороги, крики, свистъ, ревъ—все грянуло разомъ. Слово тѣмъ чудовищъ сорвались съ цѣпи.

Свистъ вѣтра незамѣтно переходилъ въ рокотаніе грома. Дождь не падалъ, не выпался, а какъ-бы обрушался на землю.

Для бѣдняка, застрявшаго подобно Жильяту въ тѣсннѣ между скалъ въ открытомъ морѣ, не можетъ быть минуты болѣе опасной. Опасность отъ прилива, надъ которой Жильятъ восторжествовалъ, была ничтожна въ сравненіи съ опасностью отъ бури. Вотъ каково было положеніе дѣла.

Жильятъ, окруженный со всѣхъ сторонъ бѣдами, обнаружилъ въ послѣднюю отчаянную минуту замѣчательныя стратегическія способности. Онъ дѣйствовалъ опираясь на самого врага, онъ взялъ рифъ себѣ въ союзники; скала Дувръ, когда-то врагъ, теперь была его секундантомъ въ этой отчаянной дуэли. Жильятъ подчинилъ его себѣ. Изъ могилы онъ сдѣлалъ крѣпость. Онъ засѣлъ въ этой твердинѣ моря. Онъ былъ блокпровантъ, но подъ защитой стѣнъ. Онъ такъ-сказать прислонился спиной къ утесу, чтобы встрѣтить лицомъ къ лицу ураганъ. Онъ загородилъ баррикадой проливчикъ, эту узлицу волнъ. Впрочемъ, это было все, что онъ могъ сдѣлать. Повидному океанъ-деспотъ можетъ быть образумленъ баррикадами. Вотъ былъ безопасенъ съ трехъ сторонъ. Плотно вдвинутой между двухъ скалъ на трехъ якоряхъ, онъ былъ огражденъ съ сѣвера малымъ Дувромъ, съ юга большимъ: дикими утесами, болѣе привывшими топить суда, чѣмъ спасать ихъ. Съ запада онъ былъ огражденъ плотной изъ базальтъ, закрѣпленныхъ при основаніи скалъ, плотной, выдержавшей натискъ прилива настоящими крѣпостными воротами, устоями для которыхъ служили сами скалы. Съ этой стороны бояться было нечего. Опасность должно было ожидать съ востока.

На востокъ былъ только брекватеръ. Бреkwатеръ дробитъ массу воды. Чтобы дѣйствовать успѣшно, онъ долженъ имѣть по крайней-мѣрѣ два переплета. Жильятъ успѣлъ смастерить только одинъ. Буря застала его за другомъ.

По счастью, вѣтеръ дулъ съ сѣверо-запада. Море дѣлаетъ иногда промахи. Вѣтеръ этотъ имѣлъ мало значенія для Дувровъ. Онъ налеталъ на нихъ поперекъ и не вгонялъ воды ни въ одинъ изъ входовъ. вмѣсто того, чтобы дуть вдаль по улицѣ, онъ ударялся въ стѣну. Буря неудачно повела атаку.

Но вѣтеръ ведетъ атаку по кривой линіи, и нужно было ожидать, что онъ измѣнитъ направленіе. Еслибъ онъ повернулъ къ

востоку прежде, чѣмъ Жильятъ успѣлъ бы окончить второй переплетъ брекватера, то бѣда была бы неминуемая. Пролитившій былъ бы залить волной и все погисло бы.

Бѣснованіе бури шло crescendo. Буря не даетъ спуску, не знаетъ отдыха. Въ томъ ея сила, въ томъ и ея слабость. Обезумѣвши отъ гнѣва, она тѣмъ самымъ дается въ руки хладнокровному уму. Человѣкъ борется съ нею, но какой натискъ, какое давленіе долженъ онъ вынести. Ничто не можетъ быть чудовищнѣе этой борьбы. Ни роздыха, ни перемирья, чтобы перевести духъ. Есть что-то подлое въ этой неистощимой расточительности силъ. Чувствуешь, что на тебя дуютъ легкія безпредѣльности.

Вся возмущившаяся безпредѣльность обрушилась на Дувры. Слышались крики безъ числа. Кто же это кричить? Паническій страхъ древнихъ былъ здѣсь въ полной силѣ. Повременамъ, казалось, раздавались слова команды. Затѣмъ, подымались кривы, трубные звуки, какія-то непонятныя вздрагиванья и это страшное, величавое завываніе моря, которое моряки называютъ *перекличкой океана*. Неуловимыя, убѣгающія въ пространство спирали вѣтра со свистомъ разсѣкали воды. Крутящіяся волны ударились въ скалы, словно гигантскіе диски, брошенные могучею рукою невидимаго атлета. Съ утесовъ, косматыхъ отъ покрывавшей ихъ пѣны, низвергались потоки, снова превращавшіеся въ пѣну, не достигнувъ подошвы утеса. Грозные звуки росли. Никакіе человѣческіе крики, никакой ревъ животныхъ не въ состояніи дать понятіе о стонѣ и трескѣ, сопровождавшихъ эти судорожныя корчи океана. Канонада тучъ, бомбардировка града, отчаянные приступы валовъ сливались въ одно. Въ нѣкоторыхъ точкахъ пространства была полная тишь, въ другихъ — вѣтеръ несся съ быстротою двадцати туазовъ въ секунду. Море бѣлѣло, на сколько видѣло око. Десять квадратныхъ миль мыльной воды занимали весь кругозоръ. Тамъ и самъ разверзались огненные врата. Однѣ тучи, казалось, сжигали другія, и надъ грудями красныхъ тучъ, напоминавшихъ вучи раскаленнаго угла, носились другія, казавшіеся облаками дыма. Причудливыя формы, стаяливаясь, обезображивали другъ друга. Вода струилась безъ конца; въ небесахъ, изъ конца въ конецъ, раздавалась бѣглая пальба. Въ среднѣй чернаго плафона мрака, выступало подобіе громаднаго опрокинутаго лукошка, изъ котораго, въ беспорядкѣ, то и дѣло сыпалась во всѣ стороны градъ, тучи, смерчи, багровыя зарева, фосфорическіе блески, мракъ, свѣтъ, молніи — всѣ ужасы бездны!

Жильятъ, повидимому, не обращалъ на это вниманія. Онъ былъ занятъ своею работою. Второй переплетъ приближался къ

окончанію. На каждый ударъ грома онъ отвѣчалъ ударомъ молота. Среди хаоса слышался этотъ тактъ, выбиваемый громомъ и молотомъ. У Жильята ничего не было на головѣ: вихрь, свесъ его колпака.

Его томилъ жажда. У него вѣроятно была лихорадка. Въ трещинахъ скалъ, вокругъ него накопилась вода. Отъ времени до времени онъ нагибался, черпалъ воду пригоршнями, пилъ, и не обращая даже вниманія, произошли ли какія перемѣны въ бурѣ, продолжалъ свою работу.

Все могло зависѣть отъ минуты. Онъ зналъ, что ему грозило, если брекватеръ не поспѣетъ въ время. Зачѣмъ же останавливаться, чтобы смотрѣть на приближающуюся смерть?

Море кипѣло вокругъ него какъ въ котлѣ. Шумъ и суматоха не унимались. Повременамъ, громъ словно спускался по лѣсницѣ. Онъ ударялъ почти постоянно въ одни и тѣ же выступы скалы — въ нихъ вѣроятно были жилы діорита. Порою попадались градины величиною въ кулакъ. Жильятъ принужденъ былъ нѣсколько разъ встращиваться. Градь забивался даже ему въ карманы.

Вѣтеръ дулъ теперь съ запада, и ударялся въ плотину между Дуврами, но Жильятъ надѣлся на свою плотину, и не безъ основанія. Эта плотина, сдѣланная изъ носовой части Дуранды, принимала удары волнъ съ нѣкоторою податливостію; податливость иногда лучшее сопротівленіе: по вычисленіямъ Стифенсона, для сопротівленія упругой волнѣ, гораздо выгоднѣе употреблять постройку, сколоченную изъ баловъ и скрѣпленную цѣпами, чѣмъ массивный брекватеръ, сложенный изъ камня и известки. Плотина между Дуврами какъ разъ удовлетворяла этимъ требованіямъ; къ тому же, она была такъ искусно укрѣплена, что волна, ударя въ нее сверху, дѣйствовала только какъ молотомъ, то-есть только еще крѣпче утверждала ее въ ея положеніи. Чтобы уничтожить плотину, нужно было снести Дувры. Какъ ни злился шквалъ, онъ только что могъ бросать въ Дуранду свою бѣшеную пѣну. Невстовое насиліе превратилось въ илевою безсильной злобы. Жильятъ не обращалъ вниманія на эти безплодные усилія океана. Онъ чувствовалъ, что это невстоество было безплодно.

Комки пѣны мелькали въ воздухѣ, какъ клочья бѣлой шерсти. Вода, безиредѣльная и раздраженная, набѣгала на утесы, заливала ихъ промежутки, проникала въ лабиринтъ внутреннихъ трещанъ, и изливалась назадъ чрезъ боковыя расщелины мирными каскадами, среди всеобщаго поюва. Серебристыя струйки то и дѣло низвергались изъ этихъ отверстій въ бушующее море.

Второй просвѣтъ брекватера приближался къ концу; еще нѣсколько канатовъ и цѣпей, и онъ могъ вступить въ борьбу съ

моремъ, какъ и первый. Вдругъ посвѣтлѣло, дождь приостановился, тучи разбрелсь, вѣтеръ внезапно переизмѣнился, въ зенитѣ раскрылось окошко, пропускавшее неясный полусвѣтъ. Молнии потучли; можно было подумать, что буря конецъ. Это было только начало.

Вѣтеръ перескочилъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ.

Буря намѣревалась выступить въ бой съ новой арміей урагановъ. Теперь сѣверъ готовился повести атаку. Моряки пазы-закуютъ эту страшную переизмѣну — *шкваль на выворотъ*. Южный вѣтеръ имѣетъ въ своемъ распоряженіи болѣе дожда, сѣверный — болѣе грома.

Теперь нападеніе было направлено на восточную, слѣдовательно, самую слабую сторону.

На этотъ разъ Жильятъ приостановилъ свою работу. Опъ подналь голову.

Онъ сталъ на выступъ скалы, позади второго, почти оконченнаго переплета бревнатора. Если первый переплетъ будетъ уничтоженъ, онъ разрушитъ и второй, еще недостаточно закрѣпленный, а съ нимъ погибнетъ и Жильятъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ теперь стоялъ, Жильятъ былъ бы смятъ, раздавленъ — прежде даже, чѣмъ онъ успѣлъ бы увидѣть плачевную участь своего бота и машины. Таково было положеніе дѣла. Жильятъ былъ согласенъ на это, ужасно сказать — онъ даже желалъ этого.

При этомъ крушеніи всѣхъ его надеждъ, смерть казалась ему отрадой; умереть первому, потому что онъ привыкъ олицетворять свою машину — вотъ была его единственная забота. Лѣвой рукой онъ отвелъ прильнувшіе ко лбу, намокшіе отъ дожда волосы свои, сжалъ въ рукѣ еще крѣпче свой молотъ, подался немного впередъ, и въ этомъ угрожающемъ положеніи сталъ ждать.

Ему не пришлось ждать долго.

Ударъ грома подалъ знакъ, отверстіе въ зенитѣ снова заволокло, дождь хлынулъ, какъ изъ ведра, не было другого свѣта кромѣ молній. Наступилъ грозный, мрачный натискъ. При свѣтѣ непотухавшей ни на минуту молнии можно было примѣтить громадный валъ, мчавшійся съ востока по направленію къ скалѣ Человѣкъ. Онъ походилъ на громадный стеклянный свитокъ. Блѣдно-зеленый, безо всякой пѣны, онъ простирался во всю ширь моря. Онъ близился къ бревнатору. Онъ росъ по мѣрѣ приближенія. Это былъ какой-то громадный цилиндръ мрака, катившійся по океану. Громъ глухо работалъ и перекачивался.

Валъ набѣжалъ на скалу Человѣкъ, разорвался на двое и продолжалъ свой путь. Два обрывка, сомкнувшись снова, образовали цѣлый воданой утесъ. Изъ параллельнаго бревнатору валъ пре-

вратился въ вертикальный. Это была волна, превратившаяся въ таранъ.

Этотъ таранъ ударился въ брекватеръ. Столкновение сопровождалось страшнымъ трескомъ. Все исчезло подъ пѣной.

Невозможно себѣ представить этихъ, если вы никогда ихъ не видали, свѣжныхъ лавинъ моря, подъ которыми исчезаютъ иногда утесы въ сто футовъ высоты, каковы Большой Андерло на Гернсеѣ и Иннакль на Джерсеѣ. Въ св. Маріи на Мадагаскарѣ онѣ перекатываются иногда черезъ мысъ Тинтингъ.

На нѣсколько мгновеній водяная масса все скрыла подъ собою. Все исчезло въ сумятицѣ стихій, бѣлосвѣжная пѣна крутилась подобно савану подъ могильнымъ дыханіемъ вѣтра; безсвязный грохотъ и свистъ буръ служилъ прикрытіемъ дѣлу истребленія.

Пѣна улеглась. Жильяты гордо стояли при своемъ постѣ.

Брекватеръ оправдалъ возложенныя на него надежды. Ни одна цѣпь не порвалась, ни одинъ гвоздь не выскочилъ. Опъ выказалъ всѣ свойства, необходимыя для брекватера: онъ былъ упругъ, какъ плетень и твердъ — какъ стѣна. Валъ раздробился о него въ мелкіе брызги.

Струйки пѣны побѣжали по всѣмъ шпзагамъ проливца и замерли подъ кормою бота.

Человѣкъ, надвѣшій океану этотъ намордникъ, не остановился на этомъ.

Буря, по счастью, на время оплошала. Бѣшенство волнъ обрушилось на отвѣсныя стѣны рифа. Жильяты воспользовались этими минутами отдыха, чтобы окончить второй переплетъ.

День завершился этимъ трудомъ. Буря продолжала свирѣпствовать противъ фланговъ рифа, съ угрюмою торжественностью. Водяная и огненная урны, сокрытыя въ тучахъ, разливались безъ перерыва, и повидному не изсякая.

Ночь наступила незамѣтно. На самомъ дѣлѣ, она настала уже давно.

Къ тому же, мракъ не былъ полный. Буря, благодаря молніи, имѣетъ свои переходы отъ свѣта къ тмѣ. То выступаютъ видѣнія, то наступаетъ мракъ.

Эти вспышки свѣта помогали Жильяту видѣть свою работу. Однажды онъ воскликнулъ, обращаясь къ молніи: «А ну-ка, посвѣти».

Ему удалось вывести второй переплетъ еще выше перваго. Брекватеръ былъ уже почти готовъ. Пока Жильяты закрѣпляли еще одинъ предохранительный канатъ, вѣтеръ, пахнулъ ему прямо въ лицо. Жильяты подняли голову. Вѣтеръ снова перескочилъ на сѣверо-востокъ. Приступъ противъ восточнаго входа въ пролив-

чикъ начинался съизнова. Жильягъ глянуть въ даль. Брекватеръ долженъ былъ принять еще нападеніе. Море готовило ему новый ударъ!

Первый валъ былъ отраженъ; за нимъ послѣдовалъ второй, за тѣмъ еще, и еще одинъ, пять или шесть почти одинъ за другимъ; наконецъ, еще одинъ, послѣдній, страшный.

Онъ представлялъ собою какъ-бы общую сумму силъ и подходилъ на что-то оживленное. Безъ труда можно было представить себѣ жабры и плавники въ этой вздувшейся, полупрозрачной массѣ. Она елженилась и распласталась о брекватеръ. Ея почти оживленная форма разорвалась на части. Словно морская гидра была раздавлена на этихъ скалахъ и балкахъ. Но даже умирая, этотъ валъ продолжалъ истреблять; онъ какъ будто карабкался и кусался. Рифъ былъ потрясенъ въ самомъ своемъ основаніи. Къ этому присоединилось еще какъ-бы рычаніе дикаго звѣря. Пѣна походила на слюну левіаѳана.

Отступившая волна обнаружила слѣды разрушенія. Этотъ послѣдній приступъ нанесъ чувствительный уронъ. На этотъ разъ брекватеръ пострадалъ. Длинная, тяжелая балка, вырванная изъ рѣшотки перваго переплета, была переброшена черезъ второй на тотъ выступъ скалы, изъ котораго еще за минуту предъ тѣмъ Жильягъ сдѣлалъ свой боевой постъ. По счастью, онъ не возвратился на этотъ постъ. Будь онъ тамъ, онъ былъ бы убитъ на мѣстѣ.

По счастью, балка, ударившись въ скалу, не отскочила; это спасло Жильяга отъ опасностей рикошета, и кромѣ того это обстоятельство было для него благоприятно еще въ одномъ отношеніи, какъ мы это сейчасъ увидимъ.

Между выступомъ скалы и отвѣсной стѣнной дефилея былъ промежутокъ, что-то въ родѣ открытой пасти, не то рубецъ отъ топора, не то дыра отъ вліяна. Балка, подброшенная на воздухъ, воткнулась однимъ концомъ въ эту пасть. Пасть увеличилась.

Въ головѣ Жильяга блеснула мысль напереть на другой конецъ.

Балка, засѣвшая однимъ концомъ въ трещинѣ, торчала изъ нея прямо, точь-въ-точь какъ протянутая рука. Она протянулась параллельно внутренней стѣнѣ дефилея, отъ которой свободнымъ концомъ своимъ отстояла фуговъ на восемнадцать или на двадцать. Разстоянія этого было довольно для той попытки, которую предстояло сдѣлать. Свободный конецъ отстоялъ отъ точки опоры на разстояніе, достаточное для успѣшнаго дѣяствія.

Жильягъ, прицѣпившись къ скалѣ, уперся въ нее колѣнками, и кулаками и приналегъ спиною на громадный рычагъ. Балка была значительной длины. Слѣдовательно рычагъ былъ могучій. Къ тому

же, скала была уже потрясена. Несмотря на то, Жильягъ дол-
женъ былъ четыре раза приниматься за дѣло. По лбу его струи-
лось столько же поту, сколько и дожда. Въ четвертый разъ онъ
сдѣлалъ бѣшеное усиліе. Скала треснула; часть, обратившаяся
въ расщелину, разинулась какъ челюсти, и тяжелая масса по-
катилась въ узкій проливчикъ съ страшнымъ грохотомъ, словно
въ отвѣтъ на грохотъ грома.

Она не раскололась при паденіи.

Балка-ричагъ послѣдовала за скалой, и Жильягъ самъ едва
не упалъ.

Дно было усыяно гальками, и вода въ этомъ мѣстѣ была очень
мелка. Каменная глыба, падая, обдала Жильяга пѣной и легла
поперекъ проливчика, образуя родъ соединительнаго тире между
двумя утесами. Оба ея конца упирались въ утесы, а верхняя
часть, состоявшая изъ болѣе рыхлой породы, втиснутая въ уз-
кое пространство, отчасти разсыпалась. Вслѣдствіе этого паде-
нія, изъ переулка вышелъ глухой закоулокъ, который можно ви-
дѣть и по сей день. Вода за этой каменной грядой всегда спо-
койна.

Это была еще болѣе надежная защита, чѣмъ носовая часть
Дуранды, закрѣпленная между двумя Дуврами.

И она подоспѣла какъ нельзя болѣе кстати.

Напоръ волнъ продолжался. Препятствіе только усугубляетъ
упорство волны. Первый переицетъ, потерпѣвъ поврежденіе, на-
чиналъ распадаться. Одинъ разрушенный переицетъ составляетъ
уже важное поврежденіе для брекватера. Увеличеніе отверстія
неизбѣжно, и никакія силы не въ состояніи этому препятство-
вать. Волна неминуемо снесла бы отважнаго работника.

Молнія, внезапно оварившая рифъ, обнаружила всѣ поврежде-
нія брекватера—разбросанныя балки, кончики канатовъ, болтав-
шіеся обрывки цѣпей и огромную дыру въ самой срединѣ. Вто-
рой переицетъ остался невредимъ.

Каменная глыба, брошенная Жильягомъ въ проливчикъ за
брекватеромъ, представляла самую прочную преграду, какую только
можно было себѣ вообразить, но она имѣла одинъ недостатокъ:
она была слишкомъ низка. Море не могло ее разрушить, но оно
могло ее преодолѣть.

Чтобы сдѣлать эту преграду выше, нужно было навалить еще
такіе же обломки утесовъ; но какъ ихъ оторвать, какъ перета-
щить, какъ приподнять, какъ взвалить, какъ закрѣпить на мѣстѣ?
Можно подгонять балки и доски, но скалы не подгоняются.

Жильягъ еще не былъ Энекадъ.

Незначительная высота этого гранитнаго перешейка тревожила Жильята.

Этотъ недостатокъ вскорѣ сказался. Шкваль не отступалъ отъ брекватера. Онъ оцѣлился на него, онъ сосредоточилъ на немъ всѣ свои силы. До слуха Жильята то и дѣло долеталъ какой-то дикій топотъ, потрясавшій до основанія эту деревянную постройку.

Вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, оторвало осколокъ балки, торчавшей изъ разоренной части брекватера, перебинуло его черезъ второй переплетъ и поперечную глыбу гранита въ проливчикѣ, гдѣ его подхватила волна и помчала по вѣсѣмъ изворотамъ водяного завоула. Жильятъ потерялъ его изъ виду. Весьма вѣроятно, что осколокъ ударился въ бокъ. Но счастью, вѣшнее волненіе очень слабо отзывалось внутри рифа. Ударъ не могъ быть силенъ. Къ тому же, Жильятъ не имѣлъ времени запыться этимъ поврежденіемъ, если и было какое-нибудь поврежденіе; всѣ ужасы готовились обрушиться на него разомъ, буря стягивала всѣ свои силы противъ самой слабой стороны его укрѣпленій. Бѣда смотрѣла ему въ лицо.

На минуту мракъ сгустился еще болѣе прежняго, молніи притихли — злобѣщее сообщничество — облака и волны слѣпясь въ одно; раздался глухой ударъ.

За этимъ ударомъ послѣдовалъ трескъ.

Жильятъ тревожно вытянулъ шею, озираясь вокругъ. Первый переплетъ, составлявшій передовое укрѣпленіе его преграды, былъ совершенно снесенъ. Осколокъ брусель и балокъ мелькали въ волнахъ. Море употребило въ дѣло первый брекваторъ, для того чтобы пробить имъ брешь во второмъ.

Жильятъ почувствовалъ въ эту минуту то, что долженъ чувствовать полководецъ, при видѣ опрокинутаго и бѣгущаго авангарда.

Второй плетень выдержалъ натискъ. Первый, разоренный плетень былъ въ полномъ распоряженіи моря, которое метало его изъ стороны въ сторону, такъ-какъ связи не дозволяли разнести его въ щепы, а напротивъ, сдерживали всю его массу. Такимъ образомъ, самыя достоинства постройки обратились прогивъ Жильята; изъ орудія защиты, она обратилась въ орудіе истребленія. Щитъ превратился въ обухъ. Сверхъ того — переломанная и изуродованная, она щетинилась со всѣхъ сторонъ, словно была усѣяна зубьями и шпорами. Нельзя было бы придумать орудіе болѣе страшное, и въ то же время болѣе приспособленное для бури.

Это былъ снарядъ, а море — катапульта.

Ударъ слѣдовалъ за ударомъ съ какою-то трагическою послѣ-

довательностью. Жильята стоялъ за этими воротами, такъ типательно имъ загороженными, и въ раздумьѣ прислушивался, какъ въ нихъ стучалась смерть.

Онъ съ горечью припоминалъ, что еслибы не труба Дуранды, какъ на зло застрявшая въ обломкахъ судна, онъ въ эту пору, и даже утромъ уже былъ бы въ Гернесѣ, его боть стоялъ бы въ гавани, и машина была бы въ безопасности.

То, чего онъ опасался, случилось. Море вторгнулось со зломономъ. Это были послѣднія предсмертныя судороги. Все, что было деревяннаго въ брекватерѣ, оба плетня, сложенные и перемѣшанные, были подняты громаднымъ валомъ и брошены на каменную преграду, какъ хаосъ на гору. Теперь нельзя было разобратъ ничего, громъ безобразнаго сдѣленія балокъ, брусевъ, досокъ — пронизываемаго для воды, но дробившаго ее въ мелкіе брызги. Эта побѣжденная твердыня умирала смертью героя. Море разбило ее, она дробила море. Опрокинутая, она еще оказывала сопротивленіе. Обломокъ скалы, служившій ей основаніемъ, не могъ быть сдвинуть съ мѣста. Какъ мы уже говорили, проливъ въ этомъ мѣстѣ былъ очень узокъ, а между тѣмъ торжествующій валъ, гоня все передъ собою, сбиль и нагромоздилъ въ эту тѣснину всѣ обломки брекватера; самая стремительность и сила напора увеличивали только прочность этой запруды. Она была разрушена, все-таки несокрушима. Только нѣсколько осколковъ отдѣлилось отъ общей массы. Волны разсылали ихъ. Одинъ изъ нихъ пропелся въ воздухъ, и чуть не задѣлъ Жильята. Онъ почувствовалъ душovenіе отъ разрѣзаемаго имъ вѣтра.

Еще нѣсколько валовъ, тѣхъ громадныхъ валовъ, возвращающихся съ невозмутимою правильностью и періодичностью, пронеслись надъ развалинами брекватера. Они изявлялись въ тѣснину и, несмотря на извилины пролива, подыали въ немъ уровень воды. Въ проливѣ началось волненіе не на шутку.

Какъ помѣшать этому волненію распространиться до бота?

Буря потребовала бы немного времени, чтобы взволновать всю воду въ проливѣ; еще нѣсколько приступовъ моря — и боть будетъ разнесена въ щепки, и машина поидетъ ко дну.

Жильята съ ужасомъ помышлялъ объ этомъ.

Но онъ не былъ этимъ смущенъ. Для подобной души не существуетъ пораженія.

Ураганъ нашелъ чувствительное мѣсто, и неспово вторгнулся въ промежутокъ между двухъ рядовъ скалъ, составлявшихъ рифъ.

Вдругъ въ нѣкоторомъ разстояніи позади Жильята раздался

страшный трескъ, въ сравненіи съ которымъ все, до сихъ поръ имъ слышанное, было ничто. Трескъ этотъ пробѣжалъ по дефлею.

Онъ долеталъ по направленію отъ бота.

Тамъ творилось что-то недоброе.

Жильятъ бросился туда.

Отъ восточнаго выхода, гдѣ онъ теперь находился, нельзя было видѣть бота по причинѣ изворотовъ, которые дѣлалъ проливъ. При послѣднемъ поворотѣ, онъ остановился и сталъ ожидать молнію.

Молнія свергнула и обнаружила положеніе дѣль.

Валу съ восточнаго входа отвѣтилъ порывъ вѣтра съ западнаго. Тамъ зачиналась бѣда.

Ботъ не представлялъ видимыхъ поврежденій, да и стоялъ онъ сравнительно безопасно, но остовъ Дуранды былъ въ бѣдственномъ положеніи.

Этотъ остовъ въ подобную бурю представлялъ большую опасность для вѣтра. Онъ весь торчалъ изъ воды; дыра, которую Жильятъ прошилъ въ его днѣ, еще болѣе ослабляла сопротивленіе подводной части. Киль также былъ перепиленъ. У этого остова былъ переломленъ позвоночный столбъ.

Ураганъ приударилъ въ него.

Этого было достаточно: настилка палубы перегнулась, какъ раскрытая книга. Это-то разрушеніе и сопровождалось тѣмъ адскимъ трескомъ, который долетѣлъ до ушей Жильята.

Бѣда, которую онъ увидалъ, приблизившись къ боту, казалась непоправимою.

Вѣтеръ, воспользовавшись отверстіемъ, прорубленнымъ Жильятомъ, переломилъ въ этомъ мѣстѣ весь остовъ пополамъ. Можно было различать двѣ части: кормовую, сосѣдную съ ботомъ, плотно засѣвшую между скалъ и вполне удѣлѣвшую, и носовую, ближайшую къ Жильяту, безпомощно болтавшуюся въ воздухѣ. Изломъ, пока онъ сдерживается еще обѣ части, дѣйствуетъ какъ петля. Вся эта масса колебалась по линіи излома какъ на шаланерахъ, и вѣтеръ раскачивалъ ее изъ стороны въ сторону съ ужасающимъ трескомъ.

По счастью, ботъ уже не былъ подъ нею.

Но это колебаніе потрясло до основанія вторую половину остова, засѣвшую неподвижно между скалъ. При настойчивости вѣтра можно было опасаться, чтобы висѣвшая носовая часть не увлекла за собою и кормовую, которая почти касалась бота и въ случаѣ паденія погребла бы и его и машину подъ своими развалинами.

Жильятъ это видѣлъ и понималъ.

Это была грозная катастрофа, которой онъ опасался.

Какъ ее отворотить?

Жильяты были изъ тѣхъ людей, которые изъ самой бѣды извлекаютъ средства къ спасенью. Онъ на минуту задумался.

Онъ отправился въ свой арсеналъ и досталъ топоръ.

Молотъ сдѣлалъ свое дѣло, теперь очередь была за топоромъ.

Затѣмъ онъ взобрался на остовъ Дуранды, помѣстился на части палубы, еще несдвинувшейся съ мѣста, и принялся добавивать начатое вѣтромъ. Склонившись надъ бездной, онъ обрубалъ надломленные балки и доски, на которыхъ держалась болтавшаяся въ воздухѣ часть палубы.

Окончательно разъединить обѣ части остова, освободить отъ груза уцѣлѣвшую часть, бросить волнамъ то, что захватилъ вѣтеръ, отдать дань бури—такова была его задача. Она была не столько затруднительна, сколько опасна. Висѣвшая часть судна, раскачиваемая вѣтромъ, держалась только въ нѣсколькихъ точкахъ. Весь остовъ судна походилъ на переплетъ книги, одна доска которой, еле-еле державшаяся, билась о другую. Пять или шесть брусевъ, надломленных и перегнутыхъ, но еще неполомленныхъ, поддерживали всю эту тяжелую массу. Ихъ изломы скрипѣли и раскрывались какъ вали при каждомъ порывѣ вѣтра, и топору оставалось только помочь вѣтру. Перерубить всѣ эти связи было немудрено; но въ самой легкости дѣла и заключалась его опасность. Все могло разомъ рухнуть подъ ногами Жильяты.

Буря достигла своего нароексизма. До сихъ поръ она была ужасна, теперь она стала отвратительна. Судорожныя метанія моря сообщались и небесамъ. До сихъ поръ облава царили надъ всѣмъ, они дѣйствовали по своему собственному произволу, они давали толчокъ, они вызывали волны на крайности, сохраняя во все время какую-то зловѣще-величавую ясность и спокойствіе. Внизу было бѣснованіе, наверху гнѣвъ. Небо—это вѣтеръ, океанъ — это пѣна. Отсюда могущество вѣтра. Ураганъ—геній. Но онъ былъ самъ опьяненъ смятеніемъ и ужасомъ, которые онъ распространялъ вокругъ себя. Онъ закрутился вихремъ. Въ бури бываетъ минута помѣшательства; чудится, что съ небомъ слѣдался мозговой припадокъ. Вездна уже не вѣдаетъ, что творить. Она мечетъ громы наудачу. Ничто не можетъ быть ужаснѣе этого. Это роковой часъ. Потрясеніе рифа достигло своего предѣла. Буря всегда имѣетъ извѣстное направленіе. Въ эту минуту она его теряетъ. Это самая скверная минута во всей бури. Въ эту минуту, по словамъ Тома Фуллера, вѣтеръ *превращается въ бисноватаю*. Въ эту минуту происходитъ то страш-

ное разряженіе электричества, которое Поддингтоъ называетъ *каскадомъ молній*. Въ эту минуту въ самомъ непроглядномъ мракѣ появляется—должно быть, затѣмъ, чтобы посмотрѣть на это громадное бѣснованіе — кольцо синеваго цвѣта, которое старіе испанскіе мореходы называли окомъ бури, *el ojo de tempestad*. Это зловѣщее око свѣтилось надъ головой Жильята.

Жильятье съ своей стороны смотрѣлъ на тучу. Теперь онъ смѣло поднималъ голову. За каждымъ ударомъ топора онъ гордо выпрямлялся. Съ увеличеніемъ опасности къ нему возвратилась его прежняя гордость. Уже не отчаявался ли онъ? Нѣтъ. Въ виду вышаго припадка ярости океана онъ былъ такъ же остороженъ, какъ и смѣлъ. Онъ становился только на надежныя мѣста падубы. Онъ рисовалъ свою жизнь и вмѣстѣ съ тѣмъ берегъ себя. Онъ также былъ въ нарочиснѣмъ своей кипучей дѣятельности, силы его удесятерились, онъ обезпамятелъ отъ безстрашія. Каждый ударъ его топора звенѣлъ какъ вызовъ. По мѣрѣ того, какъ буря теряла свою ясность и величавое спокойствіе, Жильятье прибрѣталъ ихъ. Борьба повстинѣ патетическая. Съ одной стороны неистощимость, съ другой неутомимость. Кто первый уступить? Буря пустила въ ходъ всѣ уловки, чтобы запугать его; тучи принимали образы отвратительныхъ гаргопъ, волны падали на него дождемъ, а облака бросали пѣну, вѣтеръ пзвивался змѣемъ, лица метеоровъ вспыхивали багранцемъ и снова потухали, только увеличивая ужасъ мрака, сплошной ливень падалъ разомъ со всѣхъ сторонъ, все обратилось въ клокотаніе, мракъ начиналъ литься черезъ край, сѣрая перистая облака, заряженныя градомъ, какъ помѣшанные, крутились въ высотѣ, въ воздухѣ раздавался шумъ, какъ будто сухой горокъ трясся въ громадномъ рѣшетѣ. Молніи перескакивали отъ тучъ къ тучѣ, раскаты грома тянулись до безконечности. Порою молнія ударяла совсѣмъ вблизи Жильята. Казалось, онъ озадачилъ бездну. Онъ ходилъ назадъ и впередъ по трепещущей Дурандѣ, не выпуская топора изъ рукъ, обрубая, откалывая, отрѣзывая, блѣдный при свѣтѣ луны, растрепанный, босой, въ лохмотьяхъ, покрытый морской пѣной, величавый среди этой клоаки громозъ.

Съ бѣснующимися силами можетъ слѣдить одна только ловкость. Ловкость — это было торжество Жильята. Онъ хотѣлъ, чтобы надломленная часть рухнула разомъ. Для этого онъ только надрубалъ валомы—шалнеры, оставляя махину висѣть на нѣсколькихъ волоконцахъ. Вдругъ онъ замеръ, держа топоръ высоко надъ головою. Дѣло было покончено, вся масса отдѣлилась разомъ.

Эта громада упала въ промежутокъ между Дуврами подъ ногами Жильята, сговяшаго на удѣлѣвшейся части падубы. Она врѣ-

залась отъёсно въ воду, забрызгала утесы и засѣла въ тѣсннѣ, не добѣда еще до дна. Край ея торчалъ футовъ на двѣнадцать надъ водой, образуя такую же перемычку между Дуврами, какъ та скала, которой Жильятъ завалилъ проливчикъ немного выше, и едва только пропуская немного гѣны у своихъ концовъ. Это была такая баррикада, устроенная Жильятомъ противъ бури въ этомъ морскомъ переулкѣ.

Ураганъ—слѣдцы, самъ же помогъ ему возвести эту послѣднюю баррикаду.

Жильятъ былъ очень радъ, что тѣснота прохода не позволила этой громадинѣ дойти до дна: этимъ онъ выигралъ въ высотѣ и сверхъ того вода могла проходить подъ преградой, что значительно ослабляло напоръ волнъ. Что можетъ пройти снизу, не перескочить сверху. Въ этомъ отчасти заключается секретъ плохихъ бревенатеревъ.

Съ этой минуты, что бы ни затѣяла буря—ботъ и машина были въ безопасности. Вода не могла болѣе бѣсноватся вокругъ нихъ. Между загороженнымъ входомъ Дувровъ и этой новой преградой они были недосягаемы для шваловъ.

Изъ самой грозной бѣды Жильятъ извлекъ спасенье. Въ итогѣ буря только помогла ему.

Покончивъ съ этимъ, онъ зачерпнулъ рукою воды, выпилъ, и глянувъ на тучу, презрительно промолвилъ: что взяла, дура!

Какое злобное удовольствіе доставляетъ уму сознание неизмѣримой глупости этихъ бѣшеныхъ силъ—глупости, побуждающей ихъ въ концѣ-концовъ дѣлать услуги своему врагу. Жильятъ почувствовалъ потребность издѣваться надъ побѣжденнымъ врагомъ, эту потребность, берущую свое начало еще съ незапамятныхъ временъ героевъ Гомера.

Жильятъ спустился въ ботъ и воспользовался свѣтомъ молніи, чтобы обозрѣть его. Помощь подоспѣла во время для несчастнаго судна, его порядкомъ-таки покачало за послѣдніе полчаса и уже начинало гнуть въ дугу. При этомъ поверхностно осмотрѣвъ Жильятъ не примѣтилъ никакихъ поврежденій. И однако оно, безъ сомнѣнія, перенесло порядочные толчки. Когда вода утихла, подводная часть оправилась сама собою. Якоря выдержали на славу; что же касается машины, то благодаря четыремъ цѣпямъ, которыми она была закрѣплена, она сохранилась невредима.

Пока Жильятъ осматривалъ эти подробности, что-то бѣлое мелькнуло около него и утонуло во мракѣ. Это была чайка.

Это самое приятное появленіе во время бури. Появленіе птицы означаетъ удаленіе бури.

Еще хорошій признакъ: громъ загрохоталъ пуще прежняго.

Крайности, на которыя подымается буря, ее обезсиливають. Всякій морякъ знаетъ, что послѣднее испытаніе бываетъ тяжко, но скоротечно. Избытокъ грома предвѣщаетъ конецъ грозы.

Дождь прекратился внезапно. Затѣмъ еще нѣсколько времени слышались перебаты грома въ облакахъ. Гроза прервалась вдругъ, словно разсыпалась. Сомкнутая масса тучъ расшаталась, полѣзла во всѣ стороны, змѣйки яснаго неба разсыбли мразь. Жильяты остолбенѣли. Былъ свѣтлый день.

Буря длилась почти двадцать-четыре часа.

Вѣтеръ, который нанесъ, онъ же и разнесъ ее. Темныя, глущащіяся тучи спѣшили въ беспорядкѣ скрыться за горизонтомъ, до слуха долеталъ какой-то глухой гулъ, уходящій въ даль, упало нѣсколько запоздалыхъ капель дождя. Вся эта мрачная ватага тѣней, метающихъ грома, бѣжала подобно грозной арміи боевыхъ колесницъ.

Надъ головою было синее небо.

Жильяты почувствовали усталость. Сонъ какъ коршунъ налетаетъ на утомленнаго человѣка. Жильяты, не выбирая мѣста, упали на дно барки и заснули. Такъ пролежалъ онъ нѣсколько часовъ растянувшись и безъ движенія, какъ тѣ балки и брусья, среди которыхъ онъ валялся.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

СКРЫТАЯ ОПАСНОСТЬ.

I.

Кто голоденъ, не одинъ.

Проснувшись, онъ почувствовалъ голодь.

Буря утихла. Но волненіе въ открытомъ морѣ было еще слишкомъ сильно, чтобы можно было отважиться пуститься въ путь. Къ тому же, было поздно. Чтобы прійти въ Гернсей съ подобнымъ грузомъ до полуночи, нужно было бы выйти рано утромъ.

Хотя его и томилъ голодь, Жильяты прежде всего раздѣлся— это было единственное средство согрѣться.

Одежда его была насквозь мокра, но дождевая вода вымыла изъ нея морскую, такъ что теперь она могла просохнуть.

Жильяты остался въ однихъ штанахъ, но и тѣ засучилъ до коленъ.

Онъ растянулъ на землѣ и закрѣпилъ каменьями свою рубаху, штابلеты и баранью шкуру.

Затѣмъ онъ подумалъ о пищѣ.

Онъ прибѣгнулъ къ своему ножу, который постоянно былъ у него наготовѣ, острый, наточенный. При помощи ножа онъ соскребъ съ гранита нѣсколько морскихъ желудниковъ; извѣстно, что ихъ ѣдятъ сырыми. Но послѣ столькихъ тяжкихъ трудовъ, это было довольно жалкое кушанье. У него не было сухарей. Въ водѣ по крайней-мѣрѣ не было недостатка. Онъ не только могъ утолять жажду—онъ былъ затопленъ прѣсной водой.

Онъ воспользовался отливомъ, чтобъ поискать между утесовъ морскихъ раковъ. Море, отступивъ, оставило за собою довольно широкую полосу земли, такъ что можно было рассчитывать на поживу.

Онъ забылъ, что уже не могъ болѣе ничего ни варить, ни печь. Еслибъ онъ имѣлъ время пройти до своего магазина, то увидѣлъ бы, что всѣ его запасы были подъ водой. Уголь и дрова были залиты, а изъ его запаса пакли, служившей ему трупомъ, нельзя было бы найти волоконца, которое не было бы подмочено. Не было никакой возможности добыть огня.

Къ тому же поддувало было разстроено, буря разорвала всю его лабораторію. Съ остаткомъ уцѣлѣвшихъ орудій Жильятъ могъ еще работать какъ плотникъ, но не какъ кузнецъ. У него, впрочемъ, теперь не то было на умѣ.

Понукаемый голодомъ, онъ думалъ теперь объ одномъ: какъ промыслить себѣ обѣдъ. Онъ бродилъ не въ ущельѣ рифа, а напротивъ вдоль наружной стороны скалъ. Сюда-то недѣль за десять предъ тѣмъ набѣжала Дуранда.

Для той охоты, которой занимался теперь Жильятъ, наружная сторона утесовъ была важнѣе внутренней. Крабы во время отлива выбираютъ на сушу подышать воздухомъ. Они съ видимымъ удовольствіемъ грѣются на солнцѣ. Эти безобразныя существа также любятъ полдень. Какъ-то чудно и неприятно видѣть, какъ они выбираютъ изъ воды на свѣтъ божій. Глядя, какъ они неуклюже, бочкомъ, взбираются на подножіе скалъ, съ уступа на уступъ, словно по ступенямъ лѣстницы, поневолѣ сознаешься, что и океанъ кпшитъ насѣкомыми.

Вотъ уже два мѣсяца, какъ Жильятъ не зналъ другой пищи, кромѣ этихъ насѣкомыхъ.

На этотъ разъ раки попрятались. Буря загнала этихъ отшельниковъ въ ихъ норы, и они еще не осмѣливались выйти изъ нихъ. Жильятъ не выпускалъ ножа изъ рукъ, онъ то и дѣло,

мимоходомъ, сковыривалъ съ фукусовъ какого нибудь молюска и глоталъ его на ходу.

Онъ долженъ былъ теперь находиться недалеко отъ того мѣста, гдѣ погибъ сьеръ Клюбевъ.

Жильять уже примпрплся-было съ мыслью ограничиться молюсками, какъ вдругъ у ногъ его раздался шорохъ и вслѣдъ затѣмъ плескъ. Толстющій крабъ, испуганный его приближеніемъ, только что юркнулъ въ воду. Но онъ ушелъ неглубоко, такъ что Жильять могъ его видѣть.

Жильять пустился въ погоню за нимъ вдоль по окраинѣ скалы. Крабъ улепетывалъ отъ него.

Вдругъ онъ исчезъ.

Онъ, должно быть, ушелъ въ расщелину скалы.

Жильять уцѣпился за выступы въ гранитѣ и свѣсился, чтобы заглянуть подъ навѣсъ скалы, куда ушелъ крабъ.

Тамъ дѣйствительно была расщелина, въ которую онъ вѣроятно скрылся.

Это была даже болѣе чѣмъ расщелина, это былъ родъ паперти.

Море проникало подъ эту паперть, но оно не было тамъ глубоко. Дно было покрыто гальками. Эти гальки были сѣро-зеленоватаго цвѣта, отъ покрывавшихъ ихъ конфервъ, и это означало, что онѣ никогда не выставлялись изъ-подъ воды. Онѣ походили на дѣтскія макушки съ зелеными волосами.

Жильять взялъ въ зубы ножъ, спустился съ крутизны, цѣпляясь ногами и руками, и сыркнулъ въ воду. Она была ему по плечо.

Онъ вошелъ подъ эту паперть. Онъ очутился въ какомъ-то старомъ корридорѣ съ остатками готическаго стрѣльчатого свода надъ головой. Стѣны были гладки, словно полпорованы.

Онъ не видѣлъ болѣе краба. Онъ подвигался въ постоянно возрастающемъ мракѣ. Онъ уже ничего не могъ различать.

Пройдя шаговъ пятнадцать, онъ замѣтилъ, что сводъ надъ его головой прервался. Онъ вышелъ изъ корридора. Стало просторнѣе и, слѣдовательно, свѣтлѣе; къ тому же его зрачки расширились, онъ видѣлъ уже довольно ясно. Онъ взумился.

Онъ стоялъ въ той самой пещерѣ, въ которой былъ съ мѣсяцъ тому назадъ.

Только онъ вошелъ въ нее со стороны моря.

Затопленная арка, видѣнная имъ тогда въ глубинѣ пещеры, была та самая, черезъ которую онъ теперь вошелъ. При мелко-водья она образовала входъ въ пещеру.

Глаза его привывали къ мраку. Онъ видѣлъ все лучше и луч-

ше. Онъ былъ пораженъ. Передъ нимъ снова были эти чертоги мрака, этотъ сводъ, эти пилястры, эти алма и пурпуровыя стѣны, эта растительность, осыпанная самоцвѣтными камнями, и въ глубинѣ эта пещера, какъ-бы святилище, этотъ камень, какъ-бы алтарь.

Онъ не отдавалъ себѣ отчета въ этихъ подробностяхъ, но въ его воображеніи врѣзалось цѣлое, которое теперь снова было передъ его глазами.

Онъ видѣлъ передъ собою, на нѣкоторой высотѣ, разсѣдину, чрезъ которую онъ проникъ въ первый разъ въ пещеру и которая съ той точки, на которой онъ теперь стоялъ, казалась неприступною.

Онъ видѣлъ снова эту арку и эти низкіе, темные гроты по сторонамъ ея, которые онъ видѣлъ тогда издали. Теперь они были вблизи, и ближайшій изъ нихъ былъ сухъ и легко доступенъ.

Но еще ближе этого углубленія, надъ водой, онъ замѣтилъ горизонтальную трещину въ гранитѣ. Туда-то вѣроятно скрылся крабъ. Жильятъ засунулъ туда руку какъ могъ глубже, и принялся шарить въ этой черной дырѣ.

Вдругъ онъ почувствовалъ, что его рука схвачена.

Имъ овладѣлъ неизъяснимый ужасъ.

Что-то тонкое, плоское, холодное, клейкое и живое обвилось во мракѣ вокругъ его обнаженной руки. Оно ползло къ нему на грудь. Оно стягивало руку какъ ремень, и цѣплялось какъ вьющееся растеніе. Мнѣе чѣмъ въ секунду какая-то спираль охватила его кулакъ, руку, и касалась уже плеча, кончикъ ея шарилъ у него подъ мышками.

Жильятъ отшатнулся, но едва могъ сдвинуться съ мѣста. Онъ былъ словно прикованъ. Онъ вынулъ ножъ изо рта, ухватился лѣвой рукой за выступъ скалы, и сдѣлалъ усиліе чтобы высвободиться. Напрасно; онъ только потревожилъ эту перевязку, которая еще крѣпче стиснула его руку. Она была упруга какъ кожа, тверда какъ сталь, холодна какъ ночь.

Второй ремешекъ, узкій и заостренный, показался изъ разсѣдины скалы. Онъ походилъ на высунутый языкъ. Онъ отвратительно диннулъ обнаженный торсъ Жильята и, вытянувшись вдругъ безконечно-длинной и тонкой нитью, охватила его вокругъ тѣла. Въ то же мгновеніе Жильятъ почувствовалъ страшную, ни съ чѣмъ несравнимую боль. Сдавленные мускулы его опули; онъ чувствовалъ, что какіе-то безчисленные кружки впивались въ его кожу. Ему казалось, что сотни ртовъ пытались сосать изъ него кровь.

Третій ремешекъ стремительно высочилъ изъ воды, ошупавъ Жильята, хлеснулъ его по ребрамъ, какъ плетью, и тотчасъ впился въ нихъ.

Ужась, дошедшій до крайнихъ предѣловъ, бываетъ нѣмъ. Жильять не испустилъ ни малѣйшаго крика. Свѣта было достаточно, чтобы онъ могъ разобрать отвратительныя формы, которыми онъ былъ опутанъ. Четвертый ремешекъ мелькнулъ съ быстротою стрѣлы и обвился змѣею вокругъ его живота.

Не было возможности ни оторвать, ни отрѣзать эти слизистыя клейкіе ремня, безчисленными точками прикасавшіеся къ тѣлу Жильята. Каждая изъ этихъ точекъ была центромъ странной и страшной боли. Онъ чувствовалъ, будто множество пастей силлось его проглотить.

Изъ щели высочилъ шестой ремешекъ; онъ легъ поверхъ другихъ, какъ разъ охвативъ діафрагму Жильята. Къ тоскѣ и страху присоединилось еще удушье: Жильять насилу дышалъ.

Эти ремешки, эти плети, заостренныя на концѣ, къ основанію расширялись на подобіе меча. Всѣ пять очевидно исходили изъ одного центра. Они ползали и передвигались по тѣлу Жильята. Онъ чувствовалъ, какъ терзавшія его маленькія пасти перемѣщались съ мѣста на мѣсто.

Вдругъ изъ щели показалась большая, круглая и плоская студенистая масса. Это былъ центръ, изъ котораго лучами расходились описанные пять ремешковъ, съ другой стороны этого плоскаго круга видѣлись основанія трехъ другихъ ремешковъ, концы которыхъ скрывались во мракѣ щели. Среди этой студенистой массы видѣлись два пристально глядѣвшихъ глаза.

Эти глаза видѣли Жильята.

Жильять узналъ Спрута.

II.

Нужно видѣть Спрута, чтобы повѣрить въ него.

Въ сравненіи съ нимъ, Гидра древнихъ только вызываетъ улыбку.

Порою чудится, что неуловимое нѣчто, разлитое въ нашихъ сновидѣніяхъ, встрѣтило въ дѣйствительности какіе-то могучіе магниты, осѣло на нихъ, сгустилось, приняло форму и изъ этихъ мрачныхъ осадковъ сновидѣній сложились существа. Великое неизвѣстное повелѣваетъ чудомъ, и пользуется этимъ, чтобы создать чудовище. Орфей, Гомеръ и Гезіодъ могли только создать Химеру. Богъ создалъ Спрута.

Богъ, когда захочетъ, проявляетъ свою силу и въ безобразіи.

Вопросъ, зачѣмъ онъ это хочетъ, приводить въ одѣвленіе богобоязненный умъ.

Если допустить всевозможные идеалы, Спрутъ своего рода идеалъ—идеалъ ужаснаго.

Китъ громаденъ, Спрутъ невеликъ; Гипопотамъ одѣтъ непроницаемой броней — Спрутъ нагъ; жарарака пронзительно свищетъ — Спрутъ нѣмъ; у носорога есть рогъ — у Спрута нѣтъ рога; у скорпіона жало — у Спрута нѣтъ жала; у рака клешни — у Спрута нѣтъ клешней; у обезьяны новаго свѣта дѣлкій хвостъ — у Спрута нѣтъ дѣлкаго хвоста; у азулы острые рѣзущіе плавники — у Спрута нѣтъ плавниковъ; у вампира на крыльяхъ когти — у Спрута нѣтъ крыльевъ; ѣжъ покрытъ пгламп — у Спрута нѣтъ иголь; у мечъ-рыбы есть мечъ — у Спрута нѣтъ меча; электрическій угръ мечеть громъ — у Спрута нѣтъ электричества; жаба выпускаетъ изъ себя ядовитую слюзу — у Спрута нѣтъ ядовитой слюзы; у змѣи есть ядъ — у Спрута нѣтъ яду; у льва есть когти — у Спрута нѣтъ когтей; у стервятника есть клювъ — у Спрута нѣтъ клюва; у крокодила страшная пасть — у Спрута нѣтъ вовсе зубовъ.

У Спрута нѣтъ ни массы мускуловъ, ни устрашающаго крива, ни брони, ни рога, ни жала, ни клешней, ни дѣлкаго хвоста, ни острыхъ плавниковъ, ни когтистыхъ крыльевъ, ни иголь, ни меча, ни электрическаго удара, ни яда, ни когтей, ни клюва, ни зубовъ. Но изъ всѣхъ животныхъ Спрутъ всего страшнѣе вооруженъ.

Чтѣ-жь такое, наконецъ, этотъ Спрутъ? Это пѣвага.

Между утесовъ открытаго моря, тамъ, гдѣ подводный міръ таятся и проявляется во всемъ своемъ блескѣ, въ пустотахъ скалъ, нигдѣ непосѣщаемыхъ, въ пещерахъ съ богатой растительностью, кишацихъ ракообразными и моллюсками, въ подводныхъ портикахъ океана, пловець, привлеченный красотой мѣста, всегда долженъ опасаться неприятой встрѣчи. Если вамъ случится подобная встрѣча, не любопытствуйте — бѣгите. Ваше удавленіе вскорѣ уступить мѣсто ужасу.

Вотъ какъ бываетъ эта встрѣча, всегда возможная между скалъ въ открытомъ морѣ.

Какая-то сѣрватая форма колеблется въ водѣ, толщиной она будетъ въ руку, длиною съ поларшина; это тряпва, она похожа на закрытый зонтикъ, безъ ручки. Эта ветошь медленно приближается къ вамъ. Вдругъ она раскривается, восемь радіусовъ расходятся отъ какаго-то лица, на которомъ есть два глаза: эти радіусы живуть, они волнообразно извиваются отъ центра къ окружности; это нѣчто въ родѣ колеса. Раскрытая, эта тряпва

на пять или шесть футовъ въ поперечникѣ. Страшное разоблаченіе. Она вдругъ бросается на васъ.

Она подрабываетъ въ чловѣка строгю.

Это животное набрасывается на свою добычу, надрываетъ ее, свистываетъ своими рожками. Синюю она желтоватаго цвѣта, съ ворку земляного, ничто не въ состояніи выразить этого отгнѣнокъ пыли. Можно подумать, что это водяное животное состоитъ изъ воды. Видомъ оно напоминаетъ пауза, цвѣтомъ — хамелеона. Когда оно раздражено, оно становится фиолетовымъ. Но, что всего отвратительнѣе, оно совершенно мертво.

Оно скручиваетъ добычу словно веревками. Его прикосновеніе парализуетъ всякое движеніе.

Его видъ напоминаетъ цыгу въ гангрену. Это болѣзнь, волютавшаяся въ безобразную форму.

Его нельзя оторвать, оно вливается въ свою добычу. Но какии образомъ? Пустотой. Восемь ноговидныхъ отростковъ, широкіе при основаніи, суживаются къ концу и оканчиваются остриями. Съ нижней стороны тянутся два ряда бугорковъ, уменьшающихся по мѣрѣ удаленія отъ основанія. Въ каждомъ ряду двадцать-пять бугорковъ, слѣдовательно, на каждой ногѣ ихъ пятьдесятъ, на всемъ животномъ четыреста. Каждой бугорковъ — шпала.

Эти бугорки — цилиндрическіе хрящики, прозрачныя, роговыя. У крупныхъ видовъ, величина ихъ измѣняется отъ пяти-франковой монеты до чечевицы. Животное выпускаетъ изъ себя эти коротенькія трубочки и снова втягиваетъ ихъ. Онѣ могутъ вшиваться въ тѣло добычи болѣе чѣмъ на дюймъ.

Эти сосальца работаютъ, какъ клавиши. Они выдвигаются и вбираются при малѣйшемъ желаніи живогнаго. Чувствительность ихъ изумительна, ихъ сокращаемость всегда пропорциональна внутреннему побужденію и вѣнному сопротивленію. Этотъ драконъ раздражительнѣе, какъ медетрага.

Мордки зовутъ это чудовище нульпъ, наука прозвала его голвоногимъ, легенда — кракепомъ. Англійскіе матросы называютъ его — чертъ-рыба, а также *кровососъ*. На островѣ Ламанна, его зовутъ пѣврой.

Оно очень рѣдко на Гервсѣ, можно на Дверсѣ, ирушно и многочисленно на Сергѣ.

Одна гравюра въ изданіи Вуффона, Соннини, изображаетъ голвоногатаго, тонящаго корабль. Дени Монфоръ предполагаетъ, что сврнуть въ вышнихъ широтахъ можетъ потопить корабль. Бери Сенъ-Воясепъ отвергаетъ это, но утверждаетъ, что въ низшихъ широтахъ онъ нападаетъ на чловѣка. Поѣзжайте на Сергъ;

тамъ, близъ Брегъ-Гу, вамъ покажутъ пещеру въ скалѣ, гдѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, спрутъ схватилъ и утопилъ рыбака, исбавшаго омаровъ. Перонъ и Ламаркъ ошибаются, сомнѣваясь въ томъ, можетъ ли спрутъ плавать, не имѣя плавниковъ. Пишущій эти строки, собственными глазами видѣлъ на Сергѣ въ пещерѣ, называемой «Лавин», спрута, преслѣдовавшаго въ плавы одного купальщика. Его убили и смѣрили—въ немъ было четыре фута, можно было счесть его четыреста сосальцевъ. Издыхавшее животное судорожно выпускало ихъ изъ себя.

По мнѣнію Дени де-Монфоръ, одного изъ тѣхъ наблюдателей, которые вслѣдствіе слишкомъ пристального созерцанія природы доходятъ до увѣренности въ чудесномъ, спрутъ имѣетъ почти человѣческія страсти. Онъ ненавидитъ. Впрочемъ, въ точномъ смыслѣ, быть безобразнымъ—значитъ ненавидѣть.

Безобразное осуждено на гибель, оно борется съ тяготящимъ надъ нимъ смертнымъ приговоромъ, оно отстаиваетъ свое существованіе, и это дѣлаетъ его враждебнымъ ко всему.

Плавающий спрутъ, словно заключенъ въ чахолъ. Онъ плаваетъ сложеннымъ; представьте себѣ кулакъ, зашитый въ рубавъ. Этотъ кулакъ—голова, она выбрасываетъ изъ себя жидкость и подвигается медленнымъ, волнообразнымъ движеніемъ. Его глаза, хотя и крупные, не очень явственны, такъ-какъ цвѣтъ ихъ мало отличается отъ цвѣта воды.

Спрутъ на охотѣ или на сторожкѣ притаивается, старается умалиться, съеживается, приводитъ себя къ простѣйшему выраженію. Онъ терается въ тѣни, онъ кажется сладкой волны. Онъ подходит на все, что угодно, только не на животное.

Спрутъ — лицемеръ. На него не обращаютъ вниманія; онъ вдругъ распрывается.

Липкая студень, одаренная волей! Клей, кипящій ненавистью. Что можетъ быть отвратительнѣй!

Это безобразное, прожорливое пороженіе моря, обитаетъ въ чистѣйшей лазури прозрачныхъ водъ. Что ужасно, вы не замѣчаете его близости. Почти всегда увидѣть его — значитъ поддаться.

Ночью, впрочемъ, особенно въ пору браговъ, оно блестятъ фосфорическимъ блескомъ. У этого страшлища есть поря любви. Оно готовится къ браку. Оно хочетъ быть красивымъ, хочетъ блистать, затмѣвать. Порою, съ высотъ прибрежныхъ скалъ, можно увидать его глубоко-глубоко подъ ногами, въ видѣ блѣдной, призрачной звѣзды.

Спрутъ плаваетъ, но онъ также и ползаетъ. Онъ отчасти ри-

ба, отчасти пресмыкающееся. Онъ волочитя по дну океана. Для этого онъ употребляет свои восемь ногъ.

У него нѣтъ костей; у него нѣтъ крови; у него нѣтъ мускуловъ. Онъ мягокъ, вадъ, въ немъ нѣтъ ничего, одна кожа. Его ноги можно выворачивать, какъ пальцы перчатки.

Въ центрѣ его радіусовъ находится одно отверстіе. Для чего оно: для приѣма пищи, или для изверженія ея? Для того и другого.

Одно отверстіе исправляетъ оба отправления. Входъ есть въ то же время и выходъ.

Все животное холодно.

Медуза Средиземнаго моря отвратительна. Ничто не въ состояніи передать неприятное ощущеніе отъ прикосновенія этого оживленнаго кисела, руки уходятъ въ него и почти напрасно раздраютъ, его можно рвать на клочки, но не умертвить, онъ течучъ и проскользаетъ между пальцевъ. Но никакой ужасъ не сравнится съ внезапнымъ появленіемъ спрута—этой Медузы, объ осьми змѣяхъ.

Нѣтъ сжатія, которое бы сравнилось съ объятіемъ головоногаго.

На васъ нападаетъ воздушный насосъ. Вы имѣете дѣло съ пустотою, снабженною лапами. Ни когтей, ни зубовъ, однѣ страшныя насѣчки. Укушеніе опасно, высасываніе хуже. Когти ничто въ сравненіи съ пиявкой. Когти—это животное, впивающееся въ ваше тѣло, пиявка—это вы сами, всосанные въ животное. Ваши мышцы напрягаются, волокны порываются; кожа, уступая страшному давленію, лопается, кровь льется ручьемъ и смѣшивается съ лимфой моллюски. Животное охватываетъ васъ тысячами отвратительныхъ пастей; гидра вѣдрается въ человѣка, человѣкъ сливается съ гидрой. Вы составляете одно съ животнымъ. Тигръ можетъ васъ сожрать, спрутъ васъ высосеть. Онъ васъ притягиваетъ къ себѣ, онъ васъ втягиваетъ въ себя, и связанные, облитые клеємъ, обезсиленные, вы чувствуете, какъ ваше существо переливается въ этотъ отвратительный мѣшокъ, въ это чудовище.

Кажется, предѣлъ ужаснаго—быть съѣденнымъ живю; но еще ужаснѣе быть выпитымъ живю.

Наука, по своей привычкѣ къ чрезмѣрной осторожности, даже въ виду очевидныхъ фактовъ, прежде всего отрицаетъ подобныя страшныя существа, затѣмъ она прннимаетъ ихъ изучать; она ихъ анатомируетъ, классифицируетъ, заноситъ въ каталоги, навѣшиваетъ имъ ярлычки, приобретаетъ себѣ экземпляры, выставляетъ ихъ подъ стекломъ въ музеяхъ, характеризуетъ ихъ моллюсками, безпозвоночными, лучистыми; она находитъ имъ мѣсто въ системѣ, немножко по-сю сторону кольмаровъ, немножко по ту сторону сепій; она сортируетъ ихъ на виды крупныя, среднія и

мелкіе; она охотнѣе допускаетъ мелкіе, таково ужъ общее направление науки; она скорѣе микроскопична, чѣмъ телескопична; она разбираетъ ихъ строеніе и называетъ ихъ головногимп, пересчитываетъ число ихъ ногъ и называетъ осьминогими. Сдѣлавъ это, она оставляетъ ихъ въ покоѣ. Тамъ, гдѣ оставляетъ ихъ наука, подбираетъ ихъ философія.

Философія въ свою очередь изучаетъ эти существа. Она не заходитъ такъ далеко, какъ наука, и вмѣстѣ съ тѣмъ идетъ далѣе. Она не разсѣкаетъ ихъ, а мыслитъ объ нихъ. Куда проникать скальпель, она старается проникнуть гипотезой. Она ищетъ конечную причину. Вѣчная мука мыслителя. Эти созданія беспокоятъ его болѣе всего. Это безобразныя неожиданности. Онѣ отравляютъ наслажденіе созерцателя. Это проявленія начала зла. Какъ объяснить эти проклятія природы, возмутившейся противъ себя самой? Чтѣ тутъ дѣлать?

Возможное—это ужасающая родинка. Тайпа облекается въ образы чудовищъ. Обрывки мрака отдѣляются отъ этого оптового склада, плаваютъ, сгущаются, клубятся, оживляются, заимствуютъ форму окружающаго мрака, душу у носящихся въ пространствахъ мизмовъ. Это мракъ, сдѣлавшійся животнымъ. Къ чему? Какой прокъ изъ этого? Опять вѣчный вопросъ.

Эти животныя настолько же призраки, на сколько они чудовища. Ихъ существованіе доказано, но они тѣмъ не менѣе остаются невѣроятными. Они существуютъ на дѣлѣ, но по праву могли бы и не существовать. Это амфибія смерти. Ихъ невѣроятность усложняетъ ихъ бытіе. Вы отрицаете вампира, такъ вотъ вамъ спрутъ. Они кишатъ въ моряхъ, и этотъ фактъ смущаетъ нашу самоувѣренность. Оптимизмъ, который, замѣтимъ мимоходомъ, въ большинствѣ случаевъ правъ, умолкаетъ передъ ними. Это видимый предѣлъ черныхъ круговъ. Они образуютъ переходъ отъ нашей дѣйствительности къ совершенію иной. Они относятся къ тому міру чудовищъ, который отрывается намъ въ сновидѣніяхъ.

Это прониканіе чудовищаго изъ міра невидимаго въ міръ дѣйствительности уже подозрѣвали, или скорѣе угадывали, маги и философы.

Если мрачные круги идутъ расширяясь до безконечности, если за однимъ кругомъ слѣдуетъ другой и такъ въ безпредѣльной прогрессіи, если эта цѣпь, въ существованіи которой мы съ своей стороны сомнѣваемся, дѣйствительно существуетъ, то очевидно, что спрутъ на одномъ концѣ цѣпи доказываетъ, дьявола — на другомъ.

Извѣстно, что злодѣи на одномъ концѣ доказываютъ злобу на другомъ.

Всякое злое животное, какъ всякій извращенный умъ—сфинксъ. Ужасный сфинксъ, предлагающій загадку—загадку происхожденія зла.

Это-то совершенство зла побуждало иногда сильные умы върять въ двойственность божества — въ двуличное божество ма-нихейнъ.

На одной китайской картинѣ, украденной въ послѣднюю войну изъ дворца китайскаго императора, изображена акула, пожирающая крокодила, пожирающаго змѣю, пожирающую орла, пожирающаго ласточку, пожирающую гусеницу.

Вся природа раздѣляется на пожирающихъ и пожираемыхъ. Жертвы истребляютъ другъ друга.

Однако, нѣкоторые ученые и въ то же время философы, и слѣдовательно люди, сочувствующіе творенію, нашли или полагаютъ, что нашли объясненіе этому. Конечная цѣль созданія поражаетъ, между прочимъ, женевца Бонэ, этого мистива и точнаго ученаго, противника Бюффона, подобно тому какъ Жоффрау Сент-Илеръ былъ противникомъ Кювье. Объясненіе это заключается въ слѣдующемъ: мертвецъ требуетъ погребенія. Истребители — это могильщики.

Всѣ существа исчезаютъ одни въ другихъ. Разложеніе однихъ — питаніе другихъ. Страшная чистка земной поверхности. Всеядный человѣкъ также могильщикъ. Наша жизнь черпаетъ свои силы изъ смерти. Таковъ неумолимый законъ. Всѣ мы гробы.

Въ нашемъ темномъ мірѣ этотъ роковой порядокъ вещей порождаетъ чудовищъ. Вы говорите, зачѣмъ? Такъ вотъ зачѣмъ.

Но объясненіе ли это? Отвѣтъ ли это на вопросъ? Отчего не могъ бы существовать другой порядокъ вещей? Вопросъ возрождается съ новой силой.

Пуская, будемъ жить.

Но постараемся, чтобы смерть была движеніемъ впередъ. Будемъ стремиться къ менѣ мрачнымъ мірамъ. Послѣдуемъ, куда насъ ведетъ совѣсть.

Будемъ помнить, что хорошее достигается только стремленіемъ къ лучшему.

III.

Иного рода воръва съ бездной.

Такое было существо, въ полномъ распоряженіи котораго Живлять находился уже нѣсколько минутъ.

Чудовище это было обитателемъ грота. Это былъ отвратительный геній мѣста—мрачный демонъ воды.

Всѣ эти красоты имѣли своимъ центромъ ужасъ.

Когда мѣсяць тому назадъ Жильятъ посѣтилъ эту пещеру, онъ увидѣлъ въ водѣ очертанія какой-то безобразной труппы — то былъ этотъ самый спрутъ.

Онъ былъ тамъ у себя дома.

Когда Жильятъ, преслѣдуя краба, попалъ во второй разъ въ эту пещеру, спрутъ поджидалъ добычу, притаившись въ трещинѣ скалы.

Представьте себѣ эту засаду.

Ни одна птица не осмѣлилась бы сѣсть на свои яйца, ни одинъ птенецъ не осмѣлился бы выклюнуться изъ яйца, ни одинъ цвѣтокъ не осмѣлился бы распуститься, ни одна грудь не осмѣлилась бы кормить, ни одно сердце не осмѣлилось бы любить, ни одинъ умъ не дерзнулъ бы отрѣшиться отъ земли, еслибъ можно было предвидѣть напередъ засады, таившіяся въ безднѣ невѣстности.

Онъ просунулъ руку въ трещину, спрутъ схватилъ и не выпускалъ ее.

Жильятъ былъ мухой этого паука.

Жильятъ былъ по поясъ въ водѣ. Ноги его судорожно цѣплялись за круглыя гальки на днѣ пещеры, а правая рука и туловище были опутаны, почти скрывались подъ оплетавшими его ногами чудовища.

Изъ восьми ногъ спрута три держались за скалу, пять обнимали Жильята. Такимъ образомъ, цѣпляясь съ одной стороны за гранитъ, другой за человѣка, онъ словно приковывалъ Жильята къ скалѣ. Жильятъ имѣлъ на себѣ двѣсти пятьдесятъ сосальцевъ. Какая смѣсь боли и ужаса. Быть стиснутымъ въ громадномъ кулакѣ, длинныя, гибкія пальцы котораго усѣяны снаружи одушевленными прыщами, бопающими ваше тѣло.

Мы уже сказали, что вырваться изъ объятій спрута невозможно. На каждую подобную попытку онъ отвѣчаетъ еще сильнѣйшимъ сжатіемъ. Его усилія пропорціональны вашимъ.

У Жильята было одно спасенье—его ножъ.

У него была свободна только лѣвая рука, но извѣстно, что онъ владелъ ею какъ правой. О немъ можно было сказать, что у него было двѣ правыя руки.

Его ножъ былъ у него въ рукѣ.

Ноги спрута нельзя перерѣзать, эта кожа выскальзываетъ изъ-подъ ножа; въ тому же онѣ такъ плотно прилегаютъ, что рѣзать ихъ значило бы рѣзать собственное тѣло.

Спрутъ ужасенъ; однако, есть способъ съ нимъ справиться. Рыбаки изъ Серва знаютъ этотъ способъ; иногда даже по бы-

стримъ эволюціямъ, которыя они выдѣлываютъ, можно угадать, что они имѣютъ дѣло со спрутомъ. Морскія свиньи также умѣютъ съ нимъ справляться: онѣ знаютъ, гдѣ нужно укусить, чтобы отдѣлать голову отъ туловища. Отсюда то множество безголовыхъ кальмаровъ, спрутовъ, караватницъ, встрѣчающихся въ морѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, спрутъ неуязвимъ иначе, какъ въ голову.

Жильятъ это знаютъ.

Никогда еще не видывалъ онъ такого громаднаго спрута. Съ перваго же раза ему пришлось имѣть дѣло съ крупнымъ представителемъ. Другой бы на его мѣстѣ испугался.

Со спрутомъ, какъ съ бывомъ, надобно умѣть уловить минуту. Минута эта—когда быкъ опускаетъ рога, когда спрутъ вытаскиваетъ голову. Это дѣло мгновения. Кто пропустилъ его, погибъ.

Все, что мы такъ долго описывали, длилось нѣсколько минутъ. Жильятъ, однако, чувствовалъ впившіяся въ него двѣсти пятьдесятъ сосальцевъ.

Спрутъ вѣроломень. Онъ сначала старается ошеломить свою жертву. Затѣмъ онъ выжидаетъ.

Жильятъ держалъ ножъ наготовѣ. Спрутъ присасывался крѣпче и крѣпче.

Онъ глядѣлъ на спрута, тотъ глядѣлъ на него.

Вдругъ животное отдѣлило отъ гранита свою шестую ногу и стремительными движеніями старалось опутать лѣвую руку Жильята.

Въ ту же минуту оно протянуло голову. Еще мгновение—и его пасть прикасалась къ груди Жильята. Жильятъ, связанный по рукамъ и по ногамъ, истекающій кровью, былъ погибшій человѣкъ.

Но онъ не дремалъ. Его сторожили, но и онъ сторожилъ.

Онъ увернулся отъ предназначеннаго ему удара, не далъ скрутить свободную руку, и въ тотъ самый моментъ, какъ животное собиралось его укусить, его вооруженная рука опустилась на чудовище.

Два судорожныхъ движенія потрясли борющихся: одно пропало отъ животнаго, другое отъ человѣка.

Жильятъ вонзилъ ножъ въ плоское тѣло животнаго, и круговымъ движеніемъ, подобнымъ изгибу кнута при ударѣ, сдѣлавъ вращеніе вокругъ двухъ глазъ чудовища, вырвалъ его голову, какъ вырываютъ зубъ.

Дѣло было сдѣлано.

Животное упало въ воду.

Оно отвалилось какъ тряпка. Уничтожился пасось, исчезла и пустота. Четыреста присосковъ разомъ оставили и скалу и человѣка. Безобразный лоскутъ пошелъ ко дну.

Жильяты, едва переводивший духъ отъ выдержанной борьбы, увидѣлъ у ногъ своихъ на гладкихъ галькахъ двѣ безобразныя слизистыя массы — голова съ одной стороны, остальное съ другой. Я говорю «остальное» потому, что нельзя сказать «тѣло».

Жильяты, однако, опасаясь судорожныхъ движеній издыхавшаго животнаго, поспѣшили удалиться на безопасное разстояніе отъ страшныхъ ногъ.

Но животное было уже мертво.

Жильяты закрыли ножъ.

IV.

Ничто не срывается, ничто не пропадаетъ.

Пора было ему повончить съ спрутомъ. Онъ едва дышалъ, его туловище и правая рука побагровѣли. Болѣе двухсотъ бурговъ опухолей испещряли его тѣло, мѣстами изъ нихъ сочилась кровь. Лекарство, въ подобномъ случаѣ, соленая вода. Жильяты погрузился въ нее. Онъ теръ себя ладонями рукъ; опухоль замѣтно опадала.

Попытившись, онъ, самъ того не замѣчая, приблизился къ темному углубленію въ пещерѣ, которое онъ уже прежде примѣтилъ близь той трещины, въ которой его схватилъ спрутъ.

Это углубленіе было сухо и уходило косвенно въ стѣну пещеры; накопившіяся въ немъ гальки подняли дно его выше уровня обыкновеннаго прилива. Это былъ довольно большой, сплюснутый сводъ, человѣкъ могъ войти въ него нагнувшись. Зеленоватый свѣтъ подводнаго грота проникалъ туда и слегка освѣщалъ эту нору.

Продолжая потирать свои распухшіе члены, Жильяты машинально поднималъ глаза.

Взоръ его скользнулъ въ самую глубь норы.

Онъ вздрогнулъ.

Ему почудилось въ глубинѣ этой черной дыры смѣющееся лицо.

Жильяту не было извѣстно слово «галлюцинація», но самый фактъ былъ ему коротко знакомъ. Чудесныя встрѣчи съ невѣроятнымъ, которыя мы, чтобы не утруждать свой умъ, называемъ галлюцинаціями, существуютъ въ природѣ. Дѣйствительныя или воображаемыя видѣнія проходятъ мимо, и тотъ, кто попадетъ на пути, видитъ ихъ. Жильяты, какъ мы говорили, былъ мечтатель. Онъ порою подчинялся этимъ галлюцинаціямъ. Нельзя безнаказанно предаваться мечтанію въ глухихъ мѣстахъ.

Углубленіе походило на печь, въ которой пережигаютъ известь.

Онъ вошелъ и тотчасъ же направился въ предмету; привлекавшему его взоры въ самой глубинѣ пещеры.

Дѣйствительно тамъ что-то смѣялось.

Это былъ черепъ.

И не одинъ черепъ, а цѣлый скелетъ.

Человѣческій скелетъ лежалъ въ этой пещерѣ.

Смѣлый человѣкъ при подобной встрѣчѣ тотчасъ жалеетъ освоиться съ нею.

Жильяты обшпугъ взоромъ пещеру.

Онъ былъ окруженъ безчисленными множествомъ краббовъ.

Но они не двигались. Представьте себѣ мертвыя муравейники. Всѣ эти краббы были неподвижны. Они были пусты внутри.

Группы ихъ, разбросанныя на галькахъ, образовали безобразныя созвѣздія.

Жильяты былъ занятъ совсѣмъ инымъ, и до этой минуты шагаль по нимъ, не замѣчая ихъ.

Въ глубинѣ пещеры, куда теперь провнѣ Жильяты, слой ихъ, покрывавшій полъ пещеры, былъ гораздо толще. Ноги, жвала, раскрытыя клешни торчали во всѣ стороны. Кое-гдѣ ороженныя панцири обнаруживали внутри пустоту. Вся эта масса напоминала черную толпу войска, лѣзущаго на приступъ стѣны.

Подъ этой кучей находился скелетъ.

Подъ этой грудой черепковъ и ушковъ видѣлись черепъ съ своими швами, видѣлись позвонки, берцовыя кости, голени, длинныя суставчатые пальцы съ ногтями. Грудной ящикъ былъ набитъ крабами. А когда-то здѣсь билось сердце. Морская плѣсень наполняла глазныя впадины. Ни колыханіе травъ, ни дупнованіе вѣтерка не возмущали спокойствія этого убожника. Только ко черепъ свалилъ зубы.

Непріятная сторона смѣха именно въ томъ и заключается, что черепъ его передразниваетъ.

Эти чудные чертоги бездны, изукрашенные всеми сокровищами моря; наконецъ-то сбросили маску, выдали свою тайну. Это была берлога; и въ ней таняся сируть—это была могила; и въ ней схороненъ человѣкъ.

Отраженіе свѣта отъ легкой ряби, возмущающей гладь этихъ подземныхъ водъ, дрожало на этомъ бездушномъ скелетѣ, на этихъ неподвижныхъ остаткахъ. Краббы, повидимому, только что окончили свое пиришествіе. Эти черепки питались этимъ остовомъ. Ничего не могло быть страшнѣе этой дохлой твари надъ ея мертвой добычей. Мрачная цѣнь смерти.

Передъ глазами Жильята былъ буфетъ и кладовая спрута.

Это страшное зрѣлище не требовало объясненія. Краббы съѣли человѣка, спрутъ съѣлъ краббовъ.

На скелетѣ не было и слѣдовъ одежды. Человѣкъ этотъ, очевидно, не былъ одѣтъ въ минуту смерти.

Жильять, всегда наблюдательный, принялся тщательно отрывать скелетъ изъ-подъ груди сухихъ краббовъ. Кто могъ быть этотъ человѣкъ? Скелетъ превосходно сохранился. Можно было подумать, что онъ препарированъ для анатомическаго театра, ни малѣйшаго остатка мускула, ни одной недостающей косточки. Еслибъ Жильять былъ знатокъ по этой части, онъ одобрилъ бы исполненіе. Еслибъ не случайныя зеленноватныя пятна отъ водорослей, то можно было бы принять его за слоновую кость. Хрящи были тщательно вычищены и сохранены. Могила иногда способна на подобныя угрюмо-визящныя произведенія.

Скелетъ былъ словно погребенъ подъ этой грудой засохшихъ краббовъ—Жильять принялся его отрывать.

Вдругъ онъ нагнулся.

На позвоночномъ столбѣ висѣло что-то въ родѣ пояса.

Это былъ кожаный ремень, которымъ при жизни былъ подпоясанъ несчастный.

Кожа заплѣсневѣла. Пряжка заржавѣла.

Жильять потянулъ къ себѣ поясъ. Позвонки не уступали. Онъ принужденъ былъ переломить позвоночникъ, чтобы высвободить его. Поясъ былъ цѣлъ, но уже покрытъ цѣлой корой раковинъ.

Онъ взялъ его въ руки и ощупалъ въ немъ что-то твердое. Нечего было и думать растегнуть пряжку. Онъ разрѣзалъ поясъ ножомъ.

Въ немъ оказались жестяной ящичекъ и нѣсколько золотыхъ. Жильять насчиталъ ихъ двадцать.

Ящичекъ былъ не что иное, какъ старая табакерка, съ пружиной. Она была заржавлена, такъ что петли уже не дѣйствовали.

Ножъ и на этотъ разъ вывелъ Жильята изъ затрудненія. Запустивъ кончикъ ножа въ щель, онъ отломилъ крышку.

Ящичекъ былъ открытъ.

Въ немъ оказались бумаги.

Маленькій пучокъ тонкихъ листочковъ, сложенныхъ вчетверо, лежалъ на днѣ. Бумажки отсырѣли, но были цѣлы. Ящичекъ,

герметически закрытѣй, сохранилъ ихъ невредимыми. Жильятъ расправилъ ихъ.

Это были три банковые билета, въ три тысячи фунтовъ стерлинговъ каждый, всего на сумму семидесяти-пяти тысячъ франковъ.

Жильятъ сложилъ ихъ и спряталъ въ ящичекъ. Онъ сунулъ туда же и золотыя монеты и бережно закрылъ крышку.

Затѣмъ онъ принялся разсматривать поясъ.

Кожа была когда-то лакирована, но только съ лицевой стороны. На потемнѣвшемъ фонѣ изнанки жирными чернилами было написано нѣсколько буквъ. Жильятъ съ трудомъ разобралъ ихъ и прочелъ: *сѣръ Клюбенъ*.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Положеніе дѣлъ въ Европѣ.—Дипломатическое посредничество Франціи.—Ходъ мирныхъ переговоровъ и участіе въ нихъ Франціи.—Перемирія и предварительныя условія мира.—Черкъ военныхъ дѣйствій въ Германіи и въ Италіи.

Положеніе политическихъ дѣлъ въ Европѣ измѣняется не только съ каждой недѣлею, но и съ каждымъ днемъ. Можно даже сказать, принимая въ соображеніе быстроту телеграфныхъ извѣстій, что каждый часъ готовъ принести вѣсть о такомъ событіи, которое даетъ другое направленіе политикѣ какъ воюющихъ, такъ и нейтральныхъ кабинетовъ. Примѣръ тому мы видѣли въ неожиданномъ извѣстіи объ уступкѣ Венеціи императору Наполеону. Фактъ этотъ долженъ былъ дать неожиданный оборотъ всему ходу дѣлъ. Вообще въ настоящее время весьма трудно отыскать такія данныя, по которымъ можно было бы съ достаточною вѣроятностію предугадывать результаты происшедшихъ военныхъ столкновеній, объ этихъ результатахъ можно говорить только гадательно. Несмотря однако на это, главная цѣль войны опредѣлилась теперь весьма ясно. Цѣль эта состоитъ въ новой организаціи Германскаго Союза по плану графа Бисмарка, и въ достиженіи Пруссіею первенствующаго положенія въ Европѣ. Этой главной цѣли подчиняются всѣ прочіе, связанныя съ нею вопросы, какъ-то: образованіе двухъ союзовъ въ Германіи, территоріальныя въ ней измѣненія въ пользу однихъ, и въ ущербъ другихъ нѣмецкихъ государей, уменьшеніе территоріальнаго пространства Австрійской Имперіи и положеніе Австріи среди германскихъ державъ. Что же касается Италіи, то главная цѣль предпринятой ею войны, повидимому, достигнута, хотя и не побѣдами итальянскаго оружія, такъ-какъ Венеціанская Область должна быть присоединена къ Итальянскому Королевству. Въ сущности можетъ быть только вопросъ о способѣ такого присоединенія и о возстановленіи военной чести Италіи, для которой настоящая война сопровождалась до сихъ поръ неудачами, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ.

Достиженіе Пруссіи главной ея цѣли должно будетъ сдѣлать ее едва-ли не самой могущественной державой въ Европѣ, тѣмъ болѣе, что въ продолженіе нѣкотораго времени, а именно до какихъ-либо испытанныхъ ею военныхъ неудачъ, на сторонѣ ея будетъ обаяніе ея нѣнѣшнихъ боевыхъ успѣховъ. Европейскіе кабинеты, судя по отзывамъ прессы, различно смотрятъ на такое послѣдствіе торжества Пруссіи надъ Австріей. Такъ въ Англіи, государственный секретарь иностранныхъ дѣлъ г. Стэнли высказалъ въ палатѣ общинъ мнѣніе; что появленіе въ Германіи такой могущественной державы, какой должна сдѣлаться Пруссія по исключеніи Австріи изъ состава Германскаго Союза, едва-ли будетъ угрожать какою-нибудь опасностію вліянію и могуществу Англіи. Еслибы война привела къ такому результату — замѣтилъ г. Стэнли — то очень можетъ статься, что усиліе Пруссіи на сѣверѣ Германіи сдѣлается предметомъ зависти для другихъ державъ, въ отношеніи въ которыхъ подобное могущественное государство было бы угрозою, или, по крайней-мѣрѣ, опасностію въ будущемъ, или, наконецъ, преградой, препятствіемъ къ дальнѣйшему ихъ территориальному развитію, но во всякомъ случаѣ, если сѣверъ Германіи сплотится въ одну могущественную державу, располагающую громадными силами, то — по мнѣнію г. Стэнли — и въ этомъ весьма-возможномъ явленіи для Англіи не будетъ ни угрозы, ни опасности. Такой взглядъ государственнаго секретаря иностранныхъ дѣлъ разделяетъ и палата общинъ; объ этомъ можно заключить по тѣмъ знакамъ одобренія, какіе вызваны были словами г. Стэнли.

Газета «Times», считавшая — какой-нибудь мѣсяць тому назадъ — Германскій Союзъ лучшимъ произведеніемъ политической организаціи и приписывавшая исключительно ему все хорошее, возникшее въ Германіи въ послѣдніи 50 лѣтъ, измѣнила теперь свое мнѣніе. «Несмотря на непопулярность пруссаковъ — говоритъ органъ Сити — несмотря на ненависть германскихъ либераловъ къ имени графа Бисмарка, все-таки, по нашему мнѣнію, весьма немногіе изъ нихъ не предпочли бы влюченія Германіи въ составъ Пруссіи, подъ управленіемъ графа Бисмарка, старому порядку дѣлъ. Какъ зрители событій, мы должны сознаться, что наступательное движеніе прусскихъ армій не встрѣчаетъ нравственныхъ препятствій, и жители сѣверной Германіи, не принадлежащіе къ сословіямъ военному и чиновничьему, довольны тѣмъ, что они становятся прусскими подданными».

Другая изъ англійскихъ газетъ, «Saturday Review», занимающая по своему значенію первое мѣсто послѣ газеты «Times», отзывается объ образѣ дѣйствій Пруссіи съ большимъ сочувствіемъ. По словамъ ея, Германія убѣдилась и должна убѣждаться все болѣе и болѣе, что она безъ Пруссіи беспомощна и можетъ существовать только подъ прусскимъ щитомъ. Выходъ Австріи изъ Германскаго Союза упомянутая газета считаетъ нужнымъ, такъ-какъ австрійская политика издавна задерживала развитіе Германіи, заботясь преимущественно о своихъ негерманскихъ силахъ.

Въ дѣлахъ германскихъ могло имѣть въ Англіи особый интересъ Королевство ГанOVERское, на которое англійская корона имѣетъ наследственные права. Хотя права эти и важны въ принципѣ, но въ практическомъ примѣненіи они не имѣютъ никакого значенія. ГанOVERская корона, въ случаѣ престѣпенія королевскаго ганOVERскаго дома, не должна перейти къ царствующей въ Англіи фамилии, потому что права на возможное наследованіе ГанOVERа принадлежатъ герцогу кембриджскому. Между тѣмъ въ Англіи даже и въ то время, когда англійская политика была обусловлена отношеніями къ ГанOVERу болѣе, чѣмъ въ настоящее время, ни одинъ англійскій министръ не считалъ нужнымъ употреблять вліяніе англійской дипломатіи въ пользу двоюроднаго брата королевы Викторіи. Вообще въ Англіи привыкли уже смотрѣть на ГанOVERа, какъ на владѣнн, совершенно отчужденнаго отъ англійской короны. Такимъ образомъ въ тѣхъ территоріальныхъ передѣлахъ, которыя предвидятся теперь въ Германіи, а также и въ новой ея политической организаціи, подѣ господствомъ Пруссіи, англійская политика не встрѣчаетъ ничего такого, что могло бы вызвать ея вмѣшательство въ столкновенія, происходящія на материкѣ Европы. Еще менѣе можетъ вліять на внѣшнюю политику англійскаго кабинета — изъ представителей какой бы партіи онъ ни состоялъ — ходъ событій въ Италіи. Симпатія Англіи постоянно склонялась на сторону Италіи, и теперь, когда, даже послѣ неудачи, испытанной итальянцами въ войнѣ съ Австріей — Венеціанская Область должна войти въ составъ Итальянскаго Королевства, для англійской политики не представляется никакой надобности вмѣшиваться въ австро-итальянскія столкновенія. Здѣсь рѣчь можетъ идти только о соперничествѣ Англіи съ Франціей, касательно ихъ вліянія на обще-европейскія дѣла. Но въ этомъ отношеніи Англія оказывала тюльрийскому кабинету постоянныя уступки; этого рода уступки должны быть теперь еще умѣнѣше, нежели прежде, такъ-какъ вліяніе самой Франціи значительно ослаблено тѣми успѣхами, которыя въ ущербъ ея политическому перевѣсу, приобрѣла Пруссія.

Совсѣмъ въ другомъ видѣ представляется политика Франціи, какъ по отношенію къ Германіи, такъ и по отношенію къ Италіи. Императоръ Наполеонъ, устранившійся прежде отъ всякаго вмѣшательства въ настоящія событія, является теперь посредникомъ между воюющими сторонами. Такое посредничество было бы, конечно, безусловно-выгодно для Франціи, еслибы оно не повело прямо къ усиленію Пруссіи, а между тѣмъ, только такой исходъ и могутъ имѣть хлопоты императора французоваго по взаимному соглашенію воюющихъ сторонъ. Но при этомъ Пруссія должна будетъ усилиться до такой степени, что за нею останется очевидный перевѣсъ въ Европѣ, такъ что Франція лишится того первенствующаго положенія, какое она занимала въ недавнее время. Императоръ Наполеонъ вынужденъ будетъ уступить свою роль королю Вильгельму I или, точнѣе сказать, графу Бисмарку.

Ударъ, наносимый теперь Пруссіей политическому могуществу

Франціи, готовился исподволь: онъ является какъ результатъ той политики, которой держался графъ Бисмаркъ въ отношеніи тюрингійскаго кабинета. Фактъ этотъ долженъ быть тѣмъ прискорбнѣе для Наполеона III, что Прусія дѣйствовала противъ Франціи собственнымъ оружіемъ императора. Ни одно государство не работало съ такимъ неутомимымъ стараніемъ и съ такимъ блистательнымъ успѣхомъ надъ уничтоженіемъ препятствій, замедлившихъ торжество французскихъ политическихъ доктринъ настоящаго времени, какъ Прусія, руководимая графомъ Бисмаркомъ. Прусскій министръ въ отношеніи къ внутреннимъ дѣламъ Прусіи весьма замѣтно слѣдовалъ системѣ нынѣшняго императора французовъ, стараясь всѣми средствами упрочить перевѣсъ правительства надъ народнымъ представительствомъ и поставить дѣла по внѣшней политикѣ въ зависимость отъ министерства, а не отъ парламента. Выѣстъ съ тѣмъ графъ Бисмаркъ, какъ и Наполеонъ III, сулитъ увѣнчать воздвигаемое имъ зданіе, и увѣнчаніе это, примѣнительно къ Прусіи и Германіи, будетъ состоять въ созваніи національнаго нѣмецкаго парламента.

По дѣламъ внѣшней политики графъ Бисмаркъ опирался на политическіе принципы императора французовъ. Такъ, въ 1864 году, въ началѣ датской войны, когда Наполеонъ объявилъ лондонскій трактатъ 1852 года недѣйствительнымъ, на томъ основаніи, что подписавшія его державы имѣли въ виду одни лишь династическіе интересы, не принявъ въ соображеніе желанія народовъ, Бисмаркъ пошелъ далѣе императора, и не на словахъ, а на дѣлѣ успѣшилъ уничтожить этотъ трактатъ, отправивъ въ пріэльбскія герцогства прусскія войска по имя національныхъ интересовъ Германіи. Когда, мѣсяца два тому назадъ, императоръ Наполеонъ въ рѣчи, сказанной имъ оксерскому меру, высказалъ свой приговоръ трактатамъ 1815 года, графъ Бисмаркъ повелѣ дѣло такъ, что менѣе чѣмъ черезъ три недѣли трактатамъ этимъ былъ нанесенъ самый рѣшительный и, можно даже сказать, послѣдній ударъ. Главное, непоколебленное еще до сихъ поръ созданіе этихъ трактатовъ — Германскій Союзъ, было уничтожено; Прусія не только вышла сама изъ союза, но и успѣла понудить къ удаленію изъ него Австрію. Въ отношеніи къ Италіи графъ Бисмаркъ косвенно сдѣлалъ то, что обѣщала ей императоръ французовъ, возвѣстившій торжественно, семь лѣтъ тому назадъ, что Италія должна быть свободна отъ Альпъ до Адриатическаго моря. Въ 1859 году, Наполеонъ III не осуществлялъ этого обѣщанія, онъ остановилъ свое побѣдоносное шествіе передъ грознымъ австрійскимъ четвероугольникомъ, и Венеція осталась за Австріей. Союзъ Италіи съ Прусіей замѣнилъ для нея Францію Прусіей, и благодаря этому союзу, вслѣдствіе битвы подъ Кеннигсгрецомъ, Австрія отказалась отъ Венеціи, несмотря на успѣхъ Австріи надъ итальянскою армію. Короче сказать, графъ Бисмаркъ исполнялъ на дѣлѣ то, что обѣщала и чѣмъ грозилъ Наполеонъ III, такъ что Прусія явилась опасною соперницею политическому могуществу Франціи, и конечно, обстоятель-

ство это должно тревожить императора французовъ и уменьшать то обязательное величіе, въ которомъ онъ являлся передъ Европой.

Франція начинаетъ уже тревожиться преобладающимъ въ Европѣ положеніемъ Пруссіи. Довозательствомъ этому служить тотъ переворотъ, который произошелъ въ отзывахъ французской журналистики о политикѣ и будущности Пруссіи послѣ того, когда перевѣсъ Пруссіи выразился слишкомъ явственно. Теперь даже «Opinion Nationale» — газета, бывшая до сихъ поръ первымъ и усерднѣйшимъ вѣстникомъ прусскихъ побѣдъ — заявляетъ опасенія на счетъ политики графа Бисмарка.

Общественное мнѣніе — по словамъ упомянутой газеты — сознаетъ потребность для Пруссіи сдѣлаться могущественною и однородною, неразрывно-сплоченною монархіею, оно не воспротивится расширенію ея территоріи отъ балтійскихъ береговъ до предѣловъ Майпа; но оно не допускаетъ, чтобъ гогенцолернскій домъ могъ распространить свое вліяніе на швабскія государства помощью федеральныхъ связей, могущихъ превратиться, съ теченіемъ времени, въ орудіе безусловнаго господства. При мысли объ этомъ, передъ французской газетой возстаетъ, въ лицѣ прусскаго Вильгельма, призракъ Филиппа Македонскаго, а въ лицѣ наслѣднаго прусскаго принца ей уже грезится Александръ Македонскій — покоритель вселенной. Правда, что покорить вселенную въ настоящее время не такъ легко, какъ прежде, но усиленіе и прямаго и косвеннаго господства Пруссіи въ Германіи будетъ имѣть неминуемымъ своимъ послѣдствіемъ введеніе въ политическую жизнь Европы новаго, преобладающаго надъ нею элемента. Исключительное преобладаніе Пруссіи въ Германіи приведетъ къ господству ея надъ всѣми странами, населенными германскимъ племенемъ и, вслѣдствіе этого, въ центрѣ Европѣ можетъ образоваться такая держава, которая, по массѣ ея населенія и по географическому ея положенію, будетъ преобладать надъ всѣми европейскими государствами.

Нелишнимъ будетъ замѣтить, что нѣкоторые органы французской журналистики, въ виду слишкомъ благоприятнаго хода дѣлъ для Пруссіи, доводятъ свои непріязненные къ ней чувства даже до того, что совѣтуютъ Франціи вступить въ тѣсный союзъ съ Австріею, этой, по ихъ же словамъ, «представительницею древняго права и неумолимою противницею національностей», противъ Пруссіи, «поборницею новаго права всеобщей подачи голосовъ и принципа національностей».

Тайна такого переворота, во мнѣніяхъ даже демократическихъ французскихъ журналовъ, заключается въ томъ, что принципъ національностей, въ примѣненіи его къ дѣлу, теперь въ первый разъ невыгоднымъ для Франціи образомъ затронулъ ея собственные интересы, такъ какъ объединенная Германія, въ особенности же подъ господствующимъ вліяніемъ Пруссіи, является болѣе опаснымъ сосѣдомъ, нежели прежній Германскій Союзъ, при существованіи котораго сила германской національности шла врознь вслѣдствіе

постояннаго соперничества между двумя первенствующими вѣмек-скими державами. Есть даже такія французскія газеты, которыя, какъ напримѣръ, «*Times*» и «*Courrier du Dimanche*», внушаютъ Франціи съ оружіемъ въ рукахъ противиться осуществленію политическаго единства Германіи.

Что же касается политики Россіи въ отношеніи къ настоящему положенію дѣлъ, то мы можемъ только повторить въ общихъ чертахъ тѣ мысли, которыя мы высказывали еще и прежде, и именно, что чрезмѣрное усиленіе Пруссіи, даже при несочувствіи Россіи къ Австріи, не можетъ соотвѣтствовать видамъ нашей политики, и что прежнее устройство Германіи было благопріятнѣе для вліянія Россіи на общеевропейскія дѣла, нежели то устройство, какое она можетъ получить при окончательномъ перевѣсѣ Пруссіи надъ Австріей, хотя бы въ Германіи и образовалась два отдѣльныхъ союза—сѣверный и южный.

Уступка Венеціанской Области Франціи и посредничество императора Наполеона, принятое имъ на себя по просьбѣ императора Франца-Иосифа, казалось, должны были выдвинуть Францію на самое видное мѣсто и подчинить ея прямому вліянію весь дальнѣйшій ходъ событій. Ожиданія эти, однако, не осуществились и Пруссія, попрежнему, господствуетъ надъ разсыпкою дѣлъ не только въ Германіи, но и въ Италіи. Уже одно то обстоятельство, что къ императору Наполеону обратились съ просьбою о посредничествѣ не всѣ воюющія стороны, но только Австрія, отдала много значенія у такой просьбы: Наполеонъ III явился въ этомъ случаѣ скорее только адвокатомъ гибнущей Австріи, нежели судьей, призваннымъ съобща воюющими сторонами положить конецъ ихъ распрямъ. При такомъ условіи французское посредничество лишилось того характера, которымъ должно отличаться дипломатическое вмѣшательство въ подобныхъ случаяхъ. Австрія прибѣгла къ императору Наполеону только вслѣдствіе крайне затруднительнаго положенія, рассчитывая даже вызвать вооруженное вмѣшательство Франціи, но не полагаясь на одну только нравственную ея поддержку. Между тѣмъ для того, чтобы нейтральная держава могла быть настоящей умиротворяющею посредницею, ей необходимо пользоваться одинаковымъ довѣріемъ отъ всѣхъ сторонъ, обращающихся къ ея посредничеству. Въ настоящемъ же случаѣ Францію нельзя считать державою, удовлетворяющею такимъ условіямъ. Она не можетъ быть безпристрастна къ тому дѣлу, которое призвана обсуждать, и никакъ не можетъ, по своимъ политическимъ видамъ, удовлетворять отъ всякихъ своекорыстныхъ побужденій, при употребленіи средствъ къ разрѣшенію воюющихъ столкновеній. Правда, Франція была заподозрена въ сочувствіи Пруссіи; подозрѣніе это отчасти оправдалось тѣмъ, что саксарскій кабинетъ не старался

предотвратить энергически такого столкновения, при которомъ, по всей вѣроятности, всѣ выгоды должны были остаться на сторонѣ Пруссіи, выступившей противъ Австріи въ союзѣ съ Италіей. Тогда Австрія не могла положиться на Францію, какъ на безпристрастную вполне посредницу. Теперь, когда сокрушительный успѣхъ Пруссіи встревожилъ Францію и когда возрастающее могущество Пруссіи становится для нея угрозою въ будущемъ, Пруссія, въ свою очередь, не можетъ податься на полное безпристрастіе французскаго посредничества. Правда, теперь какъ будто повѣло въ Европѣ миромъ, потому что, послѣ пятидневнаго перемирія, заключено новое, гораздо болѣе продолжительное перемиріе на четыре недѣли, и даже сдѣлались извѣстны предварительныя условія мира, но въ этомъ нельзя еще видѣть вліянія французскаго посредничества. Пруссія успѣла уже завоевать себѣ такое положеніе, что временное прѣращеніе венскихъ дѣйствій не можетъ лишитъ ея будущихъ успѣховъ. Притомъ ей даже самой выгоденъ нѣкоторый отдыхъ, потому что, несмотря на успѣхи, одержанные прусскою арміею, пруссаки дорого заплатились за свои побѣды. Еще необходимое оказывается перемиріе для Австріи, рассчитывающей на то, чтобы въ случаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій успѣть собрать свои силы на сѣверѣ для рѣшительной борьбы съ Пруссіей. Между тѣмъ Пруссія нечего опасаться такихъ расчетовъ Австріи, потому что отозваніе австрійскихъ войскъ изъ Венеціанской Области облегчитъ дѣйствія итальянцевъ, которые въ свою очередь могутъ предпринять наступательное движеніе на Вѣну, и тѣмъ самымъ оказать существенную помощь пруссакамъ. Притомъ перемиріе не должно быть чуждо и нравственнымъ интересамъ Пруссіи. Настоящая война имѣетъ характеръ междоусобной борьбы въ Германіи, и потому дѣльмъ менѣе будетъ воспоминаній о взаимныхъ пораженіяхъ нѣмцевъ нѣмцами, тѣмъ легче будетъ для Пруссіи утвердить свое нравственное вліяніе надъ Германіей. Частыя кровопролитныя битвы только усилятъ ожесточеніе противниковъ Пруссіи и слѣды этого ожесточенія нескоро изгладятся изъ памяти народа, даже и тогда, когда Пруссія утвердитъ свое господство надъ Германіей силою своего оружія.

Притомъ посредничество, котораго въ наступающемъ случаѣ Австрія искала у Франціи, имѣло собственно значеніе просьбы со стороны Австріи о томъ, чтобы Франція удержала Италію, находившуюся какъ-бы въ зависимости у тюльрійскаго кабинета, отъ дальнейшихъ нападений на Австрію. Но такой расчетъ Австріи не сопровождался успѣхомъ, такъ-какъ Италія не послушалась внушеній императора Наполеона, и предприняла наступательное движеніе на Венеціанскую Облaсть, а въ главѣ итальянскаго правительства сталъ баронъ Риказоли, противникъ французскаго вліянія на Италію. Вообще, соображая ходъ посредническихъ переговоровъ, нельзя поздравитъ Францію съ такою дипломатическою побѣдою, въ которой проявилось бы самостоятельное вліяніе ея политики, безъ содѣйствія многихъ постороннихъ обстоятельствъ.

О ходѣ переговоровъ теперь стало извѣстно слѣдующее. По утѣренію газеты «*Mémorial Diplomatique*», исходною точкою французскаго посредничества было письмо императора Наполеона къ королю Вильгельму I, содержавшее въ себѣ условія, принятыя вѣнскимъ кабинетомъ въ основаніе соглашенія, послѣдовавшаго между нимъ и тюрльрійскимъ кабинетомъ за нѣсколько времени до сраженія подъ Кенниггрецомъ. Но Прусія, послѣ этого сраженія, объявила, что она несогласна вступать въ переговоры на основаніи предложеній, сдѣланныхъ императоромъ Францомъ-Иосифомъ, такъ-какъ они должны быть измѣнены вслѣдствіе результатовъ войны, то-есть побѣды пруссаковъ. Г. Бенедетти поручено было склонить Прусію въ пользу программы, соображенной и принятой въ Парижѣ, а прусскій посланникъ при тюрльрійскомъ дворѣ, графъ Гольцъ, сообщилъ французскому министру иностранныхъ дѣлъ, г. Друзпу-де-Люп, особыя предложенія, составленныя съобща Прусією и Италією и требовавшія прежде всего исключенія Австріи изъ состава Германскаго Союза и преобразования этого союза подъ протекторатомъ Прусіи. Съ своей стороны вѣнскій кабинетъ энергически отвергъ это предложеніе, объявивъ однако, что онъ готовъ, для возстановленія мира и въ интересахъ общественнаго спокойствія, на всѣ уступки, согласныя съ честью и достоинствомъ Австрійской Имперіи. Въ виду этого, а также принимая въ соображеніе, что Германскій Союзъ фактически уничтожился въ силу неотразимыхъ обстоятельствъ, Франція только иначе формулировала оскорбительное предложеніе, сдѣланное Прусією и Италією Австріи объ исключеніи этой послѣдней изъ Германскаго Союза. Тюрльрійскій кабинетъ предложилъ признать за Прусією право образовывать изъ свѣрвннихъ германскихъ государствъ особый союзъ, съ предоставленіемъ прочимъ германскимъ правительствамъ располагать собою по собственному ихъ усмотрѣнію. Такое предложеніе въ сущности не противорѣчило ни въ чемъ проекту реформы, представленному Прусією почившему франкфуртскому сейму. Такимъ образомъ, французская дипломатія, какъ говорятъ французы, только позолотила ту пилюлю, которую пришлось проглотить Австріи. Въ этомъ собственно и заключается до сихъ поръ единственная заслуга Франціи, такъ-какъ во всемъ остальномъ вліяніе французской дипломатіи еще не проявлялось, да и врядъ-ли Прусія допуститъ подобное вліяніе.

Въ виду этого французская офиціозная пресса утѣшается тѣмъ, что война 1866 года испровергла въ Германіи порядокъ, созданный тамъ вѣнскимъ конгрессомъ въ угрозу Франціи. Она замѣчаетъ, что настоящая война уничтожила одинъ изъ самыхъ сильныхъ оцетовъ, созданныхъ Европою противъ Франціи, и напоминаетъ, что во время итальянской войны 1859 года, когда императоръ Наполеонъ, побѣдивъ Австрію во всѣхъ сраженіяхъ, подступилъ къ знаменитому четырехугольнику, то онъ увидѣлъ себя замкнутымъ со всѣхъ сторонъ Германскимъ Союзомъ, который отъ Триеста до Люксембурга представлялъ ему неодолимыя препятствія.

Конечно, уничтоженіе Германскаго Союза могло бы радовать Францію, несмотря даже на то, что прежній Германскій Союзъ втеченіе своего пятидесятилѣтняго существованія не проявилъ своихъ воинственныхъ силъ въ отношеніи къ Франціи. Но для Франціи невыгода возникающей нынѣ новой организаціи въ Германіи заключается въ усиленіи Пруссіи, и это усиленіе, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ опаснѣе, нежели прежнее устройство Германіи, силы которой были постоянно разрознены вслѣдствіе соперничества двухъ первенствовавшихъ нѣмецкихъ державъ. Изъ развалины трактатовъ 1815 года возникаетъ теперь такая политическая организація, которая будетъ стѣснять могущество Франціи гораздо сильнѣе, нежели та, хотя и громадная, но въ сущности весьма слабая линия обороны и наступленія, которая была противопоставлена честолюбивымъ стремленіямъ Франціи устройствомъ Германскаго Союза, на основаніи вѣсныхъ трактатовъ. Для того, чтобы въ прежнее время Германія могла угрожать Франціи, ей необходимо было дѣйствовать общими силами, но обобщить эти силы было невозможно при разнородности интересовъ Австріи и Пруссіи. Теперь же Пруссія завоевала себѣ рядомъ побѣдъ исключительное право распоряжаться судьбами Германіи. Приобрѣтеніе такого права, и составляло главную цѣль прусской политики, которая никогда не относилась благосклонно къ преобладанію французскаго вліянія на политическія событія въ Европѣ. Стоитъ вспомнить, что еще до 1848 года, Бисмаркъ, развивая свою идею соединенія и возрожденія Германіи подъ прусской гегемоніею, заявлялъ, что онъ соберетъ всю Германію подъ знамена Пруссіи для того, чтобы повести ее противъ Франціи. Конечно, личныя убѣжденія графа Бисмарка могли съ того времени значительно измѣниться, но событія въ Европѣ шли въ этомъ періодѣ такъ, что нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы Пруссія могла жить въ дружелюбныхъ отношеніяхъ къ Франціи, и спокойно смотрѣть на желаніе императора Наполеона приобрести прирейнскія области. Интересы Франціи въ Германіи вообще слишкомъ значительны, чтобы не возбудить соперничества между ею и Пруссіей, въ то время когда послѣдняя становится окончательно въ главѣ Германіи. Хотя теперь официальные притязанія Пруссіи ограничиваются только утвержденіемъ ея господства въ сѣверной Германіи, но сила обстоятельствъ должна будетъ рано или поздно подчинить тяготѣнію Пруссіи и южно-германскія государства. Существованіе ихъ, какъ cadaго въ отдѣльности, такъ и въ особомъ союзѣ, будетъ ли онъ находится подъ протекторатомъ Австріи или Баваріи, не можетъ быть прочно, если замыслы графа Бисмарка или будущиыхъ его преемниковъ по управленію Пруссіей будутъ клониться къ созданію единой Германіи. Въ ея единствѣ и заключается главная опасность для политическаго могущества Франціи.

Первоначальное перемирие между Австріей и Пруссіей было заключено на пять дней. Въ виду такого короткаго перерыва военныхъ дѣйствій, не могло быть никакихъ прочныхъ надеждъ на заключеніе мира. Перемирие это было не болѣе, какъ только отдыхъ для утомленныхъ армій, потому что въ пять дней, несмотря на всю быстроту сношеній и по телеграфамъ и по желѣзнымъ дорогамъ, не было никакой возможности договориться даже по главнымъ пунктамъ такого дѣла, какимъ бываетъ мирный трактатъ, особенно если къ ованчиваемой ими войнѣ противники ириготовлялись такъ медленно, какъ готовились Австрія и Пруссія. Дѣйствительно, пятидневное перемирие предшествовало болѣе продолжительному прекращенію военныхъ дѣйствій, такъ-какъ австрійскіе уполномоченные дали свое согласіе на тягостныя для Австріи предварительныя условія мира и договорились о приостановленіи военныхъ дѣйствій на четыре недѣли. Вслѣдствіе этого, теперь является болѣе надежды на заключеніе мира, такъ-какъ въ продолженіе четырехъ недѣль можно будетъ обсудить требованія обѣихъ сторонъ и на основаніи дѣлаемыхъ каждою изъ нихъ предложеній составить окончательный проектъ обоюднаго соглашенія.

Теперь сдѣлались извѣстны только предварительныя условія мира. Условія эти, какъ и надобно ожидать, склоняются прямо въ пользу Пруссіи и въ ущербъ Австріи. Эти условія, предложенныя или, вѣрнѣе сказать, предписанныя Австріи Пруссіей, какъ побѣдительницею, заключаются прежде всего въ расторженіи Германскаго Союза, съ тѣмъ, чтобы Сѣверная Германія составила новый союзъ подъ предводительствомъ Пруссіи, а южная Германія получила бы право образовать изъ себя особую федерацію. Такимъ образомъ война, которую вела Пруссія за единство Германіи, оканчивается, повидимому, противоположнымъ результатомъ. Политическое единство Германіи теперь не только не скрѣпляется, но, напротивъ, оно ослабляется какъ въ принципѣ, такъ и въ дѣйствительности. Германскія государства, раздѣленные на два отдѣльныхъ союза, будутъ чужды одно другому еще болѣе, нежели они были въ то время, когда они имѣли по крайней-мѣрѣ одинъ политическій центръ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ.

Вмѣстѣ съ этимъ возникаетъ весьма важный вопросъ о томъ, станетъ ли Австрія во главѣ южнаго союза, или же эта честь будетъ предоставлена Баваріи. Если Пруссія согласилась бы уступить такое положеніе Австріи, то въ сущности Германія будетъ представлять то же, что представляла она и прежде, т.-е. она будетъ находиться опять подъ двойственнымъ вліяніемъ, такъ-какъ на сѣверѣ ея будетъ господствовать Пруссія, на югѣ Австрія. Вся разница, противъ прежняго, заключалась бы тогда только въ томъ, что раздѣленіе Германіи на двѣ партіи, прусскую и австрійскую, опредѣлилось бы съ болѣею ясностью, нежели прежде, но само собою разумѣется, что это будетъ еще болѣе вредить идеѣ національнаго германскаго единства. Къ этому прибавится еще и двойственность реляціознаго элемента, такъ-какъ сѣверная Германія по преимуще-

ству протестантская, а южная католическая. При такихъ условіяхъ неизбежное соперничество между Австріей и Пруссіей за политическое преобладаніе въ Германіи, было бы неизбежнымъ послѣдствіемъ. Если же во главѣ южнаго германскаго союза, съ совершеннымъ удаленіемъ Австріи, станетъ Баварія, то при этомъ для южнаго союза будетъ представляться опасность подчиниться сперва косвенному, а потомъ и прямому влиянію Пруссіи, такъ-какъ Баварія не на столько сильна, чтобъ могла противостоять Пруссіи. Судя по доходящимъ нынѣ свѣдѣніямъ, Австрія совершенно исключается изъ системы германскихъ державъ, слѣдовательно Баваріи придется заступить ея мѣсто во главѣ южно-германскаго союза.

Другое условіе проектируемаго нынѣ мира заключается въ увеличеніи прусской территоріи, но увеличеніе это должно быть проведено не на счетъ Австріи. Пруссія увеличить свою территорію присоединеніемъ приэльбскихъ герцогствъ, завоеванныхъ ею въ союзѣ съ Австріей. Слѣдовательно, при этомъ Австрія все-таки понесетъ нѣкоторую территоріальную потерю. Кромѣ того, подъ предлогомъ исправленія своихъ границъ, Пруссія требуетъ для себя нѣкоторыя, прибрѣтенныя уже ея оружіемъ области, а именно: часть Королевства ГанOVERCкаго, Герцогства Нассауское, Верхній Гессенъ, Курфюршество Гессенское и вольный городъ Франкфуртъ. Она не хочетъ также отказаться и отъ Бадена, хотя Баденское Герцогство, по своему географическому положенію, и должно примкнуть къ южно-германскому союзу. Съ своей стороны Пруссія изъявляетъ готовность на одну только уступку — на отдачу Дачіи съ верхней части Шлезвига до Апенраде, тогда какъ южная его часть должна остаться за Пруссіей. Въмѣстѣ съ этимъ къ прусскому королю должны перейти наслѣдственные права ганOVERCкаго дома на Герцогство Брауншвейгское. Саксонское королевство предполагается во всемъ его составѣ возвратитъ настоящему королю за денежное впрочемъ вознагражденіе. На Австрію падаютъ всѣ военныя издержки, до окончательнаго же заключенія мира и до уплаты этихъ издержекъ, Богемія и Моравія останутся во власти пруссаковъ. Въ эти области удалится прусская армія со всѣхъ занимаемыхъ нынѣ ею позицій.

Эти предварительныя условія заключены были между Австріей, Пруссіей и Италіей и не относились нисколько къ южно-германскимъ державамъ, контингенты которыхъ составляли изъ себя 7-й и 8-й корпуса союзной арміи. Что же касается требованій, предъявленныхъ собственно Италіей, то они состоятъ въ измѣненіи способа уступки Венеціи, въ присоединеніи другихъ областей, заключающихся въ естественныхъ границахъ Адриатическаго полуострова и до сихъ поръ подчиненныхъ Австріи и, наконецъ, въ немедленности Австріи въ римскія дѣла.

Хотя Австрію не хотятъ допустить ни въ северный, ни въ южный германскій союзъ, но тѣмъ не менѣе, при оставленіи за нею территоріальныхъ владѣній (исключая только Венеціанскую Область), ее не низводятъ на степень второстепенной державы. Этому

Австрія обязана, конечно, прежде всего, консервативнымъ воззрѣніямъ ея побѣдителя. Слѣдуя внушеніямъ графа Бисмарка, король Вильгельмъ хотя и домогается совершеннаго устраненія Австріи отъ дѣлъ Германіи, но тѣмъ не менѣе онъ не рѣшается уничтожить окончательно значеніе монархіи Габсбурговъ, которая впродолженіе слишкомъ четырехъ вѣковъ стояла во главѣ всей Германіи и въ теченіе слишкомъ двухъ столѣтій сдерживала властолюбивыя стремленія Франціи противъ политической независимости Германіи и значительно препятствовала утвержденію французскаго господства въ Италіи. Существованіе государства съ такими историческими преданіями можетъ вазаться для Пруссіи лишнимъ, если она пмѣветъ въ виду раннее или позднее соперничество съ Франціей за прирейнскія германскія земли.

По всей вѣроятности, при обсужденіи предварительныхъ условій мира произойдутъ нѣкоторыя измѣненія въ заявленныхъ нынѣ требованіяхъ. Но какой бы ни послѣдовалъ исходъ настоящихъ мирныхъ переговоровъ, во всякомъ случаѣ число нѣмецкихъ государей должно будетъ нѣсколько сократиться. Такъ, Пруссія требуетъ медиатизаціи курфюрста гесенскаго и герцога нассаускаго. Требования эти могутъ быть достигнуты безъ особыхъ усилій, потому что среди германскаго населенія давно уже господствуетъ мысль о необходимости сократить число нѣмецкихъ владѣтелей, содержаніе которыхъ требуетъ отъ страны усиленныхъ издержекъ. Въ виду предстоящихъ потерь, германскіе государи, лишеныя Пруссіей своихъ владѣній, собрались въ Вѣнѣ на общее совѣщаніе, и дѣлаютъ самыя отчаянныя усилія для того, чтобы склонить иностранныя державы, въ особенности же Францію, въ пользу конгресса, который рѣшилъ бы вопросъ объ ихъ существованіи. Само собою разумѣется, что при этомъ они утѣшаются надеждой на успѣхъ, полагая, что европейскіе кабинеты, озабоченные успѣхами прусскаго оружія, будутъ дѣйствовать въ духѣ, противномъ прусской политикѣ.

При началѣ настоящей войны трудно было угадать, на чьей сторонѣ останется побѣда, хотя, судя по военнымъ силамъ Австріи и Пруссіи, надобно было предполагать, что первая будетъ въ состояніи выдержать борьбу съ болѣе сильнымъ, и не будетъ доведена такъ скоро до необходимости склониться передъ своею соперницею. Численное превосходство находилось, при открытіи кампаніи, на сторонѣ Австріи и ея союзниковъ. Народонаселеніе Австріи и союзныхъ съ нею государствъ составляло въ общей сложности 52 миліона, изъ которыхъ собственно на долю Австріи приходилось 38 миліоновъ, а остальные 14 миліоновъ распредѣлялись между союзными съ нею германскими державами. Между тѣмъ народонаселеніе Пруссіи и союзныхъ съ ней нѣмецкихъ государствъ, а также и Италіи простиралось въ общей сложности только до 43

миллионовъ, причемъ на Прусію приходилось 18 миллионовъ, на союзныя съ нею германскія государства 3 миллиона и на Италію 22 миллиона. Такимъ образомъ Австрія въ этой войнѣ по численности народонаселенія, пришедшаго въ столкновение, имѣла значительное превосходство. При этомъ, большая выгода Австріи заключалась еще и въ томъ, что она стала въ оборонительное положеніе, тогда какъ непріатели ея начали дѣйствовать наступательно.

Что касается военныхъ силъ, бывшихъ въ распоряженіи воюющихъ сторонъ, то и въ этомъ отношеніи перевѣсъ оказывался на сторонѣ Австріи и ея союзниковъ, хотя и не въ такой степени, какъ въ отношеніи числа народонаселенія. Въ Австріи дѣйствующая армія состояла изъ 600,000 человекъ, а союзные контингенты, долженствовавшіе примкнуть къ австрийцамъ, составляли армію въ 250,000 человекъ. Слѣдовательно все это вмѣстѣ составляло войско въ 850,000 человекъ. Сверхъ того Австрія имѣла 200,000 резервнаго войска, не говоря уже о томъ, что она могла, въ случаѣ надобности, прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ наборамъ и что союзники ея: Баварія, Саксонія и Вюртембергъ, могли выставить въ поле гораздо болѣе войска, чѣмъ сколько они обязаны были выставить по силѣ союзнаго уложенія.

Необыкновенно быстрые успѣхи пруссаковъ приписываютъ скорости ихъ движеній и губительному ихъ оружію. Съ этимъ, конечно, можно согласиться, но нельзя не принять въ соображеніе и другихъ обстоятельствъ, особенно если сообразить, что въ самомъ болѣе сраженіи, подѣ Кѣнигсгрецомъ, боевые средства непріателей были одинаковы, такъ-какъ австрийцы не только выдерживали долгое время напоръ пруссаковъ, но и предвидѣли уже побѣду на своей сторонѣ. Даже послѣ сраженія подѣ Кѣнигсгрецомъ, Австрія была въ состояніи, судя по численности ея военныхъ силъ, продолжать борьбу съ Прусіей, еслибы этими силами двигалъ народный духъ. Вѣда для Австріи заключается въ томъ, что многочисленная ея армія не только не имѣетъ національнаго единства, но даже слагается вся изъ элементовъ, враждебныхъ одинъ другому въ національномъ смыслѣ. Национальности, защищающія права и честь Австріи, и имѣющія своихъ представителей въ арміи, постоянно подавляли одна другую подѣ австрийскими знаменами. Такъ, венгерскіе полки стояли въ Италиі, какъ военная сила, враждебная итальянцамъ; итальянскіе полки были тѣмъ же самымъ въ Венгріи. Такое же значеніе получили и славянскіе полки, занимавшіе постоемъ неславянскія области Австріи. Быть можетъ, австрийскому императору и удалась бы новая боевая попытка противъ пруссаковъ, но дѣло въ томъ, что ему нельзя положиться на такую армію, которая, по своему разноплеменному составу, представляетъ весьма мало нравственнаго единства.

Притомъ, даже нѣмецкое населеніе Австріи, всегда болѣе вѣрное и довольное своимъ первенствующимъ положеніемъ въ имперіи, разошлось съ правительствомъ въ ту минуту, когда единодушіе было всего необходимымъ. Вѣнскій муниципальный совѣтъ ос

Жѣлался требовать перемирія министерства, а поголовный сборъ, предписанный императоромъ, встрѣтилъ даже въ нѣмецкихъ областяхъ сильное сопротивленіе. Всѣ эти обстоятельства поставили императорское правительство въ крайнее затрудненіе, занятіе же пруссаками Богеміи, Моравіи и Силезіи вмѣстѣ съ уступкою Венеціи, значительно сократили тѣ средства, которыми Австрія могла располагать при началѣ войны.

Пруссаки воспользовались настоящимъ положеніемъ Австріи и послѣ кѣнигсгрецкаго сраженія предприняли смѣлое движеніе на Вѣну. Вторженіе ихъ въ Моравію было исполнено по тому же плану, которому они слѣдовали при вторженіи въ Богемію, то-есть они шли двумя колоннами и соединились въ Никольсбургѣ, получившемъ теперь историческую извѣстность, вслѣдствіе заключенной въ немъ конвенціи. Съ своей стороны австрійцы готовились къ сраженію пруссаковъ у императорской столицы и устроили во Флорисдорфѣ укрѣпленный лагерь для арміи, долженствовавшей защитить Вѣну. Кромѣ того, они оставили значительное войско въ Ольмюцѣ и гарнизоны въ Терезіенштадтѣ, Кѣнигсгрецѣ и Іозефштадтѣ. Вообще австрійцы распоряжались своими боевыми силами такимъ образомъ, какъ будто они предвидѣли отступленіе пруссаковъ, а потому и готовились воспользоваться этимъ отступленіемъ для пораженія врага. Но этимъ надеждамъ не суждено было осуществиться. Пруссаки заняли Прагу и Брюннъ, столицы Богеміи и Моравіи, а бивуачные огни пруссаковъ уже пылали въ виду Вѣны, когда 10 іюля заключено было первое пятидневное перемиріе. Демаркаціонною линіею между войсками австрійскими и прусскими была линія, проводимая съ Тайи отъ Никольсбурга на Лундебергъ, а потомъ по рѣкѣ Мархѣ.

Дѣйствія майнской арміи тоже сопровождались успѣхами. 2-го (14 іюля) пруссаки одержали при Ашафенбургѣ побѣду надъ соединенными силами австрійцевъ, кургессенцевъ и дармштадтцевъ. Ашафенбургъ былъ взятъ приступомъ и пруссаки перебросили неприятеля за Майнъ. Дальнѣйшимъ послѣдствіемъ этой побѣды было оставленіе союзными войсками Фанкфурта-на-Майнѣ и Ганау. Потомъ пруссаки заняли Дармштадтъ и Виберихъ въ Герцогствѣ Нассаускомъ.

Что касается военныхъ дѣйствій въ Италіи, то послѣ уступки Венеціанской Области императору Наполеону, итальянцы были поставлены въ затруднительное положеніе относительно наступательнаго движенія на австро-итальянскія владѣнія, сдѣлавшіяся неожиданно достояніемъ Французской Имперіи. Несмотря, однако, на это, генералъ Чіальдини съ 160,000 арміею перешелъ Эчѣ. Австрійцы уходили съ занятыхъ ими позицій, уничтожая и взрывая на воздухъ возведенныя ими укрѣпленія, которыя показывали, съ какими усиліями должны были бы двигаться впередъ итальянцы, если бы австрійская армія не уступила имъ этихъ укрѣпленій безъ боя. Двигаясь впередъ, итальянская армія заняла Падую и Виченцу, а по послѣднимъ извѣстіямъ, король Викторъ-Эмануилъ предложилъ

австрийскому коменданту сдать Венецію на капитуляцию, угрожая въ противномъ случаѣ бомбардировать этотъ городъ. Въ Венеціи были оставлены австрийцами только восьмидесячный гарнизонъ, а такъ какъ отдача Венеціи дѣло уже рѣшенное, то, по всей вѣроятности, требованіе короля не встрѣтитъ сопротивленія. Такимъ образомъ, Венеція перейдетъ непосредственно во власть короля Италіи. Любопытно только знать, какъ взглянуть на это императоръ французовъ, привыкшій считать Италію какъ состоящую въ вассальной зависимости отъ Франціи. Дѣйствія гарибальдийскихъ волонтеровъ въ Тиролѣ не представляютъ, попрежнему, ничего замѣчательнаго, хотя въ нѣкоторыхъ схваткахъ имъ удалось взять верхъ надъ австрийцами и овладѣть небольшимъ фортомъ Апиола. Богдъ Гарибальди и неопредѣленность дѣйствій итальянской арміи служить, безъ всякаго сомнѣнія, причиною тому, что волонтеры не предпринимаютъ ничего рѣшительнаго. Недостатокъ артиллеріи также немало способствуетъ этому.

Замѣчательнымъ событіемъ въ нынѣшней австро-итальянской войнѣ было морское сраженіе при островѣ Лиссѣ.

Первыя извѣстія объ этомъ сраженіи были равнорѣчивы, такъ какъ и австрийцы и итальянцы считали себя побѣдителями. Оказывается однако, что дѣйствительный успѣхъ остался на сторонѣ австрийскаго флота. Событіе это должно было отозваться для итальянцевъ тѣмъ прискорбіемъ, что въ Италіи общественное мнѣніе ни о чемъ не отзывалось съ такимъ единодушіемъ и съ такою увѣренностію, какъ о превосходствѣ итальянскаго флота надъ австрийскимъ. Тутъ дѣло шло не только о численномъ превосходствѣ, которое положительно было на сторонѣ итальянскаго флота, такъ какъ онъ, по числу судовъ, матросовъ, орудій и лошадиныхъ силъ, превосходилъ почти вдвое морскія силы Австріи. Итальянцы гордились своими матросами изъ генуэзцевъ, какъ опытными и безстрашными моряками, и полагали, что австрийскіе экипажи, набранные изъ венеціанцевъ и далматовъ, будутъ болѣе опасны для австрийцевъ, нежели для итальянцевъ. Разсчитывая на все это, итальянцы не знали, чѣмъ объяснить бездѣйствія адмирала Персано, тратившаго по пустому время на стоянку въ анконской гавани. Особенно громко заговорили въ Италіи не въ пользу адмирала Персано въ то время, когда Чіальдини пошелъ на Венецію и когда, повидимому, наступилъ самый благоприятный моментъ для уничтоженія австрийскаго флота.

Правда, что уступая общему ропоту, адмиралъ Персано отправился крейсировать; но пробывъ въ морѣ пять дней, онъ возвратился опять въ Анкону, объявивъ, что онъ извѣздилъ все Адриатическое море, но что ему не удалось напасть на австрийскую эскадру, которая стояла въ гавани Пола, охраняемая не только двойными рядами приморскихъ батарей, но и множествомъ подводныхъ минъ. По личному настоянію морскаго министра Депретиса, адмиралъ Персано 5-го (17-го) іюля снова вышелъ въ море, и на другой день, подойдя къ острову Лисса, принадлежащему къ

Далмацін, готовился произвести высадку, какъ вдругъ получено было извѣстіе, что австрійскій адмиралъ Тегетгофъ вышелъ изъ Пола и свѣшить на выручку Лиссы. Персано предпочелъ встрѣтиться съ неприятелемъ въ открытомъ морѣ и при происшедшемъ здѣсь сраженіи, великолѣпный итальянскій фрегатъ «Re d'Italia» и броненосное судно «Affondatore» были пущены ко дну австрійскіи броненосецъ «Ferdinand-Max», и корабель «Kaiser», а «Palestro», называемый австрійцами панцирнымъ фрегатомъ, а итальянцами—канонеркою, взлетѣлъ на воздухъ. Послѣ упорнаго сраженія, продолжавшагося нѣсколько часовъ, итальянскій флотъ остался на тѣхъ водахъ, гдѣ происходила битва, и, вслѣдствіе этого обстоятельства, итальянцы приписываютъ побѣду себѣ. Но эта мнимая побѣда не принесла имъ желаемыхъ результатовъ, такъ-какъ ихъ флотъ оставилъ островъ Лиссу и возвратился въ Анкону. Австрійскій же флотъ, тоже торжествуя побѣду, удался въ Полу. Если, однако, взвѣсить потери, понесенныя въ этомъ сраженіи обѣими сторонами, то нельзя не признать, что бой итальянскаго флота съ австрійскимъ сопровождался неудачею для перваго. Такимъ образомъ, итальянцамъ, для возстановленія ихъ военной чести, приходится отплатить двойное пораженіе, испытанное ими и на сушѣ и на морѣ.

ГРАФЪ БИСМАРКЪ. •

Статья вторая.

Въ Парижѣ—продолжаетъ Шлезингеръ—графъ Бисмаркъ совершенно увлекся бонапартизмомъ и, находясь подъ неутрапнымъ вліяніемъ этой политическаго доктрина, пересадилъ вслѣдствіи на германскую почву новый способъ преслѣдованія газетъ, полуофіціальныя или, такъ-называемыя, офиціозныя органы, признаніе принципа національностей—но только въ отношеніи къ Шлезвиг-Гольштейну, а никакъ не къ Познаню, ограниченіе свободы слова въ парламентѣ, введеніе общей подачи голосовъ, занесиванье въ средѣ рабочихъ классовъ и особенно стремленіе отвлечь вниманіе націи отъ внутреннихъ дѣлъ посредствомъ эффектовъ внѣшней политики. Конечно, не всѣхъ предположенныхъ цѣлей успѣлъ достигнуть г. Бисмаркъ съ равнымъ успѣхомъ. Причиной неудачи былъ столько же прямой и благородный характеръ прусскаго короля, сколько собственная негерцѣливость перваго министра и крайнее цедовѣріе пруссаковъ ко всему, что имѣетъ видъ власти.

О дѣйствіяхъ г. Бисмарка въ Парижѣ авторъ не могъ приобрѣсти положительныхъ свѣдѣній. Онъ предполагаетъ, догадывается, но вѣрно то, что императоръ французовъ былъ расположенъ къ прусскому посланнику, мысли котораго совпадали, можетъ быть, съ тенденціями французской полптики. Впрочемъ, такъ-какъ онъ принадлежали ему собственно, то и не могли въ то время имѣть особеннаго значенія для французскаго правительства. Даже когда Бисмаркъ сдѣлался главою министерства, въ Парижѣ сомнѣвались, чтобы онъ надолго удержалъ за собою этотъ важный постъ, и еще менѣе надѣялись на сочувствіе короля къ его смѣлымъ замысламъ, съ которыми онъ успѣлъ будто бы познакомить графа Валевскаго. Шлезингеръ полагаетъ, что поѣздка г. Бисмарка въ Парижъ, черезъ нѣсколько недѣль послѣ его назначенія президентомъ совѣта, была предпринята имъ совсѣмъ не для того, чтобы лично откланяться императору, но съ цѣлью уничтожить эти сомнѣнія. Король Вильгельмъ I сдѣлалъ его первымъ министромъ 24 сентября 1862. то-есть въ тотъ самый день, когда графъ Россель, сопровождавшій королеву Викторію въ Германію, написалъ въ Готѣ извѣстную свою депешу по шлезвиг-голтштинскому вопросу. Съ этого дня началась рѣшительная реакція въ Пруссіи. Народъ былъ пораженъ страхомъ, видя, что кабинетъ составился исключительно изъ членовъ феодальной партіи, питавшей сперва личную неприязнь къ королю, и что въ главѣ этого кабинета стоитъ человекъ, инстинктивно нелюбимый странною, котораго большинство парламента считало неутомимымъ врагомъ прогресса, а второстепенные германскіе дворы боялись, какъ самаго опаснаго противника.

Впрочемъ, нѣтъ недостатка въ фактахъ, доказывающихъ, что графъ Бисмаркъ серьезно думалъ въ то время о соглашеніи съ палатою. Но къ несчастію, распря сосредоточилась на такомъ вопросѣ, что ни кабинетъ, ни палата, не хотѣли уступить другъ другу. Дѣло шло, какъ извѣстно, о преобразованіи арміи, и правительство потерпѣло два рѣшительныя пораженія. Министерство конституціонныхъ государствъ выходитъ въ подобномъ случаѣ въ отставку, и составляется новый кабинетъ. Но такъ-какъ прусскіе министры признаютъ себя слугами короля, а не страны, то тамъ побѣда, одержанная надъ ними палатою, не имѣла такого результата, и г. Бисмаркъ продолжалъ попрежнему не скрывать къ депутатамъ своего презрѣнія. Когда предводители либераловъ сослались на конституцію, онъ отвѣтилъ имъ, что «у короны совсѣмъ не тѣ права, какія даются конституціею». Когда намекнули ему на опасность столкновенія между народомъ и короною, онъ замѣтилъ съ своей обычной безпечностью, что преса и члены палаты смотрятъ на это столкновение «съ слишкомъ уже трагическою точкою зрѣнія». Когда Форкенбекъ сказалъ, что это — борьба за права народа, то г. Бисмаркъ сослался на «трудность управлять Пруссіею конституціоннымъ образомъ, вслѣд-

стве индивидуальной независимости каждого изъ ея гражданъ. «Несравненно легче—продолжалъ онъ — дѣйствовать правительству во Франціи... Прусія слишкомъ образована для конституціи... Народъ въ ней слишкомъ склоненъ къ критикѣ... Въ средѣ его много Катилинъ, горячо заинтересованныхъ революціями... Германскимъ народамъ нѣтъ дѣла до либерализма Пруссіи, они смотрятъ на ея силу... Великіе вопросы нашего времени должны рѣшаться не рѣчами и не раздѣленіемъ на партіи, но желѣзомъ и кровью». Въ то же время одинъ изъ предводителей феодаловъ, Клейст-Ренцовъ потребовалъ почти нисколько недвусмысленно, чтобы правительство произвело coup d'état, и объявилъ, что «власть сама по себѣ есть божій даръ», и что какъ скоро кабинетъ дастъ понять народу, что онъ желаетъ имѣть ее, то народное сочувствіе будетъ на его сторонѣ. Верхняя палата не задумалась одобрить эти мнѣнія, отвергнувъ предложеніе Арнима отъ 11 октября огромнымъ большинствомъ голосовъ. Черезъ два дня палата была распущена, и правительство приняло на свою отвѣтственность управление страной, безъ военнаго бюджета.

Итакъ, сила была противопоставлена праву, и изъ рукъ народныхъ представителей было вырвано единственное ихъ оружіе—власть кошелька. За этимъ фактомъ послѣдовали, какъ водится, проявленія матеріальной силы. Начались преслѣдованія либеральныхъ газетъ и тѣхъ чиновниковъ, которые, бывъ членами нижней палаты, дѣйствовали не въ духъ правительства. Редакторы газетъ отдавались подъ судъ за очень невинныя статейки, порою за простыя даже увѣдомленія, подъ предлогомъ «нарушенія гавцеллярской тайны», «неуваженія къ власти», «возбужденія ненависти и презрѣнія къ правительству» и т. д., и т. д. Хотя уголовные суды (вопросы по дѣламъ печати разсматриваются въ Пруссіи не въ судѣ присяжныхъ) почти всегда оправдывали обвиненныхъ, однакоже временная, но безпрестанная конфискація тѣхъ номеровъ, гдѣ были номѣщены возбудившія преслѣдованіе статьи, наноса чувствительный вредъ либеральнымъ газетамъ, принуждала ихъ если и не совсѣмъ, то почти совсѣмъ отказываться отъ оппозиціи правительству. Что касается чиновниковъ, то ихъ, не исключая изъ службы, перемѣщали изъ одного города въ другой, и притомъ, какъ можно болѣе отдаленный отъ мѣста ихъ прежняго жительства. Народъ былъ приведенъ въ негодованіе этимъ неустаннымъ преслѣдованіемъ. Составилось общество для сбора фонда на вспоможеніе угнетеннымъ чиновникамъ, и въ его кассу потекли большія суммы со всѣхъ сторонъ Пруссіи. Но правительство предписало полиціи запретить всякій денежный сборъ безъ разрѣшенія законныхъ властей, и такимъ образомъ прекратило и эту оппозицію, или по крайней-мѣрѣ отняло у нея открытый, публичный характеръ.

Вародженіе первыхъ мѣсяцевъ высшей государственной дѣятельности Висмарка, отношенія Пруссіи къ Австріи были не только дружественны, но даже интимны. Императоръ Францъ-Іосифъ

завидоваль своему царственному дядѣ, что онъ имѣеть министра, способнаго подавить всякое революціонное движеніе въ Средней Европѣ. Ему нравилась также мысль графа Висмарка, который неоднократно говорилъ въ палатѣ, что Прусія должна идти рука объ руку съ Австріею для поддержанія мира и спокойствія въ Германіи, хотя и не раздѣляль мнѣнія г. Штейна, писавшаго однажды къ Мюнстеру, что «для него все равно, кто бы ни господствовалъ надъ Германіею—Прусія или Австрія, если только господство это будетъ практично». Впрочемъ, мысль, возбуждавшая сочувствіе австрійскаго императора, начала мало-по-малу уступать мѣсто въ умѣ г. Висмарка убѣжденію, что Прусія не исполнитъ своего призванія до тѣхъ поръ, пока не будетъ Австрія совершенно уничтожена. Въ началѣ 1863 г. онъ въ первый разъ выразилъ официально это убѣжденіе. Разговаривая съ графомъ Кароли, Висмаркъ жаловался на неприязненность вѣнскаго кабинета и, какъ часто случается съ нимъ, высказалъ при этомъ случаѣ, въ минуту увлеченія, самыя задушевныя мысли, которыми едва-ли дѣлился съ кѣмъ прежде. Онъ увѣрялъ, что Прусія не окажетъ помощи Австріи при новой распрѣ ея съ Италіею, что онъ, Висмаркъ, посовѣтоваль бы даже королю не соблюдать нейтралитета въ такомъ случаѣ, что Австрія должна прекратить свои интриги противъ Прусіи, если не хочетъ она быть виновницею расторгенія Германскаго Союза, и, наконецъ, что если несогласна она дѣйствовать заодно съ Прусіею, то было бы лучше для нея поискать центра тяжести въ Офенѣ. Кароли счелъ долгомъ дать гласность этимъ угрозамъ для того, чтобы Австрія и второстепенныя государства союза были насторожѣ. Выраженіе: «Австрія должна будетъ исвать центра своей тяжести въ Офенѣ», повторялось часто въ газетахъ всѣхъ отѣтчиковъ, но едва-ли кто изъ европейскихъ публицистовъ зналъ, когда и гдѣ было оно сказано въ первый разъ. Разговоръ между двумя дипломатами происходилъ, поминется, въ январѣ 1863 года, и угрозы, которыя показались, можетъ быть, въ то время нѣсколько забыванными французскому послу, сбылись теперь почти съ буквальной точностью. Мы видимъ, что Прусія дѣйствительно соединилась съ Италіею, что Германскій Союзъ расторгнутъ, и что вытѣсненная изъ него Австрія должна исвать будущаго центра своей силы въ Венгріи.

Въ 1863 году возникла опять борьба между министерствомъ и вновь составленной палатою, члены которой руководствовались принципами своихъ предшественниковъ. Большинствомъ ихъ было принято предложеніе подать королю адресъ, обвиняющій министерство въ самомъ непростительномъ нарушеніи конституціи. Графъ Висмаркъ въ отвѣтъ на это объявилъ, что онъ попроситъ короля не принимать адреса. «Палата—сказалъ онъ—хочетъ присвоить не принадлежащее ей право. Конституція не ограничиваетъ свободы дѣйствія трехъ властей въ составленіи бюджета. Когда расхочется онъ во мнѣніяхъ, конституція не го-

ворить, которая изъ властей должна уступить. Въ другихъ странахъ, подобныя столкновѣнія ведутъ къ перемѣнѣ министерства, но прусская конституція не предписываетъ этого. Согласно съ англійскимъ взглядомъ, конституціонное правленіе есть рядъ сдѣлокъ. Когда прерывается онъ, происходитъ столкновение; а такъ-какъ государственная машина не можетъ быть остановлена, то ее приводятъ въ движеніе та власть, въ рукахъ которой находится сила. Этотъ намекъ на силу, то-есть на армію, возбудилъ въ палатѣ страшное негодованіе. Графъ Шверинъ напомнилъ министру-президенту, что право стоять въ Пруссіи выше силы. Твистенъ замѣтилъ, что, основываясь на словахъ графа Бисмарка, слѣдовало бы заключить, что конституція не стоитъ той бумаги, на которой написана она. Вирховъ, Шульце-Деличъ и особенно Гнейстъ сказали по этому случаю превосходныя рѣчи. Однакоже, несмотря на общественное мнѣніе, которое было на сторонѣ палаты, и на меньшинство голосовъ, подавннхъ въ пользу предложенія, сдѣланнаго военнымъ министромъ (68 противъ 255), король отказался принять адресъ изъ рукъ депутаціи, отправленной къ нему парламентомъ, и сдѣлалъ неблагоприятный отвѣтъ, принявъ рѣшительно сторону своихъ совѣтниковъ. Такъ-какъ отвѣтъ этотъ не былъ контрастигированъ ни однимъ министромъ, то палата выслушала его безмолвно, какъ личное сообщеніе своего монарха.

Во время этой внутренней размолвки холодность между Пруссіею и Австріею исчезла, но не вслѣдствіе перемѣны въ образѣ мыслей г. Бисмарка, а потому, что король строго приказалъ ему избѣгать всякаго серьезнаго повода къ неприятнымъ столкновѣніямъ съ австрійскимъ правительствомъ. Лѣтомъ Вильгельмъ I побѣхалъ въ Карлсбадъ и Гастейнъ, гдѣ графъ Бисмаркъ часто видѣлся и разговаривалъ съ австрійскимъ императоромъ, который былъ къ нему весьма благосклоненъ. Его начвала уже безпокоить довѣренность, поселявшаяся между прусскимъ королемъ и Францемъ-Иосифомъ, но вскорѣ самъ императоръ уничтожилъ опасеніе г. Бисмарка своимъ проектомъ конгресса германскихъ государей во Франкфуртѣ, съ цѣлью преобразовать союзъ. Известно, что Вильгельмъ не только не принялъ приглашенія, но даже не позволилъ наслѣдному принцу ѣхать во Франкфуртъ. Такимъ образомъ австрійскій проектъ не состоялся, и графъ Бисмаркъ получилъ послѣ этого еще большее право утверждать, что Австрія — самый опасный врагъ для развитія власти прусскаго короля надъ Германіею.

Мы не понимаемъ, почему думаетъ Шлезвигеръ, что г. Бисмаркъ оказалъ великую, незабвенную услугу Россіи, принявъ съ своей стороны нѣкоторыя мѣры противъ разлива польской инсургенціи. Оказывать услуги самому себѣ подъ видомъ одолженія другому — такая старая тема, что біографу непростительно не понимать дѣйствительнаго значенія фактовъ, замаскированныхъ этимъ приѣмомъ. Можно, пожалуй, сказать, что Пруссія старается

подавить польскую національность въ Познанскомъ Герцогствѣ, имѣя въ виду исключительно интересы Россіи — но кто же повѣритъ этому? Мы сомнѣваемся также, чтобы Австрія не по чувству самосохраненія, но по совѣту Бисмарка и «желая угодить Россіи», объявила Галицію въ осадномъ положеніи. Причины, по которымъ обѣ эти державы не могутъ сочувствовать востанію поляковъ, гдѣ бы ни случилось оно, такъ очевидны, что о нихъ нечего распространяться. Еслиже Австрія либерализировалась сначала, то послѣдствія доказали, что ея игра не стоила свѣчь, и что она только скомпрометировала себя своимъ поддѣльнымъ либерализмомъ.

Кто не помнитъ блистательной дипломатической побѣды, одержанной въ то время русскимъ правительствомъ? Она поставила въ неловкое положеніе западныя державы и была причиною временнаго охлажденія Наполеона III къ Англіи. Этимъ обстоятельствомъ рѣшился воспользоваться графъ Бисмаркъ для завоеванія Шлезвиг-Голштиніи. Онъ былъ увѣренъ, что при ослабленіи «сердечнаго союза», участіе въ этомъ дѣлѣ негерманскихъ державъ ограничится дипломатическими нотами, или такъ-называемымъ нравственнымъ вліяніемъ. На войну съ Дамією ополчился онъ вмѣстѣ съ Австрією для того, чтобы устранить вмѣшательство Германскаго Союза, и такимъ образомъ практически доказать ему его безсиліе. Европейскіе дипломаты не понимали точнаго значенія шлезвиг-голштинскаго вопроса. Его называли забавнымъ, смѣшнымъ, философскимъ, мечтательнымъ, непонятнымъ, безконечнымъ, опаснымъ, роковымъ и т. д. Метернихъ говорилъ, что это кость, о которую германцы точатъ свои зубы. Пальмерстонъ называлъ его «миною, которая можетъ воспалить всю Европу». Одинъ только Бисмаркъ, поговаривая, что это бой за императорскую бороду и чисто-германская распря, смотрѣлъ на этотъ вопросъ правильно, именно: какъ на расширеніе прусскихъ владѣній въ Сѣверной Германіи. Однакоже, онъ умѣлъ скрывать до поры свою мысль, и даже чрезъ посредство своего представителя объявилъ на конференціи 28-го мая 1864, что оба герцогства должны соединиться впоследствии подъ наслѣдственной властью герцога аугустенбургскаго, которому нетолько принадлежать «лучшія права на владѣніе этой страной», но который сверхъ того «увѣренъ, что они будутъ признаны Союзомъ, и что на его сторонѣ неоспоримое большинство жителей герцогствъ». Впоследствии, когда явилось нѣсколько конскателей, вопросъ этотъ былъ отданъ на рѣшеніе прусскихъ законодѣловъ, которые объявили, что право наслѣдственнаго владѣнія завоеванной страной принадлежитъ исключительно одному датскому королю, но такъ-какъ онъ передалъ его Австріи и Пруссіи, то, слѣдовательно, въ руки этихъ державъ и перешла законная власть надъ герцогствами. И такъ, г. Бисмарку осталось послѣ этого имѣть дѣло только съ Австрією. Но хотя Австрія и продала свою часть Лауэнбурга за два съ половиною миліона

галероувъ, однакоже сочлъ несомнѣннымъ съ своими интересами и «съ чувствомъ справедливости» поступить такъ же въ отношеніи къ Шлезвиг-Голштейну. Ей хотѣлось получить теперь за новую уступку не денежное, но территориальное вознагражденіе. Впрочемъ запутывался, а между тѣмъ столбовеніеи властей, которымъ Австрія и Прусія ввѣрили управление завоеваннымъ краемъ, требовали опредѣленной системы, безъ которой немислимо совладѣніе. Въ видахъ устранить дальнѣйшіе безпорядки посредствомъ правильного раздѣла власти надъ обоими герцогствами, состоялось свиданіе обоихъ монарховъ въ Зальцбургѣ. Тамъ былъ заключенъ 14-го августа 1865 трактатъ, извѣстный подъ именемъ гастейнской конвенціи. Этому акту, противъ котораго энергично высказались Друэн-де-Люи и лордъ Россель, суждено было погибнуть при самомъ его рожденіи, потому что онъ не могъ осуществиться на практикѣ, вслѣдствіе крайняго смѣшенія въ немъ самыхъ противоположныхъ началъ. Недоразумѣнія и безконечные споры были результатомъ гастейнскаго договора. Графъ Бисмаркъ не только сдѣлалъ въ Шлезвигѣ распоряженіе, несколько несогласное съ верховной властью Австріи надъ Голштиніею, но даже официально объявилъ депутации, отправленной голштинцами въ Берлинъ 2-го марта 1866, что «королевское правительство рѣшилось принять всѣ мѣры для присоединенія герцогствъ къ Пруссіи». Друэн-де-Люи поручилъ французскому посланнику спросить г. Бисмарка: «Неужели Пруссія намѣревается нарушить вооруженной рукоу гастейнскую конвенцію?» Графъ Бисмаркъ отвѣчалъ ему: «Нѣтъ. Но неужли вы думаете, что я сказадь бы да, еслибы и дѣйствительно рѣшился поступить такимъ образомъ». Кароли донесъ официально своему правительству, что отвѣтъ былъ сдѣланъ 18-го марта именно въ этихъ словахъ, но Бисмаркъ объявилъ, что онъ его не доналъ. Затѣмъ послѣдовалъ рядъ извѣстныхъ событій. Въ концѣ марта президентъ прусскаго кабинета разослалъ циркуляръ, въ которомъ указывалъ на вооруженіе Австріи, заставившее потовдаться къ войнѣ Пруссію. Потомъ стали пересылаться спорныя денеши о томъ, кто началъ вооружаться первый; послѣдовали поѣздки Говоне въ Берлинъ; призывы, обращенные къ германскимъ государствамъ о собраніи франкфуртскаго парламента; согласіе Австріи приступить къ разоруженію; требованіе со стороны Пруссіи, чтобы она поставила также на мирную ногу армию свою въ Венециі; отвязъ Австріи; планы о парижской конференціи, потерпѣвшіе неудачу; представленіе Австріею вопроса о герцогствахъ на рѣшеніе Союза; объявленіе со стороны Пруссіи, что этою поступкомъ окончательно уничтожаетъ гастейнскую конвенцію; вступленіе прусскихъ войскъ въ Голштейнъ и выходъ оттуда австрійцевъ; подача голосовъ Союза въ пользу Австріи; выходъ Пруссіи изъ германской конфедераціи; нашествіе на Ганноверъ и Саксонію; объявленіе войны и наконецъ самая война.

По поводу памфлета Людвигъ Вамберга «Ueber Rom und Pa-

gis nach Gotha», г. Шлезингеръ припоминаеть дѣйствія прусскаго правительства. Вотъ они: законные протесты жителей Шлезвига и Голштиніи были запрещены, и газеты, осмѣлившіяся напечатать ихъ, конфискованы; лицамъ же, подписавшимъ эти протесты, правительство пригрозило преслѣдованіемъ. Министры объявили въ палатѣ, что народныя представители не имѣютъ права касаться вопроса о слияніи Лауэнбурга съ Пруссіею, потому что сумма, заплаченная за его приобрѣтеніе, была заимствована изъ частныхъ фондовъ короля. Тайный совѣтникъ Велькеръ дѣйствительно предложилъ премію въ 1,000 флориновъ за лучшее рѣшеніе вопроса, какимъ образомъ отнятія права у народа можно было бы возвратить ему совершенно мирнымъ, конституціоннымъ образомъ. Возвращаясь къ недавнему былому, авторъ сближаетъ противоположныя по своему характеру дѣйствія Бисмарка, 4-го января 1864 онъ объявилъ въ парламентѣ, что необходимо приступить къ лондонскому трактату, который составляетъ единственную точку опоры въ практическомъ отношеніи, и что нечего толковать о правахъ Германіи на герцогства, когда правъ этихъ въ дѣйствительности не существуетъ. Онъ смѣялся надъ депутатами, которые сослались на обязанности германцевъ относительно ихъ угнетенныхъ одноплеменниковъ, и разослалъ ихъ безъ дальнѣйшихъ церемоній по домамъ, когда отказали они одобрить предложенный заемъ и обнаружили свою независимость по другимъ вопросамъ. Онъ самъ отъ имени короля прочелъ тронную рѣчь при закрытіи сесіи. Въ этой рѣчи падала обвинялась въ нарушеніи конституціи, подъ предлогомъ ея защиты, и подвергалась упрекамъ за то, что она сдѣлалась врагомъ прусскаго отечества, вслѣдствіе своего благосклоннаго взгляда на непріязненныя комбинаціи между Пруссіею и другими государствами. Этотъ упрекъ почти равнялся обвиненію въ государственной измѣнѣ, за которую законъ подвергаетъ смертной казни. Но прусское правительство колебалось еще сдѣлать въ то время рѣшительный шагъ, на который отважилось оно впослѣдствіи, именно — преслѣдовать депутатовъ за рѣчи, произнесенныя ими въ палатѣ. Была только удвоена строгость надзора за либеральными газетами. Ихъ конфисковали подъ самыми пустыми предлогами, и число сдѣланныхъ по дѣламъ печати возрасло до неслыханности. Преслѣдованіе чиновниковъ продолжалось по-прежнему; министерскіе органы постоянно издѣвались надъ представителями народа; контракты заключались правительствомъ на началахъ, нисколько несогласныхъ съ конституціоннымъ порядкомъ; наконецъ было предписано отдать подъ судъ либеральныхъ депутатовъ. Словомъ, прусское правительство отличилось въ послѣдніе два года цѣлымъ рядомъ противоконституціонныхъ, совершенно произвольныхъ дѣйствій, и графъ Бисмаркъ могъ бы справедливо похвалиться, что внутреннія и внѣшнія дѣла Пруссіи идутъ согласно съ его личной волею, а не такъ, какъ жедать бы народъ, который «ничего не смыслить въ политикѣ и

всегда подчиняется слѣзъ. Во всякомъ случаѣ — прибавляетъ Шлезингеръ — опъ былъ правъ, думая, что прусской націи, которая хотя и глубоко чувствовала свое униженное положеніе, недостаетъ силы или воли, для того чтобы насилію противооставить ея насліе. Она терпѣливо сносила ту участь, на которую обрекъ ее графъ Бисмаркъ, утѣшая себя мыслью, что не вѣчно же будетъ онъ управлять странюю.

Да позволено будетъ намъ при этомъ случаѣ отзывы русскихъ публицистовъ о прусской палатѣ депутатовъ. Дѣйствительно, она была жалка и безсильна въ высшей степени. Члены ея произносили прекрасныя рѣчи и разговаривались потомъ, какъ стадо барановъ. Народъ, повидимому вполне довольный ими, выбиралъ ихъ снова въ свои представители, и эта мирная комедія разыгрывалась не одинъ разъ. Бисмарку со стороны прусскаго народа не было сдѣлано ни одной уличной сцены — слѣдовательно, о насиліи и говорить нечего. Впрочемъ, какъ ни жалка была эта палата, въ ней все же можно было принимать до сихъ поръ участіе, какъ въ угнетенной невинности. Но если сбудется очень вѣроятное ожиданіе короля, которое недавно высказалъ онъ, и вновь составленная палата одобритъ большинствомъ голосовъ тѣ предложенія министерства, которыя составляли главный предметъ распри и постоянно отвергались прежними представителями народа — не будетъ ли это яснымъ доказательствомъ, что они, рѣшая военные вопросы, дѣйствительно не смыслили дѣла и занимались только словозверженіемъ? «Палата — говоритъ Шлезингеръ — была противъ всякаго увеличенія постоянной арміи, военнаго бюджета и трехгодичнаго срока службы. Король, признававшій эти мѣры необходимыми для безопасности государства, готовъ былъ сдѣлать уступки по всѣмъ другимъ вопросамъ, за исключеніемъ этого. Было ли умно, со стороны депутатовъ, или рѣшительно необходимо для нихъ противиться реформѣ, которую особенно дорожилъ онъ — мы не будемъ говорить здѣсь объ этомъ. Довольно замѣтить, что по военному вопросу въ засѣданіи 17-го сентября 1862 противъ предложенія правительства было подано 272 голоса, тогда какъ за него только 68 голосовъ. 7-го же октября разность между этими цифрами сдѣлалась еще значительнѣе — 251 и 36.» Предложеніе, такъ упорно отвергавшееся прусской палатою въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, будетъ скоро втесено въ нее снова, и мы увидимъ, останутся ли представители народа при убѣжденіи своихъ предшественниковъ, или же поступятъ вопреки ему, и такимъ образомъ докажутъ, что парламентская распра, которую такъ жестоко компрометировала себя конституціонная Прусія, была вызвана непониманіемъ, со стороны палаты, практической стороны вопроса и дѣлалась вслѣдствіе желанія ея поставить на своемъ, то-есть что тутъ не было ни ума, ни особенной необходимости, которые непремѣнно выставилъ бы напоказъ г. Шлезингеръ, еслибы могъ онъ объяснить ими упорство оппозиціи.

Изобразивъ депутатскую, дипломатическую и министерскую дѣятельность графа Бисмарка, авторъ оживляетъ нарисованный имъ портретъ слѣдующими чертами:

Первый министръ Пруссіи очень любезенъ въ обществѣ, у него изящныя манеры, онъ любитъ одушевленную бесѣду, очень разговорчивъ, сообщителенъ порою до несбромности, полонъ ума и оригинальной мысли, не слишкомъ нетерпѣливъ, когда противорѣчатъ ему и, если находится въ хорошемъ расположеніи духа, то способенъ соглашаться съ чужимъ, логично-высказаннымъ мнѣніемъ. Каковы бы ни были его предрасудки, онъ умѣетъ скрывать ихъ и даже смѣяться надъ ними. Но такъ-какъ очень трудно провести пограничную черту между предрасудкомъ и убѣжденіемъ, фантазіей и вѣрою, то онъ обращаетъ вѣрѣдко въ шутку такіе предметы, которые пользуются высокимъ уваженіемъ челоуѣчества. Въ эти минуты его остроуміе становится пустымъ вольнодумствомъ, логика—вакимъ-то общимъ мѣстомъ, и вся его природа принимаетъ отталкивающій характеръ.

Можетъ быть, г. Бисмаркъ и крутъ, но онъ несварливъ, даже въ отношеніи къ Австріи. Правда, ему всегда хотѣлось выжить ее изъ Германіи и сдѣлать безсильною, но для достиженія этой дѣли онъ охотно употребилъ бы, вмѣсто игольныхъ ружей и стальныхъ цупекъ Крупа, другія, болѣе деликатныя средства, если бы только можно было приложить ихъ къ дѣлу съ такимъ же успѣхомъ. Къ королямъ ГанOVERA и Саксоніи онъ не чувствуетъ, конечно, личной ненависти, хотя и постоянно желалъ присоеди нить къ Пруссіи ихъ владѣнія. Разница между г. Бисмаркомъ и умѣренными либералами заключается въ томъ, что имъ хотѣлось бы глотать небольшія германскія земли порознь, одну за другою, тогда какъ онъ предпочитаетъ поглотить ихъ разомъ. Въ Берлинѣ ходило много слуховъ о томъ способѣ, посредствомъ котораго успѣлъ онъ склонить короля принять послѣдній методъ, но авторъ умалчиваетъ о нихъ, потому что они не заслуживаютъ довѣрія. Г. Шлезингеру слѣдовало бы, кажется, поступить такъ же осторожно и въ отношеніи къ отзывамъ о прусскомъ королѣ, которые приписываются г. Бисмарку. Впрочемъ, если нѣкоторые изъ нихъ и бросаютъ невыгодный свѣтъ, то исключительно на одного г. Бисмарка. Увѣряютъ, на примѣръ, что онъ сказалъ будто бы виртембергскому премьеру, г. Варнбюлеру: «Я могъ бы не сдѣлать того, что мнѣ хочется, потому что долженъ совѣтоваться съ королею, который не мною созданъ. Будь онъ моимъ созданиемъ—тогда другое дѣло». Говорятъ также, что онъ часто жаловался на чрезмѣрную, по его мнѣнію, совѣстливость своего монарха. Вѣроятно, до слуха короля доходили и болѣе рѣзкіе отзывы Бисмарка, если только есть правда въ этой молвѣ, но онъ прощалъ ихъ такому вѣрному слугѣ и преданному совѣтнику. Онъ возвелъ уже его въ графское достоинство, и если смѣлая политика Бисмарка доставитъ Пруссіи господство надъ сѣвѣрной Германіею, то княжескій титулъ не будетъ, конечно, слыш-

комъ высшей наградою за такую важную услугу. Такъ думать г. Шлезингеръ, когда писалъ онъ эту статью. Теперь же телеграмма отъ 21-го юля (2-го августа) сообщаетъ извѣстie, что графъ Бисмаркъ получилъ титулъ *герцога лауэнбургскаго*.

Очень естественно, что такой предприимчивый и до крайности смѣлый человекъ не могъ оставаться доволенъ своими товарищами по службѣ. Весьма немногие изъ очень даровитыхъ государственныхъ людей способны, очерта голову, бросаться въ омутъ предпріятій, не страшась ни послѣдствій, ни личной отвѣтственности за нихъ. Потому-то невыгодные отзывы г. Бисмарка о сослуживцахъ, какъ о тупихъ, близорукихъ личностяхъ, которые не видать дальше своего носа, не заключаютъ въ себѣ ничего невѣроятнаго.

Когда не находилъ онъ нужныхъ для себя людей въ своей собственной партіи, онъ бралъ ихъ изъ лагеря противниковъ. Хотя до сихъ поръ не удалось ему склонить на свою сторону наиболѣ замѣчательныхъ либераловъ, однакоже онъ постоянно дѣлалъ такія попытки, и нельзя сказать, чтобы всегда неудачно. Напримѣръ, Ласаль, этотъ чрезвычайно свѣдущій, даровитый и пламенный поборникъ социализма, былъ такъ близокъ къ Бисмарку, что тотъ поручилъ ему однажды устроить уличную демонстрацію, посредствомъ толпы, составленной изъ рабочихъ, для того, чтобы припугнуть среднее сословіе. Когда же Ласаль не сдержалъ своего обѣщанія, то первый министръ Пруссіи прекратилъ съ нимъ знакомство. Впрочемъ, оно вѣроятно возобновилось бы; но такъ-какъ вскорѣ послѣ этого Ласаль былъ убитъ на дуэли, поводомъ въ которой послужило любовное дѣло, то графъ Бисмаркъ принужденъ былъ отказаться отъ дальнѣйшихъ попытокъ заключить союзъ съ социалистами. Въ то же время удалось ему склонить на свою сторону другого члена демократической партіи, находящагося до сихъ поръ у него на службѣ, Лотара Бухера, который, будучи очень способнымъ публицистомъ, отличается однакоже крайней шаткостью убѣжденій и не разъ уже, отыскивая правды, переходилъ отъ одной партіи къ другой, защищая каждую изъ нихъ очень ловко. О другихъ демократахъ, ставшихъ подъ разноцвѣтное знамя графа Бисмарка, не стоитъ распространяться.

Увѣряютъ, что самъ онъ былъ прежде сотрудникомъ не только главнаго органа своей партіи «*Kreuzzeitung*», но также опаснѣйшаго изъ своихъ опонентовъ, «*Kladderadatsch*». Литературнымъ дѣломъ занимался онъ преимущественно въ то время, когда былъ посломъ при франкфуртскомъ сеймѣ и хотѣлъ перелить въ душу германскаго народа свои непріязненныя чувства къ Рехбергу, Буолу и Австріи. Знакомство графа Бисмарка съ редакторомъ *Кладерадача*, г-нъ Домомъ, началось слѣдующимъ образомъ. Въ началѣ 1850 года былъ напечатанъ въ этомъ журналѣ списокъ всѣхъ юнкерскихъ фамилій, которыя поддерживали француз-

ское правительство въ 1806—1813 годахъ. Въ этотъ реестръ попала фамилія и г. Бисмарка, который написалъ рѣзкое письмо къ Дому, дополнивъ его краткой біографіею нѣсколькихъ Бисмарковъ, павшихъ во время войны за независимость, и требовалъ восстановления исторической истины. Домъ отвѣчалъ, что онъ весьма жалѣеть объ ошибкахъ своего сотрудника и готовъ дать за нее всякое удовлетвореніе. Отвѣтъ его очень понравился Бисмарку, и съ этихъ поръ онъ сталъ помѣщать въ сатирическомъ журналѣ статьи своего сочиненія. Сдѣлавшись министромъ, онъ продолжалъ принимать, но только секретно, г. Дома, желая знать отъ него общественное о себѣ мнѣніе и, можетъ быть, стараясь при помощи этихъ дружескихъ свиданій притупить, на сколько можно, стрѣлы, пускаемыя въ него *Kladderadatsch*. Когда Домъ былъ приговоренъ къ тюремному заключенію за одну слишкомъ неумѣстную выходку, графъ Бисмаркъ выпросилъ ему у короля прощеніе, и вообще смотрѣлъ сквозъ пальцы на многія вольности, за которыя могъ бы, конечно, подвергнуть Дома всей строгости прусскихъ законовъ. Но какъ скоро осмѣлился *Kladderadatsch* подшутить надъ неловкимъ выстрѣломъ прусскаго премьера въ Гастейнѣ, то эта шутка едва не повлекла за собою очень дурныхъ послѣдствій для г. Дома. Обвиненія въ противоконституціонныхъ дѣйствіяхъ не испортили аппетита г. Бисмарка; онъ покойно, съ хладнокровіемъ, свойственнымъ только благородной преродѣ, снесетъ всякую открытую критику, какъ бы несправедлива ни была она; но какъ скоро дерзнуть усомниться въ его личной честности, благородствѣ, ловкости, или храбрости — отъ этого уже не въ состояніи перевести онъ хладнокровно, потому, что струя прежняго, студенческаго задора все еще сильно бурлитъ въ немъ, и государственныя заботы насколько не ослабили физическихъ силъ этого геркулеса.

Въ немъ нѣтъ ни малѣйшаго признака той закованности, которою отличаются прусскіе бюрократы. Напрасно также стали бы искать въ его манерахъ надутости, или высокомерія, несмотря на то, что онъ возвысился слишкомъ быстро. Г. Бисмаркъ одинаково простъ и свободенъ въ министерскихъ департаментахъ, въ аристократическомъ обществѣ и на придворныхъ балахъ. На одномъ изъ нихъ онъ подошелъ съ своей обычной непринужденностью къ извѣстной пѣвицѣ, госпожѣ Лукка, которая вышла потомъ замужъ за барона Раде, и хотѣлъ вступить въ разговоръ съ нею. Но такъ-какъ графъ Бисмаркъ не былъ представленъ будущей баронессѣ, и она не знала, что это за человѣкъ, то его смѣлость показала ей нарушеніемъ приличій, и потому она сочла за лучшее повернуться къ нему презрительно спиною. Онъ удалился безмолвно. Когда гордой пѣвицѣ объяснили, что подошедшій къ ней мужчина—почти всемогущій человѣкъ въ Пруссіи, она стала просить убѣдительно, чтобы ей доставили случай извиниться передъ графомъ. Желаніе это было исполнено. Но лишь только хотѣла она заговорить съ Бисмаркомъ, онъ взялъ

ея руку, попросилъ извиненія въ своей неловкости и связать шуточно: «Итакъ, да будетъ миръ между нами! Въ самомъ дѣлѣ, было бы очень прискорбно, еслибы днѣ величайшія особы въ Пруссіи питали непріязненные чувства другъ къ другу». Смыслъ этой остроты заключался въ томъ, что Бисмаркъ дѣйствительно очень высокъ ростомъ, тогда какъ г-жа Лукка, которую почти обожали берлинцы — маленькое, граціозное созданіе. Прошлой весною встрѣтились они въ Ишлѣ, и г-жа Лукка, желая помочь одному бѣдному фотографу, предложила графу явиться вмѣстѣ съ нею на визитной барточкѣ. Сказано—сдѣлано. Портреты «двухъ величайшихъ особъ въ Пруссіи» можно было купить за шиллингъ въ любой берлинской лавкѣ, и дѣлшши бѣднаго фотографа теперь очень поправилась.

Подобные поступки могли бы, конечно, сдѣлать популярнымъ министра. Однако же графъ Бисмаркъ не пользовался до сихъ поръ ни малѣйшей популярностью въ Пруссіи. При всемъ томъ неосновательно было бы утверждать, что онъ не достигнетъ ея современемъ. Уже послѣ первыхъ побѣдъ въ Богеміи, подъ его окнами пѣлись серенады. Народъ такъ легко переходитъ отъ ненависти къ обожанію, что, можетъ быть, онъ проститъ графу Бисмарку и презрѣніе, и обиды, и пограбленія права свои. Но еслибы могъ окончательно убѣдиться президентъ прусскаго кабинета, что теорія «крови и желѣза» не всегда примѣнима къ практикѣ, что цивилизованная нація не можетъ выносить долго презрительнаго съ нею обращенія, и что игольная ружья, при составѣ ихъ могуществѣ, не составляютъ еще квинтэссенціи политики, еслибы—повторяемъ—графъ Бисмаркъ могъ убѣдиться въ этихъ истиннахъ, то онъ былъ бы именно такой человекъ, которому должно попытать свои силы на поприщѣ либерализма. Онъ самъ намекалъ палатѣ на способность свою къ такому превращенію, и даже одинъ разъ, разговаривая съ радикаломъ д'Эстеромъ, вынулъ изъ порт-сигаръ маленькую вѣтку оливы и сказалъ полу-шутя, полу-серьезно: «Я сорвалъ ее въ южной Франціи и, можетъ быть, подамъ когда-нибудь демократамъ, какъ символъ примиренія». Неизвѣстно, поступитъ ли онъ такъ дѣйствительно, но по крайней-мѣрѣ г. Бисмаркъ самъ приучилъ себя къ мысли о возможности перейти отъ реакціи къ свободѣ. Онъ задумалъ почти съ геніальной отвагою великое для Пруссіи дѣло и, кажется, достигнетъ цѣли. Но если успѣхъ этотъ и сдѣлаетъ его нѣсколько популярнымъ, то все же чрезвычайно сомнительно, чтобы ему суждено было занять мѣсто въ храмѣ поборниковъ свободы, потому что ни у него нѣтъ необходимой вѣры для этого подвига, ни у Пруссіи необходимой довѣренности къ нему.

ИНТЕРЕСЫ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ НА ЗАПАДѢ.

Сочувствіе американцевъ къ философіи Герберта Спенсера.—Публичныя лекціи въ Соединенныхъ Штатахъ Агъсиза, Клерка и другихъ професоровъ.—Спектръ новой звѣзды.—Мемуаръ Тиндала о теплотѣ.—Новая народная переплывъ во Франціи.—Лекція Гуксли «О единствѣ человѣческихъ расъ».

Философія Герберта Спенсера переводится на русскій языкъ. Надобно сказать, что Спенсеръ пользуется большой популярностью, но только не въ Англіи, а по ту сторону Атлантики, въ Соединенныхъ Штатахъ. Вотъ что говорить о немъ «New York Tribune» 17-го апрѣля: «Кто-то сказалъ очень удачно, что Гербертъ Спенсеръ — величайшій изъ англичанъ, потому что онъ почти не англичанинъ. Онъ болѣе принадлежитъ міру мысли, нежели своей національности, болѣе цивилизаціи, нежели Британіи. Если мы будемъ судить о немъ по его принципамъ, симпатіямъ и стремленіямъ, то онъ не столько европеецъ, сколько американецъ. Онъ живетъ въ странѣ, которая прикована къ прошлому и боится будущаго, которая преклоняется передъ установленными правилами и страшится коснуться началъ ихъ. У такой страны являеся очень много причинъ къ опасеніямъ, когда «Богъ освободитъ отъ оковъ мыслителя» на ея почвѣ, и въ такихъ случаяхъ она бываетъ вѣрна истинѣ своего положенія. Предводители общественнаго мнѣнія въ Англіи систематически игнорировали Спенсера. Когда его сочненія производили могучее вліяніе на небольшое число мыслящихъ людей, англійская публика какъ будто сговорилась молчать о немъ. Въ пользу Герберта Спенсера не устроилось въ Британіи ни одного митинга, тогда какъ гений этого человѣка и замѣчательные труды его давали ему полное право на сочувствіе своихъ соотечественниковъ. Никто изъ нихъ не помогъ Спенсеру, когда началъ онъ печатать свою философію. Нѣсколько тысячъ долларовъ пришлось ему потратить на это предпріятіе. Расходы не окупились. Изданіе дальнѣйшихъ томовъ этой книги стало невозможно, и американскіе читатели были приведены въ изумленіе, узнавъ, что система философіи Спенсера должна остаться неизданною за недостаткомъ средствъ. Но если Англія способна допустить подобный фактъ, то Америка не допуститъ его, потому что онъ былъ бы укоромъ для нашего вѣка. Если Соединенные Штаты и не могутъ сравниться съ европейскими государствами по числу великихъ мыслителей, которые родились въ Америкѣ, то все же мы далеко опередили Европу въ способности понимать цѣну истинной философіи и примѣнять ея начала къ практической жизни. Спенсеръ не выручилъ даже тѣхъ денегъ, которыя потратилъ онъ на печать

своихъ «Началь Воспитанія» (Principles of Education); тогда какъ въ Соединенныхъ Штатахъ небольшая книга эта выдержала нѣсколько изданій. Распроданная въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, она произвела чрезвычайно сильное вліяніе на характеръ домашняго воспитанія и на учебныя заведенія Сѣверной Америки. Впродолженіе междоусобной распри, во время этой кровавой битвы между варварствомъ и цивилизаціею—битвы, надъ которою такъ грубо потѣшалась Англія, мы издали семнадцать тысячъ экземпляровъ разныхъ произведеній Герберта Спенсера, и дали этому глупокомысленному писателю всѣ денежные права американскаго автора. И такъ, его образъ мыслей произвелъ сильное впечатлѣніе на умы американцевъ, которые не допустятъ, конечно, прекратиться изданію произведеній Спенсера за недостаткомъ денегъ, тѣмъ болѣе, что теперь, по окончаніи войны, Америка особенно заинтересована вопросомъ о свободѣ мысли и прогрессѣ учреждений. Можетъ быть, англичане не согласятся уступить вамъ эту честь и поспѣшатъ вывести автора изъ затруднительнаго положенія. Впрочемъ, если они не сдѣлаютъ этого, то Америка защититъ благородную щедрость своего вѣха, и доставитъ Спенсеру средства для полнаго развитія его великаго философскаго плана. Надобно полагать, что такъ и будетъ, потому что Англія, продолжая упорствовать въ своемъ несочувствіи къ философіи этого мыслителя, не собираетъ суммы, необходимой для изданія его произведеній*.

— Американцы любятъ дѣлать все въ большихъ размѣрахъ. Эта страсть къ увеличенію отразилась у нихъ даже на публичныхъ лекціяхъ. 17-го апрѣля начался рядъ ихъ о «Видахъ жизни сквозь среду естественныхъ наукъ» въ бруклинской консерваторіи. Оныя, на которые общество книгопродавцевъ пожертвовало 3,500 долларовъ, отличались особенно широкимъ характеромъ; и каждая лекція длилась два съ половиною часа. Огромная зала, обратившаяся въ аудиторію, была заставлена столами, на которыхъ блестящіе аппараты, отлпчавшіеся не только изящной отдѣлкою, но также и своей громадностью. Искусная вѣсть театральнаго декоратора пояснила публикѣ нагляднымъ образомъ нѣкоторые геологическіе вопросы. Тяжесть или вѣсъ газовъ были доказаны посредствомъ углекислота, впущенной въ боченокъ, висѣвшій на оконечности коромысла длиною слпшкомъ въ сажень. Такъ-какъ углекислота почти на полторы унціи тяжелѣе воздуха, то наполненный ею боченокъ перетянулъ уравновѣшенное сперва коромысло въсовъ. Съ той же цѣлью приводилось въ движеніе этимъ газомъ легкое колесо, имѣвшее четыре фута въ діаметръ и сдѣланное изъ писчей бумаги и драпи. Газъ былъ проведенъ сверху внизъ сквозь воронку, на днѣ которой горѣли свѣчки. По данному знаку открывался клапанъ, и углекислота гасила сперва поочередно свѣчки, а потомъ

* Мы надѣемся очень скоро познакомить нашихъ читателей съ философіею этого мыслителя и показать, почему именно англичане не сочувствуютъ изобрѣженіямъ Герберта Спенсера.

заставляла вертѣться колесо, ударяя, подобно водѣ, въ его лопатки. Для доказательства, что калий или потасій горитъ въ водѣ, было пущено болѣе полфунта этого металоида въ большой резервуаръ, протанутый поперегъ залы.

Считаемъ излишнимъ сказать нѣсколько словъ для поясненія этого металоида. Калий или потасій былъ открытъ при помощи электричества г. Дэви въ 1807 г. Теперь добываютъ его разными химическими способами. Онъ составляетъ основное начало кали или растительной щелочи, имѣетъ въ разломѣ блестящій свинцовый цвѣтъ, во такъ-какъ нѣтъ въ природѣ тѣла, которое болѣе калия имѣло бы сродства съ кислородомъ, то снаружи беретъ онъ всегда бурый, вслѣдствіе окисленія. Его сберегаютъ въ стеклянныхъ, крѣпко закупоренныхъ сосудахъ, и даже опускаютъ въ нефть, горное и растительное масла, которыя однакоже производятъ на него нехорошее дѣйствіе. Калий легче воды; удѣльный вѣсъ его — 0.866. Въ холоду, при точкѣ замерзанія, онъ твердъ и хрупокъ, при 10 или 12° тепла калий становится тягучъ, при 15° онъ нетверже воска, а при 20°, когда открытъ къ нему доступъ атмосферному воздуху, или когда находится онъ подъ вліяніемъ другихъ тѣлъ, содержащихъ въ себѣ кислородъ, калий таетъ. Совершенно же плавится онъ при 47°, горя краснымъ пламенемъ и превращаясь въ зеленый паръ, осаждающійся на холодныхъ тѣлахъ. Когда спускаютъ его въ воду, онъ немедленно воспламеняется въ ней и горитъ фіолетовымъ пламенемъ. Но обратимся къ американскимъ лекціямъ.

На первой изъ нихъ были сожжены въ пламени паяльной трубы цѣлая пила и половина сабли. Искры въ пятнадцать футовъ длиною сыпались дождемъ отъ горѣвшей стали. На второй лекціи «О свѣтѣ» былъ произведенъ превосходный опытъ надъ разноцвѣтными огнемъ металовъ при помощи voltaва столба. На одномъ полюсѣ батареи находился уголь, а на другомъ колесо, съ каждой спицею котораго былъ соединенъ особый металлъ. Когда начинало вертѣться оно, то всѣ они приближались поочередно къ углю и вспыхивали разноцвѣтными огнями. Для того, чтобы произвести одноцвѣтный или монохроматическій цвѣтъ, употребили въ дѣло соль и винный спиртъ. На дно помянутаго резервуара былъ положенъ слой соли въ дюймъ толщиною и потомъ полить алкоголемъ. Когда зажгли его, то соляное пламя бросило желтоватый свѣтъ на лица всѣхъ слушателей, и зала какъ будто наполнилась мертвецами. Было также конденсировано нѣсколько галоновъ жидкой углекислоты и заморожена ею струя ртути въ ярдъ длиною и въ два дюйма толстоты.

— Американская ученая литература пополнилась двумя книгами, въ составъ которыхъ вошли лекціи, прочтенныя Агасизомъ и Клэркомъ. Первая озаглавлена такъ: «Строеніе животной жизни. Шесть лекціи, прочтенныхъ въ бруклинской академіи музыки» (The Structure of Animal Life. Six Lectures delivered at the Brooklyn Academy of Music. By Louis Agassiz). Второй книгѣ дано слѣ-

дующее названіе: «Разумъ въ природѣ, или происхожденіе жизни и способъ развитія животныхъ» (Mind in Nature; or the Origin of Life, and the Mode of Development of Animals. By Henry James Clark). Агасизъ начинаетъ защитою самого себя отъ обвиненій въ невѣріи и притворствѣ, допуская, что онъ не руководствуется при ученыхъ изслѣдованіяхъ никакими религіозными догматами. «Наука — говоритъ онъ — не можетъ подчиняться предисказаніямъ. Она должна строить то, чего ищетъ, на томъ, что находится ею». Истинная наука начинаетъ свои изслѣдованія сомнѣніемъ, и кончаетъ тѣмъ, что отвергаетъ сомнѣніе и возстановляетъ истину, въ которыхъ изслѣдователь хотѣлъ усомниться. Потому-то мы должны быть довольны, если результаты ученыхъ изысканій ведутъ къ тѣмъ заключеніямъ, которыя были отвергнуты сначала изслѣдователемъ. «При такомъ условіи — продолжаетъ онъ — мы находились бы въ положеніи человѣка, который, будучи воспитанъ въ вѣрѣ своихъ родителей, сначала отступилъ отъ нея вслѣдствіе сомнѣній, но потомъ, повинуясь требованіямъ болѣе основательнаго ума и трезвой мысли, рѣшился подвергнуть строгому анализу самое основаніе своихъ сомнѣній, и послѣ тщательнаго изслѣдованія усвоилъ снова покинутую религію». Впрочемъ, эта книга не прибавила ничего къ извѣстности и ученымъ заслугамъ знаменитаго автора. Избранный предметъ и толпа внимательныхъ слушателей какъ-будто стѣсняли Агасиза. Только мѣстами проглядываютъ здѣсь тѣ лучи, которыхъ такъ много въ его прежнихъ произведеніяхъ. Особенно хороши простой, но полный рассказъ объ устройствѣ животныхъ и нѣкоторыя мѣста изъ физической исторіи нашей планеты. Замѣтимъ кстати, что экспедиція къ берегамъ Амазонки доставила профессору Агасизу много очень любопытныхъ фактовъ по естественной исторіи. Онъ увеличилъ слишкомъ втрое каталогъ рыбъ, которыя водятся въ этой огромнѣйшей рѣкѣ и ея притокахъ, открылъ нѣсколько новыхъ формъ и опредѣлилъ разныя физиологическія явленія, никѣмъ незамѣченныя прежде него. «Я производилъ наблюденія — говоритъ онъ въ письмѣ отъ 22-го сентября 1865 — надъ видомъ *Geophagus*, взрослые самцы котораго имѣютъ большой наростъ на оконечности верхней челюсти, чего нѣтъ у самокъ и вообще у молодыхъ рыбъ этого вида, описаннаго мною прежде подъ именемъ *G. Pedreginus*. Но замѣчательнѣе всего способъ ихъ распложенія. Ибра проходить — не знаю, какимъ уже образомъ — *ex rostris* и остается на нижней части его, между внутренними отростками жабръ, и особенно въ мѣшкѣ, составляющемъ верхъ пищепріемнаго канала, который бываетъ наполненъ ею. Дѣтеныши вылупливаются тамъ изъ янцъ икры и продолжаютъ расти до тѣхъ поръ, пока стануть способны заботиться сами о своемъ существованіи. Не знаю, сколько времени продолжается все это, но мнѣ случалось видѣть молодыхъ рыбокъ, покинувшихъ помянутый мѣшокъ» (Jour. al of Science, April 1866).

Сочиненіе Кларка отличается другимъ характеромъ. Это уже не простой рассказъ о болѣе или менѣе извѣстныхъ фактахъ,

но стремленіе рѣшить нѣкоторыя задачи съ оригинальной точки зрѣнія. Въ этихъ лекціяхъ много эрудиціи и много данныхъ, приобретенныхъ продолжительнымъ изслѣдованіемъ, которое однакоже привело автора въ весьма сомнительнымъ заключеніямъ. Относительно языка онъ не въ состояніи выдержать сравненія съ Агазисомъ, который пишетъ превосходно. Кларкъ говоритъ сперва о началѣ жизни, подробно описываетъ чудную амѣбу и потомъ вводитъ читателя въ таинства такъ-называемаго самопроизвольнаго зарожденія, основываясь на опытахъ профессора Уэймена (Whyman) объ образованіи инфузорій въ кипяченыхъ органическихъ жидкостяхъ. Вотъ, напримеръ, одинъ изъ нихъ. «Опытъ XXXIV, 27 марта 1862. Бараній сокъ, налитый въ герметически-закупоренную стьянку, былъ кипяченъ въ папиновомъ горшкѣ впродолженіе пяти минутъ, подъ давленіемъ двухъ атмосферъ (250.62° Ф., или почти на 38° выше точки кипѣнія). Пѣна образовалась на четвертый день. Когда, по прошествіи еще нѣсколькихъ дней, откупорили стьянку въ присутствіи профессора Грея, то нашли тамъ *Vibrio* и *Bacterium*. Нѣкоторые изъ нихъ двигались чрезвычайно быстро». Вотъ что г. Кларкъ сообщилъ о *Vibrio* американской амадеміи въ 1859 г.: «Отдѣльное мною открытіе не можетъ не возбудить любопытства, потому что оно по природѣ своей болѣе или менѣе относится къ теоріи самопроизвольнаго зарожденія, которую такъ горячо отстаиваетъ г. Пуше. Существуютъ хорошо-извѣстныя животныя, описанныя Эренбергомъ подъ именемъ *Vibrio*. Отличительное свойство ихъ заключается въ томъ, что они состоятъ изъ одного ряда кругловатыхъ шариковъ, въ родѣ изогнутой нитки бусъ и движутся вѣномъ или спирально, иногда съ такой быстротою, что нельзя услѣдить глазами за ихъ движеніемъ. Развиваются они обыкновенно на поверхности гниющихъ животныхъ или растительныхъ веществъ. Я вѣрнее былъ удивленъ, отарывши способъ ихъ зарожденія изъ этихъ субстанцій. Однажды, занимаясь изученіемъ разлагавшейся мышцы (*sagitta*), замѣтилъ я множество этихъ *Vibrio*, которыя мысались изъ стороны въ сторону, но чаще двигались около мышечныхъ волоконъ. Меня поразило сходство этихъ, подобныхъ ниткамъ бусъ, тесемочекъ съ воловнистымъ веществомъ мышцы. Сдѣлавъ между ними подробнѣйшее сравненіе, я нашелъ, что они имѣютъ одинакую величину и тѣ же оптическія качества. Нѣкоторые изъ *Vibrio* соединялись съ конечными плоскихъ, лентообразныхъ волоконъ, а другія порою отдѣлялись отъ нихъ и уползали прочь. Сначала я предположилъ, что эти *Vibrio* были мышечнымъ веществомъ, отдѣлившимся отъ самой мышцы; но такъ-какъ это—неслыханное дѣло, то я бросилъ свое предположеніе и схватился за мысль, что они случайно пристали къ волокну и потомъ оторвались отъ него. Однакоже я продолжалъ наблюденіе и наконецъ нашелъ нѣсколько волоконъ, окруженныхъ мышечными пучками, находившимися въ разной степени разложенія. Съ однимъ концомъ волокна кѣточки пучковъ были соединены такъ плотно, что видѣлись только про-

дольныя и поперечныя щели. Нѣсколько далѣе можно было видѣть отдѣльныя клѣточки, а еще дальше онѣ принимали шарообразную форму. Поперечныя ряды ихъ, соединяясь между собою съ одного конца, отдѣлялись другъ отъ друга на всемъ своемъ дальнѣйшемъ протяженіи, и наконецъ тѣ, которыя находились у оконечности волокна, двигались туда и сюда, какъ-бы готовые отдѣлиться, и дѣйствительно, отрываясь пореже отъ волокна мышцы, принимали изогнутую форму, вертѣлись около своихъ осей и улизывали прочь съ удивительной быстротой. Число крайнихъ клѣточекъ въ движущемся ряду ихъ измѣнялось отъ двухъ до пятидесяти штукъ. Большое количество такихъ нитей состояло изъ трехъ или четырехъ, часто изъ шести или восьми и рѣдко изъ пятидесяти клѣточекъ. Только въ очень рѣдкихъ случаяхъ волокна растрескивались въ длину, и тогда мышечныя пучки имѣли преимущественно продолговатую форму и не такъ часто двигались вьюномъ, но шли по большей части волнообразно. Когда отдѣлялась отъ нихъ одна крайняя клѣточка, то она скользгла изъ стороны въ сторону зигзагамъ. При отдѣленіи двухъ, неотторванныхъ другъ отъ друга, движение направлялось по длиннѣйшему диаметру совокупленной пары. Если же рядъ ихъ состоялъ изъ трехъ штукъ, то онѣ двигались спиралью. Не знаю, что именно заставляло двигаться клѣточки, но вѣроятно причиною движенія была не жизнь, которую надѣлены онѣ, какъ *независимыя, самостоятельныя существа*. Однакоже крайнія клѣточки разлагающейся мышцы представляютъ всѣ условія жизни, замѣчаемыя въ *дѣятельности* низшихъ животныхъ и растений. Я нисколько не думаю, чтобы все, извѣстное подъ именемъ *Vibrio* или *Spirillum*, было разложившейся мышцею, или другою тканью, хотя факты и на сторонѣ этого мнѣнія; но готовъ утверждать, что извѣстный мнѣ видъ *Vibrio*—какой бы авторитетъ ни называлъ ихъ живыми существами—есть не что иное, какъ мертвая мышца».

Исслѣдованія Кларка надъ измѣненіями яйца также очень замѣчательны. Онъ сѣтуетъ на то, что до сихъ поръ наблюденія производятся надъ зароденіемъ высшихъ животныхъ, а не надъ тѣмъ, что свойственно всѣмъ вообще яйцамъ. Онъ замѣчаетъ въ нихъ полярность и двусторонность, принимая въ соображеніе насѣдь или зародышный пузырь, который находится въ каждомъ яйцѣ, какъ «выраженіе сосредоточенія бѣлковинной матеріи при одномъ полюсѣ, тогда какъ на противоположной сторонѣ или при *отрицательномъ* полюсѣ сбирается масса желтка». Онъ утверждаетъ, что двусторонность, которою отличается большая часть животныхъ, существуетъ уже въ яйцѣ, представляющемъ первую степень развитія животныхъ и отличающемся отъ далнѣйшихъ фазъ ихъ развитія не болѣе того, какъ самыя эти фазы отличаются другъ отъ друга. Цѣль исслѣдованій Кларка состоитъ въ объясненіи значенія и важности ближайшихъ или второстепенныхъ причинъ жизни, называемыхъ детермизмомъ. Онъ полагаетъ, что теоріи самопроизвольнаго зарожденія нѣтъ дѣла до того, какъ происходитъ

этотъ фактъ; но что она должна заниматься только вопросомъ: происходитъ ли онъ дѣйствительно, то-есть рождаются ли низшія животныя совершенно независимо отъ другихъ животныхъ? Онъ допускаетъ возможность самопроизвольнаго зарожденія. Если—думаетъ онъ—яйца образуются иногда сами собою, независимо отъ какого либо родоначальника ихъ (?), то и животныя могутъ являться на свѣтъ не однимъ способомъ происхожденія. Если же твари были созданы въ совершенно развитомъ видѣ, то—слѣдовательно—при этомъ произошло, говоря языкомъ науки, самопроизвольное зарожденіе ихъ. Почему же—спрашиваетъ Клэркъ—могла показаться возмутительною мысль о продолженіи первоначальнаго плана созданія, дающаго жизнь тварямъ, между прочимъ, и этимъ способомъ? Происхожденіе животнымъ путемъ развитія бутонцовъ или распуколекъ (by budding) также возбуждало негодованіе и было признано только въ то время, когда его доказали положительно. Хотя и лучше допустить, что первоначальнымъ состояніемъ первыхъ животныхъ была возмужалая фаза, однакоже теорія эта была бы состоятельна только въ томъ случаѣ, еслибы яйцо зараждалось всегда въ матери. Фаза яйца—говоритъ Клэркъ—не отличается отъ фазы бутона, а потому яйцо теряетъ свой индивидуальный характеръ и становится мимоходной чертою въ жизни животнаго. Изъ высшаго, контролирующаго положенія, которое обуславливаетъ всѣ послѣдующія фазы, предшествуя имъ, оно исходитъ на второй планъ и дѣлается просто однимъ изъ тѣхъ многихъ первоначальныхъ условій, которыя равнымъ образомъ необходимы для послѣдовательнаго ряда фазъ или видоизмѣненій въ бытіи живаго существа. Потому-то—полагаетъ Клэркъ—было бы рациональнѣе допустить самопроизвольное зарожденіе, которое «есть повтореніе первоначальнаго акта непосредственнаго созданія животныхъ въ возмужаломъ возрастѣ». «Въгрозепенныя прѣчины представляютъ видимые способы дѣйствія творческой воли и доказываютъ, что первоначальное велѣніе Творца продолжаетъ производить свое вліяніе даже въ настоящее время».

Противъ мысли Клэрка о происхожденіи *Vibrio* изъ разлагающейся мышцы и о томъ, что клѣточки не что иное, «какъ совершенно мертвая мышца», напечатано въ «Reader» 2-го іюня возраженіе г. Пикарда. Онъ указываетъ на статью профессора Физа «Жизнь клѣточки», съ которою мы познакомили уже нашихъ читателей, и которая съ такою простотою и ясностью доказываетъ, что каждая клѣточка животнаго и растительнаго организмовъ есть одушевленное живое существо, подобное одноклѣтчатимъ инфузоріямъ. Основываясь на этой теоріи, Пикардъ идетъ далѣе цюрихскаго профессора и думаетъ, что клѣточки должны непремѣнно находить соотвѣтствующія для своей жизни условія и продолжать существованіе послѣ смерти животныхъ и растений, въ составѣ

которыхъ входили онѣ. Вслѣдствіе этого — полагаетъ онѣ — безчисленное множество различныхъ формъ жизни, развивающейся въ мертвыхъ тѣлахъ и гниющихъ растеніяхъ, происходитъ не отъ самопроизвольнаго зарожденія, но отъ перемѣнъ въ характерѣ взаимнаго соединенія вѣточекъ. Эта мысль высказана въ видѣ гипотезы и даже не нова, потому что теорія Пуше опровергается именно присутствіемъ въ жидкости вѣточекъ или зародышей. Льюисъ, писавшій прежде противъ теорія самопроизвольнаго зарожденія, осуждаетъ въ апрѣльской книгѣ «Fortnightly Review» чрезмѣрную суровость французской академіи, которая, удовольствовавшись возраженіями Пастѣра, не хочетъ выслушать съ должнымъ вниманіемъ новѣйшаго поборника этой теорія, г-на Мѣнье. Дѣйствительно, Мѣнье представилъ во французскую академію три записки о своихъ опытахъ по этому вопросу: онѣ долго оставались безъ отвѣта. Наконецъ въ «L'Institut» 4-го января 1866 было помѣщено краткое возраженіе Пастѣра. Онѣ доказывалъ, что опыты произведены не такъ, какъ бы слѣдовало, и что въ кипяченыхъ жидкостяхъ или остались живыми, или проникли туда вмѣстѣ съ воздухомъ зародыши. Въ заключеніе онѣ сослался на цѣлый рядъ своихъ опытовъ, которые дали противоположные результаты, и окончилъ возраженіе ссылкой на Флуранъ. «Еслибы самопроизвольное зарожденіе существовало дѣйствительно въ природѣ, то что же было бы необходимо для произведенія микроскопическихъ животныхъ? спрашиваетъ Флуранъ. Воздухъ и гниющія вещества. Но г. Пастѣръ соединялъ воздухъ съ подверженными гніенію жидкостями и не получилъ ничего. Стало бытъ, нѣтъ самопроизвольнаго зарожденія. Сомнѣваться не значитъ еще понимать вопросъ». Мѣнье написалъ на возраженіе Пастѣра отвѣтъ, который хотя и помѣщенъ въ «L'Institut» 24-го января, однакоже съ оговоркою, съ измѣненіями и въ сокращенномъ видѣ. Во первыхъ, сказано, что академія даетъ мѣсто въ своемъ журналѣ отвѣту Мѣнье потому, что она сообщала прежде извѣстія о его опытахъ. Въ вторыхъ, упомянуто о неумѣстныхъ выраженіяхъ, которыя произвели на членовъ академіи весьма невыгодное впечатлѣніе, «une impression fâcheuse», и о многословіи, ничего неприбавляющемъ къ самой сущности дѣла. Все это заставило редакцію академическаго журнала измѣнить и сократить текстъ отвѣта. Мѣнье опровергаетъ возраженія Пастѣра, увѣряя, что въ его колбы съ наогнутыми трубками не могъ проникнуть воздухъ, наполненный зародышами, и что кипящія впродолженіе пяти минутъ жидкости дали результаты, совершенно противоположные опытамъ Пастѣра, именно: щелочи ничего не произвели, а въ кислотахъ, напротивъ, явился живыи существа. Отвѣтъ свой онѣ заключилъ просьбою назначити комисію для повѣрки его опытовъ, которые предложилъ произвести снова въ присутствіи экспертовъ. Льюисъ думаетъ, что Мѣнье таковой опонентъ, котораго трудно опровергнуть. Можетъ бытъ, это и правда, но такъ какъ дѣло идетъ объ умѣнны производимы опыты, которые, при одинакихъ, повидимому, условіяхъ, даютъ постоянно

противоположные результаты, то—слѣдовательно — предрѣшать а ргіогі вопросъ о томъ, кто правъ: Пастёръ, или Мёнше? было бы совершенно неумѣстно въ настоящемъ случаѣ. Замѣтимъ только— профессоръ Фикъ утверждаетъ, что до сихъ поръ ни одинъ еще изслѣдователь природы не выдалъ самопроизвольнаго зарожденія клѣточка. Никогда не творятся онѣ изъ другихъ какихъ либо элементовъ, но рождаются другъ отъ друга посредствомъ своего подраздѣленія. Если же самопроизвольное зарожденіе несвойственно имъ, то—стало быть — и одноклѣтчатныя инфузоріи, эти самыя простыя, низшія во всѣхъ отношеніяхъ животныя, о происхожденіи которыхъ идетъ теперь споръ во французской академіи, не могутъ зарождаться самопроизвольно, или—по выраженію Кларка—являться въ природѣ вполне развитыми, возмужалыми «in adulte state», какъ, по библейскому сказанію, явились всѣ животныя въ послѣдніе дни мірозданія.

— Въ созвѣздіи Сѣвернаго Вѣнца явилась новая звѣзда. Кажется, она была замѣчена главнымъ инженеромъ путей сообщенія въ Рошфорѣ, г-мъ Курббесомъ (Courbebaïsse), прежде нежели увидали ее астрономы. Курббесъ пишетъ, что, обозрѣвая эту часть неба 11-го мая, онъ не видаѣ тамъ ничего особеннаго; но 13-го числа, въ 10 часовъ вечера, взоръ его былъ привлеченъ блескомъ этого свѣтила. Вслѣдъ за нимъ новую звѣзду замѣтили многіе астрономы въ разныхъ частяхъ Европы, и 17-го мая въ засѣданіи лондонскаго королевскаго общества была прочтена записка о ея спектрѣ Уильяма Гоггинса и Милера. Новая звѣзда вспыхнула внезапно. Сначала окружалъ ее легкій туманъ, занимавшій довольно значительное пространство и становившійся все гуще по мѣрѣ своего удаленія отъ нея. 19-го мая его не было уже видно. Спектръ этой звѣзды отличается отъ спектровъ всѣхъ другихъ небесныхъ тѣлъ. Свѣтъ ея истекаетъ изъ двухъ разныхъ источниковъ, и потому имѣетъ два спектра. Главный изъ нихъ одинаковъ съ солнечнымъ и очевидно происходитъ отъ свѣта раскаленной фотосферы, поглощаемой парами туманной оболочки, которая имѣетъ сравнительно низшую температуру. Другой спектръ состоитъ изъ нѣсколькихъ свѣтлыхъ линий, и это доказываетъ, что производящій его свѣтъ исходитъ изъ блестящаго газообразнаго тѣла. Трудно составить вѣрное понятіе о физическомъ устройствѣ этой звѣзды. Надобно полагать, что тутъ есть твердая, или жидкая фотосфера, испускающая свѣтлыя лучи, которые преломляются чрезвычайно разнообразно. Вѣроятно, ее окружаетъ атмосфера, состоящая изъ болѣе холодныхъ паровъ, которые, поглощая свѣтъ, производятъ группы темныхъ линий. Кромѣ фотосферы и атмосферы, здѣсь находится повидному источникъ газоваго спектра, что составляетъ уже отличительный признакъ этой звѣзды отъ другихъ звѣздъ и отъ солнца. Очевидно, что помечутый спектръ происходитъ не отъ тумана, потому что онъ состоитъ изъ блестящихъ линий, которыя не выходятъ въ инструментъ изъ предѣловъ общаго спектра, тогда какъ туманная атмосфера звѣзды носится надъ ея фотосферою.

Газообразная масса должна имѣть гораздо высшую температуру сравнительно съ фотосферой. Въ противномъ случаѣ невозможно было бы объяснить причину, которая дѣлаетъ эти линіи блестяще всѣхъ остальныхъ частей фотосфернаго спектра. Положеніе двухъ линій намекаетъ на преобладаніе въ газообразной массѣ водорода. Если же дѣйствительно водородъ есть источникъ нѣкоторыхъ изъ этихъ свѣтлыхъ линій, то условія, при которыхъ испускаетъ онъ свѣтъ, должны имѣть особенный характеръ. Здѣсь, на землѣ, даетъ онъ болѣе нѣжную и болѣе расплывшуюся въ зеленомъ полѣ красноватую линію, которая въ спектрѣ новой звѣзды имѣетъ, напротивъ, блестяще-красный цвѣтъ. Вообще спектръ этотъ, если принять въ соображеніе внезапный блескъ вновь появившейся звѣзды и быстрое его ослабленіе, позволяетъ предполагать, что изъ центра ея вырвалось вдругъ огромное количество газовъ, что водородъ воспламенился, соединясь съ какимъ-нибудь другимъ элементомъ, и произвелъ свѣтъ, представленный блестящими линіями спектра, и что вспыхнувшіе газы раскалили до бѣла твердую матерію фотосферы. Когда же сгорѣлъ водородъ, то вмѣстѣ съ его исчезновеніемъ ослабла напряженность явленія, и звѣзда быстро гаснетъ.

— Въ лондонское королевское общество представлена профессоромъ Тиндалемъ замѣчательная записка о теплотѣ. Она раздѣлена на десять главъ. Въ первой изъ нихъ описаны опыты Уильяма Гершеля и профессора Милера надъ лучеспусканіемъ солнца. Во второй опредѣлено распрежденіе теплоты въ спектрѣ электрическаго свѣта. Въ третьей разсказанъ способъ процѣживанія составной радіаціи для отдѣленія свѣтлыхъ лучей отъ темныхъ. Сравнено опредѣленное такимъ образомъ отношеніе ихъ другъ къ другу и найдено, что оно соотвѣтствуетъ результатамъ призматическаго анализа. Доказано также, что смѣсь іода съ углеродистой сѣрной кислотою чрезвычайно удобна для процѣживанія лучей. Въ четвертой главѣ описаны опыты съ другими субстанціями и упомянуто о результатахъ, полученныхъ отъ прежнихъ опытовъ надъ темными лучами. Въ пятой, опредѣленъ совершенно незримый характеръ радіаціи; доказано, что неустойчивые лучи находятся въ темномъ фокусѣ, и описаны многіе опыты надъ горѣніемъ. Шестая глава посвящена превращенію темной лучистой теплоты въ свѣтъ (*calorescence*). Въ седьмой говорится о разныхъ способахъ отвращенія опасности, соединенной съ употребленіемъ столь легко воспламеняющагося тѣла, какъ углеродистая сѣрная кислота. Восьмая глава заключаетъ въ себѣ описаніе опытовъ надъ темной радіаціею электрическаго свѣта и солнца. Въ девятой объяснены слѣдствія, полученныя отъ помѣщенія разноцвѣтныхъ бумагъ въ темномъ фокусѣ. Послѣдняя глава наполнена исчисленіемъ характеристическихъ признаковъ превращенія темныхъ лучей въ свѣтъ при помощи разнаго рода стеколъ.

— Въ «Reader» 2-го іюня помѣщена довольно-любопытная статья «Французская Ревизія». Въ концѣ мая была произведена во

Франціи новая, одиннадцатая съ начала текущаго столѣтія народная перепись. Результаты ея еще неизвѣстны въ Англии, но вообще по обѣ стороны Ла-Манша были увѣрены въ ихъ выгодномъ характерѣ, потому что съ 1861 г., то-есть современи послѣдней ревизіи, Франція находилась въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ относительно народнаго благосостоянія. Надобно замѣтить, что народонаселеніе увеличивается въ ней медленнѣе, нежели въ другихъ еврпейскихъ государствахъ. Въ шестьдесятъ лѣтъ нашего столѣтія оно возрасло въ Великобританіи слишкомъ вдвое, съ 10 до 23 миліоновъ, несмотря на эмиграцію; тогда какъ въ тотъ же періодъ число жителей Франціи увеличилось только на одну треть: въ 1801 г. считалось ихъ 27 миліоновъ, а въ 1861 — 36,000,000. Два раза — десять и двадцать лѣтъ назадъ — перевѣсъ умершихъ надъ родившимися произвелъ тамъ довольно-тревожное впечатлѣніе. Въ 1856 г. были получены лучшія статистическія данныя. Но все же «Saturday Review» 21-го прошлаго октября доназывалъ, что народонаселеніе Франціи можетъ при такой пропорціи возрастанія удвоиться только черезъ два вѣка, тогда какъ число жителей Великобританіи должно увеличиться вдвое почти въ пятьдесятъ лѣтъ. Въ городахъ возрастаетъ оно сравнительно быстрѣе. Населеніе Сенскаго департамента увеличилось впродолженіи десяти лѣтъ, между девятой и десятой переписями, на 531,595 человекъ, или болѣе, чѣмъ на половину всей прибыли жителей въ цѣлой Франціи, потому что она не превышала 930,000. Надѣются, что новая перепись сообщитъ подробности не только о числѣ жителей, но также и о пространствѣ, которое занимаютъ они. Очень замѣчательно различіе въ этомъ отношеніи между англійскими и континентальными городами. Въ послѣднихъ приходится сравнительно меньшее число квадратныхъ футовъ на каждаго жителя, можетъ быть, потому, что многие города обружены стѣнами. Жюль Дюваль доказывалъ въ «Journal des Débats», что въ Лондонѣ на каждаго человекъ приходится 112 квадратныхъ метровъ, а въ Парижѣ только 46. Говорятъ, что статистика можетъ доказать все, что угодно, и это мнѣніе отчасти подтвердила послѣдняя французская перепись. По ней выходило, что женщины преобладаютъ тамъ въ административномъ кругу, въ духовенствѣ, въ адвокатской корпораціи и медицинскои професіи. Такой результатъ могъ бы утѣшить самыхъ горячихъ защитниковъ «правъ женщины». Однакоже, оказалось на повѣрку, что эти цифры означаютъ только число женщинъ, находящихся въ зависимости отъ мужчинъ, исполняющихъ помянутыя професіи. Вѣроятно, такіе разнородные элементы не будутъ смѣшаны въ новомъ отчетѣ. Результаты народной переписи 1866 года должны быть очень любопытны также по отношенію къ сельскому хозяйству. Интересно знать, какое вліяніе оказали на земледѣліе машины и улучшенный способъ обработки полей, и въ какой степени замѣнился ими недостатокъ рабочихъ рукъ, которыя отвлекаются постоянно отъ земледѣльческихъ округовъ въ мануфактурныя центры Франціи.

Въ заключенія этой статьи сдѣлано нѣсколько замѣчаній о системѣ народныхъ переписей въ Бельгiи. Тамъ подчинены онѣ центральному статистическому комитету, существующему уже двадцать лѣтъ. Первая ревизія была произведена въ 1846 году, вторая въ 1856, и для третьей назначенъ послѣднiй день текущаго года. Донесенiе, представленное комитетомъ въ сенатъ 14-го прошлаго февраля, но изданное вмѣстѣ съ другими документами бельгiйскаго парламента нѣсколько дней назадъ тому, опредѣляетъ расходы по предстоящей переписи въ 550,000 франковъ, или почти по 11 сантимовъ на каждаго бельгiйца, полагая, что ихъ 5 миллионовъ. Любопытно сравнить эти издержки съ расходами другихъ странъ. Народная перепись 1857 г. стоила Австрiи около двухъ миллионовъ флоринновъ, что составляетъ по 13 сантимовъ на каждаго жителя этой имперiи. Ревизiя 1861 года обошлась Англiи въ 250,000 ф. ст., или по 20 сантимовъ на жителя. Соединенные Штаты потратили на нее въ 1860 г. 1,350,000 долларовъ, то-есть 31 сантимъ на человѣка. Надо прибавить, что факты, собранные въ этихъ случаяхъ, были не такъ разнообразны, какъ тѣ, которые предположили привести въ извѣстность бельгiйскiй комитетъ. На сборъ статистическихъ свѣдѣнiй о парижской торговлѣ было потрачено въ 1861 году 239,884 франка, при чемъ роздали и собрали 121,654 формы, или печатныя листка, тогда какъ въ Бельгiи будетъ роздано ихъ для выясненiя промышленныхъ вопросовъ въ десять разъ больше.

— Происхожденiе различныхъ расъ человѣчества принадлежитъ къ числу самыхъ любопытныхъ вопросовъ антропологiи. Нѣкоторые изъ авторитетовъ этой науки думаютъ, что человѣческiй родъ произошелъ отъ одной первоначальной четы; другiе полагаютъ, что на землѣ было нѣсколько Адамовъ, и что — слѣдовательно — происшедшiя отъ нихъ потомства не имѣютъ ничего общаго между собою относительно начала своего происхожденiя. Извѣстный англiйскiй натуралистъ, професоръ Гексли прочелъ 17-го мая въ лондонскомъ королевскомъ институтѣ лекцiю, въ видахъ поддержать теорiю «О единствѣ человѣческихъ расъ». Онъ говоритъ, что какъ бы ни смотрѣли на эти расы — будутъ ли считать ихъ различными родами, или разными видами одного и того же рода — вопросъ о происхожденiи человѣчества все же останется нерѣшеннымъ, потому что гипотеза о независимой другъ отъ друга появленiи *современныхъ* формъ въ разныхъ центрахъ правдоподобна на столько же, какъ и предположенiе о появленiи *разнообразныхъ* типовъ безъ всякой родословной связи между ними. Но онъ думаетъ, что было бы несомненно допустить существованiе нѣсколькихъ центровъ первоначальнаго распространенiя человечества, не объяснивъ сначала, что наблюдаемыя теперь факты могли продолжити другъ отъ друга. Въ пользу происхожденiя людей въ *несколькихъ* центрахъ говорятъ преимущественно два факта: жители острововъ Тасманъ и Тасманинъ. *Центры* этихъ острововъ находится въ южной части *Тасманскаго* острова. Съ *этимъ* *островомъ* *связаны*

острововъ удаленъ отъ земли. Берегъ Южной Америки отстоитъ отъ него на 2,000, а ближайшій островъ на 1,400 миль. Когда голландцы въ концѣ прошлаго столѣтія открыли его, на немъ было около двухъ тысячъ жителей. Здѣсь находились большіе, высѣченныя изъ камня идолы, о происхожденіи которыхъ туземцы ничего не знали. Они даже не поклонялись имъ и не умѣли, повидимому, обдѣлывать камень такимъ образомъ. Итакъ, вотъ островъ, удаленный на сотни миль отъ другихъ острововъ и отъ твердой земли, и однакоже на немъ живутъ люди. Откуда же пришли они? Не есть-ли онъ остатокъ затопленнаго моремъ, глубоко осѣвшаго материка? Не составляютъ ли идолы произведеній прежде жившаго здѣсь и болѣе цивилизованнаго народа? Адмиралъ Бичей нашелъ, что жители острова Пасхи понимаютъ языкъ таитянъ, что они, подобно имъ, дѣлаютъ лодки изъ небольшихъ кусковъ дерева и носить одежду, сотканную изъ древесной коры. За исключеніемъ мышей, не выдалъ онъ здѣсь другихъ млекопитающихъ животныхъ, но убѣдился однакоже, что у этихъ дикарей есть домашняя птица. Ла-Перузъ открылъ, что на островѣ находится мягкій песчаникъ, изъ котораго жители строятъ свои хижины, и что вѣроятно идолы сдѣланы ими. Но какъ же могли зайти сюда эти полинезійцы? Надобно замѣтить, что они по наружности сходны въ островитянами Южнаго океана, но совершенно отличны отъ жителей американскаго материка. Что касается пасатныхъ вѣтровъ, то они дуютъ въ этой широтѣ съ юго-востока и, стало быть, не могутъ занести лодки съ Таити на островъ Пасху. Но опять-таки адмиралъ Бичей нашелъ, что направленіе этихъ вѣтровъ не всегда бываетъ одинаково — они превращаются порою на нѣсколько дней съ чрезвычайно сильной западной мусонъ. Итакъ, лодка, въ которой плыли полинезійцы, могла быть застигнута такимъ вѣтромъ и пригнана имъ къ острову Пасхи. Это предположеніе подтверждается фактомъ. Бичей встрѣтилъ на югѣ Восточнаго океана коралловый островъ, отстоящій на 600 миль отъ земли и обитаемый однакоже полинезійцами, которые незадолго до его прибытія были занесены сюда западнымъ мусономъ.

О жителяхъ Тасманіи Гэкли говоритъ слѣдующее. Островъ этотъ отдѣленъ на 140 миль отъ Новой Голандіи Басовымъ проливомъ. Флора и фауна Тасманіи имѣютъ чисто-австралійскій характеръ, даже по отношенію къ сумчатымъ животнымъ; только человѣческое ея населеніе совершенно своеобразно. Въ настоящее время на этомъ островѣ живетъ не больше пяти или шести дикарей, которые нисколько непохожи на австралійцевъ. Ни на одномъ изъ двухъ противоположныхъ береговъ Басова пролива нельзя найти туземной лодки, пригодной для того, чтобы проплыть въ морѣ 140 миль. Другая ближайшая земля къ Тасманіи, Новая Зеландія, отстоитъ отъ нея на 1,600 миль. Новозеландцы тоже отличны по своему физическому устройству отъ жителей Тасманіи. Нанеюкъ Новая Каледонія, удаленная на 1,600 миль отъ этого острова, имѣетъ то, чего нѣтъ въ Тасманіи — она населена такой же расой.

Но тутъ снова является трудный вопросъ о переселеніи, который можно рѣшить только при помощи гипотезы объ иномъ нѣкогда распрѣдѣленіи земли и воды въ этой части земного шара. Единство флоры и фауны въ Новой Голландіи, Тасманіи и Новой Каледоніи доказываетъ, что здѣсь происходилъ когда-то сильныя геологическіе перевороты, вслѣдствіе которыхъ осыла земля, соединявшая австраліійскіе острова. «Теперь — говоритъ Гэксли — мы приблизились къ вопросу о томъ, можно ли которую нибудь изъ существующихъ расъ считать родоначальнымъ источникомъ всего человѣчества? Огвѣтъ будетъ зависѣть отъ вашего взгляда на происхожденіе человѣка. Если вы признаете его особымъ, специальнымъ созданиемъ, въ такомъ случаѣ вамъ остается только сдѣлать выборъ — каждую изъ существующихъ формъ человѣчества можно считать родоначальной расою. Если же вы думаете, что человѣкъ произошелъ вслѣдствіе превращенія какой-либо изъ предшествовавшихъ ему формъ животнаго царства, то вамъ предстоитъ подчиниться обычнымъ условіямъ, подъ вліяніемъ которыхъ рѣшаются подобныя зоологическія задачи, и принять за первоначальную ту расу, въ которой соединилось наибольшее количество отличительныхъ признаковъ, свойственныхъ низшимъ животнымъ». Такой расою считаютъ вообще африканскихъ негровъ. Однакоже, профессоръ Гэксли называетъ это мнѣніе ошибочнымъ, потому что отличительныя качества негра, какъ, напримѣръ, удлинненная пятка и курчавые волосы, составляютъ *уклоненія* отъ типа животныхъ. Бѣлокожіи и голубо-глазыя европейскія расы не могутъ, конечно, считаться близкими къ низшимъ формамъ. Малайская группа также далеко уклоняется отъ животнаго типа. Остаются австраліійскія расы, которыя по длинной головѣ и выдающимся челюстямъ представляютъ наиболѣе сходства съ низшими животными. Въ самомъ дѣлѣ, судя по ископаемымъ остаткамъ древняго человѣка, надобно заключить, что австраліійскій типъ былъ нѣкогда господствовавшимъ типомъ въ человѣческомъ родѣ. Думаютъ вообще, что отличительныя признаки расъ произведены нѣшними условіями, безъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ со стороны самого человѣка. Это популярное мнѣніе, поддержанное Притчардомъ, основано, кажется, на томъ, что въ жаркомъ климатѣ бѣлая кожа темнѣетъ. Однакоже, климатомъ нельзя объяснить ни особенностей въ устройствѣ скелета, ни курчавости негра. Потому-то Гэксли и замѣчаетъ иронически, что солнце не можетъ курчавить волосъ, какъ огонь курчавитъ петрушку. Патагонія очень отлична по климату отъ Сѣверной Америки, а между тѣмъ и тамъ и здѣсь живутъ люди очень сходные между собою; или возьмите какую угодно пзотермическую линію, и вы найдете, что она идетъ по странамъ, населеннымъ различными расами. Гэксли полагаетъ, что гипотеза Дарвина лучше всего объясняетъ происхожденіе отличительныхъ признаковъ, которые явились въ человѣчествѣ вслѣдствіе естественнаго подбора. Нѣтъ двухъ человѣкъ; совершенно похожихъ другъ на друга. Разнообразіе является въ формахъ, въ расположеніи мышцъ и т. д.

Оно будетъ измѣняться по системѣ Дарвина вмѣстѣ съ обстановкою, къ которой долженъ примѣняться человекъ по чувству само-сохраненія. «Представимъ себѣ данный климатъ и однообразное населеніе. Какъ скоро измѣнится климатъ отъ геологическихъ причинъ, то вслѣдъ за этимъ должны возникнуть видовые признаки, которыхъ прежде не имѣло населеніе. Болѣе приуровненная къ измѣнившимся условіямъ форма не прекратитъ, конечно, своего существованія; другія же, менѣе способныя къ преобразованію, должны будутъ или гнубуть, или медленно измѣняться». Гэсли упоминаетъ, въ видѣ поясненія, объ извѣстномъ фактѣ. На западномъ берегу Африки черныя расы несравненно рѣже европейцевъ заболѣваютъ желтой горячкою. Если мы представимъ смѣшанное поколѣніе, происшедшее отъ бѣлыхъ и черныхъ людей, то часть его, болѣе близкая къ бѣлому типу, стала бы умирать отъ этой болѣзни, тогда какъ другая половина, усвоившая сравнительно болѣе индивидуальныхъ качествъ, свойственныхъ черной расѣ, не истреблялась бы горячкою. Отсюда явилось бы стремленіе къ выработкѣ или развитію этихъ наследственныхъ качествъ, которыя обратились бы впослѣдствіи въ постоянный видовой признакъ уцѣлѣвшаго потомства. Уэлсъ, одинъ изъ лучшихъ объяснителей гипотезы Дарвина, думаетъ, что цивилизація вмѣшивается въ дѣло естественнаго подбора, и что нравственныя тенденціи и умственныя качества препятствуютъ ему достигать полныхъ результатовъ. Гдѣ любовь къ ближнему получила практическій характеръ, тамъ сильный накормитъ слабого, а не дастъ ему умереть съ голоду. Но Гэсли несогласенъ съ мнѣніемъ Уэлса. Онъ думаетъ, что милосердіе человѣческое имѣетъ слишкомъ ограниченный кругъ дѣйствія и вообще очень слабо для того, чтобы могло оно бороться съ началомъ естественнаго подбора, съ этимъ закономъ природы, дѣйствующимъ на огромныя массы, и что сверхъ того цивилизація влечетъ за собою свои собственные опасности и недуги, усюгать противъ которыхъ всегда бываютъ болѣе способны сильныя, чѣмъ слабыя. Нельзя не согласиться съ Гэсли, что вопросъ о единствѣ, или самостоятельномъ разнообразіи расъ и вопросъ объ одномъ, или нѣсколькихъ центрахъ распространенія человѣчества нисколько не тождественны. Но трудно согласиться съ нимъ, чтобы теорія происхожденія человека отъ животнаго вела къ гипотезѣ объ одномъ центрѣ распространенія, потому что одна и та же низшая форма животной жизни могла бы, вслѣдствіе преобразованія, достигнуть одинакихъ результатовъ въ разныхъ мѣстахъ. Извѣстно, что человека производятъ отъ обезьяны, основываясь на теоріи происхожденія видовъ Дарвина. Однакоже, Гэсли беретъ доказать, что доктрина знаменитаго натуралиста имѣетъ въ отношеніи къ человеку чисто-библейскій или, какъ выражаются англичане, православный характеръ.

Замѣтимъ съ своей стороны, что какъ бы ни были противоположны гипотезы, вызванныя этой теоріею, все же не самъ Дарвинъ произнесъ первое слово о происхожденіи человека отъ обезьяны.

Вопросъ о появленіи на землѣ человѣческаго рода всегда былъ и до сихъ поръ остается для него самымъ деликатнымъ и самымъ труднымъ вопросомъ, къ рѣшенію котораго онъ никогда не осмѣливался приступить, несмотря на то, что теорія происхожденія видовъ должна была бы, кажется, могущественно влечь его къ той мысли, которую поспѣшили такъ смѣло высказать ученики Дарвина. Разумную осторожность глубокомысленнаго учителя едва ли не признають они пошлой трусостью, и такъ-какъ въ наукѣ всего простѣе щеголять отважностью мысли, то дѣлая толпа самыхъ дюжинныхъ умовъ бросилась, очертя голову, впередъ—и оставила далеко за собою великаго англійскаго мыслителя, который такимъ образомъ сдѣлался отсталымъ. При случаѣ мы поговоримъ объ этомъ подробнѣе; теперь же замѣтимъ только, что профессоръ Гэксли, принадлежащій, по общему мнѣнію, къ самымъ даровитымъ ученикамъ Дарвина, горевалъ еще въ своихъ «Лекціяхъ рабочимъ» о томъ, что авторъ «Происхожденія видовъ» ничего не сказалъ о человѣкѣ («Mr. Darwin has said nothing about man in his book». Lectures to Working Men). Что же касается происхожденія человѣка отъ обезьяны, то, во первыхъ, всѣ послѣдователи Дарвина согласны, что не открыто формы, которая могла бы служить среднимъ звеномъ между обезьяною и самымъ низшимъ типомъ какъ существующихъ въ настоящее время, такъ и ископаемыхъ людей. Вовторыхъ, ни одно изъ самыхъ дикихъ племенъ не возвратилось обратно къ покрытому волосами типу, хотя многіе изъ дикарей совершенно не имѣютъ ни одежды, ни жилища, гдѣ бы можно было укрываться отъ непогоды. Палеонтологи не находятъ также слѣдовъ существованія такой человѣческой расы въ доисторическія времена. Втретьихъ, умственные способности обезьянъ развиты наиболѣе не въ тѣхъ формахъ этихъ животныхъ, которыя ближе подходятъ къ человѣческому организму. Сверхъ того, обезьяна по характеру своихъ умственныхъ способностей менѣе приближается къ человѣку, нежели нѣкоторые домашнія животныя, и этотъ, sui generis, умъ ея теперь только начинаетъ развиваться, но крайній-мѣръ такъ можно заключить по наблюдениямъ, въ средстахъ къ которымъ нѣтъ, разумѣется, недостатка.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Альпійскіе ледники. Сочиненіе Джона Тиндала. Переводъ съ англійскаго профессора С. А. Рачинскаго. Москва. Изданіе книгопродавца Глазунова. 1866 г.

Сочиненіе Тиндала, появившееся недавно въ русскомъ переводѣ подъ означеннымъ заглавіемъ, состоитъ изъ двухъ частей,

изъ которыхъ въ первой авторъ описываетъ свершенныя имъ разновременна восхожденія на различныя альпійскія горы и даетъ понятіе, какъ о жизни изслѣдователя Альпъ, такъ и о средствахъ, которыми добываются свѣдѣнія, приведенныя имъ въ систему уже во второй части сочиненія. Эта послѣдняя, написанная съ желаніемъ заинтересовать образованныхъ людей, необладающихъ спеціально научными свѣдѣніями, имѣетъ предметомъ своимъ объясненіе какъ происхожденія ледниковъ, такъ и всѣхъ встрѣчающихся въ нихъ средъ явленій, причемъ авторъ знакомитъ довольно близко съ историческою стороною избраннаго имъ предмета, и дѣлаетъ справедливую оцѣнку трудовъ, совершенныхъ въ этой области человѣческаго знанія различными его предшественниками. Однимъ изъ послѣдствій большаго холода верхнихъ слоевъ атмосферы является то, что тучи, образовавшіяся въ нижнихъ слояхъ атмосферы, въ широтахъ теплыхъ обыкновенно разражаются на землю дождемъ, между тѣмъ какъ образовавшіяся въ верхнихъ слояхъ разражаются на горахъ снѣгомъ, который часто распускается въ дождь, падая въ нижніе, болѣе теплые слои. Извѣстно, что ниже снѣговой линіи, выпадающій ежегодно снѣгъ вполнѣ разрушается лѣтнею теплотою; выше же ея остается нарастающій слой, постепенно утолщающійся кверху отъ снѣговой линіи, на которой ежегодно и налагается новый слой выпадающаго въ теченіе года снѣга. Продолжаясь непрерывно, снѣгъ этотъ на вершинахъ горъ могъ бы подняться до неопредѣленной высоты, еслибы онъ только не скользя и не скатываясь въ видѣ лавинъ, въ болѣе теплыя полосы. Снѣгъ, падающій на высокія горы, часто имѣетъ температуры гораздо ниже точки замерзанія, и еслибы онъ всегда оставался таковымъ, то образованіе изъ него ледника было бы невозможно. Но при таяніи отъ дѣйствія солнца образуется вода, которая, просачиваясь въ нижніе слои снѣга, изгоняетъ захваченный снѣгомъ воздухъ, слѣпаясь при морозѣ снѣгъ между собою и образуя то, что называютъ фирновый ледъ. При температурѣ 32° Фаренгейта, ледъ фирна можетъ быть легко сдавленъ и встертъ, а если сила будетъ приложена медленно и осторожно, то масса уступаетъ давленію совершенно подобно тому, какъ уступаетъ лѣткое тѣло. Такимъ образомъ нижнія части фирна, давленіемъ верхнихъ слоевъ фирна и снѣга, все болѣе и болѣе выводятся изъ состоянія снѣга, воздушныя пузырьки, придающіе фирну его бѣлизну все болѣе и болѣе изгоняются; и этотъ процессъ, распространяясь по всему леднику, доводитъ, наконецъ, ледъ до состоянія изумляющей насъ великолѣпной прозрачности. Окружающія ледникъ горы рассыпаютъ обломки свои далеко по его поверхности; очевидно, что количество камня и мусора, падающаго на ледникъ, зависитъ отъ свойствъ прилегающихъ горъ. Отъ движенія ледника обломки эти располагаются въ видѣ грядъ, называемыхъ *марэнами*. Каменная глыба, принимая солнечныя лучи, нагревается и передаетъ свою теплоту лежащему подъ нею льду,

который вокруг камня будет таять быстрее, чѣмъ подъ нимъ, какъ скоро теплота, передаваемая камнемъ, будетъ менѣ теплоты, принимаемой окружающимъ его льдомъ; вслѣдствіе этого поверхность льда, опускаясь, оставитъ за собою ледяной столбъ, называемый *ледниковымъ столбомъ*, и поддерживающій обыкновенно камень, который современемъ, подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей, все болѣе и болѣе наклоняется и наконецъ сваливается. Фактъ движенія ледниковъ былъ извѣстенъ съ незапамятныхъ временъ, но первый, кто произвелъ надъ этимъ движеніемъ количественныя наблюденія, были Гюгя, потомъ Агассицъ, Эшеръ-де-ла-Лантъ, Вильде, Форбесъ и др. Исслѣдованія эти привели ветолюкъ къ тому факту, что средняя часть ледника движется быстрее краевъ въ весьма значительной степени, но способствовали также разъясненію причины самаго движенія. Еще де-Соссюръ въ 1799 году полагалъ, что ледникъ, отдѣленный водою, находящеюся подъ нимъ, даже зверою, отъ поддерживающаго его русла, мало-помалу скользятъ и спускается слѣдуя наклону скатовъ, на которыхъ ледникъ расположенъ. Рандю принадлежитъ мысль о полужидкомъ движеніи; Форбесъ выставилъ теорію вязкости, по которой ледникъ есть полужидкость или вязкое тѣло, движущееся по скатамъ извѣстнаго наклоненія, въ силу взаимнаго давленія его частей. Главныя разногласія по поводу этой теоріи вертятся около вопроса о томъ, что хотѣлъ собственно сказать Форбесъ, что значитъ *вязкость льда*? Томсонъ предполагаетъ, что извѣстныя части ледника подвергаются давленію, которое приводитъ ледъ въ жидкое состояніе; вода же, образуемая при этомъ, продавливается сквозь ледникъ въ томъ направленіи, въ которомъ ей представляется удобнѣйшій исходъ, и замерзаетъ въ новомъ мѣстѣ. Такъ какъ давленіе такимъ образомъ устранено въ мѣстѣ, гдѣ оно было первоначально приложено, то новыя частнцы льда подвергаются этой силѣ; онѣ въ свою очередь разжижаются, вода распространяется какъ сказано выше, и снова замерзаетъ.

Повторенію такихъ процесовъ, Томсонъ приписываетъ измѣненія въ формѣ, наблюдаемыя въ ледникахъ. Сдѣлавъ разборъ всѣмъ этимъ теоріямъ, и сообщивъ наблюденія и опыты, произведенныя надъ льдомъ, Тиндаль приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

Ледники происходятъ пзъ нагорнаго снѣга, сплоченнаго давленіемъ въ ледъ. Когда такое вещество накопляется на поверхности земли до достаточной вышины, нижнія части его выжимаются давленіемъ налегающей на нихъ массы. Если оно лежитъ на склонѣ, оно главнымъ образомъ уступаетъ по направленію къ его подножію и движется къ низу. Сверхъ того, вся масса цѣлкомъ скользятъ внизъ по наклонному руслу и оставляетъ за собою слѣды на скалахъ, по которымъ проходятъ.

Эгнъ путемъ осадки сплоченнаго и несплоченнаго снѣга, побрывающіе вершины горъ, медленно движутся внизъ въ прилежащую долину, по которой спускаются въ видѣ истиннаго ледника,

отчасти чрез скользяніе, и отчасти чрез распластаніе самой массы. Центръ ледника движется быстрѣе, чѣмъ его бока, а поверхность его — быстрѣе чѣмъ дно; точка наибыстрѣйшаго движенія слѣдуетъ тому же закону, которому повинуются рѣки, переходя отъ одной стороны центра къ другой, съ измѣненіемъ изгиба долины. Ледъ не одаренъ вязкостію; подверженный тяженію, ледъ не растягивается, а разрывается; таково происхожденіе трещинъ въ ледникахъ.

Познакомивъ такимъ образомъ въ главныхъ чертахъ съ содержаніемъ сочиненія Тиндала, мы считаемъ излишнимъ что-либо говорить о представляемомъ имъ научномъ интересѣ и занимательности. Что же касается до русскаго перевода, едѣяннаго г. Рачинскимъ, подарившимъ уже публикѣ переводы сочиненія Льюиса и Дарвина, то онъ вполне удовлетворителенъ.

Матеріалы для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Рагузской республикой. Изъ исторіи вѣнскихъ сношеній этой республики. Сочиненіе В. Макушева. Москва. 1865. Въ университетской типографіи.

Область Рагузы (посербски Дубровникъ), основанной въ 656 году, не заключаая въ себѣ болѣе 50 итальянскихъ миль, тянется по берегу Адриатическаго моря, неудобному по свойству почвы для воздѣлыванія, что и пробудило въ жителяхъ рано предприимчивость, мореходство и торговлю. Въ XV и XVI столѣтіяхъ, золотомъ вѣкѣ въ исторіи Рагузы, флагъ ея развѣвался на моряхъ четырехъ частей свѣта, и исключительно въ рудахъ ея была торговля съ Востокомъ; мануфактуры же, искусства и науки были въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, что доставили Рагузѣ имя второй Венеціи и славянскихъ Аѳинъ. Но въ ней церковь преобладала надъ государствомъ и весьма часто рагузинцы жертвовали интересами государства въ пользу интересовъ религіозныхъ; искорененіе православія на землѣ республики и распространеніе католицизма между славянами Балканскаго полуострова и на Востокъ, по мѣрѣ расширенія торговыхъ связей Рагузы, составляютъ одну изъ характеристическихъ чертъ ея исторіи. По законамъ республики, право гражданства имѣли только католики, и всякій кто временно пребывалъ на землѣ рагузской, обязывался сообразоваться съ постановленіями католицизма. Православный, принимавшійся на нѣсколько лѣтъ въ услуженіе къ рагузинцу, обязывался законами отречься отъ православія и исповѣдовать католическую религію; по окончаніи того времени, какъ находился на землѣ рагузской; возвращаясь на родину, онъ обращался снова въ православіе. Злится православія противъ католицизма даетъ содержаніе всѣмъ нашимъ дипломатическимъ сношеніямъ съ Рагузою, первымъ документомъ которыхъ является письмо Петра-Великаго къ рагузскій сенатъ о дозволеніи Савинъ Владиславичу (герцеговинцу, бывшему на русской службѣ) погостить въ саду буиеннаго имъ въ Рагузѣ палатдо православ-

ную церковь, въ которой бы онъ и его семейство могли присутствовать при совершеніи божественной литургіи, а также похоронять престарѣлую свою мать. Письмо это хотя отличалось повелительнымъ, а не просительнымъ тономъ, не имѣло успѣха. Сенаторы рагузскіе до такой степени были заражены фанатизмомъ и іезуитствомъ, что дозволеніе построить иновѣрческую церковь при частномъ домѣ и для одного семейства казалось имъ величайшимъ оскорбленіемъ исповѣдуемой ими католической религіи. Поэтому они рѣшились, на первыхъ же порахъ сношеній своихъ съ Россіею, отказать Петру въ совершенно законной и повидному ничтожной его просьбѣ, тѣмъ болѣе, что по предсказанію святого Франциска, республика эта должна пасть тогда, когда въ предѣлахъ ея области будетъ дозволено иновѣрцамъ совершать ихъ обряды богослуженія. Отказъ этотъ не навлекъ на республику никакихъ дурныхъ послѣдствій, и до начала войны Еватерны II съ Турціею отношенія наши къ Рагузѣ были весьма дружественны; рагузинцы продолжали служить въ Россіи и пользоваться большими почестями и довѣріемъ нашего правительства. Во время войны между Россіею и Турціею въ 1768 году, наше правительство послало, какъ извѣстно, въ Средиземное море флотъ подъ начальствомъ адмирала Орлова, который началъ обращаться неприязненно съ рагузскими судами, по причинѣ несоблюденія республикою невмѣшательства. Рагузинцы, какъ видно изъ заключенной впоследствии съ ними конвенціи, добились въ Генуѣ сестра на одно судно, купленное двумя простыми русскими купцами и вооруженное на ихъ счетъ для защиты отъ пиратовъ, а также помогали туркамъ въ войнѣ какъ кораблями, такъ и матросами и солдатами и т. д. Рагузинцы, опасаясь гнѣва Еватерны II, обратились за посредничествомъ къ вѣнскому двору, которое осталось безъ всякой пользы для республики, вслѣдствіе чего они рѣшились отправить въ Петербургъ графа Ранину. Посольство Ранины также не увѣчалось успѣхомъ; дѣло это предоставили графу Орлову, оставшемуся зимовать въ Италіи. Узнавъ объ этомъ, сенатъ рагузскій обратился немедленно къ папскому двору съ просьбою ходатайствовать предъ герцогомъ тосканскимъ, во владѣніяхъ котораго стояла тогда наша эскадра, о принятіи имъ участія въ распрѣ республики съ Россіею, а также посланъ въ Вѣну Ранделли съ подобнымъ же ходатайствомъ. Этотъ послѣдній писалъ, между прочимъ, рагузскому сенату, что Марія-Терезія, вполнѣ соблаговолѣвая республикѣ, не можетъ сдѣлать для нея ничего другаго, кромѣ повторительнаго препорученія сыну своему, герцогу тосканскому, употребить все его усилія къ благопріятному для республики исходу переговоровъ Ранины съ Орловымъ. Ходатайства дворовъ римскаго, вѣнскаго и тосканскаго были однако бесполезны. По конвенціи, заключенной въ 1775 году между Орловымъ и Раниною въ Ливорнѣ, видно, что Рагузская республика обязалась: 1) отнынѣ впродъ во всякую войну, какаѣ могла бы возникнуть,

между Россією и другою державою, соблюдать всегда и во всякое время строгое невмѣшательство; 2) предоставить консулу русскому въ Рагузѣ и ее области всѣ права, почести, привилегіи и исключенія, какими пользуются консулы вѣдѣвшихъ державъ Европы; и 3) дозволить консулу имѣть въ своемъ домѣ капеллу, въ которой бы совершалось богослуженіе по обряду православной религіи.

Предписывая эти условія, Екатерина II руководилась мыслию помочь по возможности нашимъ единоплемянникамъ и единоверцамъ, гнѣшимымъ турками и обращаемымъ въ католичествомъ насильственно рагузцами; выгоды отъ учрежденія консульства въ Рагузѣ, наше правительство не имѣло, потому что въ это время торговля и мореплаваніе рагузцевъ были уже въ упадкѣ. Республика же хорошо понимала, что на глазахъ консула православной державы, ей будетъ неудобно цопрежнему обращаться съ схизматиками, вербовать въ Герцеговинѣ рабочихъ и дачничать ихъ; кромѣ того ей нельзя будетъ отговариваться невѣдѣніемъ войны между Россією и какою либо другою державою. Но агитаторы соображеніемъ она очень неохотно приняла столь легкія условія, предложенныя нашимъ правительствомъ, для примиренія съ нею. Вынужденные обстоятельства дать на нихъ свое согласіе, рагузинцы тайно въ душѣ рѣшились не допустить по крайней мѣрѣ построенія схизматической церкви въ Рагузѣ, на сколько это будетъ возможно.

Несмотря однако на конвенцію, республика нашла для себя болѣе выгоднымъ перевозить на своихъ судахъ съѣстные припасы для турокъ во время войны нашей съ ними въ 1788 году и отговаривалась тѣмъ, что шиппера поступаютъ вопреки ее волѣ. До свидѣнія же Павла I дошло, что рагузинцы занимаются подобною перевозкою изъ Архипелага въ Мальту, занятую въ 1798 году французами, нашими неприятелями. Сенатъ привелъ въ свое оправданіе ту же самую отговорку. Такое нерадѣніе со стороны нашего консула въ Рагузѣ, графа Джики, объясняютъ его нежеланіемъ сеориться съ сенаторами. На глазахъ его продолжали цопрежнему прѣдсѣять православныхъ, которымъ хотя и удалось въ 1790 году завести молеблю, въ частномъ домѣ внѣ города, однако о публичномъ богослуженіи не было и рѣчи. Православные священники, прѣзжавшіе изъ Герцеговины, безпрестанно подвергались самымъ возмутительнымъ оскорбленіямъ и наконецъ постановлено было, что священнику грекокхизматическому дозволяется дважды въ годъ прѣзжать въ Рагузскую область и пребывать въ ней всякій разъ 8 дней. Премникъ Джики, Фонтанъ, протестовалъ противъ этого, вслѣдствіе чего сенатъ объявлялъ, что вѣчному напнанію изъ Рагузской области подлежатъ только священники, а не монахи православные, и прибавилъ, что республика не имѣетъ намѣренія нарушать конвенцію Орлова и т. д. Но Фонтанъ жаловался ебъ этомъ нашему государственному канцлеру, графу Воронцову, который требовалъ отъ республики

немедленнаго удовлетворенія и отвода мѣста для русской церкви въ городѣ.

Угрозы нашего двора и настоятельныя требованія Фонтоня увѣщались успѣхомъ. Православное вѣроисповѣданіе утвердилось законнымъ образомъ въ Рагузѣ, хотя и должно было подчиниться господствующему въ странѣ католическому вѣроисповѣданію. Католики-суетвѣры ждали съ трепетомъ исполненія предсказанія св. Франциска Ассизскаго и Св. Якова Марійскаго, которое вскорѣ и осуществилось. По условіямъ Пресбургскаго мира 1805 г., Австрія должна была уступить Франціи между прочимъ Далмацію съ Боккою-Катарскою. Извѣстіе это произвело очень неблагопріятное впечатлѣніе въ народѣ, и бокезы, опасаясь упадка своей торговли и благосостоянія подъ владичествомъ Франціи, рѣшились призвать на помощь русскихъ, приглашая ихъ опередить французовъ въ занятіи Бокки. Сенявинъ, находившійся съ флотомъ въ Корфу, съ удовольствіемъ принялъ это предложеніе, и отправилъ въ Бокку эскадру подъ командою капитана Белли, который, занявъ городъ, издалъ декларацию о блокадѣ портовъ и береговъ Адриатическаго моря, принадлежащихъ французамъ, и о послѣдствіяхъ нарушенія оной. Занятіе войсками нашими Бокки-Катарской дало православнымъ надежду получить всѣ права человѣческія и гражданскія, въ которыхъ имъ такъ долго отказывали. Они надѣялись при паденіи Рагузы сдѣлаться подданными единовѣрной и единоплеменной державы. Въ теченіе нѣсколькихъ дней были конфискованы нашею эскадрою почти всѣ рагузскія торговныя суда, занимавшіяся перевозкою контрабанды, чѣмъ нанесенъ страшный ударъ республикѣ, существовавшей только благодаря ея торговлѣ и мореплаванію. Сенать ее послала къ Сенявину депутацію съ просьбою о покровительствѣ и защитѣ республики, причемъ заключенъ договоръ, что Рагуза приметъ русскій гарнизонъ какъ только узнаетъ, что французскія войска вступили на ея землю, и вооружитъ гражданъ противъ французовъ. Но два-три сенатора, предполагая, что Франція, отправившая сильное войско въ Далмацію, имѣетъ болѣе средствъ защищать республику, нежели русскій флотъ и войско, находившіеся въ Средиземномъ морѣ, почли за лучшее принять въ свое отечество французовъ, съ чѣмъ согласились и прочіе сенаторы, несмотря на заключенный съ Сенявиннымъ договоръ. Дерястонъ хитростію занялъ городъ, увеличилъ постепенно въ немъ французскій гарнизонъ, овладѣлъ артиллеріею и военными припасами и требовалъ денегъ, за неимѣніемъ которыхъ сенать долженъ былъ отобрать изъ церквей бывшее въ нихъ серебро. Не описывая, какимъ образомъ черногорцы, бокезы и русскія войска постепенно дошли до Рагузы, осадили ее и дѣлали приступы, впрочемъ безуспѣшно, мы скажемъ, что не замедленіе Молитора съ подкрѣпленіемъ заставило снять осаду и отступити, но слѣдующее обстоятельство. За нѣсколько дней до того получено было изъ Петербурга приказаніе возвратитъ Бокку австрійцамъ, вслѣд-

ствіе чего наши союзники пали духомъ и разошлись по домамъ; оставшееся же наше войско въ числѣ 2,300 человекъ было слишкомъ слабо, чтобы отважиться на приступъ города, хорошо укрѣпленнаго и имѣвшаго значительный гарнизонъ. Ему оставалось покинуть землю республики и удалиться въ Кастель-Нуово.

Генералъ Мармонъ, принявшій главное начальство надъ всѣми французскими войсками, лаконическимъ приказомъ своимъ 31 января 1808 года объявилъ, что республика Рагузская уничтожена, а гражданское управление страной ввѣряется консулу французскому Брюеру и т. д.

Предсказаніе св. Франциска сбылось, какъ видно; съ утверженіемъ православія, республика пала, но жертвою своего вѣроломства и отъ руки своихъ единовѣрцевъ, у которыхъ искала спасенія. Къ любопытному своему сочиненію Мавушевъ присоединилъ немалое число интересныхъ приложений, которыя мы надѣемся увидѣть также и въ переводѣ на русскомъ языкѣ, при слѣдующемъ изданіи этой книги, которое, судя по занимательности содержанія, не замедлитъ послѣдовать.

Ярославская губернія. *Списокъ населенныхъ мѣстъ, по свѣдѣніямъ 1859 года, обработанный старшимъ редакторомъ Артемьевымъ. С.-Петербургъ. 1865 г. Изданіе центрального статистическаго комитета.*

Означенный списокъ рѣзко выдается изъ числа изданныхъ уже статистическимъ комитетомъ подобнаго рода выпусковъ, что объясняется, какъ научными познаніями самого составителя, такъ и особеннымъ богатствомъ статистическихъ данныхъ, бывшихъ въ рукахъ автора. Г. Артемьевъ пользовался матеріалами, собранными особою статистическою экспедиціею, которая отправлена была въ 1852 году министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ Ярославскую губернію съ цѣлю довести до возможной полноты и точности исчисленіе народонаселенія въ разнообразныхъ явленіяхъ его общественнаго развитія и государственнаго устройства, и составить подробное обзорѣніе мѣстнаго хозяйственнаго быта и полнаго списка всѣхъ населенныхъ мѣстностей губерніи съ присовокупленіемъ о каждомъ селеніи такихъ свѣдѣній, которыя характеризовали его топографическое положеніе и экономическое состояніе. Подобная же экспедиція отправлена была и въ Нижегородскую губернію. Несмотря на новостъ предпріятія и различныя затрудненія, изслѣдованія экспедицій увѣнчались приобрѣтеніемъ весьма обильныхъ статистико-экономическихъ данныхъ, которыя по своей громадности не могли быть изданы министерствомъ скоро и вполне. Признано было полезнымъ предварительно издать общія статистическія таблицы о составѣ и движеніи населенія въ губерніи, а впоследствии уже приступить къ изданію общихъ выводовъ и т. д. Согласно съ этимъ, въ 1861 году отпечатанъ былъ первый выпускъ «о составѣ и движеніи населенія по губерніямъ Нижегородской и Ярославской, который въ настоящее время можно счи-

тать библиографическою рѣдкостью. Непущенное еще въ продажу, оно почти все погнбло въ пожарѣ, постигшемъ Петербургъ 1862 года мая 28, вмѣстѣ съ чѣмъ утратилась и весьма значительная часть прочихъ матеріаловъ, частью исполнѣ обработанныхъ для втораго выпуска». Повтому мы считаемъ нелишнимъ привести здѣсь нѣкоторые изъ результатовъ, выведенныхъ на основаніи трудовъ экспедиціи.

Населеніе Ярославской губерніи, отъ 3-й до 10-й ревизіи, то-есть почти въ теченіе столѣтія, увеличилось въ мужскомъ полѣ на 34,12⁰/₀, съ 7-й ревизіи до 10-й включительно (въ 42 года) все население ровно на 18⁰/₀ (мужское на 16,17⁰/₀, а женское — 19,62⁰/₀); повтому ежегодное приращеніе населенія можно считать около 0,40⁰/₀, это подтверждается и выводомъ отношенія числа родившихся и умершихъ къ общему итогу населенія.—Что касается смертности по возрастамъ, то матеріалы экспедиціи показываютъ, что жизнь малютокъ на первомъ году отъ рожденія не ограждена почти нисколько отъ возможности смерти; они среднимъ числомъ ежегодно составляютъ 41,36% умирающихъ (въ городахъ болѣе 35, а въ селеніяхъ 42⁰/₀); въ Моложскомъ уѣздѣ даже 48,98. Изъ числа родившихся, въ томъ же году постоянно умираетъ 36%, но въ городахъ это отношеніе превышаетъ 40%. Смертность дѣтей въ возрастѣ отъ 1 до 5 лѣтъ равняется 13,05, а отъ 6 до 10 лѣтъ— 2,71%; оба эти разряда благоприятнѣе для городскихъ дѣтей, нежели для сельскихъ. Съ 11 лѣтъ до 55 года смертность поражаетъ болѣе населеніе *городское*, а съ 56 года возраста до самыхъ послѣднихъ разрядовъ — сельское. Другими словами, въ городахъ умираетъ болѣе въ возрастахъ среднихъ, а въ селеніяхъ преимущественно въ дѣтствѣ и старости. Средній возрастъ умирающихъ въ Ярославской губерніи составляетъ 23 года 5 мѣсяцевъ, именно для мужчинъ 20 лѣтъ 7 мѣсяцевъ 3 дня, а женщинъ 25 лѣтъ 3 мѣсяца 10 дней. Изъ распредѣленія населенія (составлявшаго по исчисленію экспедиціи 953,654 души, въ томъ числѣ 524,035 женщинъ) по семейному состоянію оказывается, что въ каждой сотнѣ жителей было вообще: недостижныхъ брачнаго возраста — 39,56 муж. и 31,79 жен.; достигшихъ брачнаго возраста — 10,47 муж. и 18,77 женц.; находящихся въ брачномъ состояніи — 44,90 мужч. и 38,22 жен.; вдовцовъ 5,07 и вдовъ 11,22. Изъ числа брачныхъ паръ болѣе $\frac{1}{3}$, то-есть 20,88%, не имѣютъ дѣтей вовсе; за то число незамужнихъ женщинъ, имѣющихъ незаконныхъ дѣтей, поразительно: всѣхъ ихъ насчитано 4,368, то-есть 0,49% общаго итога женщинъ и 4,81% числа достигшихъ брачнаго возраста. Самую печальную картину въ этомъ отношеніи представляютъ уѣзды Романово-борисоглѣбскій, Любимскій и Пешехонскій; въ послѣднемъ цифра эта доходитъ до 26,77%, то-есть изъ *четыресть десятковъ, одна* уже имѣетъ дѣтей. Высчитанные проценты еще болѣе увеличатся, когда можно было бы къ числу незамужнихъ женщинъ, *имѣющихъ дѣтей*, причислить и тѣхъ изъ нихъ, которыя *имѣли* дѣтей. Явленіе это должно объяснять по преимуществу господ-

ствонъ въ этихъ мѣстахъ расвольничьихъ понатій, безпопощицы, отвергающей брани, но дозволяющей и даже оправдывающей простое сожителство, а также сильно развитымъ обычаемъ ярославцевъ отходить для заработковъ на сторону. Таковыхъ отлучившихся лѣтомъ 1852 года было до 60,025 человекъ, въ томъ числѣ въ губерніи: Петербургскую—25,132, Московскую—8,281, Владимирскую — 426, Нижегородскую—405 и т. д., американскія колоніи — 6, на Кавказъ — 2 и въ Царство Польское — 1; въ неопредѣленные мѣста — 17,474 человека, которые, отправляясь изъ дому, не могли знать, гдѣ найдутъ себѣ работу. Отлучившіеся занимались, правда, самыми разнообразнѣйшими промыслами, но изъ числа ихъ были огородниками — 6,962, трактирными служителями — 5,307, торговцами—4,617, каменщиками—3,428; лабазниками—2,858, печниками—2,680, лоцманами—2,540, плотниками и пильщиками—2,214 и т. д. Ремесленность вообще очень развита въ губерніи; насчитывается до 487 отдѣльныхъ промысловъ и ремеселъ, которыми занимаются жители. Чрезвычайно счастливое и выгодное положеніе губерніи на Волгѣ и ея притокахъ, Шекснѣ и Мологѣ, приводитъ ее въ обширныя и дѣятельныя сношенія съ тремя морями, и открываетъ ей путь въ глубину Россіи и къ Уралу. Поэтомъ насколько не удивительно, что съ весьма давнихъ поръ утвердилась тутъ не только торговая дѣятельность, но и фабрично-заводская, хотя должно замѣтить, что и тутъ, какъ и вездѣ у насъ, господствующею промышленностью является земледѣліе, постоянно увеличивающееся притомъ. Такъ со временъ генеральнаго межеванія 1788 года, количество пахатныхъ земель увеличилось въ *два раза съ половиною*, тогда какъ населеніе губерніи съ 4-й переписи (1782 года) по настоящее время увеличилось едва только на *одну шестую* или около 17%. Уменьшеніе же лѣсовъ въ этотъ періодъ времени составляетъ около 50%, то-есть изъ полутора мильона десятинъ лѣса, теперь насчитывается съ небольшою 800.000 десятинъ. Множество названій селъ намоминають истребленіе лѣсовъ и т. д. Населеніе губерніи, по составленному г. Артемьевымъ списку, распределено по преимуществу по уѣздамъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ цифръ:

	число домовъ.	жителей вообще.	въ томъ числѣ:	
			муж. пола.	жен. пола.
Въ городахъ . . .	9.386	96.748	51.348	45.895
— уѣздахъ . . .	130.588	855.259	387.416	467.488
всего въ губерніи.	139.969	952.002	438.764	518.283.

Самыхъ многолюдныхъ селеній, въ которыхъ насчитывается болѣе тысячи жителей, оказывается только *десять*; наибольшее же число ихъ состоитъ изъ такихъ, въ которыхъ живутъ отъ 51 до 100 человекъ; во всей губерніи только 21 селеніе имѣетъ болѣе ста дворовъ; малолюдныя же, имѣющія до 10 жителей, составляютъ 2,55%. Припомнимъ, что Ярославская губернія, превосходя величину королевства саксонскаго, вюртембергскаго, бав-

гійскаго и пр. и пр., имѣеть до 30,114 квад. версть, должно сказать, что плотность ея населенія очень значительна; именно вообще въ губерніи приходится на одну квад. версту 31,61 человекъ, тогда какъ цифра эта доходитъ въ уѣздѣ Ярославскомъ — до 62,60, Даниловскомъ—38,69 и т. д., и Пошехонскомъ всего—18,91.

Населеніе губерніи состоятъ все изъ людей чисто-русскихъ. Куда же дѣвались прежніе обитатели ея — мера и весь? Вопросъ этотъ заставляеть г. Артемьева высказать нѣкоторыя соображенія, на которыя мы обращаемъ вниманіе читателей. Народъ вымираеть или вслѣдствіе насильственнаго истребленія войною, или потому, что будучи угнетенъ другимъ, лишается прежнихъ средствъ существованія, или даже просто отъ неспособности сливаться и сближаться съ другимъ народомъ. Превращеніе одного народа въ другой обыкновенно приписываютъ вліянію высшей гражданственности котораго либо изъ соединившихся народовъ, что на самомъ дѣлѣ происходитъ не такъ легко. Нельзя допустить, чтобы мера была истреблена славянами вовсе; въ лѣтописяхъ не встрѣчаемъ ни малѣйшаго на это намска. Нельзя также предположить, что мера была совершенно вытѣснена изъ этого края, и въ такомъ угнетеніи вымерла, какъ вымирають американскія племена, сбитія съ родныхъ мѣстъ европейцами. Такииъ образомъ нужно принять, что мера *ославянилась*, и утратила свою національную особенность, превращеніе же это совершилось посредствомъ распространенія христіанства. Оно одновременно и съ равною силою охватило и владыкъ пришельцевъ, и покоренныхъ ими туземцевъ. Оно-то собственно и превратило мерю въ настоящихъ славянъ, потому что языкъ его былъ языкъ господствующаго народа, а нравы, образъ жизни, понятія оно предписывало одинаковыя, какъ покореннымъ, такъ и покорителямъ, которые хотя относительно и были развитѣе мера, но все-таки степень ихъ гражданственности не могла быть на столько высокою, чтобы подавить гражданственность мери. Можно напротивъ того вѣрить, что по образу быта тогдашніе славяне не очень далеко ушли впередъ отъ мери, которые по преимуществу долго сопротивлялись введенію новой религіи, окончательно утвердившейся въ этомъ краѣ не раньше начала XII столѣтія.

Сверхъ того, въ этомъ замѣчательномъ спискѣ, читатель найдеть историческія свѣдѣнія, относящіяся до Ярославской губерніи и распространенія въ ней славянскаго элемента, а также довольно полную картину современной намъ бытовой жизни русскаго крестьянина въ этой мѣстности.

Карта Биргизской степи (областей: Оренбургскихъ и Сибирскихъ киргизовъ, Семипалатинской и Туркестанской съ пограничными частями средне-азиатскихъ владѣній), составленная Полторацкимъ и Ильинимъ. С.-Петербургъ. Цѣна 75 к.

Совершенный недостатокъ подробной, хорошо составленной географической карты нашихъ средне-азиатскихъ владѣній, а также послѣдовавшія въ новѣйшія времена значительныя измѣненія въ

границахъ нашего государства въ этихъ мѣстахъ, заставляютъ насъ указать читателямъ означенную карту гг. Полторацкаго и Ильина, которая очень удачно пополняетъ собою существовавшій до сего времени пробѣлъ въ нашихъ различныхъ картографическихъ изданіяхъ, относительно нашихъ средне-азиатскихъ владѣній. Карта эта, въ большой листъ, въ масштабѣ сто верстъ въ англійскомъ дюймѣ, заключаетъ въ себѣ не только области Оренбургскихъ и Сибирскихъ казаковъ, Семипалатинскую и Туркестанскую, но и довольно значительную часть средне-азиатскихъ самостоятельныхъ владѣній, какъ-то Китая, Кобана, Бухары и Хивы, пограничныхъ съ нашимъ государствомъ, границы котораго опредѣлены означенною картою слѣдующимъ образомъ. На востокѣ, начиная почти съ 49° сѣвер. широты, пограничная линія, отдѣляющая насъ отъ Китая, склоняясь все болѣе и болѣе на юго-западъ, идетъ по хребту Тарбогатыйскихъ горъ, очень близко отъ Чугучака, по горамъ Ала-тау и вѣтви Тянь-Шана (или Небесныхъ горъ) почти до 41° сѣв. широты, гдѣ и прекращается, оставляя совершенно неопредѣленною часть границъ нашихъ на югѣ, то-есть съ кованскими владѣніями. Въ этихъ мѣстахъ не видимъ мы на картѣ полосы зеленого цвѣта, употребляемаго обыкновенно для обозначенія нашихъ границъ, которыя обрисованы опять вполнѣ опредѣлительно только на рѣкѣ Сыр-Дарьѣ, близъ укрѣпленія Чинтаъ, немного выше Ташкента. Отсюда пограничная линія идетъ по Сыр-Дарьѣ и Аральскому морю, на западномъ берегу котораго прекращается вновь и начинается снова уже на восточномъ берегу Каспійскаго моря, оставляя такимъ образомъ неопредѣленными границы наши съ турменами, кочующими въ мѣстахъ, прилежащихъ къ Усть-Урту.

Карта эта очень подробна, удостоена медалью отъ императорскаго русскаго географическаго общества и по цѣнѣ довольно сходна.

Очеркъ исторіи еврейскаго народа отъ заключенія библіи до нашихъ временъ, Эмануила Гехта. Переводъ съ французскаго, изданіе Баеста, С.-Петербургъ. 1866 г.

Книга Гехта, по характеру своему представляющая хорошо составленный учебникъ для исторіи еврейскаго народа, пользующійся довольно значительною популярностію въ Германіи, можетъ быть прочтена также весьма многими изъ насъ не безъ интереса, и это по слѣдующимъ причинамъ. Свѣдѣнія наши о народѣ, имѣвшемъ такое великое значеніе въ исторіи человѣческой цивилизаціи, почерпнуты едва-ли не исключительно изъ всѣмъ извѣстныхъ произведеній Анны Зонтагъ, прекращаются, за весьма немногими исключеніями, вмѣстѣ съ разрушеніемъ Иерусалима при Титѣ и расселеніемъ евреевъ по земному шару. О томъ же, что дѣлалось съ евреями послѣ, упоминается во всѣхъ курсахъ лишь отрывками при случаѣ, когда говорятъ о крестовыхъ походахъ, преслѣдованіи еретиковъ, и т. д. Въ литературѣ же нашей нѣтъ ни одного подробнаго, обстоятельнаго сочиненія объ исторіи еврейскаго на-

рода, въ нашия всевозможные переводчики и издатели, вероятно расходующие время и деньги на переводы совершенно для насъ излишние, до сихъ поръ почему-то не подарили намъ переводъ известнаго сочиненія объ евреяхъ Эвальда. Въ заключеніи недавно книгъ Гекхта, при небольшомъ ея объеме, встрѣчаются также интересныя свѣдѣнія, относящіяся до внутренней жизни народа, до литературны и ученой дѣятельности, а также умственного и нравственнаго состоянія евреевъ, ихъ богослуженія, взводимыя на нихъ обвиненія и т. д. Исторію свою Гекхтъ замечиваетъ собраніями раввиновъ въ 1844 году во Франкфуртъ-на-Майнѣ и въ Вреславлѣ, на которыхъ многие изъ старыхъ обычаевъ и обрядовъ были отмѣнены и взаимныя ихъ установленія болѣе сообразны съ духомъ времени. Главная задача евреевъ настоящаго времени, простирающагося на земномъ шарѣ до 6.117,000 человекъ, при чемъ въ Европѣ ихъ болѣе 3.281,000 человекъ, состоитъ, по мнѣнію Гекхта, въ томъ, «чтобы дѣятельно и ревностно поддерживать въ себѣ священныи огонь любви ко всемъ людямъ. Вѣротерпимость составляетъ теперь основной, неоспоримый принципъ всѣхъ (?) государствъ; но она не должна оставаться пассивною, она должна возвышаться до всеобщаго братства, и эту высоко-нравственную цѣль должны имѣть въ виду евреи настоящаго времени».

Желаю отъ души возможно-скораго осуществленія евреями на дѣлѣ программы, поставленной для нихъ Гекхтомъ, мы въ неменьшей степени желаемъ услѣдка взглядамъ его переводчика, который высказываетъ совершенно основательно, что современное воспитаніе Еврейскаго юношества въ Россіи должно быть главнымъ образомъ на русской почвѣ и что русскій языкъ рано или поздно долженъ сдѣлаться для русскихъ евреевъ (въ настоящее время, собственно говоря, немнѣющихся народнаго языка, а нѣкой-то смѣшанный жаргонъ) языкомъ народнымъ, какъ французскій языкъ сдѣлался роднымъ для французскихъ евреевъ, англійскій—для англійскихъ евреевъ и т. д. Переводъ исторіи Гекхта, который исполнѣнъ удовлетворителенъ, долженъ поэтому послужить началомъ къ изданію другихъ полезныхъ сочиненій на русскомъ языкѣ для русскихъ евреевъ. Предпріятію этому нельзя не пожелать полнаго успѣха, въ чемъ немалую бы для себя гарантію нашелъ издатель, назначивъ за подобнаго рода книги возможно-улучренную цѣну; большинство евреевъ люди небогачше и притомъ не вродне расточливые.

О развитіи женскаго труда въ Петербургѣ. Публичная чтенія С. П. Карновича. С.-Петербургъ. 1866 г.

Если семейная жизнь, въ полномъ значеніи этого слова, и составляетъ для большей части женщинъ, свойственную имъ по природному ихъ назначенію, сферу, полагавшую себѣ имъ дѣятельность, то нельзя не признаться, что нѣкоторыя изъ нихъ, по различнымъ обстоятельствамъ, бывають нередко вынуждены искать для своего труда примененія въ различныхъ отрасляхъ промышленности

ного занята, составляющих до сих поръ, можно сказать, исключительное достоинство труда мужчинъ, и вступать съ послѣдними такимъ образомъ въ соревнованіе при условіяхъ, весьма для нихъ невыгодныхъ. Прискаать женщинамъ для себя работу и притомъ достаточно выгодную, болѣе или менѣе трудно во всѣхъ европейскихъ странахъ, и тѣмъ болѣе у насъ въ Россіи, гдѣ и трудъ мужчинъ, вообще говоря, цѣнится довольно дешево, чѣмъ отчасти и должно объяснять то явленіе, что у насъ до сего времени производимы мужчинами весьма часто такого рода работы, которыя по свойству своему всего скорѣе могли бы быть отправляемы женщинами. Порядокъ этотъ, несмотря на всѣ доводы и краснорѣчивыя убѣжденія поборниковъ женскаго труда, будетъ преспокойно продолжаться до тѣхъ поръ, пока отрасли промышленнаго занятія, наиболѣе свойственныя труду мужчинъ, сдѣлавшись болѣе производительными и прибыльными, нежели въ настоящее время, не привлекутъ къ себѣ по преимуществу мужской трудъ, и не отпрянутъ такимъ образомъ, силою экономическаго порядка вещей, болѣе обширное поприще труду женщинъ въ тѣхъ сферахъ дѣятельности, которыя исключительно имъ свойственны. Поэтому насъ нисколько не удивило, что изслѣдованія г. Карновича о нѣкоторыхъ отрасляхъ женскаго труда, существующихъ въ Петербургѣ, представляютъ довольно неблагоприятные результаты о выгодности женскаго труда для самихъ трудящихся, которые становятся еще значительнѣе съ распространеніемъ въ публикѣ всякаго рода швейныхъ машинъ, производящихъ сильный подрывъ по преимуществу женскому труду. Предоставляя себѣ, по всей вѣроятности, въ другой разъ коснуться главной и даже исключительной отрасли труда женскаго, акушерства, г. Карновичъ въ означенной книгѣ касается, но его миѣнію, довольно спорнаго вопроса о занятіяхъ женщинами медициною. Онъ говоритъ, что года два тому назадъ, былъ замѣтенъ въ Петербургѣ *сильный порывъ* здѣшнихъ представительницъ женскаго пола къ изученію медицинскихъ наукъ съ цѣлью сдѣлаться врачами, и что вопросъ этотъ начиналъ уже разрѣшаться въ Петербургѣ практически, такъ-какъ на лекціяхъ въ высшей медико-хирургической академіи стали являться дамы и дѣвушки, но въ журналистикѣ по поводу этого возникъ продолжительный споръ, который кончился закрытіемъ для слушательницъ общедемическаго аудиторіи (стр. 104). Не оставалось на томъ, могутъ ли считатьсѣ и почему именно представительницами женскаго пола въ Петербургѣ тѣ особи, которыя посѣщали лекціи медико-хирургической академіи, мы позволимъ себѣ усумниться въ томъ, что *порывъ* къ изученію медицинскихъ наукъ съ цѣлью сдѣлаться врачами, былъ года два тому назадъ между женскимъ поломъ *слабымъ*, какъ говоритъ это г. Карновичъ. Для этого нужно предположить существованіе несравненно болѣе серьезной подготовки, нежели та, которая встрѣчается вообще среди нашего женскаго пола; а къ тому же искусственно вызванное желаніе ознакомиться съ физиологіею и анатоміею человека, не можетъ служить

ручательствомъ въ твердомъ намѣреніи сдѣлаться врачомъ. Что же касается до самого вопроса, можетъ ли женщина заниматься медициною, то общество и правительство, дозволяющія уже женщинѣ имѣть извѣстнаго рода медицинскія познанія для того, чтобы быть акушеркою, фельдшерницею, и допускающія ухаживать за больными всякаго рода и званія и т. д., не могутъ рѣшать его отрицательно. Послѣдовательность требуетъ того, чтобы дозволено было женщинамъ быть и врачомъ, какъ это видимъ мы уже въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Но изъ этого отнюдь еще не слѣдуетъ дозволить женщинамъ посѣщать лекціи въ медико-хирургической академіи совмѣстно съ студентами. Какъ скоро признается полезнымъ, а потому и необходимымъ соблюдать строгое отдѣленіе мужскаго пола отъ женскаго въ учебныхъ заведеніяхъ всякаго рода, то отступленіе отъ этого всеобщаго правила всего менѣе можетъ быть допущено относительно медико-хирургической академіи, и это по причинамъ слишкомъ очевиднымъ для каждаго мыслящаго читателя, чтобы о нихъ еще упоминать. Поэтому весь вопросъ о возможности женщинѣ быть докторомъ принимается въ нашихъ глазахъ слѣдующій видъ: есть ли вѣроятность предполагать, что число женщинъ, желающихъ быть врачами, настолько велико, что можетъ подать основательный поводъ къ открытію женской медико-хирургической академіи. Вопросъ чисто-экономическій.

Относительная новизна избраннаго г. Карновичемъ предмета и его важность придають немалый интересъ его изслѣдованіямъ, представляющимъ собою, какъ онъ самъ говоритъ, какъ-бы увертюру, въ которой слышатся только главные мотивы и въ которой передается общая мысль задуманнаго сочиненія.

Литература русской исторіи за 1859—1864 г. вкл.
Составилъ В. И. Межовъ. Томъ I, Спб. 1866.

О значеніи библиографическихъ указателей у насъ столько было написано, что распространяться о томъ нѣтъ необходимости. Г. Межовъ давно уже служитъ ревностнымъ дѣятелемъ на этомъ поприщѣ, и труды его всегда цѣнятся занимающимися наукой. Правда, не разъ въ нихъ были указываемы разнаго рода недостатки и промахи, но въ общемъ указатели его все-таки вещь очень полезная. Такого же и то изданіе, заглавіе котораго выписано выше. Это подробный перечень сочиненій и журнальныхъ статей за пять послѣднихъ лѣтъ, заключающій въ себѣ болѣе пяти съ половиною тысячъ заглавій. Заглавія эти расположены въ систематическомъ порядкѣ, довольно дробномъ, но толковомъ. При названіи книгъ упомянуты и рецензіи на нихъ. При нѣкоторыхъ заглавіяхъ объяснено содержаніе книги или статьи и даже высказано сужденіе о ней. Почему это сдѣлано при нѣкоторыхъ, а не при всѣхъ—не знаемъ; во всякомъ случаѣ желательно, чтобы подобные обзоры содержанія и оцѣнки дѣлались болѣе обстоятельно; а то иногда являются объясненія, когда ихъ не нужно, и нѣтъ объясненій, когда они необо-

дми. Въ самомъ перечнѣ книгъ и статей найдутся, можетъ быть, пропуски; нѣкоторые изъ нихъ были уже указаны въ «Русскомъ Инвалидѣ»; но повторяемъ, и при этихъ ошибкахъ, трудъ г. Междва, какъ справочная книга, очень пригодна.

Обзоръ хронографовъ русской редакціи, Андрея Попова. Выпускъ первый. М. 1866.

Хронографы—одинъ изъ обширнѣйшихъ и наиболѣе распространенныхъ памятниковъ нашей старинной литературы—до сихъ поръ весьма мало обследованы наукою. Наши ученые нерѣдко упоминаютъ о нихъ, иногда приводятъ даже выписки оттуда, но въ цѣломъ памятникъ пока остается неизвѣстнымъ. Г. Поповъ предпринялъ разработку этого любопытнаго произведенія, и на первый разъ составилъ описаніе его и изложеніе его содержанія. Вообще въ старинной нашей письменности, названіе хронографа усваивалось сперва нѣсколькимъ временникамъ, переведеннымъ съ греческаго, и потомъ было примѣнено и къ сочиненію или, точнѣе, компиляціи по части всеобщей исторіи, составленной на Руси, по всей вѣроятности, въ началѣ XVI вѣка. Въѣомъ позже эта компиляція была передѣлана и пополнена; такимъ образомъ считается двѣ редакціи хронографа, и различаются онѣ преимущественно кругомъ своего содержанія и своихъ источниковъ: древнѣйшая заимствуетъ свои свѣдѣнія изъ библіи, сочиненій византійской литературы, переведенныхъ до тѣхъ поръ на славянскій языкъ, сочиненій южно-славянскихъ и собственно русскихъ, а вторая редакція пополняетъ и перерабатываетъ первоначальный матеріалъ при помощи польскихъ лѣтописцевъ и латинскихъ космографій и опять вводятся русскія статьи.

Кромѣ этихъ двухъ редакцій, сохранившихся во многихъ спискахъ, существуетъ нѣсколько хронографовъ особаго состава, изъ которыхъ нѣкоторые обработаны были въ XVII в., а другіе даже ранѣе древней редакціи XVI в. Этотъ первообразъ хронографа называется собственно «лѣтописцемъ еллинскимъ и римскимъ» и тоже составленъ на Руси на основаніи византійскихъ же и библейскихъ источниковъ. Для изученія такого обширнаго и разнообразнаго памятника, каковъ хронографъ, именно прежде всего нуженъ былъ тотъ трудъ, который началъ Поповъ. Ознакомившись со списками хронографовъ въ главныхъ бібліотекахъ петербургскихъ и московскихъ, онъ распредѣлилъ хронографы по редакціямъ и описываетъ составъ каждой изъ нихъ, съ изложеніемъ содержанія и выписками наиболѣе замѣчательныхъ статей; кромѣ того указываетъ, откуда взята какая статья. Такимъ образомъ читатель получаетъ довольно полное и опредѣленное понятіе о составѣ памятника.

Въ изданномъ теперь первомъ выпускѣ «Обзора хронографовъ» описаны только «лѣтописецъ еллинскій», хронографъ древней редакціи XVI в. и близкій къ ней хронографъ особаго состава. Редакція XVII в. съ своими развѣтвленіями составитъ содержаніе второго выпуска. Для русскаго историка эта вторая редакція дорога

тѣмъ, что въ ней встрѣчаются современныя свидѣтельства о русскихъ событіяхъ преимущественно смутнаго времени. Выборка ихъ, какъ свидѣлствуетъ г. Поповъ, можетъ представить довольно цѣнный и новый матеріалъ для русской исторіи. Нѣтъ сомнѣнія, что г. Поповъ возьметъ на себя этотъ полезный трудъ во второй части «Обзора». Но не можемъ не пожелать, чтобы въ продолжаніи о хронографахъ, которымъ г. Поповъ кочетъ выкапчить свои работы надъ ними, онъ не ограничивался одними русскими списками памятника. Основная задача хронографа—сводъ свѣдѣній по всеобщей исторіи, и именно чтобы понять взглядъ русскихъ образованныхъ людей стараго времени на историческую жизнь человечества и въ особенности на поучительный элементъ ея, должно изучать хронографъ въ цѣломъ, какъ всемірно-историческую лѣтопись.

НОВЫЯ РУССКІЯ, АНГЛІЙСКІЯ, ФРАНЦУЗСКІЯ И НѢМЕЦКІЯ КНИГИ.

Въ послѣднее время вышли слѣдующія книги:

Рубка Всевышняго отечество спасла, 4-го апрѣля. М. 1866. Изданіе П. Н. Степанова.

Исповѣдь (безъ начала и конца) разочарованнаго женщиною. (Истинное происшествіе). Взято изъ матеріаловъ для ея біографіи. М. 1866. Соч. П. С. Сочиненія В. Булинскаго. Часть 6-я, изданіе 2-е. М. 1866.

Русскій биваръ, изданный департаментомъ народнаго просвѣщенія. Спб. 1866.

Исторія христіанской православной церкви. Изданіе 6-е. Спб. 1866. Протоіерея А. Рудакова.

Воспоминанія юности. М. 1866. Врешпра. Графа М. Толстому.

Къ настоящему финансовому вопросу. Двѣ брошюры, на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Рига. 1866. Г. Виктора Умбергъ-Штерберга.

Толковный словарь живого великорусскаго языка. В. И. Даля. Изданіе Общества любителей россійской словесности, учрежденнаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Выпускъ 14-й. М. 1866.

Романъ безъ интриги. Сцены изъ жизни въ югозападномъ краѣ, за послѣдніе 11-ть лѣтъ. Кіевъ. 1866. Сочиненіе Ф. Ромера.

Учебникъ нѣмецкаго языка для русскаго юношества. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Спб. 1866. Составилъ И. Давыдовъ.

Грѣхматическій и психологическій анализъ произведеній Гейнриха Гейне (особѣе при изученіи нѣмецкаго языка). Кіевъ. 1866. Дн. Давыдовъ.

Векъ. Исторія цивилизаціи въ Англіи. Томъ II, выпускъ девятый (последній). Спб. 1866. Переводъ А. Бубличнаго и Ф. Ненарокова.

Полный курсъ физики, по сочиненіямъ Жамеса и Вольмера, переведенъ и составленъ Н. Филипповичемъ, В. Фон-Боолемъ и Д. Аверкиевичемъ. Выпускъ IV и V. Спб. М. 1866. Изданіе М. Вольфа.

Труды Архитектурскаго статистическаго комитета за 1866. Кн. 1-я и 2-я. Архитектурск. 1866.

О средствахъ къ устроченію нашихъ экономическихъ и финансовыхъ затрудненій. Рядъ статей Александра Шолова, съ января по май 1866. Спб. 1866.

Рассказъ бывшаго старообрядца Федора Богомолова объ его жизни въ расколѣ и обращеніи въ православіе. Брошюра, съ предисловіемъ Н. Сувбо-ткина. М. 1866.

Марка Тулія Цицерона бесѣда о страсти. М. 1866. Перев. съ латинскаго. А. Зинovieва.

Феофанія, игуменя Воскресенскаго дѣвичьяго монастыря. Биографическій очеркъ. Спб. 1866. Составленъ В. Лекочевскимъ.

Описаніе церкви при дворцѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича (старшаго), составленное протоіереемъ Васил. Лебедевымъ. Спб. 1866.

Głos Wschodu do Zachodu (голосъ съ Востока къ Западу), брошюра духовно-полюэтическаго содержанія, соч. Андрея Муравьева, переведенная на польскій языкъ Петромъ Ланковскимъ. Спб. 1866.

Образцы народной литературы Тюркскихъ племенъ, живущихъ въ южной Сибири. Собраны В. В. Радловымъ. Часть 1-я. Два тома, одинъ съ русскимъ, другой съ тивинскимъ текстомъ. Напечатано по распоряженіи императорской академіи наукъ. Спб. 1866.

Сверткы статистическихъ свѣдѣній по горной части на 1866. Изданіе ученаго комитета корпуса горныхъ инженеровъ. Спб. 1866. Составленъ со официальнымъ и другимъ источникамъ Н. Ахсаковымъ и К. Скалковскимъ.

Жан-Жакъ Руссо. Собраніе сочиненій. Изданіе Н. Тублена; въ 3-хъ частяхъ. Томъ I-й, теорія воспитанія. Выпускъ II. Спб. 1866.

THE BILLIARD Book. By Captain Ormsley. (Вильярдная книга, капитана Кроула).

THE BRITISH PEOPLE. By One of Themselves. (Британскій народъ, одного изъ британцевъ).

THE CHURCH and the World. Essays on Questions of the Day. By Orby Shipley. (Церковь и міръ. Опыты о современныхъ вопросахъ. Ор. Шиплея).

THE DECLINE of the Roman Republic. By George Long. (Паденіе римской республики, Дж. Лонга).

FELICIA'S DOWRY. A Novel. By Mrs. F. Okeden. (Приданое Фелиціи. Романъ г-жи Ф. Океденъ).

FREE Thoughts on Many Subjects. By a Manchester Man. (Свободныя мысли о разныхъ предметахъ, манчестерца).

GEOGRAPHICAL Distribution of Mammals. By Andrew Murray. (Географическое распредѣленіе млекопитающихъ, Эндрю Моррея).

THE HISTORY of Henry V. By George Makepeace Towle. (Исторія Генрика V, Джорджа Тоула).

INTERNATIONAL Policy. Essays on the Foreign Relations of England. (Международная политика. Опыты объ отношеніи Англій къ иностраннымъ державамъ).

JAMAICA and the Colonial Office: Who caused the Crisis? By George Price. (Ямайка и колониальное министерство: Кто былъ причиною кризиса? Дж. Прейса).

THE LIONS of the Seven Bishops committed to the Tower in 1688. By Agnes Strickland. (Жизнь семи епископовъ, заключенныхъ въ башню въ 1688 г. А. Стрикленда).

THE MAKING of the American Nation; or, the Rise and Decline of Oligarchy in the West. By J. A. Partridge. (Образованіе американской націи, или возвышеніе и упадокъ олигархіи на Западѣ, Дж. А. Партриджа).

THE MYSTERIES of Isis; or, the College Life of Paul Romaine. A Story of Oxford. (Тамиства Изиды, или университетская жизнь Поля Романа. Оксфордская история).

ON FORCE, its Mental and Moral Correlates, and on that which is Supposed to Underlie all Phenomena, with Speculations on Spiritualism. By Charles Bray. (О силѣ, ея умственномъ и нравственномъ соотношеніяхъ и о томъ, что предполагается находящимся въ основаніи всѣхъ явленій, Чарльса Брея).

PAUL Pendrill; or, Sport and Adventure in Corsica.

THE PRISON Life of Jefferson Davis. By John Craven, Physician of the Prisoner. (Тюремная жизнь Джеферсона Дэвиса, описанная его докторомъ, Джономъ Кравеномъ).

SOUTH Australia; its Progress and Prosperity. By Anthony Forster. (Южная Австралія, прогрессъ ея и благосостояніе, Ан. Форстера).

VIGNETTES. Twelve Biographical Sketches. By Bessie Rayner Parkes. (Виднеты. Двѣнадцать біографическихъ очерковъ. Б. Р. Паркса).

THE WIFE'S Error. A Novel. By Lady Blake. (Женщина ошиба. Романъ г-жи Блэксъ).

THE WILD Flower of Ravensworth. A Novel. (Дикій цвѣтокъ Равенсуорта. Романъ).

BLONDES et brunes, par Charles Dignet.

LES SATANOMES sous la Terre, par Jules Boulabert.

LES CIEUX, réponses aux astronomes sceptiques, par A. Guillemin. (Небеса, отвѣты астрономамъ—скептикамъ, А. Гильемена).

CLÉMENT Marot, sa vie, son caractère et ses oeuvres, par E. Aubry.

DU CONSENTEMENT des époux au mariage d'après le droit romain, le droit canonique, l'ancien droit français, le code Napoléon et les législations étrangères, par E. Glasson. (О согласіи супруговъ на бракъ по римскому, каноническому, древне-французскому правамъ, по кодексу Наполеона и иностраннымъ законодательствамъ, Э. Гласона).

SOUVENIRS de Napoléon I, publiés par ordre de l'empereur Napoléon III. Tome 20. (Переписка Наполеона I, изданная по приказанію императора Наполеона III. Томъ 20-й).

L'ÉGLISE et l'empire romain au IV-me siècle, par le comte F. de Champagny. (Церковь и римская имперія въ IV вѣкѣ, графа Шампаньи).

ÉLÉONORE d'Autriche, reine de Pologne, par la comtesse de Charpin Feugerolles.

ESSAI sur l'esprit politique et l'esprit de parti dans les assemblées françaises, 1802—1852, par R. Lançon. (Опытъ о политическомъ духѣ и о духѣ партій во французскихъ собраніяхъ отъ 1802 до 1852 г., Р. Лансона).

HISTOIRE complète de la guerre d'Allemagne et d'Italie, par Emile de-la-Bédollière. (Полная исторія войны Германіи и Италіи, Эмиля де-ла-Бедоллиера).

HISTOIRE des empires de Chaldée et d'Assyrie d'après les monuments, depuis l'établissement définitif des Sémites en Mésopotamie (2000 ans avant J.—C.) jusqu'au Séleucides (150 ans avant J.—C.), par Jules Oppert. (Исторія халдейской и ассирійской имперій по памятникамъ, Жюль Оперта).

LITTRE d'un vivant à un mort. Réponse à M. Emile de Girardin, par Ernest Merson. (Письма живого человѣка къ мертвому. Отвѣтъ Эмилю Жирардину Эрнеста Мерсона).

LA LIBERTÉ des banques, par J. E. Horn. (Свобода банковъ, Ж. Э. Горна).

NOTIONS d'anatomie et de physiologie générales. De la théorie dynamique de la chaleur dans les sciences biologiques, par le docteur Ernest *Onimus*. (Общая понятія объ анатоміи и физиологіи. О динамической теоріи теплоты въ биологическихъ наукахъ, Эрнеста *Ониму*).

PARIS et la province, par Henri *Monnier*.

PÉLERINAGE en terre sainte, par J. G. *d'Aquin*. (Путешествіе въ святую землю, Ж. Г. *д'Акина*).

PRÉSENT traité de la politesse française, code de bienséances et du savoir-vivre, par M. *Müller*. (Небольшой трактатъ о французской вѣжливости, кодексъ приличій и умѣнья жить, Г. *Муллера*).

LES PRÉSENTS états et la neutralité continentale dans la situation actuelle de l'Europe, par J. *Huber-Saladin*. (Малыя государства и континентальный нейтралитетъ при настоящемъ положеніи Европы. Ж. *Губера-Саладина*).

REVUE rétrospective des principaux faits, innovations et événements acquis à l'histoire, depuis le règne de Napoléon III, par J. M. *Dubouf*. (Обозрѣніе фактовъ, нововведеній и событій, сдѣлавшихся достояніемъ исторіи, со времени царствованія Наполеона III, Ж. М. *Дюбуфа*).

DES CAUSES causes de la misère agricole. par Paul *Bonnet*. (Истинныя причины бѣдности земледѣльческаго класса, Поля *Бонне*).

ANNA Lavater. Ein christliches Lebensbild, von M. *Ziethe*. (Анна Лафатеръ. Христіанская картина жизни, М. *Цете*).

BIOGRAPHISCHE Aufsätze, von Otto *Jahn*. (Биографическія статьи, Отто *Яна*).

BUKAREST und Stambul. Skizzen aus Ungarn, Rumanien und der Türkei, von R. *Kwisch*.

DARSTELLUNG der Einrichtungen über Budget, Staatsrechnung und Controle in Oesterreich, Preussen, Sachsen, Baiern, Württemberg, Baden, Frankreich und Belgien, von Karl Freiherrn von *Csörnig*. (О постановленіяхъ, относящихся къ бюджету, государственному счетоводству и контролю въ Австріи, Пруссіи и т. д., барона Карла *Кюрнига*).

DENKWÜRDIGKEITEN des Landgrafen Karl von Hessen-Kassel. Mit einer Einleitung von Dr. K. *Bernhardi*. (Записки ландграфа Карла Гессен-Кассельскаго. Съ предисловіемъ К. *Бернарди*).

GENÉRAL-RECHT über den Gesundheitsdienst im Feldzuge gegen Dänemark, 1864. Von Dr. F. *Löffler*. (Общій отчетъ о службѣ медиковъ во время похода противъ Даніи, 1864, Ф. *Лёфлера*).

GENÉRIQUE des neunzehnten Jahrhunderts seit den Wiener Verträgen. Bd. 8. Von *Gervinus*. (Исторія девятнадцатаго столѣтія со времени вѣнскихъ договоровъ, 8 томъ, *Гервинуса*).

GRAF H. L. Wintzingerode, ein Württemberger Staatsmann, von Wilke *Graf Wintzingerode*.

DIE KLASSISCHE und christliche Bildung im Lichte des Conservatismus, von Dr. H. *Geist*. (Классическое и христіанское образованіе въ духѣ консерватизма, Г. *Гейста*).

DIE LÄNDLICHE Verfassung Russlands; ihre Entwicklungen und ihre Feststellung in der Gesetzgebung von 1861, von August Freiherrn v. *Haackhausen*. (Посемельное устройство Россіи, его развитіе и основаніе на законодательствѣ 1861, барона Августа *Гацкгаушена*).

LEBENSBEREICH der Petrographie, von Dr. F. *Zirkel*.

Νοετιαιολ, Vomberg, Oberbaiern, für Einheimische und Fremde geschildert, von Adolph Schaubach.

Платона's sämtliche Werke, übersetzt von Hieronimus Müller, mit Einleitung von K. Steinhart. (Полное собрание сочиненій Платона, переведенныхъ Г. Милеромъ, съ предисловіемъ К. Штейнхарта).

Die Religion und Mythologie der Griechen, von I. A. Hartung.

SINGAPORE—Mallacca—Java. Reiseakzissen von F. Jeger.

Vom Tweed zur Festlandförde. Reisen in Schottland, von Dr. B. Andree.

WILHELM VON HARNIER'S REISE AM OBEREN NIL, herausgegeben von A. v. Harnier. (Путешествіе Вильгельма Гарньеера до верхнему Нилю, изданное А. Гарньееромъ).

О ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ИНFUZОРІЯХЪ.

(Цисьмо въ Редакцію).

Прежде нежели расскажемъ, какимъ образомъ мы пришли къ открытію интересныхъ наливчатыхъ существъ, объяснимся насчетъ ихъ отличительныхъ признаковъ. Составъ ихъ самый простой; простѣе даже тѣхъ клѣточекъ, о которыхъ Клодъ Бернаръ говоритъ, что онѣ плаваютъ, только благодаря рѣсничкамъ, насаженымъ на нихъ вмѣсто рукъ, ногъ и головы. Среда этихъ микроскопическихъ индивидуумовъ литературная вода, и именно тѣ ея вмѣстилища, которыя всегда отличались особенною неопрятностію и чрезвычайною далекостію отъ всего изящнаго, прекраснаго и сколько нибудь пріятнаго на видъ. Вслѣдствіе повторенныхъ наблюденій замѣчено даже, что какъ скоро среда эта гдѣ нибудь начинаетъ измѣняться и становиться чище, они сейчасъ же умираютъ. Явленіе чего нибудь чистаго, нравственнаго или высшо-изящнаго, дѣйствовало всегда на нихъ убійственно; такъ, что еслибы какимъ нибудь образомъ распространились эти явленія, то прекратилась бы всякая возможность ихъ существованія. Но мѣсть, откуда исходятъ эти вдеченія къ неопрятности въ обширномъ смыслѣ этого слова, еще не мало; они суть «Исвра», «Будильникъ» и фельетоны «О. Петербургскихъ Вѣдомостей». Въ послѣднихъ инфузоріи эти особенно любятъ гнѣздиться. Обстоятельства, способствовавшія въ открытію этихъ, еще дрежде подозрѣваемыхъ мною существъ, слѣдующія:

Г. Выборгскій Пустынникъ, давно уже подвизавшійся въ искусствѣ прилаганія своего собственнаго смысла въ нужныхъ статьяхъ, утверждалъ въ 193 № «Петербургскихъ Вѣдомостей», что будто бы я въ своей статьѣ «Трудъ и наслажденіе», увѣрялъ, что гражданскіе брави ведутъ въ обществѣ къ порожденію той болѣзни, для которой на литературномъ языкѣ нѣтъ даже при-

личнаго имени». Такъ-какъ нечѣности такой я нигдѣ не высказывалъ, то мнѣ и естественно пришло на мысль—не произошла ли эта выдумка изъ того же нечистаго источника? А что это была выдумка — дѣлю ясное. Стараясь объяснить въ своей статьѣ главную причину этой болѣзни, я говорилъ о разныхъ видахъ сожителства—о моногаміи, полигаміи и полиандріи (объ одноженствѣ, о многоженствѣ и многомужествѣ), а совсѣмъ не о разныхъ формахъ освященія брака — церковью ли оно произведено или гражданскою властію. Согласно съ мнѣніемъ доктора Эбергардта Рихтера, я утверждалъ, что причина этой болѣзни заключается въ женщинѣ, живущей во многомужествѣ; и самое даже безспіе медико-полицейскихъ мѣръ объяснялъ самопроизвольностію ея зарожденія при полиандрическомъ сожителствѣ. Значить, я говорилъ не о гражданскомъ бракѣ, не о томъ, что находится въ предѣлахъ этого союза, существующаго въ нѣкоторыхъ странахъ, и требующаго вѣрности и парнаго сожителства, а о томъ, что за предѣлами его, гдѣ вѣрность и постоянство въ любви уже излишни. Если г. Выборгскій Пустынникъ разумѣетъ подъ гражданскихъ бракомъ послѣднее, то съ этимъ его поздравляю. Многие легкомысленные люди дѣйствительно думаютъ, что гражданскій бракъ есть какая-то легучая связь, ни на волосъ негарантирующая женщину отъ производа болѣе сильнаго и обезпеченнаго мужчины. Но это мнѣніе, котораго, повидимому, не чужды «Петербургскія Вѣдомости», показываетъ только оставшуюся еще въ нихъ симпатію къ безсемеинному и бездѣтному прогресу, которымъ у насъ такъ долго занимали публику. Въ предположеніи этомъ утверждаетъ насъ еще то, что газета эта, возвращаясь опять въ 200 № къ нашимъ статьямъ, съ насмѣшкою, между прочимъ, замѣчаетъ: «Другіе изъ фразѣровъ иного рода затѣяли болтовню о томъ, что все дѣло (то-есть дѣло женскаго вопроса) зависитъ отъ возвышенія положенія женщинъ въ семьѣ, и для сего возвышенія рекомендовали имъ болѣе заниматься въ дѣтской, чѣмъ въ кухнѣ». Строки, повидимому, незначительныя, но онѣ замѣчательны тѣмъ, что именно въ томъ сочиненіи, изъ котораго фельетонистъ дѣлаетъ такіа заключенія, высказывалось какъ разъ противоположное. Въ первой статьѣ «Трудъ и наслажденіе», мы, напримѣръ, говорили: «Сидячая жизнь, на которую осуждены матери-руководьницы, ночной трудъ ухаживанія за дѣтьми и лишеніе всякихъ умственныхъ и нравственныхъ движеній, и образуютъ именно тѣ горбы старости и преждевременнаго увяданія, на которые осуждены множество бѣдныхъ женщинъ. Поэтому, если мы²желаемъ выдвинуть женщину на производительный трудъ и вывести ее изъ *дѣтской* Т. СLXVII. — Отд. II.

и спальни, гдѣ она до сихъ поръ была подавляема заботами, то мы сами должны взять часть той черной работы, отъ которой хотимъ ее избавить... Семья не можетъ быть центромъ высшаго рода дѣятельности... Центръ умственной и эстетической дѣятельности есть общество и жизнь въ полномъ ея разгарѣ и широтѣ... Мы, значить, говорили какъ разъ совершенно противоположное тому, чтò о насъ стараются распуścić въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Чему же мы должны это приписать? Крайнему ли упадку умственныхъ способностей, доходящему до совершенной потери памяти, или умышленной недобросовѣстной лжи? Обращаемся къ вамъ уже не какъ къ писателямъ, а какъ къ людямъ, и спрашиваемъ, какъ можете вы печатать такія вещи, когда вы въ той же самой газетѣ восхищаетесь поступками мировыхъ судей, и тѣмъ чувствомъ правды, которое теперь распространяется въ обществѣ, благодаря ихъ разумнымъ и справедливымъ рѣшеніямъ? Ужели вы думаете, что чувство справедливости должно распространяться только между вашими читателями, а не между вашими сотрудниками? Теперь только видимъ мы, какъ прави были, говоря недавно, что отсутствіе гласнаго судопроизводства отразилось больше всего на нашей литературѣ, въ которой мѣстами исчезъ даже всякій слѣдъ справедливости. Вотъ это-то отсутствіе правды, избытокъ пристрастія и способность не оставиваться ни передъ какими средствами, и убѣдили насъ въ существованіи особаго рода инфузорій въ литературной водѣ, называемой Петербургскими Вѣдомостями. Когда сливки нигилизма были сняты, то въ мутныхъ поддонахъ этого настоя, произведеннаго прошедшимъ временемъ, естественно развелось множество литературныхъ и фельетонныхъ инфузорій. И на этотъ разъ намъ пришлось указать на одно изъ нихъ вмѣстѣлицъ.

Николай Соловьевъ.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ

У М. БЕРНАРДА

Въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, № 10.

ШКОЛЫ И ЭТЮДЫ ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО.

- БЕЙЕРЪ.** *Дѣтская фортепьянная школа*, предназначенная исключительно для самыхъ малолѣтнихъ учениковъ и посвященная матерямъ семействъ. Съ прибавленіемъ 12 любимыхъ русскихъ романсовъ, переложенныхъ для одного фортепьяно (3 р.).
- ГЮНТЕНЪ.** *Полная школа для фортепьяно*. 10-е изданіе, просмотрѣнное, исправленное и дополненное новыми уроками легкими и постепенно-возрастающей трудности въ двѣ и четыре руки (3 р. 50 к.).
- КОНТСКІЙ.** *Полная школа для фортепьяно* съ изложеніемъ теоріи музыки, дополненная примѣрами изъ произведеній классическихкихъ композиторовъ и руководствомъ къ изученію генерал-баса. Третье, передѣланное и умноженное изданіе (3 р.).
- *Другъ дѣтей*. Упражненія для маленькихъ рукъ, съ приложеніемъ пьесъ въ двѣ и четыре руки (2 р.).
 - *Необходимый руководитель для пианиста*. Ежедневныя упражненія. Новое дополненное изданіе (3 р.).
- БЕРНАРДЪ.** «L'Enfant pianiste». Собраніе легкихъ пьесокъ для дѣтей, составленныхъ изъ любимыхъ мотивовъ съ цѣлю возбудить въ малюткахъ охоту къ музыкѣ, посвященная добрымъ матерямъ, которыя намѣрены сами учить своихъ дѣтей первымъ началамъ фортепьянной игры. 3-е умноженное изданіе (1 р. 50 к.).
- *Ежедневныя упражненія*. (Продолженіе къ Собранію легкихъ пьесокъ для дѣтей) (1 р. 50 к.).
 - «Les enfants au piano». Собраніе дѣтскихъ пьесокъ для фортепьяно въ 4 руки, составленныхъ съ цѣлю развитіи слуха и вкуса къ музыкѣ (Продолженіе къ «Собранію легкихъ пьесокъ для дѣтей») (1 р. 50 к.).
- BERTINI.** 12 petits morceaux précédés chacun d'un prélude, composés expressément pour les élèves. 2 тетр. (каждая 60 к.).
- 25 études faciles à 4 mains, 2 тетради (каждая 1 р. 45 к.).
 - 25 études faciles pour les jeunes élèves dont les mains ne peuvent encore embrasser l'étendue de l'octave op. 100. 2 тетради (каждая 85 к.).
 - 48 études composées pour ceux qui veulent se préparer pour les célèbres études de Cramer. 2 тетр. (каждая 1 р. 70 к.).
- BÜRGMÜLLER.** 25 études faciles et progressives composées expressément pour l'étendue des petites mains. (2 р.).
- CHOPIN.** 12 études op. 25. 2 тетради (каждая 2 р.).

- CRAMER. Etudes célèbres. 2 тетради (каждая 1 р. 70 к.).
- CZERNY. L'étude de la vitesse ou 30 exercices calculés à développer l'agilité des doigts op. 299 (2 р. 85 к.). Exercice journalier pour atteindre et conserver le plus haut degré de perfection en 40 études op. 337. (3 р.). L'art de délier les doigts (Die Kunst der Fingerfertigkeit). 50 Etudes op. 740. Liv. 1 à 6 (каждая 1 р. 70 к.). Instructions en 100 récréations musicales à l'usage des premiers commençans. Liv. 1 à 4 (каждая 85 к.).
- DUVERNOY. Ecole du mécanisme. 15 Etudes pour précéder celles de la vitesse de Czerny. op. 120 (2 р.). Ecole du Style en 12 études op. 168. (2 р. 30 к.).
- HERZ. Collection de gammes, passages et exercices d'une difficulté progressive à l'usage des élèves qui desirent faire des progrès rapides. Nouvelle édition (1 р. 30 к.).
- MAYER. Trois études favorites op. 61. (1 р. 50 к.). 24 préludes d'amateurs dans tous les tons les plus usités op. 323. 2 терп. (каждая 1 р.).
- MOSCHELES. Etudes célèbres. Nouvelle édition revue par l'auteur. Тетрадь I (3 р. 50 к.) Терп. II (3 р.).
- RAVINA. Hommage aux artistes. Etude de style et de perfectionnement. op. 14. 2 тетради (каждая 1 р. 75 к.).
- KÖHLER. Die ersten Etüden für jeden Clavierspieler op. 50. Первая упражненія для учащихся на фортепьяно, какъ техническое основаніе виртуозности. Приняты въ руководство консерваторіями въ С.-Петербургѣ, Лейпцигѣ и пр. (1 р. 30 к.).

Въ выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ руб. сер., получаютъ двадцать-пять процентовъ уступки, а выписывающіе на десять руб. сер., пользуются означенною уступкою, и кромѣ того, ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются тѣ, которые обратятся непосредственно въ магазинъ М. Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно отъ него выписывать всѣ музыкальныя сочиненія, кромѣ книгъ, изданій придворной пѣвческой капеллы и дешевыхъ изданій классической музыки и оперъ, цѣны которымъ крайнія и за пересылку оныхъ предлагается особо.

Въ этомъ же магазинѣ вышла 1-го августа восьмая тетрадь музыкальнаго журнала «Нувеллистъ» (годъ XXVII), содержащая въ себѣ новѣйшія сочиненія: *Куэ, Круа, Энарда, Ютмана, Крамера* и др., всего 11 пьесъ и литературное прибавленіе въ видѣ музыкальной газеты. (Годовая цѣна подписки 10 р., съ пересылкою 11 р. 50 к.). Желающіе подписаться, получаютъ сполна всѣ тетради, вышедшія сначала нынѣшняго года.

Вновь получены: *кабинетъ-рояли, скрипки, смычки, флейты, гитары, цитры, гармони-флейты, метрономы, канцфоли* и проч. по весьма умѣреннымъ цѣнамъ.

Дено лучшихъ итальянскихъ струнъ.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ А. БИТНЕРА,

На Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви
въ Санктпетербургѣ.

ЕДИНСТВЕННОЕ ДЕПО ВЪ РОССИИ:

ДУХОВНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ ЗНАМЕНИТАГО МАСТЕРА
АНТУАНА КУРТУА въ Парижѣ.

Корнетъ съ пистонами въ Б., со всѣми кронами . . . 70 руб.
 „ „ „ въ Ц., Эсъ и Асъ по . . . 65 „
 Альтъ (obligat) 60 руб.; Труба отъ 45 до . . . 75 „
 Тромбонъ-альтъ 60 руб.; Тромбонъ-теноръ . . . 75 „
 Тромбонъ-басъ 65 руб.; Баритонъ въ В. 85 „
 Басъ въ В. 85 руб.; Басъ въ Эсъ. 115 „
 Контра-басъ въ Эсъ или В по 150 „
 Вальторнъ со всѣми Кронами 95 „
 Всѣ инструменты въ новомъ Камертонѣ (Diapason normal) и съ
 хорошими ящцами.

Гармонифлейты по 50, 60, 75, 80 и 115 руб.
 Фисгармония фаб. Родольфа въ Парижѣ безъ регистровъ 130 „
 „ фаб. Александръ въ Парижѣ съ 14-ю регистрами
 (à percussion, grand jen), палисандр. дерева 400 „
 „ того же съ 10-ю регистрами à percussion, grand jen),
 палисандроваго дерева 500 руб.
 Флейты мастера Циглера въ Вѣнѣ съ 12-ю клапанами палевого
 дерева, (H. Fuss) съ футляромъ 30 руб.
 „ того же мастера, гренадильеваго дерева, съ мундшту-
 комъ изъ слоновой кости, съ 12-ю клапанами новаго
 серебра съ футляромъ 65 руб.
 Кларнетъ, В. палевого дерева, съ 12-ю клапанами съ
 футляромъ 35 „
 Нѣмое фортепиано фабр. Плейеля въ Парижѣ, съ пружиною, по-
 средствомъ которой клавиатура дѣлается легче и
 трудяѣе. 25 руб.
 Гитары вѣнскія, семиструнныя съ футляромъ. 40 „
 „ „ шестиструнныя съ футляромъ 35 „
 Концертино извѣстнаго мастера Ветстона въ Лондонѣ, изящной
 отдѣлки съ клапанами изъ новаго серебра, теноръ
 или баритонъ по. 135 руб.

ИНСТРУМЕНТЫ ИЗВѢСТНАГО ФОРТЕПИАННАГО МАСТЕРА **БЕЕА**:

Рояль, 7 окт., палисандроваго дерева 600 руб.; упаковка 15 р.;
 Кабинетный рояль, 7 окт., палисандроваго дерева 400 руб.;
 упаковка 12 р.; Пианино, 7 окт., палисандроваго дерева 350 р.;
 упаковка 12 р.

За прочность инструментовъ ручаются. Заказы будутъ исполнены съ точностью, на упаковку и доставку будетъ обращено особенное вниманіе. Всѣ эти инструменты удостоены на лондонской выставкѣ въ 1862-мъ году серебряной медали.

Парижскіе метрономы (J. Wagner, neuveu) 10 руб. съ пересылкою
 » » съ колокольчикомъ 12 » » »

Итальянскія струны лучшаго достоинства.

КВИНТЫ неаполитанскія, четырехъ-жильныя, четырехъ-навязныя за бунтъ 6 р., за струну	R. K.	— 25
КВИНТЫ падуанскія, четырехъ-жильныя, четырехъ-навязныя, за бунтъ 7 р., за струну		— 30
СЕКУНДЫ за бунтъ 6 р., за струну		— 25
ТЕРЦИИ за бунтъ 7 р., за струну		— 30
1 БАСОКЪ скрипичный		— 25
1 БАСОКЪ скрипичный, серебряный шлифованный		— 60
1 АККОРДЪ струнъ для АЛЬТА	1	—
1 струна G для АЛЬТА		— 25
1 » C то же		— 30
1 АККОРДЪ струнъ для ВІОЛОНЧЕЛИ	1	75
1 струна A для ВІОЛОНЧЕЛИ		— 30
1 » D »		— 50
1 » G »		— 50
1 » C »		— 70
1 » витая для КОНТРБАСА	1	45
1 » витая для КОНТРБАСА	2	85
1 аккордъ струнъ для шестиструнной ГИТАРЫ	1	50
1 аккордъ струнъ для семиструнной ГИТАРЫ	1	70
1 басокъ вѣнскій для ГИТАРЫ		— 25
СТРУНОМЪРЫ въ фулларахъ	1	50

НОВѢЙШІЕ ТАНЦЫ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО

ИВАНА СТРАУСА.

Dagmar-Polka op. 309. 60 в.; Kinderspiele-Polka op. 301. 60 в.; Kreuzfidel-Polka op. 302. 60 в.; Bal-champêtre Quadr. op. 303. 75 в.; Reconnaissance-Polka op. 304. 60 в.; Hof-Ball-Tänze Walzer. op. 305. 1 р.; Bürgerweisen Walzer op. 306. 1 р.; Wiener-Bonbon op. 307. 1 р.; Damenspende-Polka op. 308. 60 в.; Parforce Polka op. 310. 60 в.; La Belle Hélène-Quadrille 75 в.
 RESCH. J. La Belle Hélène Potpourri на самыя любимыя мотивы 1 р. 30 в.

Нижеподписавшійся беретъ на себя заказы на всѣ другіе инструменты и ноты вообще и обѣщаетъ немедленное исполненіе заказовъ по самой дешевой цѣнѣ.

А. ВИТТЕРЪ:

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

въ 1866 году

ВЫХОДЯТЬ два раза въ мѣсяцъ (1-го и 15-го числа) книжками, изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ до 15-ти печатныхъ листовъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ,

состоящее изъ двадцати-четырехъ книгъ,

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ И МОСКВѢ:

15 руб. серебромъ.

Съ пересылкою:

16 руб. 50 коп. сереб.

ПОДПИСКА *ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО* ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ:

Для иногородныхъ и городскихъ жителей: въ Главной конторѣ «Отечественныхъ Записокъ» на Литейной, въ домѣ № 38 (тамъ же, гдѣ контора газеты «Голось»).

ВЪ МОСКВѢ:

Для жителей Москвы: въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева (бывшемъ Базунова), на углу Большой Дмитровки и Страстного Бульвара, противъ университетской типографіи, въ домѣ Загряжскаго.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями, надписывая ихъ: *Въ Редакцію Отечественныхъ Записокъ, въ Санктпетербургъ.*

Въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», на Литейной, № 38-й, продаются:

изданныя редакціею «Отечественныхъ Записокъ» книги:

ИСТОРИЯ ЦАРСТВОВАНІЯ ФИЛИППА ВТОРОГО, короля испанскаго. Соч. Вильяма Прескотта. 2 тома. Ц. 2 руб.; съ пересылкою 2 руб. 50 коп.

ИСТОРИЯ ЗАВОЕВАНІЯ АНГЛІИ НОРМАНАМИ. Соч. Огюстена Тьерри. 3 тома. Ц. 3 руб.; съ пересылкою 3 р. 50 коп.

ИСТОРИЯ АНГЛІЙСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ. Соч. Гизб. 3 тома. Ц. 3 руб.; съ пересылкою 3 р. 50 коп.

РЕДАКТОРЫ-ИЗДАТЕЛИ: А. БРАКОВСКИЙ И С. ДУБИНИНЪ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

1866

АВГУСТЪ

КНИЖКА ВТОРАЯ

	СТР.
I. ПЕТЕРБУРГСКІЯ ТРУЩОВЫ. Романъ. <i>Часть пятая: Голодные и холодные. Главы XXXIII—XXXVI. В. В. Крестовскаго</i>	585
II. ПОЛЖИЛЬОНА. Романъ миссъ Амелии Эдвардсъ. <i>Часть вторая. Главы XIII—XVII</i>	618
III. КУЗЬКА, МОРДОВСКІЙ В ОГНѢ. Разсказъ изъ исторіи мордовскаго народа. <i>Статья первая. К....</i>	652
IV. САМУИЛЬ ВИМОРКОВЪ. Прововѣдникъ ученія объ антихристѣ въ 1722—1725 годахъ. <i>Статья вторая и послѣдняя М. И. СЕМЕВСКАГО</i>	680
V. О НАРОДНОМЪ ОБРАЗОВАНІИ ВЪ XIX СТОЛѢТІИ. Народное обученіе въ американскихъ школахъ. <i>Статья Э. ЛАВЛЕЯ</i>	707
VI. СПИНОЗА. <i>Статья Д. Г. ЛЬЮНСА</i>	737
VII. ТРУЖЕННИКИ МОРЕА. Романъ Виктора Гюго. Жильяль-Кудесникъ. <i>Окончаніе второй и начало третьей части</i>	754
VIII. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА. Притязаніи Франціи на прирейнскія области. — Результаты пинѣшней войны. — Политика Пруссіи въ Германіи. — Положеніе дѣлъ въ Италіи. — Римскій вопросъ. — Открытіе прусскихъ палатъ. — Реформистское движеніе въ Англіи.....	161
IX. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОИЩА. Иностранная литература. 175	
X. НОВЫЯ РУССКІЯ, АНГЛІЙСКІЯ, ФРАНЦУЗСКІЯ И НѢМЕЦКІЯ КНИГИ.....	192

1830

RECEIVED

1831

1832

1833
 1834
 1835
 1836
 1837
 1838
 1839
 1840
 1841
 1842
 1843
 1844
 1845
 1846
 1847
 1848
 1849
 1850
 1851
 1852
 1853
 1854
 1855
 1856
 1857
 1858
 1859
 1860
 1861
 1862
 1863
 1864
 1865
 1866
 1867
 1868
 1869
 1870
 1871
 1872
 1873
 1874
 1875
 1876
 1877
 1878
 1879
 1880
 1881
 1882
 1883
 1884
 1885
 1886
 1887
 1888
 1889
 1890
 1891
 1892
 1893
 1894
 1895
 1896
 1897
 1898
 1899
 1900

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ТРУЩОБЫ.

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ.

Часть пятая.

ГОЛОДНЫМЪ И ХОЛОДНЫМЪ.

XXXIII.

Минувалка строится.

Княгиня уѣхала сильно взволнованная.

Печальная необходимость побудила ее предпринять личное свиданіе съ Морденкой, и это уже было самымъ послѣднимъ, рѣшительнымъ средствомъ, для поддержки своего свѣтскаго положенія. Хлѣбонасущенскій, надо отдать ему справедливость, «подмазывалъ», на сколько хватало средствъ (а онъ на «собственныя» средства, ради чужого дѣла, былъ-таки тугѣнекъ), «подмазывалъ» во всѣхъ скрыпучихъ мѣстахъ, для того чтобы иску Морденки возможно большее время не было дано никакого ходу. Но... усилію его подмазываній вредили два обстоятельства: личная и впрямъ давнишняя вражда его съ главнымъ «дѣлягой»—секретаремъ, отъ котораго, первѣе всего, зависѣло дать иску немедленный ходъ, или спустить его на проволочки. Это было одно обстоятельство изъ числа скверныхъ; а второе заключалось въ томъ, что Морденко, предвидя подмазыванья Хлѣбонасущенскаго, не поспешилъ и со своей стороны на таковыя, въ виду самой крайней необходимости уплатить поскорѣе Шадурскихъ; и подмазыванія стараго скряги были несравненно гуще, особенно же щедро смазалъ онъ «дѣлягу», коему даже специально поручилъ веденіе своего иска, за что и была между ними письменная обязательная извѣстная процентная плата. Вслѣдствіе таковыхъ обстоятельствъ, дѣло, уже безъ малѣйшихъ оттяжекъ и проволочекъ,

было весьма быстро двинуто впередъ. А тутъ еще опекунскій совѣтъ со своими процентами—того и гляди, на всю недвижимость опеку наложить—словомъ сказать, положеніе выходило до крайности сѣверное. Хлѣбонасущенскій, вида, что дѣло совсѣмъ не влентся, опустилъ крылья и сталъ заботиться о княжескихъ интересахъ только на словахъ, при разговорѣ съ ними, а на дѣлѣ предпочелъ заняться интересами исключительно своими, личными. Княгиня рѣшила ѣхать къ Морденкѣ, просить, умолять его и... сказать ли ужъ всю правду?—разсчитывала даже употребить въ дѣло нѣкоторое кокетство—последніе осенніе цвѣты своего увяданія... Она думала, что вѣдь любилъ же ее Морденко—такъ почему знать—быть можетъ слезами, просьбами, напоминаніемъ былой любви, она и успѣетъ расшевелить въ немъ если не искорку, то хотя теплое воспоминаніе былого чувства? Она думала оправдаться передъ нимъ, даже изобрѣла въ умѣ своемъ весьма удачный, по ея мнѣнію, планъ оправданія, изобрѣла дѣлую подходящую исторію—и все это ради умягченія сердца стараго скряги. Но, княгиня совсѣмъ-таки не имѣла ни малѣйшаго понятія о томъ, что такое Осипъ Захаровичъ Морденко. Между прошлымъ и настоящимъ, не даромъ протекли двадцать два года разстоянія.

Такъ, или иначе, Татьяна Львовна надѣялась на нѣкоторый успѣхъ и вдругъ, вмѣсто живого Морденки, застала только трупъ его. Хотя этотъ трупъ уже самъ по себѣ давалъ надежды ей на приостановку иска, однакоже, самая смерть весьма сильно поразила ее своей неожиданностью, и особенно-внезапностью мрачно-печальнаго зрѣлища. Княгиня, забывъ все остальное, отдалась этому впечатлѣнію, и на нѣкоторое время сила впечатлѣнія заставила ее сдѣлаться исключительно женщиной. Точно также, матерью и женщиной была она и все время свиданія съ Вересовымъ, чему помогло все то же самое впечатлѣніе, отъ котораго она не могла освободиться весь вечеръ и всю ночь.

Успокоенная въ главномъ своемъ опасеніи и заботѣ насчетъ иска, которыя доселѣ пересиливали въ ней все остальное, она могла устранить отъ себя эту докучную мысль и тѣмъ дѣльнѣе отдаться своимъ новымъ впечатлѣніямъ и чувствамъ. Нервы ея были сильно раздражены и разстроены, такъ что домой пріѣхала она почти больная.

— Ну, что?? съ нетерпѣливымъ любопытствомъ встрѣтилъ ее Поліевъ Харлампіевичъ по возвращеніи.

— Онъ умеръ, безразлично отвѣтила княгиня, проходя на свою половину.

— Умеръ!!?

И фигура Полиевкта весьма наглядно изобразила собою знакъ удивленія, приближенный сверху знакомъ вопросительнымъ.

— Умеръ!!? Морденко умеръ!!... Что за дьявольщина!... Какъ? Когда? Почему умеръ? бормоталъ онъ самъ съ собою, хлопая глазами и поводя нюхающимъ носомъ, словно бы хотѣлъ допроситься отвѣта у княжескихъ стѣнъ и мебели.— Вотъ ужъ именно не вѣсте ни дни, ни часу... Фю-фю-фю-ю!... Такъ-съ!... Что же теперь это будетъ?

И для выщаго проясненія сообразительности, равно какъ и всѣхъ мыслительныхъ способностей, отправилъ въ носъ большую понюшку французскаго табаку, и заложивъ руки въ карманы брюкъ, неторопливо прошелся по комнатѣ.

— Что жъ это ея-то сіятельство удалалась? Странно, право!... Тутъ надо обсудить да соразмыслить, а онѣ—въ будуарѣ... Чудны-бо суть дѣла твоя! раздумывалъ, ходючи, Хлѣбонасущенскій:— а вѣдь это, пожалуй, хорошо, что умеръ, а буде нѣтъ законныхъ наслѣдниковъ, то и прекрасно... Такъ-съ... и прекрасно!... Дѣла-то, значить, могутъ еще взять благопріятный оборотъ; надо, стало быть, опять погорячѣе приняться; нечего сидѣть, спустя рукавишки! Эдакъ вѣдь чѣмъ чортъ-то не шутитъ? а тутъ, ежели опять для нѣхъ сіятельствъ вожденная теплота потечеть, такъ какъ бы мнѣ своего не упустить... Можно будетъ погрѣться.

И Полиевктъ попросилъ черезъ камеристку немедленнаго свиданія съ ея сіятельствомъ, но ея сіятельство выслала ему сказать, что она разстроена и принять его сегодня не можетъ.

Полиевктъ Харлампіевичъ снова изобразилъ собою знакъ удивленія, затѣмъ досадливо плюнулъ и удалался во свояси.

Княгиня нѣсколько разъ принималась плакать, не то, чтобы очень, а такъ себѣ, слегка, потому впечатлѣніе все еще должно было быть довольно сильнымъ. Раздѣвшись, она прошла, по обиховенію, въ свою моленную и послѣ молитвъ вечернихъ прочтала заупокойныя, а къ именамъ близкихъ ей людей, которыя имѣла привычку поминать въ своихъ молитвахъ, на сей разъ сопричла и имя раба божія Іоанна.

Исполнивъ этотъ долгъ, Татьяна Львовна приняла значительную дозу успокоительныхъ сонныхъ капель, и вскорѣ заснула сномъ безмятежнымъ, который унесъ съ собою всѣ ея чувства и впечатлѣнія, внезапно вызванныя нынѣшнимъ вечеромъ.

На утро княгиня проснулась уже всегдашнею княгиней; а такъ какъ вчерашній день она легла довольно рано, то и пробужденіе было раннее, даже, къ удивленію самой себѣ, довольно бодрое и влекущее къ хорошему расположенію духа. Поэтому Татьяна Львовна совершенно спокойно принялась съ разныхъ сторонъ обдумывать свое положеніе въ связи со вчерашними приключеніями, и это могла она дѣлать тѣмъ удобнѣе, что, не вставая еще съ постели, предавалась самому сладкому утреннему *gar-niente*.

А положеніе, во всякомъ случаѣ, стояло того, чтобы о немъ подумать, и подумать хорошенько. Смерть Мордена могла на время затянуть искъ; но главная суть не въ задержкѣ, а въ совершенномъ прекращеніи его, въ обратномъ полученіи всѣхъ своихъ векселей. И это можно обдѣлать теперь весьма удобно. Этотъ молодой человѣкъ остается единственнымъ наследникомъ. Отъ его воли зависить кончить или продолжать дѣло. Онъ обязанъ какою-то нелѣпой клятвой вести его до конца; но онъ тогда не подозрѣвалъ еще, что эта клятва вынуждается у него противъ родной матери; а узнавши это разъ, достанетъ ли у него духу мстить. И кому же мстить? — Той женщинѣ, которая, несмотря на свое общественное положеніе, *сама* назвала ему себя его матерью. И за чтѣ мстить? — За ея ласку, за ея нѣжную любовь, которую она показала ему вчера, съ перваго слова (немного подъ вліяніемъ разстроенныхъ нервъ и, главное, подъ необыкновеннымъ впечатлѣніемъ — позволить себѣ авторъ замѣтить въ скобкахъ, уже отъ себя лично). И неужели же послѣ того, какъ этотъ молодой человѣкъ самъ показалъ ей столько порывисто теплой и почтительной любви, послѣ его слезъ и душевныхъ изліяній, у него подымется рука на родную мать, особенно когда онъ узнаетъ еще дѣлю исторію, изъ которой увидить, что мать его совершенно права и передъ нимъ, и передъ отцомъ, что отецъ жестоко заблуждался въ своей ненависти? — Нѣтъ, не можетъ этого быть! Положительно не можетъ быть — онъ никогда не рѣшится на такой варварскій, безчеловѣчный шагъ. А для бѣльшаго убѣжденія можно будетъ какъ нибудь предварительно и встать подать ему мысль, что отецъ его всю

жизнь былъ не совсѣмъ въ своемъ умѣ, отчасти помѣшанъ, такъ что онъ и самъ потомъ доидеть до мысли, что вынужденная клятва, да и вся его месть семейству Шадурскихъ, была не что иное, какъ слѣдствіе умопомѣшательства. А если мать—родная, любящая мать, станетъ его просить, умолять спасти еѣ—онъ навѣрное исполнитъ. Да нѣтъ, онъ и безъ этого сама возвратитъ весела, нужно только продолжать съ нимъ видѣться и оставаться столь же нѣжной и любящей.

Разсчетъ былъ вѣренъ и показывалъ, на сколько спокойная нѣга утренняго кейфа благотворно дѣйствовала на сообразительность опытной и, по свѣдѣнью, умной женщины.

А въ сущности, чтѣ такое былъ для нея этотъ Вересовъ, и могла ль она питать къ нему какое нибудь прочное, серьезное чувство, внѣ разстройства нервъ и раздражающихъ впечатлѣній? Она, которая въ теченіе двадцати-двухъ лѣтъ почти забыла о самомъ существованіи его, не вѣдая, живъ ли онъ, умеръ ли; она, едва-ли видѣвшая его одну минуту въ ночь появленія на свѣтъ, и только вчерашній день проведенная вмѣстѣ около полутора часа—чтѣ могла она чувствовать къ этому человѣку? Чтѣ могло быть общаго между ними, и какія вѣрныя, неразрывныя симпатіи могли бы ее привлекать къ нему?

«Хм... это мой сынъ... Я видѣла вчера своего сына — какъ все это странно, однако!... И неужели это точно мой сынъ?» думала книжна, заложивъ подъ голову свои алебастрово-блѣдныя, хорошо выточенныя руки и слегка улыбаясь самою спокойной, чтобъ не сказать равнодушной, улыбкою: — «хм... да, это мой сынъ... Иванъ Вересовъ... Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, необыкновенно странный случай... *La main de la Providence!*... *Oui, c'est la main de la Providence, qui m'indique le chemin du salut!*... А онъ, кажется, хорошій и скромный молодой человѣкъ... Черезчуръ мѣшковать только... рѣзкость кака-то въ немъ — конечно, дурное воспитаніе виновато... отецъ никакого воспитанія не далъ... Это жаль. А впрочемъ, въ немъ нисколько не видна порода... Странно!... Положительно нисколько!—И это мой сынъ!.. Вѣрно, весь въ отца пошелъ, а иначе это непонятно. Однако, все жъ таки надо областятъ его»...

Такъ спокойно думала и мечтала книжна разныя пустыни—доказательство, что всѣ болѣе серьезные вещи и планы были уже обдуманы ею; а между тѣмъ часъ пробилъ десятъ.

«Однако, мнѣ надо вовремя видѣть его сегодня—общала

вѣды!» рѣшила Татьяна Львовна: «да, и этимъ никакъ не должно теперь маневровать. Но гдѣ его лучше увидѣть — дома или на кладбищѣ? Надо бы на кладбище ѣхать... Это очень непріятно, да нечего дѣлать!»

И по лицу ея пробѣжала тѣнь неудовольствія: она предвидѣла новое разстройство нервъ, отъ предстоящаго зрѣлища гробовъ и кладбищенскихъ сценъ; но, дѣлать нечего: практическія соображенія и расчеты требуютъ этой побѣдки, и княгиня, приказавъ закладывать карету, поспѣшно стала одѣваться.

Вересовъ хоронилъ Морденку вполне прилично, и даже съ нѣкоторой роскошью: было трое поповъ съ дьякономъ и причтомъ, и хоръ полковыхъ пѣвчихъ въ парадныхъ кафтанахъ съ позументами. Четверка лошадей въ новыхъ траурныхъ пополахъ тащила погребальныя дроги, за которыми шелъ только онъ, да Христина, пожелавшая отдать послѣдній долгъ бывшему хозяину, а Петръ Кузьмичъ Спица со своею супругой возсѣдалъ въ каретѣ, нарочно нанятой Вересовымъ, ради этого случая. Эти двое проважались, съ одинокою каретою позади, составляли весь кортежъ родныхъ и знакомыхъ, и тѣмъ-то страннѣе выдалась въ глаза прохожимъ нѣкоторая пышность похоронной обстановки при этомъ скудномъ числѣ провожающихъ.

Послѣ благовѣста къ достойной, въ церкви появилась княгиня Татьяна Львовна въ скромномъ, но очень изящномъ траурномъ нарядѣ. Глаза ея были нѣсколько красны — частію отъ вчерашнихъ слезъ, а частію отъ сегодняшняго вѣтра, залетавшаго въ открытое каретное окно. Она очень скромно держалась въ сторонѣ, у стѣнки, и часто опускалась на колѣни, избѣгая все время взглядовъ на сосѣдніе гробы, чтобы не раздражать себѣ еще болѣе нервы. Когда началось отпѣваніе, княгиня заранѣе ужъ приготовила и вынула изъ кармана батистовый платокъ и флаконъ спирту. Платокъ очень часто былъ подносимъ къ глазамъ, а спиртъ къ кончику носа. Впрочемъ, отъ разстройства нервъ ей-таки не удалось уберечься, потому что когда подъ церковными сводами стройно раздались могильно-мрачныя аккорды «надгробнаго рыданья» и «со святыми упокой» — Татьяна Львовна не выдержала и тихо, прилично зарыдала: на ея душу херонія музыкальныя вещи всегда дѣлали свое впечатлѣніе; а тутъ, пожалуй, слезы

были и очень кстати, потому что Вересовъ изъ нихъ все жъ такъ легко могъ заключить, на сколько она любила покойнаго. Книгиня плакала и въ ту минуту, когда приближалась дать усопшему поцалуй послѣдняго прощанья. Впрочемъ, она только низко наклонилась къ вѣнчику, облежавшему поперегъ его лобъ, и сдѣлала видъ, будто цалуетъ, но въ сущности не поцаловала, потому что очень помнила вчерашнее ощущеніе холода, которое и послѣ прикосновенія нѣсколько времени оставалось еще на губахъ ея, да и притомъ же отъ мертваго такъ непріятно несло теперь гнилою мертвечиной, почему и ощутилась для нея самая настоятельная потребность въ спиртномъ флаконѣ. Но справедливость требуетъ сказать, что роль Книгини была исполнена безукоризненно-прекрасно. Она сдѣлала все, что могла сдѣлать—по совѣсти и даже противъ нея.

Когда гробъ понесли къ могилѣ, Вересовъ почтительно велъ ее подъ руку, а когда земля, отъ земли взятая, землѣ предалась, то-есть подпросту сказать, когда могилу совсѣмъ уже закопали, Татьяна Львовна предложила Вересову довести его домой въ своей каретѣ. Онъ простился со Спицами, поблагодарилъ ихъ за добрую память о покойникѣ, и поѣхалъ вмѣстѣ съ Книгиней.

Поддороги было сдѣлано въ угрюмомъ молчаніи; какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Молодой человекъ понуро весь сосредоточился въ какой-то тяжелой думѣ, а Книгиня нѣсколько разъ утрадкой и искоса взглядывала на его лицо, наблюдая за его впечатлѣніями, пока, наконецъ, нѣжно взяла его небрежно опущенную руку.

— О чемъ же ты?... Тебѣ грустно? съ кроткимъ участіемъ спросила она.

Тотъ безнадежно какъ-то махнулъ рукою.

— Ну, полно! продолжала Шадурская тономъ, исполненнымъ материнской нѣжности:—отъ смерти вѣдь ужъ не вырвешь... Не воротись!... Тяжело тебѣ, но все же не такъ, какъ еслибы ты былъ одинъ — одинъ совершенно. Ты не совсѣмъ сирота еще: вѣдь теперь я съ тобою... мать... мы будемъ видѣться... Да, мой другъ? Будемъ?

Молодой человекъ, вмѣсто отвѣтныхъ словъ, взглянулъ на нее взоромъ безпредѣльной, восторженной благодарности.

Въ этихъ словахъ для него заключался цѣлый рай свѣта, надежды и сыновней любви. Онъ чувствовалъ, какъ полнѣе становится его существованіе.

— Да, мнѣ тяжело! проговорилъ онъ, наконецъ, съ глубокимъ вздохомъ:—не... надо же вѣдь говорить правду — съ отцомъ я еще потерялъ немного: я во всю мою жизнь не видалъ отъ него любви; только вотъ послѣдніе дни... да и то, богъ-вѣсть, любилъ ли бы онъ меня, еслибы остался живъ!... Нѣтъ, продолжалъ онъ, минутою спуста:—я только вчерашнимъ вечеромъ узналъ немного счастья... я узналъ, что такое мать...

Княгиня улыбнулась небесною улыбкой, и любовно поцаловала лобъ молодого человѣка.

— Такъ о чемъ же, дитя мое, о чемъ такъ мрачно задумываться?! иѣжно утѣшила она, не выпуская его руки.

— О, задумываться есть о чемъ! промолвилъ онъ, глубоко потупивъ взоры: — меня мучить эта странная клятва, которую онъ вынулъ.

— Боже мой! но что это за клятва, расскажи ты мнѣ? горячо подхватила княгиня; — и Вересовъ подробно рассказалъ ей все, чему былъ свидѣтелемъ въ послѣдніе дни Морденки; рассказалъ ей про свое безпросвѣтное дѣтство, про безпричинное обвиненіе отца и внезапное примиреніе, про свою тюрьму и бездомныя скитанія, и, наконецъ, передалъ всѣ тѣ чувства и сомнѣнія, которыя волновали его со вчерашняго вечера.

Княгиня слушала и повременамъ утирала набѣгавшія слезинки. Благо, нервы ужъ были разстроены, такъ вызывать эту женскую влагу становилось довольно легко: нужно было только немножко подѣлывать себя въ этомъ настроеніи — и все шло превосходно.

Карета межъ тѣмъ давно ужъ подѣхала къ опустѣлому жилищу Морденки, и Вересовъ продолжалъ свои рассказы, уже сидя съ матерью, одинъ на одинъ, въ пропавшихъ ладономъ комнатахъ.

— Боже мой! какъ онъ заблуждался!... Какъ онъ жестоко заблуждался въ этой ненависти! воскликнула, всплеснувъ руками, княгиня, по выслушаніи всѣхъ Вересовскихъ рассказовъ:—нѣтъ, я должна снять съ себя это пятно! горячо и гордо продолжала она:—ты мой сынъ, и я не хочу, чтобы ты могъ хоть одну минуту сомнѣваться въ твоей матери! Я расскажу тебѣ все — все, какъ было! Суди, виновата ли я!

И она поелѣдовательно принялась повѣствовать ему исторію своего выхода замужъ, объяснила, что такое въ сущности ее мужъ, князь Шакурскій. Потомъ пошла исторія ея одиночества, оскорбленія и забвенія мужемъ, исторія ея отверженной имъ люб-

ви и романъ съ княжною Анной Чечевинской. Вересовъ внимательно слушалъ разсказъ о походахъ этого супруга, и его честному сердцу становилось больно, и были гадки, противны ему эти поступки, и чувствовалъ онъ къ нему злобу и презрѣніе за свою обиженную мать. Потомъ дошла княгиня и до своего собственнаго романа съ Морденкой, разсказала, что именно влекло ее къ нему, и что заставило полюбить его; разсказала даже въ подробности столкновеніе съ ея мужемъ, не забыла и двухъ пощипнѣ—и доселѣ разсказъ ея отличался полной правдивостію, которая потомъ уже стала мѣшаться съ элементомъ фантазіи, придуманной поутру, ради вышаго убѣжденія Вересова въ полной своей невинности относительно Морденки. Такъ, напримѣръ, истинный разсказъ о рожденіи Вересова и объ отсылкѣ значительной суммы на его воспитаніе сопровождался фантазіей о томъ, какъ княгиня претерпѣвала тысячи тиранствъ отъ своего ужаснаго мужа, какъ она хотѣла разорвать съ нимъ всѣ связи, бросить его и уйдти къ Морденкѣ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ навсегда удалиться отъ свѣта, но Морденко, думая, что она столь же виновата въ его оскорбленіи, какъ и ея мужъ, не хотѣлъ внимать никакимъ оправданіямъ и выгналъ ее отъ себя, чуть ли не съ позоромъ; какъ она писала къ нему множество писемъ и ни на одно не получала отвѣта; какъ она жаждаетъ узнать, гдѣ находится ея сынъ, чтобы взять и воспитывать его самой, но отъ нея это было скрыто, и вскорѣ послѣ этого деспотъ-мужъ насильно увезъ ее за границу и держалъ тамъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. А между тѣмъ Морденко задумалъ свое мщеніе. Разсказъ Татьяны Львовны былъ веденъ мастерски въ его подробностяхъ и обличалъ въ ней большое присутствіе такта, своеобразной логики и живого изобрѣтенія. Конечно, при этомъ не было недостатка и въ приличномъ количествѣ тихихъ, умѣренныхъ слезъ, такъ что все это въ совокупности произвело на Вересова достоюжно-сильное впечатлѣніе. Онъ теперь глубоко страдалъ душою за всѣ страданія своей матери, и богъ-вѣсть, на что бы только ни рѣшился ради ея въ эту минуту! Въ то мгновеніе онъ любилъ ее безпредѣльно.

— Но... какъ я ни думала обо всемъ этомъ, въ заключеніе пожалала плечами Татьяна Львовна:—миѣ постоянно казалось, что твой отецъ былъ немного помѣшанъ... Я и прежде еще, до нашего разрыва, замѣчала въ немъ иногда кой-какія странныя слышны... Да, онъ былъ помѣшанъ—иначе я никакъ не умѣю

объяснить себѣ эту безпричинную злобу противъ меня, этотъ поступокъ со мною, когда онъ выгналъ меня, когда скрылъ отъ меня моего ребѣнка... да и наконецъ, его обращеніе съ тобою— что это такое, если не помѣшательство?!... Бѣдный онъ, бѣдный!... Какъ мнѣ жаль его!...

Вересовъ слушалъ ее съ глубокимъ, сосредоточеннымъ вниманіемъ. Его необыкновенно поразило совпаденіе ея мысли о помѣшательствѣ Мордеки съ его собственной, вчерашнею мыслию; а разсказъ о его странныхъ поступкахъ и, наконецъ, дѣлая жизнь его, во многомъ отличавшаяся необъяснимой странностію, какъ нельзя болѣе осязательно подтверждала это предположеніе. И онъ высказалъ это княгинѣ.

Нѣсколько времени послѣ того говорили они все на эту же тему и объ этомъ предметѣ, пока, наконецъ, не настала минута разставанія. Татьяна Львовна общалась пріѣзжать къ нему часто, и попреимуществу вечерами, чтобы ему не такъ тоскливо казалось одиночество въ опустѣлой квартирѣ. Добродушный Вересовъ былъ въ восторгѣ и не находилъ словъ благодарить ее за такую любовь и участіе.

А княгиня сѣла въ свою карету, хотя и съ разстроенными нервами, но какъ нельзя болѣе довольная собою: теперь она знала все, что ей нужно было знать, для того, чтобы вѣрнѣе дѣйствовать, и уже нисколько не сомнѣвалась въ совершенномъ успѣхѣ.

И сколько новыхъ, блестящихъ плановъ и предположеній радужно заиграло въ ея головѣ при мысли объ уничтоженіи долговъ и возстановленномъ кредитѣ.

«А, право, онъ очень добрый и милый мальчикъ», думала она, подъѣзжая къ своему дому:—«только ужасно невоспитанъ, такъ что даже отчасти непріятно глядѣть на бѣдняжку... Какъ это жаль, право!»

Но... этимъ приговоромъ о добротѣ и невоспитанности только и ограничивались всѣ думы и заботы княгини лично о ея побочномъ сынѣ.

XXXIV.

Дѣло двинулось.

Дѣлага-секретарь, который дѣйствовалъ во вредъ Хлѣбонасущенскому, со смертію Мордеки очутился, въ нѣкоторомъ родѣ, на невѣдомомъ распутіи. Въ пользу кого станетъ теперь вести онъ это дѣло? гдѣ наследники, и подтвердятъ ли они условіе, за-

ключенное съ нимъ покойникомъ? Какъ вдругъ на это распутіе появляется Полиевкъ Харлампіевичъ съ достодожной подмазкой, прося о приостановкѣ иска, за смертію истца, пока не выяснится, кто суть его прямые наследники. Пришлось ему, конечно, подмазать и другія колёса орудующей симъ производствомъ машины, и—дѣло, съ божьей помощью, застрѣло въ какомъ-то захолустѣ, подъ чѣмъ-то зеленымъ сукномъ, или въ чѣмъ-то портфелѣ.

Княгиня между тѣмъ очень часто, почти черезъ день, посѣщала Вересова и проводила съ нимъ вечера. Хотя эти посѣщенія, а еще болѣе — бесѣды, начинали уже сильно утомлять ее, тѣмъ не менѣе, нужно было выдерживать роль нѣжной, любящей матери и друга-утѣшителя. Другой, на мѣстѣ Вересова, быть можетъ, и замѣтилъ бы нѣкоторую искусственность и принужденную натянутость этой роли, которая иногда прорывалась-таки мѣстами, но Вересовъ былъ слишкомъ добродушно-довѣрчивъ и, въ особенности, слишкомъ слѣпо жаждалъ любящаго материнскаго сердца, для того, чтобы замѣчать что либо подобное. Княгиня спросила его однажды, хлопочетъ ли онъ объ утвержденіи его въ правахъ наследства. Тотъ отвѣтилъ, что не начиналъ еще, да и не знаетъ, какъ за это приняться. Тогда Татьяна Львовна предложила ему услуги опытнаго ходатая, который обдѣлаетъ все очень скоро, не вводя Вересова ни въ какія хлопоты. Вересовъ охотно согласился—и Полиевкъ Харлампіевичъ Хлѣбонасущенскій весьма энергично принялся обдѣлывать утвержденіе Вересова.

Недѣля черезъ четыре оно состоялось, благодаря его усиленному содѣйствію, по обыкновенію, необошедшему безъ достодожныхъ подмазокъ — «для набыстрѣйшаго хода всей механики».

Вересовъ очутился богачомъ; но эта переменна нисколько его не порадовала и не измѣнила. Время, со смерти отца до настоящей минуты, было для него временемъ жестокаго страданія, отъ котораго забывался онъ на часъ-на два тогда лишь, какъ пріѣзжала къ нему княгиня. За то каждый разъ, съ удаленіемъ ея, эти муки становились еще жутче, еще сильнѣе: онъ глубже начиналъ чувствовать и свою любовь къ ней, и свое клятвенное преступленіе передъ покойнымъ отцомъ. Теперь уже онъ пользовался всѣми правами утвержденнаго наследника — стало быть, нужно же было, наконецъ, исполнить главную волю отца, и онъ чувствовалъ, что нѣтъ силъ исполнить ее. «Боже мой! неужели—

неужели я рѣшусь губить мать свою! И такую-то мать! — неоднократно задавалъ онъ самому себѣ мучительный вопросъ, на который сердце его каждый разъ отвѣчало—нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! — А клятба? а предсмертная мольба отца? И на эти возраженія, представляемыя наматью недавно-прошедшаго, не было отвѣта, но тѣмъ-то и хуже, тѣмъ-то и невыносимѣе было оно для молодого человѣка. А княгиня Шадурская за все это время — хоть бы одно слово, хоть бы какойнибудь намекъ ему объ этомъ долгѣ! Она казалась только нѣжной матерью, она, повидному, предала полному прощенію и забвенію всѣ «несправедливости» Морденки, а объ искомомъ дѣлѣ даже и не заикалась, словно бы его и не было. Такое поведение, съ ея стороны, еще усиливало тревожное состояніе Вересова.

Однажды утромъ къ нему является дѣляга-секретарь и объясняетъ, что, узнавъ объ утвержденіи за нимъ наслѣдства, пришелъ узнать и о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ его относительно иска, такъ-какъ Морденко заключилъ съ нимъ, дѣлягой, особія условія, коими предоставилъ право хожденія по этому дѣлу; а потому желаю, моль, знать, въ какомъ отношеніи имѣю находиться къ нему на будущее время?

Это посѣщеніе наконецъ-то очнуло Вересова: онъ понялъ, что такъ или иначе, надо кончить. О дѣлѣ не было пока еще составлено у него яснаго понятія; поэтому прежде всего захотѣлось ему знать, что это за векселя, по скольку ихъ приходится на каждого изъ Шадурскихъ и на какія суммы.—Дѣляга все это ему обдѣлалъ, и на другое же утро сообщилъ самыя обстоятельныя свѣдѣнія, изъ которыхъ Вересовъ увидѣлъ, что главнѣйшая часть всего долга падаетъ на долю стараго князя.

Дѣляга, межъ тѣмъ, настаивалъ на рѣшительномъ отвѣтѣ.

— Пока еще никакого. Мнѣ надо подумать, отвѣчалъ ему Вересовъ:—завтра утромъ вы узнаете отвѣтъ... Во всякомъ случаѣ, будьте покойны: вы получите за ваши хлопоты.

И это послѣднее обѣщаніе, дѣйствительно, нѣсколько способствовало къ успокоенію дѣляги.

— Что же мнѣ теперь дѣлать! Что дѣлать мнѣ! въ отчаяніи ломая свои руки, ходилъ молодой человѣкъ по комнатѣ, когда снова остался одинъ.—Я долженъ мстить... матери—за что? за то, что она любила моего отца, за то, что меня любитъ! Я далъ клятву... Господи! да зналъ ли я, что я дѣлалъ и противъ кого давалъ ее!... Онъ отъ меня скрылъ, онъ не сказалъ мнѣ всей

правды, не сказалъ, что я долженъ покаяться истить родной матери.—Да, да, да! Онъ обманулъ меня! Обманулъ!... Да если и самъ онъ еще заблуждался? Если онъ ненавидѣлъ мою мать—не ту, которая существуетъ въ дѣйствительности, а ту, которую создала его собственная фантазія, больное, разстроенное воображеніе?... Если... если точно, онъ былъ помѣшанъ? а я теперь долженъ исполнить его большую волю, губить мать — добрую, неповинную... Вѣдь она же любила его—развѣ я не видалъ этого, когда стояла она надъ гробомъ, развѣ тутъ-то не сказалося ея чувство, развѣ оно не высказывается на мнѣ самомъ, въ ея любви ко мнѣ?... Нѣтъ, не подыметя у меня рука мстить этой женщицѣ — *мстить богъ-вѣсть за что!* мстить невинотой!... А если онъ и былъ убѣжденъ, что она никогда не любила его, то я теперь на дѣлѣ вижу совсѣмъ другое—я знаю больше, чѣмъ зналъ онъ самъ, быть можетъ: онъ не представилъ мнѣ ни единаго доказательнаго факта противъ нея—а она успѣла уже дать доказательства своей любви. — Кто же правъ во всемъ этомъ! Боже мой, кто же правъ и кто виноватъ изъ нихъ?

И опять-таки внутреннее чувство невольнo какъ-то подшептало ему, что она невиновата.

«Онъ могъ ненавидѣть моего мужа, но не меня», сказала она надъ гробомъ, продолжалъ думать и анализировать Вересовъ:— да! стало быть, мужа онъ имѣлъ право ненавидѣть, и она сама не отвергаетъ этого... Значить—значить, въ отношеніи ея мужа я долженъ исполнить отцовскій завѣтъ... *ему*, но не ей обязанъ я мстить, если ужъ надо мстить, если ужъ дана такая клятва!

И Вересовъ, найдя себѣ такой исходъ, немедленно же написалъ дѣлягѣ-секретарю, что онъ уполномочиваетъ его вести искъ по векселямъ князя Дмитрія Платоновича Шадурскаго, остава въ бездѣйствіи векселя княгини и ея сына Владимира.

Эта уклончиво придуманная комбинація нѣсколько успокоила Вересова; но—говоря по правдѣ—онъ, принимая такое рѣшеніе, желалъ лишь обмануть самого себя, вильнулъ передъ собственной совѣстью и угождалъ только тому побужденію, которое въ подобныхъ обстоятельствахъ вынуждаетъ мягкаго сердца, но слабого воли челоуѣка, дѣйствовать такъ, чтобы, по пословицѣ, была и Богу свѣчка, и чорту кочерга.

Онъ чувствовалъ полнѣйшую нравственную невозможность дѣлать зло своей матери и, въ то же время, не хотѣлъ нарушить данную клятву. Чтo же ему оставалось болѣе, какъ не ухватить-

ся за такое уклончивое, слабохарактерное рѣшеніе, благо, ужъ исходъ этотъ подвернулся подъ руку?

Дѣляга-секретарь крайне изумился такому рѣшенію, тѣмъ не менѣе помогъ Вересову немедленно оформить его и горячо принялся за дѣло, вмѣя въ виду повторенное обѣщаніе условнаго вознагражденія.

Прошло около недѣли, въ теченіе которой повѣренный Вересова работалъ весьма успѣшно, такъ что имущество стараго князя, безъ всякихъ уже проволочекъ, было назначено къ описи. Княгиня, черезъ Поліевкта, очень хорошо знала всѣ эти обстоятельства, то-есть, что Вересовъ остановилъ искъ по векселямъ ея и сына. Она просила только своего фактотума до времени не заикаться объ этомъ ни мужу, ни сыну, и когда фактотумъ, цытливо озирая ее своими глазами, полюбопытствовалъ узнать, какіе планы имѣеть въ виду ея сіятельство, поступаая такимъ образомъ—то ея сіятельство, дружески пожавъ ему обѣ руки, отвѣтила съ немножко хитростной, но вполне довольной улыбкой:

— Ужъ только молчите, мой милый, да дѣляйте безпрекословно все то, чтó я вамъ скажу, а за счастливый исходъ, и для насъ, и для васъ—я вамъ ручаюсь. Тамъ ужъ это мое дѣло!

Поліевктъ только плечамъ пожалъ да склонилъ на бочокъ свою голову, въ знакъ полнаго и покорнаго согласія.

Княгиня, межъ тѣмъ, зная всѣ эти обстоятельства, все-таки три вечера, въ теченіе недѣли, провела у Вересова, была нѣжна, по обыкновенію, и ни малѣйшаго виду не подавала о томъ, что ей извѣстнаго его мѣропріятія.

Но, на сколько прежде посѣщенія ея облегчали молодого человека, заставляя его хоть на часъ забывать свое горе, на столько же теперь они вносили въ его душу горькое, болѣзненно-ноющее чувство: онъ становился задумчивъ, печаленъ, озабоченъ; его мутило сознаніе того, что дѣло мщенія уже начато, и начато лично имъ самимъ, а мать, межъ тѣмъ, еще не знаетъ про это; и не хватаетъ ни силъ, ни рѣшимости прямо сказать ей, потому понималъ онъ, что хотя покойникъ и имѣлъ право ненавидѣть и мстить собственно бнязю, но — каково бы ни было мщеніе, наносящее рѣшительный матеріальный ущербъ мужу, оно не могло не касаться и жены; хотя бы самымъ косвеннымъ образомъ, тѣмъ не менѣе и она вмѣстѣ съ нимъ терпѣла. Поэтому теперь уже каждое пѣжное слово, каждая ласка этой матери, калѣнымъ углемъ ложилась на сердце сына: онъ чувство-

валъ, что съ той минуты, какъ начать имъ искъ, совѣсть его не совѣмъ-то чиста и спокойна передъ нею; а высказать ей это прямо въ глаза—духу нѣтъ, и чортъ-знаетъ, что за странная, самому непонятная сила невольно удерживаетъ отъ этого шага, удерживаетъ въ ту минуту, когда рѣшительное слово уже почти готово сорваться съ языка.

Вересовъ, быть можетъ, и не понималъ, но инстинктомъ чувалъ, что удерживаетъ отъ этого добрый взглядъ и добрая ласка матери, на которыя она не скупилась во время ихъ свиданій—удерживаетъ боязнь поразить ее сердце новою вѣстью, нанести ей душевное огорченіе. И все это ставило его въ крайне неловкое, залутанное и невыносимое положеніе. Онъ проклиналъ свою судьбу, свое богатство, нисколько ему немилое, свое каторжное положеніе—и все-таки сознавалъ всю бессмысленную, безхарактерную безысходность изъ этой путаницы, въ которую, почти помимо собственной воли, бросили его обстоятельства.

Татьяна же Львовна очень хорошо умѣла каждый разъ подмѣчать на его лицѣ слѣды жестокой нравственной борьбы и печальныхъ мученій, очень вѣрно догадывалась о настоящей причинѣ этого внутренняго состоянія, которое онъ тщетно старался скрыть отъ ее глаза, и—все-таки *дьяволъ* себя любящей матерью, участливо разспрашивала о причинахъ его тоскливой растерянности, на что, конечно, не получала отвѣта, и продолжала, попрежнему, дарить ему свои посѣщенія, безпощадно усиливая этимъ нравственную пытку своего сына.

XXXV.

«Лилуй нинъ и вселенія Сионъ!»

Быль осьмой часъ вечера. Иванъ Вересовъ сидѣлъ у себя дома и ждалъ княгиню, которая обѣщала быть сегодня непременно. Странное чувство наполняло душу молодого человѣка: ему и хотѣлось, и не хотѣлось видѣть ее, онъ и желалъ и тоскливо боялся новой встрѣчи съ матерью; боялся потому, что зналъ, какимъ растопленнымъ свинцомъ опять стануть ложиться ему на душу ее материнскія ласки и заботливые разпросы. А въ то же время такъ хотѣлось и этихъ ласкъ и этого участія!

Позвонили въ прихожей, и на этотъ звонокъ Вересовъ самъ бросился отворать двери, но, къ удивленію своему, встрѣтилъ не княгиню.

Въ комнату вошелъ съ прилично-грустнымъ и скромно-степеннымъ видомъ, Подіевъ Харлампіевичъ.

— Я къ вамъ по дѣлу... отъ ея сіятельства, княгини Шадурской, началъ онъ съ обычной сдержанностью, когда хозяинъ усадилъ его въ старое кресло покойника Морденки.

У Вересова ёкнуло и упало сердце.

— Княгиня сегодня только узнала, что по векселямъ ея и ея сына князь Владимира, искъ оставовленъ, продолжалъ Хгббона-сущенскій:—это ее очень удивило... но... она благодарить васъ за ваше великодушіе...

При этихъ безразлично-сказанныхъ словахъ, молодой человекъ снова почувствовалъ, какъ его ударило что-то колючимъ и горькимъ упрекомъ; въ особенности фраза: «ваше великодушіе», казалась ему невыносимой.

— Но княгиня не хочетъ, чтобы за нею пропадалъ даже самый пустячный долгъ ея, а не то что эдакая-то сумма, говорилъ Подіевъ:—она заплатитъ вамъ все сполна, и за себя, и за сына, и за стараго князя, только бога-ради!... повремените еще съ вашимъ искомъ!... Она умоляетъ васъ объ этомъ! Вы еще молодой человекъ, сердце ваше доступно жалости, вы въ состояніи понять такое положеніе!... Повремените!... Разомъ, конечно, отдать вамъ она не въ состояніи; но частями, въ теченіе трехъ-четырехъ лѣтъ, долгъ будетъ уплаченъ. Вы вѣдь почти единственный кредиторъ княжескаго семейства, стало быть, всегда остаетесь въ своемъ правѣ, можете вчинать искъ, когда вамъ заблагоразсудится, и все-таки имѣете всѣ шансы на полученіе своихъ денегъ. Да и вотъ что-съ скажу я вамъ: частями-то по разсрочкѣ, вы получите все сполна, тогда какъ продажа съ аукціона едва-ли и третью часть вамъ выручитъ. Теперь, въ настоящую минуту, надо говорить откровенно, вы губите насъ, губите навѣки все княжеское семейство... почтенное, всѣми уважаемое семейство!... Бога-ради, повремените, согласитесь на любовную сдѣлку, на разсрочку! Княгиня, сама княгиня умоляетъ васъ!... Она бы даже сама пріѣхала просить васъ, но это обстоятельство столь много поразило ее, что она совершенно больна, разстроена и лежитъ въ постели.

Вересовъ необычайно поблѣднѣлъ при послѣднемъ извѣстіи.

— Больна! проговорилъ онъ слабымъ голосомъ, отдаваясь глухому и тяжелому волненію.

Хлѣбонасущенскій отвѣтилъ только грустно-глубокимъ, сострадающимъ вздохомъ, да головою покачалъ печально.

— Это ее убило... советѣмъ убило! словно бы про себя прошепталъ онъ, опустивъ свои взоры:—но... видно, такъ ужъ угодно Богу! да будетъ его всемогущая воля!... Она, хоть и больная, собрала всѣ свои цѣнныя вещи: картины, кружева, фамилыныя брильянты и серебро—ея собственное приданое; все это хочеть завтра же пустить въ продажу, чтобы быть въ состояннн уплатить хотя бы малую толпку своего долга. Печальное положеніе, молодой человѣкъ, очень печальное!...

Вересовъ, межъ тѣмъ, рѣшительно и быстро поднялся со своего мѣста.

— Прїѣзжайте ко мнѣ завтра въ четыре часа, непременно прїѣзжайте! Еслибы меня еще не было дома, такъ ждите; но только бога-ради, будьте у меня завтра!... А теперь... я васъ попрошу... оставьте меня. Извините, но... я не могу дольше объясняться сегодня, быстро и вволюванно проговорилъ онъ, подавая Полиевкту руку—и Полиевтъ удалился съ новымъ печальнымъ вздохомъ.

На другой день, въ началѣ пятого часа, Вересовъ, захлывшись, взбѣжалъ въ свою квартиру, гдѣ ужъ въ это время ожидалъ его Хлѣбонасущенскій.

— Везите меня къ няннн! сказалъ онъ, здороваясь.

— Какъ?... Куда?... Къ няннн? повторилъ Полиевтъ, озадаченный внезапностью такого предложенія.

— Ну, да, да! къ няннн!... Мнѣ надо ее видѣть... Она очень больна? Скажите, не скрываете отъ меня, очень больна?... да?...

Тотъ не безъ замѣтнаго удивленія поглядѣлъ на молодого человека, видя въ немъ такое сплывое волненіе, но не понимая причины.

— Да, она больна, проговорилъ онъ съ разстановкой, наблюдая его:—теперь ей нѣсколько лучше, но... все еще больна... разстроена... лежитъ; вѣдь это страшно убило ее!

— Ну, такъ ѣдемъ! ѣдемъ сію же минуту! торопилъ его Вересовъ.

— Но позвольте, какъ же это... не предупредивши.

Т. СЛXVII. — Отд. I.

— О, боже мой! что там предупреждать еще!... Предупредите, какъ прїдемъ! Но только скорѣе! бога-ради, скорѣе! Говорю вамъ, мнѣ необходимо видѣть ее!

Полюевкъ раздумывалъ съ минутку, въ теченіе которой Вересовъ, блѣдный и взволнованный до нервической дрожи, нетерпѣливо шагаль по комнатамъ.

— Ну, что же, наконецъ! досадливо остановился онъ передъ Хлѣбонасущенскимъ.

— Пожалуй, ѣдемте! согласился тотъ со вздохомъ, показавъ своими плечиками.

Прїехали. Полюевкъ Харлампіевичъ побѣжалъ предупредить Татьяну Львовну, а Вересовъ остался ждать въ одной изъ блестящихъ гостинныхъ княжескаго дома, гдѣ ослѣпительно ошибло его взоры невиданное еще имъ доселѣ изящество и богатство роскошной обстановки.

«Боже мой, а я-то принимаю ее у себя въ этой грязной берлогѣ!» подумалъ онъ, невольно вспомнивъ гнилую квартиршку своего отца: «и неужели же все это великолѣпіе — одинъ призракъ, голое ничто, которое покойникъ могъ въ минуту развѣять этою пачкой бумажекъ!»

На половинѣ Татьяны Львовны, межъ тѣмъ, поднялась нѣкоторая суета, которая однако не могла достигнуть ни до взора, ни до слуха ея побочнаго сына. Хлѣбонасущенскій наскоро передалъ ей, что привезъ кредитора, который настойчиво требовалъ видѣть ее лично и спрашивалъ, очень ли она нездорова. Поэтому ужъ, значить, надо оправдать его слова и казаться больною. Книжницу очень встревожилъ этотъ внезапный прїездъ сына, заставлявшій ожидать чего-то особеннаго, необыкновеннаго, и конечно, вызвалъ извѣстную степень первнаго потрясенія и волненія, что было въ сущности даже весьма кстати въ данную минуту. Быстро удалась она въ свой будуаръ, распорядилась спустить стору, дабы устроить въ комнатѣ синеватый полусвѣтъ, который имѣлъ свойство придавать лицу оттѣнокъ интересной блѣдности, и наконецъ поспѣшила вмѣсто снятаго платья, накинуть на себя легкую блузу и легла на диванъ, обруженная прошивными батистовыми подушками.

— Ахъ, боже мой, чуть было не забыла! Чепчепъ, чепчикъ ночной подай мнѣ скорѣе! Да поставь на столикъ лавровишневая капли и баночку сирту! Да скорѣе ты, говорю тебѣ! нетерпѣливо поубала и торопила она свою камеристку.

— Ну, теперь, кажется, все ужь готово. Поди, пускай тамъ скажутъ управляющему, что онъ можетъ войти, распорядилась наконецъ Татьяна Львовна, вполне уже приготовленная въ надлежащему свиданію съ сыномъ.

— Извините, но... я желалъ бы остаться одинъ съ ея сѣятельствомъ, обернулся Вересовъ на Хлѣбонасущенскаго въ дверяхъ будуара.

Тотъ хотѣлъ-было слѣдовать непосредственно за нимъ и въ самый будуаръ, чтобы быть свидѣтелемъ интереснаго свиданія; но, встрѣта въ упоръ такое заявленіе, сдѣланное вслухъ при самой княгинѣ, «Лисій хвостъ» только слегка поперхнулся и поволѣ осадилъ назадъ.

Вересовъ плотно приперъ за собою дверь, и прямо изъ свѣтлой комнаты вступилъ въ будуаръ, гдѣ таинственно царилъ синеватый полусумракъ, не могъ еще разглядѣть съ перваго взгляду, гдѣ его мать.

— Я здѣсь... подала слабый голосъ княгиня, видя затрудненіе вошедшаго.

— Матушка!... бога-ради... прости!... простите меня! воскликнулъ онъ, выдвигаясь въ ея сторону.

Та сдѣлала усиліе, чтобы приподняться на подушкахъ, и еще слабѣе, печальнымъ тономъ промолвила:

— Въ чемъ?... за что?...

— Я виноватъ... я скрылъ... это дѣло... Господи! что за адское положеніе! безъ связи бормоталъ взволнованный Вересовъ, то судорожно сжимая протанувшую ему руку, то принимая къ ней губами, и заглядывая тревожнымъ взоромъ въ лицо матери...

— Матушка! .. милая, добрая моя!... Вы больны, вы убиты... Это — я, я одинъ виноватъ во всемъ!... боже мой!...

— Зачѣмъ ты скрылъ отъ меня?... зачѣмъ ты не сказалъ мнѣ прямо?

— Да! я сдѣлалъ мерзость!... подлую мерзость!—Но... у меня—клянусь вамъ! — силъ не хватало высказать.

— Подлую мерзость? съ грустнымъ вздохомъ отрицательно начала головою княгиня: — нѣтъ, мой другъ... тутъ подлаго ничего нѣтъ: ты исполняешь только данную вѣтву.

— Я не исполню такую вѣтву! съ жаромъ воскликнулъ Вересовъ: — я много думалъ теперь объ этомъ—я былъ обманутъ!... Я не подозрѣвалъ, *противъ кого* вынуждена у меня эта вѣтва!— я не исполню ее!

Татьяна Львовна поглядѣла на него долгимъ и пристальнымъ взглядомъ.

— Нѣтъ, я не хочу этого, печально молвила она: — чтобы ты потомъ всю жизнь изъ-за меня переносилъ терзанія совѣсти... Нѣтъ, мой другъ! дѣлай ужъ то, что тебѣ было завѣщено! Но... только не губи насъ разомъ!—Вотъ о чемъ я бы стала умолять тебя. Мы тебѣ все отдадимъ частями... Я уже распорядилась, собрала всѣ свои лучшія вещи... Я продамъ все, все!— Я заплачу— только не доводи насъ до этого позорнаго скандала... до описи.— Бога-ради!... Это моя единственная просьба! Мы все равно и потомъ останемся почти нищими, когда этотъ долгъ будетъ уплаченъ... Цѣль покойника все равно вѣдь будетъ достигнута... Но не съ позоромъ!.. Не съ позоромъ, умоляю тебя!... Сдѣлай это ради... ради матери твоей!

И княгиня заключила слезами свою странную тираду.

— О, да не мучь же ты меня!... Вѣдь это хуже всякой пытки, наконецъ! вскрикнулъ Вересовъ, вскочивъ со своего мѣста.— Я не хочу вамъ зла! Я никого не хочу дѣлать несчастнымъ— пусть ужъ лучше одинъ буду мучиться, а не другіе... не мать моя!... Иску больше нѣтъ никакого. — Вотъ всѣ векселя, какіе только были у моего отца! Вотъ они!

И вынувъ изъ кармана полновѣсную пачку, онъ, съ лихорадочной энергіей величайшаго волненія, надорвалъ ее на половину и бросилъ на маленькій столикъ княгини.

Та даже вскрикнула отъ неожиданности и сильнаго изумленія. Она, несмотря на свои надежды, все-жъ-таки не ожидала на этотъ разъ окончанія столь полнаго и столь быстрого.

— Что ты сдѣлалъ!... что ты сдѣлалъ, несчастный ты мой! воскликнула она, хватая его за руки:—зачѣмъ?!... Развѣ я тебѣ объ *этомъ* говорила!...

— Не вы, а совѣсть... любовь моя... сердце мое— вотъ что мнѣ говорило! порывисто и трудно дыша, глухо прошептала Вересовъ, закрывъ лицо руками.

Княгиня заплакала, и на этотъ разъ, какъ и уже искренно. Этимъ мгновеніемъ на нее опять нашло мимолетное непосредственное чувство матери, связалась женская душа. Прильнувъ къ головѣ сына и положивъ ее на свою грудь, она плакала и долго-долго целовала ее, лаская.

— Ваня! милый мой! дѣтя мое! вѣдь ты будешь потомъ, можетъ быть, раскаяваться, любовно шептала она ему:—вѣдь это

однѣ только порывъ, честный, великодушный, благородный порывъ, но... я боюсь за тебя!

— Въ чемъ? рѣшительно поднялъ онъ голову: — въ томъ, что я далъ клятву?... Ну, пусть я буду проклять... лишь бы ты не страдала... Матушка! люби меня! люби меня! — Вѣдь у меня никого, никого больше нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ!... Люби меня — и мнѣ ничего больше не надо!... Не покинь меня! родная моя!

Княгиня съ нѣкоторой торжественностью положила руку на его голову.

— Если тебя проклялъ твой безумный, помѣшанный отецъ, сказала она твердымъ, но въ затаенно-глубокой сущности своей искусно афектированнымъ голосомъ: — то мать благословляетъ тебя!... Пусть это благословеніе сниметъ его проклятіе!... Вѣдь онъ, говорю тебѣ, онъ страшно—страшно заблуждался всю жизнь свою!... Прости его Богъ за это!

Такой оборотъ дѣла благотворно подѣйствовалъ на Вересова: онъ почувствовалъ, какъ на душѣ его стало легче, свѣтлѣй и шире, словно бы грузъ тяжелый сватился съ него въ это мгновеніе.

Нѣсколько времени сидѣлъ онъ еще у матери, которая обѣщала быть у него, какъ только въ состояніи будетъ выѣхать (кататься—она могла бы, въ сущности, выѣхать хоть сію минуту), и за тѣмъ удался подъ обаяніемъ того же мирнаго, успокоеннаго чувства.

— Князь дома? спросила княгиня Хлѣбвасушенскаго, выйдя въ другіе комнаты, по уходѣ Вересова.

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство.

— А Владниръ?

— Тоже уѣхавши куда-то.

— Передайте имъ, какъ вернутся, что у князей Шадурскихъ, кромѣ казеннаго, болѣе нѣтъ долговъ, сказала она съ само-довольно-радостнымъ видомъ, и подала Полиевату надорванную пачку.

— Пересчитайте, все ли сходна?

И сама повернулась въ комнаты.

Тотъ такъ и осовѣлъ, увидѣвъ у себя на руналѣ поданныхъ ему бумажекъ.

— Господи! да точно ли это она? восклицалъ онъ, пересканивая веселя одинъ за другимъ, по порядку. — Они!... Они самце!... Они, мои любезные, драгоценные! Всѣ, какъ есть, на сто-двадцать-пять тысячъ серебрицомъ-съ!... Важно!... Что жъ это теперь?—Кредитъ... капиталы... всеобщее просвѣтленіе! размышлялъ онъ самъ съ собою:—ликуй нынѣ и веселися Сіоне!... Вотъ-те и Морденко! Вотъ-те и гроза его!... Пхе-е!... Однако же кѣзырь-баба! Ей-богу, кѣзыри! Какъ она ловко да скоро обошла мальчонку!... хитровато подмигивалъ да подсмѣивался себѣ Полиевкъ Харлампіевичъ: — Хи, хи, хв!... Ай-да, патронесса моя! ай-да кѣзырь-баба! Отмѣнно важно! Отмѣнно!... Ликуй нынѣ и веселися Сіоне!

И Полиевкъ, восторженно потирая свои руки, да широко ухмыляясь, чуть не въ прыжку удалился въ княжескую контору.

XXXV.

«Не принимаютъ!»

Хотя и вернулся Вересовъ домой подъ свѣтлымъ, успокоительнымъ впечатлѣніемъ, однако же на этотъ разъ квартира покойнаго отца, болѣе чѣмъ когда либо, показалась ему мрачнѣй и непривѣтнѣе. Словно бы каждый уголъ, каждый стулъ, каждое пятно на стѣнѣ глядѣли на него безмолвнымъ и потому безпощаднымъ укоромъ за дерзко-нарушенную клятву. А этотъ поугай, который, по долгой привычкѣ, не совсѣмъ еще разучился кричать: *разоримся мы съ тобой, Морденко!* наводилъ теперь своею фразой родъ какого-то ужаса на молодого человѣка: казалось, будто это не просто бессмысленная болтовня бессмысленной птицы, а нѣчто иное... будто эти слова умышленно относятся къ какому-то незримому существу, которое тѣмъ не менѣе присутствуетъ здѣсь, въ этой самой комнатѣ, и вотъ-вотъ сейчасъ скажетъ ему въ отвѣтъ знакомымъ глухимъ голосомъ: *разоримся, поточка, оконечъ разоримся!* и грозно потребуетъ отчета... Каждый скрипъ половицы, или двери, каждое хрипѣнье часовой кукушки, казалось, звучали чѣмъ-то зловѣщимъ, пророчили нехорошее, недоброе что-то.

Вересову стало невыносимо и душно въ этомъ мрачномъ мѣстѣ. Онъ сказалъ Христинѣ, что не придетъ ночевать домой, и тотчасъ же удалился, съ намѣреніемъ найти новую квартиру, и пока взять себѣ хоть нумеръ въ первой попавшейся гостинницѣ.

На другой день чистая, свѣтленькая квартирка была нанята и къ вечеру уже скромно мѣблирована. Вересовъ торопился исполнить все это какъ можно скорѣе, чтобы разомъ повончить со старымъ обиталищемъ; наводившимъ столь болѣзненное впечатлѣніе. Мѣбель, кукушка и попугай съ клятвой были предложены въ полную собственность майору Спицѣ, который весьма охотно принялъ неожиданный подарокъ, надѣясь за мебелишку все жь-таки выручить кое-что подъ Толвучимъ.

— А попугайчика ужъ я на память о другѣ оставлю, заявилъ онъ на прощанье.

Въ новой квартирѣ какъ-то легче жилось, легче дышалось, веселѣе, спокойнѣе думалось. Она была такая уютная, свѣтлая, смотрѣла на тебя со всѣхъ сторонъ такими свѣжими обоями, и бѣлыми дверями, и чистыми большими окнами; потолокъ, далекѣе не такой низкій, какъ въ прежней квартирѣ, не давилъ собою—воздуху было довольно — и Вересовъ могъ бы про себя сказать, что онъ вполне доволенъ, еслибъ къ егѣ свѣтлому и спокойному чувству не примѣшивалось отчасти какой-то тихой грусти.—Это была грусть по отцѣ, сожалѣніе о столькихъ печальныхъ заблужденіяхъ его печальной жизни: — «зачѣмъ онъ такъ заблуждался!... И Господи! какъ бы все хорошо, и тихо, и любовно было бы, еслибы не это»!... Но — дѣло конченное и похороненное — не вернешь! — И молодой человекъ сталъ думать, какъ прійдетъ къ нему его мать, какое впечатлѣніе сдѣлаетъ на нее эта новая обстановка, какое участіе приметъ она во всемъ этомъ новомъ житьѣ-бытьѣ его; и онъ тотчасъ же увѣдомилъ ее по городской почтѣ о перемѣнѣ своей квартиры.

Княгиня послѣ этого прійхала къ нему дня черезъ три, но первымъ словомъ объявила, что сейчасъ лишь узнала объ этой перемѣнѣ, въ прежнемъ домѣ, куда первоначально прійхала.

— А письмо, которое я послалъ вамъ? воскликнулъ Вересовъ.

— Какое письмо? — Никакого не получала!

Княгиня сказала неправду: она получила письмо, но это полученіе было ей весьма непріятно, вопервыхъ потому, что сынъ называлъ ее въ немъ такъ-таки прямо матерью, а вовторыхъ, она взглянула на него какъ на нѣкоторую уже притязательность со стороны Вересова на ея особу; ей показалось, какъ будто это письмо только начало, какъ будто онъ требуетъ ея посѣщеній и, пожалуй, цѣлую жизнь станетъ требовать, будто это ее связ-

ваетъ, будто онъ своимъ поступкомъ съ векселями поставилъ ее въ какія-то обязательныя отношенія къ себѣ.

«Обязательныя отношенія!» думала Татьяна Львовна: — «но развѣ все это произошло такъ не по моему собственному плану? развѣ не я сама заранѣе все это обдумала и повела дѣло такимъ образомъ?... Обязательныя отношенія! — Нѣтъ, это уже слишкомъ! это наконецъ скучно!»

И ей захотѣлось на первомъ же письмѣ прекратить всякую дальнѣйшую корреспонденцію; поэтому изъяснивъ свое удивленіе по поводу неполученія, княгиня пораздумала съ минуту и сказала, что письма не всегда могутъ доходить къ ней, что они могутъ, какъ нибудь, вслѣдствіе неумѣлости швейцара и лакеевъ, перемѣшаться и попасть въ руки мужа или сына, которые и не подозреваютъ объ этихъ свиданьяхъ, что ее сильно безпокоитъ пропадающаго посланнаго письма и потому ея совѣтъ — на будущее время не писать вовсе, а ужъ лучше она сама будетъ увѣдомлять, когда понадобится.

Вересовъ слушалъ ее, подавляемый горькимъ сознаніемъ, что онъ родную мать свою не можетъ явно, въ глаза другимъ, называть своею матерью, что долженъ видѣться съ нею только украдкой, словно бы въ этомъ брѣлось какое нехорошее дѣло, что мать сама принуждена скрывать отъ всѣхъ, что у нея есть сынъ, не смѣетъ признаться въ этомъ:

— «Господи! что за безобразіе! И зачѣмъ все это такъ устроилось на свѣтѣ, такимъ гнуснымъ образомъ! И зачѣмъ *тотъ* сынъ имѣетъ на нее всѣ права и можетъ открыто и честно гордиться ею, а я — столько же родной и близкій ей — я всего, всего лишена и, словно воръ какой, могу только въ потьмахъ, украдкой, потайно поцаловать материнскую руку!...»

Прошло еще недѣль около двухъ. Княгиня считала свой планъ и свою миссію оконченными. Они и дѣйствительно были окончены съ той самой минуты, какъ рука Вересова надорвала пачку векселей; но приличіе и требованіе извѣстнаго рода округленности всего этого дѣла требовали еще на нѣкоторое время продолженія материнскихъ посѣщеній, безъ чего оно вышло бы ужъ чересчуръ непрохватнымъ. По правдѣ говоря, Татьянѣ Львовнѣ болѣе уже рѣшительно нечего было дѣлать у Вересова; посѣщенія ея становились развѣ отъ разу все рѣже и короче; продолжительная роль нѣжной матери начинала ужъ быть весьма-таки неподъ силу; общаго интереса съ нимъ она никакъ и ни въ

чемъ не усматривала, и даже не находилась о чемъ и говорить-то съ намъ во время своихъ визитовъ. Все это было для нея дѣйствительно очень скучно, обременительно, такъ что каждый разъ она садилась теперь въ налету съ маленькимъ чувствомъ досады и неудовольствія, а уѣзжала съ разстроеннымъ, раздраженнымъ нервами и еще съ большею досадою. Надо быть нѣжной, надо хоть изрѣдка приласкать, поцаловать его, и дѣлать все это безъ всякаго искренняго побужденія, тогда какъ отъ него такъ и несетъ абсолютнымъ плебеемъ, и нѣтъ ни малѣйшей надежды выработать изъ него что нибудь болѣе приличное и болѣе изящное, а онъ еще, вдобавокъ, такъ любитъ эти ласки, такъ телачьи-радостно ждетъ этихъ материнскихъ поцалуевъ—навлонность тоже, должно быть, весьма плебейская. Все это, въ совокупности, только все больше и больше раздражало нервы Татьяны Львовны, чувствовавшей, какъ съ каждымъ разомъ усиливается ея натанутое, припужденное положеніе.

А Вересовъ?—

Вересовъ тоже началъ не столько умомъ, сколько истиннымъ ощущать ея охлажденіе. Наконецъ доめкнулся, какъ все увеличиваются промежутки между ея свиданіями, и какъ самыя свиданія становятся подъ разными предлогами все короче, тогда какъ прежде — этихъ предлоговъ не существовало. И при этомъ сознаніи у него мучительно сжалось сердце; но онъ поспѣшилъ убавлять себя и обвинить во всемъ свою мнительность.

«И что это въ голову мнѣ все ползеть!» досадливо думалъ онъ: «что это я все сочиняю себѣ!... Это все оттого, что мнѣ хочется богъ-вѣсть какой-то невозможной любви! Судьба избаловала тебя, дала тебѣ все, что могла дать, а ты, какъ жадный жидъ, все больше да больше!... Это все призраки, все моя мнительность, глупая, ни на чемъ не основанная!»

Но — хотя такими разсужденіями онъ и успокаивалъ себя на время, посѣщенія княгини не становились оттого чаще и материнскія ласки нѣжнѣе.

Княгиня, однако, была слишкомъ чувствительная женщина, слишкомъ хорошо думала о себѣ и слишкомъ убѣждена въ своихъ истинно-прекрасныхъ качествахъ души, для того чтобы высказать самой себѣ, передъ собственной совѣстью, съ такой цинической наглостью *настоящія* причины ея охлажденія и скупости на дальнѣйшія свиданія съ сыномъ, съ какою высказали ихъ мы, отъ собственнаго лица, для пущаго уразумѣнія читателя.

Поводы княгини—такъ, какъ они представлялись ея глазамъ—были неизмѣримо мягче, деликатнѣй и благороднѣе. Даже, можно сказать, это были возвышенные поводы и оправдывались вполне самой настоятельной необходимостью.

Она оставалась убѣждена, что любить своего *тайнаго* сына, хотя разница общественныхъ положеній и сдѣлала то, что между ними нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго, исключая взаимнаго чувства. Таково было ея главное убѣжденіе. Но... кромѣ этой любви, въ сердцѣ ея есть еще и другая, имѣющая болѣе законныя и даже священныя основанія—любовь къ своему *яко-му* сыну. Съ этою послѣдней сопряженъ великій долгъ семейственности, дома и рода, а съ этимъ долгомъ неразрывно идетъ общественное положеніе, которое она обязана прежде всего поддерживать на соответственной высотѣ. О томъ, что у нея есть сынъ, котораго зовутъ Иванъ Вересовъ, никто не знаетъ, кромѣ мужа да самого этого сына, и она не имѣетъ права дарить ему свою любовь въ ущербъ сыну Владиміра, у котораго есть имя, есть положеніе, карьера и который остается единственной отраслю Шадурскихъ для продолженія славнаго рода. Имя его должно быть чисто, незапятнано. А что, если вдругъ узнаютъ про ея таинственныя посѣщенія? Если узнаютъ, что у нея есть живой плодъ такой связи, память о которой надо скрывать, и скрывать какъ можно тщательнѣй, зарывать ее подъ землю? Что, если объ этомъ стоустая молва пойдетъ?—а она можетъ пойти, если посѣщенія будутъ продолжаться: какъ нибудъ, отъ кого нибудъ узнается; можетъ, онъ самъ проговорится, и тогда—тогда... страшно и подумать!... Что, наконецъ, если объ этомъ узнаетъ Владиміръ? Какъ онъ взглянетъ на свою мать, и гдѣ будетъ послѣ этого мѣсто его уваженію къ ней?—Нѣтъ, какъ ни думай, а дальнѣйшія посѣщенія придется если не совсѣмъ кончить, то сдѣлать ихъ очень рѣдкими.

— «Конечно, я люблю, я сильно люблю его», размышляла Татьяна Львовна: «онъ такой добрый мальчишкѣ, у него такое хорошее сердце, и если ему случится въ жизни какая нибудъ нужда во мнѣ—я все ему сдѣлаю, я помогу... но продолжать теперешнія отношенія мнѣ запрещаетъ долгъ. Надо измѣнить ихъ. Какъ это ни тяжело, какъ это ни больно моему сердцу—нечего дѣлать—надо покориться!»

И княгиня поворилась.

Прошло еще недѣли двѣ. Она со дня на день думала еще

однажды посѣтитъ Вересова, чтобы не обрывать ужъ тагъ-таки сразу, и все откладывала; все случалось такъ, что что-нибудь непременно каждый разъ помѣшаетъ ей. А время шло, и чѣмъ больше шло оно, тѣмъ уже самое свиданіе представлялось все затруднительнѣе, неловче — какъ вдругъ однажды докладываютъ ей, что просить позволенія видѣть ее нѣкто Вересовъ. Княгиня даже испугалась. Ей представилась вся странность, вся видимая безпричинность на посторонніе глаза, даже вся невозможность этого свиданія въ ея домѣ; — да кромѣ того, придется объяснять ему продолжительность перерыва своихъ посѣщеній, изобрѣтать причины, а какъ тутъ объяснишь и изобрѣтешь все это при такой внезапности! — и княгиня послала сказать ему, что принять никакъ не можетъ.

— Что жъ она, нездорова? спросилъ внизу весь поблѣднѣвшій Вересовъ.

— Не знаю... Можетъ быть, и нездоровы, хлодно отвѣтствовалъ ливрейный лакей.

— Когда же ее можно видѣть?

— Да какъ это сказать?... Почти всегда... Всегда можно видѣть; а ежели вамъ по дѣлу, такъ вы обратитесь въ контору — тамъ управляющій.

Вересовъ повернулся и вышелъ со щемящею болью въ душѣ.

Смутное предчувствіе глухо нашептывало ему что-то нехорошее, а онъ разсудкомъ хотѣлъ увѣрить себя, что это либо слуги переврали его фамилію, либо его мать нездорова.

Иначе онъ рѣшительно не хотѣлъ понимать, что все это значить.

«Хоть бы узнать-то, больна ли она», подумалъ онъ, и перейдя на тротуаръ набережной, сталъ глядѣть въ княжескія окна, да отмигивать шагами мимо дома разстояніе шаговъ въ полтора-раста. Но окна ничего ему не сказали; и сколько ни ходилъ по набережной, ожидая, что можетъ выйдетъ кто-нибудь изъ прислуги, у котораго можно будетъ узнать — ничего изъ этого не вышло. Но вотъ изъ-подъ воротъ выѣхала карета, съ паромъ сѣрыхъ, щегольскою рысью и съ неменѣе щегольскимъ грохотомъ, прокатилась вдоль улицы саженой пятьдесятъ, сдѣлала заворотъ и подѣхала къ крыльцу княжескаго дома. Лошади били копытами о мостовую, а бородачъ-кучеръ съ истинно-олимпийскимъ достоинствомъ, съ высоты своихъ козелъ, взиралъ внизъ на весь божій людъ мимоидущій.

— Эта карета самого князя? спросилъ его подошедшій Вересовъ.

Олимпіецъ сначала оглядѣлъ его внизъ съ надлежащимъ спокойствіемъ и не сразу удостоилъ отвѣта.

— Ея сіятельства, сказалъ онъ послѣ минутнаго оглядыванія, и когда произносилъ это слово, то уже глядѣлъ не на вопрошавшаго, а куда-то въ сторону.

— Она сама поѣдетъ куда нибудь? попытался тотъ предложить еще одинъ вопросъ олимпіцу.

— Сама, было ему столь же неторопливымъ отвѣтомъ.

«А! стало быть, не больна?» подумалъ Вересовъ: — «отчего-жь, если такъ, она не пустила меня къ себѣ?... Неужели?... Нѣтъ, нѣтъ! Какой вздоръ! Какія мерзости лѣзутъ въ мою глупую башку!... Отчего!—Ну, просто оттого, что нельзя было почему нибудь, помѣшало что нибудь, мало-ль чего не случится! Но я все-таки увижу ее, хоть и слова сказать не придется, да за то глазами погляжу! Вотъ какъ станетъ садиться въ карету, тутъ и погляжу».

Такъ успокоивалъ себя Вересовъ, а сердце, межъ тѣмъ, почему-то все такъ безпокойно колотилось.

Но вотъ наконецъ и дождался.

Растворилась стеклянная дверь параднаго подъѣзда, и изъ нея поспѣшно выбѣжалъ въѣздной лакей въ княжеской ливреѣ и поторопился отпереть дверцу экипажа, около которой и сталъ въ автоматически-почтительномъ ожиданіи; затѣмъ показалась княгиня Шадурская, въ нарядѣ для прогулки, почтительно сопровождаемая ливрейникомъ комнатнымъ.

Вересовъ стоялъ въ двухъ шагахъ и глядѣлъ на нее во всѣ глаза. Взоръ княгини случайно скользнулъ по нему и словно обжегся, потому что тотчасъ же быстро вильнулъ въ другую сторону. Сдѣланъ былъ видъ, будто его не замѣчаютъ. Но если обжегся на Вересовѣ взоръ его шатери, то этотъ же самый взоръ хуже ножа рѣзнулъ его сердце. Не помня самъ, что дѣлаетъ, онъ безотчетно побѣжалъ вслѣдъ за каретой, словно бы хотѣлъ схватить ее за волеса и остановить на ходу. Хотѣлъ кривнуть что-то, но звукъ не вылеталъ изъ груди, въ которой накопилось теперь одно только судорожное рыданье. Въ горлѣ слышалось дыханіе, а онъ все бѣжалъ и бѣжалъ за каретой, которая во всю рысачью прыть, съ каждымъ шагомъ уносила отъ него все дальше и дальше, и бѣжалъ до тѣхъ поръ, пока колѣни не подкосились, пока не запнулся за уличный булыжникъ, такъ что

пришлось остановиться, и ужь только тоскливыми глазами упорно выслѣживать удаляющійся экипажъ, который уже далеко-далеко мелькалъ между другими.

Вересовъ все еще не хотѣлъ вѣрить.—«Не можетъ этого быть!» убѣждалъ онъ самого себя на другой день утромъ:—«она могла не замѣтить меня или не узнать, вѣрно торопилась куда нибудь. Но это... Это подло думать такимъ образомъ! И что я за гадкое животное, если въ мою голову могутъ закрадываться подобныя мысли!»

— Пойду сегодня! сегодня ужь навѣрное приметъ, рѣшилъ онъ въ заключеніе:—а чтобы лакей фамилію какъ нибудь не перевернулъ, запишу-ва лучше на бумажкѣ—словно бы визитная карточка будетъ.

И онъ отправился съ новою надеждою.

— Дома княгиня?

— Нѣту дома, уѣхали съ визитами.

— А скоро будетъ?

— Часа въ четыре.

Ушелъ и опять принялся ходить по набережной. Былъ только третій часъ въ началѣ, и онъ рѣшился ходить хоть до вечера чтобы не пропустить кареты. Около четырехъ часовъ княжескій экипажъ подвѣталъ къ подъѣзду и изъ него вышла Татьяна Львовна въ сопровожденіи молодого кавалерійскаго офицера.

«Это—мой братъ», догадливо ёкнуло сердце Вересова, и выждавъ минутъ около десяти, онъ вторично вступилъ сегодня въ парадныя сѣни княжескаго дома, и послалъ навѣрхъ свою импровизированную карточку.

— Ея сіятельство очень извиняются — онѣ никакъ не могутъ принять васъ сегодня.

Таковъ былъ отвѣтъ, полученный имъ отъ лакея. Добродушный безумецъ все еще не хотѣлъ увѣриться въ истинѣ, и баюкалъ себя, вопреки самой яркой очевидности. Онъ выждалъ сутки и послалъ письмо, на которое не получилъ отвѣта. Выждалъ вторыя, и послалъ новое, написанное слезами и кровью, такъ, какъ только можетъ писать смертельно тоскующая душа сына, жаждущаго возвратитъ себѣ любовь матери.

И опять-таки нѣтъ отвѣта.

Тогда уже онъ рѣшился на послѣднее средство: рѣшился еще разъ идти къ своей матери.

Но швейцаръ даже и докладывать не послалъ, а просто, безъ всякой церемоніи, ставши въ дверяхъ всею массой своего плотнаго, отъѣвшагося тѣла, отвѣтилъ съ весьма рѣшительнымъ законизмомъ:

— Не принимаютъ!

XXXVI.

Новое горе и новыя грѣзы.

Тогда въ его душу закралось страшное и самое адское сомнѣніе.

«А что, если она *не мать* мнѣ? Если все это была одна только ловкая выдумка, хитрая интрига, разыгранная комедія, чтобы поискусить выманить отъ меня векселя покойнаго отца?» пришла Вересову роковая мысль, отъ которой онъ почувствовалъ, какъ волоса его поднялись дыбомъ, какъ упало и захолоуло сердце и какъ смертельно-тоскливый ужасъ подступилъ и медленно пошелъ по всѣмъ членамъ и суставамъ его подносявшагося и трепещущаго тѣла.

«Развѣ мать — родная мать въ состояніи была бы поступить такимъ образомъ? развѣ у нея хватило бы безсердечія отвѣтить такъ на самую горячую, безпредѣльную любовь роднаго сына?» вставали передъ нимъ, одинъ за другимъ, рововые, ужасные вопросы, на которые и сердце, и разумъ давали одинъ только твердый и категорическій отвѣтъ: «нѣтъ, нѣтъ, и нѣтъ!»

И вспомнились ему тутъ предсмертныя слова Морденки: «Они постараются обойти да оплести тебя, а ты — простая душа — пожалуй, и поддашься.» — И Вересовъ ясно теперь увидѣлъ, что совершилось полное и торжественное оправданіе этого предсмертнаго пророчества.

А вслѣдъ за этимъ, въ ухахъ его, яснѣе чѣмъ когда либо, какъ будто зазвучали теперь другія слова: «будь ты проклятъ, если простишь пмъ!» и это страшное «проклятъ» огненными и желѣзно-острыми буквами вонзалось въ его мозгъ и расплавленной мѣдью, капля за каплей, падало въ душу и насквозь прожигало весь составъ его. — Положеніе безвыходное, трагическое, съ которымъ едва-ли что можетъ сравниться. На короткій срокъ

узнать, что такое матерьянская ласка, слѣпо увѣровать въ материнское чувство, съ восторженной радостью извѣдать, что такое чистая, святая сыновняя любовь, и наконецъ, принести во имя матери и во имя этой любви самую страшную жертву, стойкую мучительной борьбы, перешагнувшей черезъ отцовскій завѣтъ и собственную клятву — и вдругъ убѣдиться, что все это было не болѣе, какъ ловкій обманъ, что у него нѣтъ матери, а вмѣсто нея была какая-то искусная интригантка, разыгравшая ея роль. — Это было такое ужасное сознаніе, послѣ котораго, казалось бы, ничего уже больше не остается въ жизни, и нѣтъ съ этой жизнью ни въ чемъ примиренія.

Но въ этой же самой жизни съ нимъ встрѣтилось дважды одно существо, которое дважды спасло его.

Можетъ быть, для него еще стоило жить.

Вересовъ схватилъ себѣ горячку. Христинна кинулась къ сосѣдямъ, тѣ приняли участіе въ молодомъ одинокомъ человѣкѣ, привели хорошаго извѣстнаго доктора, и тотъ его спасъ. Молодой, выносливый организмъ перенесъ и эту страшную болѣзнь. Вересовъ сталъ поправляться и черезъ семь недѣль могъ уже выходить на свѣтъ божій.

Кончилась горячка, а вмѣстѣ съ нею утихъ и первый пылъ его душевнаго состоянія, взбудораженнаго всѣми предшествовавшими обстоятельствами. Теперь онъ постоянно уже сталъ тихоядумчивъ и глубоко, сосредоточенно грустенъ. И въ тайнѣ этихъ сосредоточенныхъ думъ и грусти надумалъ, какъ ему быть и поступать въ его дальнѣйшей жизни. Онъ не считалъ себя болѣе въ правѣ тратить на себя деньги, оставленныя ему покойнымъ отцомъ.

«Эти деньги нажиты людскою бѣдностью да пуждой, людскими слезами да страданьемъ», думалъ онъ: — «боиъ съ ними, мнѣ не надо ихъ; я имъ дамъ лучшее назначеніе; пускай черезъ меня ими пользуется тотъ, кто нуждается, кто голъ и голоденъ. Онѣ взяты у голодныхъ — надо и возвратить ихъ голоднымъ. А я не хочу, я не смѣю пользоваться ими — я уже потому не смѣю, что не исполнилъ единственнаго отцовскаго завѣта».

Такъ думалъ и такъ рѣшилъ Иванъ Вересовъ.

Онъ съзидилъ и ограничилъ до послѣдней возможной степени

всѣ свои житейскія потребности. Онъ отказывалъ себѣ въ малѣйшей прихоти, за то не пропускалъ мимо себя ни одного истинно-голоднаго бѣдняка безъ того, чтобы не дать ему значительно щедрую подачку. И послѣ каждой такой подачи, послѣ всякаго взноса на какое-нибудь честное, хорошее дѣло, на школу, на стипендію бѣдняку-студенту, на пріютъ или богадельню, чувствовалъ, что какъ будто немножко легче становится на душѣ, какъ будто каждый разъ съ нея спадаетъ частичка невыносимо тяжелаго груза.

А между тѣмъ его теплое и открытое для честной любви сердце не могло жить безъ этой честной любви. Онъ порою все болѣе и болѣе начиналъ чувствовать, что въ немъ таится какой-то знакомый образъ — образъ дѣвушки, которая молилась и плакала, которая дважды спасла его.

— Я найду, я отыщу ее! сказалъ самъ себѣ Вересовъ: — я успокою, отогрѣю ее... Отыщу гдѣ бы то ни было и приведу сюда, и будетъ она жить здѣсь въ тиши да въ мирѣ, полною хозяйкой; чтобы не было у нея больше ни одной заботы въ жизни, ни единой темной минуты, чтобы былъ одинъ только свѣтъ да улыбка, да хорошая радость... А самъ буду служить ей, буду молиться на нее, беречь и охранять — всю жизнь ей отдамъ, лишь бы она была счастлива!

И онъ отвелъ для нея двѣ лучшія и удобнѣйшія комнаты въ своей квартирѣ, обставилъ ихъ съ такимъ комфортомъ и такъ изящно; накупилъ вдосталь цѣтовъ и птицъ, и двѣ-три хорошія картины, и мягкіе ковры, и приходилъ сюда сидѣть, по цѣлымъ часамъ, запершись наединѣ въ этихъ комнатахъ, и все мечталъ, какъ онъ отыщетъ эту дѣвушку, какъ приведетъ ее сюда, въ этотъ маленькій, теплый, свѣтлый и уютный рай, какъ скажетъ ей, что это — *все ея*, что она здѣсь полная хозяйка, и какъ она будетъ любоваться на все на это — любоваться и радоваться, и отдыхать душою и тѣломъ отъ суровыхъ несчастій своей голодной и холодной жизни. И даже сохрани, чтобы при такихъ мечтахъ, когда либо забрела ему въ голову нечистая мысль потребовать отъ нея какой либо взаимности за свое чувство! — Нѣтъ, это чувство онъ думалъ ревниво сторожить въ своей душѣ отъ всѣхъ, и даже отъ нея — и отъ нея-то даже больше и глубже еще чѣмъ отъ кого бы то ни было, чтобы ничто не могло оскорбить ее. чтобы и не подумала она, будто вся эта обстановка дана ей вза-мѣнъ ея взаимности.

Итъ, Вересовъ думалъ совершенно прямо и просто сказать ей: «мы оба были нищие, оба спали въ баргѣхъ подъ одною рогожей; ты нагормила и спасла меня — и мнѣ нечѣмъ было благодарить тебя. Теперь я богатъ — у меня всего есть вдосталь — пускай же ты отъ этихъ поръ ни въ чемъ больше не пуждасишься; пользуйся всѣмъ, чѣмъ хочешь, живи здѣсь у меня и живи, какъ хочешь, и дѣлай, что знаешь!»

Каждый день почти онъ прибавлялъ къ многой обстановкѣ этихъ двухъ комнатъ какую-нибудь новую бездѣлицу, какую-нибудь хорошенькую вещицу, съ восторгомъ приносилъ ее домой, ставилъ на предполагаемое мѣсто, приглядывался, переставлялъ на другое и снова приглядывался, и любовался, пока не находилъ для нея настоящаго помѣщенія, на которомъ она болѣе выигрывала, и все мечталъ при этомъ, какъ эта новая вещица понравится ей, какъ она будетъ любоваться и играть ею. Покупалъ зачастую какую-нибудь хорошую книжку и думалъ, что это для нея, что она будетъ читать ее, и многія другія будетъ читать, изъ тѣхъ, что закуплены имъ для нея въ послѣднее время. И эти покупки, и эти ни для кого невѣдомыя занятія и мечты его въ двухъ комнатахъ служили для него источникомъ самыхъ чистыхъ и высокихъ наслажденій. Она рисовалась ему высшимъ идеаломъ всего добраго, умнаго, честнаго и хорошаго, да иною она и бытъ не могла. И иначе какъ съ этимъ священно-чистымъ ореоломъ онъ и представить себѣ не могъ невѣдомую и затерянную дѣвушку.

Но за то какой рѣзкій контрастъ съ этими двумя комнатами являла собою маленькая комнатка Вересова! Здѣсь все гладѣло какъ-то строго, бѣдно и сурово, такъ что скорѣй она напоминала скромную келью отшельника, чѣмъ жилище молодого человѣка. Онъ усердно принялся за живопись и гравюру, мечтая усиленнымъ трудомъ дойти до извѣстности и этими двумя искусствами, собственными руками доставлять себѣ скромныя средства къ жизни. Все, что покаместъ приходилось ему, сирѣбра сердце и съ укорами совѣсти, истрачивать на себя самого изъ наслѣдственнаго капитала, онъ аккуратно записывалъ, съ твердымъ убѣжденіемъ возвратитъ все это въ тотъ же капиталъ потомъ, впоследствии, изъ собственныхъ заработныхъ денегъ, отнюдь не считая своими деньги покойнаго Морденки.

И между тѣмъ, одновременно съ устройствомъ изящнаго помѣщенія для будущей хозяйки, онъ всѣми средствами принялся за трудные поиски Маши по всему Петербургу.

Всеволодъ Еврецовскій.

ПОЛМИЛЬОНА.

РОМАНЪ МИСЬ АМЕЛИ ЭДВАРДСЪ.

Часть вторая.

XIII.

ВЕРХЪ ИСКУСТВА.

Въ то самое время, какъ вѣбъ Саксена заворачивалъ въ ворота станціи желѣзной дороги, Вильямъ Трефольденъ, въ точно такомъ же экипажѣ, быстро катилъ по ватерлосской дорогѣ. Оба экипажа проѣхали по ватерлосскому мосту почти рядомъ, и по одному изъ тѣхъ странныхъ стеченій обстоятельствъ, которыхъ въ дѣйствительной жизни бываетъ больше, чѣмъ въ самыхъ романахъ, одинъ Трефольденъ спѣшилъ въ Суррей, въ качествѣ ласкаемаго и чтимаго гостя леди Кастельтауерсъ, между тѣмъ, какъ другой катилъ по тряской мостовой въ Камбервель, отыскивая обиженную, покинутую сестру графини.

«Нумеръ шестой, Брюднелль-Террасъ».

Мистеръ Трефольденъ досталъ карточку изъ своего бумажника, и раза два перечелъ написанный на ней адресъ. Это была та самая карточка, которую мисъ Ривьеръ дала Саксену, и которую послѣдній вручилъ страпчему не далѣе, какъ часъ назадъ. Трефольденъ не любилъ мѣшкать въ дѣлахъ, и въ настоящемъ случаѣ болѣе чѣмъ сдержалъ данное слово. Онъ общалъ своему молодому родственнику заняться этимъ дѣломъ по его просьбѣ, но не общалъ приняться за него еще въ тотъ же день, а между тѣмъ, едва успѣлъ онъ отпустить Саксена, какъ уже пробирался по тѣснымъ улицамъ, съ адресомъ мисъ Ривьеръ въ рукахъ.

Дѣло въ томъ, что Трефольденъ этимъ эпизодомъ семейной хроники интересовался болѣе, нежели счелъ нужнымъ выказать при Саксенѣ, и радъ былъ возможности воспользоваться безъ ми-

нута замедленія случаемъ узнать что нибудь поближе объ обѣихъ Ривьеръ. Никто лучше его не зналъ цѣны всякой домашней тайны. Правда, собственно эта тайна могла и не имѣть особенной важности для него, но кто можетъ напередъ сказать, что въ послѣдствіи окажется полезнымъ и что нѣтъ? Во всякомъ случаѣ, Трефольденъ съ замѣчательной быстротой соображенія рассчиталъ возможные выгоды предпринятаго имъ дѣла, и хотя онъ выговорилъ себѣ время на обсужденіе того, какъ лучше за него приняться, но въ умѣ его уже было болѣе полдюжины набросанныхъ плановъ еще прежде, чѣмъ Саксенъ вышелъ изъ его кабинета. Планы Трефольдена рѣдко нуждались въ тщательной разработкѣ. Они рождались изъ его находчиваго мозга, какъ Минерва изъ головы Зевеса, въ полномъ вооруженіи и готовые въ бой.

Итакъ, задумчиво опрокинувшись на подушки, со скрещенными на груди руками и сигарой въ зубахъ, Трефольденъ проѣхалъ мимо обелиска и слова съ башнею, и углубился въ самую сердцевину той тѣсной, мрачной подгородной части Лондона, которую можно бы назвать общимъ именемъ *Транспонтии*. Тутъ онъ отпустилъ кабъ, и пѣшкомъ отправился розыскивать бруднелескую террасу.

Для неопытнаго изслѣдователя, транспонтійская область устлана всевозможными преградами и препятствіями. Тутъ царство пыли и смертной скуки. Весь воздухъ пропитанъ чѣмъ-то въ родѣ запаха кирпичной глины. Звонокъ, зовущій на работу, раздается въ самыя несообразные часы. Грязноватая, низкія жилища съ претензіей на изящество и пыльные, засохшіе палисадники тянутся по всѣмъ направленіямъ безконечными, однообразными рядами, только кое-гдѣ прерываемыми великолѣпнымъ питейнымъ домомъ, или унылой открытой площадкой, называемой, вѣроятно въ насмѣшку, лугомъ или выгономъ. По громадности пространства, которое она занимаетъ, и по своему безвыходному однообразію, топографія транспонтійской области способна привести захожаго путника въ отчаяніе.

Впрочемъ, Трефольденъ былъ слишкомъ хорошо знакомъ съ лондонскими трущобами и захолустьями, чтобы даже путаница подгородной топографіи могла привести его въ большое недоумѣніе. Онъ продолжалъ путь свой съ изумительнымъ инстинктомъ кровнаго лондонскаго жителя, и перейдя нѣсколько небольшихъ скверовъ, повернувъ въ нѣсколько проулковъ, вышелъ прямо въ бруднелеской террасѣ.

Терраса эта была невзрачная и скучная на видъ, выстроенная по дюжинному архитектурному образцу, специально примѣ-

ненному къ постройкамъ, назначеннымъ для мѣблированныхъ квартиръ; она поднималась футовъ на четыре выше уровня улицы и на нее можно было всходить съ обѣихъ концовъ по нѣсколькимъ полуразвалившимся каменнымъ ступенямъ. Она была обстроена двадцатью-четырьмя мрачными домами, въ восемь комнатъ каждый, и въ которомъ-нибудь изъ этихъ домовъ, въ какое угодно время года, ужь непременно происходила либо распродажа, либо переселеніе. Кромѣ неизбежнаго затасканнаго коврика на лѣстницахъ, тамъ же всегда можно было застать одну изъ неменѣе неизбежныхъ уличныхъ органовъ, изъ тѣхъ поистинѣ чудесныхъ органовъ, которыхъ такъ же невозможно заставить замолчать, какъ вопіющій къ небу голосъ крови. Одинъ изъ старожиловъ брьднельской террасы сознавался, что на его памяти не бывало того часа дня (исключая воскресенья), въ который бы какой-нибудь пармскій или лукскій сирота не терзалъ слухъ и душу злополучныхъ туземцевъ, съ безощадной добросовѣстностью отсчитывая весь свой репертуаръ отъ нумера перваго и до нумера двадцать-четвертаго. Въ ту минуту, впрочемъ, какъ мистеръ Трефольденъ постучался въ дверь дома, бывшаго цѣлью его путешествія, итальянскій сирота находился на другомъ концѣ террасы.

Неряшливая служанка, враждебной наружности, растворила дверь ровно на шесть вершковъ, и спросила мистера Трефольдена, чего ему нужно.

Джентльменъ отвѣтствовалъ, что желаетъ видѣть мистрисъ Ривьеръ.

— За дѣломъ, что ли? допрашивала дѣвушка, оборонительно заставляя дверь ногою.

Мистеръ Трефольденъ объяснилъ, что «за дѣломъ».

— Значитъ, вамъ *мисъ Риверсъ* нужно, ознакомились вы:— такъ бы и сказали.

Мистеръ Трефольденъ пытался пояснить, что онъ бы предпочелъ видѣть саму мистрисъ Ривьеръ, если она согласится принять его; но воинственная прислужница рѣшительно не допустила его даже изложить подобное требованіе.

— Мнѣ дѣла нѣтъ до вашихъ предпочтеній, объявила она гнѣвно:— сказано, мистрисъ Риверсъ вамъ не видать; коли мисъ Риверсъ не годится, можете убраться.

Оставалось уйти или войти въ цитадель на предписанныхъ условіяхъ: стращій предпочелъ послѣднее.

Его провели въ гостиную, очень бѣдно убранную. Окно было заставлено темнымъ экраномъ, и на столѣ, стоявшемъ около него, были разбросаны небольшія фотографіи и разныя принадлежно-

сти рисованія. Къ стѣпамъ были приколоты булавами три-четыре эскиза. На каминѣ стояли старинные бронзовые часы изящной заграничной работы; а въ дальнемъ углу комнаты, между каминомъ и окномъ, лицомъ къ стѣнѣ, были навалены цѣлый ворохъ старыхъ картинъ. Съ перваго же взгляда Трефольденъ отгадалъ значеніе этой обстановки. Онъ зналъ такъ же вѣрно, какъ будто ему сказали это сами хозяева, что часы и картины — послѣдство отъ бѣднаго Эдгара Ривьера, а маленькіе эскизы — произведеніе дочеря художника. То были только легкіе эскизы, почти одни абрисы съ кое-гдѣ набросанной краской, но въ нихъ сказывалась замѣчательно свободная и твердая кисть. На одномъ изъ нихъ былъ изображенъ обломокъ циклопической стѣны, завѣшанной ползучими растеніями; на другомъ — одинокая средне-вѣковая башня, съ несущимися надъ нею, причудливо изорванными грозовыми тучами; на третьемъ — группа кедровъ, опаленныхъ молніей, мрачно выдѣляясь на багровомъ фонѣ неба заката. На всѣхъ эскизахъ была та печать смѣлости, которая дается только творчеству, и всѣмъ имъ служили заднимъ планомъ тосканскіе холмы. Вильямъ Трефольденъ былъ порядочнымъ знатокомъ въ искусствѣ, и сразу увидѣлъ, что въ этихъ немногихъ небрежныхъ наброскахъ таится художническій гений.

Пока онъ еще разглядывалъ пейзажи, дверь беззвучно отворилась позади его, и близкій шелестъ женскаго платья далъ ему замѣтить, что онъ уже не одинъ. Онъ обернулся. Передъ нимъ, на подорогѣ отъ окна къ двери, стояла молодая дѣвушка, бѣдно одѣтая въ платье изъ какой-то дешевой черной матеріи, безъ всякаго украшенія, кромѣ узенькаго бѣлаго воротничка — существо до того нѣжное, воздушное, съ лицомъ такой прозрачной бѣлизны, такое, повидному, слабенькое и, если можно такъ сказать, хрупкое, что иностранціи въ первую минуту могъ только молча глядѣть на нее, какъ на какое нибудь дивное произведеніе искусства, къ которому опасно прикоснуться.

— Вы желали меня видѣть, сэръ? сказала она, слегка вспыхнувъ первую минуту, потому что Трефольденъ все еще молча смотрѣлъ на нее.

— Я желалъ бы видѣть мистрисъ Ривьеръ, отвѣчалъ онъ.

Молодая дѣвушка указала на стулъ.

— Мать моя больна, сказала она: — съ нею можно имѣть дѣло только черезъ меня. Не потрудитесь ли сѣсть.

Но Трефольденъ, вмѣсто того, чтобы сѣсть, подошелъ къ тому углу, гдѣ пыльные картины были навалены у стѣны, и сказалъ:

— Это, вѣроятно, картины вашего отца?

Все лицо дѣвушки просіяло при этомъ имени.

— Да, отвѣчала она съ живостью.—Вы знакомы съ его произведеніями!

Трефольденъ не сейчасъ отвѣчалъ на этотъ вопросъ: помолчавъ минуту, онъ взглянулъ на нее съ глубокимъ, почти нѣжнымъ участіемъ.

— Я знакомъ съ его произведеніями, сказалъ онъ наконецъ:— и съ нимъ самимъ я былъ знакомъ.

— Вы его знали? О! вы знали хорошаго человѣка, сэръ, если знали моего милаго, дорогого отца.

— Хорошаго человѣка — и хорошаго художника, добавилъ Трефольденъ.

На глазахъ ея мгновенно навернулись слезы.

— Да! еслибы только свѣтъ призналъ его! прошептала она.

Трефольденъ въ эту минуту думалъ, что никогда еще онъ не видалъ такихъ чудныхъ, трогательныхъ глазъ.

— Свѣтъ никогда не признавалъ своихъ избранныхъ геніевъ, возразилъ онъ:—до тѣхъ поръ, пока они не переходили за черту, доступную его зависти и хвалѣ. Но и для вашего отца настаетъ день справедливаго суда.

— Вы думаете? сказала она, невольно подходя къ нему нѣсколько ближе, и поднимая на него глаза, съ полуробкимъ, полудовѣрчивымъ взглядомъ дитяти.—Увы, я почти уже потеряла надежду.

— Никогда не теряйте надежды. Ничто на этомъ свѣтѣ такъ не шатко, какъ собственныя его сужденія; ничто не имѣетъ такого непреложнаго череда, какъ законъ воздаянія по достоинству, къ несчастью, лавровый вѣнокъ слишкомъ часто приносится на могилу.

— Гдѣ вы его знали? въ Италиі?

— Нѣтъ, въ Англии.

— Вы, можетъ быть, съ нимъ учились?

— Нѣтъ. Я искренній любитель искусствъ, отвѣчалъ Вильямъ:—но самъ не художникъ. Я глубоко уважалъ талантъ вашего отца, мисъ Ривверъ; это-то чувство и привело меня сюда. Я желалъ бы знать, которыя изъ его картинъ еще остались во владѣніи его семейства, и съ радостью приобрѣлъ бы нѣсколько изъ нихъ, если это будетъ мнѣ позволено.

По блѣдному лицу дѣвушки при этихъ словахъ пробѣжало выраженіе захватывающей духъ радости, но тотчасъ за нимъ еще болѣе глубокаго страданія.

— Надѣюсь, что я не сказалъ ничего такого, чтò могло бы быть вамъ непріятно? сказалъ Трефольденъ такъ же почтительно,

как будто нѣжное, слабое, молодое созданье, стоявшее передъ нимъ, было величавой принцесою, одѣтою въ золото и серебро.

— О, нѣтъ, нисколько! отвѣчала она дрожащимъ голосомъ: — мы будемъ очень рады... продать ихъ.

— Значить, вы разрѣшаете мнѣ взглянуть на нихъ?

— Я вамъ ихъ покажу.

Но мистеръ Трефольденъ не допустилъ мисъ Ривьеръ показывать ему картины. Онъ объявилъ, что онѣ слишкомъ тяжелы, слишкомъ пыльны; что, притомъ, онъ такъ радъ случаю видѣть ихъ, что никакой трудъ не сочтетъ беспокойствомъ для себя. Затѣмъ онъ просилъ позволенія составить съ окна экранъ, и тогда уже вытащилъ изъ угла первую картину, тщательно стеръ съ нея пыль собственнымъ своимъ чистымъ носовымъ платкомъ, и поставилъ ее въ лучшее освѣщеніе, какое можно было найти въ небольшой, тусклой комнатѣ.

— Это одна изъ послѣднихъ его картинъ, замѣтила дочь художника со вздохомъ.

Она изображала Аполлона и Даону: Аполлонъ стоялъ въ позѣ, выражающей отчаяніе, и очень напоминалъ господина въ любительскомъ спектаклѣ, тщательно вышколеннаго на древне-греческій ладъ и равнодушнаго къ своимъ ногамъ; Даона задорно выглядывала на него изъ-за листьевъ лавроваго куста. Нельзя было бы назвать эту картину тривиальною, или безусловно плохимъ произведеніемъ, но она отличалась всѣми худшими недостатками французской школы, не позаимствовавъ впрочемъ отъ нея ни смѣлости, ни силы; словомъ, она въ высшей степени отзывалась академической дюжинностью и поверхностностью.

Трефольденъ, хотя съ перваго взгляда оцѣнилъ картину покойнаго художника по достоинству, однакоже отошелъ на дальнѣйшій конецъ комнаты, заслонилъ глаза рукою какъ зонтомъ, и объявилъ, что это—прелестное произведеніе, полное поэзіи и классическаго чувства.

Затѣмъ на сцену явились Купидонъ и Психея, повидимому готовые отхватить *pas de deux*; Даная, наводняемая потоками желтой охры; Эдимионъ, почивающій очевидно на сценической свамбѣ, при свѣтѣ бумажнаго фонаря, изображающаго луну; Карагтакусъ въ присутствіи Клавдія; Діана и Каллисто, и штукъ двадцать другихъ картинъ, которыхъ достало бы для наполненія картинной галлерей умѣренныхъ размѣровъ, всѣ безъ исключенія фабрикованныя по одному и тому же образцу, представлявшія повтореніе однихъ и тѣхъ же избитыхъ сюжетовъ, всѣ одинаково безукоризненныя въ отношеніи соблюденія положенныхъ правилъ и одинаково посредственныя по концепціи и исполненію.

Мистеръ Трефольдспъ съ примѣрнымъ терпѣиємъ осмотрѣлъ всю коллекцію, развертывая тѣ изъ картинъ, которыя были безъ рамъ, и до мелочей исполняя принятую имъ на себя роль съ естественностью, превышающей всякую похвалу. Онъ долго останавливался на вымышленныхъ красотахъ, слегка задумывался надъ незначительными, будто бы, погрѣшностями, отъ времени до времени возвращался къ наиболее плѣнившимъ его картинамъ, словомъ—разыгралъ просвѣщеннаго дѣнителя въ такомъ совершенствѣ, что бѣдное дитя, слѣдившее за всякимъ движеніемъ, почти готово было пасть къ его ногамъ уже на половинѣ осмотра.

— Какъ бы она была счастлива, еслибы могла слышать васъ, сэръ! неоднократно повторяла она.—Никто никогда не оцѣнилъ его таланта такъ, какъ вы!

На что Трефольденъ только отвѣчалъ, топомъ задушевнаго участія: «очень жаль».

Наконецъ онъ отобралъ четыре изъ наименѣе плохихъ картинъ, и освѣдомился, на какихъ условіяхъ онъ можетъ имѣть удовольствіе превратить ихъ въ свою собственность?

За рѣшеніемъ этого вопроса мисъ Ривьеръ обратилась къ своей матери, но кончилось тѣмъ, что мистера Трефольдена просили самого назначить имъ цѣну.

— Вы меня однако ставите въ весьма затруднительное положеніе, сказалъ онъ. — Чтѣ, если я предложу слишкомъ малую сумму?

— Этого мы не боимся, отвѣчала молодая дѣвушка съ робкой улыбкой.

— Вы слишкомъ добры; но... дѣло въ томъ, что я имѣю въ виду приобрести еще нѣсколько изъ этихъ картинъ, — можетъ быть, даже всѣ, если мистрисъ Ривьеръ рѣшится разстаться съ ними.

— Всѣ! повторила она съ зампрающимъ дыханіемъ.

— Теперь еще не могу сказать навѣрно, но это весьма вѣроятно.

Мисъ Ривьеръ взглянула на Трефольдена съ удивленіемъ и какимъ-то набожнымъ страхомъ. Она начинала думать, что онъ, должно быть, какой нибудь значительный коллекціонеръ — чего добраго, самъ Ротшильдъ.

— Покуда же, продолжалъ онъ: — такъ-какъ это еще только мое первое приобретение, я долженъ удержаться въ самыхъ умеренныхъ предѣлахъ. За эти четыре картины мнѣ неудобно было бы предложить болѣе двухсотъ фунтовъ.

Двѣсти фунтовъ! Слово самъ Пактоль обратилъ теченіе

свое на убогую гостиную и наводнилъ ее золотыми волнами! Мисъ Ривьеръ съ трудомъ вѣрпла въ дѣйствительное, наличное существованіе такой баснословной суммы.

— Надѣюсь, вы не примете мое предложеніе за непризнаніе стопности картинъ, сказала страпчій.

— Чго вы! какъ это можно!

— Не потрудитесь ли освѣдомиться, согласна ли будетъ мистрисъ Ривьеръ?

— Ибтъ, благодарю; я... я... вполне увѣрена... ваша щедрость такъ велика, что...

— Прошу васъ, не стыдите меня подобными словами, сказалъ Трефольденъ, съ легкимъ отклоняющимъ движеніемъ, которое удивительно шло къ его красивой рукѣ:—скажите лучше, мое чувство справедливости, или, вѣрнѣе, способность цѣнить превосходство.

Съ этими словами онъ вынулъ изъ бумажника небольшую пачку ассигнацій, и положилъ на столъ.

— Надѣюсь, что мнѣ будетъ дозволено засвидѣтельствовать мое почтеніе мистрисъ Ривьеръ въ первый же разъ, какъ я опять заѣду, сказала она:—она, быть можетъ, не откажетъ въ этомъ человѣку, знавшему мужа ея въ молодости.

— Я увѣрена, что мамâ сочтетъ за счастье... пролепетала мисъ Ривьеръ.—Здоровье ея очень слабо, но я знаю, что она въ этомъ случаѣ сдѣлаетъ надъ собою усиліе, если только будетъ малѣйшая возможность. Мы... мы скоро возвращаемся въ Италію.

И глаза ея невольно остановились на пачкѣ ассигнацій.

— Однако же не очень скоро, надѣюсь? не на этихъ же дняхъ?

— Разумѣется, еще не на этихъ дняхъ, отвѣчала она со вздохомъ.—Чтобы предпринять путешествіе, нужно подождать, пока мама хоть нѣсколько поправится здоровьемъ.

Трефольденъ, вѣжливо и съ участіемъ, сдѣлалъ еще нѣсколько вопросовъ; совѣтовалъ обратиться къ какому-то знаменитому мѣдику; замѣтилъ, что больной могло бы быть полезно временное пребываніе въ Сиденгамъ или Норвудъ, и въ заключеніе просилъ молодую дѣвушку призвать воинственной служанкѣ привести извозчика для перевозки прибрѣтенныхъ имъ сокровищъ. Затѣмъ онъ распростился, съ увѣреніемъ, что въ самомъ скоромъ времени снова заѣдетъ, чтобы вторично пересмотрѣть остальные картины.

Дверь не успѣла за нимъ затвориться, какъ мисъ Ривьеръ влетѣла къ комнатѣ матери съ ассигнаціями въ рукахъ.

— О, мама, мама! воскликнула она, бросаясь на колѣни подлѣ

кресель больной, и рыдая отъ радости:—онъ взялъ четыре изъ картинъ наца, и далъ за нихъ... ну, какъ бы ты думала, сколько?... двѣсти фунтовъ! двѣсти фунтовъ новенькими, настоящими банковыми билетами! вотъ они! Пощупай-ка ихъ — посмотри! Двѣсти фунтовъ! Голубушка моя! На эти деньги тебя пять разъ можно свозить въ Италію.

XIV.

МАРШРУТЪ ПО УКАЗАТЕЛЮ БРАДШО.

Вильямъ Трефольденъ сидѣлъ одинъ въ своемъ кабинетѣ, въ пасмурномъ настроеніи духа, опершись локтями на конторку, и закрывъ лицо руками. Передъ нимъ лежала дѣловая бумага, непрочитанная и даже неразвернутая. Направо отъ него лежала цѣлая кипа писемъ съ нетронутыми печатами. Погруженный въ глубокую думу, онъ еще не принялся за свои дневныя занятія, хотя уже болѣе часа сидѣлъ въ своей конторѣ, въ Чансери-Ленъ.

Его размышленія были прерваны легкимъ стукомъ въ дверь, а вслѣдъ за стукомъ явился мистеръ Кэввичъ. Странціи сѣрдито вскопчалъ.

— За какимъ чортомъ вы такъ подградываетесь? крикнулъ онъ:—чего вамъ надо?

— Извините, сэръ, отвѣчалъ старшій конторщикъ, быстро окинувъ взглядомъ груды нераспечатанныхъ писемъ и неразвернутую бумагу:—разсылный дожидается вѣрности Виллиса и Барло, а вы мнѣ велѣли прочитать ее вамъ прежде чѣмъ отдать.

Трефольденъ нетерпѣливо вздохнулъ, откинулся на спинку стула и велѣлъ конторщику читать; почтенный господинъ провелъ рукою по губамъ и началъ какъ слѣдуетъ:

«Снимъ доводимъ до свѣдѣнія всѣхъ и каждаго, что мы, нижепоименованные Томасъ Виллисъ, живущій въ номерѣ четырнадцатомъ, въ чарлькотскомъ северѣ, что въ рокстонскомъ приходѣ, что въ мидльсекскомъ графствѣ, и Джонъ Барло, живущій въ оклейской виллѣ, что въ бромптонскомъ приходѣ, что въ мидльсекскомъ графствѣ, эскайръ, совокупно и каждый отдѣльно, состоимъ должны Эбenezеру Фостеру и Роберту Кромптону изъ Корнгилля, живущимъ въ приходѣ св. Петра, что въ Корнгиллѣ, что въ мидльсекскомъ графствѣ, банкирамъ и товарищамъ по предпріятію, сумму пять тысячъ фунтовъ, ходячими британскими деньгами, которую и обязуемся уплатить вышеупомянутымъ Эбenezеру Фостеру и Роберту Кромптону, ихъ повѣреннымъ админи-

страторамъ и другимъ назначеннымъ ими лицамъ, или же законно ими уполномоченному адвокату или адвокатамъ, которуу уплату исправно и безпрекословно прозвести крѣпко обязуемса, совокупно и каждый порознь, за себя и за нашихъ наслѣдниковъ, равно какъ и за нашихъ душепривашиковъ и администраторовъ, въ чемъ и свидѣтельствуемъ самъ съ приложеніемъ нашихъ печатей».—Число я оставилъ непомяченнымъ, сэръ, не зная, когда будетъ подписанъ актъ.

— Прекрасно, сказалъ Трефольденъ, разсѣянно. — Продолжайте.

Конторщикъ продолжалъ тѣмъ же протѣжнымъ, однообразнымъ тономъ, переходя отъ параграфа къ параграфу, отъ одного условія къ другому, пока не дошелъ до заключенія: «тогда и въ таковомъ случаѣ вышесказанная письменная крѣпость или обязательство сдѣлается недействительной и потеряетъ всякое значеніе, или же сохранить полную силу, значеніе и обязательность», и прочитавъ послѣднее слово, остановился какъ вкопанный.

Трефольденъ вторично произнесъ:

— Продолжайте.

Кэквичъ лукаво усмѣхнулся.

— Я кончилъ, сэръ, сказалъ онъ.

— Кончили?

— Да, сэръ. Мнѣ съ самаго начала показалось, что вы не очень внимательно слѣдили за чтеніемъ. Приважете перечестъ съ начала?

Трефольденъ закусилъ губу.

— Не трудитесь, сказалъ онъ рѣзко.—Вашъ голосъ и чтеніе хоть кого усыпятъ. Оставьте мнѣ бумагу, я самъ просмотрю.

Съ этими словами онъ вырвалъ бумагу изъ рукъ конторщика, указалъ ему на дверь, и принудилъ себя прочестъ докучливый документъ отъ строчки до строчки.

Затѣмъ, отправивъ бумагу съ разсылнымъ, онъ снова опустился на свое всегдашнее мѣсто, и машинально принялся сортировать свою дневную корреспонденцію. Но именно только машинально, потому что, хотя онъ и началъ съ верхняго письма, и держалъ его раскрытымъ передъ собою лѣвой рукою, правой заслоня глаза отъ свѣта, не въ мысляхъ у него было что-то такое, чтó дѣлало смыслъ словъ столько же неуволнимымъ для него, какъ будто передъ нимъ лежала бѣлая страница.

Болѣе десяти минутъ сидѣлъ Вильямъ Трефольденъ, съ глазами, безмысленно уставленными въ развернутое письмо, потомъ вдругъ смялъ его въ комокъ, швырнулъ отъ себя на столъ, и, поспѣшно оттолкнувъ назадъ стулъ, на которомъ сидѣлъ, вско-

чплъ п зашагаль по компатѣ, съ громеннѣмъ восклицаніемъ: «какой же я дуриктъ!»

То быстро, то медленно, то вдругъ останавливаясь на цѣлую минуту, стращій около часа продолжалъ прохаживаться отъ двери въ оупу п обратно, думая крѣбую думу.

О чемъ?

О жещицѣ.

Онъ едва могъ довести себя до признанія самому себѣ въ собственныхъ своихъ сокровенныхъ мысляхъ; по фактъ существовалъ; уклоняться отъ него, игнорировать его не было никакой возможности: Вильямъ Трефольденъ въ первый разъ въ жизни былъ влюбленъ—влюбленъ страстно, окончательно.

Да, въ первый разъ. Ему было тридцать-восемь лѣтъ отроду, п пп разу еще въ жизни не приходилось ему ощущать того, что ощущалъ онъ теперь. Онъ никогда еще не испыталъ, что такое значить жить подъ гнетомъ одной псключительно властвующей пдеп. Онъ не былъ хорошимъ человекомъ. Онъ былъ беззащитивъ до безсовѣстности п до глубины души эгоистъ. Это былъ человекъ съ тонко развитымъ вкусомъ, холоднымъ сердцемъ п желѣзной волею; человекъ, поставившій себѣ единственной цѣлью въ жизни удовлетвореніе своихъ страстей п прихотей, п готовый трудиться для достиженія этой цѣли такъ же упорно п неуклонно, какъ трудятся другіе люди изъ-за чести, свободы или спасенія души; человекъ, не признававшій никакого закона, кромѣ собственной воли, никакой узды—кромѣ собственнаго разсудка.

До настоящей поры онъ смотрѣлъ на любовь какъ на прихоть, на дѣло вкуса, а на жещицѣ—какъ на нѣчто подходящее подъ рубрику разныхъ житейскихъ роскошей, какъ-то: богатыхъ впадъ, хорошихъ книгъ, цѣнныхъ картинъ, дорогихъ лошадей. Онъ въ нихъ видѣлъ одно изъ наслажденій жизни, обходящееся не черезчуръ дороже другихъ удовольствій, только стоящее больше хлопотъ; куклы, которыхъ слѣдуетъ нарядать, на томъ же основаніи, на какомъ книги слѣдуетъ отдѣлывать въ красивый переплетъ, а картины въ красивые рамы; онъ считалъ, впрочемъ, что кромѣ того съ ними, какъ п лошадьми, слѣдуетъ обращаться хорошо, но что п мѣнять ихъ должно, какъ лошадей же, смотря по надобности или прихоти.

Таковы были правила Вильяма Трефольдена въ теоріи п—чего грѣха тавтъ—на практикѣ. Онъ не былъ ни игрокомъ, ни скупцомъ, ни ростовщикомъ. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ зловредныхъ явленій природы, которыя можно назвать людьми съ холоднымъ сердцемъ п горячимъ воображеніемъ—онъ былъ утонченный сластолюбедъ.

Въ этомъ-то и заключалась та заповѣдная тайна, которую онъ столько лѣтъ такъ ревностно охранялъ. Онъ любилъ пышность, роскошь, наслажденіе во всякомъ видѣ; любилъ изящную обстановку, хорошо сервированный столъ, хорошо выдрессированныхъ слугъ, музыку, живопись, чтеніе, хорошія вина, прекрасныя женскія глаза, душистый табакъ. Чтобы пользоваться всѣмъ этимъ, онъ трудился хуже бѣднѣйшаго писца, находившагося у него на жаловань; пренебрегалъ опасностями, рисковалъ честью; и что же? — теперь, когда уже въ рукахъ у него всѣ карты, на которыя онъ поставилъ всю свою жизнь — теперь, въ минуту полного успѣха, этотъ страшный человекъ вдругъ открываетъ, что есть на свѣтѣ такое сокровище, за которое онъ съ радостью бы отдалъ всѣ остальные свои сокровища — плн, вѣрнѣе, безъ котораго обладаніе всѣми остальными сокровищами не имѣетъ для него болѣе никакой цѣны.

И что же это за сокровище? Только дѣвочка! Только блѣдненькая, хорошенькая, темноволосая дѣвочка, съ большими, робкими глазами и тихимъ голоскомъ, съ нѣжнымъ румянцемъ, то вспыхивающимъ, то угасающимъ на щекахъ ея, каждый разъ, какъ она говоритъ; дѣвочка, въ жилахъ которой течетъ древняя кровь, по всему существу которой разлита какая-то дѣтская чистота, съ перваго взгляда говорящая, что къ ней не можетъ быть другаго приступа, кромѣ благоговѣйной почительности; что приручить ея, плн даже овладѣть ею, нелегко и не всякому дастся — дѣвочка, которую, будь она въ нищетѣ, такъ же невозможно купить какъ игрушку, какъ невозможно деньгами снанивать съ неба ангела.

Не безуміемъ ли было со стороны Вильяма Трефольдена любить такую дѣвушку, какъ Геленъ Ривьеръ? Онъ зналъ, что это безуміе; тайное чутье говорило ему, что любовь эта можетъ быть погибелью для него. Онъ боролся противъ нея, отбивался отъ нея — заваливалъ себя работою — все напрасно. Онъ уже не былъ властенъ надъ своими мыслями. Читалъ ли онъ — слова не имѣли для него никакого значенія; слышалъ ли онъ мыслить — умъ его не повиновался ему; спалъ ли онъ — это дѣтское личико смущало его сонъ, терзало его страстными, отчаянными порывами. Въ первый разъ въ жизни видѣлъ онъ себя во власти такой силы, противъ которой не было возможности устоять. Было отъ чего безпокойно метаться ему по тѣсной комнатѣ, физически и нравственно разстроенному! Было отъ чего проклинать свою судьбу, свое безуміе, рваться и бѣситься на цѣпи, которой онъ былъ не въ силахъ разорвать! Не разъ, втеченіе его разнузданной жизни, онъ познавалъ сильныя порывы, бѣшенныя страсти, пыкія

желанія, но никогда, до сей минуты, не испыталъ онъ такого желанія, такой страсти, которыя были бы сильнѣе его несокрушимой воли.

Душа Абеля Кэквича, между тѣмъ, тоже пришла въ мятелное состояніе. Чуткое его ухо ловило каждый звукъ, доходившій изъ кабинета, и болѣе чѣмъ когда либо въ немъ утвердилось убѣжденіе, что «гдѣ нибудь что нибудь да неладно». Мистеръ Трефольденъ еще не распечатывалъ своихъ писемъ; мистеръ Трефольденъ не слыхалъ ни одного слова изъ важнаго документа, который онъ, Абель Кэквичъ, несмотря на свою отдышку, съ щепетильной старательностью прочелъ ему вслухъ отъ доски до доски. Этого мало. Мистеръ Трефольденъ имѣлъ блѣдный, тревожный видъ человѣка, неспавшаго всю ночь, и очевидно чѣмъ-то сильно разстроеннаго. Многозначительные факты; явленія мучительныя для наблюдателя и ставящія его въ тупикъ; и напрасно Кэквичъ напрягалъ всю свою находчивость, чтобы удовлетворительно объяснить ихъ себѣ.

Его умственная работа была прервана самимъ Трефольденомъ, который, будучи ожидаемъ въ Темплѣ къ половницѣ перваго, вышелъ изъ своего кабинета, и обводя глазами контору, сказалъ:

— Гдѣ тѣ картины, что я привезъ на дняхъ?

Кэквичъ заложилъ перо за ухо и кашлянулъ, прежде чѣмъ отвѣтилъ:

— Въ швапу за дверью, сэръ. Я поставилъ туда ихъ—съ глазъ долой.

Трефольденъ ѳтворилъ швапу, чтобы убѣдиться, тамъ ли картины, и послѣ минутнаго запинанія сказалъ:

— Я взялъ ихъ въ уплату отъ должника, съ котораго нечего ждать денегъ, но онѣ мнѣ нигуда негодны. Коли хотите, Кэквичъ, можете взять ихъ себѣ.

— Я, сэръ! воскликнулъ старшій конторщикъ, тономъ добродѣтельнаго ужаса.—Нѣтъ, сэръ, благодарю. Не нужно мнѣ вашихъ языческихъ Венеръ. Мнѣ стыдно было бы развѣснить ихъ у себя по стѣнамъ.

— Какъ хотите. Кому приглянутся—пусть возьметъ.

Съ этими словами Трефольденъ вышелъ съ нѣскольکو презрительной важностью, предоставляя своимъ писцамъ рѣшить вопросъ между собою. Картины, разумѣется, тотчасъ же были разобраны и сдѣлались предметомъ двусмысленнаго пересмѣиванія и самыхъ плоскихъ остротъ. Въ это время старшій конторщикъ воспользовался какимъ-то предлогомъ, чтобы отправиться въ кабинетъ хозяина, и учинилъ въ немъ быстрый обыскъ, въ надеждѣ напасть на что нибудь, что облегчило бы его догадки.

Тщетная надежда. Сотни разъ уже Кэввичъ занимался подобными обысками и никогда ни на что не нападалъ, кромѣ развѣ недотлѣвшихъ влочкивъ бумаги въ каминѣ. Но его природѣ свойственно было ничѣмъ непреодолимое упорство. При настоящемъ случаѣ онъ перешарилъ на столѣ всѣ бумаги, приподнялъ крышку конторки, заглянулъ между листами бювара и перебралъ тѣ ящики письменнаго стола, въ которыхъ стряпчій держалъ свои канцелярскія принадлежности. Тутъ онъ нашелъ только одинъ непривычный предметъ: старый экземпляръ «Указателя» Брадшо за мартъ мѣсяць.

— Сегодня утромъ этого не было тутъ, задумчиво проговорилъ сыщикъ-двлеттантъ, вынимая книгу, и съ любопытствомъ перелистывая ее. — Это тотъ самый, съ которымъ онъ ѣздилъ въ Швейцарію—и страница еще та же загнута.

Но вдругъ Кэввичъ испустилъ сдержанное восклицаніе: страница была загнута на самой серединѣ итальянскаго маршрута.

— Лукка—Магадино—Мантуя—Ментоне—Миланъ.

Что могло быть общаго у Вильяма Трефольдена съ Луккою, Магадино, Мантуей, Ментоне и Миланомъ? Была ли малѣйшая вѣроятность, чтобы которое нибудь изъ этихъ мѣстъ имѣло какую бы то ни было связь съ его настоящей встревоженностью и задумчивостью?

Конторщикъ пришелъ въ окончательное недоумѣніе. Но такъ-какъ во всей остальной книгѣ онъ не нашелъ ни малѣйшаго указанія, то онъ возвратился къ своей конторкѣ и усердно принялся за изученіе финансовыхъ столбцовъ *Times*.

Недоумѣніе его было бы еще болѣе глубоко, еслибы онъ въ эту минуту могъ видѣть, какъ Вильямъ Трефольденъ стоялъ, облокотившись на перила Темплъ-Гардена, и праздно глядѣлъ на теченіе рѣки, все съ тѣмъ же полувостомленнымъ, полудосадливымъ выраженіемъ на лицѣ. Было ровно часъ пополудни—самый тихій, пустынный часъ изъ всего дня въ этихъ сѣверахъ, сборномъ мѣстѣ кормилицъ и навекъ — и стряпчему никто не мѣшалъ. Сонная тишина царствовала въ старыхъ садахъ. Ни на одномъ деревѣ ни одинъ листъ не шевелился; ни одинъ звукъ не нарушалъ монастырскаго безмолвія. Самое небо глядѣло какъ-то сѣро и однообразно, неоживленное ни солнечнымъ лучомъ, ни несущейся мимо тучей. Только какая-то барка лѣниво проскользнула внизъ по теченію, да издали, съ многолюдныхъ улицъ и мостовъ, поднимался тотъ неясный городской гулъ, который такъ рѣзко отличается отъ всякаго другого звука, съ каковымъ только знакомо человѣческое ухо.

Деньбылъ сонный, и мѣсто было сонное, и Трефольденъ по-

видяному тоже былъ какъ будто сонный. Но можно быть соннымъ снаружи, и бодрствовать въ душѣ; такъ и солидность Трефольдена была только внѣшняя. Подъ угрюмо-сиоковойной его наружностью, бушевало цѣлое море сомнѣній и лихорадочныхъ порывовъ. Планъ за планомъ, рѣшеніе за рѣшеніемъ поднималось какъ пузыри къ поверхности его мыслей — поднимались, лопались, исчезали, и уступали мѣсто другимъ. Такъ прошелъ часъ, и когда съ ближайшихъ церквей пробило два часа, Трефольденъ отряхнулся съ видомъ человѣка, рѣшившагося наконецъ на что нибудь, и вышелъ изъ сада. Онъ дѣйствительно рѣшился: рѣшился не видѣться болѣе съ Геленъ Ривьеръ, и такъ...

Итакъ, еще не доходя до воротъ Сомерсет-Гоуза, онъ взглянулъ извоища и велѣлъ везти себя въ Камбервелль на бруднельскую террасу.

Кэвичъ, этимъ временемъ, внимательно изучивъ послѣдній курсъ всевозможныхъ банковскихъ, телеграфныхъ, поземельныхъ обществъ и итальянскихъ желѣзныхъ дорогъ, былъ въ полной увѣренности, что добрался до причины встревоженности его патрона, прочитавъ, что шестипроцентные билеты большого миланскаго займа спустились на шестнадцать съ половиною процентовъ, по официальнымъ извѣстіямъ.

XV.

Гѣленъ Ривьеръ.

Рожденная и выросшая въ верхнемъ этажѣ мрачнаго стариннаго дома, находящагося въ еще болѣе мрачномъ переулкѣ Флоренціи, Геленъ Ривьеръ провела дѣтство свое въ уединеніи, почти столько же отдаленномъ отъ суетливой толкотни и давки всеневной жизни, какъ будто она росла въ горной деревушкѣ, повисшей гдѣ нибудь въ ущельѣ между небомъ и землею. Вся обстановка ея домашней жизни выходила изъ обыкновеннаго ряда. Она совсѣмъ не знала дѣтскихъ пріязней и весьма мало дѣтскихъ радостей. На ея долю никогда не выпадали ни праздничныя прогулки на просторѣ зеленыхъ полей и виноградниковъ, ни веселое школьное соревнованіе, ни ранняя, пылкая дружба. Мать ея была единственнымъ ея другомъ, наставникомъ и товарищемъ. Плоская кровля дома, образующая открытую террасу, обставленную апельсиновыми и миртовыми деревьями въ кадкахъ, настурціями и резедой въ ящикахъ, была единственнымъ мѣстомъ ея игры. Оттуда любовалась она жгучими закатами, оттуда смотрѣла

внизъ на соборъ и колокольню, на людныя улицы и средневѣковыя дворцы. Этотъ вертикальный видъ на чудный древній городъ, да смутныя отголоски его жизни, долетавшіе до ея подобнаго жилища—вотъ все почти, чтó знала Геленъ о Флоренціи. Только изрѣдка, черезъ долгіе промежутки, она съ отцомъ или матерью сходила въ этотъ міръ, и нѣсколько часовъ блуждала по улицамъ и площадямъ, величаво украшеннымъ статуями и фонтанами, или по галереямъ, населеннымъ свѣтлыми лицами мадоннъ и ангеловъ, словно преддверья неба; но подобный праздникъ давался ей очень рѣдко.

При всемъ томъ, однако, дѣвочка всю жизнь, такъ-сказать, дышала въ атмосферѣ искусства. Она не помнила того времени, когда ей не были знакомы его фразеологія и принадлежности. Тускло освѣщенный *studio* ея отца, пропитанный запахомъ масляныхъ красокъ и лака, заваленный картинами, заставленный гипсовыми слѣпками, самъ отецъ ея, въ своей замазанной блузѣ и бархатной ермоликѣ, годъ за годомъ съ неохладимымъ увлеченіемъ творившій своихъ никогда несбываемыхъ нимфъ и дриадъ, манкенъ, съ его драпировкой, ободранные *studenti*, съ ихъ длинными волосами и художническимъ жаргономъ, заходившіе въ сумерки выкурить дешевую сигару на террасообразной кровлѣ дома и поораторствовать объ искусствѣ и свободѣ, незамѣтно приобретаемая и обратившаяся въ привычку наблюдательность, и собственная, врожденная ей страсть къ красотѣ формы и колорита—все это вмѣстѣ, съ самаго ранняго дѣтства, способствовала къ образованію ея наклонностей и развитію ея вкуса. Еще будучи крошечнымъ ребѣнкомъ, она царапала карандашомъ всякія фигуры, пока отецъ ея не сталъ преподавать ей основныя начала рисованія. Впослѣдствіи, по мѣрѣ того, какъ она подросла и набивала руку, она стала раскрашивать въ продажу гравюры и фотографіи, и за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти отца, начала учиться живописи на эмали.

Такимъ образомъ эта дѣвочка провела всѣ годы своего одинокаго отрочества, отрѣзанная отъ общей жизни въ самомъ центрѣ древняго города, глядя съ своей воздушной высоты на далекую, чуждую ей толпу, тѣснившуюся на улицахъ и площадяхъ, слѣдя за золотистымъ мерцаніемъ угасающихъ вечернихъ лучей, когда они скользили по стройной колокольнѣ Джотто и закопѣлому вѣвкамъ куполу Брунеллески; прислушиваясь къ гармоническимъ переливамъ колокольнаго звона, сзывавшаго къ утренней и вечерней молитвѣ Ave Maria, и изрѣдко ловя слабше отзвуки хоровыхъ церковныхъ напѣвовъ или военнаго марша; съ каждымъ днемъ болѣе сродняясь съ неизреченными красотами итальянскими.

анскаго неба, почти не читая книгъ, почти не видя новыхъ лицъ, въ такомъ же невѣдѣніи о жизни и свѣтѣ, какъ любая затворница-монахиня. И все же то были счастливые годы, вопреки — а можетъ быть, и по причинѣ — этого одиночества. Имѣя такъ мало связей, такъ мало развлеченій, такъ мало занятій, она получила характеръ, въ которомъ сказывался какой-то твердый внутренній закалъ; она сосредоточилась болѣе другихъ дѣвушекъ, ея дѣтъ. Мать она любила страстной привязанностью, выражавшейся безграничною покорностью и нѣжностью. Отца она чтла и удивлялась ему съ такой слѣпой вѣрой въ его геній, что, несмотря на собственное чутье и знанія, она вѣровала даже въ его нимфъ и дриадъ со всѣмъ увлеченіемъ своего нѣжнаго сердца. Если кругъ чтеній ея былъ необширенъ, за то онъ былъ богатъ внутреннимъ содержаніемъ. Библиотека ея почти ограничивалась сочиненіями Шекспира, Мильтона, Данте и библіею; но эти книги она читала и перечитывала безъ конца, много за ними передумала, хранила отрывки изъ нихъ въ своей памяти, и изъ страницъ ихъ заимствовала больше познаній, пониманія и поэзіи, чѣмъ почерпнула бы во всѣхъ полкахъ какой нибудь современной библіотеки для чтенія. Этимъ еще не ограничивались преимущества ея уединенной жизни. Никогда не бывъ знакома съ богатствомъ, она была бѣдна, не сознавая чѣмъ такое бѣдность, точно такъ же какъ была чиста, потому что не вѣдала зла, какъ была счастлива, потому что не желала тѣхъ благъ, которыхъ не имѣла.

Но настало наконецъ время, когда это непричудливое домашнее счастье превратилось въ горе и печаль. Обманутый въ надеждахъ живописецъ заболѣлъ и умеръ, оставя жену и дочь на холодное попеченіе леди Кастельтауерсъ. Не въ добрый часъ рѣшилась вдова возвратиться въ Англію, думая этимъ умплоститъ свою гордую сестру, и сдѣлать пользу дочери: леди Кастельтауерсъ отказала ей въ свиданіи, а несчастная англійская зима поразила ея безъ того уже слабыя легкія, и почти довела ее до края гроба; и вотъ почему Геленъ Ривьеръ рѣшилась ѣхать въ Кастельтауерсъ и просить у тетки незначительнаго вспоможенія, которое бы дало ей возможность еще во время возвратиться съ матерью на родной югъ.

Въ эту-то критическую минуту, словно принцъ въ сказкѣ, мистеръ Трефольденъ явился въ ихъ мрачное лондонское жилище, и принесъ имъ надежду и свободу въ видѣ Саксенова золота. Пусть все рассказанное имъ — вымыселъ, рассуждалъ онъ: пусть онъ никогда не знавалъ Эдгара Ривьера, пусть онъ презираетъ картины, такъ восторженно имъ восхваляемыя — имъ этого не уз-

нать никогда. Могли ли вдова и сирота подозрѣвать, что просвѣщенный цѣнитель искусства, щедрый покровитель, безкорыстный другъ, какими онъ имъ явился, покупаетъ право свое на эти названія чужими деньгами?

XVI.

САХОН-СОМКУЭСТОВ.

Саксенъ Трефольденъ писалъ письма у открытаго окна своей хорошенькой спальни въ Кастельтауерсѣ, и мгновенно прервавъ свое занатіе, положилъ перо на столъ, и задумчиво поглядѣлъ на небо и деревья. Видъ на паркъ съ этого мѣста былъ необширенъ, но простирался на веселую, освѣщенную солнцемъ зелень, и вдыхалъ въ себя мягкій вѣтерокъ, откуда-то издалека приносившій ему запахъ свѣжаго, скошеннаго сѣна, молодой человѣкъ перенесся въ свою сельскую горную родину.

Ему казалось, будто онъ глядѣлъ изъ брошечнаго огорода въ Ротцбергъ и видѣлъ, какъ мрачныя, зубчатые хребты Рингеля выступаютъ на темно-синемъ небѣ; какъ нѣжно ложатся тѣни въ свѣжныхъ сугробахъ ущелій Галанда; какъ искрятся на солнцѣ бѣлые скаты далекихъ юлійскихъ Альпъ. Онъ явственно слышалъ, какъ, тихо звеня, переливаются колокольчики козьихъ стадъ подъ сердитый гудъ Рейна въ его глубокой ложбинѣ; какъ съ глухимъ грохотомъ валятся сосны подъ мѣрными ударами топора дровосѣка... Онъ вздохнулъ, и возвратился къ своей конторкѣ.

На столѣ съ одной стороны лежала цѣлая груда торопливо начерченныхъ записокъ къ его лондонскимъ знакомымъ и поставщикамъ, готовыя къ отправленію; теперь же онъ писалъ длинное письмо къ дядѣ Мартину—длинное-предлинное посланіе, полное всякихъ новостей, надеждъ, свѣтлыхъ плановъ, нанизанное самымъ мельчайшимъ и убористымъ почеркомъ. Много уже было написано, но письмо еще не было кончено, и не должно было быть dokonчено до слѣдующаго утра. Ему нужно было еще кое-что приписать, и это-то *кое-что*, что не могло еще быть приписано теперь же, немало смущало его, пока онъ сидѣлъ съ перомъ въ рукахъ, разсѣянно слѣдя за тѣнью облаковъ, плавно несущихся надъ ландшафтомъ.

Онъ рѣшился сдѣлать предложеніе Олимпіи Колоннѣ.

Тысячу разъ твердилъ онъ себѣ, что человѣкъ, который осмѣлится домогаться ея руки, долженъ быть принцемъ, героемъ, воякомъ, или, по самой меньшей мѣрѣ, пламеннымъ патриотомъ; и однакоже, какъ ни скромно цѣнилъ онъ собственныя свои достоян-

ства, онъ не могъ сомнѣваться въ томъ, что предложеніе его будетъ принято, лишь только у него хватить духа сдѣлать его. Леди Кастельтауерсъ, въ послѣднее время относившаяся къ нему съ особенно снисходительнымъ участіемъ, не разъ позволяла себѣ лестные для него намеки, съ цѣлью ободрить его и побудить къ объясненію. Обращеніе съ нимъ самаго Колонны, съ того дня, какъ онъ подписался на такую баснословную сумму, было почти вызывающе-дружеское, а въ улыбкахъ Олимпіи онъ читалъ явное поощреніе. Не разъ уже у него почти срывалось признаніе; и вотъ наконецъ, въ послѣднюю недѣлю своего пребыванія въ Кастельтауерсѣ, онъ, обдумавъ свое положеніе, дошелъ до того, что рѣшился сдѣлать мисъ Колоннѣ предложеніе въ этотъ самый день.

— Если она меня не любитъ, размышлялъ онъ почти вслухъ, покусывая перо и уставивъ глаза на недописанную страницу:—она такъ и скажетъ, и дѣло съ концомъ. Если же любитъ—только, не знаю почему, что-то не вѣрится!—что же, тогда, хотя она и миллионъ разъ слишкомъ хороша, прекрасна и знатна для такого неотесаннаго медвѣдя, какъ я, тогда я, съ божьей помощью, постараюсь быть достойнымъ ея выбора.

Затѣмъ онъ началъ припоминать всѣ упительные улыбки и взгляды, съ которыми Олимпія принимала его неуклюжее поклоненіе; и чѣмъ болѣе онъ обо всемъ этомъ думалъ, тѣмъ болѣе убѣждался въ дѣйствительности оказываемаго ему отличія и не могъ надивиться своему счастью.

Однако, странное дѣло, онъ вовсе не былъ виѣ себя отъ восторга, сознавая это счастье; вѣроятно, если сказать всю правду, потому, что не былъ очень сильно влюбленъ. Онъ питалъ къ Олимпіи Колоннѣ глубокое удивленіе, считалъ ее прелестнѣйшей и благороднѣйшей женщиной на лицѣ земли; но, при всемъ томъ, не чувствовалъ къ ней той беззавѣтной, страстной, нѣжной симпатіи, которая была мечтою его юности. Даже въ настоящую минуту, когда онъ вполне находился подъ чарами ея вліянія, онъ какъ-то смутно сознавалъ отсутствіе этого чувства. Даже теперь, въ самую минуту ожидаемаго торжества, когда сердце его мятено билось при мысли назвать ее своею, онъ невольно задумывался о томъ, сможетъ ли онъ дать ей счастье, полюбить ли она дядю Мартина, всегда ли она будетъ такъ же поглощена, какъ теперь, итальянской политикою!

На этомъ мѣстѣ его внутреннего монолога, онъ былъ прерванъ легкимъ стукомъ въ дверь, и голосомъ, который спрашивалъ «позволяется ли войти?»

— Тебѣ—всегда, отвѣчалъ Саксенъ. Вошелъ графъ.

— Ну! сказалъ онъ:—ты за корреспонденціей; значить, мѣшаю.
— Напротивъ, я написалъ все, что думаю отправить сегодня, и радъ отдохнуть. Вотъ и качалка къ твоимъ услугамъ.

— Спасибо. Можно взять сигару?

— Хоть двадцать. Что новенькаго съ утра?

— Кажется, многое, мрачно отвѣчалъ графъ. — Монтекукули здѣсь.

— Кто это такой, Монтекукули?

— Одинъ изъ членовъ нашего центрального комитета. Славный малый. Какой-то изъ его предковъ отравилъ какого-то изъ французскихъ дофиновъ, и былъ за это растерзанъ на части лошадыми, богъ-знаетъ сколько сотъ лѣтъ назадъ.

— Никого онъ не отравлялъ, возразилъ Саксенъ. — Дофинъ умеръ отъ воспаления, которое онъ самъ себѣ нажилъ своей неосторожностью, а Монтекукули былъ звѣрски умерщвленъ. Въ эти отвратительные средніе вѣка всегда такъ бывало. Только вздумаетъ умереть какое нибудь царственное лицо, доктора ужь непременно объявляли его отравленнымъ, и давай колесовать или четвертовать перваго попавшагося несчастнаго.

— Доктора, должно быть, поступали такъ потому, чтобы скрыть свое невѣжество: съ больной головы да на здоровую, замѣтилъ графъ.

— Или потому, что царственные лица—народъ слишкомъ привилегированный свыше, чтобы простужаться и получать лихорадку, подобно прочимъ смертнымъ.

— Ахъ ты, республиканецъ!

— Ну, такъ гдѣ же этотъ Монтекукули?

— Колонна заперся съ нимъ въ своей берлогѣ. Онъ привезъ какія-то важныя извѣстія съ театра войны, но я пока знаю только, что Гарибальди совершилъ что-то такое очень блестящее, и что наши гости повидяютъ насъ скоростижно.

— Какъ? Колонны уѣзжаютъ?

— Да, уѣзжаютъ.

— Однако, не сегодня же?

— Напротивъ, сегодня; тотчасъ послѣ обѣда.

Лицо Саксена вытянулось.

— Скоро же собрались, сказалъ онъ. — Куда они?

— Въ Лондонъ.

— Развѣ случилось что?

— Ничего—кромѣ того, что каждый часъ ожидаютъ какого-то генуэзскаго депутата, и нашихъ друзей требуютъ въ городъ для свиданія съ нимъ.

— Значить, они еще воротятся сюда.

— Никакимъ образомъ. Теперь самая критическая минута, и въ Лондонѣ, да и вездѣ, публичные митинги и спеціальныя комитеты то и дѣло смѣняють одинъ другой. Нѣтъ, въ этомъ году лучше и не ждать ихъ. Дѣла продержатъ ихъ въ городѣ недѣлю, если не двѣ, а тамъ они вѣроятно удерутъ въ Италию.

Саксенъ молчалъ. Послѣ того, какъ онъ уже однажды рѣшилъ какъ дѣйствовать, не въ его характерѣ было отступать передъ незначительными препятствіями, и онъ только обдумывалъ, какъ бы устроить свиданіе съ мисъ Колонною среди суматохи неожиданныхъ сборовъ.

— Здѣсь будетъ такъ же оживлено и весело, какъ въ театрѣ днемъ, когда ихъ не будетъ, немного погода замѣтилъ графъ.

— Тебѣ надо прокатиться въ городъ, отвѣчалъ Саксенъ.— Сегодня я получилъ записку отъ Бургойна: онъ говоритъ, что въ Лондонѣ веселье, чѣмъ когда либо.

Кастельтауерсъ отрицательно покачалъ головою.

— Изрѣдка буду прѣзжать на часокъ-другой, сказалъ онъ:— пока будутъ продолжаться эти митинги, а долго бить мнѣ тамъ неприходится.

— Почему?

— Потому что не имѣю къ этому средствъ.

— Вздоръ какой! Чтò ты этимъ хочешь сказать?

— Очень просто: именно то, чтò я говорю. Я, братецъ, бѣднякъ—какъ уже имѣлъ, кажется, честь тебѣ докладывать, и хотя я смотрю на хорошій лондонскій отель какъ на первую станцію на пути къ раю, а на недѣлю, проведенную въ Лондонѣ въ разгарѣ сезона, какъ на верхъ блаженства, я рѣдко имѣю возможность баловать себя такой роскошью.

— Однако, съ такимъ помѣстьемъ, я думалъ...

— Вотъ то-то и есть, перебилъ его графъ, сбивая пепелъ съ нагорѣвшей сигары, и уныло покачиваясь въ креслѣ:— славное оно у меня, и старыи домъ этотъ—прелесть, и я бж не промѣнялъ ихъ на аладиновъ дворецъ, построенный изъ драгоценныхъ камней, но я проживаю на нихъ весь мой доходъ до гроша, чтобы только жить тутъ. Помѣстье-то было оставлено мнѣ обремененное долгами, и чтобы очистить его отъ нихъ, я былъ вынужденъ продать три лучшія мызы во всемъ графствѣ. Я даже долженъ былъ отрѣзать ломоть отъ стараго парка, чтò было величайшимъ горемъ моей жизни.

— Вѣрю, сказалъ Саксенъ.

— Изъ этого слѣдуетъ, что теперь мнѣ приходится всячески изощряться, чтобы сводить концы съ концами, имѣя большое хозяйство и весьма ограниченный доходъ.

— Однакоже ты очистилъ мнѣніе отъ долговъ?

Графъ утвердительно кивнулъ головою.

— Отъ всѣхъ?

— Отъ всѣхъ до одинаго, слава-богу.

Саксенъ придвинулъ стулъ свой поближе къ своему другу, и значительно посмотрѣлъ ему прямо въ лицо.

— Пожалуйста, не прими за дерзость, сказалъ онъ:—но... но ты мнѣ подчасъ казался встревоженнымъ... и мнѣ почему-то приходило въ голову... Послушай, Кастельтауерсъ, не скрывайся отъ меня; если у тебя въ самомъ дѣлѣ есть что нибудь на душѣ, напримѣръ, какое нибудь срочное обязательство, отъ котораго...

— Отъ котораго могъ бы меня освободить такой хорошій, милый человекъ, какъ ты? Нѣтъ, Трефольденъ, нѣтъ у меня никакого обязательства. Отъ души благодарю тебя за твою добрую мысль, но я никому не долженъ ни гроша.

Саксенъ глубоко вздохнулъ съ чувствомъ облегченія. Врядъ-ли онъ самъ даже сознавалъ, до какой степени полегчало у него на душѣ отъ этого подтвержденія словъ его родственника.

— Душевно радъ, отвѣчалъ онъ. — А теперь, Кастельтауерсъ, ты мнѣ долженъ дать слово, что поѣдешь въ городъ со мною послѣ-завтра, и остановишься у меня. У меня три комнаты, знаешь? въ Сент-Джемс-Стритъ, и я могу взять еще двѣ, коли захочу, а одному куда какъ скучно.

— Ты—воплощенная доброта, сказалъ графъ:—только, право, не знаю...

— Какой доброта! Эгоизмъ, больше ничего. Я люблю Лондонъ. Меня живо интересуетъ его многосторонняя жизнь и умственная дѣятельность, но одному тамъ жить—не дай богъ, тогда какъ будъ у меня комнаты двѣ, которыя я бы могъ называть твоими, зная, что ты займешь ихъ каждый разъ, какъ будешь въ городъ, я бы чувствовалъ себя больше дома.

— Однако, любезный другъ...

— Позволь. Я конечно знаю, что съ одной стороны подобное приглашеніе отъ меня—просто чудовищная самонадѣянность. Ты—англійскій перъ, а же—швейцарскій фермеръ; но вѣдь принялъ же ты меня здѣсь какъ дорогого гостя, и обращался со мною какъ съ равнымъ себѣ...

— Трефольденъ, выслушай меня, пылко перебилъ его графъ.— Ты знаешь мое политическое вѣрованіе: знаешь, что—дружбу, добродѣтель, образованіе въ сторону—я считаю всѣхъ людей буквально и безусловно равными?

— Знаю—какъ отвлеченный принципъ...

— Именно, какъ отвлеченный принципъ. Но отвлеченность и

дѣйствительность—двѣ вещи разныя, и такъ, позволъ мнѣ сказать тебѣ, что я имѣю честь и счастье знать двухъ людей, которые, на сколько я въ состояніи судить и ихъ и себя, стоятъ также неизмѣримо выше меня во всемъ, что составляетъ истинное благородство, какъ будто нѣтъ подъ дуною и помпа о принципѣ равенства. И эти два человѣка—Джуліо Колонна и Саксенъ Трефольденъ.

Саксенъ засмѣялся и покраснѣлъ.

— Какъ прикажешь отвѣчать на такой высокопарный комплиментъ? сказалъ онъ.

— Просить у меня прощенія, я думаю, за глупую рѣчь, вызвавшую его.

— Такъ ты говоришь серьезно?

— Положа руку на сердце!

— Въ такомъ случаѣ я уѣду въ городъ днемъ раньше, и поскорѣе приготовлю тебѣ помѣщеніе. Если твое мнѣніе обо мнѣ дѣйствительно такое, то ты не можешь отказать мнѣ въ первой же моей просьбѣ.

Графъ улыбнулся и повачалъ головою.

— Объ этомъ поговоримъ послѣ, сказалъ онъ. — Если я не согласился, то, повѣрь, не по недостатку вѣры въ твою дружбу.

— Твое согласіе я бы счелъ самымъ вѣрнымъ доказательствомъ твоей дружбы, настаивалъ Саксенъ.

— Я пришелъ къ тебѣ сегодня, Трефольденъ, собственно затѣмъ, чтобы дать тебѣ гораздо сильнѣйшее доказательство моей дружбы, серьезно сказалъ графъ.

Слова эти сами по себѣ были очень просты, но въ тонѣ, которыми они были сказаны, было что-то такое, что немедленно остановило вниманіе Саксена.

— Можешь быть увѣренъ, что я съумѣю оцѣнить это, въ чемъ бы оно ни заключалось, сказалъ онъ, и молча ожидалъ дальнѣйшихъ словъ графа.

Но графъ, повидимому, не торопился объясненіемъ. Дѣяиво покачиваясь, и слѣди за легкимъ дымомъ сигары, онъ промолчалъ еще нѣсколько минутъ, какъ-бы не зная, съ чего начать. Наконецъ онъ объявилъ:

— Я, право, думаю, Трефольденъ, что лучше и добрѣе тебя нѣтъ на землѣ человѣка.

— Лучше не думай, возразилъ Саксенъ:—потому что это совершеннѣйшее заблужденіе.

— Нѣтъ, думаю и буду думать, и именно потому, что я это думаю, я и сижу здѣсь въ настоящую минуту. Я хочу сказать тебѣ одну вещь.

Саксенъ слегка наклонился впередъ, и приготовился слушать.

— Такую вещь, которую я хранилъ про себя цѣлые года, потому что... ну, просто потому, что не было у меня такого друга, которому бы я могъ повѣрить эту тайну... т.-е. искренняго, близкаго друга, которому я бы могъ довѣриться, такъ, какъ знаю, что могу довѣриться тебѣ.

— Спасибо, сказалъ Саксенъ просто.

— Горько и пусто подчасъ бывало мнѣ безъ такого друга, продолжалъ графъ.— Тяжело вѣчно носиться съ одной неотступной мыслью, и не имѣть къ кому обратиться за участіемъ или совѣтомъ.

— Могу себѣ представить, что нелегко, согласился Саксенъ:— а впрочемъ, у меня никогда еще не бывало тайны.

— Это значить, Трефольдентъ, сказалъ графъ, бросая окурокъ сигары съ самымъ мрачнымъ видомъ:— что ты никогда не былъ влюбленъ.

Саксенъ ничего не отвѣчалъ. Онъ вполне рассчитывалъ на какое нибудь признаніе, относящееся къ денежнымъ дѣламъ своего друга, и это неожиданное признаніе застало его врасплохъ.

Онъ былъ удивленъ, и, еслибы его спросить, то едва-ли бы могъ объяснить причину, только удивленіе его, почему-то, было не изъ пріятныхъ.

— Дѣло въ томъ, продолжалъ графъ:— что я самый несчастный, самый жалкій человѣкъ. Я люблю женщину, на которой не имѣю никакой надежды жениться.

— Какъ такъ?

— Потому что я бѣденъ, и у нея ничего нѣтъ, потому что мнѣ невыносима мысль идти наперекоръ желаніямъ моей матери, потому... ну, словомъ, потому, что женщина, которую я люблю... Олимпія Колонна.

Сердце Саксена какъ то дрогнуло—только одинъ разъ, въ ту минуту, какъ Кастельтауерсъ произнесъ имя Олимпіи; затѣмъ дыханіе у него какъ будто занялось, и онъ боялся говорить, чтобы не измѣнить себѣ нетвердостью голоса.

— Или ты отгадалъ мою тайну? спросилъ графъ.

Саксенъ только отрицательно покачалъ головою.

— Мнѣ сдается, что мать моя ее отгадала — давно уже; но она вполне полагается на мою честь, и никогда ни однимъ словомъ не намекнула мнѣ объ этомъ предметѣ. Вся ея надежда въ томъ, чтобы я восстановилъ наше разстроенное состояніе богатнѣ бракомъ. Несмотря на всю свою гордость — а мать моя, Трефольдентъ, очень гордая женщина—она бы предпочла видѣть меня мужемъ богачки миссъ Гатертонъ, хотя отецъ ея былъ про-

стать рудокопомъ, тѣмъ Олимпіи Колонны съ ея восьмисотлѣтней родовой славой.

— Восьмисотлѣтней! машинально повторилъ Саксенъ.

— Ея родъ одинъ изъ самыхъ славныхъ въ Европѣ, продолжалъ графъ:—Колонны были владѣтельными герцогами князьями, когда Пирпойнты были только норманскими графами и Винклифы просто *esquires*. Изъ ихъ рода вышли бездна кардиналовъ и одинъ папа. Колонны нѣсколько разъ бывали вице-королями въ Неаполѣ, Сициліи и Арагонѣ, и могутъ похвалиться нѣкоторыми изъ славнѣйшихъ воеводъ и ученыхъ, прославившихся въ средніе вѣка. Повторяю, Трефольденъ, для меня рѣшительно непостижимо, какъ мать моя, которая придаетъ такое громадное значеніе происхожденію, можетъ давать перевѣсъ золоту надъ кровью въ подобномъ вопросѣ!

Онъ остановился, постукивая ногой объ-поль, и слишкомъ поглощенный собственнымъ своимъ разговоромъ, чтобы обращать большое вниманіе на своего слушателя.

— Но вѣдь вотъ еще что, продолжалъ онъ, немного погодя:— деньги-то не единственное препятствіе. Тотъ, кто женится на Олимпіи Колоннѣ, долженъ посвятить себя весь—душой, тѣломъ, и состояніемъ итальянскому дѣлу. Я бы охотно согласился. Я бы сплавилъ до послѣдней унціи мою старинную серебряную посуду, срубилъ бы до послѣдняго дерева въ нашемъ паркѣ, заложилъ бы самую кровлю, что надъ моей головой, еслибы могъ имѣть въ виду только себя. Но вѣдь объ этомъ нечего думать: не могу же я мать сдѣлать нищею.

— Еще бы!

Послѣдовало новое молчаніе. Наконецъ графъ вдругъ поднялъ голову.

— Ну, что же, Трефольденъ, сказалъ онъ:—что ты мнѣ посоветуешь?

— Что я посоветую! нетвердо откликнулся Саксенъ;—ты спрашиваешь совѣта у меня?

— Разумѣется.

— Но вѣдь я... я такъ мало знаю жизнь и свѣтъ... какъ же я могу тебѣ совѣтовать?

— Именно потому, что ты не сбитъ съ толку условными предрасудками и житейскими мудростями — я твоему совѣту придаю особенную цѣну. Не переговоришь-ли мнѣ, наприѣръ, напередъ съ матерью? или съ самимъ Колонною? Онъ самый давнишній ея другъ, и его мнѣнію она придаетъ большой вѣсъ. Въ этомъ главная моя надежда. Еслибы онъ взялъ мою сторону, я не думаю, чтобы она стала долго упорствовать въ сопротивле-

ни. Къ тому же я сдѣлалъ бы все на свѣтѣ, чтобы пополнить недостатокъ состоянія Олимпіи. Я знаю, что я бы могъ себѣ сдѣлать препорядочное положеніе въ верхней палатѣ, стоять только присѣсть, да позаняться внутренними вопросами. Или еще можно бы взяться за пріятелей, которые повліятельнѣе, и промислить себѣ хорошее дипломатическое мѣсто за границей. Однимъ словомъ, будь у меня только побудительная причина, я на все пойду.

— Но вѣдь я въ этихъ дѣлахъ ничего не смыслю.

— Не о томъ я и спрашиваю тебя, какъ мнѣ протолкнуться въ будущность, возразилъ графъ съ живостью:— а о томъ, какъ мнѣ, по твоему мнѣнію, поступить въ настоящемъ. Ну, чтѣ бы ты сдѣлалъ на моемъ мѣстѣ?

Саксенъ, сидѣвшій немного поодаль отъ свѣта, опершись однимъ локтемъ на столъ, а головою на руку, задумчиво глядѣлъ на полъ, и не сейчасъ собрался отвѣчать. Другъ его задалъ ему горькую, тяжелую задачу.

— Увѣренъ ли ты въ томъ, что любишь ее? спросилъ онъ наконецъ, какъ-то съ разстановкою.

— Такъ же увѣренъ, какъ въ томъ, что солнце въ сію минуту свѣтитъ на небѣ! Помилуй, Трефольденъ, когда я еще мальчикомъ былъ, она была моимъ идеаломъ; а въ послѣдніе четыре года, когда она такъ часто у насъ гостила, и по нѣсколько мѣсяцевъ сряду, я полюбилъ ее такой глубокой любовью, какою только можно полюбить женщину.

— А какъ ты думаешь... она любить тебя?

Несмотря на нечеловѣческія усилія, Саксенъ не могъ на столько владѣть собою, чтобы голосъ его не дрожалъ слегка при этомъ вопросѣ; но графъ былъ слишкомъ занятъ и взволнованъ своими мыслями, чтобы примѣтить это.

— Годъ назадъ—даже три мѣсяца назадъ, сказалъ онъ:— я въ этомъ былъ увѣренъ. Последнее же время, не понимаю почему, въ ней произошла перемѣна, проявилась какая-то принужденность, холодность, какъ будто она старается вытравить свое чувство изъ души своей, и надежду изъ моего сердца. А все-таки, мнѣ почему-то кажется, что эта перемѣна только поверхностная.

— Однимъ словомъ, ты полагаешь, что мисъ Колонна тебя любить и теперь?

— Клянусь небомъ, я такъ думаю! страстно отвѣчалъ графъ.

— Ты ее не спрашивалъ?

— Конечно, нѣтъ. Она моя гостыя.

Саксенъ на минуту закрылъ лицо руками, какъ будто погружаясь въ размышленіе. То была критическая минута, жестокая

минута — первая еще минута острой душевной боли, испытанная имъ. Никто, кромѣ его самаго, никогда не узналъ, какую страшную борьбу онъ вынесъ въ это одно мгновение—борьбу, изъ которой онъ вышелъ побѣдителемъ, хотя сердце его обливалось кровью. Когда онъ подыалъ лицо свое, оно было такъ блѣдно, что сама губы помертвѣли, но выражало твердость и рѣшимость.

— Въ такомъ случаѣ, Кастельтауерсъ, сказалъ онъ—и голосъ его уже не дрожалъ:—я скажу тебѣ, что бы я сдѣлалъ... на твоёмъ мѣстѣ; я, прежде всего, узналъ бы всю истину отъ нея самой.

— Но какъ же, на счетъ моей матери?...

— Леди Кастельтауерсъ согласится, когда убѣдится, что отъ этого зависитъ счастье твоей жизни. Вѣдь, наконецъ, весь вопросъ въ однихъ деньгахъ.

Графъ вскочилъ на ноги, и началъ ходить по комнатѣ.

— Этотъ совѣтъ мнѣ по душѣ, сказалъ онъ.—Еслибы только мнѣ осмѣлиться, быть увѣреннымъ... А впрочемъ, не лучше ли и дурное сразу узнать?...

— Несравненно лучше, тоскливо отвѣчалъ Саксенъ.

Лордъ Кастельтауерсъ подошелъ къ облитому солнцемъ окну, и нагнулся изъ него.

— Почему бы и не попытаться, въ самомъ дѣлѣ? раздумывалъ онъ вполголоса. — Если будетъ отказъ, отъ меня ничего не убудетъ—кромѣ надежды... Кромѣ надежды! За то если успѣхъ.. О! еслибы успѣхъ!...

Лицо его просіяло отъ этой мысли.

— Да, Трефольденъ, воскликнулъ онъ: — ты правъ. Къ чему мнѣ сперва отстранять всевозможныя препятствія, можетъ быть для того, чтобы, когда все будетъ улажено, оказалось, что я трудился напрасну? Я ее спрошу. Спрошу сегодня же.—Сію минуту, если посчастливится застать ее одну. Теперь уже это не будетъ нарушеніемъ законовъ гостепримства. Спасибо тебѣ—тысячу разъ, спасибо!

Саксенъ покачалъ головою.

— Нѣ за что тебѣ благодарить меня, Кастельтауерсъ, отвѣчалъ онъ.

— Я за совѣтъ; пояснилъ графъ.

— Который можетъ привести тебѣ горе, не забудь.

— Ну, такъ за дружбу.

— За дружбу? пожалуй. Она твоя, только стоитъ ли благодарности?

— Время покажетъ, какую цѣну я придаю ей, возразилъ

графъ.—А теперь пока, прощай. Я знаю, что ты желаешь мнѣ успѣха.

Съ этими словами онъ горячо пожалъ руку Саксена, и поспѣшно вышелъ. Когда замеръ послѣдній звукъ его шаговъ на лѣстницѣ и въ корридорѣ, молодой человекъ подошелъ къ двери, замкнулъ ее, и тихо сѣлъ, одинъ наединѣ съ своимъ горемъ — горемъ нелегкимъ и невоображаемымъ. Онъ видѣлъ, съ совершенной ясностью, что онъ долженъ узнать одну изъ двухъ, одинаково горькихъ истинъ: или Олимпія Колонна никогда его не любила, или онъ въ ея сердцѣ замѣстилъ своего друга. Которое изъ этихъ предположеній вѣрно?... Сердце ему сказало.

XVII.

Съ какимъ успѣхомъ посватался графъ.

Присутствіе посѣтителя синьора Колонны принесло одно смѣненіе и суматоху въ Кастельтауерсъ. Извѣстія, привезенныя имъ, были дѣйствительно очень важны для тѣхъ, кого они касались, но для леди Кастельтауерсъ ничто не могло быть неприятелие суеты, ничто въ ея глазахъ не было болѣе *mauvais genre*, какъ торопливость, поэтому ей было крайне досадно на внезапный отъѣздъ ея гостей. Для нея было рѣшительно все равно, что Гарибальди выигралъ большое сраженіе при Калатафими и быстро подвигался къ Палермо. Она только помнила, что въ этотъ день должны пріѣхать къ обѣду оба Валькиншо и мистъ Гатертонъ; что синьоръ Монтекукули будетъ лишнимъ за столомъ и что отъѣздъ Колонны тотчасъ послѣ обѣда испортитъ весь вечеръ.

Между тѣмъ все еще длилось совѣщаніе Колонны съ новопріѣзжимъ; Олимпія, съ помощью одной изъ служанокъ, укладывала книги и бумаги отца; графъ безутѣшно бродилъ по комнатамъ, выжидая желаннаго случая, а Саксенъ, на лучшей своей чистокровной лошади, скакалъ по направленію къ холмамъ, рѣшившись предоставить другу своему полную свободу дѣйствій и возвратиться не ранѣе перваго обѣденнаго звонка.

Наконецъ вида, что время уходитъ, графъ соскучился дожидаться Олимпіи по гостиннымъ и лѣстницамъ, и отправился искать ее на половинѣ ея отца. Тамъ онъ и нашелъ ее, не въ собственномъ его кабинетѣ, а въ комнатѣ, находившейся непосредственно подъ нимъ; молодая дѣвушка стояла на колѣняхъ передъ огромнымъ чемоданомъ, уже болѣе чѣмъ на половину набитомъ брошюрами, письмами, депешами, картами и документальнымъ хламомъ всякаго рода. Полъ и столы, кромѣ того, были

завалены кипами книгъ и бумагъ, съ которыхъ горничная стирала пыль, передъ тѣмъ, какъ сдавали ихъ мисъ Колоннѣ, которая сортировала и связывала ихъ.

— Не могу ли помочь вамъ? спросилъ графъ, заглядывая въ полуотворенную дверь.

Олимпія подняла голову отъ своей работы съ привѣтливой улыбкою.

— Вамъ въ самомъ дѣлѣ хочется какого-нибудь дѣла?

— Еще бы.

— Такъ помогите мнѣ разсортировать вотъ эти бумаги. Въ числѣ ихъ есть нѣсколько дюжинъ прошлогоднихъ отчетовъ. Можете разобрать ихъ и сложить по числамъ, потомъ завязать ихъ въ пачки, штукъ по восемнадцати или двадцати на каждую.

Графъ принялся за дѣло, повидимому, съ большимъ рвеніемъ.

— Мы этого въ вѣкъ не простимъ Монтекукули, сказалъ онъ, немного погода.—Кто бы подумалъ сегодня утромъ за чаемъ, что вы еще до ночи соберете свои пожитки, и устремитесь въ большую лондонскую Сахару?

— Кто бы подумалъ, что мы будемъ имѣть такую радостную причину къ такому быстрому переселенію? возразила Олимпія съ восторгомъ.

— Ужъ, конечно, никто! А все-таки лучше бы было, еслибы извѣстіе это прилетѣло не съ такой излишней быстротою.

— Никогда добрыя вѣсти не получаютъ *слишкомъ* скоро, отбѣчала Олимпія. — Я едва осмѣливаюсь подумать о томъ, какія-то послѣдуютъ за этими?

— На всякій случай, не слишкомъ надѣйтесь на хорошее.

— Нѣтъ, я довольно долго унывала. Столько лѣтъ уже надежда была для насъ запрещенной роскошью, что я теперь не могу насытиться ею. Я полна надежды; я ожидаю всего хорошаго. Я вѣрю, что насталъ наконецъ нашъ часъ, и что въ эти немногіе мѣсяцы совершатся чудеса.

Графъ, въ эту минуту думавшій несравненно болѣе о собственныхъ своихъ надеждахъ и опасеніяхъ, чѣмъ объ Италіи и итальянцахъ, отъ всей души желалъ, чтобы тутъ же на мѣстѣ совершилось чудо, въ видѣ перенесенія горничной на первую попавшуюся планету.

— Меня не удивить и то, продолжала Олимпія: — еслибы я завтра услышала, что Гарибальди въ Мессинѣ, или что онъ переплылъ черезъ проливъ и овладѣлъ Неаполемъ какимъ нибудь *coup de main!*

— И меня не удивило бы, разсѣяно поддакнулъ графъ.

Затѣмъ оба на нѣсколько минутъ замолчали. Вдругъ, гдѣ-то

внизу, на людской половинѣ раздался продолжительный и громкій звонокъ.

— Что это за трезвонъ? спросилъ графъ, тысячу разъ слышавшій его, и отлично знавшій его значеніе въ домашнемъ порядкѣ.

— Это людской колоколь, ваше сіятельство, отвѣчала горничная.

— Зачѣмъ же въ него звонять въ этотъ часъ? къ чаю, что ли?

— Точно такъ, ваше сіятельство.

Олимпія сейчасъ же подалась на маленькую хитрость графа.

— Оставь эти бумаги покуда, Дженъ, сказала она ласково:— ступай внизъ, можешь возвратиться, когда напьешься чаю.

Горничная съ благодарностью удалилась.

Теперь лорду Кастельтауеру оставалось только говорить. Желанный случай представился наконецъ, но только что онъ это созналъ, какъ совершенно растерялся, и не нашелся произнести ни одного слова.

— Какая иногда тоска быть женщиной! сказала Олимпія:—ничтожной женщиной! Какъ тяжело сидѣть сложа руки, день за днемъ, и только прислушиваться къ отголоскамъ, долетающимъ съ поля битвы— прислушиваться и праздно дожидаться!

— Я очень радъ, что вы прислушиваетесь къ нимъ съ такого безопаснаго разстоянія.

— А я объ одномъ молю Бога, чтобы разстояніе это какъ можно скорѣе сократилось, съ живостью возразила она.— Мы навѣрно уѣдемъ въ Геную на той или слѣдующей недѣлѣ, и еслибы отецъ мой проѣхалъ въ Сицилію, я, конечно, не навѣрена оставаться.

— Но Средиземное море кипитъ неаполитанскими военными судами, замѣтилъ графъ.

Олимпія улыбнулась.

— Да, наконецъ, какую бы вы тамъ могли принести пользу? Вы, можетъ быть, на это скажете, что будете песты лазаретную службу; не возиться съ лазаретами найдется кому и безъ васъ. Въ каждой сотнѣ нашихъ волонтеровъ, навѣрное десять докторовъ, и я думаю, смѣло можно сказать, что въ Сициліи каждая женщина охотно станетъ ходить за ранеными.

— Я бы стала исполнять всякій трудъ, къ какому только способенъ голова моя и руки, сказала она:—все равно, за письменнымъ ли столомъ или у постели больныхъ. О! зачѣмъ я не могу отдать кровь свою родинѣ!

— Кровь свою отдають мужчины, возразилъ графъ:—женщины же пусть дають слезы, которыя услаждаютъ смерть, и улыбки, которыя дѣлають побѣду достойною усилій храбрецовъ.

Олимпія презрительно вздернула верхнюю губу.

— Наши войны, сказала она:—имѣютъ въ виду болѣе высокую награду, чѣмъ женскія улыбки.

Графъ былъ въ отчаяніи. Ни однимъ своимъ словомъ не удавалось ему угодить мисъ Колоннѣ, а минуты между тѣмъ быстро протекали—драгоценныя, невозвратныя минуты.

— Какъ я ни преданъ итальянскому дѣлу, сказалъ онъ наконецъ, съ отчаянной рѣшимостью:—но, Олимпія, еслибы я пошелъ драться, то сдѣлалъ бы это, по крайней-мѣрѣ, столько же ради васъ, какъ ради вашей родины; однакоже, я надѣюсь, что это не заставило бы васъ отвергнуть мой мечъ.

Мисъ Колонна была застигнута врасплохъ. Она никогда не была слѣпа къ чувствамъ молодого человѣка, но такъ долго не подавала ему никакого поощренія, что нивагъ не ожидала, чтобы онъ рѣшился на объясненіе. Даже и теперь, когда онъ произнесъ такіа слова, которыхъ она не могла превратно истолковать, она рѣшилась прикинуться непонимающею, и, если возможно, не давать ему высказываться яснѣе. А между тѣмъ, сердце странно какъ-то шевельнулось у нея, когда онъ ее назвалъ по имени!

— Вашъ мечъ, лордъ Кастельтауерсъ, отвѣчала она важно:— почти единственный, котораго мы не приняли бы ни на какихъ условіяхъ. Вы у матери одинъ сынъ, и послѣдній наслѣдникъ славнаго имени. Обязанности ваши здѣсь.

— Но вы не такъ бы говорили, еслибы я былъ итальянецъ?

— Конечно, нѣтъ. Тогда бы я сказала, что первый долгъ вашъ—служить родинѣ.

Графъ сошелъ съ своего мѣста и сталъ передъ нею, блѣдный, сосредоточенный, съ неуклонной рѣшимостью.

— Выслушайте меня, Олимпія, сказалъ онъ со сдержанной страстью:—я люблю васъ—и вы знаете, что я васъ люблю. Я любилъ васъ болѣе четырехъ лѣтъ. Я не скажу, что я осмѣлился надѣяться. Еслибы я надѣялся, я, быть можетъ, не молчалъ бы такъ долго; но мнѣ думалось, что вы прочли тайну мою въ моемъ сердцѣ, и что молчаніе мое будетъ просьбою болѣе краснорѣчивою, чѣмъ всякіа слова. Я знаю, какъ мало шансовъ я имѣю въ мою пользу, какъ много ихъ противъ меня; давно уже я взвѣсилъ и тѣ и другіе. Я знаю, что тотъ, кто будетъ помогать вашей рукѣ, долженъ любить Италію вашу, какъ будто онъ рожденный сынъ ея почвы, долженъ судьбу свою неразрывно связать съ ея судьбами, и заслужить васъ своею преданностью къ ея дѣлу. Знаю и то, что тотъ, кто бы совершилъ все это, исполнилъ бы только одни начальныя условія, безъ которыхъ

послѣдняя красная рубашка въ ополченіи Гарибальди имѣла бы больше шансовъ, чѣмъ онъ. Такъ или нѣтъ?

— Совершенно такъ, но...

— Не спѣшите возражать, умоляю васъ!—Вы говорите, что у меня здѣсь есть обязанности. Правда. Я обдумалъ, какъ исполнить ихъ до послѣдней возможности. Домъ этотъ и половину дохода съ имѣнія я запишу на имя матери, въ пожизненное ея пользованіе. Все, что за этимъ останется у меня — мое имѣніе, мои доходы, мои физическія силы и воля, личное мое вліяніе, самая жизнь моя—все будетъ принадлежать Италіи. Ваша родина будетъ моей родиною, вашъ народъ — моимъ народомъ, вашъ богъ—моимъ богомъ. Могу ли я сказать еще болѣе, кромѣ того, что люблю васъ? Что, какъ ни глубоко, какъ ни нѣжно люблю я васъ теперь, я въ глубинѣ души увѣренъ, что буду любить васъ еще болѣе въ грядущіе годы? Въ моихъ глазахъ вы никогда не будете менѣе молоды, менѣе прекрасны, чѣмъ теперь. Если постигнетъ васъ горе или болѣзнь, я сдѣлаю все, что въ силахъ человѣческихъ, чтобы успокоить васъ и утѣшить. Если вы будете въ опасности, я умру, защищая васъ. Любовь моею молодости будетъ любовью моею старости, и тѣмъ, что вы для меня теперь, Олимпія, все равно, примете ли вы меня или отвергнете—вы останетесь для меня до гробовой доски!

Онъ замолчалъ. Тонъ его, еще болѣе самыхъ словъ, былъ горячъ и прочувствованъ, и теперь, когда онъ излилъ передъ нею всю свою страстную мольбу, онъ ждалъ своего приговора.

А Олимпія? Неужели, когда она слушала его, ничто въ ней не дрогнуло? Неужели она осталась безстрастною? Всѣми силами старалась она объ этомъ, но не могла вполне совладать съ краскою, то приливавшею къ ея лицу, то опять побѣдавшей его, не могла совладать со слезами, которыя не слушались ея воли. Одна за одною, пока онъ говорилъ, медленно скользили онѣ съ темныхъ рѣсницъ ея внизъ по гладкому овалу щекъ, и графъ, никогда до тѣхъ поръ не видавшій ея въ слезахъ, на одно безумное мгновеніе вообразилъ, что побѣда за нимъ.

Первыя же слова ея вывели его изъ заблужденія.

— Я очень сожалѣю, что такъ случилось, лордъ Кастельтауерсъ, сказала она, и голоеъ ея, сначала слегка дрожавшій, сдѣлался твердымъ и ровнымъ по мѣрѣ того, какъ она продолжала:—многое бы я дала, чтобы слова эти не были говорены, потому что они сказаны напрасно. Мнѣ кажется, вы меня искренно любите—мнѣ кажется, я никогда еще не была такъ любима — никогда больше не буду такъ любима, но—я не могу быть вашей женою.

— Но вы мнѣ, по крайней-мѣрѣ, скажете причину?

Т. СLXVII. — Отд. I.

— Къ чему? Чтобы вы стали дѣлать возраженія? Не спрашивайте. Ничего я не могу сказать, и ничего вы мнѣ не можете сказать, что было бы въ силахъ измѣнить мое рѣшеніе.

Графъ отвернулся.

— Вы жестоки, сказалъ онъ:—я этого отъ васъ не заслужилъ.

— Видитъ Богъ, умышленно ли я жестока, быстро возразила Олимпія:—нужно бы быть выше или ниже всякой женщины, чтобы не сожалѣть о потерѣ такого сердца, какъ ваше.

— Вы его не потеряли, Олимпія, сказалъ онъ глухо:—вы его никогда не потеряете. У меня—разъ навсегда!

Она страдальчески сжала руки.

— О, зачѣмъ это такъ! воскликнула она.

— Такъ вамъ меня жаль?

— Жаль — безконечно жаль!

— И вы все же не можете меня любить?

Олимпія молчала.

Снова обдало его надеждой, снова вырвалась у него страстная мольба.

— Мнѣ когда-то думалось—то было безуміе, самонадѣянность, если хотите—что вы ко мнѣ не совсѣмъ такъ равнодушны, какъ были послѣднее время. Ошибался ли я? Или, можетъ ли быть, чтобы я чѣмъ нибудь лишился вашего расположенія? Неужели я васъ чѣмъ оскорбилъ? или огорчилъ? или слишкомъ явно вымазывалъ свои чувства?

— Никогда, никогда!

— Значить, вы меня никогда, нисколько не любили? Ради сѣмаго неба, скажите мнѣ, прежде чѣмъ мы разстанемся!

Олимпія вся помертвѣла, и оперлась на столъ, какъ будто силы измѣняютъ ей.

— Лордъ Кастельтауреръ, сказала она медленно:—вы не имѣете права такъ меня допытывать.

— Не имѣю права, когда дѣло идетъ о счастіи всей моей жизни? Дайте мнѣ только тѣнь надежды, и я замолчу!

— Не могу!

Графъ провелъ рукой по лбу съ растеряннымъ видомъ.

— Мнѣ все какъ будто не вѣрится, сказалъ онъ:—но... если бы я только зналъ причину, кажется, легче было бы.

Мисъ Колонна потупилась, и нѣсколько мгновеній не говорила и не шевелилась. Наконецъ, она сказала:

— Я вамъ скажу, лордъ Кастельтауреръ, если ужъ вы непременно хотите знать. Весьма можетъ быть, что я никогда не выйду замужъ; но если выйду, то за человѣка, который будетъ

имѣть возможность сдѣлать для Италіи больше, нежели можете сдѣлать вы. Довольны ли вы?

Молодой человѣкъ не имѣлъ силы говорить. Онъ только посмотрѣлъ на нее, и на лицо его сошло мрачное выраженіе — такое выраженіе, какого Олимпія никогда еще не видала на немъ.

— Прощайте, сказала она почти умоляющимъ голосомъ, и протянула ему руку.

— Прощайте, отвѣчалъ онъ, и на мгновеніе удержавъ ее руку въ своей, тихо выпустилъ ее, и больше не сказалъ ничего.

Она послѣ вспомнила, какъ холодна была ее рука, и какъ горяча и суха была рука, сжимавшая ее.

Не прошло еще нѣсколькихъ минутъ, какъ она уже стояла на колѣняхъ у кровати своей, въ своей отдаленной комнаткѣ, и сбросивъ личину гордаго самообладанія, плакала и ломала руки со всей порывистостью женскаго горя и вслухъ повторяла:

— О, еслибы онъ могъ заглянуть въ мое сердце! Еслибы онъ могъ знать, какъ я люблю его!

КУЗЬКА,

МОРДОВСКИЙ БОГЪ.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ИСТОРИИ МОРДОВСКАГО НАРОДА.

I.

Въ центрѣ Нижегородской губерніи, въ среднѣмъ разстояніи между Нижнимъ-Новгородомъ и Арзамасомъ, съ незапамятныхъ временъ обитаетъ особое мордовское племя, называемое *терюханами**. Селенія терюханъ разбросаны вдоль рѣки Серѣжи, упираясь въ правый берегъ рѣки Кудьмы, въ которую впадаетъ Серѣжа. Пологіе берега Серѣжи поросли сплошнымъ лѣсомъ, преимущественно краснымъ, т.-е. соснякомъ и ельникомъ; къ этому лѣсу съ обѣихъ сторонъ рѣки примыкали въ старину обширныя, непроходимыя лѣса. Мордва-терюхане не только по выговору, но и по нѣкоторымъ правамъ и обычаямъ много разнятся съ мордвами *ясачными*** , обитающими за рѣкой Пьяной, несмотря на близкое сосѣдство тѣхъ и другихъ; и именно они разнятся между собою столько же, сколько напр. малороссіяне съ великороссіянами. Эта разность показываетъ, что то и другое племя мордвовъ, потерявъ народную самостоятельность и замкнувшись каждое въ своей мѣстности, уже не имѣли взаимнаго сообщенія, которому кстати было естественное препятствіе въ трудной переправѣ черезъ рѣку Пьяну.

Сколько могла сохранить народная память, мордва-терюхане съ давнихъ временъ принадлежали разнымъ помѣщикамъ. Замѣчательно, что мордва этого племени расселены такимъ образомъ, что нельзя найти двухъ мордовскихъ селеній, между которыми

* Мордва-терюхане сохранились *исключительно* въ Нижегородскомъ уѣздѣ, гдѣ, какъ видно изъ «Списка населенныхъ мѣстъ», изданнаго центр. стат. комитетомъ, занимаютъ 43 селенія въ количествѣ 25,317 человекъ (11,576 муж. и 13,741 жен.).

** Терюхане такъ называютъ всѣхъ мордвовъ, непринлежащихъ къ своему племени; это названіе усвоено и русскими туземцами.

не было бы одного или нѣсколькихъ селеній русскихъ; мало того; во многихъ селеніяхъ однѣ улицы населены сплошь мордвами; другія сплошь русскими. Такая особенность въ расселеніи вѣроятно произведена искусственно съ политическими и религіозными цѣлями, и очень удачно: нѣкоторые мордовскіе селенія въ настоящее время рѣшительно обрусѣли.

Обращеніе мордвовъ въ христіанству, какъ можно предполагать, произошло безъ большихъ волненій. Конечно, дѣло не могло обойтись безъ безпорядковъ, но ни у мордвовъ, ни у русскихихъ не осталось никакихъ преданій объ этомъ важномъ событіи.

Однако, уже въ началѣ нашего столѣтія, въ исправленіи мордвами новопринятой религіи еще много оставалось прежняго язычества. Напр., въ такъ-называемые «родительскіе дни» мордва-христіане повсемѣстно (это мѣстами еще и доселѣ сохраняется) приносили къ могиламъ своихъ усопшихъ родственниковъ вина, пива, яицъ и національной стряпни; заводили на кладбищахъ паръ горой, напивались до-пѣзна и наѣдались до-сыта, угощая поповъ, служащихъ панихиды; при этомъ часть угощенія они яли и складывали на могилы, приглашая покойныхъ родственниковъ попить и поѣсть; по окончаніи веселой трезны обыкновенно собирались со всѣхъ сторонъ собаки и хищныя птицы, безъ всякаго зазрѣнія присвоивая себѣ доли покойниковъ. Во время свадебъ и похоронъ, у всѣхъ мордвовъ, еще неуспѣвшихъ обрусѣть, до сихъ поръ соблюдаются нѣкоторые національные обычаи; напр., при погребеніи взрослого покойника, кладутъ съ нимъ въ гробъ топоръ, ножъ, кочедыкъ, съѣстныхъ припасовъ, вина, пива и тому подобныхъ вещей, а въ гробъ младенцамъ кладутъ соску и т. п. Тайно отъ русскихихъ, мордва долгое время и по принятіи христіанства ѣлъ въ посты скоромное, употребляли въ пищу конину, зайцевъ и т. п. Вообще съ принятіемъ христіанства мордкою, догматика и правила нравственности частью оставались прежнія, частью измѣнялись на столько, на сколько мордва успѣвала позаимствовать ихъ у окружныхъ русскихихъ крестьянъ.

Такъ вмѣсто прежнихъ идоловъ они приняли христіанскіе образы и моленье на нихъ въ *три перста*; вмѣсто прежнихъ своихъ невидимыхъ боговъ, снабженныхъ различными олицетвореніями, они безъ труда и безъ насилій заимствовали отъ русскихихъ понятіе о небесномъ Богѣ-Христѣ и о христіанскихъ святыхъ небожителяхъ, на которыхъ и перенесены ими прежнія олицетворенія. Они имѣли понятіе о «Восподѣ Салаохѣ» (о Господѣ Саваоѣ), составленное ими по тому, какъ онъ изображается

на иконахъ; поэтому глава небожителей представлялся имъ существомъ недоступнымъ, суровымъ, неподвижнымъ, которое за старостію лѣтъ уже не входило ни въ какія непосредственныя распоряженія по управленію свѣтомъ, а потому не пользовался въ мордовскомъ народѣ большою популярностію; наибольшую популярностію пользовались у мордвовъ «Христосикъ», «Христосивова матушка», «Микола зиня да лѣтня», «дѣдушка Илкаша» (пр. Илія), «Егорій храбрый», «Власей и Недосей» (Власій и Модестъ), «Фроль и Лавѣръ», «Пятничя-сударыня» и нѣкоторые другіе. Національныя повѣрья мордвовъ равнымъ образомъ очень легко слились съ русскими чертами, бабами-ягами, лѣшными, домовыми, русалками, вѣдьмами и т. п.; вѣра въ ихъ существованіе возведена у мордвовъ, какъ и у русскаго простонародья, на степень религіознаго догмата. Между всѣми этими заимствованіями идея жертвоприношенія, вынесенная мордвами изъ ихъ первобытной религіи, не могла взглядаться въ нихъ при сношеніяхъ съ русскими. Христіанскіе помы брали съ нихъ подарочки и безъ подарочковъ не дѣлали имъ никакой религіозной услуги, такъ-что ни одна милость небесъ не давалась имъ даромъ, бесплатно. Къ тому же всѣ русскія власти, отъ помѣщика до послѣдняго трахприказнаго, обирали ихъ самымъ немилосерднымъ образомъ — и всѣхъ тѣхъ, отъ кого мордва зависѣли, кого боялись, кого уважали, кому вѣровали и кого признавали за высшія себя существа, они во всей простотѣ души считали мздоимщиками *по праву*. Безвѣрыстное добро было для мордвовъ немислимо; иго своего порабощенія имъ казалось установленнымъ самою природою, и они несли его безмолвно и безропотно. Такимъ образомъ понятіе о подчиненіи высшимъ существамъ—земныя ли они, или небесныя—соединялось для мордвовъ съ чувствомъ обязанности дарить ихъ, за нарушеніемъ которой должны были слѣдовать и соотвѣтственныя навазанія, какъ за неплатежъ долга. Логическіе выводы мордвовъ въ этомъ отношеніи были таковы: если ихъ земные начальники не иначе оказываютъ имъ добро, правосудіе и милость, какъ за подарочки; если святые помы не утѣшаютъ ихъ никакимъ христіанскимъ обрядомъ безъ подарочковъ съ ихъ стороны—то небесный Богъ и всѣ его святые должны быть еще бѣдльшими охотниками до подарочковъ, и они, мордва, тѣмъ щедрѣе должны быть на подарочки въ пользу небесныхъ существъ, что отъ власти послѣднихъ зависятъ не только сами обираемые мордва, но и обирающіе ихъ и помы, и начальники, и судьи, и помѣщики, и всѣ земные мздоимщики. Такимъ образомъ идея жертвоприношенія питалась въ мордвахъ внѣшними условіями ихъ жизни: свѣчи къ иконамъ, холстиги, медъ, печеный хлѣбъ

и все, приносимое ими въ христіанскую церковь, они почитали подарочками Богу и святымъ. Мордва охотно потащили бы въ церковь заколотыхъ барановъ и быковъ, еслибы попы не запрещали имъ этого и не приказывали приносить такія жертвы къ себѣ на домъ.

Положеніе мордвовъ съ того времени, до котораго въ состояніи достигнуть сохранившаяся народная память, не могло назваться уже черезчуръ тягостнымъ, особенно при сравненіи съ незавиднымъ положеніемъ, въ которомъ находился тогда русскій простой народъ. Всѣ мордва-терюхане попали въ крѣпостное владѣніе помѣщикамъ самымъ достаточнымъ и посажены на умѣренный оброкъ. Правда, попы обложили ихъ годовою податью въ свою пользу по нѣскольку пудовъ зернового хлѣба и другими произведеніями мордовскаго труда съ каждаго вѣнца, т.-е. съ мужа и жены; кромѣ того, за каждый бракъ взимали по крупной рогатой скотинѣ; погребеніе взрослыхъ имѣло такую же цѣнность; мелкія требы стояли по овцѣ или по барану каждая; общественныя молебствія, необязательныя для русскихъ, но обязательныя для мордвовъ, обложены были съ послѣднихъ значительными поборами; словомъ, мордовскіе приходы были для духовенства *золотымъ дномъ*. Каждое обнаружившееся уклоненіе отъ церковныхъ обрядовъ сопровождалось для мордвовъ болѣе или менѣе значительнымъ выкупомъ. Русскій судъ не щадилъ мордвовъ за самоуправство, къ которому они вынесли изъ первобытнаго состоянія неодолимую склонность, какъ напр. за увѣче воровъ, пойманныхъ на самомъ преступленіи. Русскіе торгаша грабили непредпріимчивое мордовское населеніе, продавая ему нужные предметы въ три-дорога и выманивая у него излишнія произведенія ихъ труда въ три-дешева; но это было почти нечувствительно для народа трудолюбиваго, имѣющаго притомъ самыя малосложныя нужды. Текущій порядокъ вещей казался мордвамъ совершенно нормальнымъ, за немѣніемъ передъ глазами лучшаго, и они утѣшали себя тѣмъ, что русскій законъ не дѣлалъ почти никакого предпочтенія русскимъ передъ мордвами. Тѣмъ не менѣе воспоминаніе объ утраченной свободѣ переходило отъ поколѣнія къ поколѣнію мордовскаго народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ переходила изъ рода въ родъ и надежда возвращенія свободы, вѣроятно современная самой ея потерѣ; народная фантазія дала лелѣмой мечтѣ опредѣленные образы — и вотъ составила народная легенда, что за синими морями, за широкими рѣками живетъ несметное множество мордвовъ «людей боговыхъ», имъ однокровныхъ; что этотъ народъ еще не знаетъ о несчастіи, какое постигло терюханъ, а русскіе нарочно

стѣсняли ихъ со всѣхъ сторонъ, чтобы мордвамъ нельзя было подать о себѣ вдалѣ вѣсточив; и какъ только, дескать, «дальни мордва» узнають о бездолю терюханъ, тотчасъ пойдуть войной на ихъ выручку, полонять русское царство — и мордовскій народъ будетъ «восподами». Рассказываютъ, что одинъ русскій удалецъ, воспользовавшись этой легендой, тайнымъ образомъ выманилъ у терюханъ нѣсколько возовъ разнаго добра, обѣщая доставить его къ морю Хвалынскому въ подарки царю Большой Мордовин; возвратясь изъ дальнихъ странъ, удалецъ тайнымъ же образомъ насылилъ мордвамъ отъ имени небывалаго царя золотыя горы.

Притязательность и безучастное, деспотическое обращеніе поповъ съ мордвами оттапливали сердца послѣднихъ отъ первыхъ; за то всѣми силами своихъ простыхъ душъ мордва привязались къ христіанскому святыю (къ образамъ), въ которомъ они видѣли доступную для нихъ на землѣ защиту и послѣднее оставшееся на ихъ долю покровительство. Эти любимые покровители мордвовъ были вовсе непритязательны и довольствовались всякими подарочками, и большими и малыми. Если кому удавалось вымолить желаннаго сына за лоскутъ холста, повѣшенный на вѣнчикъ «Христосиковой матушки»; если кому случилось отыскать пропавшую лошадушку за грошовую свѣчку, поставленную «Егорью храброму» — эти милости, столь дешево стоющія просящимъ, тотчасъ оглашались въ народѣ и возбуждали его къ болѣе щедрымъ приношеніямъ. Впрочемъ, у мордвовъ была въ тайномъ употребленіи и собственноручная расправа съ немилостивыми богами, поставленными въ переднемъ углу мордовской незатѣйливой хаты. Сожегши нѣсколько восковыхъ свѣчъ передъ извѣстной иконой, нѣсколько разъ помолившись на нее до устатка, и при всемъ томъ не получая желаемого и просямаго, мордвинъ, судя по важности дѣла, приходилъ наконецъ въ отчаяніе и ярость, хваталъ немилостиваго бога съ полки, и на порогѣ своей избы подвергалъ его различнымъ истязаніямъ, орудіями которыхъ обыкновенно служили топоръ, ножъ и кочедыкъ, приговаривая при каждомъ дѣйствіи своемъ вину наказанія; утоливъ такимъ образомъ свое ожесточившееся сердце, онъ выдалъ изувѣченную икону въ топящуюся печь, и послѣ такого самоуправства нѣсколько недѣль не зналъ себѣ покоя отъ опасенія, какъ бы его поступокъ не дошелъ до поповскаго свѣдѣнія; таковымъ же образомъ, но безъ всякаго опасенія, мордва, бывало, управлялись со своими національными богами. При такомъ порядкѣ вещей, милости боіи, очевидно, получали гласность, а немилосердіе было тщательно скрывается даже отъ домашнихъ.

Младенчествующій народъ имѣлъ младенческое понятіе о той связи, которая должна существовать между христіанскими иконами и ихъ небесными живыми первообразами. Мордвинъ всей душой вѣрилъ, что икона не есть дѣло рукъ человѣческихъ, а черезъ поповъ посылается на землю прямо съ небесъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она стоитъ или въ церкви, или въ переднемъ углу избы. По мнѣнію мордвовъ, извѣстный небожитель входитъ въ любую ему доску, потомъ на одной поверхности ея изображаетъ свое очертаніе, которое и остается на ней навсегда; черезъ глаза и уши своей иконы, святой, хотя бы былъ въ самыхъ дальнихъ небесахъ, видить и слышать все, что происходитъ около его иконы. Восковая свѣча, горящая передъ иконой, по мнѣнію мордвовъ, дѣлаетъ молящагося передъ ней болѣе видимымъ для Бога, и притомъ будто бы служить какою-то пріятною потѣхою небеснымъ властителямъ, которымъ приписывались разныя причуды. По этимъ причинамъ мордвинъ рѣдко приступалъ къ иконѣ на молитву, не поставивъ передъ ней свѣчи, и ужь непременно становился къ ней какъ можно ближе, чтобы быть болѣе видимымъ и слышимымъ. Мордовскій языкъ почти не употреблялся на молитвѣ русскому Богу, который мало понималъ его: это заставляло набожныхъ мордвовъ заучивать, при помощи русскихъ, славянскія или русскія молитвенныя слова, что немало способствовало къ усвоенію мордвами русскаго языка. Вышняя величина иконы имѣла для мордвовъ очень важное значеніе, какъ болѣе *истовое* изображеніе главныхъ небожителей, которые представлялись мордвамъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ: со вышнею величиною Бога мордва соединяли бдльшую власть и силу — большой глазъ больше и видѣлъ, большое ухо больше и слышало, въ большихъ рукахъ было больше и силы и т. д. Но для домашняго моленья мордва старалась пріобрѣтать образъ съ многочисленнѣйшими, хотя и мелкими ликами: здѣсь они видѣли ту выгоду въ экономическомъ отношеніи, что одною горящею свѣчою, пригвѣленной къ божницѣ, они могли задобрить въ свою пользу наибольшее число небесныхъ властителей. Жолтиль, повѣшенный на вѣнчикъ иконы; медь, принесенный въ церковь; коровай хлѣба и гривна, вручаемая попомъ при служеніи молебновъ, и т. п.—все это, по мнѣнію мордвовъ, шло черезъ поповскія руки на небеса для одѣванія, пропитанія и содержанія тамошнихъ жителей, которымъ приписывался чисто-человѣческій образъ жизни. Русскіе старожилы увѣряютъ (и это волюгѣ вѣроятно), что, несмотря на на какія поповскія запрещенія, мордва въ прежнія времена украдкой намазывали медомъ уста церковныхъ иконъ, наиболѣе чтимыхъ мордовскимъ наро-

домъ; такое насильственное угощеніе боговъ, громѣ меда, жеваными пряниками, виномъ и пивомъ съ бѣльшею безопасностію было употребляемо надъ домашними иконами. Употребленіе скромной пищи въ постные дни, равно употребленіе въ пищу конины, зайцевъ, мертвечины и другіе грѣхи совершались мордвами не иначе, какъ по занавѣшеніи иконъ грубымъ холстомъ, или по перенесеніи ихъ въ другой уголь, откуда боги не могли бы видѣть совершенія грѣховъ. Впрочемъ, мордва вѣрили, что ангелы летаютъ невидимками по всей землѣ, проникая въ избы и клѣтки черезъ двери и окна, и потомъ пересказываютъ на небесахъ богамъ все, что здѣсь видятъ и слышатъ—поэтому мордва опасались грѣшить при дневномъ свѣтѣ. По ихъ мнѣнію, въ потьмахъ не могутъ видѣть ни ангелы, ни боги: ночь и потемки считались, поэтому, временемъ самымъ благопріятнымъ для грѣховъ.

Грѣхи, признаваемые мордвами и по принатіи христіанства, были гораздо малосложнѣе, чѣмъ у русскихъ. Воровство, обманъ, влятвопреступленіе, убійство изъ корысти и злости, любодѣяніе, непослушаніе родителямъ, и вполсѣдствіи времени нарушеніе постовъ признаваемы были у мордвовъ главными грѣхами, около которыхъ, такъ-сказать, вертѣлись всѣ прочіе грѣхи; убійство пойманныхъ злодѣевъ почиталось мордвами дѣломъ справедливости. Въ понятіи о колдовствѣ мордва рѣшительно расходились съ русскими: по мнѣнію первыхъ, шайтаны наносятъ вредъ людямъ сами собою безъ людскаго соучастія, а знахары, отгоняющіе шайтановъ, имѣютъ вмѣстѣ съ тѣмъ пріязненныя сношенія съ небесными существами. Пьянство, рѣсни, пляски и другіе виды народнаго разгула не вмѣнялись мордвамъ въ грѣхъ: всѣ празднества въ честь боговъ по обрядамъ ихъ первобытной религіи даже обязательно соединялись съ народнымъ разгуломъ, при которомъ считалось прощительнымъ и нарушеніе цѣломудрія. Русскіихъ мордва уважали на томъ основаніи, что русскій Богъ крѣпко стоитъ за русскихъ; но симпатія мордвовъ относилась только къ русскому простонародію, находящемуся наравнѣ съ ними въ незавидныхъ условіяхъ общественной жизни. Женскій полъ у мордвовъ пользовался свободою. Съ животными мордва обращались жестоко.

При общественныхъ бѣдствіяхъ, какъ напримѣръ при долговременной засухѣ, при падежѣ скота и т. п., обыкновенныя христіанскія жертвы казались мордвамъ недостаточными для умноженія разгнѣванныхъ небесъ, и вмѣстѣ съ бѣдствіями каждый разъ возникала у мордвовъ неудержимая потребность кроваваго жертвоприношенія. По этому случаю каждое мордовское селеніе, и по принатіи мордвами христіанства, имѣло въ старину

свою особую, заповѣдную рошу, гдѣ, подѣ страхомъ народной казни, не позволялось не только срубить дерева, но даже сломить свѣжій пруть; въ каждой такой рошѣ обыкновенно росли древніе священныя дубы, подѣ которыми и совершались кровавыя жертвоприношенія богамъ. Дубъ, кажется, у всѣхъ племенъ финскаго происхожденія считается царь-деревомъ, пользующимся особеннымъ благоволеніемъ невидимыхъ міроправителей. Для приношенія въ жертву всегда употреблялся мордвами одношортный быкъ, котораго обыкновенно вели къ священнымъ дубьямъ на заколеніе всего окутаннаго чистыми холстами: хлестнуть прутьемъ, или шугнуть его чѣмъ либо никому въ это время не позволялось; по принесеніи въ жертву быка тутъ же закалался и другіе домашніе животныя: быкъ назначался въ кушанье главному богу (въ христіанствѣ главнымъ богомъ почитался у мордвовъ «Салаохъ»), болѣе мелкими животными питались второстепенныя боги. Съ какими именно религіозными церемоніями совершались у мордвовъ кровавыя жертвоприношенія, это уже затерялось во мракѣ древности; достовѣрно извѣстно только то, что всѣ церемоніи оканчивались народнымъ разгуломъ: пьянствомъ, обжорствомъ, пѣснями, пляскою, игрою на волынкѣ и т. п. До принятія христіанства, мордовскими жертвоприношеніями руководили особые жрецы, а по принятіи христіанства—знахари, ихъ преемники. Замѣчательно, что при мордовскихъ жертвоприношеніяхъ съ теченіемъ времени стали употребляться христіанскіе образы, восковыя свѣчи и ладанъ: это значило, что въ первобытныя религіозныя обряды мордвовъ стали втѣсняться элементы усвоеннаго христіанства. Нѣкоторые старожилы-туземцы говорятъ, что мордва, собираясь на моленье въ дремучихъ лѣсахъ, подвергали тамъ животныхъ, обреченныхъ на жертву, долгимъ и страшнымъ истязаніямъ. Такая мрачная сторона жертвоприношеній дѣйствительно могла образоваться въ младенствующемъ народѣ, который рѣшался прибѣгать къ національному богослуженію только тогда, когда боги разгнѣваны, а не тогда, когда они находились въ хорошемъ расположеніи духа.

II.

Событіе, о которомъ мы намѣрены рассказать, относится къ началу настоящаго столѣтія. Дѣятельная роль этого событія исключительно принадлежала необыкновенному мордвину, получившему отъ своихъ соплеменниковъ названіе Кузи-бога, а въ памяти русскихъ туземцевъ извѣстному подѣ названіемъ Кузьки-бога.

Въ мордовской деревнѣ Макрашѣ, которую можно назвать центромъ терюханскаго населенія, проявился мордовскій знахарь и искусникъ, по имени Кузьма. Онъ возвышался надъ уровнемъ всѣхъ обыкновенныхъ знахарей тѣмъ, что былъ человѣкомъ грамотнымъ—явленіе небывалое въ мордовскомъ народѣ. Онъ обыкновенно удачно лечилъ людей и скоть, отыскивалъ покраденныя вещи, отырывалъ воровъ, выгонялъ нагайкой шайтановъ изъ кликающихъ мордочекъ, а иногда и изъ русскихъ бабъ, вѣрно предугадывалъ будущее, производилъ удивительные фокусы, всѣ свои дѣйствія облакалъ ведомъ непосредственнаго содѣйствія небесныхъ силъ. Нагайба, которую онъ выгонялъ чертей изъ бѣшеныхъ бабъ, хранилась у него въ почетномъ мѣстѣ, въ особомъ ящикѣ вмѣстѣ съ мѣдными образками: по тайному разглашенію мордовскаго знахаря, эта нагайба была та самая, которую Михаилъ-архангелъ согналъ съ небесъ нечистую силу въ преисподнюю бездну. При такихъ условіяхъ, естественно, Кузьма скоро приобрѣлъ необыкновенное вліяніе на народъ по всей мѣстности: не только между соплеменниками, но и между русскими туземцами онъ прослылъ «человѣкомъ боговымъ», «святымъ», «чудотворцемъ», «пророкомъ» и т. п. Вскорѣ распространившаяся молва, что къ «Кузь-богову» по ночамъ летаютъ ангелы, еще болѣе увеличила его популярность. Просторная беля Кузи-богова, поставленная отдѣльно отъ жилой семейной избы, съ утра до вечера была наполнена приходящими мордвами и русскими; его на разрывъ развозили по домамъ въ разныя селенія, гдѣ въ немъ имѣли нужду: такимъ образомъ Кузи-боговъ имѣлъ непрерывныя сношенія со всѣми жителями того края. Сустьи его амбара быстро наполнялись хлѣбомъ, коробки холстами, а кошель казной. Свѣдавъ продѣлки Кузи-богова, приходское духовенство не разъ приставало къ нему; но начитанный и умный мордвинъ поручалъ своимъ почитателямъ отдѣлываться отъ поповъ подарочками и угощеніями: попы скоро отставали отъ Кузи-богова.

Хитрый и вкрадчивый мордвинъ не высказывалъ сначала ни малѣйшихъ претензій на имя святого человѣка, и обыкновенно называлъ себя передъ людьми не иначе, какъ грѣшнымъ рабомъ божіимъ. Но когда его нравственная власть надъ всѣмъ окружающимъ населеніемъ, не исключая и русскихъ, была достаточно упрочена, онъ замыслилъ съ мордовскимъ народомъ своимъ рѣшительно отложиться отъ церкви и отъ поповъ и произвести въ вѣрѣ обширныя преобразованія, которымъ онъ изобрѣталъ различныя планы. Послѣдствія показали, что измѣненія, производимыя имъ въ вѣрѣ, были только началомъ болѣе широкаго плана, причѣмъ онъ надѣялся быть единствен-

нымъ религіознымъ и политическимъ главою всей соединенной мордвы. Но дѣло свое Куза боговъ повелъ не врутo, а исподволь и съ величайшею осторожностью. Съ перваго раза онъ началъ внушать своимъ соплеменникамъ, не скрываясь въ томъ и передъ русскими, что образъ суть произведенія человѣческихъ рукъ, что они не боги, а только изображенія Бога и святыхъ его. Обладая необыкновеннымъ даромъ слова, Кузьма довелъ эту истину передъ мордвами на родномъ языкѣ до такой осязательности, что боготвореніе иконъ быстро пало. Такія внушенія были для Кузьмы безопасны и преслѣдованія за нихъ со стороны поповъ были рѣшительно невозможны; но они дѣлали очень важный переворотъ въ религіозномъ міросозерцаніи мордвовъ, которое было извѣстно мордвину Кузьмѣ, какъ свои пять пальцевъ. Теперь глаза иконъ уже не видятъ молящихся мордвовъ, уши не слышать, руки неподвижны и безсильны. При новыхъ понятіяхъ объ иконахъ, мордва лишились непосредственныхъ сношеній съ небесными властителями: недалновидные, особенно въ отвлеченныхъ предметахъ бѣдняки думали, что для передачи ихъ моленья и подарочковъ Богу и святымъ, нуженъ посредствующій человекъ, который бы или самъ могъ ходить на небо, или къ которому летали бы сами небожители: вотъ на что особенно билъ Куза-боговъ при своихъ внушеніяхъ мордовскому народу. И его внушенія не пропали даромъ: мордва находились въ величайшемъ раздумьѣ касательно того, что, не имѣя боговъ при себѣ подъ рукою, они должны теперь обращаться къ нимъ съ своими нуждами на небеса. А кто туда влѣзетъ? черезъ кого перевѣдывать съ Богомъ? Попы, какъ видится, плохіе доброхоты мордвамъ—людямъ боговымъ.

Послѣ этого по всей мордвѣ понесся втихомолку говоръ, что попы-де ничего не знаютъ, только занапрасно-де дѣлаютъ съ насъ поборы, а пользы нѣтъ-де отъ нихъ ни на волосъ. Уже самая смѣлость такихъ отзывовъ о попахъ достаточно показывала, что они внушены мордвамъ Кузей-боговымъ. Его секретныя внушенія были въ такомъ родѣ:

— Вотъ, православные, мы напередъ служили молебень Ілюшѣ, чтобы онъ далъ намъ дождичка, снесли понамъ по грошу, да по короваю, да по пяту яицъ съ кажиннаго дыму, а дождичка-то все нѣтъ и доселева: попы-то, знать, все сами заѣли, а съ Ілюшей не подѣлились, говорилъ Куза-боговъ на мордовскомъ языкѣ въ большомъ мордовскомъ собраніи.

— Вотъ ты, рабъ божий Ермолай, поставишь пять гривенныхъ свѣчъ Егорью-храброму, да понамъ снесъ пудовниъ ржи, а лоша-

душка-то кормилца твоя все-таки пала, внушалъ онъ одному мордвину.

— Вотъ ты, дада Терѣха, чай, съ полсуська перетаскалъ по-памъ да служилъ молебны всевидающему Огу, а на главу-то у те-бя наростло бѣльмо; быть бы тебѣ кривымъ, кабы не я же тебя полечилъ, говорилъ онъ другому.

— Угораздило же тебя, Вуволь, снести холсть попамъ, чтобы они помолылись объ тебѣ трясавицѣ, а лихоманка, гя-ка, тебя вовсе въ гробъ забиваетъ. Хошь ли, давай я отгону ее отъ те-бя божьимъ именемъ да черезъ недѣлю сдѣлаю тебя какъ быть человѣкомъ: мнѣ не надо твоей нитки, говорилъ онъ третьему.

— Будьте вѣстими, мордва люди-боговы, что божья благодать п окудаеть напоганенныя жылы мѣста, а уходить въ темны лѣ-са, секретно говорилъ Кузьма набожнѣйшимъ мордвамъ. — Она любить церковицу, да не любить поповъ; церковица — спасенье человѣку, а отъ поповъ нѣтъ никакой пользы.

Подъ тайнымъ руководствомъ Кузьмы, набожнѣйшіе мордва стали измѣнять на молитвѣ трехперстное сложеніе на двухперст-ное. Такое уклоненіе мордвовъ отъ православія не могло укрѣ-питься отъ поповъ, которые сильно имъ встревожились; но рѣдко пользуясь полнымъ разсудкомъ по неистощимому обилію угоще-ній, они не могли добраться до коренного источника развращенія мордвовъ, а Кузя-боговъ очень искусно свалилъ подозрѣніе на окружныхъ раскольниковъ. Дѣло затушено подарками и угощені-ями, Кузьма остался въ сторонѣ, а о попахъ стали говорить, что они молятся «неистово».

Всѣ такія внушенія, которыя бѣговъ человѣкъ разсѣвалъ въ глубокой тайнѣ, поколебали въ мордвахъ привязанность къ цер-кви, а особенно довѣренность къ попамъ, и предуготовляли ему мѣсто для важной роли, которую онъ задумалъ разыгрывать.

Для прямого приступа къ исполненію своихъ тайныхъ предпрі-ятій, Кузя-боговъ выбралъ таковой годъ, въ который по очень рѣд-кому всходу посѣянныхъ хлѣбовъ невозможно было ожидать хоро-шаго урожая, несмотря ни на какія благоприятныя перемѣны погоды; онъ выбралъ этотъ годъ для того, чтобы осязательно показать своимъ соплеменникамъ все бессиліе поповъ передъ Христосикомъ и другими святыми, а также всю бесполезность церковныхъ моленій.

Рѣдкаа рожь въ поляхъ уже начала колоситься, какъ Кузя-бо-говъ, объѣзжая мордовскія селенія по дѣламъ своего знахар-ства, согласилъ все терюханское населеніе сдѣлать молебствія объ урожаѣ хлѣба, и всѣ отдѣльныя селенія обратились къ сво-имъ приходскимъ причтамъ съ просьбою помолиться объ этомъ

Или-пророку. Напрасно русскіе туземцы, узнавъ объ этой немѣстной затѣѣ мордвовъ, представляли имъ, что хлѣба уже колосятся и рѣдкой ржи частою быть уже невозможно, что теперь уже не поправитъ бѣды самъ Богъ—мордва единогласно отвѣчала: «на то онъ Богъ, чтобы жалѣть мордвовъ—людей боговыхъ». Понимаа по своему всемогуществу божіе и не слыша никакихъ противорѣчій со стороны духовенства, которое было очень радо доходу, мордва не пожалѣли приложить къ своему моленью и щедрыя приношенія, чтобы предотвратить общественное бѣдствіе голодухи, бывшее, что называется, уже на носу; были подняты изъ церквей иконы, окроплены святой водой всѣ мордовскія поля, а щомы были сильно угощены послѣ моленья. Но хлѣба нисколько не поправились, потому что не было къ тому естественной возможности. Кузя-боговъ повелъ дѣло по своему.

Когда осязательно стала видна бесполезность поповскаго моленья объ урожаѣ хлѣба, Кузьма подбилъ всѣхъ мордвовъ одного съ нимъ прихода въ одинъ изъ воскресныхъ дней идти въ приходскую церковь села (русскаго) Большого Терюшева къ обѣднѣ съ тѣмъ, чтобы послѣ обѣдни попросить у священниковъ (ихъ было двое при церкви) совѣта въ предстоящемъ бѣдствіи. Стеченіе мордвовъ въ церкви въ этотъ день было необыкновенно — по желанію Кузьмы было много мордвовъ изъ постороннихъ приходовъ. По окончаніи церковной службы, мордва густою массою стали передъ церковной папертью, ожидая выхода изъ церкви священника. Вотъ выходитъ чередной священникъ съ причтомъ. Мордва посняли съ своихъ головъ шапки и поклонились. Кузя-боговъ, вышедши изъ толпы и назло поклонившись священнику, началъ говорить ему довольно чисто порусски.

Надобно знать, что Кузьма въ это время былъ лѣтъ сорока отроду. Онъ былъ мордвинъ хоть приземистый, но довольно высокій ростомъ, черноватый, съ густой, окладистой и широкой бородой; его чрезвычайно рябое и некрасивое лицо было какого-то суроваго очертанія, широкое, съ цвѣтомъ надежнаго здоровья; осанка важная, глаза маленькіе, лубавые, умные, хищные; взглядъ тяжелый, какъ у большей части мордвовъ, притомъ повелительный, угрюмый и нѣсколько мрачный. Смѣхъ и улыбка казались вовсе несоответственными съ его видомъ; и дѣйствительно, онъ никогда не шутилъ, никогда не смѣялся и постоянно былъ серьезень. Рѣчь его была грубоватая, рѣзкая, протяжная, отчетливая, закамуристая и часто таинственная; во всей его физиономіи проглядывало что-то страшное и зловѣщее. Волосъ своихъ онъ не подстригалъ, а съ прямымъ проборомъ на лбу закидывалъ ихъ за уши, подобно лицамъ духовнаго званія. Одѣтъ онъ былъ въ

это время довольно опрятно въ темно-цвѣтный кафтанъ, похожій на причетнической подрясникъ, и подпоясанъ широкимъ кожанымъ ремнемъ.

— Батюшка-попъ! заговорилъ Кузьма, прикидываясь совершеннымъ мордвиномъ:—пособи нашему горю великому, приставъ къ нашей головушкѣ разуму: что намъ дѣлать, чтобы хлѣбушка-то у насъ въ полѣ поправился?

— Молитесь Богу!—былъ универсальный отвѣтъ священника, когда рѣчь заходила о неудоборазрѣшимыхъ предметахъ.

Кузя-боговъ, продолжая казаться простенькимъ, очень извѣтельно замѣтилъ, что вся терюханская мордва дѣлала моленье объ урожаѣ хлѣба, что всѣ мордовскія поля окроплены святой водой, что и послѣ того мордва молились до разбитія своихъ лбовъ, а хлѣбушки въ поляхъ все-таки ни на волосъ не поправились. Мордвины, при тысячѣ внимательныхъ слушателей, въ числѣ которыхъ было много и русскихъ, съ строгою послѣдовательностью вынытывалъ отъ священника удовлетворительнаго отвѣта, отчего Богъ до сихъ поръ не исполняетъ мордовскихъ молитвъ объ урожаѣ хлѣба. Священникъ, всачески уклоняясь отъ прямыхъ отвѣтовъ, былъ принужденъ наконецъ замѣтить, что молиться объ этомъ слѣдовало бы съ весны, а не теперь, когда уже поспѣваетъ жнитво. Умный мордвины поймалъ эту мысль и вывелъ изъ нея неопровержимое заключеніе, что Богъ только весной бываетъ силенъ, а лѣтняя молитва вовсе бесполезна; что священникъ долженъ былъ возвѣстить мордвамъ эту истину заранѣе, чтобы они не тратились и не трудились напрасно. Священникъ, сбитый мордвиномъ на всѣхъ пунктахъ, старался замаять рѣчь и началъ уже горячиться.

— Нѣтъ, батюшка-попъ, заговорилъ громко Кузя-боговъ, отвѣшивая священнику низкіе поклоны:—нашъ кормилецъ—истинный Христосикъ все сможетъ за всяко время, и весной и лѣтомъ; да знать онъ осерчалъ на насъ за то, что мы ни разу не побывали къ нему да лично ему не кланялись... Батюшка-попъ! завопилъ Кузьма, умильно протянувъ руки въ направленіи къ священнику:—мы всей душой рады бы побывать къ нему да помолиться ему съ подарочками, да вишь не знаемъ, какъ пробратъся-то къ нему: онъ вишь живетъ очень высоко. Скажи-ка ему отъ всѣхъ насъ православныхъ, чтобы онъ слѣзъ пониже да поселился къ намъ поближе...

Священникъ чувствовалъ, что мордовскій святоша началъ его дурачить; чтобы поскорѣе отвязаться, онъ въ свою очередь началъ осыпать различными ругательствами мордовскаго оратора и всю толпу мордвовъ, стоявшихъ съ открытыми головами и ра-

зинутыми ртами. Изъ усть священника слышались любезныя фразы: «мордва поганая», «свиньи», «орда проклятая». Мордва разошлись по домамъ.

Въ слѣдующій праздничный день съ самаго утра, старики деревни Макраши и ближайшихъ къ ней мордовскихъ селеній осторожно пробирались въ условленное мѣсто дальнаго лѣса: тамъ предложено было народное совѣщаніе по тому поводу, что поповское моленье не доходитъ къ Богу. Послѣ всѣхъ является на мѣсто и предсѣдатель совѣщанія, Куза-боговъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій, онъ сталъ на бугоркѣ лѣсной поляны, и когда старики стѣснились къ нему, отверзъ уста свои.

— Почтенные старички и всѣ православные мордва — люди богovy! — заговорилъ Кузьма какимъ-то вѣщимъ голосомъ: — взгляните на небо — тамъ живетъ Христосикъ... Православные, далековко онъ отъ насъ, да може какъ-нибудь насъ и услышитъ. Давайте-ко, вскривните ему всѣмъ народомъ: «батушка-Христосикъ, уроди намъ хлѣба!»

«Батушка-Христосикъ, уроди намъ хлѣба!» — гранули мордва всѣмъ народомъ, такъ что лѣсное эхо повторило этотъ зыкъ въ тысячѣ разныхъ перебивахъ.

Куза-боговъ махнулъ рукой, и все стихло. Онъ поднялъ глаза на небо и приложилъ уши, какъ-будто прислушиваясь къ неожиданному отвѣту; но ничего не было видно, кромѣ синевы и солнца, и ничего не слышно, кромѣ жужжащихъ по лѣсу мошекъ. Куза-боговъ медленно опустилъ глаза на верховку своей палки, и задумался. Народъ въ накомъ-то благоговѣйномъ молчаніи ожидалъ его рѣчи.

— Намъ надо еще Бога, вдохновенно сказалъ онъ, поднявъ голову и сверкая повелительно глазами. — Хотите ли опять старыхъ?

Христіанство было мордвами уже совершенно усвоено, между тѣмъ, старыя національныя боги обрѣтались только у очень рѣдкихъ мордовскихъ старухъ, и то были припрятаны въ кутнивахъ подъ шестами и въ подпольяхъ. О старыхъ религіозныхъ обрядахъ мордва знали только по слуху чрезъ преемственное преданіе; нѣкоторые изъ собравшихся бывали личными свидѣтелями лѣсныхъ жертвоприношеній, но въ этихъ жертвоприношеніяхъ уже преобладалъ элементъ христіанства.

— Нѣтъ, не надо намъ старыхъ, послушался говоръ во всемъ собраніи.

— Христосикъ живетъ на небѣ, говорилъ Кузьма: — онъ насъ не видитъ и не слышитъ: видно, онъ одинъ не управится со всѣми. У тамошнихъ святыхъ тоже много своего дѣла, а попы

насъ только обманываютъ. Намъ надо еще Бога изъ нашихъ, чтобы онъ помогалъ Христосу... Кого же? Выбирайте, православные!

Сказавъ это, Кузьма чинно повернулся и пошелъ вродь, прислушиваясь къ народному говору. Послѣ минутнаго перешоптыванія и говора, старики чинно побрели въ слѣдъ Кузи-богова.

— Некого выбрать, овяричь тебя, Кузя-боговъ, пронесли передъ нимъ передніе старики. — Будь ты у насъ земнымъ богомъ, помогай тамошнимъ свитымъ (они указали на небо), да жалѣй насъ мордвовъ—людей боговыхъ. Всѣ мы съ семьями и животами нашими повинны тебѣ, кормилецъ нашъ Кузя-богъ.

И Кузя-боговъ сталъ Кузей-богомъ.

III.

Очевидно, Кузька-богъ былъ такою личностью, которая стоить того, чтобы познакомиться съ нею повороче.

Кузька-богъ былъ уроженцемъ деревни Макараши, находящейся на берегу Серѣжи и состоящей изъ одной мордвы. Отецъ его имѣлъ какія-то короткія сношенія съ главою раскольнической секты, русскимъ мужикомъ очень пожилыхъ лѣтъ, который жилъ въ особомъ домѣ недалеко русской деревни Улейки. Раскольникъ этотъ почему-то обратилъ особенное вниманіе на десятилѣтнаго мордвиненка Кузьку, далъ ему понятіе о грамотности и успѣлъ возбудить къ ней сильное влеченіе. Дѣло кончилось тѣмъ, что раскольникъ, уговоривъ отца, сманилъ мальчика къ себѣ, чтобы выучить его чтенію и чтобы притомъ Кузьма былъ у него на послугахъ, подобно послушнику въ монастырѣ; истинная цѣль расколоучителя вѣроятно была та, чтобы впоследствии времени сдѣлать Кузьму пропагандистомъ раскола въ мордовскомъ народѣ. Вотъ мордовскій мальчикъ въ домѣ раскольника на послугахъ. Здѣсь онъ выжилъ года четыре, изрѣдка прибѣгая домой. Грамотѣ онъ выучился почти самоучкой—учитель-раскольникъ оказалъ ему въ этомъ очень слабое содѣйствіе. За то Кузьма въ полномъ совершенствѣ перенялъ у него искусство лицемерить, морочить людей и употреблять вѣру для своеобразныхъ цѣлей. Даровитый мальчикъ успѣлъ до такой степени вкрасѣться въ довѣренность своего учителя, что передъ нимъ стали мало-по-малу отрываться тайны раскольнической секты. Кузьма часто былъ свидѣтелемъ религиозныхъ обрядовъ, совершаемыхъ въ домѣ его учителя: при этихъ обрядахъ самъ учитель изображалъ Христа, нѣсколько мужиковъ были апостолами, нѣсколько бабъ представляли Богородицу, женъ-мироносицъ и

другихъ. Свѣта, въ которую судьба втолкнула мордовскаго мальчика, была во всей вѣроятности сѣткою *душителей* и имѣла своимъ девизомъ: «не согрѣша не умолишь». Кузьмѣ не удавалось быть свидѣтелемъ душенія самовольныхъ мучениковъ; за то ему удалось быть стороннимъ свидѣтелемъ повальнаго грѣха, который допускался раскольниками послѣ всякаго общественаго моленья: на этотъ предметъ была устроена при домѣ обширная темная клѣтъ, а нѣсколько погребовъ и подземныхъ выходовъ служили для раскольниковъ вровомъ на случай судебныхъ преслѣдованій. По мѣрѣ развивающейся смышлености и замѣчаемой преданности къ учителю, мальчикъ былъ посвященъ въ личныя тайны изувѣра, который утопалъ въ необузданномъ сладострастїи: большая часть послугъ юнаго послушника состояла въ посредничествѣ по этому предмету. Было чему поучиться, было чего перенять впечатлительному мальчику! Кузьму убѣждали въ томъ, что должно молиться въ *два перста*; доказали по божьему писанїю, что попы—еретники, что въ церквахъ нѣтъ благодати, что люди всѣ равны передъ Богомъ, что крѣпостное право и обложение христіанскихъ душъ податями суть богопротивныя учрежденія. Мальчикъ слушалъ, многое понималъ, но многомъ убѣждался. Привольная жизнь у раскольника и эикурейскія правила правственности очень нравились уже подроставшему Кузьмѣ; къ его учителю со всѣхъ сторонъ несли и везли, и они вдвоемъ, не обременяя себя никакимъ трудомъ, утопали во всевозможномъ довольствѣ. Самая таинственность ихъ жизни, которую они вели среди опасностей преслѣдованія, имѣла для Кузьмы особенную прелесть. Жива здѣсь долгое время, Кузьма выучился довольно чисто говорить порусски, а въ начитанности онъ уже не уступалъ своему учителю. Впечатлѣнія лучшей поры дѣтства, проведеннаго у раскольника, имѣли рѣшительное вліаніе на всю послѣдующую жизнь Кузьмы.

Кузьма скоро сталъ въ мордовскомъ народѣ, какъ первый и единственный грамотникъ. Особый складъ его умной и замысловатой рѣчи и стариковская разсудительность доставили ему еще въ юности всеобщее уваженіе и добрую славу. Онъ уже окончательно вышелъ изъ школы раскольника, не прекращая, впрочемъ, съ нимъ близкихъ сношеній, и на шестнадцатомъ году отроду его женили на дочери богатаго мордвина, здоровенной дѣвкѣ двадцати-пяти лѣтъ. Его жена сначала была ему несвѣрна, но это мало его интересовало. За то года черезъ два-три Кузьма вполне почувствовалъ невозвратную ошибку своего брака. Нѣсколько предосудительныхъ связей обозначили его вступленіе въ жизнь самостоятельную, но всѣ свои связи такъ хорошо умѣлъ

скрыть достойный воспитанникъ лицемѣра-раскольника, что онъ не пересталъ слыть за воздержнѣйшаго и благонравнѣйшаго человека.

На долю производительныхъ занятій Кузьмы выпала торговля. Живя у раскольника, онъ выучился счету денегъ и получилъ понятіе не только о торговлѣ, но и о торговыхъ плутняхъ, а между тѣмъ тяжелая работа по полямъ и лѣсамъ, послѣ изнѣженной послушнической жизни, казалась ему несносною. Дальнѣйшее знакомство съ раскольниками, которые большею частію были изъ богачей, доставило ему случай заняться торговой практикой, которая, при его смышленности и предприимчивости, была очень удачна. Первая удача служила для него поощреніемъ, а домашнія обстоятельства позволяли ему вести торговля дѣла безотрывочно. Освобожденіе отъ тяжелыхъ физическихъ трудовъ и обширныя связи съ людьми посредствомъ торговли, какъ нельзя лучше благопріятствовали саморазвитію его даровитой души. Торговые обороты его не ограничивались одною своею мѣстностію; онъ часто отправлялся съ товарами въ дальніе города и торговныя мѣста, особенно въ Нижній; случалось ему доѣзжать до Казани, куда влекли его вѣроятно не одни торговые барыши, но и другая болѣе важная цѣль—развѣдать о Большой Мордовіи, въ существованіе которой онъ вѣрилъ на основаніи терюханской легенды. Во всякомъ случаѣ достовѣрно то, что планъ освобожденія мордвы отъ крѣпостной зависимости занималъ Кузьму еще съ молодыхъ лѣтъ во время занятій его торговлею.

Замѣчательно, что Кузьма имѣлъ сношенія со всѣми русскими и мордовскими колдунами, ворожецами и знахарями, о какихъ только онъ могъ прослышать, такъ что всѣ его рѣчи отзывались чѣмъ-то похожимъ на народныя *заговоры*. Знакомство съ колдунами не считалось у мордвовъ предосудительнымъ и не унижало Кузьму въ глазахъ его соплеменниковъ; потому что мордва вообще приписывали колдовству хорошее значеніе и были о колдунахъ совсѣмъ не такого мнѣнія, какъ русскіе. Очевидно, Кузьма уже готовилъ себя посвятить ремеслу мордовскаго знахаря, которое съ другой стороны никакъ не соответствовало его богатству и неизмѣнному счастью въ торговлѣ. Русскіе туземцы въ знакомствѣ богача-мордвина съ колдунами видѣли скандальную цѣль, именно будто онъ ищетъ приворотовъ для своихъ зазнобушекъ.

Дѣйствительно, Кузьма, не смотря на свою степенную, даже суровую и притомъ некрасивую наружность, былъ очень влюбчивъ. Эта несчастная страсть была основана на его впечатлительности, но ей помогли развиться вѣроятно воспитаніе въ распутной раскольнической сектѣ и знакомство съ городской жизнью, съ во-

торой близко свела его торговля. Вся его жизнь была непрерывною исторією заблужденій этого рода. Но природа, очень щедрая для него во всѣхъ своихъ дарахъ, обдѣлила его однимъ даромъ, для него необходимымъ—привлекать къ себѣ женскія сердца; а потому всѣ его связи были основаны на однихъ подаркахъ и на подкупѣ. Онъ скоро замѣчалъ продажность ласкъ любимыхъ имъ женщинъ и разочаровывался, но разочаровывался для того, чтобы снова очароваться и предаться заблужденіямъ своего сердца. Не уважая священнхъ узъ собственнаго неудачнаго брака, Кузьма не уважалъ и постороннихъ брачныхъ узъ, и на деньги, пріобрѣтаемыя удачною торговлею, онъ украсилъ рогами лобъ не одного мужа. Слѣдующее происшествіе съ Кузьмой имѣло на всю его жизнь сильное вліяніе.

Бывая часто въ губерскимъ городѣ Нижнемъ по торговымъ дѣламъ, Кузьма каждый разъ останавливался здѣсь на нижнемъ базарѣ въ одномъ постояломъ домѣ, къ которому такъ привыкъ, что считалъ себя какъ дома. Въ одной изъ комнатъ постоялаго дома, впоследствии времени помѣстился на квартиру подъячій пьянчужка. У подъячаго была молоденькая и прехорошенькая жена-кокетка, которую Кузьма часто имѣлъ случай видѣть и которая ему очень полюбилась. Нѣсколько кружковъ вина, которые Кузьма выпилъ подъячему, было достаточно для того, чтобы установилось знакомство между угостившимъ и угостившимся. Въ одинъ зимній долгій вечеръ, задобренный подъячій пригласилъ Кузьму въ свою квартиру поболтать что-нибудь отъ скуки: Кузьмѣ того только и хотѣлось. Оглядѣвъ пристально красавицу-жену подъячаго, мордвинъ плѣнился ею. Впрочемъ, онъ былъ далеко отъ мысли приволокнуться за красавицей и предложить ей подарочки, разсчитывая разность чиновъ и состояній. Вечеръ шелъ съ большимъ оживленіемъ: барынька съ обворожительною пріятностію (по крайней-мѣрѣ такъ казалось Кузьмѣ) болтала всякій вздоръ и веселила собесѣдниковъ; хозяинъ, удовлетворившій своей пьянственной потребности, морилъ ихъ со смѣху, а Кузьма, ободренный хозяйскимъ вниманіемъ, былъ развязенъ. Мордвинъ найденъ занимательнымъ и интереснымъ; рѣчь и всѣ его манеры признаны чисто-русскими, очень приличными и даже благородными. На прощаньи Кузьма уловилъ очень нѣжный взглядъ красавицы и пару-другую двусмысленныхъ словъ, изъ которыхъ мелькала отдаленная надежда на неизмѣримое наслажденіе. Впрочемъ, Кузьма на этотъ разъ не поддакъ увлеченію и показалъ себя не болѣе, какъ умнымъ, внимательнымъ и вѣжливымъ гостемъ.

Съ той поры съ каждымъ прїѣздомъ Кузьмы въ Нижній, подъя-

чему пьянчужѣ была дѣровая попойка, а самому Кузьмѣ пріятный вечеръ. Впослѣдствіи времени мордвинъ, не взирая на свою мощную душу, познакомился съ ѣдкою сердечною тоскою и съ взыурательными бессонными ночами. Вмѣсто того, чтобы ѣхать съ товаромъ въ Арзамасъ, въ Лысково, въ Казань—онъ все въ Нижній да въ Нижній. Къ его счастью или несчастію, каждая такая поѣздка приносила его карману барыши, а сердцу убытка. Наконецъ одна поѣздка его въ Нижній, вмѣсто того, чтобы кончиться однимъ сутнами, растанулась на цѣлую недѣлю.

Большую часть времени Кузьма проводилъ на квартирѣ подъячаго. Нѣжныя ласки красавицы, сдерживаемыя присутствіемъ третьяго лица, палили страстное сердце Кузьмы; нѣсколько словъ, сказанныхъ шопотомъ, вскружили ему голову. Онъ уже нетолько не былъ въ состояніи скрыть свое увлеченіе, но даже самъ лѣзъ въ разставленныя для него сѣти. Между тѣмъ товаръ проданъ и деньги до тысячи рублей получены сполна: послѣдняя забота, сдерживавшая страсть Кузьмы, свалилась съ его плечъ. Кузьма разставилъ сѣти сперва подъячему: чтобы приставить ему рога, былъ приготовленъ для него цѣлый штофъ вина съ намѣреніемъ напоить его мертвецки; потомъ разставлены сѣти красавицѣ: чтобы лишить ее женской скромности, которая одна, по мнѣнію Кузьмы, препятствовала ей броситься въ его объятія. Кузьма приготовилъ для нея нѣсколько бутылокъ горскаго вина, которое, какъ онъ развѣдалъ отъ горожанъ, употребляютъ и благородныя женщины. Съ этими гостинцами Кузьма въ одинъ вечеръ вошелъ въ комнату своихъ знакомыхъ.

Начался кутѣжъ. Подъячій скоро напился, кой-какъ добрелъ до кровати, предварительно стукнувшись лбомъ объ стѣну, и тотчасъ захрапѣлъ. Красавица пила горское очень умѣренно; впрочемъ, на ея бѣлоснѣжномъ лицѣ скоро выступилъ яркій румянецъ, глаза заблестали, губы выражали сладострастные желанья. Очарованный Кузьма самъ былъ не свой. Разговоръ шелъ вполголоса. Вдругъ красавица стала снимать шнурки со свѣчки и нечаянно загасила ее, насталъ глубокой мракъ и тишина, прерываемая храпомъ спящаго. Свѣчу вновь не зажигаютъ—хорошее предзнаменованіе. Мордвинъ плотно подсаживается къ красавицѣ—отъ него не убѣгаютъ; онъ обнимаетъ ее станъ—ему отвѣчаютъ взаимнымъ объятіемъ, причемъ нѣжная ручка тихо касается денежной киси, висящей на груди мордвина; онъ бросается цаловать—ему отвѣчаютъ взаимными поцалуями. Наконецъ къ уху мордвина прильнули горячія и маркіны губы, и онъ услышалъ истинный шопотъ: «тѣрѣвъ! Иолтаса по-

стучись ко мнѣ въ дверь; а провежу тебя наверхъ въ маленькую горенку».

Кузьма покорился и вышелъ. Онъ ходилъ туда и сюда, какъ угорѣлый; провѣдалъ своихъ лошадокъ почти безъ сознанія. Въ головѣ его возилась безотвязная мысль, что онъ любить и любимъ; всѣ женщины, съ которыми онъ имѣлъ до сихъ поръ связь за подарки и за деньги, представлялись ему въ сравненіи съ этой благородной и безкорыстной любовницей, какъ мишура передъ золотомъ. Время между тѣмъ шло. Сложивъ всѣ свои вещи въ кутникъ постоялой избы, Кузьма навинулъ себѣ на плеча тулупъ и легонько постучался въ дверь подъячого. Красавица тотчасъ юркнула изъ двери съ маленькимъ фонарикомъ, обинула быстрымъ взглядомъ его пазуху, оттопырившуюся отъ денежной кисы, и проворно вбѣжала наверхъ. Черезъ нѣсколько секундъ мордвинъ очутился съ ней глазъ на глазъ въ маленькой и теплой горенкѣ съ занавѣшеннымъ окномъ и съ двухспальной кроватью въ углу.

Связь оконную занавѣску уже пробивалось въ горенку зимнее морозное утро, какъ Кузьма, извѣдавшій наслажденіе *любить и быть любимымъ*, проснулся. Вполнѣ очнувшись, онъ замѣтилъ, что въ горенкѣ нѣтъ никого; даже не оказалось ни одной вещи, принадлежащей красавицѣ. Онъ засунулъ руку подъ изголовье, шаря тамъ кису съ деньгами, еще съ вечера туда засунутую, но ея не оказалось. Туда, сюда — нѣтъ. Онъ разъ пять выворачивалъ тулупъ, вафтанъ, шерстаную койку; осматривалъ кровать, щупалъ подъ кроватью, обшарилъ всѣ углы, щели, пороги и подьоконье горницы; ошупывалъ самого себя—нѣтъ ни кисы, ни денегъ. Его прошибъ холодный потъ, его взяла лихорадка. Тутъ-то онъ узналъ, каково наслажденіе быть любимымъ безкорыстно.

Постоявъ на одномъ мѣстѣ и призывая на помощь все присутствіе своего крѣпкого духа, Кузьма ободрился и затаялъ убійственную скорбь въ глубинѣ своего сердца.

Возвращаясь въ постоялый домъ, Кузьма въ самомъ узкомъ мѣстѣ сѣней столкнулся съ своей очаровательницей, которая, оставивъ на него насмѣшливые глаза, казалось, хотѣла заговорить съ нимъ. Ощувивъ въ себѣ два протавоположныя желанія—недаловать красавицу и раскрыть ея прекрасный черепъ своимъ пудовымъ кулакомъ, онъ не поддался ни которому изъ нихъ и прошель мимо съ достоинствомъ.

Черезъ часъ времени онъ съ тѣмъ же достоинствомъ уже выпрагалъ лошадей.

Итакъ, все состояніе Кузьмы-мордвина, такъ тщательно имъ приобрѣтенное, можетъ статься, для высшихъ и отдаленныхъ цѣлей, очень глупо потеряно имъ за одну ночь; итакъ, Кузьма осужденъ на домашнюю, осѣдлую и трудовую жизнь безъ денегъ, какъ птица безъ крыльевъ. Но это бѣдствіе не могло ослабить его мощной души, а только заставило его переимѣнить образъ жизни. Въ своемъ учителѣ-раскольникѣ, съ которымъ онъ не переставалъ имѣть дружественное сношеніе, Кузьма видѣлъ таковаго человѣка, который богатѣлъ на печи лежа единственно за то, что умѣлъ читать безтолково, толковать бессмысленно, лицемѣрить, ханжить и обманывать своихъ одновѣрцевъ. Кузьма, имѣя хорошія примѣры передъ глазами, вздумалъ подражать ему не рабски, а своеобразно и въ обширнѣйшихъ размѣрахъ.

Явившись домой, Кузьма притворился больнымъ на нѣсколько дней. Во время болѣзни неоднократно являлся къ нему во снѣ Христосигъ съ ангелами, накрѣпко наказывалъ ему немедленно оставить торговлю, всѣ деньги раздать нищей братіи, самому отойти въ келью на уединеніе и молитву, а тамъ далѣе дѣлать, что будетъ приказано. Выздоровѣвъ отъ небывалой болѣзни и собравъ нѣкоторые долги по торговой части, Кузьма ушелъ въ святыя мѣста на богомолье, чтобы расточить небывалое богатство на монастыри и нищую братію. Въ дѣйствительности онъ на долгое время скрылся въ молельной у своего учителя-раскольника, гдѣ раскольники допустили его къ участию во всѣхъ обрадахъ своей секты и къ повальному грѣху, который соответствовалъ его преобладающимъ склонностямъ; былъ ли Кузьма зрителемъ добровольнаго мученичества—неизвѣстно: извѣстно только то, что добровольное мученичество не вошло въ составъ Кузьминой вѣры. Къ веснѣ Кузьма воротился домой, въ черной ермоликѣ, въ монашескомъ подрясникѣ и подпоясанъ широкимъ ремнемъ. Первою его заботою по возвращеніи домой было—поставить для себя пѣсторонь семейнаго двора особую просторную келью съ тремя волоковыми окнами, въ которую онъ вскорѣ и удалился отъ всѣхъ суетъ міра. На столѣ его постоянно лежала раскрытою большая книга—старовѣрская псалтырь; каждую ночь передъ иконами въ его кельѣ горѣла неугасимая свѣча, и при занавѣшенникѣ внутри волоковыхъ окнахъ завалось извѣстѣ, будто онъ всѣ ночи преставляетъ на молитвѣ. Между тѣмъ нашъ богомольецъ, забившись ночью со свѣчей въ подполье, дѣлалъ тамъ опыты надъ бумажными вѣрѣвами, необразованными свѣтосарникихъ ангеловъ и добытыми имъ въ Нижнемѣ, когда еще онъ занимался торговлею: это была писчая бумага, по особымъ правиламъ искусства мѣстами вѣрѣзанная, мѣстами полувирочная,

мѣстами непрозрачная, которая, будучи поставлена ночью передъ горящей свѣчей, очень живо изображала на противоположной темной стѣнѣ свѣтлаго ангела; размѣръ свѣтлаго изображенія находился въ прямой пропорціи съ разстояніемъ свѣчи отъ вырѣзка. Кузьма, съ помощію многократныхъ опытовъ съ вырѣзками и своей смысленности, довелъ искусство изображать ангеловъ до такого совершенства, что трудно было издали различить изображеніе отъ живаго существа.

Къ Кузьмѣ-отшельнику сперва стали обращаться легковѣрныя и набожныя старухи-мордовки, и конечно, не съ пустыми руками; потомъ набрели къ нему и другіе мордва, за мордвами потащились и русскіе. Къ Кузьмѣ влекли людей не однѣ религиозныя нужды—онъ былъ и лекаремъ всевозможныхъ болѣзней, и совѣтникомъ въ мірскихъ дѣлахъ, и руководителемъ хозяйскихъ и земледѣльческихъ предпріятій, и прорицателемъ будущаго, и открывателемъ сокровеннаго, и всѣмъ для всѣхъ. Еще съ ранняго дѣтства Кузьма показывалъ необыкновенную понятливость въ употребленіи лекарствъ соответственно человѣческимъ и скотскимъ болѣзнямъ. У своего учителя-раскольника, который морковалъ лечить, Кузьма безъ труда перенялъ искусство составлять мази, спуски и другіе составы, выучился молитвамъ отъ лихманки, отъ глазу, отъ прытки, заговорамъ отъ зубной боли, отъ теченія крови и т. п. Съ намѣреніемъ сводя знакомство, во время своихъ занятій торговлею, со всѣми волдунами и ворожецами, Кузьма умѣлъ вывѣдывать отъ нихъ тайны порчъ и ихъ леченій. Онъ столько былъ разсудителенъ, что заговоры, шептанья и кривлянья ворожеевъ считалъ пустыми обрядами, неимѣющими въ дѣлѣ никакого значенія, а обращалъ главное вниманіе на самыя вещества, употребляемыя при дѣйствіи. Обращаясь съ городскими жителями, онъ старался сблизиться съ извѣстными фокусниками, не жалѣя денегъ для покупки ихъ секретовъ—этимъ способомъ ему удалось достать бумажныя вырѣзки для оптического изображенія ангеловъ; равно не пропускалъ ни одного извѣстнаго ему врачебнаго исцѣленія, чтобы не добратъся до самаго лекарства и не купить въ достаточномъ количествѣ. Такъ въ подпольѣ его бѣлки хранились большіе запасы хинныхъ порошковъ, слабительныхъ и другихъ аптечныхъ мадиамонтовъ, различныхъ ядовъ съ ихъ противодѣіями, секретныхъ травъ, кореньевъ, составовъ и проч. Дѣйствія ядовъ и ихъ противодѣіи онъ предварительно испытывалъ надъ кошками и собаками, и черезъ такую практику такъ усовершенствовался въ своемъ искусствѣ, что могъ производить искусственныя болѣзни и потомъ вымечивать ихъ; привязать калу—болѣзнь, очень распространен-

ную въ мордвѣ, и потомъ свести ее — для Кузьмы было сущей бездѣлицей.

Чтобы прослыть лекаремъ-чудотворцемъ, неразборчивый въ средствахъ Кузьма рѣшился опыты надъ котками и собаками производить и надъ людьми. Разъ секретною отравою, пущенною въ умѣренной пропорціи въ питье, ему удалось произвести искусственные спазмы и корчи въ одномъ достаточномъ мордвинѣ-односельцѣ. Тотчасъ прибѣжали къ новоявленному святому и просили его полечить больного. Шарлатанъ, осмотрѣвъ больного, утвердительно сказалъ, что въ полуденную пору дядя Якимъ новѣвнулъ, не перекрестивъ рта, а черезъ ротъ влетѣлъ въ него бывшій близко нечистый духъ, который его теперь и коверкаетъ. Передъ иконами зажигается свѣча; надъ посудою, наполненною противоядіемъ, Кузьма читаетъ по книгѣ на славянскомъ языкѣ какія-то молитвы, которыхъ, разумѣется, никто не понимаетъ; потомъ начитанное противоядіе даетъ больному, который выпиваетъ его перекрестясь. Далѣе та же религиозная обстановка и тотъ же приемъ противоядія. Наконецъ больной оклѣмывается, выздоравливается, даритъ Кузьму, и слава о лекарь распространяется въ дальнія селенія.

Не лучшія средства употреблялъ Кузьма, чтобы прослыть въ народѣ пророкомъ и прозорливцемъ. Въ одну ночь онъ очень искусно свелъ со двора одного мордвина-односельца лошадь, увелъ ее въ лѣсъ и тамъ привязалъ неподалеку отъ водной мельницы къ дубу на самомъ берегу рѣки Серѣжи. Возвращаясь съ своего подвига мимо этого же двора, онъ распахнулъ ворота; имъ же изнутри отпертыя: тяжелыя ворота, разбѣжавшись на пяткѣ, такъ сильно стукнулись о заборъ, что вся изба затряслась. Полусонные хозяева повскакали изъ избы, осмотрѣли дворъ, и не вида лошади, подняли тревогу. На тревогу выбѣжалъ изъ своей кельи и Кузьма. Погоня за воображаемыми ворами воротилась на съ чѣмъ, и хозяинъ уведеной лошади обратился къ Кузьмѣ съ просьбою пособить его горю. Во встревоженный домъ, который былъ набитъ людьми, Кузьма принесъ съ собою большую старовѣрскую псалтырь; три раза перекрестился, три раза обернулъ по солнцу псалтырь на своей головѣ, на третьемъ раскрылъ и снявши сталъ читать. Словъ его никто не понималъ. Онъ присовокупилъ толкованіе на мордовскомъ языкѣ: «во широкой дороженькѣ отъ Мавраши до Романихи стоитъ водная мельница; отъ водной мельницы на правому берегу растетъ молодой дубчикъ; въ молодомъ дубчикѣ, симпротивъ Врутого-Яри, стоитъ конь вороной: онъ конякомъ бьетъ, бѣсъ прерыву рѣжетъ, хозяинъ ждетъ». Хозяинъ тотчасъ вонялъ смѣхъ этой загову-

ристой рѣчи пророка и бросился съ своими домашними на мельницу; оттуда они направились правымъ берегомъ Серѣжи по молодому дубнику и супротивъ Крутого-Яра наткнулись на привязанную лошадь. Конь дѣйствительно въ это время билъ копытомъ и ржалъ, почуввъ хозяина.

Провѣдь Кузьмы первоначально не касалась собственно догматической стороны вѣры, которая состояла для народа исключительно изъ внѣшнихъ обрядовъ а относилась только къ практической жизни народа. Особенно замѣчательна его проповѣдь о *тайной милостынѣ*, первоначальное понятіе о которой онъ, кажется, заимствовалъ у знакомыхъ раскольниковъ. Тайная милостыня послѣднихъ состояла въ томъ, чтобы подать нищему грошъ, просунувъ руку за дверь, или положить темной вѣчью на окно бѣднаго луковку, частичку печенаго хлѣба, пучокъ осѣренныхъ спичекъ и т. п.; Кузьма переработалъ идею о тайной милостынѣ по своимъ самостоятельнымъ и здравымъ понятіямъ. Кузьма требовалъ отъ богатаго во имя вышнихъ силъ, чтобы онъ подпустилъ ночью лошадушку къ бѣдняку, который ее не имѣетъ; или коровушку, для пріобрѣтенія которой бѣднякъ принужденъ разстаться съ лошадыю; или арочку, или мѣшокъ хлѣба и т. п. Мордовскій пророкъ училъ приходившихъ къ нему и мордвовъ и русскихъ, чтобы не бѣдняки ходили къ достаточнымъ людямъ за помощью, а чтобы достаточные люди сами изъискивали бѣдныхъ и доставляли имъ пособіе, не отрывая ихъ отъ дѣла; чтобы милостыни вообще состояли не въ грошовыхъ подаваніяхъ, а въ такой помощи, которая доставляла бы бѣдняку средства къ труду и самообезпеченію. Выраженію *тайная*, предлагаемому къ милостынѣ, Кузьма давалъ оригинальный смыслъ: онъ хотѣлъ видѣть въ этой взаимной помощи не заемъ, не одолженіе, налагающее на одолжимаго какія-либо обязательства, а даръ невозвратный, подаваніе сокрытое, равное безмезднымъ подаваніямъ самой природы: при такомъ способѣ милостыни нищество было невозможно. Религіозный характеръ, который былъ приданъ тайной милостынѣ, очевидно, былъ прикрытіемъ тайныхъ цѣлей — въ сущности Кузьма руководствовался самою здравой экономіей. Замысливъ овладѣть народомъ, практичный мордвякъ старался сдѣлать его достаточнымъ, обезпеченнымъ и во возможности счастливымъ. На этомъ основаніи онъ старался искоренить въ мордвахъ два равнорительныхъ порока: воровство и пьянство. Въ отарганіи кражъ и въ преслѣдованіи воровъ, которыхъ часто терпѣло, Кузьма казался потнымъ чудотворцемъ: отсутствіе высшаго обстоятельства при какой-либо кражѣ было достаточно для необыкновенно-внимательнаго мордвина, чтобы не

немъ открыть всѣ пути и тайны изгибы совершеннаго преступленія. Пьянство Кузьма преслѣдовалъ мягко посредствомъ семейныхъ главъ: крутое преслѣдованіе этого порока могло вооружить противъ Кузьмы укоренившуюся народную привычку вообще и разгульную молодѣжь въ частности. Кузьма не взлюбилъ также и шатательство мордвовъ по сторонамъ для заработковъ. Дѣйствуя тѣмъ же именемъ вышнихъ силъ, онъ приструнивалъ народъ къ дому, обучая правильному земледѣлю, руководѣльямъ, ремесламъ, торговлѣ и т. п. По мѣрѣ того, какъ Кузьма обогащался, у него возникали одно за другимъ разныя хозяйственныя и ремесленныя заведенія: мельница, кузница, маслособойня, воскобойня, кожевня, салотопня, солодовня и т. п. Кромѣ того, что эти заведенія занимали множество исключительно мордовскихъ рабочихъ рукъ, они служили еще для мордвовъ, руководимыхъ Кузьмой, предметомъ для перемчивости. Заведенія слыли принадлежностью родственниковъ Кузьмы, который въ сущности владѣя ими, удерживалъ за собою имя нестяжательнаго человѣка.

Изъ образа всѣхъ дѣйствій знаменитаго мордвина Кузьмы видно, что онъ дѣйствовалъ не по самообогащенію, а по самому обдуманному расчету; онъ былъ религіознымъ шарлатаномъ и народнымъ обманщикомъ въ полномъ смыслѣ этихъ словъ. Какія онъ имѣлъ собственныя убѣжденія—опредѣлить невозможно, потому что вся его открытая жизнь состояла изъ лицемерія, притворства и обмановъ. Религіозные шарлатаны вообще едва ли имѣютъ какія-либо собственныя религіозныя убѣжденія; по крайней-мѣрѣ изъ всѣхъ поступковъ Кузьмы естественно заключить, что для него не было ничего священнаго. По задуманному Кузьмой религіозному преобразованію нужно было внушить недоверіе къ попамъ того времени, существованіе которыхъ, по его взгляду, не имѣло никакой практической пользы: сколько онъ ни выдавалъ лицъ духовнаго званія, всѣ они, къ несчастію, были преданы разгуламъ и неумѣренному употребленію опьяняющихъ напитковъ; кромѣ того произвольные соборы духовенства, не вознаграждаемые его услугами, его привязчивость къ мордвамъ за самыя ничтожныя ихъ проступки противъ вѣры, надменное и господское обращеніе, предпочтеніе русскихъ мордвамъ—оскорбляли національное чувство довольно развитого мордвина.

Знакомство съ городской жизнью вѣроятно имѣло большое вліяніе на смѣльные замыслы мордвина Кузьмы. Столкнувшись съ людьми свободныхъ состояній, онъ получилъ понятіе о народной свободѣ; всматриваясь въ барей—стриженныхъ и бранобритыхъ, онъ не находилъ въ нихъ никакого природнаго различія съ мордвами и русскими крестьянами, а потому крѣпостное право, быв-

шее въ ту пору чистымъ рабствомъ, онъ считалъ дѣломъ несправедливымъ. Самостоятельный во всѣхъ отношеніяхъ мордвинъ не раздѣлялъ съ своими соплеменниками того мнѣнія, будто порабощеніе мордвовъ есть дѣло природы; напротивъ, это порабощеніе онъ считалъ слѣдствіемъ посягательства сильнаго на права слабого. Имѣя въ виду взаимное озлобленіе русскихъ сословій, Кузьма считалъ возстановленіе свободы мордовскаго народа дѣломъ сбыточнымъ; онъ могъ разсчитывать въ этомъ случаѣ, кромѣ единодушія терюханъ, на сочувствіе всего русскаго простонародія, недовольнаго своимъ состояніемъ, въ особенности на поддержку со стороны раскольниковъ; на содѣйствіе мордвовъ ясачныхъ, находившихся не въ лучшемъ положеніи; можетъ статься, на Большую Мордовію, въ существованіе которой вѣрилъ, и на ту народную преданность, которую такъ легко онъ приобрѣлъ своими чудотвореніями. Незнаніе политическаго состоянія Россіи ввергло Кузьму въ роковое заблужденіе и помогло ему рѣшиться на дерзкое предпріятіе, которому немного примѣровъ.

Изъ мордвовъ наиболѣе преданныхъ, Кузьма впослѣдствіи времени организовалъ небольшое общество своихъ агентовъ, которые служили одному дѣлу, не ставиваясь другъ съ другомъ, даже не зная другъ о другѣ. Главнымъ агентомъ Кузьмы былъ мордвинъ Мокей, который былъ даже посвященъ въ побочныя тайны его великаго предпріятія. У Кузьмы было всего двое дѣтей: сынъ Власъ и дочь Акулина. Восемнадцатилѣтнюю дочь онъ отдалъ замужъ въ достаточный мордовскій домъ, а шестнадцатилѣтняго сына женилъ. При выборѣ невѣсты для сына, Кузьма разсчитывалъ не столько на ея достатокъ, сколько на ея личныя достоинства, вспоминая худыя послѣдствія собственной женитьбы на немилон; и ему такъ посчастливилось, что онъ нашелъ для сына невѣсту и богатую, и умную, и пригожую. Парасковья — такъ звали сноху Кузьмы — была единственная дочь богатаго мордвина деревни Макраши, Мокея. Всѣ родственные интересы двоиухъ сватьевъ, Кузьмы и Мокея, были сосредоточены въ ихъ дѣтахъ, соединенныхъ узами брака. По этимъ обстоятельствамъ Кузьма могъ положиться на Мокея безопаснѣе, чѣмъ на кого другого; и дѣйствительно, изъ Мокея вышелъ агентъ не только вѣрный, но и умный. Впрочемъ, Кузьма былъ столько хитръ, что умѣлъ скрыть отъ своего главнаго агента всѣ свои коренныя тайны, посвятивъ его въ тайны побочныя—экономическія. Мокей искренно вѣрилъ въ сверхъестественную силу своего свата и былъ въ его рукахъ орудіемъ безсознательнымъ и безпрекословно-подсланнымъ.

Повальный грѣхъ Кузьма заимствовалъ отъ раскольниковъ только для своей личности, отчаюдъ не распространяя его въ народѣ, котораго убѣжденія не соответствовали столь глубокой распущенности. Съ одной стороны Кузьма проповѣдывалъ въ этомъ отношеніи строгое воздержаніе, съ другой собственное волокитство уже было несомнѣнно съ новою, принятою имъ на себя ролью святаго человѣка; свои сердечныя дѣла Кузьма велъ съ такою же таинственностію и благовидностію, какъ и дѣла религіозныя. Къ женѣ своей, уже состарѣвшейся, онъ оказывалъ семейную и безастрасную привязанность, а къ чуждой красотѣ относился, особенно при свидѣтеляхъ, съ невозмутимымъ равнодушіемъ. Употребляемый имъ способъ добывать любовницъ былъ истинно достойнъ изобрѣтательнаго человѣка. Полюбивъ хорошенькую дѣву или пригожую чужую жену, Кузьма, подъ видомъ лекаря, знахаря, пророка и народнаго учителя втирался въ ея домъ. Потомъ объявлялъ, что такая-то испорчена недобрыми людьми, или разшибена встрѣчнымъ шайтаномъ, или ей попритчилось, и что, если не захватить вскорѣ ея легкой болѣсти, она станетъ бѣситься, клякать, будетъ вѣкъ не человѣкомъ, не доживъ вѣку умереть и т. п. Кузьмѣ веляются и просить пособить горю; Кузьма съ удовольствіемъ беретъ послужить добрымъ людямъ, велитъ больной придти въ себѣ въ келью подъ закатъ солнца, и онъ будетъ, дескать, отчитывать и лечить ее безъ людей, чтобы не было стороннаго лихого глаза. Среднія лѣта Кузьмы и слава святаго человѣка не давали мѣста никакимъ подозрѣніямъ. Больная приходитъ къ Кузьмѣ въ его келью вечеромъ, и они остаются здѣсь нѣсколько часовъ наединѣ. Кузьма сперва лечитъ мнимо-больную: прочтаетъ надъ ней какому-другую изъ старовѣрскаго псалтыря и дастъ ей выпить деревянный стаканъ простой воды, или квасу—и порча исправится, разшибъ встрѣчнаго пройдетъ, притча минуетъ. Потомъ лекарь вывѣдываетъ у больной всѣ ея сердечныя тайны, которыя отрываются ему, какъ святаму человѣку. Сообразно съ этимъ отрывтіемъ, Кузьма самъ съ своей особой подступаетъ къ ея сердцу и говоритъ ей такими обиняками, такими неопредѣленными двусмысленностями, что пациентка, не понимая сущности дѣла, даетъ лекарю понятіе о своемъ согласіи или несогласіи на связи съ нимъ. Кузьма только тогда дѣлаетъ своей пациенткѣ ясное предложеніе своей любви, когда вполне удостовѣрится предварительно въ ея на то согласіе; въ противномъ случаѣ онъ снова читаетъ надъ ней, снова поить ее и отпускаетъ домой, наутриву увѣщаніями хранить цѣломудріе.

— А что, Матрѣха, говоритъ Кузьма, не теряя своего важ-

наго святошнаго вида:—еслибы ты, примѣромъ будучи, полюби-
лась мнѣ да припалась по сердцу, стала ли бы ты любиться со
мною? Ужь вѣстимо дѣло, я завалилъ бы тебя подарочками да
гостинчиками, вырядилъ бы тебя какъ куколку; ты бы у меня не-
бось перешеголала всѣхъ подругъ.

— Ничего, дядя Кузя-боговъ, отвѣчаетъ выздоровѣвшая Ма-
триуха:—за подарочки да за нарядъ глѣ-ча съ тобой не любиться?
Вѣдь я еще не дура, чтобы отъ добра отрезаться. Да взаправду
ли ты, Кузя-боговъ, говоришь это?

И Матриуха съ этого же вечера становится любовницей Кузь-
мы, съ навазомъ держать языкъ покороче, иначе вмѣсто одной
пртки въ нее налѣзутъ десять.

— Я ничего въ свѣтѣ не возьму, чтобы разлюбить моего Ва-
нюху, отвѣчаетъ замужняя Дарька.

— Какъ на томъ свѣтѣ повѣсятъ за этотъ грѣхъ крючкомъ
надъ огонькомъ, такъ не радъ будешь и подарочкамъ—отвѣчаетъ
дѣвка Авдотька.

— Такъ и дѣлай, Авдотька! Такъ и отвѣчай распутникамъ,
когда они будутъ приставать къ тебѣ на погибель своей и твоей
душеньки!

Такимъ образомъ Кузьма, утопая въ удовольствіяхъ жизни,
пользовался репутациею безстрастнаго и святаго человѣка. Прав-
да, мордовки, подобно женщинамъ всѣхъ націй, оказались не
очень крѣпкими на язычокъ, да ктому же огласилась въ русскомъ
народѣ и несчастная исторія Кузьмы съ женой нижегородскаго
подъячаго; но Кузьмѣ стоило только показать свою святошную
рожу и молвить пару-другую цѣломудренныхъ словъ, чтобы всѣ
эти слухи свалить на завистливыхъ и мстительныхъ шайтановъ,
которыхъ Кузя-боговъ гналъ съ бѣла-свѣта.

Но повадился кувшинъ по воду ходить — тамъ ему и голову
сломить: народный деспотъ ваткнулся на такую дѣвушку, которая
имъ самимъ овладѣла.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

САМУИЛЪ ВЫМОРКОВЪ,

ПРОПОВѢДНИКЪ УЧЕНІЯ ОБЪ АНТИХРИСТѢ

въ 1722—1725 годахъ.

Статья вторая и послѣдняя.

VII.

Влудную овцу побилъ игумень «шеленами» и опредѣлилъ въ монастырь, попрежнему. Иосафъ не лишилъ молодца и прежней своей благосклонности: въ поѣздку свою въ Ранебургъ, на ярмарку, онъ взялъ его съ собою и отсюда послалъ его въ Сокольскій уѣздъ для сыску бѣглаго монаха Павла. Самуилъ, какъ всё впашиё въ расколъ, и потому искренно оставившиё его, радъ былъ просвѣтить очи заблуждавшимся вмѣстѣ съ нимъ; онъ съ полною готовностію отправился розыскивать Павла, съ цѣлію убѣдить его возвратиться въ монастырь. Нашелъ онъ Павла въ лѣсу, поселился онъ тамъ въ вырытой имъ самимъ пещерѣ, жилъ во трудѣхъ, спасая душу свою съ боярскимъ сыномъ, Захаріемъ Мазаровичемъ Лешневимъ, и тремя товарищами, простыми мужиками. «Премногими разговорами» сталъ приводить Самуилъ своего бившаго сотоварища Павла «во истинной вѣрѣ», но тотъ и слушать не сталъ — убѣжалъ отъ него; тогда проповѣдникъ отправился въ пещеру къ Лешневу, и «многими мѣрами разговаривалъ съ нимъ и его сожителами, отводя ихъ отъ суевѣрія и обращая къ истинѣ». Увѣщаніе и тутъ не увѣчалось успѣхомъ: Захаръ твердо стоялъ на томъ, что въ лицѣ Петра I воцарился антихристъ; тщетно Самуилъ показывалъ ему книгу Стефана Яворскаго, «выговаривалъ отъ оной, а также и отъ другихъ книгъ довольно», что антихристъ—не Петръ, но—никого своими доводами «отъ книгъ» къ истинѣ не превратилъ, съ тѣмъ и вернулся проповѣдникъ нашъ къ своему игумену. Только спустя нѣкоторое время, Павла съ товарищами розыскали

другіе люди и привели подъ карауломъ въ Тамбовъ. Здѣсь Самуилъ раскрылъ другу своему его заблужденія и написалъ за него «обратительное доношеніе», которое и представилъ въ духовный приказъ. Быть можетъ, благодаря «раскаянному письму»—власти удовольствовались относительно Павла только тѣмъ, что заурядъ съ его лѣсными товарищами, сдѣлали имъ всѣмъ внушеніе батогами и водворили на прежнія мѣста жительства. Самуилъ продолжалъ усердно опровергать тѣ ложныя толкованія, которыя дѣлали нѣкоторые изъ его сотоварищей при чтеніи священныхъ книгъ. Такимъ борцомъ противъ разсужденій, «къ поношенію чести превысокихъ особъ клонящихся», явился онъ, между прочимъ, и въ слѣдующемъ случаѣ: въ поѣздѣ его изъ Раненбурга въ лѣсъ для сыску заблудшаго монаха Павла, сопровождалъ его сынъ игумена Трегуляевскаго монастыря, попъ села Избердей—Антипъ Ивановъ. По возвращеніи, попъ Антипъ съ Самуиломъ стали читать извѣстную книгу Стефана Яворскаго объ антихристѣ и дошли до мѣста, гдѣ приведена выписка изъ апокалипсиса: «сидитъ жена любодѣйца на седми холмахъ, въ рудѣ держитъ чашу пїяна кровьюми святыхъ» и проч. Антипъ сталъ изъяснять ту рѣчь по своему: «это — государыня, Екатерина Алексѣевна, сидитъ на седми холмахъ на седми смертныхъ грѣхахъ!»

— Я самъ прежь сего былъ въ сумнѣніи, отвѣчалъ Самуилъ:— и бѣгалъ, и бѣсился, и мыслилъ, что та жена нынѣшняя царица, императрица Екатерина Алексѣевна; но теперь вижу, что все то конечно неправда и все свое сумнѣніе въ томъ отложилъ»...

«Съ отложенными сумнѣніями» прожилъ бы Самуилъ въ своей обители спокойно до маститой старости и не возмущилъ бы его толки и бредни невѣжественныхъ монаховъ, поповъ и всякихъ бабъ. Но судьба предназначила ему другую долю въ жизни: она вызвала его изъ мирнаго монастыря и вдругъ, внезапно-негаданно перенесла въ Москву, поставила лицомъ къ лицу съ плодами Петровскихъ реформъ, представила ему все общество, всю среду, непосредственно вынесшую на себѣ удары преобразовательнаго рѣзца и потому сильно измѣнившуюся въ бытѣ и обычаяхъ своихъ противъ завѣтной старины... Судьба та была не что иное, на этотъ разъ, какъ одинъ изъ указовъ государя, присланный изъ московской духовной декастеріи, которымъ въ сентябрѣ 1724 года призывались молодые, грамотные и способные монахи изъ всѣхъ монастырей въ школы. Инквизиторы поспѣшили сдѣлать на мѣстахъ распоряженія о немедленномъ исполненіи указа суроваго монарха, и въ томъ же сентябрѣ мѣсяцѣ

1724 года изъ Трегуляевскаго монастыря наряжено въ Москву четверо монаховъ, въ томъ числѣ былъ и Выморковъ.

— Прощай, говорилъ Самуилъ, приѣдъ въ Тамбовъ проститься съ женой:—не столь изъ сожалѣнія къ тебѣ, сколь подтверждаю законъ Божій, молю тя, замужъ не ходи! потому, еслибъ ты письма распускаго не дала, то нѣтъ ничего, а коли дала ты письмо, да посягнешь замужъ, и въ томъ сотворишь ты прелюбодѣйство!...

— Я бѣ постриглась, говорила молодая женщина:—да не вѣдать...

Бѣдутъ молодые грамотные уму-разуму набираться въ московскую школу; не чинятся, ведутъ рѣчи о разныхъ разностяхъ.

— Сказываютъ, толкуеть іеродіаконъ Корнелій своимъ спутникамъ:—сказываютъ, когда былъ патріархъ, и на вербной недѣлѣ вживали у нихъ патріарховъ лошадей государи, и какъ здравствовалъ государь царь Іоаннъ Алексѣевичъ, въ такое время приказывалъ брату своему, Петру Алексѣевичу: «ступай-де со мной, веди у патріарха лошады!» и братъ-то Петръ не повель, а Іоаннъ Алексѣевичъ и ударилъ его за то: «сіе оставили святые отцы, сказалъ старшой-то братъ меньшому, а ты того не хочешь дѣлать». «Дай только мнѣ сроку, отвѣтствовалъ на то Петръ: я это переведу!» Да вотъ и точно, по своему, и перевелъ... Опять тожъ слышно, продолжалъ валякать Корнелій: что велеть молодымъ монахамъ растригаться; напрасно онъ такъ дѣлаетъ, не бережетъ онъ душъ христіанскихъ! А надлежало бѣ такъ поступать: ежели бѣ кто хотѣлъ растригаться, и тѣхъ бы надобно въ кострѣ жечь...

Фанатическіе толки Корнелія не баламутили однако теперъ Самуила; въ немъ еще свѣжи были вычитанные имъ доводы изъ разныхъ «правовѣрныхъ» книгъ противъ подобныхъ заблужденій, и онъ спѣшилъ отвѣчать Корнелію далеко не такъ, какъ тотъ, быть можетъ, надѣялся:

— Напрасно ты такъ говоришь, повторилъ Самуилъ:—что-де надо желающихъ выйти изъ монашества жечь въ кострахъ. Я самъ видѣлъ, въ уставѣ напечатано «буде кто не хочетъ быть монахомъ, велѣно монашество снимать и игумену съ монахи».

— Богъ знаетъ, чему нынѣ вѣрить...

— Я и въ старопечатныхъ книгахъ о томъ же видалъ именно... подтверждалъ Самуилъ. — Такъ растрись-то, коли не желаешь быть монахомъ—все не грѣхъ, а вотъ грѣхъ... Чего онъ царьцуту постригъ, а иную взялъ?—это—точно грѣхъ. Потому, читалъ это я въ Миней-Четьѣ житіе Θεодора Студита, и тамъ именно повѣствуется, какъ-де въ бытность его Θεодорову царь (а какой по

имени—не упомяну)... такъ царь—отъ такожде (какъ нонѣ нашъ государь) постригъ жену свою, а иную взалъ... И Феодоръ Студитъ его въ томъ грѣхѣ изобличалъ немало, за что по ревности своей, претерпѣлъ изгнанье и заточеніе... Ну да, продолжалъ Самуилъ: — вось (авось) уже та (первая жена Петра) и умерла, а мы станемъ о здравіи и о спасеніи его императорскаго величества Бога молить *...

Послѣднее «сумнѣніе» Самуила въ грѣхѣ Петра было не весьма велико и вскорѣ, когда довелось ему прочесть судное печатное дѣло царевича Алексѣя и инокини Елены (Авдотьи Лопухиной), то и приведенное сумнѣніе вовсе разсѣялось; онъ согласился съ тѣмъ, что государь имѣлъ вполнѣ право развестись съ своей первой женой.

Такимъ образомъ чистый, неповинный уже ни въ бабихъ предосудительныхъ, «къ худѣ ихъ величествъ» клонящихся мнѣніяхъ, явился монахъ Самуилъ въ первопрестольную столицу.

Явились всѣ четверо въ духовную декастерію, тамъ на нихъ начальство посмотрѣло и велѣло ѣхать назадъ въ свой монастырь до новаго указа.

Трое изъ прибывшихъ трегуляевскихъ монаховъ, какъ кажется, съ радостью выслушали то приказаніе и поспѣшили отправиться во-

* Судьба царицы Авдотьи въ высшей степени трогала и занимала ея современниковъ, главнымъ образомъ простой народъ. Толки о ней постоянно ходили въ народѣ, и во многихъ дѣлахъ того времени, вершавшихся въ преобразенской канцеляріи въ Москвѣ и въ тайной въ Спб., имя царицы Авдотьи встрѣчалось въ связи съ какою-нибудь сложеною объ ней легендою или отъ лица ея рѣчью. Но чтб всего интереснѣе, это то, что народъ сохранилъ о ней воспоминаніе въ трогательной пѣснѣ, которая еще въ нынѣшнемъ столѣтіи пѣлась народомъ. Вотъ эта пѣсня, какъ она передана г. Подсосонымъ въ Записк. акад. наукъ 1864 г. т. V кн. II стр. 206.

Постригись, моя жена немилая,
Ты поскинься, моя жена постылая,
За постриженье тебѣ дамъ сто рублей,
За поскимленіе—всѣй тислчу.
Я поставлю тебѣ нову келійку,
Я на суздальской, славной дороженькѣ,
Чтобы пѣшіе шли, конными ѣхали
На твою келію дивовалися:
Что это во полѣ за келійка,
Что это въ келійкѣ за монашенка?
Отчего она пострижена,
И пострижена, и поскимлена?
Отъ отца ли она, или отъ матери,
Отъ дружка ли она отъ любезного,
Или отъ мужа отъ ревниваго?...

своих, но Самуилъ не раздѣлялъ ихъ радость. Напротивъ того, влекомый сильнымъ желаніемъ учиться, онъ подалъ въ декастерію письменное доношеніе, чтобы его помѣстали въ школу. Просьба была исполнена, и монахъ Самуилъ опредѣленъ въ школьное ученіе въ Спасскій монастырь; «жить же и имѣть пропитанье» молодой сподвижникъ школьнаго ученя долженъ былъ въ одномъ изъ чужановъ Богоявленскаго монастыря, за вѣтошнымъ рядомъ; въ одной кельѣ, раздѣленной деревянными перегородками на чужаны, Самуилъ водворенъ былъ съ другими обучающимися тоже въ школѣ молодыми людьми: іеродіакономъ Савватіемъ и іеромонахомъ Петромъ. Знаменитый Богоявленскій монастырь вообще былъ довольно великъ, и монаховъ, разныхъ степеней, было въ немъ болѣе тридцати, да служителей болѣе десятка.

VII.

Самуилъ явился въ Москву, какъ мы видѣли, съ душою пылкою, умомъ, алкавшимъ пищи духовной, разумной, человѣкомъ глубоко религіознымъ и вообще съ нравственно-чистою натурою. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ думалъ въ Москвѣ найти многое, если не все, хорошее, предъ которыми бы онъ могъ удивляться, чему могъ подражать и учиться... Москву онъ считалъ святынею; она свята была въ его глазахъ и древними, благочестно жившими здѣсь государями, и святою подвижическою жизнью многихъ мужей, и наконецъ благочестіемъ всего народа; мы уже видѣли, съ какою жадностью онъ разспрашивалъ въ бытность свою еще въ Тамбовѣ у пріѣзжаго изъ Москвы о жизни ревнителей православія... То ли же нашелъ молодой человѣкъ, что ждалъ въ первопрестольной Москвѣ? Къ несчастью его, далеко не то, и первое, что не могло не поразить его — это грубость, дикость, невѣжественность той среды, въ которую введенъ онъ былъ распоряженіемъ духовной декастеріи. Былъ монаховъ Богоявленской обители въ глазахъ его явился грубѣе и гораздо порочнѣе быта сотоварищей его по Трегуляевскому монастырю. Въ монастырѣ шло разливное море: «пьянства и всякаго развратія, какъ то мясоедствія, срамословія, блуда...» Односельники Самуила — іеродіаконъ Савватій и іеромонахъ Петръ зачастую бывали «шумны», то-есть прихватывали хмѣльное, въ тому жъ далеко не были и грамотѣями; такъ они, будучи малороссами по происхожденію, (великорусской) скорписи не знали. Итакъ, товарищество выдалось Выморкову незавидное. Что касается начальства, то архимандритъ монастыря Іоанннъ не пользовался уваженіемъ братіи: въ монастырѣ по нѣскольку лѣтъ проживали бродяги,

пришлие богъ-вѣсть отколь монахи; тѣ и другіе изъ братіи нерѣдко уклонялись церковной службы—Іоакимъ сажалъ таковыхъ на «чепь», а тѣ во всеуслышаніе поносили его соромскою, неудобосказываемою бравью... Иоакимъ, въ свою очередь, не прочь былъ выпругаться, и однажды даже рѣзко выразилъ свое мнѣніе о Петрѣ I-мъ, назвавъ его ни больше, ни меньше—какъ «чортомъ».

Въ самомъ городѣ, въ средѣ духовенства, какъ свѣтскаго, такъ и чернаго (а съ тѣмъ и другимъ монаху Самуилу довелось безпрестанно быть въ сношеніяхъ съ перваго же часа своего пріѣзда въ столицу), стояла большая рознь во мнѣніяхъ относительно преобразованій Петра I-го вообще и въ особенности относительно мѣръ его, касавшихся быта духовенства, монашества, а также устройства церкви. Большая часть духовнаго сословія, въ немалому, безъ сомнѣнія, изумленію Самуила, питала непримиримую ненависть не столько къ самому государю, сколько къ дѣятельнымъ сподвижникамъ его въ преобразованіяхъ по дѣламъ русской церкви: Θεодосію Яновскому, архіепископу новгородскому и Θεофану Прокоповичу, архіепископу псковскому... На нихъ смотрѣло большинство тогдашняго духовенства какъ на главныхъ виновниковъ тѣхъ бѣдствій, которыя будто бы претерпѣвала тогда православная вѣра и о которыхъ нѣсколько лѣтъ спустя такъ вопіялъ одинъ изъ «подвижниковъ православія»:

«Θεοфанъ—ученьемъ, а Θεодосій—смѣлостью и дерзновеніемъ великимъ начали явно всю святую церковь бороть и вся ея догматы и преданія разрушать и превращать, и безбожное лютерство и прочее еретичество вводить и вкоренять, и тогда весьма отъ нихъ было въ народѣ плачевное время. Учали бытъ вездѣ противу благочестія безопасныя бесѣды, и кто каковое хотѣлъ, на церковь поношеніе говорилъ, и всякое развратное и слабое житіе имѣти учили смѣло, и такъ тогда поносима и воинчужаема святая церковь со всѣми догматами своими, и уставами, и преданіями была, что всякое благочестивое христіанское доброе дѣло единымъ словомъ, *суетьрѣмъ*, называемо было, и кто въ нихъ, въ еретинахъ, былъ пущей пьяница, и нахаль, и сквернословъ, и шутъ, тотъ званъ и вмѣняемъ въ простосердечнаго и благочестиваго человѣка..... кто же хотя мало постникъ, или воздержникъ и богомольной человѣкъ, то у нихъ званъ былъ раскольщикомъ, и лицемѣромъ, и ханжеемъ, и безбожникомъ, и весьма недобримъ человѣкомъ..... и чуть не весь монашескій чинъ превратили (Θеодосій и Θεοфанъ) въ самое безстрашіе и слабость такову, что многіе..... пьянствуютъ и мясо сплошь адятъ, и вмѣсто книгъ въ кельяхъ и церквахъ табакерки въ

рукахъ держать, и непрестанно прошекъ внохаютъ. Да его-жь, Теофана, и товарищей его..... еретическимъ тщаніемъ въ новосозданныхъ печатныхъ книгахъ (между зрочимъ въ регламентѣ духовномъ) на святую церковь нестерпимыя хулы, и многія ереси обрѣтаются..... и кои превеликія досады, и гоненія, тѣ еретики и озлобленія церкви святой чинили, весь Россійской благочестивый народъ плачущима очима съ болѣзнію сердца видѣлъ, и о всемъ еретическомъ злодѣяствіи довольно вѣдаетъ. Во всемъ-бо государствѣ часовни разорили, иконы святыя изъ нихъ безчестно вывести велѣли, а гдѣ часовенныя каменныя стѣны остались, тамо, вмѣсто молитвъ и псалмопѣнія, и каноновъ, табакомъ и прошкомъ торговать и бороды брить попустили, чудотворныя иконы, отсюду забравъ, на гнойныхъ телегахъ, подъ северными рогожами... явно во весь народъ, увозили... всецѣлые монастыри разорять, изъ нихъ монаховъ въ другіе монастыри жить переводить, а церковныя всякія другія вещи и монастырскую казну забравъ, по себѣ, на свои роскоши, на дорогіе напитки, на музыки съ танцы и на карты съ товарищи, употребляли, молодымъ монахамъ жениться и молодымъ монахинямъ замужъ посягать благословляли... и иное злодѣяство отъ сонмища ихъ еретическаго» *11.

Такія, или почти такія изобличенія всѣхъ современныхъ «еретичествъ» неминуемо долженъ былъ слышать нашъ молодой монахъ, вращаясь среди нагнанныхъ отовсюду въ школы подвижниковъ, еще больше отъ бродягъ, нерѣдко мнимыхъ монаховъ и всякихъ «спасениковъ», слонявшихся (вопреки всѣмъ запретамъ) по Москвѣ и находившихъ радушный приемъ не только у жителей, но и въ монастырскихъ оградахъ.

И вотъ, мало по малу, возмущается духъ Самуила, болѣе и болѣе раздувается потухшая искра ненависти, которую онъ носилъ въ сердцѣ своемъ противъ главнаго, по его мнѣнію, источника «всѣхъ еретичествъ» — Петра. Но неужели наука не взяла свое, не вытѣснила изъ пылкой головы дикихъ заблужденій, не ослабила фанатизмъ монаха Самуила? Нѣтъ, та наука, которую предложила ему Спасская школа, не напятала его душу, не воздѣйствовала на него. Напротивъ, мертвая схоластика, бывшая тогда въ полномъ цвѣтѣ, скоро оттолкнула отъ себя молодого человѣка;

* Дѣло о Теофанѣ Прокоповичѣ, въ Чтен. общ. истор. и древн. М. 1862 кн. I, стр. 8 и 4; см. также: «Рѣшиловское дѣло». Теофанъ Прокоповичъ и Теофилактъ Лопатинскій. Ст. И. А. Чистовича, Спб. въ 8 д. 1861 г. «Новые матеріалы для рѣшиловскаго дѣла» его же, въ Пр. Обзор. 1862 № 2.

онъ рѣшительно не въ силахъ былъ подѣ сукимъ и уродливымъ тогдашнимъ преподаваніемъ отыскать для своего ума скольконибудь здоровую пищу... Все было безжизненно, скучно, да и для его возраста слишкомъ уже трудно было заучивать различныя грамматическія тонкости, и вотъ, мало-по-малу, Выморковъ сталъ отставать отъ школьнаго ученія, къ которому такъ еще недавно пламенно стремился. Не сталъ онъ ходить въ школу, и надъ спиной его взвилась плеть префекта; стала та плеть, по всѣмъ правиламъ тогдашней педагогіи, «по часту» бороздить спину Трегуляевского школьника, и чаще и чаще сталъ онъ избѣгать школы. А между тѣмъ привывши во всемъ дурномъ видѣть духъ и волю Петра I, онъ и въ лицѣ префекта «зачалъ видѣть императора», плетью всѣлавшаго наука, и плече загорѣлась въ Самуилѣ «отъ того боля» ненависть къ «антихристу». Наконецъ, въ товарищескомъ кружку, отъ своихъ одноклассниковъ онъ только и слышалъ, что разныя намеки, а иногда и прямое осужденіе тѣхъ или другихъ мѣръ Петра I. Всѣ эти обстоятельства вновь вскипятили у Самуила злобу на государя, до того, что онъ каждымъ случаемъ смѣло выразить ее въ кельѣ, въ церкви, на стогнахъ Москвы, устно и письменно...

3-го февраля 1726 года, въ день тезоименитства цесаревны Анны Петровны, ученія школьнаго не было. Самуилъ, не боясь плети, могъ смѣло сидѣть въ своемъ чуланѣ. Сожители его также были дома; вошелъ іеромонахъ Петръ.—«Вы, отцы, заговорилъ вошедшій:—здравствуйте! а нашъ императоръ скончался; синодъ, сенатъ и генералитетъ уже къ вѣрному служенію ея величеству государынѣ подписались; а, сходя на улицу, видѣлъ, какъ манифесты прибываютъ къ воротамъ... самъ прочелъ...»

Извѣстіе это ошеломило, но не огорчило присутствующихъ. Самуилъ заходилъ по своему чулану и заговорилъ, ни къ кому не обращаясь, но въ слухъ, разными притчами хули на покойнаго, не называя его впрочемъ. Изъ присутствовавшихъ іеродіаконъ Савватій сталъ вспоминать кой-какіе факты прошлаго царствования, заговорилъ, между прочимъ, про Глѣбова.

— На колѣ его посадили напрасно, рассказывалъ Савватій:— это я слышалъ... Сказываютъ, какъ духовникъ-отъ сталъ Глѣбова спрашивать: былъ ли-де у тебя такой грѣхъ съ «бывшею царцею?» и Глѣбовъ отвѣчалъ: «что напрасно, хотя-де и писывали совѣтныя письма, а ничего-де того грѣха не бывало, можно бы-де иную казнь дать». Можетъ-статься, продолжалъ Савватій, что казнилъ покойникъ Глѣбова изъ ревности, потому какъ та жена его, Петра, была.... Хотя-бъ и тебѣ, Самуилъ, про жену твою

такое слово было-бъ, чай, нестерпимо слышать.... и ему тово, а онъ-вѣдъ царь!» *

Пошелъ разговоръ о «Духовномъ регламентѣ и прибавленіи къ нему»—это были какъ-бы бѣльмы на глазахъ тогдашнихъ монаховъ.

— Кто то дѣлалъ, спрашивалъ Самуиль:—сказываютъ, что митрополитъ Рязанскій Стефанъ?—Нѣтъ, не онъ, отвѣчалъ іеромонахъ Савватій:—а виновенъ въ сочиненіи регламента Прокоповичъ; когда по сочиненіи (регламента) принесли его регламентъ Стефану, ради подписа, и онъ подписалъ тако: «весьма тьма», и притомъ сказалъ: сами не можете дѣлать, а людей тѣмъ обременяють.... Самъ государь говаривалъ господамъ: «я прибавленія къ регламенту не знаю, сдѣлали (его) синодальные!» Да и руки государевой, продолжалъ разсказчикъ, у *прибавленія* нѣтъ» **.

— Однакожъ, замѣтилъ Самуиль:—безъ воли его (государя) ничего не дѣлали...

— Ну, да постой, отвѣчалъ іеромонахъ Петръ:—ужо нынѣ господа по своему синодальныхъ перевернуть; то стануть перебирать помаленьку....

* Объ отношеніяхъ Глѣбова къ ц. Авдотѣ и казни его см. *Устрялова*: Ист. царств. Петра Великаго т. VI глава 7-я; *Семевскаго*: «Авдотья Федоровна Лопухина», «Русск. Вѣст.» 1859 г. XXI 219 — 265; *то же*: «Покровск. дѣвичій монастырь въ г. Суздаль; мѣсто заточенія А. Ф. Лопухиной», «Русск. Вѣст.» 1860. XXX, 559—599. *Снегирева*: Письмо о ц. Евдокии, «Русск. Вѣст.» 1869. XXIII. 299 — 300. *Пекарскаго*: «Наука и Литер. при Петрѣ Вел.» II и проч. Степанъ Богдановичъ Глѣбовъ казненъ въ Москвѣ 14 марта 1718 г. Въ одной нѣмецкой брошюрѣ, того времени, о которой г. Устряловъ не упоминаетъ въ своемъ трудѣ, приведенъ между прочимъ слѣдующія подробности о казни друга инокини-царицы: «Привезли Глѣбова на торговую площадь, на саняхъ въ шесть лошадей. Его положили на столъ и въ задній проходъ воткнули желѣзный коль, который чрезъ затылокъ выходилъ наружу. Когда Глѣбовъ былъ такимъ образомъ насаженъ на коль, восемь человекъ отнесли его и водрузили коль на возвышенномъ мѣстѣ; коль имѣлъ поперечную перекладину, такъ что несчастный могъ сидѣть на ней. Воалъ Глѣбова все время былъ русскій священникъ. Чтобы осужденный на терзанія не замерзнулъ и страдалъ бы болѣе, на него надѣли мѣховое платье и шапку...» (Aus Aufâhrliche Beschreibung der in der Hauptstadt Moskau, den 28 März dieses 1718 Jahres in Weuzeln einer unghâhligen Menge Volka vollzogenen geossen Execution. Nach gâltaischem Exemplar (4°). Посаженный на коль въ третьемъ часу пополудни, Глѣбовъ испустилъ духъ только на другой день въ 1/8 пополудни. При томъ во все время для исповѣди были: архимандритъ Лопотинскій, іеромонахъ Шаркель, да священникъ Анофрій. Сидя на коль, Глѣбовъ никакого помяванія не причесъ, только ночью просалъ Марсела сподобить его св. тайнъ.

** Что послѣдніе толки не были простая болтовня, а имѣли нѣкоторое основаніе, слыча выписку, приведенную у *Пекарскаго*. II. стр. 522—523.

Сдѣлалъ Самуилъ какое-то замѣчаніе относительно содержанія Регламента духовнаго, а Савватій, смѣясь по поводу того, что писано въ немъ о житіи монашескомъ, замѣтилъ: «и мы кое, и ты Самуилъ, кое.... а во всемъ томъ (сочиненіи) не Стефанъ (митрополитъ) виновенъ, но тотъ-то...»

— Принесла мнѣ однажды баба, рассказывалъ іеромонахъ Петръ:— принесла въ церковь базать мнѣ книгу, чтобъ я ее купилъ; разогнулъ я ту книгу, вижу—напечатано: духовный; я думалъ, что это алфавитъ, и взялъ отъ нея, принесъ въ келью, глядь—анъ книга та: «Духовный регламентъ», и я его бросилъ на землю, топталъ—приговаривая: «Э-де регламентъ!» — Поднялъ ту книгу и отдалъ бабѣ: не надобно, не надобно...

«— Что-жь тебѣ онъ не милъ?»

«— Не милъ! — отвѣчалъ іеромонахъ Петръ—и проговорилъ чуть слышно: проклятые...»

И Самуилу любо было, какъ самъ онъ потомъ сознавался: любо было то слушать! На другой день, въ четвергъ, 4-го февраля, послѣ обѣда, іеромонахъ Петръ пригласилъ іеромонаха Θεодосіа да Самуила пройтись (благо время было праздное, масляница), прогуляться въ городъ. Зашли всѣ трое въ гости, во дворъ князя М. М. Голицына, что близъ двора Василья Глѣбова — въ гости къ князюскому дворецкому, Ивану Чевакинскому.

Хозяинъ принялъ гостей радушно и угостилъ ихъ; отецъ Петръ сталъ «шуметь», и тѣмъ живѣе пошла бесѣда о разныхъ разностяхъ, перешла на стѣсненія, сдѣланныя Прибавленіемъ Духовнаго регламента всему монашеству, о запрещеніи постригать женатыхъ, да тутъ же кстати Θεодосій сказалъ, обращаясь къ хозяину, и указывая «съ посмѣяніемъ» на Самуила:

— А вотъ, этотъ-то молодой какой, а жену повинулъ, да и постригся, а онѣ ходять, да ее ищеть...

— Отчего такъ сдѣлалось, что онъ жену повинулъ? спросилъ хозяинъ.

— Не сказывалъ здѣсь, въ Москвѣ, молвилъ въ отвѣтъ Самуилъ, сидѣвшій до сихъ поръ въ раздумьѣ:—нынѣ открою, такъ-какъ государь-отъ нашъ уже скончался; былъ я соблаженъ отъ людей, сказывали мнѣ противъ него, что онъ антихристъ, того и оставилъ я жену безвременно.... И разговорился Самуилъ, сталъ говорить о житѣ-бытѣ старообрядцевъ, вспомнилъ и про любимую свою нѣкогда книгу Ефремову, сказалъ о повѣсти объ антихриствѣ и о томъ, какъ одинъ монахъ въ Тамбовѣ (Савва) объявилъ ему, что антихристъ нынѣ въ Москвѣ царствуетъ.

Лишь только выговорилъ Самуилъ послѣднее слово, какъ испуганный Чевакинскій разразился на него бранью, пожелалъ ему,

безъ сомнѣнія вполнѣ искренно, чтобъ тотъ пропасть и ни въ какіе разговоры не сталъ съ гостями входить. Гости взялись за шапки и отправились восволси.

На сосѣднемъ дворѣ, Василія Глѣбова остановился прїѣзжій изъ Тамбова, давнишній знакомый Выморкова, дьяконъ Изосима. Розыскалъ его Самуилъ на другой день 5 февраля въ пятницу и въ дружеской бесѣдѣ сталъ просить Изосиму, чтобы тотъ, какъ поѣдетъ обратно въ Тамбовъ, взялъ бы его съ собою.

— Какъ же ты отъ школы поѣдешь?

— Когда былъ императоръ (такъ нельзя было), а нынѣ, надѣюсь, что и отставать (меня отъ школы)... И сталъ рассказывать о житьѣ-бытьѣ московскаго монашества: «монахи здѣсь, какъ бурлаки, ѣдятъ мясо и пьютъ табакъ, чему и я (нынѣ) ко-сень»... и проч.

Выслушалъ Изосима грустную повѣсть, и объяви прїятелю, что ѣдетъ онъ изъ Москвы еще нескоро, сообщилъ Самуилу роковое для него извѣстіе: жена-де его вышла замужъ за посадскаго человѣка города Тамбова, Якова Шатилова.

Какъ громомъ поразило это извѣстіе молодого монаха. Первая мысль, мелькнувшая въ его головѣ, была та, что въ какой-де страшный грѣхъ впаде его жена, что при живомъ мужѣ, хотя и постригшемся, но — рѣшилась выйдти замужъ; «такое посяганье въ замужство, думалъ Самуилъ, есть прелюбодѣйство!...»

— Ну, и чортъ съ нею, сказалъ онъ наконецъ:—бѣсъ сватагъ, а сатана вѣнчалъ.

«И чья тому вина, что жена моя впаде въ тотъ смертный грѣхъ, продолжалъ размышлять монахъ, возвратясь къ себѣ въ келью:— кто тому виновенъ? Черезъ кого — жена моя, вопреки своему желанію, не могла постричься? въ силу какихъ указовъ теперь она вышла замужъ? всему въ томъ виновенъ — покойный государь! И стало прилагаться несчастному, какъ онъ самъ потомъ рассказывалъ: худое сомнѣніе къ сомнѣнію, и хула въ хулѣ, а наипаче, что жена замужъ вышла; и разжегшись ревностію, ходя по своей кельѣ, сталъ онъ мыслить хулы на государя, плевать, называть его «проклятымъ», и сталъ онъ потомъ «записывать, въ тайнѣ сидя въ своемъ чуланѣ, хулы на Петра Алексѣевича на бумагахъ, называя его предтечею антихристовымъ и тому подобными хуленіями, литерами изъяснялъ именно и нескртно, и всачески перечернивалъ, и диралъ, и бросалъ въ печь, и потомъ вздумалъ написать, чтобъ скртно, дабы люди не догадались»...

Такова была внутренняя борьба, которая терзала въ это время несчастнаго Выморкова. Онъ впалъ въ какое-то изступленіе, духъ его былъ все это время въ самомъ возбужденномъ состояніи,

онъ былъ убѣжденъ и твердилъ себѣ, что для *покою въ совѣсти своей* ему необходимо написать осужденіе во слѣдъ оставившему міръ *предтечѣ антихриста*, тому — кто, по его мнѣнію, былъ единственный виновникъ смертнаго грѣха, въ который впала жена его, и затѣмъ единственный виновникъ всѣхъ злосчастій монашества и церкви православной... И хватается Выморковъ вновь за перо, и пишетъ, пишетъ, чертитъ, рветъ въ клочки и вновь пишетъ, чтобъ также разорвать и приняться за новый лоскутокъ... И нѣтъ у несчастнаго друга, которому-бъ онъ повѣдалъ свои тяжкія думы, посовѣтовался бы, поговорилъ, и тотъ бы, можетъ быть, и успокоилъ его; нѣтъ такого друга; одноклассники его люди «неумѣлые», въ тому-жъ и подвержены *шумствюу*; да они и недолюбливаютъ Выморкова. Его странное поведение вызываетъ вообще со стороны монаховъ насмѣшки надъ нимъ, они его называютъ, «въ посмѣваніе», *остроумнымъ*.

Не подѣ силу однако Выморкову вынести свое горе одному; началъ онъ было-говорить іеродиакону Савватию: «былъ етъ *покойника* тѣ указы, чтобъ не постригать, и которыми было можно и постричься, и тѣ (черезъ тѣ указы) замужъ посягнули... Въ томъ етъ грѣхъ»... но рѣчь свою Самуилъ не договорилъ, побоялся насмѣшекъ сожителя.

Въ тотъ же день, въ пятницу 5 февраля, пошелъ Выморковъ въ вечернѣ, стоялъ на клиросѣ, среди другихъ монаховъ и вдругъ, къ величайшему ихъ испугу, сталъ называть во всеуслышаніе государя Петра I — антихристомъ, укорять его въ томъ, что онъ монастыри разорилъ и не велитъ спасаться... Нѣкоторые изъ монаховъ, услышавшихъ тѣ хулы, объявили, что надо донести инквизитору. Но время стоитъ — конецъ масляницы, монахамъ не до того, въ монастырѣ суматоха, вездѣ, по всѣмъ кельямъ, въ церкви, на клиросахъ идутъ толки о смерти Петра I, и эти толки сопровождаются у многихъ изъ братіи «великимъ игумствомъ», а съ радости или съ горя то шумство — богъ-вѣсть.

Къ сожителямъ Самуила въ келью заходятъ почасту другіе монахи. Самуилъ, то сядя за столомъ въ своемъ чуланѣ, то бѣгая изъ угла въ уголь, погруженъ въ свои тяжкія думы, слышитъ за перегородкой толки и разсужденія монаховъ. Толки эти не соответствуютъ его мыслямъ, и потому болѣзненно дѣйствуютъ на его и безъ того воспаленный мозгъ — онъ болѣе и болѣе пылаетъ ненавистью къ Петру, и дикими выходками, къ величайшему испугу собесѣдниковъ, нерѣдко прерываетъ ихъ разговоръ.

Особенно тяжела была ночь Самуилу съ 5 на 6 февраля 1725 года. Легъ онъ, а сонъ не смѣжаетъ очей, лѣзетъ ему въ голову неотвязная мысль: «гдѣ этотъ грѣхъ, на комъ сыскать,

что въ посяганіи жены его въ замужство есть прелюбодѣйство?» сказалъ апостоль Павелъ: «и аще разлучится жена съ мужемъ своимъ, да пребываетъ безбрачна, или да смирится съ мужемъ своимъ; и кто оному грѣху виновенъ?...» и во всемъ виновнымъ являлся въ мнѣніи его императоръ Петръ I, и вспоминалъ онъ, какъ жена готова была сама постричься, да не постриглась, потому что запрещено уже было постригать, и какъ еще въ день прощанья, предъ отъѣздомъ въ Москву, онъ наказывалъ ей: «не ради сожалѣнія тебѣ, но подтверждая законъ божій, молю тебя—замужъ не ходи...» И пришло на умъ Выморкову въ ту же бессонную ночь написать письмо императрицѣ, указать ей, въ какой великій соблазнъ впадаютъ нѣкоторые люди, какъ напр. его жена, вслѣдствіе того, что дѣйствуютъ указы Петра о непостриженіи вновь въ монахи и монахи, и мыслилъ онъ высказать то осужденіе «съ нѣкоторыми хуленіями» про покойнаго государя, впрочемъ хуленіями «не зѣло великими», чтобъ не привесть императрицу въ большой гнѣвъ. Письмо то Самуилъ предполагалъ подать государынѣ тогда, когда она пріѣдетъ въ Москву.

«Что-жь, думалъ Выморковъ, государыня *повѣсть* мою приметъ, и хотя ей жаль своего мужа (то-есть любить она его), однакожь она одумается (то-есть поразмыслитъ) и тѣсно-ты мнѣ никакой не доставитъ, я — монахъ! Читалъ я въ книгѣ Варонія, — новопереведенной въ книгѣ Соборникѣ съ польскаго языка на славянскій, про царя Теофила; былъ тотъ царь при жизни своей—иконоборецъ, а, чаю, при смерти-то своей покался; только вѣдомо, что царица Теодора молилась по смерти его, Теофила, чтобъ избавилъ его Богъ (отъ) муки вѣчныя... (Императору Петру) мы того же желаемъ, чтобъ ему царство небесное было, только бы сдѣлалось отъ ея величества *все по старому*... И въ той повѣсти, мыслялъ Самуилъ, приведу я, въ подтвержденіе моихъ рѣчей, слова Христовы, какъ написано въ Евангеліи... зачала не упомяну... «Господи! не въ твое ли имя пророчествовахомъ, и не твоимъ ли именемъ бѣсмъ изгнахомъ? и Господь рече: «аминь, глаголю вамъ, не вѣмъ васъ, отступите отъ мене всн дѣлатели неправды и т. д.»

За мыслью послѣдовало и исполненіе: Самуилъ сталъ писать *повѣсть*. Вотъ ея начало:

«Всепресвѣтлѣйшей и державнѣйшей великой государынѣ нашей, императрицѣ Еватеринѣ Алексѣевнѣ, самодержицѣ всероссійской, «же о Господѣ радоватися.

«Рече Господь во Евангеліи: блюдите, да не презрите еданаго

отъ малыхъ сихъ, яко ангели бо ихъ выну видятъ лице отца моего небеснаго, прииде бо сынъ человѣческой взискати и спасти погибшаго» и проч., и паки: «аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, иди и обличи его между тобою и тѣмъ единымъ; аще тебѣ послушаетъ, приобрѣлъ еси брата твоего; аще же не послушаетъ, помни съ собою паки единаго или два, да при устѣхъ, двою или тріехъ свидѣтелей станеть всякъ глаголь; аще же не послушаетъ, повѣждь церкви; аще же и церковь преслушаетъ, буди тебѣ яко же язычникъ и мытарь, и елика аще свяжете на земли, будетъ связана и на небеси, и елика, аще разрѣшите на земли, будетъ разрѣшена и на небеси»; и инѣ-де: «горѣ міру отъ соблазнѣ и нужда есть пріяти соблазномъ, обаче же горе человѣку тому, имъ же соблазнъ приходитъ», и проч. и паки: «любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ, благословите клянущіе вы и молитесь за творящіе вамъ напасть, яко да будете сынове отца вашего, иже на небесѣхъ и индѣ, аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, запрети ему, аще ли кается, остави ему», и паки: «нѣкто отъ ученикъ глагола: господи, аще седмици на день согрѣшитъ въ мя братъ мой, отпущу ли ему до седмь крать, аще покается? Отвѣща ему Господь: не глаголю тебѣ до седмь крать, но до сѣмьдесятъ крать седмерицею, аще кается, остави ему», и инде: «будите убо милосерди, яко-же и отецъ вашъ небесный милосердѣ есть, и блаженн милостиви, яко тѣи помилованіи будутъ», и о семъ дождѣ хошу убо повѣсть тебѣ предложити, о самодержавнѣйшая наша госпоже святаго всероссійскаго царства, иже общій нашъ создатель царе царемъ и господь господемъ предивными своими судьбами устрой тебѣ царствовати благочестно надъ новымъ Израилемъ, еже есть православно баеолическія восточныя церкви снми, прошу и молю тебѣ, о благочестивѣйшая, Господа ради, да со тщаніемъ внимаеши здѣ написаннымъ, зане аще и грѣшнѣе есмь всѣхъ человѣкъ, паче же всенижайшій рабъ и подножіе ваше...»

Таковъ былъ приступъ къ повѣсти. — Какъ можно замѣтить, приступъ написанъ не безъ искусства и тщанія; дѣло однако на приступѣ и остановилось; обстоятельства такъ сложились, что Выморкову было уже не до «повѣсти»: рѣзкія его выходки съ слѣдующаго уже дня стали вызывать на его голову тучу, которая сгущалась надъ нимъ все болѣе и болѣе, и наконецъ разразилась страшною грозю...

Рано въ субботу, 6-го февраля, послѣ бессонной ночи, пошелъ Самуилъ въ церковь, и весь «въ смѣтенномъ духѣ» сталъ на клирость.

— Чего ты не ходишь въ школу? совершенно не встаети обратиться къ Самуилу стоявшій подлѣ него іеромонахъ Аѳанасій: — если ты не станешь въ школу ходить, какъ прежде сего хаживалъ, и префектъ тебя побьетъ попржежнему...

— Нѣтъ, нынѣ не пойду, отвѣчалъ Выморковъ:—тогда билъ царь, а нынѣ иной.

— Опять тебя бить стануть, и ежели ты въ друго-рядъ будешь такъ говорить, и за то срубятъ тебѣ голову.

Въ это время вышелъ изъ алтара на клиросъ канархистръ Діонисій. — «Вотъ Самуилъ не хочетъ въ школу ходить», пожаловался вошедшему Аѳанасію.

Діонисій сталъ бранить «лѣностнаго» школьника. Школьникъ съ своей стороны выбранилъ учителей, да тутъ же выпало отъ него нѣсколько рѣзкихъ словъ и на долю рязанскаго митрополита Стефана Яворскаго: «вотъ учать всѣ они насъ, а сами не то творять» говорилъ Самуилъ.

— Да вѣдь ты въ школу ходишь по указу, и какъ ты не пойдешь; вѣдь обучать будутъ по прежнимъ указамъ?

— Чѣмъ указы были... Кон кто указы писалъ, тотъ надохъ... исчезъ... чортъ его взялъ... и указы тѣ ею пропали же, топеря все съязнова пойдеть, а который еретичество ввелъ, рязанскій Стефанъ, и тотъ пропалъ же, а еретичество еще не вывелось...

— Слышите, братцы, чтó Самуилъ говорить-то? сказалъ Діонисій, обращаясь къ другимъ монахамъ, стоявшимъ на клиросѣ, и вслѣдъ затѣмъ пощочина, отвѣщенная канархистромъ поносителю, заградила ему уста. Діонисій пошелъ затѣмъ съ клироса читать сѣдальныи, выговаривая про Самуила: «проклятый онъ богомолецъ, бѣду намъ съ такими словами сдѣлаеть... вѣдь коли извѣстити на тебя, замѣтилъ онъ Самуилу: вѣдь чтó будетъ-то тебѣ?»

— Мертваго ею (Петра 1-го) не боюсь, не унижался Выморковъ: — а тебѣ, Діонисій, вѣтъ части въ томъ словеси...

— Эй-же собака! замѣтилъ казначей Селиверстъ, выслушавъ послѣ заутрени рассказъ отца Діонисія о происшедшей у него сценѣ съ Самуиломъ.

Всѣ уже монахи стали смотрѣть на него, какъ на зачумленнаго, съ минуты на минуту ожидаая, что его арестуетъ инквизиторъ, которому Діонисій, по настоянію другихъ монаховъ, собирався о всемъ донести; но всего этого Самуилъ либо не страшился, либо не замѣчалъ; по крайней-мѣрѣ онъ нисколько не сдерживалъ своего языка.

Въ воскресенье предъ вечернею, на нѣсколько минутъ зашелъ въ келью Петра и Савватія сожитель Выморкова, Леонтій Бала-новскій, попъ изъ церкви великомученицы Екатерины, чтó во

дворцѣ вверху. Въ ожиданіи вечерняго благовѣста, попъ вельми, ради праздника, шумный сѣлъ на лавку; никого кромѣ Самуила въ кельѣ не было. И сиди на лавкѣ, какъ-бы про себя, заговорилъ попъ Леонтіи съ сожалѣніемъ и со слезами о смерти государя. «А кончина императору случилась, продолжалъ Леонтіи, обращаясь къ Выморкову:—случилась отъ запору жестокой каменной болѣзни; слышалъ я это на площади въ разговорѣ, невѣдомо отъ какихъ людей, шедъ мимо...

— Омъ меня билъ, вдругъ заговорилъ въ отвѣтъ на сожалѣнія попа Самуилъ:— билъ омъ меня чрезъ префекта!...

— Полно врать-то, били тебя злыя дѣла, а государь этого не знаетъ.

— Повелѣно за царя Бога молить, продолжалъ говорить Самуилъ:—каковъ бы онъ ни былъ, якоже Христось научаетъ: «любите враги ваша» и проч., а какъ царь умретъ безъ исправленія, то уже (да будетъ) проклять... А омъ подлинно умеръ не простась (не покаавшись), а въ писаніи вѣдь сказано: елико свяжете на земли, будетъ связанъ и на небеси и проч.

— Криво ты толкуешь! закричалъ попъ Леонтіи.

Самуилъ сталъ утверждать, что говорятъ сущую правду, и тутъ же задумался о томъ, какъ необходимо, и исполнѣ согласно съ словомъ писанія предать *покойника*—проклятію.

Выбранился попъ, но въ это время загудѣлъ благовѣстъ къ вечернѣ, и онъ поспѣшилъ въ церковь, гдѣ и сталъ за правымъ клиросомъ. Самуилъ помѣстился въ толпѣ монаховъ на клиросѣ. Леонтію скоро довелось увидать слѣдующую сцену.

Іеромонахъ Іосифъ Дробницкій напомнилъ Самуилу относительно хожденія въ школу; Самуилъ въ отвѣтъ выбранилъ Стефана Рязанскаго: «лгалъ онъ, да и пропалъ!»

Іосифъ отвѣчалъ на это болтуну—ударомъ кулака.

— За что ты его бьешь? замѣтилъ архимандритъ Іоанннеъ, стоявшій неподалеку отъ клироса.

Монахи объяснили, что Самуилъ бранить *Рязанскаго*.

— Ну, такъ и бейте его хорошенько, заключилъ отецъ Іоанннеъ.

Рано утромъ, въ чистый понедѣльникъ, послѣ заутрени и предъ часами, въ кельѣ нашихъ пріятелей собрались для раздѣлу денегъ, собранныхъ въ ящикъ въ церкви, всѣ іеромонахи и іеродіаконы. Дѣлежъ кончился, и нѣкоторые, для «посмѣянія», вида, въ какомъ изступленномъ состояніи находится Самуилъ, стали надъ нимъ подшучивать. Тотъ, все погруженный въ думы о необходимости предать проклятію *покойника*, брякнулъ предъ всѣми присутствовавшими:

— Вотъ стойтъ Глѣбова кола, самому ему заперло! И чтобъ его *тѣлу* сѣвозъ землю провалиться. *Самъ* пропалъ, да и *всѣ* пропадутъ!...

— Ахъ ты, проклятый, закричалъ на него іеродіаконъ Іовъ:— будь ты проклятъ; когда-бъ ты, да такія слова говорилъ не въ кельѣ, а гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, за монастыремъ, то-бъ я тебя за такія рѣчи прибилъ... За такія слова высѣкутъ кнута, да пошлютъ въ ссылку въ Соловецкій монастырь, либо посадятъ въ тюрьму!...

— А что-жь, кричалъ въ отвѣтъ Выморковъ:— въ Соловецкомъ-то монастырѣ кельи лучше богоявленскихъ! А и въ тюрьму посадятъ—я буду говорить: «изведи изъ темницы душу мою исповѣдатися имени твоему!»

— Чортъ его знаетъ, чтѣ онъ такое говоритъ! толковали монахи, спѣша оставить келью, и очень хорошо понимая, что всѣ тѣ рѣчи не къ добру ведутъ.

— Все на високия персоны говоритъ, объяснялъ съ своей стороны Іовъ, обращаясь къ нѣкоторымъ изъ сотоварищей:—взялъ бы его, да и прибилъ, какъ собаку.

Вечеромъ, въ тотъ же понедѣльникъ, у іеромонаха Петра и іеродіакона Савватія опять гости, на этотъ разъ не по службѣ—знакомые ихъ: братъ холмогорскаго епископа Григорій, а съ нимъ подъячій, въ келью же зашелъ и казначей Селиверстъ. Мирно шелъ разговоръ и выпивалась водочка. Заговорили о скоромъ отъѣздѣ Григорія въ Холмогоры.

— А тебѣ, спросилъ подъячаго Савватій:— дастся ли указъ ѣхать на Холмогоры, жить попрежнему?

Не успѣлъ подъячій отвѣтить, какъ изъ-за перегородки заговорилъ Выморковъ.

— Тогда былъ царь, и нуженъ былъ указъ, а нынѣ иной. Когда-бъ мнѣ была какая нужда, то-бъ я не сталъ указу спрашивать, такъ бы пошелъ.

— Когда кто будетъ, возразилъ подъячій:—нынѣ уже государя не стало, а государственныя права не отстаются; а что по государѣ кто не тужить, развѣ какой раскольникъ. Что за кавалеръ былъ! Истинно храбръ и славенъ былъ во всей вселеннѣй!...

— Та его храбрость и премудрость, размышляя, слушая тѣ похвалы и сердца все болѣе и болѣе Самуиль:—дадеса ему, Петру I-му, отъ Бога не ради его, но молитвъ ради святыхъ божіихъ угодниковъ и всѣхъ благочестивыхъ христіанъ, и духъ святыи и недостойными дѣйствуетъ—и выскочивъ изъ-за перегородки, Выморковъ закричалъ: «пропалъ проклятыи еретикъ!»

Всѣ остолбенѣли.

— Что это у васъ нѣбкой провлятый раскольникъ? или сумасбродный, што-ль? первый заговорилъ подъачій.

— Вы сами проклятые раскольники! кричалъ монахъ, уходя въ свой чуланъ и захлопывая за собою двери. Гости струхнули не на шутку и, «не мѣшкавъ ни мало», оставили келью.

— Противно, что государь монахамъ велѣлъ жениться, а монахинямъ замужъ идти, вновь заговорилъ Самуилъ.

Селиверстъ сталъ его унимать:

— Полно, дуракъ, врать; за такія слова тебя свяжутъ.

— Теперь государя нѣтъ, бояться некого.

— О, дуракъ, дуракъ, продолжалъ Селиверстъ:—хотя государя и не стало, да страхъ его остался! Вишь что проклятый вретъ, замѣтилъ казначей, обращаясь къ зрителямъ Выморкова:—нельзя у васъ сидѣть.

Петръ и Савватій и сами это видѣли; давно они тяготились сожительствомъ «не то раскольника, не то сумасброднаго монаха», и въ тотъ же вечеръ обратились къ казначею Селиверсту съ просьбой, чтобъ онъ попросилъ архимандрита удалить Выморкова изъ монастыря. «Онъ вовсе непотребенъ, жаловались пріатели: всегда бранится»...

— Плюньте вы на него: бранить онъ Стефана Рязанскаго, или синодъ... я въ это дѣло не вступаюсъ, отвѣчалъ Селиверстъ:—будетъ нареканіе отъ братіи, будто изгоняю я по ненависти монаховъ изъ монастыря напрасно...

Между тѣмъ Самуилъ провелъ наступившую ночь въ трудѣ; онъ писалъ давно задуманное имъ «проклятіе во вслѣдъ нисшедшему во адъ антихристу». Письмо не удавалось; онъ, по обыкновенію своему, перечеркивалъ написанное, рвалъ бумагу, начиналъ писать съизнова; и только по утру 9-го февраля, во вторникъ, по приходѣ отъ часовъ, удалось ему вполнѣ, по его же выраженію, *успокоить совесть*: въ самое короткое время онъ написалъ слѣдующее:

«Злочестивый, уподобившійся самому антихристу, мерзости заустенія, стоящей на мѣстѣ святѣ, и восхитившему божескую и святительскую власть, бывшій соблазнитель и губитель душъ христіанскихъ, прегордостнымъ безуміемъ надменный держатель в. ц. п. б. п. всесверный и, * со своими бывшими единомудрствующими да будетъ проклятъ. Писано лѣта Господня 1725, мѣсяца февруарія въ 9 день».

* Всероссийскаго царства, повущеніемъ божіимъ, Петръ всесверный императоръ.

Самуилъ вынесъ это письмо къ своему сожителю, Петру. Тотъ, вмѣстѣ съ Савватіемъ, только что вернулись изъ церкви; на столѣ стояла похлебка, Савватій мирно занялъ былъ брошеніемъ въ нее огурцовъ и готовились съ Петромъ завтракать.

— Читай, да самъ разумѣвай! сказалъ Выморковъ, подавая письмо іеромонаху Петру, и не объясняя ему таинственныхъ литеръ, въ чашии, что тотъ, не разъ уже слышавшій его выходы противъ государя, самъ уразумѣть, кто въ письмѣ проклинается.

— Не знаю, что здѣсь написано, сказалъ Петръ, поглядѣвъ на письмо, которое и не могъ *узнать*, такъ-какъ не умѣлъ разбирать *писанное порусски*.

— Что написано въ письмѣ «всесверный», объяснилъ Самуилъ, отвращаясь отъ своего товарища: — и на то толкъ бывалъ великій, а нынѣ надлежитъ *всесверный*, *всесверный*, *всесверный*— и да будетъ тако!

Но Петръ не обратилъ вниманія ни на Самуила, ни на его объясненіе, письмо бросилъ на столъ и сѣлъ ѣсть; но потомъ, чтобъ не подмочить письма, снялъ его со стола и положилъ на окно.

Между тѣмъ авторъ «проклатія» ушелъ въ чуланъ и готовъ былъ приступить къ продолженію извѣстной уже намъ «повѣсти». Что за мысли роились въ это время въ его головѣ, мы узнаемъ изъ разсказа его самаго, хотя по разсказу этому не вполне ясна связь этихъ мыслей; этой связи, впрочемъ, при возбужденномъ, изступленномъ состояніи несчастнаго монаха, едва-ли можно было и требовать.

— Мнилъ я (въ это время), говоритъ Самуилъ: о святѣйшемъ синодѣ (?), что, про императорское величество, (?) то по своей волѣ сдѣлалъ, (?) хотя было такъ и не надобно, и хотя-жъ архіереи подписывались и служили ему въ томъ, однакожъ пине знатно отъ конечнаго неразумія, а пине и страха ради, такожъ и Петръ страха ради отвержеся Христа, а другіе и сластолюбіи ради, что онъ ихъ жаловалъ многими деньгами, а будетъ того (?) не сдѣлалось, и то написанное на бумажкѣ поставится въ дѣло, а я бы отрекся отъ совокупленія ихъ, и аще бѣ Богъ унесъ въ горы, плакался бы о томъ»... Мысль о наказаніи за письмо, буде оно попадетъ людямъ неприязненнымъ, не страшна Самуила, частью потому, думалось ему, что они «уничтожать» (письмо) и такъ, собака-де брешеть, а владыка ѣдетъ, есть кого и слушать, а брать меня за то подъ караулъ, либо бы розньсу не стануть»...

Несчастный однако горько ошибся. Въ келью вошелъ іеродиаконъ Іерофей Фглобла, подошелъ случайно къ окну, увидѣлъ письмо, прочелъ его—и судьба монаха Самуила была рѣшена.

IX.

«Императора Петра I не стало, да страхъ его остался!»

Селиверстъ монахъ, 8 февраля 1725 г.

Дальнѣйшую судьбу Самуила Выморкова намъ не приходится разсказывать подробно: она вполне обща всѣмъ тѣмъ, которымъ въ тѣ годы доводилось впадать въ подобныя преступленія. Самый ходъ слѣдствія, суда и осужденія надъ нимъ, не представляетъ ничего особеннаго. Въ нашей печати уже довольно было передано «дѣлъ, вершенныхъ въ розыскныхъ дѣлъ тайной канцелярїи, первой половины восемнадцатаго вѣка», поэтому избѣгая всякихъ подробностей о формальной сторонѣ производства дѣла и указаній на тогдашнїй канцелярскїй порядокъ, приведемъ лишь самыя существенныя данныя.

Мы оставили Иерофея Оглоблю читающимъ письмо Самуила. Изъ литеръ онъ прочелъ: *оди* — всероссїйскїй, *им* — царь, *покой* — Петръ; не могъ догадаться только, что значить *буки да мже*; но для него было довольно и того, что найденное имъ письмо, во всякомъ случаѣ, было «противно». О «бездѣльныхъ хулахъ» Самуила, какъ кажется, Оглобля уже слышалъ, поэтому онъ легко догадался, что и новыя хулы написаны не гѣмъ другимъ, какъ тѣмъ же Выморковымъ. Впрочемъ, тотъ и не серживался.

На первый же вопросъ іеродіакона:

— Ты оное письмо писалъ?

Выморковъ прямо отвѣчалъ:

— Я.

— А я за государя своего умру! для чего проклятыи Самуилъ такъ пишетъ? говорилъ Оглобля и сѣшнѣлъ съ доносомъ къ начальству.

— Самъ ты проклятыи! кричалъ ему вслѣдъ Выморковъ.

Архимандритъ успокоился, послали за инквизиторомъ, тотъ немедленно произвелъ въ вельѣ Выморкова обыскъ. При обыскѣ ничего, кромѣ известнаго уже намъ начала новѣсти къ «Пресвѣтлѣйшей государынѣ», не было найдено.

Самуилъ не заперся ни предъ инквизиторомъ, ни предъ архимандритомъ; тому и другому объяснилъ, что письмо писано имъ самимъ, безъ всякаго совѣта съ чьей бы то ни было стороны и безъ всякаго содѣйствія, но затѣмъ въ объясненіе того, въ «назой салѣ письмо то писано», онъ не вошелъ. Въ тотъ же день его посадили на четь.

На другой день, рано утромъ, явился за арестантомъ посланные изъ канцеляріи синода. Выморковъ сопротивлялся, не шель, требовалъ указа, по которому его берутъ, кричалъ, что онъ ея величеству не измѣнникъ, затѣмъ по улицѣ кричалъ бунтъ и караулъ, и во все время хулил ненавистнаго ему покойника. По опредѣленію канцеляріи синода, Самуила разстригли. При исполненіи обряда, онъ называлъ свѣтскихъ управителей синода слугами ангхриста, и увидавъ въ присутствіи портретъ государя, завѣшанный (по случаю его смерти), въ изступленіи закричалъ:

— Вонъ бѣсовскій образъ завѣшенъ, и всякія другія «хуленія» на его величество кричалъ неистово.

Самуилъ былъ разстриженъ и сталъ именоваться свѣтскимъ именемъ своимъ Степанъ.

Ночью въ тюрьмѣ, ему приснился сонъ. «Не бойся! тебя бить не стануть!» вѣщаль гласъ какого-то видѣнія, а было то видѣніе въ неясномъ образѣ, не то ангель, не то кто либо изъ святыхъ, посланный къ нему Богомъ, чтобы онъ не печалился. И не грустилъ арестантъ, самого розыска даже не ждалъ, не пугало его и разстриженіе, которое однако всегда было въ тѣ времена предвѣстіемъ того, что арестанту не миновать пшты; онъ думалъ, что разстригли его за то, что онъ отъ живой жены, вопреки указамъ, поступилъ въ монахи... Притомъ и видѣніе во снѣ сильно ободрило Самуила. Онъ не рассказывалъ въ своемъ поступкѣ, громко жалѣлъ, что не написалъ скрытныхъ латеръ п. б. полными словами: «попущеніемъ божіимъ», и гласно, въ присутствіи караульныхъ солдатъ, повторилъ послѣднее свое письмо, не вдаваясь, впрочемъ, въ его истолкованіе, и тут же наставляя солдатъ «бъ крѣпкому послушанію ея величеству государынѣ императрицѣ».

11 февраля Самуилъ, допрошенный въ синодѣ, а потомъ отосланный въ канцелярію сената (въ ней предсѣдательствовалъ графъ А. А. Матвѣевъ), на допросѣ въ обонхъ учрежденіяхъ коротко объяснилъ, какъ было написано имъ провлатіе. Причѣмъ смѣло и твердо объяснилъ «латеръ», въ письмѣ написанныя: б — всероссійскаго, и — царства, п — попущеніемъ, б — божіимъ, п — Петръ, всескверный — великій, и — императоръ; а бывшіе единоумудрствующіе, объяснялъ разстрига — тѣ, которые въ синодѣ были и померли!

Въ тотъ же день Выморкова задернула на дыбу, дали ему сорокъ ударовъ кнутомъ и жестоко жгли его спину вѣзниками. Истязуемый, говоря его же словами: «по надженію.... мужествомъ терпѣлъ пытку, яко за правду»!

На другой день подсудимый, крайне немощный отъ пытки, приведенъ былъ предъ канцелярію сената. Графъ Матвѣевъ объявилъ ему, что за его преступленіе, онъ неминуемо будетъ казненъ смертію. Объявленіе это столь поразило Степана Выморкова, что онъ, въ ожиданіи скорого смертнаго часа, тутъ же рѣшился повѣдать суду «всю сущую правду, не тоцію, что кому говорилъ и дѣлалъ, или о чемъ отъ кого на свои слова слыхалъ, но что и въ мысли такое куленье къ персонѣ государя имѣлъ». Рѣшеніе свое Самуилъ исполнилъ снато. Судъ услышалъ длинную исповѣдь, исполненную такой неподдѣльной искренности и правды, такой въ то же время обстоятельности въ передачѣ самыхъ мельчайшихъ подробностей, словъ, сокровеннѣйшихъ желаній и мыслей, узаній на лица, мѣста и случаи, за два, за три года тому назадъ совершившіеся, цитаты, нерѣдко довольно-длинные изъ книгъ духовныхъ, каковыя цитаты разстрига Степанъ приводилъ на память, словомъ—вѣрно то, что примѣръ подобной исповѣди едва-ли могли представить даже лѣтописи тайной канцеляріи, въ которой въ то время съ такимъ поразительнымъ искусствомъ *вытѣмывалъ всю подноготную* Андрей Ивановичъ Ушаковъ.

Въ своемъ разсказѣ, изложенномъ своеручно на бумагѣ, Выморковъ, изъ страха предстать предъ судомъ божіимъ съ совѣстью, неосвобожденною отъ прегрѣшеній, съ самымъ искреннимъ показаніемъ, передалъ наиподробнѣйшій разсказъ о всей своей жизни съ 1722 года по самый день, въ который его подвергли пыткѣ. Неизвѣстно при этомъ, взялъ ли на себя кто нибудь трудъ разъяснить несчастному всю нелѣпость его мнѣнія о Петрѣ и его слугѣ, но онъ въ показаніяхъ своихъ считалъ уже свои мнѣнія дьяволомъ на него навожденными, «и нынѣ», писалъ онъ: «по истинной своей чистой совѣсти, твердо и несомнѣнно, какъ о святѣйшемъ синодѣ, такъ и правительствующемъ сенатѣ, и о прочихъ властвующихъ и вѣрно служащихъ о всѣхъ, которые по отшествіи въ вѣчное блаженство его императорскаго величества, при ея величествѣ государынѣ императрицѣ въ російскомъ государствѣ обрѣтаются, остаюсь я безъ всякаго нареканья»... «И нынѣ ни въ чемъ не сомнѣваюсь»... Какъ бы то ни было, но только въ своемъ длинномъ разсказѣ онъ ни на кого не указалъ живо, ни одного факта не искажилъ и всѣ его показанія, по тщательномъ, *шестимѣсячному* изслѣдованію, вполне подтвердились свидѣтельствомъ и очными ставками множества лицъ, привлеченныхъ по этому дѣлу въ суду.

Исповѣдь Выморкова послужила главнѣйшимъ матеріаломъ вышеназложенныхъ подробностей нашего разсказа; здѣсь поэтому

излишне и приводить ее... Въ то время, когда крайне немощный отъ жестокой пытки, Выморковъ писалъ въ тюрьмѣ повинную: «о томъ, какъ прежде того былъ въ расколѣ и другихъ къ тому призывалъ и научалъ, такожь и про покойнаго государя непотребныя хулы, будучи во многихъ разныхъ мѣстахъ: въ городѣ Тамбовѣ и въ Тамбовскомъ уѣздѣ, на Воронежѣ, и на Дону, въ казацкихъ станицахъ бому другимъ сказывалъ, и гдѣ разсѣвалъ, и отъ другихъ кого такія-жъ непотребства слышалъ и чего ради нынѣ въ Москвѣ, вышепоказанную хулу испущаю», въ то время, когда обо всемъ этомъ только лишь оканчивалась имъ повинная, по распоряженію канцеляріи сената, арестованы были, по поводу его дѣла, нѣсколько лицъ; аресты были произведены въ Москвѣ, за нѣкоторыми же изъ оговоренныхъ лицъ, поскакали курьеры въ Тамбовъ.

Такимъ образомъ свезены были въ тюрьмы по дѣлу Степана Выморкова: попъ изъ села Избердей, Тамбовскаго уѣзда, Антонъ Ивановъ; отецъ его, игумень Трегуляевскаго Тамбовскаго монастыря Іосафъ; іеродиаконъ изъ Тамбовскаго же Казанскаго монастыря Изосима; Дмитрій Васильевъ, попъ Успенской церкви въ городѣ Тамбовѣ, и наконецъ Осипъ, столяръ изъ села Спаснаго, того же Тамбовскаго уѣзда; впрочемъ, слѣдователи и судьи были сравнительно съ петровскимъ временемъ гораздо снисходительнѣе. Въ царствованіе покойнаго, неминуемо свезены были бы въ застѣнки всѣ тѣ попы, попады, дьячки, монахи, монахини, келейники, казаки, посадскіе люди и жены посадскихъ людей—словомъ всѣ, съ которыми только имѣлъ «противныя чести его величества разговоры» бывшій монахъ Самуилъ, словомъ всѣ лица, которыхъ онъ почелъ священнымъ долгомъ называть поименно въ своей «предсмертной исповѣди». Названо же имъ было до семидесяти лицъ, и изъ нихъ собственно изъ Тамбовскаго уѣзда и города Тамбова арестовано было всего *только пять человекъ*. Затѣмъ, разумѣется, допрошенъ былъ почти весь личный составъ Богоявленскаго Московскаго монастыря, чтѣ за ветошнымъ рядомъ; всѣ жившіе въ немъ, начиная съ архимандрита Іоакима до послѣдняго сторожа, всего до пятидесяти человекъ, подвергаемы были по сему дѣлу допросу. Главная цѣль допросовъ была узнать: въ какой силѣ писани и говорены были Выморковымъ хулы на государя? По чьему совѣту? При чьемъ содѣйствіи? Не было ли у него соумышленниковъ? И почему слышавшіе «поносительныя слова», не доносили о нихъ тотчасъ же властямъ придерживающимъ? Соумышленниковъ, совѣтчиковъ и всякихъ помощниковъ пропагандъ разстриги Степана по отвѣтамъ допрашиваемыхъ лицъ, въ стѣнахъ богоявленской оби-

теп, разумѣется, не оказалось; а на вопросъ, почему не было своевременно доносимо о хуленіяхъ Выморкова, каждый изъ братья ссылались то на «шумство», въ какомъ-то положеніи былъ-де допрашиваемый, когда говорилъ разстрига то-то и то; другіе ссылались на «простоту, недоразумѣніе, и на боязнь, чтобъ говорившій въ словахъ своихъ не заперся; третьи говорили, что собирались, молъ, донести, да не успѣли, либо не могли, заболѣли де-зубною болью»; наконецъ, одинъ честный инокъ объявилъ, что потому и не донесъ на Выморкова, что «косноязыченъ отъ рожденья». Въ то же время, каждый почти старался ослабить или даже и вовсе опустить выраженія изъ рѣчей Выморкова, наиболѣе «противнаго свойства», но на многочисленныхъ очныхъ ставкахъ, дѣло само собой разъяснялось и «сумасбродныя словеса» бывшаго монаха Самуила выходили въ томъ почти видѣ, какъ они были имъ сказаны. Самъ онъ, въ своей исповѣди и въ нѣсколькихъ дополнительныхъ письменныхъ и словесныхъ показаніяхъ, рѣдко тѣ рѣчи свои «противныя» смагчалъ или опускалъ. Честной его натурѣ подобный обманъ судей казался преступленіемъ, и нерѣдко привелъ толки свои съ разными лицамъ, въ какихъ-нибудь казацкихъ станицахъ, о которыхъ, безъ его собственныхъ показаній, никто бы никогда и не узналъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ съ удивительною искренностью и какъ-бы сожалѣніемъ говорить, «что памятно о другихъ многихъ разговорахъ сказать я не могу».

Вслушавъ длинную повинную отъ Выморкова, произведя аресты нѣсколькихъ лицъ и допросивъ ихъ, московская канцеларія сената послала въ С.-Петербургъ, въ правительствующій сенатъ, вѣдѣніе, спрашивая: производить ли дальнѣйшіе аресты вообще гдѣ тому дѣлу быть слѣдоваему? Сенатъ приказалъ: разстригу Степана и прочихъ, которые его дѣлу причинны, вмѣстѣ съ подлиннымъ дѣломъ прислать за крѣпкимъ карауломъ въ тайную розыскную канцеларію въ Петербургъ, «а которыя онъ, разстрига, показываетъ старыя дѣла, сказано было въ сенатскомъ вѣдѣніи, *тѣ нынѣ оставить, и какъ на Донѣ, такъ и въ другія мѣста, посылокъ не чинить*»...

Согласно сему опредѣленію сената, графъ Матвѣевъ и генерал-майоръ Дмитріевъ-Мамоновъ, 9 апрѣля 1728 года, подъ крѣпкимъ карауломъ отправили изъ Москвы въ Петербургъ Степана Выморкова и важнѣйшихъ, по ихъ мнѣнію, «приличныхъ» къ его дѣлу четырнадцать лицъ.

Слѣдствіе продолжалось въ Петербургѣ три съ половиною мѣсяца. Наконецъ, изъ всего дѣла въ тайной канцеларіи составленъ былъ коротенькій, въ нѣсколько строкъ экстрактъ. 30-го

іюля 1725, изволила слушать тотъ экстрактъ императрица Ел. А. ¹ и затѣмъ, по ея указу, тайная канцелярія, подведя соотвѣтствующія выписки статей изъ Уложения и указовъ ², опредѣлила слѣдующес:

1) Дворовому князя М. М. Голицына человѣку, Ивану Ивасову *Чевакинскому* за то, что слыша отъ разстриги Степана непристойныя слова про ея императорское величество, а не донесъ простотою — учинить наказаніе вмѣсто кнута батогами, нещадно, и свободить съ пашпортомъ въ Москву.

2) Церкви великомученицы Екатерины, что въ Москвѣ, во дворцѣ, вверху, попа *Леонтія Балановскаго*, за то, что слышавъ отъ помянутаго же Степана про ея императорское величество непотребныя слова, не донесъ потому, что былъ боленъ зубною болью; и

3) города Тамбова Успенской церкви, что въ полковой слободѣ, Панская тожь, попа *Дмитріи Васильева*, который также, и отъ того же Выморкова, слышавъ непотребныя про ея императорское величество слова, не доносилъ отъ простоты своей, и боясь, чтобы онъ, Степанъ, не заперся — и за то имъ, понамъ, учинить наказаніе *шелестами* при снудѣ, и свободены къ прежнимъ церквамъ тѣми жъ чинами;

4) Трегуляевского монастыря, бывшаго игумена *Иосафа*, ³

5) Тамбовскаго уѣзда архіерейской вотчины села Спасскаго, Таленское тожь, столяру *Осипу Куликову*; 6) Боговлевскаго монастыря, что въ Москвѣ, *іеродіакону Іову*; 7) іеродіакону *Савватію*, разстригѣ Симону Павлову ⁴; 8) іеромонаху *Іосифу Дробницкому*; 9) ванархистру-монаху *Діонисію*; и 10) вазначю-монаху *Селиверсту*, за недонесеніе о слышанныхъ ими отъ Выморкова хульныхъ словъ, подлежали бы они наказанію, «однако же то имъ оставляется для поминовенія блаженныя и вѣчно-достойныя памяти его императорскаго величества».

¹ Государыня въ тотъ день слушала три экстракта изъ дѣлъ тайной канцеляріи: 1) изъ рассказаннаго здѣсь нами дѣла Выморкова, 2) о письмѣ невѣстномъ, по которому слѣдовалъ въ Москвѣ гвардіи капитанъ князь Шаховской о словахъ графа Матѣева (?), и 3) по дѣлу архимандрита Боговлевскаго монастыря, что за ветошнымъ радомъ, отца Іоакима въ обвиненіи его разстригою Петромъ Васильевымъ въ произношеніи хульныхъ словъ.

² Уложение 1649 г. глава II ст. 1, 19. Воин. артик. 1716 г. глава III артик. 20; гл. XVI арт. 129, гл. XVII арт. 135, 136 и 137. Указъ 28 апрѣля 1722-го г. (состоявшійся вслѣдствіе извѣстнаго дѣла Левина, повосившаго Петра I-го на площади въ Пензѣ).

³ При допросахъ былъ пытанъ, получилъ 7 ударовъ.

⁴ При допросахъ два раза подманъ на дыбу и васылъ на ней во второй разъ съ полчаса.

Всѣ эти лица были отправлены на мѣсто жительства, при чемъ тѣ изъ нихъ, которые при допросахъ были разстрижены, вновь получили отъ синода постригъ.

11) Разстригамъ: Ѳедору Степанову, и 12) Петру Васильеву ¹ ожидать окончанія вновь показаннаго отъ нихъ дѣла о словахъ, бывшихъ отъ іеромонаха Варнавы на архимандрита Іоакимеа;

13) Казанскаго монастыря, чтò въ Тамбовѣ, бывшаго іеродіакона Изосиму, разстригу Захарія Игнатьева, что онъ отъ Степана Выморкова ², про его императорское величество слышалъ непристойныя слова, и о томъ, не токмо донести, но и самъ на его слова говорилъ, и за то учинилъ ему, Захарію, вмѣсто натуральной смерти, политическую: бить внутомъ нещадно, и вырѣзавъ поздри, послать въ Рогервинъ, въ каторжную вѣчную работу.

14) Сокольскаго уѣзда села Избердей, бывшаго попа-распопу Антипа Щеглова ³, который говорилъ про ея императорское величество важныя непристойныя слова, и съ розыску въ томъ винился, и за то, вмѣсто натуральной смерти учинить ему, Антипу, политическую: бить внутомъ нещадно и, вырѣзавъ поздри, послать въ Рогервинъ въ каторжную, вѣчную работу;

15) Наконецъ, города Тамбова, Предтечева Трегуляевскаго монастыря, бывшему монаху Самуилу, разстригъ Степану Выморкову за его важныя вины, учинить ему, Выморкову, смертную казнь: отсѣчь голову въ С.-Петербургѣ, съ объявленіемъ ему той его вины, и по экзекуціи тое его голову, положи въ спиртъ, отправить съ нарочнымъ гвардіи сержантомъ въ Тамбовъ, велѣть тамъ въ городѣ сдѣлать каменный столбъ, гдѣ пристойно поставить тое голову на желѣзной спицѣ, а туловище его, Выморкова, зарыть здѣсь въ землю, и о томъ, куды надлежитъ писать, а посланному дать инструкцію, и о винахъ Выморкова сочинить листъ, и послать съ помянутымъ сержантомъ, велѣть оный прибить къ столбу, гдѣ Выморкова голова будетъ.

3-го августа 1726 года, канцеляристь, въ присутствіи караульнаго гвардіи сержанта, прочелъ Степану Выморкову смертный приговоръ. На другой день, осужденный былъ исповѣдуемъ, и только спустя недѣлю, удостоенъ причастія святыхъ тайнъ; въ тотъ же день, когда тайная канцелярія разрѣшила причастить Выморкова, она озабочивалась нарядомъ сержанта съ добрымъ солдатомъ, для отвоза головы неказненнаго еще разстриги Степана Осипова сына Выморкова. Когда всѣ, такимъ образомъ,

¹ При допросѣ на пыткѣ, дано ему 6 ударовъ.

² На двухъ пыткахъ, при допросахъ, дано ему 17 ударовъ.

³ На жестокой пыткѣ при допросахъ, дано ему было 19 ударовъ внутомъ.

предварительныя распоряженія были окончены, 14-го августа 1725 года за вронверкомъ (на Петербургской сторонѣ), у столба, въ присутствіи небольшой команды гвардейскихъ солдатъ, неизмѣннаго свидѣтеля казней, секретаря тайной канцеляріи Ивана Топильскаго и толпы народа, совершена экзекуція: по прочтеніи приговоровъ, бывшій іеродіаконъ Изосимъ (разстрига Захаръ Игнатьевъ), и распощъ Антѣпа Щегловъ высѣчени кнутаомъ, дано имъ по тридцати ударовъ каждому, и ноздри у нихъ вырѣзаны.

Затѣмъ, у того же столба, по прочтеніи приговора, казненъ былъ Выморковъ.

Голова его была отсѣчена, положена въ спиртъ, и гвардіи сержантъ, въ сопровожденіи «добраго солдата», повезъ ее въ Тамбовъ «для публики». «Публика» совершена была такимъ образомъ: полковникъ, тамбовской провинціи воевода Петръ Ивановичъ Щербачовъ, «обще» съ прибывшимъ сержантомъ распорядился на площади, гдѣ бываетъ колодникамъ экзекуція, сдѣлать каменный столбъ, и на немъ утвердить желѣзную спицу. Затѣмъ, 8-го октября, въ пятницу, въ торговый день, въ присутствіи властей и при многихъ людѣхъ, голова Выморкова «съ публикою», съ барабаннымъ боемъ на спицу воткнута, и листъ о впаихъ Выморкова при той оказіи прочтенъ, и прибитъ крѣпко къ тому столбу, впрѣдъ для всенароднаго вѣдѣнія, и поставлены у того столба для караулу солдаты.

Іеродіакону Богоявленскаго, что въ Москвѣ, монастыря, Іерофею Оглоблѣ, «за его усердное показаніе, по опредѣленію графа Толстого и А. Ушакова, и согласно съ указомъ 28-го апрѣля 1722 года, выдано въ награжденіе ея императорскаго величества жалованья 50 рублей».

МИХАИЛЪ СЕМЕВСКІЙ.

О НАРОДНОМЪ ОБРАЗОВАНИИ ВЪ XIX СТОЛѢТІИ.

НАРОДНОЕ ОБУЧЕНІЕ ВЪ АМЕРИКАНСКИХЪ ШКОЛАХЪ.

Статья Э. Давден.

Въ настоящее время занимаются образованіемъ народа болѣе, чѣмъ когда либо, не только въ Европѣ, но и во всемъ мірѣ. Надобно полагать, что не забыть еще рапортъ, въ которомъ недавно министръ народнаго просвѣщенія во Франціи, г. Дюрюи описывалъ съ такою похвальною смѣлостію положеніе первоначальныхъ школъ, и доказывалъ необходимость коренныхъ реформъ. Въ Италіи министръ народнаго просвѣщенія, г. Натолли, въ представленныхъ имъ на разсмотрѣніе парламента документахъ, съ такою же смѣлостію обнаружилъ предъ парламентомъ все то, что оказалось необходимымъ сдѣлать, чтобы поднять полуостровъ изъ вѣковаго невѣжества, которое тяготѣло надъ его умнымъ населеніемъ. Англія, недовольная и униженная медленнымъ успѣхомъ своихъ школъ, производитъ изслѣдованіе за изслѣдованіемъ, и, до сихъ поръ по крайней-мѣрѣ, тщетно старается улучшить начала, которыхъ очевидное несовершенство сознаютъ однакожь всѣ. Португалія испытываетъ новую систему, въ которую введены начала, сообразныя съ новыми идеями, и Россія, несмотря на свои политическія и социальныя затрудненія, находитъ время затронуть этотъ вопросъ: увѣряютъ, что она приготовляетъ важныя улучшенія. Въ Голландіи, въ Бельгіи, этотъ вопросъ, подобно военному знамени партій, не перестаетъ занимать общественное вниманіе. Наконецъ въ Австраліи и въ Канадѣ, въ Чили и въ Бразиліи, въ странахъ латинскихъ по происхожденію, равно какъ и въ англо-саксонскихъ, серьезно принялись за дѣло. Вездѣ изыскиваютъ средства распространить просвѣщеніе, сдѣлать образованіе доступнымъ и обязательнымъ для всѣхъ; стараются объ усовершенствованіи методъ, учреждаютъ нормальныя школы, увеличиваютъ число зданій для школъ, возвышаютъ положеніе преподавателей и почти нигдѣ не

отступаютъ передъ денежными жертвами, которыхъ требуютъ эти улучшения.

Дѣйствительно, надобно быть слѣпымъ, чтобъ не видѣть, что будущность націй зависитъ отъ степени ихъ просвѣщенія. Для убѣжденія въ этомъ можно привести сотню доказательствъ; я ограничусь только тремя. Извѣстно знаменитое изрѣченіе Бекона: «знаніе есть сила». Ничего не можетъ быть справедливѣе этого, особенно въ экономическомъ отношеніи. Только знаніе естественныхъ законовъ дѣлаетъ работу производительною. Дикій человѣкъ, имѣя очень изощренныя чувства и тѣло, привыкшее ко всякаго рода труду, ведетъ жалкую жизнь и часто умираетъ отъ лишеній—силы природы подавляютъ, убиваютъ его, а онъ ихъ не знаетъ. Просвѣщенный человѣкъ, послѣ пяти тысячъ лѣтъ ученія и открытій, проникъ въ тайну силъ природы, сдѣлалъ ихъ своимъ слугами, и огнившъ съ сокращеннымъ трудомъ царствуетъ надъ порабощенною матеріею въ избыткѣ всѣхъ благъ. Значеніе познаній въ приложеніи къ произведеніямъ богатства растетъ съ каждымъ днемъ. Въ будущемъ тотъ народъ будетъ самымъ богатымъ и слѣдовательно самымъ могущественнымъ, который приложитъ къ труду наиболѣе знаній. Необходимое для приращенія богатства знаніе равнымъ образомъ необходимо и для того, чтобъ научить, какъ съ пользою употреблять это богатство. Почти всюду плата работнику недостаточна для удовлетворенія его насущныхъ потребностей, и однакожъ значительную часть ея онъ употребляетъ на расходы не только бесполезныя, но даже вредныя. Неспособный къ предусмотрительности, живущій только настоящимъ, онъ не цѣнитъ освобождающаго могущества бережливости. Жадный до сильныхъ чувственныхъ возбужденій, онъ по большей части находитъ удовольствіе въ одномъ лишь пьянствѣ; еслибы онъ болѣе приобрѣталъ, то болѣе бы и пропивалъ. Чтобы народъ много производилъ и умно располагалъ своими многосложными произведеніями, необходимо, чтобъ онъ былъ просвѣщенъ. Историкъ Маколей замѣчаетъ, что если въ XVIII вѣкѣ шотландецъ, еще недавно бѣдный и невѣжественный, бралъ верхъ во всѣхъ предпріятіяхъ надъ англичаниномъ, то это происходило оттого, что эдинбургскій парламентъ далъ Шотландіи народное образованіе, котораго недоставало въ Англіи. Фабриканты Соединенныхъ Штатовъ объясняютъ, что если они могутъ выдержать конкуренцію съ Европою, несмотря на двойную, сравнительно съ ней, плату рабочимъ, то это потому, что ихъ болѣе образованные рабочіе скорѣе и лучше работаютъ и умѣютъ извлечь всѣ выгоды изъ машинъ.

Въ этому чисто-экономическому доказательству присоединяется еще второе, основанное на политическихъ соображеніяхъ. Демо-

кратія распространяется, повторяютъ безпрестанно — въ одномъ мѣстѣ съ радостію, въ другомъ съ ужасомъ. Отсюда само собою вытекаетъ, что вслѣдствіе ли революцій или реформъ, число тѣхъ, которые посредствомъ выборовъ должны будутъ участвовать въ управленіи своею страной, должно будетъ безпрестанно возрастать. Почти вездѣ нетерпѣливыя толпы стучать въ двери выборныхъ залъ, и сама аристократическая Англія готовится имъ открыть эти залы. Это демократическое движеніе происходитъ отъ столь глубокихъ и общихъ причинъ, что никакое правительство, никакая партія, никакая коалиція не въ состояніи остановить его. Если же нельзя остановить его, то нужно направить его къ добру; а для этого необходимо, чтобы каждое расширеніе подачи голосовъ было слѣдствіемъ прогресса общественнаго ума, и чтобы только такія лица допускались къ управленію общественными дѣлами, которыя способны хорошо управлять своими собственными. Кто не умѣетъ распознавать своей истинной пользы, тотъ неспособенъ и недостойнъ избирать тѣхъ, которые должны блюсти за общими интересами. Предоставьте право голоса невѣжественному народу, и онъ сегодня впадетъ въ анархію, а завтра въ деспотизмъ. Просвѣщенный народъ, напротивъ, скоро сдѣлается народомъ свободнымъ и сохранитъ эту свободу, потому что сумѣетъ извлечь изъ нея свою пользу. Власти насильственно утвердившіяся и дѣйствующія пропозвольно, держатся только слабостію общественнаго ума — ихъ единственною опорой и предлогомъ. Истинное и окончательное освобожденіе можетъ быть обезпечено только просвѣщеніемъ, проникнувшимъ въ самые отдаленные углы бѣднѣйшихъ поселеній. Если распространеніе просвѣщенія предшествуетъ всеобщей подачѣ голосовъ, то она послужитъ выраженіемъ права и нѣкоторымъ источникомъ силы и величія; но если всеобщая подача голосовъ будетъ сопровождаться упорнымъ невѣжествомъ, то она можетъ сдѣлаться источникомъ неисчислимыхъ бѣдствій.

Прибавлю еще послѣднее соображеніе. Большая опасность угрожаетъ новѣйшей цивилизаціи. Если въ то время, какъ потребность въ благосостояніи дѣлается общею въ народѣ, просвѣщеніе и нравственность распространяются во всѣхъ классахъ такъ, что однимъ внушаютъ справедливость, а другимъ терпѣніе, которыя требуются мирными реформами, то правильный прогрессъ обезпеченъ; но если будутъ держатся: вверху — образованіе, богатство и эгоизмъ, а внизу — невѣжество, нищета и зависть, то слѣдуетъ ожидать кровавыхъ переворотовъ.

Все сейчасъ сказанное можетъ показаться общимъ мѣстомъ, потому что въ настоящее время трудно ожидать, чтобы стали восхвалять благодѣянія невѣжества. Министры и депутаты, епископы и

журналы непрерывно провозглашают необходимость, неотлагательность обученія; но сомнительно, чтобы всѣ были достаточно подготовлены къ тѣмъ трудамъ и жертвамъ, которыя необходимы для успѣха въ предпринимаемомъ дѣлѣ. Чтобы избѣгнуть въ этомъ отношеніи ложныхъ представленій, необходимо изучить мѣры, принятыя націями, которыя въ этомъ случаѣ наиболѣе приблизились къ цѣли. Одинъ примѣръ въ числѣ другихъ даетъ особенно ясное понятіе о томъ, какою цѣною достигается распространеніе просвѣщенія въ народѣ.

I.

По моему мнѣнію, въ мірѣ четыре націи могутъ съ благородною гордостью сказать, что всѣ ихъ граждане умѣютъ читать: это — Сѣверная Германія, Норвегія, Швейцарія и Соединенные Штаты. Въ Соединенныхъ Штатахъ однакожь не только каждый умѣетъ читать, но читаетъ, чтобы пріобрѣсти новыя свѣдѣнія, чтобы развлечься, чтобы принять участіе въ общественныхъ дѣлахъ, чтобы лучше управлять своею работою, чтобы научиться болѣе пріобрѣтать денегъ, или чтобы лучше проникнуться религіозными истинами. Тамъ печатаютъ вдвое болѣе, чѣмъ гдѣ либо, и одинъ союзъ истребляетъ столько бумаги, сколько Франція и Англія вмѣстѣ. Статистика доказываетъ, что тамъ число абонементовъ на журналы, раздѣленное на число жителей, даетъ болѣе одного абонемента на каждое семейство. Ежедневные листки выходятъ въ числѣ ста тысячъ, а нѣкоторые еженедѣльные журналы въ числѣ четырехсотъ тысячъ экземпляровъ. Путешествующихъ по Америкѣ особенно поражаетъ то, что тамъ рѣшительно всѣ занимаются чтеніемъ. Весною этого года я посѣтилъ великолѣпный федеральный фрегатъ *Ниагару*, который бросилъ якорь въ антверпенскомъ портѣ: каждый изъ матросовъ, незанятыхъ службою, держалъ въ рукахъ какую нибудь книгу или журналъ. Въ Европѣ же, когда молодой человекъ выходитъ изъ школы или вступаетъ въ армію, то по большей части едва умѣетъ разобрать нѣсколько строкъ; но это поверхностное знаніе печатной грамоты, въ большей части случаевъ, ему совершенно бесполезно: онъ не въ состояніи сдѣлать изъ него никакого употребленія. Въ Америкѣ чтеніе есть ежедневная потребность, источникъ общественнаго благосостоянія и существенное условіе поддержки республиканскихъ учреждений.

Всѣ американцы сознаютъ, что первоначальная школа есть основаніе государства, цементъ федераціи. Безилатная и открытая для всѣхъ, принимающая на свои скамьи дѣтей всѣхъ классовъ и всѣхъ вѣроисповѣданій, первоначальная школа заставляеть забывать социальныя различія, укрощаетъ религіозную вражду, иско-

реняетъ предрасудки и антипатіи, и внушаетъ каждому любовь къ общему отечеству и благоговѣніе къ свободнымъ учрежденіямъ. Достоинъ удивленія, какъ скоро ежегодно прибывающія массы эмигрантовъ поглощаются американскою національнію. Школа въ первомъ же поколѣніи налагаетъ на нихъ печать національныхъ нравовъ, сообщаетъ имъ господствующія идеи, и такимъ образомъ дѣлаетъ ихъ способными къ пользованію правами гражданина. Безъ школы союзъ уже давно пересталъ бы существовать, раздираемый партіями и поглощаемый волнами невѣжества, которыя безпрестанно прибываютъ къ нему изъ Германіи и особенно изъ Ирландіи. Новѣйшія вычисленія показываютъ, что еслибы прибытіе эмигрантовъ прекратилось съ 1810 года, то свободное населеніе Соединенныхъ Штатовъ, вмѣсто того чтобы возвыситься въ январѣ 1864 года до 29,902,000, достигало бы къ этому времени не болѣе какъ до 10¹/₂ миліоновъ. Такимъ образомъ эмигранты и ихъ потомки составляютъ двѣ трети населенія. Посредствомъ обученія это первоначальное ядро, столь слабое числомъ, по отношенію къ иностраннымъ элементамъ, достигаютъ того, что сравниваетъ ихъ съ собою и сообщаетъ имъ оригинальныя и сильныя качества, характеризующія англо-саксонское племя и пуританскіе нравы. (*)

Сколько разъ въ продолженіе послѣдней гражданской войны предсказывали, что западные штаты отдѣлятся отъ восточныхъ, и что Калифорнія составитъ независимую республику по берегамъ Тихаго океана! И дѣйствительно, друзья Сѣвера имѣли нѣкоторыя причины къ опасеніямъ. Отдаленнымъ штатамъ могло представиться, что это очень удобное средство избѣгнуть кровавой подати и уплаты части федеральнаго долга—они, однакожъ, объ этомъ и не подумали. Школьные учителя, пришедшіе въ большомъ числѣ изъ Новой Англіи или воодушевленные духомъ ея, уже успѣли укор-

* Невѣжество эмигрантовъ изъ Европы составляетъ одну изъ главныхъ заботъ предусмотрительныхъ людей въ Соединенныхъ Штатахъ. Однажды вечеромъ я слышалъ въ госпиталѣ Grand-Saint-Bernard странный разговоръ по этому предмету между однимъ священникомъ и молодымъ американцемъ. Послѣдній очень наивно жаловался на вліяніе, которымъ пользуются іезуиты надъ ирландцами. «Читали-ли вы *Вѣчнато жида* Евгенія-См?» спросилъ его у священника, который отвѣчалъ, что нѣтъ. «О, возражалъ молодой бостонскій гражданинъ:—мы не любимъ іезуитовъ, потому что имъ не вращается наши учрежденія, и на выборахъ они дѣлаютъ что хотятъ съ невѣжественными ирландцами».—«Такъ ирландцевъ надобно обучать», возражалъ священникъ. «Мы это и дѣлаемъ, отвѣчалъ американецъ:—только постоянно прибываютъ новыя, столь же невѣжественныя, какъ и первыя».—Тутъ въ самомъ дѣлѣ есть опасность, и чтобы отгнать ее, какъ слышно, хотѣтъ возстановить обязательное обученіе, какъ ужъ это сдѣлано въ Массачусетъ.

нить въ сердцѣ новаго населенія чувство національнаго единства, и школа послужила прочною связью, которая удержала въ цѣлости всѣ части этого гигантскаго зданія. Еврона имѣла случай подивиться энергій этой молодой націи, которая въ четыре года сумѣла найти для защиты праваго дѣла два мильона солдатъ и двадцать миллиардовъ франковъ. Это несмысленное доказательство могущества и богатства. Но что особенно заслуживаетъ удивленія и уваженія, такъ это то, что тотъ же самый народъ, который былъ подвергнутъ множеству всякаго рода налоговъ и повинностей, прежде ему вовсе или по большей части неизвѣстныхъ, поддержалъ власть того самаго правительства, которое потребовало отъ него этихъ жертвъ, и которое даже побѣдою не могло въ нихъ совершенно оправдаться! Это знакъ великой мудрости, великой предусмотрительности, на что невѣжественная нація была бы неспособна. Школа послужила спасеніемъ американской демократіи.

Такимъ образомъ извѣстно, что первоначальная школа дала въ Америкѣ несравненные результаты. Посмотримъ теперь, каково было устройство этой школы, и какъ достигли того, чтобъ его установить.

Едва вступивъ на почву новаго отечества, первые эмигранты, *pilgrimfathers*, занялись образованіемъ дѣтей. Закономъ 1642 года воспрещалось варварство, которое оставляло дѣтей безъ обученія чтенію и уголовнымъ законамъ. Обученіе, предписанное закономъ, производилось учителями, избираемыми отцами семействъ. Всѣ части страны, изъ которыхъ образовались впоследствии штаты Массачусетъ, Коннектикутъ, Ментъ, Вермонтъ, Ньюгемпширъ и Род-Эйлендъ, и которые извѣстны подъ собирательнымъ именемъ Новой Англіи, соперничали въ достиженіи предмета, чрезвычайную важность котораго они уже цѣнили. Въ этихъ-то школахъ, совершенно пропитанныхъ пуританскимъ духомъ, образовалось это религиозное, нравственное, практическое, предприимчивое племя, которое по справедливости служить солью великой республики. Въ эту эпоху никто не былъ совершенно безграмотнымъ: всѣ граждане получали почти одинаковое образованіе. Позднѣе—войны за независимость, завоеваніе почвы, основаніе новыхъ штатовъ, проведеніе новыхъ путей сообщенія, каналовъ и желѣзныхъ дорогъ, въ нѣкоторой степени заставили пренебречь заботою о народномъ образованіи. Эмиграція вводила въ страну огромное число семействъ бѣдныхъ и невѣжественныхъ. Старинные законы, предписывавшіе обязательность обученія, были преданы забвенію. Невѣжество распространялось. Наконецъ лѣтъ тридцать тому назадъ, нѣкоторые предусмотрительныя лица забили тревогу. Тогда произошло такое движеніе общественнаго мнѣнія, одно изъ тѣхъ *probuvements*, о

которыхъ мы въ Европѣ не имѣемъ ни малѣйшаго понятія. Всюду образовались общества съ цѣлю улучшенія образованія. Периодическіе сборники, журналы, предназначенные къ разъясненію вопроса, появились во множествѣ. Многие изъ самыхъ замѣчательныхъ лицъ Союза: Генрихъ Бернаръ, Горасъ Маннъ, профессора Стове (Stowe) и Бачъ (Bache) отправились въ Европу, чтобы тамъ изучить наиболѣе извѣстныя системы. По возвращеніи въ Америку, они опубликовали результаты своихъ изысканій и стали во главѣ движенія. Индивидуальная энергія въ этихъ обстоятельствахъ проявила чудеса. Генрихъ Бернаръ, которому дано было порученіе отъ штата Род-Эйленда подготовить преобразование, въ официальномъ рапортѣ изложилъ свой первоначальный трудъ по этому предмету. Изъ этого рапорта мы видимъ, что онъ два раза посѣтилъ всѣ общины штата, переспросилъ болѣе 400 преподавателей о методахъ обученія, и провѣзжаленовалъ учениковъ всѣхъ школъ. Кромѣ того, онъ отправилъ болѣе тысячи писемъ къ лицамъ, отъ которыхъ могъ ожидать сообщенія полезныхъ мыслей. Въ каждой общинѣ онъ созывалъ митингъ, съ цѣлю обсужденія вопроса вмѣстѣ съ избирателями и школьными учителями. Онъ имѣлъ болѣе пятисотъ совѣщаній по этому предмету и образовалъ вездѣ мѣстные комитеты съ цѣлю поддержки и распространенія движенія. Онъ издавалъ журналъ, котораго экземпляры раздавались бесплатно и распространялись въ публикѣ. Только послѣ такой громадной предварительной работы, послѣ всесторонняго уясненія себѣ предмета въ публичныхъ преніяхъ, особенно послѣ такого же разъясненія его народу, онъ предложилъ реформу, которая и была принята законодательною властію Род-Эйленда*. Въ другихъ штатахъ, даже въ западныхъ, какъ въ Огіо и Мичиганѣ, произошло подобное же движеніе. Все это кончилось тѣмъ, что установилось вездѣ почти одинаковое устройство, которое съ каждымъ годомъ наперерывъ стараются улучшить.

Въ Европѣ поступаютъ другимъ образомъ. Правительство назначаетъ комисію, которая работаетъ втихомолку, какъ будто ея труды составляютъ государственную тайну. Наконецъ, черезъ нѣсколько лѣтъ таинственной подготовки, провозглашается законъ, который можетъ быть превосходенъ, но мало приноситъ плодовъ, потому что общественное мнѣніе къ нему вовсе не подготовлено. Въ дѣлѣ народнаго образованія законодательство не произведетъ

* Эти подробности заимствованы изъ превосходнаго сочиненія объ образованіи въ Соединенныхъ Штатахъ, изданнаго на шведскомъ языкѣ г. П. А. Сильстрёмомъ и переведеннаго на англійскій Фредерикою Ровенъ (Rowan). Это лучшая книга, которую читалъ я по этому предмету: изложеніе ясно, полно и безпристрастно. Факты хорошо были наблюдаемы и отлично разъяснены.

ниваго дѣйствія, если оно не поддерживается согласіемъ гражданъ.

Такъ-какъ федеральное правительство не вмѣшивается въ дѣло народнаго образованія, то организація народнаго обученія различается въ каждомъ изъ тридцати-пяти штатовъ. Однакожъ, общія начала во всѣхъ нерабовладѣльческихъ штатахъ одинаковы, потому, во первыхъ, что общимъ основаніемъ всѣхъ штатовъ служатъ одинаковыя учрежденія и нравы, и во вторыхъ, потому, что всѣ скоро перенимаютъ все хорошее у своихъ сосѣдей.

Вездѣ первоначальное образованіе ввѣрено общинѣ (town, township); но она несвободна въ этомъ отношеніи. Законъ обязываетъ ее учредить достаточное число школъ, для принятія всѣхъ дѣтей, достигшихъ такого возраста, въ которомъ они могутъ посѣщать школу. Для побужденія же общины къ исполненію этого обязательства существуютъ два средства: во первыхъ, штатъ можетъ начать процессъ противъ общины и обложить ее налогомъ; во вторыхъ, родители дитяти, непринятаго въ школу, имѣютъ право требовать вознагражденія убытковъ. Кто вздумалъ бы играть интересомъ отдѣльной личности, тотъ былъ бы призванъ къ отвѣтственности предъ судомъ — таковы правила американцевъ для обезпеченія исполненія законовъ, и нельзя не признать ихъ дѣйствительности.

Община, занимающая нѣсколько англійскихъ миль пространства, съ населеніемъ отъ 2 до 3 тысячъ душъ, раздѣляется на школьные участки. Каждый участокъ, имѣющій отъ 150 до 300 жителей, содержитъ школу. Отношеніе пространства земли къ числу жителей по необходимости различается, смотря по густотѣ населенія. Въ штатахъ, заселенныхъ съ давнихъ поръ и расположенныхъ вдоль Атлантическаго океана, участокъ менѣе обширенъ и болѣе населенъ, чѣмъ въ западныхъ штатахъ*. Вездѣ, однакожъ, число школъ невѣроятно, и далеко превосходитъ все то, что существуетъ въ Европѣ. Такъ въ 1861 году въ Нью-Йоркскомъ штатѣ было 11,750 публичныхъ школъ на 3.880,735 жителей, такъ что приходилась одна школа на 300 душъ. Въ Массачусетѣ 4,605 школъ на 1.231,066 жителей, или одна школа на 270 душъ. Въ западныхъ штатахъ эта пропорція еще благоприятнѣе, потому что въ Огіо приходилась одна школа на 160 жителей, въ Иллинойсѣ одна на 170, въ Мичиганѣ одна на 150, въ Висконсинѣ одна на 130. По послѣднему отчету за 1865 годъ, во Франціи считалось 38,386 публичныхъ школъ на 37.382,225 жителей, что составляетъ одну шко-

* Въ штатахъ Вермонтѣ, Мэнѣ, Ньюгемпширѣ участокъ заключаетъ въ себѣ среднимъ числомъ 700 гектаровъ, въ штатѣ Нью-Йоркѣ 950, въ Массачусетѣ 475, въ Висконсинѣ и Мичиганѣ 2,500.

лу на 984 жителя, то-есть въ семь разъ менѣе того, что въ новыхъ штатахъ, основанныхъ едва нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ отдаленныхъ равнинахъ, въ которыхъ недавно еще блуждали медвѣди и бизоны. Чтобы подняться до уровня Америки, Франція должна была бы имѣть 200,000 школъ вмѣсто 38,000; а большая часть европейскихъ государствъ не можетъ похвалиться, что можетъ представить болѣе благоприятныя цифры.

Какія же власти управляютъ американскими школами? Мы встрѣчаемъ здѣсь организацію, совершенно отличную отъ извѣстной намъ: въ ней нѣтъ никакихъ слѣдовъ этой искусно-подобранной іерархіи, въ которой различныя власти дѣйствуютъ одинъ на другія, подобно зубчатому колесу, передавая такимъ образомъ сверху приказанія во всѣ части обширнаго государства. Въ Америкѣ существуютъ только мѣстные комитеты, независимые одни отъ другихъ и отвѣчающіе за свои дѣйствія только передъ общественнымъ мнѣніемъ, или передъ судомъ въ случаѣ нарушенія закона. Первое мѣсто занимаютъ участковые комитеты, называемые въ однихъ штатахъ *prudential committee*, въ другихъ *committee of trustees*. Составленный участковыми избирателями комитетъ обязанъ заботиться о постройкѣ и поддержкѣ зданій для школъ, выбирать преподавателя, осматривать школы и поддерживать порядокъ въ нихъ. Мѣстный комитетъ немногочисленъ. Онъ состоитъ не болѣе какъ изъ трехъ членовъ, трехъ кураторовъ (*trustees*) въ штатѣ Нью-Йоркѣ, и даже въ нѣкоторыхъ штатахъ изъ одного лица. Вообще они избираются только на одинъ годъ. На обязанности ихъ лежитъ созывать каждый годъ избирателей въ общее собраніе, чтобы отдать имъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и отвѣчать на вопросы заинтересованныхъ. Потомъ они должны отправить въ центральную дирекцію по образованію рапортъ, относительно положенія обученія въ участкѣ. За мѣстнымъ комитетомъ слѣдуетъ общинный комитетъ. Онъ уже составляетъ юридическое лицо, пользующееся правами собственности. Онъ получаетъ субсидію отъ штата и мѣстныя таксы для распредѣленія ихъ по участкамъ, сообразно съ нуждами каждаго. Онъ производитъ экзамены кандидатамъ на должности преподавателей и выдаетъ имъ свидѣтельства, по которымъ только они и могутъ быть выбранными въ это званіе мѣстными комитетами. Онъ рѣшаетъ, какія книги и методы могутъ быть приняты, и регулярно осматриваетъ школы. Однимъ словомъ, онъ занимается умственнымъ и нравственнымъ направленіемъ обученія.

Центръ составляетъ бюро общественнаго образованія, во главѣ котораго стоитъ высокій сановникъ, генеральный директоръ или супер-интендентъ. Въ нѣкоторыхъ штатахъ, какъ въ Нью-Йоркѣ

свомъ, супер-интендентъ избирается законодательными палатами. Въ западныхъ онъ назначается вмѣстѣ съ губернаторомъ всѣми избирателями штата. Яснымъ доказательствомъ важности, которую придаютъ общественному обученію, служитъ то, что содержаніе генеральнаго директора равняется, а иногда даже превосходитъ содержаніе начальника исполнительной власти, особенно въ новыхъ западныхъ штатахъ — Иллинойсѣ, Мичиганѣ, Висконсинѣ. Какъ бы высоко ни было его положеніе, онъ не можетъ однакожъ дѣйствовать посредствомъ привязаній на мѣстные комитеты, которые ему ни въ чемъ не подчинены. Его обязанность заключается въ томъ, чтобъ онъ представлялъ законодательнымъ палатамъ и публикѣ всѣ свѣдѣнія, относящіяся до народнаго обученія. Для этого онъ собираетъ статистическія свѣдѣнія, посѣщаетъ школы, и старается, посредствомъ публичныхъ совѣщаній, посредствомъ митинговъ и обращеній къ народу, усилить общее сочувствіе къ дѣлу, котораго онъ служитъ представителемъ. Ежегодно онъ представляетъ палатамъ подробный отчетъ о положеніи народнаго обученія въ штатѣ. Этотъ документъ печатается въ большомъ числѣ экземпляровъ и разсылается во всѣ участки. Въ отчетѣ смѣло выставляются какъ недостатки дѣйствующей системы, такъ и необходимыя реформы. Нѣкоторые изъ этихъ отчетовъ, какъ гг. Е. Поттера изъ Род-Эйленда, Виктора Райса изъ Нью-Йорка, Гораса Манна и Генриха Бернара изъ Массачусета представляютъ такія удивительныя произведенія, отъ которыхъ трудно оторваться. Красота бумаги и печати, изящество переплета, все до мельчайшихъ подробностей показываетъ, что тутъ дѣло идетъ о предметѣ, близкомъ сердцу всей націи.

Въ вышеописанной организаціи двѣ черты особенно поражаютъ вниманіе. Впервыхъ, приложеніе экономическаго принципа раздѣленія труда. На европейскомъ континентѣ попеченіе о первоначальномъ обученіи возлагается обыкновенно на административныя власти; въ Америкѣ же избираются особенныя комисіи, чтобы заниматься исключительно школою. Въ этомъ распредѣленіи занятій заключается та выгода, что такимъ только образомъ для требуемаго дѣла можно избрать специалистовъ, вполне отвѣтственныхъ за свои дѣйствія. Это вѣрнѣйшее средство извлечь пользу изъ всѣхъ силъ, которыми можно располагать. Вторая черта, заслуживающая вниманія, состоитъ въ томъ, что единственною пружиною, которая все приводитъ въ дѣйствіе, служитъ гласность. Слово и печать—вотъ двѣ силы, которыя производятъ движеніе. Генеральный директоръ, котораго вліаніе огромно, дѣйствуетъ на законодателей, комитеты и избирателей, отъ которыхъ въ сущности все зависитъ, только посредствомъ рѣчей и донесеній. Убѣж-

деніе дѣлаетъ все, принужденіе — ничего. Эта система предполагаетъ болѣе просвѣщенія и требуетъ болѣе усилій; но за то она оказывается болѣе дѣйствительною, потому что упирается на усердную всеобщую поддержку. Можетъ быть, еще не наступило время одобрить эту систему всюду въ Европѣ, но нельзя не признать, что стремленіе къ ней послужило бы къ чести каждой націи и составило бы благодѣяніе для народа.

Зданія для школъ значительно разнятся между собою по наружности, смотря по древности штата, къ которому они принадлежатъ. Такъ на западѣ, среди семействъ, едва утвердившихся на почвѣ, которую они завоевали для цивилизаціи, это не что иное, какъ грубыя хижины, сложенныя изъ бревенъ, наваленныхъ одно на другое, loghouse. Въ восточныхъ селеніяхъ это простыя, одноэтажныя дома, находящіяся въ здоровомъ мѣстѣ, граціозно увѣнчанныя зеленью и украшенныя гирляндами изъ виноградника и лианъ. Въ городахъ, каковы Филадельфія, Бостонъ или Нью-Йоркъ, это величественныя трехэтажныя зданія, гдѣ все удивительно приспособлено къ тому употребленію, для котораго они предназначены. Чтобы дать понятіе о расположеніи этихъ зданій, войдемъ въ одну изъ новыхъ нью-йоркскихъ школъ. Нижній этажъ (le rez-de-chaussée) занятъ обширною залою, предназначенною для дѣтскихъ игръ, и квартирою привратника. Въ первомъ этажѣ шесть маленькихъ классовъ 7-ми метровъ въ длину и 5-ти метровъ въ ширину, и всѣ они выходятъ въ обширную центральную залу 20-ти метровъ въ длину и 14-ти въ ширину, гдѣ въ опредѣленные часы всѣ ученики собираются для общихъ упражненій. Во второмъ этажѣ еще десять классовъ. Наконецъ въ третьемъ этажѣ пріемная зала и шесть классовъ, какъ и въ первомъ этажѣ. Вся школа отопливается печью съ паровыми теплопроводными трубами низкаго давленія и провѣтривается усовершенствованными приборами. Городская вода проведена во всѣ этажи. Для каждаго ученика имѣется деревянная лакированная пропитра и отдѣльное сѣдалище — все тщательно и изящно отдѣланное. Тутъ имѣется мѣсто для 2,000 учениковъ. Классы и пріемныя залы заключаютъ въ себѣ очень полную бібліотеку, карты, глобусы, маленькія собранія изъ естественной исторіи, мануфактурныя предметы и даже фортепьяно. Въ одинъ годъ (1861), городъ Нью-Йоркъ употребилъ 6,500 долларовъ (33,800 франк.) на покупку этихъ принадлежностей, составляющихъ особенное удовольствіе для дѣтей. Въ Соединенныхъ Штатахъ принято, что каждая школа должна имѣть свою бібліотеку, книги изъ которой даются ученикамъ вѣдъ классныхъ часовъ. Въ большей части штатовъ существуетъ для этого особенный фондъ, распределяемый между участками, которые съ своей стороны облагаютъ

себя особеннымъ сборомъ на этотъ же предметъ. Школьные библиотеки штата Нью-Йорка заключаютъ въ себѣ полтора миллиона томовъ, что при 11,750 школахъ составитъ по 1,300 томовъ на каждую.

Нельзя не удивляться, какія въ послѣднее время принесены Америкой жертвы для улучшенія школьныхъ зданій. За это принялись съ жаромъ, съ непримѣрнымъ рвеніемъ. Въ Нью-Йоркѣ, напримеръ, въ теченіе десяти лѣтъ всѣ старинныя школы перестроены и увеличены и построено 25 новыхъ, могущихъ вмѣстить отъ 1,500 до 2,000 учениковъ. Въ девять лѣтъ, съ 1853 по 1861, расходъ по этой статьѣ возвысился до 1.472,000 долларовъ, почти до 8 миллионовъ франковъ.

Говорятъ, чего стоитъ учитель, того стоитъ и ученье. Личный составъ преподающихъ въ этихъ безчисленныхъ школахъ и способъ, которымъ онъ пополняется, представляетъ также много особенностей, приводящихъ въ удивленіе европейца. Такъ въ большей части школъ преподаваніе ввѣрено женщинамъ. Въ 1861 году въ Массачусетѣ было 4,000 преподавательницъ и только 1,500 преподавателей; въ Нью-Йоркскомъ штатѣ 7,583 преподавателя и 18,915 преподавательницъ; въ школахъ городовъ, взятыхъ въ отдѣльности, исключая директоровъ и частныхъ преподавателей, встрѣчаются только женщины. Такъ въ Филадельфіи только 82 преподавателя на 1,112 преподавательницъ; въ Нью-Йоркѣ въ большихъ школахъ на 3 мужчины приходится 21 и 22 женщины. Въ селеніяхъ и особенно въ западныхъ штатахъ пропорція уже измѣняется, потому что молодая дѣвушка не можетъ тамъ жить одна съ такимъ удобствомъ, какъ мужчина. Мальчики и дѣвочки посѣщаютъ одну и ту же школу и ходятъ въ одинъ и тотъ же классъ до 15 и 16 лѣтъ. Тутъ нельзя смотрѣть безъ удивленія, какъ молоденькая преподавательница поддерживаетъ порядокъ, въ этой группѣ учениковъ, изъ которыхъ нѣкоторые почти одинаковаго съ нею возраста. «Нѣсколько дней спустя послѣ моего прибытія въ Америку, — говоритъ одинъ путешественникъ, хорошо изучившій эту странную націю * — я посѣтилъ вестфилдскую академію, великолѣпное селеніе на берегахъ внутренняго моря, называемаго озеромъ Эри. У пастора, который оказалъ мнѣ гостепріимство, жила девятнадцатилѣтняя дѣвушка, бывшая профессоромъ математики въ академіи, и двадцати-трехлѣтній молодой человекъ, готовившійся къ пасторскому званію, но по бѣдности раздѣлившій свое время между домашними услугами пастору и публичными лекціями, изъ которыхъ самыя трудныя читались его очаровательною сосѣд-

* Соединенные Штаты въ 1861 г., сочиненіе Георга Фика.

кою. Въ обширныхъ залахъ, въ которыя свѣтъ съ трудомъ проникалъ между листьями деревъ, сотня снновей и дочерей земледѣльцевъ учились вмѣстѣ. Въ аудиторіи молодой преподавательницы были мужчины съ длинною бородою, которымъ она объясняла задачу высшей математики съ совершенною ясностію и простотою». Эта система представляетъ многочисленныя выгоды: во-первыхъ, экономію, потому что жалованье преподавательницы на треть менѣе жалованья преподавателя; а разница эта важна въ томъ отношеніи, что въ Америкѣ школы въ четыре и даже въ пять разъ болѣе, чѣмъ въ Европѣ. Кромѣ того дознано, что при равныхъ познаніяхъ женщина лучше передаетъ дѣтямъ то, что она знаетъ, чѣмъ мужчина. У ней менѣе рѣзкости въ обращеніи, сухости и недантизма и болѣе терпѣнія, воображенія и кротости. Одаренная врожденнымъ материнскимъ чувствомъ, она овладѣваетъ вниманіемъ слушателей, и начало, по обыкновенію столь сухое, превращается въ забаву. Даже грація и красота придаютъ тайную прелесть ея урокамъ. Такимъ образомъ школа перестаетъ быть мрачною тюрьмою, усѣянною шипами наказаній и скуки, чего такъ страшится дитя, а является какъ-бы продолженіемъ домашней жизни, гдѣ царствуетъ кроткій духъ семейства, и гдѣ старшая сестра учитъ своихъ младшихъ братьевъ и сестеръ. Вотъ вторая выгода, не меньшая первой, и которою прямо пользуется государство. Почти всѣ преподавательницы молоды, потому что остаются въ этомъ званіи не болѣе пяти или шести лѣтъ, и оставляютъ его почти всегда при выходѣ замужъ. Но привычка къ порядку и власти, ясность мысли, соединенная съ легкостію ея выраженія, высшее образованіе—все это удивительно подготовляетъ ихъ къ роли матерей семейства. Воспитывая сначала чужихъ дѣтей, онѣ научаются воспитывать потомъ и своихъ собственныхъ. Легко понять, какое громадное вліяніе оказываетъ этотъ суровый искусь молодыхъ дѣвушекъ на умственное развитіе народа. Куда бы ни проникла дѣятельность одной изъ прежнихъ наставницъ, оттуда невѣжество окончательно изгоняется.

Сильныя школьныя впечатлѣнія много способствуютъ тому серьезному и глубокому почтенію, которое всюду окружаетъ женщину въ Соединенныхъ Штатахъ до такой степени, что *даже* изумляютъ и выводятъ изъ терпѣнія иностранца. Отсюда рождается у однихъ чувство уступчивости, у другихъ довѣріе къ себѣ, увѣренность, которая требуетъ почтенія и покровительствуетъ невинности. Къ тому же женщина тамъ по обыкновенію болѣе образована, чѣмъ мужчина, который уже съ ранней молодости пускается на поиски за счастіемъ, между тѣмъ какъ послѣдняя, совершенно свободная отъ всякой заботы подобнаго рода, можетъ спокойно пре-

даваться развитію своего ума. Въ Европѣ школа для мальчиковъ, управляемая женщиною, не пользовалась бы никакимъ уваженіемъ, и какъ говорятъ, никакой отецъ не послалъ бы туда своего сына. Но можетъ быть, нашлась бы возможность оказать противодѣйствіе этому предрасудку и взять примѣръ въ этомъ случаѣ съ Америки. Изъ послѣдняго рапорта г. Натоли о первоначальномъ образованіи мы видимъ, что въ Миланѣ этотъ опытъ имѣлъ полный успѣхъ. Тамъ, какъ и въ Соединенныхъ Штатахъ, убѣдились, что у преподавательницъ ученики оказывали болѣе быстрые успѣхи. Кромѣ того, такъ-какъ общины по несчастію даютъ преподавателямъ слишкомъ малое жалованье, то и преподаватели у нихъ были по большей части очень посредственные; между тѣмъ какъ теперь за ту же цѣну онѣ имѣютъ преподавательницъ несравненно способнѣйшихъ. Упомянутый рапортъ г. Натоли представляетъ еще и другую выгоду отъ этого приобрѣтенія: оно позволяетъ замѣстить духовныхъ преподавателей свѣтскими преподавательницами, не увеличивая расхода, что составляетъ камень преткновенія для бѣдныхъ общинъ.

Еще болѣею странностію, чѣмъ всѣ предшествующія, представляется то, что въ Соединенныхъ Штатахъ преподаватель или преподавательница назначаются только на годъ въ городахъ, и на полгода въ селеніяхъ. Безъ сомнѣнія, въ концѣ этого срока измѣняется не весь личный составъ: способные преподаватели удерживаются, и какъ въ городахъ они получаютъ очень значительное содержаніе*, то остаются при своихъ должностяхъ; но въ селеніяхъ эти переимѣны очень велики. Довзательствомъ этому можетъ служить то, что отъ зимы до лѣта пропорція между занимающимися преподаваніемъ мужчинами и женщинами значительно измѣняется. Такъ въ 1861 году въ Массачусетѣ лѣтомъ было только 472 преподавателя на 4,856 преподавательницъ, а зимою 1,508 преподавателей на 3,886 преподавательницъ. И такъ число первыхъ возрасло на 1,036, а число послѣднихъ уменьшилось на 970. Лѣтомъ, когда школы посѣщаютъ преимущественно только дѣвочки и маленькіе мальчики, преподаваніемъ занимаются почти только женщины. Зимой же, когда мальчики отъ 12 до 16 лѣтъ слушаютъ лекціи, призываютъ большее число преподавателей. Преподаватели очень недолго остаются въ этой должности, которая вовсе не состав-

* Въ городахъ главный преподаватель получаетъ около 5,000 франк. Въ Нью-Йоркѣ его содержаніе доходитъ до 1,500 долларовъ (7,750 ф.), а его помощника до 1,000 долларовъ. Въ селеніяхъ въ Массачусетѣ жалованье преподавателей составляетъ 250 фр. въ мѣсяцъ, а преподавательницъ 115 ф. Въ другихъ штатахъ содержаніе преподавательницъ почти то же самое, но жалованье преподавателей менше, исключая Калифорніи, гдѣ онъ получаетъ болѣе 500 фр. въ мѣсяцъ.

дѣсть для нихъ полизненной карьеры, какъ въ Европѣ; это для нихъ искусство, который приготовляетъ ихъ къ существованію болѣе дѣятельному, исполненному большихъ приключеній. Они, сыновья земледѣльцевъ, часто чрезъ два или три года и много уже черезъ четыре или пять лѣтъ, собираютъ свою экономію, отправляются на западъ и покупаютъ тамъ земли, поднимая на нихъ цѣну. Число мужчинъ и женщинъ, занимавшихся нѣкоторое время публичнымъ образованіемъ, невѣроятно. Изъ жизнеописанія знаменитыхъ людей Соединенныхъ Штатовъ можно видѣть, что они болшею частію были прежде преподавателями. Въ самомъ богатомъ обществѣ большихъ городовъ безпрестанно встрѣчаются прежнія школьныя преподавательницы. Говорятъ, что ихъ узнаютъ по точности выраженія и ясности мысли. Цифра преподавателей, вступившихъ въ федеральную армію, по истинѣ поразительна. Я видѣлъ по этому предмету только статистику одного штата Огіо; но этого достаточно, чтобы судить о другихъ штатахъ. Въ 1861 году въ Огіо считалось 10,459 преподавателей, а въ 1862 г. 4,617 изъ нихъ вступили въ ряды федеральной арміи, то-есть около половины*. Къ концу года многіе уже погибли на поляхъ битвъ, но нѣкоторые занимали высшія степени: 4 были генералами и 9 полковниками.

Чтобы образоватъ этихъ безчисленныхъ преподавателей и преподавательницъ, которые проходятъ чрезъ школу, прежде чѣмъ избрать себѣ другія карьеры, нѣсколько лѣтъ тому назадъ различные штаты учредили превосходныя нормальныя школы, въ которыхъ читаютъ лекціи замѣчательнѣйшіе профессора, щедро вознаграждаемые. Предметы преподаванія не совсѣмъ тѣ, какъ въ Европѣ: алгебра, геометрія, химія, астрономія, естественная исторія, психологія, нравственная философія, начала философіи въ при-

* Это одно изъ тысячи доказательствъ лживости увѣреній враговъ Союза, утверждавшихъ, что дѣло Сѣвера защищалось только наемными иностранцами. Они видѣли только нью-йоркскихъ ирландцевъ, и закрывали глаза на пламенный патриотизмъ, который побуждалъ братья за оружіе цѣлыя населенія. Даже рапорты генеральныхъ директоровъ образованія проникнуты этимъ благороднымъ чувствомъ. Такъ въ рапортѣ г. Рандаля изъ Нью-Йорка я читаю: «Тотчасъ по взятіи форта Самтера звѣздное знамя развѣвалось уже на всѣхъ школахъ города и сотни тысячъ населявшихъ ихъ дѣтей единодушно пѣли національную арію. Не пренебрегая обыкновеннымъ теченіемъ ванятій, во всѣхъ нашихъ заведеніяхъ усердно принались за дѣло, чтобы податъ помощь нашимъ солдатамъ, бывшимъ въ походѣ. Многіе изъ нашихъ преподавателей вступили въ ряды войска и значительное число преподавательницъ поступали на службу въ госпитали. Всѣ учителя и ученики не щадили никакихъ усилій и никакихъ жертвъ, чтобы защититъ великое дѣло Союза противъ измѣнниковъ, осмѣлившихся напасть на него». Изъ этого краткаго очерка можно видѣть, какъ національная жизнь проникаетъ въ первоначальное обученіе и возвышаетъ его.

ложеніи къ изученію природы, теорія и исторія конституціи и педагогика. Въ Америкѣ полагають, что ничто такъ не возвышаетъ душу къ Богу, какъ знаніе законовъ, которые управляютъ природою; что химія полезна во многихъ ремеслахъ и особенно въ хозяйствѣ; что для того, чтобы дѣйствовать на дѣтей, слѣдуетъ поразмыслить о пружинахъ, которыя управляютъ нравственнымъ существомъ, и что серьезное изученіе математики необходимо для того, чтобы дать болѣе вѣрности положеніямъ ума и послѣдовательности мыслямъ. Намъ казалось бы, что такая программа болѣе прилична для политехнической школы, чѣмъ для лекцій, посѣщаемыхъ семнадцатилѣтними дѣвушками, перемѣшанными съ молодыми людьми, ищущими диплома. Ученики посѣщаютъ классы въ теченіе шести часовъ въ день; остальное время они занимаются среди семействъ, въ которыхъ они нанимають квартиру со столомъ за 100 долларовъ въ годъ. Часто ихъ созываютъ на конференціи по разнымъ предметамъ, и сами они обязаны имѣть подобныя совѣщанія. Первоначальная школа находится при нормальной школѣ для того, чтобы дать возможность ученикамъ упражняться въ преподаваніи. Послѣ классныхъ часовъ они собираются подъ предсѣдательствомъ одного изъ профессоровъ, и вступаютъ между собою въ пренія по тому или другому вопросу, который одинъ изъ нихъ обязанъ изложить съ надлежащею подробностію и ясностію. Замѣчательно, что даже въ нормальныхъ школахъ между читающими лекціи болѣе женщинъ, чѣмъ мужчинъ. Многие изъ кандидатовъ на преподавателей образуются также, оставаясь долго въ первоначальной школѣ и занимаясь отдѣльно науками. Среди категоріи лицъ, которыя хотять дополнить свое образованіе, существуетъ любопытное учрежденіе, которое вполне носить на себѣ печать американскихъ нравовъ: я разумѣю здѣсь конгрессъ преподавателей (teachers' conventions). Во время вакацій молодые преподаватели и преподавательницы собираются въ каждомъ графствѣ подъ предсѣдательствомъ какого нибудь уважаемаго и свѣдущаго лица. Въ теченіе дня они посѣщаютъ лекціи, конференціи и практическія упражненія; вечеромъ собираются на митингъ, посвященный преніямъ. Каждый имѣетъ право говорить въ свою очередь о вопросѣ, занесенномъ въ списокъ занятій: это парламентское правило, принятое преподавателями и преподавательницами. Часто жители города, гдѣ собирается такой митингъ, предлагаютъ гостепрійство молодымъ кандидатамъ обою пола, а штатъ платитъ часть ихъ путевыхъ расходовъ. Всѣ понимаютъ, что въ образованіи народа заключается величайшій интересъ націи, и всякій почитаетъ за счастье для себя чѣмъ либо способствовать его успѣху.

Метода, принятая въ Америкѣ для образованія преподавателей, можетъ показаться странною; но она находится въ прямомъ отношеніи къ нравамъ и учрежденіямъ страны. Преподающимъ хотять передать такіа качества, которыя желаютъ распространить въ націи: довѣренность къ себѣ, личную инициативу, здравый практической смыслъ и привычку владѣть словомъ. Пусть не забываютъ, что слово есть пружина свободныхъ государствъ, точно такъ, какъ сила есть пружина государствъ деспотическихъ. Преніе и подача голосовъ — таковъ механизмъ, посредствомъ котораго выражается воля націи. Но когда каждый принимаетъ участіе въ управленіи общественными дѣлами, необходимо чтобы каждый могъ сказать, что онъ думаетъ, и въ состояніи былъ бы развить свою мысль. Иностранецъ удивляется, видя въ каждомъ гражданинѣ болѣе или менѣе порядочнаго оратора и слыша работниковъ, выражающихъ свои мысли съ совершенною ясностію: они этому научились на школьныхъ скамьяхъ. Вездѣ, гдѣ пришлось бы видѣть, что половина преподавателей берется за оружіе, чтобы цѣною своей крови защищать благородное дѣло и единство своего отечества, можно было бы сказать, что по крайней-мѣрѣ изъ нихъ сдѣлали людей, и что они въ свою очередь счумѣютъ сдѣлать тоже. Утверждаютъ, что недостатокъ опытности у нихъ щедро вознаграждается энергіею, дѣятельностію, жаждою все хорошо дѣлать, столь свойственною юности. Усыпляющее дѣйствіе рутинны здѣсь совершенно изгнано: новая жизнь постоянно вливается въ составъ обучающихся, находящихся такимъ образомъ въ постоянномъ соприкосновеніи съ этою молодою и брѣвкою націею, у которой безпрестанно все измѣняется.

Теперь, что же преподають въ первоначальныхъ американскихъ школахъ? Прежде всего, какъ и вездѣ: читать, писать и считать; потомъ, какъ говорятъ, даже слишкомъ много географіи, что, впрочемъ, существенно необходимо для народа, который владѣетъ территоріею, составляющею цѣлый континентъ, граничащій съ двумя океанами, и который занимаетъ мѣсто между Европой и Азіею и производитъ громадныя обмѣны со всѣмъ свѣтомъ — нѣсколько геометріи и линейнаго черченія, особенно въ приложеніи къ измѣренію земли и къ постройкамъ, нѣкоторыя понятія изъ земледѣльческой и промышленной химіи, астрономіи, физиологіи* и конституціоннаго права, наконецъ, музыка. При обученіи родному языку, не удовлетворяются такъ легко, какъ это дѣлается у насъ,

* Превосходная книга: *Исторія кусочка хлеба*, сочин. Жана Масе, показываетъ, какъ науки могутъ быть излагемы удобопонятно даже для маленькихъ дѣвочекъ.

и причина тому очень ясна. Публичная школа посѣщается дѣтми всѣхъ классовъ: богатые и бѣдные встрѣчаются здѣсь на тѣхъ же самыхъ скамейкахъ, и долго остаются тутъ — до 15 и 16 лѣтъ. Большая часть людей, стоящихъ во главѣ управленія страной, не получила другого образованія. Итакъ, школа должна дать дитяти свѣдѣнія, необходимыя въ странѣ, гдѣ существуетъ всеобщая подача голосовъ, гдѣ работники, какъ Линкольнъ и Джонсонъ, дѣлаются главами государства, и оказываются достойными быть ими. Народъ здѣсь соотвѣтствуетъ маленькой европейской буржуазіи: надобно, чтобъ онъ получилъ столь же прочное, какъ и она, образованіе, но болѣе приноровленное къ практикѣ. Здѣсь не довольствуются, чтобъ дитя знало свой языкъ, а требуютъ, чтобъ оно умѣло владѣть имъ. Чтобъ этого достигнуть, ничѣмъ не пренебрегаютъ. Заботятся о выраженіи мыслей, заставляютъ говорить наизусть стихи, декламировать отрывки изъ прозы, особенно рѣчи основателей независимости, исполненныя пламеннаго патріотизма и любви къ свободѣ. Требуютъ, чтобъ ученикъ выразилъ свои мысли по данному вопросу, потомъ чтобъ онъ развилъ ихъ и защитилъ въ правильномъ спорѣ и, заходя, можетъ быть, слишкомъ далеко, не опасаются брать предметы для состязаній и изъ современной политики. Тамъ не довольствуются такими вопросами, которые требуютъ только короткаго отвѣта въ нѣсколько словъ: требуютъ, чтобъ ученикъ сказалъ все, чтѣ знаетъ по такому-то или такому-то пункту, рассказалъ біографію знаменитаго лица. Здѣсь имѣютъ въ виду приучить ученика къ послѣдовательности въ мысляхъ, къ тому, чтобъ онъ давалъ себѣ отчетъ во всемъ, чтѣ знаетъ, и ясно и въ порядкѣ выражалъ это. Стараются упражнять болѣе размышленіе, чѣмъ память, и образовывать гражданъ, способныхъ вести себя въ свободномъ государствѣ.

Развитіемъ физическихъ силъ также не пренебрегаютъ, хотя здѣсь нѣтъ гимнастическихъ курсовъ, чтѣ, конечно, составляетъ пробѣлъ. Въмѣсто этихъ курсовъ, существуютъ особенныя упражненія, которыя занимаютъ среднну между гимнастикой и танцами и называются *calisthenics*. Въ извѣстныя часы всѣ дѣти собираются въ большую общую залу; преподавательница садится за фортепьяно и отчетливо, въ тактъ играетъ походную арію. Тогда мальчики и дѣвочки, взявшись за руки, образуютъ цѣпи, круги и разнаго рода фигуры, которыя напоминаютъ эволюціи древнихъ хоровъ. Эти разнѣренныя упражненія выправляютъ члены, и придаютъ всѣмъ движеніямъ тѣла отчетливость, гибкость и грацію. Вообще со времени послѣдней войны, обучаютъ мальчиковъ искусству владѣть оружіемъ и военнымъ упражненіямъ. Общее пѣніе съ акомпанементомъ на фортепьяно, и эти разнообразныя упражненія прерыв-

ваютъ монотонность классныхъ часовъ и заставляютъ дѣтей дорожить школою, какъ мѣстомъ пріятнаго препровожденія времени. Отъ этихъ перерывовъ дисциплина не только не страдаетъ, но, кажется, еще выигрываетъ. У сѣверо-американцевъ часто замѣчали то противорѣчіе, что они, столь неспокойные въ обыкновенной жизни, безъ колебанія покоряются владычеству закона. То же самое ихъ дѣти, столь независимые, столь свободные отъ всякой родительской власти, преклоняются съ примѣрнымъ и единодушнымъ послушаніемъ предъ постановленіями школьнаго порядка.

II.

При перечисленіи преподаваемыхъ предметовъ, мы ни слова не сказали объ одномъ предметѣ, который почти во всей Европѣ разсматривается, какъ самый существенный—религія. Дѣйствительно, этотъ предметъ не преподается. Даже болѣе — строго запрещено преподавателямъ упоминать о догматахъ какой бы то ни было положительной религіи. Они могутъ прочесть только лишь молитву господню, но обязаны развивать нравственное чувство на началахъ естественной религіи, которая составляетъ основаніе его. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ законъ Массачусета, принятый почти во всѣхъ другихъ штатахъ, выражается по этому предмету: «Преподаватели должны укоренять въ сердцахъ юношей, вѣрныя ихъ попеченію, благочестіе, правосудіе, уваженіе къ истинѣ, любовь къ ихъ отечеству и благорасположеніе ко всѣмъ людямъ, трезвость, любовь къ труду, цѣломудріе, умѣренность, воздержность и всѣ другія добродѣтели, которыя составляютъ украшеніе общества и основаніе республики. Они должны доказать своимъ ученикамъ посредствомъ объясненій, свойственныхъ ихъ возрасту, какъ эти добродѣтели способствуютъ поддержанію и усовершенствованію республиканскихъ учрежденій, къ обезпеченію для всѣхъ неопѣнимыхъ благъ свободы и къ утвержденію ихъ собственнаго счастья, и какъ противоположные пороки неминуемо ведутъ къ самымъ несчастнымъ послѣдствіямъ». Судя по результатамъ, эта мужественная программа буквально соблюдается. Въ Европѣ охотно повторяютъ афоризмъ: атмосфера школы должна быть религіозною и нравственною, и на всякую школу, гдѣ не преподають катехизиса, слѣдуетъ смотрѣть, какъ на мѣсто погребели. Американцы говорятъ то же самое, но въ то же время полагають, что лучше заниматься догматами въ церкви, чѣмъ въ школѣ. Причины, побудившія ихъ къ этому, заслуживають того, чтобъ мы ихъ изложили.

Прежде всего, говорятъ американцы, что вездѣ, гдѣ государство от-

дѣлено отъ церкви, публичная школа должна быть строго-свѣтскою, такъ-какъ она есть учрежденіе свѣтскаго государства. Если вы призываете священника, то должны или подчиниться его условіямъ, или предложить ему свои; такимъ образомъ, вы заключаете конкордаты, и если священникъ удаляется, онъ убиваетъ школу. Сверхъ того, дѣйствуя такимъ образомъ, вы нарушаете равенство вѣроисповѣданій. Публичное обученіе поддерживается налогами, взимаемыми со всѣхъ гражданъ; но если школа благопріятствуетъ тому или другому вѣроисповѣданію, то вы оскорбляете другія, потому что на ихъ деньги вы распространяете, по ихъ мнѣнію, гибельное заблужденіе. Еслибы нашлся только одинъ вѣрующій, который сталъ бы протестовать, то необходимо уважить и его сопротивление, потому что всякое принужденіе въ дѣлѣ совѣсти—отвратительно. Кромѣ того, и для религіи выгодноѣ, если она преподается въ церкви, а не въ школахъ. Съ уроками религіи, слѣдующими за другими, поступаютъ одинакимъ образомъ. Они преобразуются въ заданную работу, которая вмѣсто того, чтобы внушать уваженіе, наводитъ только скуку. Сами преподаватели не представляютъ тутъ никакой разницы, и часто ученикъ рассказываетъ то, что онъ выучилъ наизусть, съ довольно ясными признаками утомленія. Только тотъ, кто никогда не присутствовалъ при урокѣ изъ катехизиса въ первоначальной школѣ, повѣритъ, что это упражненіе памяти можетъ запечатлѣть религіозныя чувства въ сердцахъ юношей. Если же уроки религіи читаются священникомъ, и въ церкви, то они получаютъ священный характеръ и отъ того и отъ другого.

Но, скажутъ, всякая школа, изъ которой исключено обученіе религіи, есть школа противорелигіозная. Нѣтъ, отвѣчаютъ американцы; школу земледѣлія, школу искусствъ и ремеселъ, университетъ нельзя назвать противорелигіозными заведеніями потому только, что въ нихъ нѣтъ кафедръ, гдѣ бы читались догматы вѣры — это не ихъ предметъ. Точно такъ же наши первоначальныя школы имѣютъ цѣлю научить дѣтей читать и писать. Только изъ уваженія къ свободѣ совѣсти и къ достоинству вѣроисповѣданій мы не хотимъ смѣшивать ихъ преподаваніе съ другими предметами, а предоставляемъ это семействамъ и священникамъ, которыхъ они свободно избираютъ.

Американцы до такой степени опасаются придать образованію народа сектаторское направленіе, то-есть признавъ какой-нибудь положительной религіи, что законъ формально исключилъ священниковъ какаго бы ни было вѣроисповѣданія изъ всѣхъ мѣстныхъ комитетовъ и другихъ, которые управляютъ школами, содержимыми штатами, или инспектируютъ ихъ. Всѣ партіи, всѣ секты

одобряютъ эту систему, исключая католиковъ. Хотя и они приняли эту систему, и даже выпросили ее въ Ирландіи и въ Голландіи, гдѣ она точно также дѣйствуетъ, тѣмъ не менѣе они уже нѣсколько лѣтъ противятся ей въ Соединенныхъ Штатахъ. Священники опасаются результатовъ: они, кажется, начинаютъ замѣчать, что вѣроисповѣданіе, имѣющее основаніемъ безусловное повиновеніе вѣдѣніямъ верховнаго первосвященника, пребывающаго очень далеко, по ту сторону Атлантическаго океана, рискуетъ потерять своихъ приверженцевъ къ выгодѣ другихъ вѣроисповѣданій, у которыхъ принято за правило личное испытаніе, убѣжденіе, и которые болѣе согласуются съ свободными учрежденіями и индивидуалистическими правами страны. Архіепископъ нью-йорскій, г. Гюгсъ (Hughes), сталъ во главѣ крестоваго похода, чтобъ отобрать дѣтей изъ національныхъ школъ, и помѣстить ихъ въ школы исключительно католическія. До сихъ поръ многіе изъ родителей противятся этому, и было бы достойно сожалѣнія, еслибы католики образовали нѣчто въ родѣ отдѣльнаго народа, питающаго глухую вражду къ учрежденіямъ страны.

У протестантовъ религіозное образованіе дается въ воскресныхъ школахъ: это опять удивительное учрежденіе, вполне обязанное своимъ происхожденіемъ индивидуальной инициативѣ. Обученіе начинается съ первоначальныхъ понятій и доводится до самыхъ серьезныхъ объясненій. Когда строятъ новую церковь, то обыкновенно прибавляютъ обширную залу конференцій, гдѣ, на поставленныхъ кругомъ скамьяхъ, толпою садятся дѣти*, часто принадлежащія къ различнымъ отдѣлкамъ протестантизма. Даже здѣсь вообще пасторы уступаютъ мѣсто свѣтскимъ лицамъ. Женщины, самые знаменитые люди оспариваютъ одни у другихъ честь обучать маленькихъ дѣтей. Это невѣроятное соревнованіе въ самоотверженіи столь далеко отъ нашихъ привычекъ, что намъ кажется едва объяснимымъ. Судьи высшихъ палатъ, выборные начальники городовъ и штатовъ, даже генералы не пренебрегаютъ исполненіемъ скромной обязанности школьнаго учителя. Когда генералъ Гаррисонъ былъ избранъ президентомъ республики, онъ занимался религіознымъ обученіемъ въ воскресной школѣ. Христіанство, излагае-

* Полагаютъ, что воскресныя школы посѣщаются тремя милліонами дѣтей подъ управленіемъ почти четырехсотъ тысячъ наставниковъ и наставницъ. Образовались мисіонерскія общества, которыя посылаютъ своихъ повѣренныхъ въ бѣдные кварталы, чтобы собирать дѣтей, безумные родители которыхъ совершенно пренебрегаютъ ихъ воспитаніемъ: это мудрое дѣло, потому, что гораздо важнѣе просвѣтитъ умственно и нравственно варваровъ, находящихся у нашихъ дверей, нежели нашихъ антиподовъ — первые по крайней-мѣрѣ васъ слушаютъ, понимаютъ и не съѣдятъ васъ.

мое гражданскими лицами, совершенно теряет сектаторскій характеръ, дѣлается нравственнымъ ученіемъ, опирающимся на живую и широкую вѣру; такимъ образомъ оно совершенно проникаетъ все общество, которому придаетъ твердое основаніе для великихъ испытаній. Такъ думаютъ сѣверо-американцы. Воскресныя школы составляютъ одинъ изъ прочныхъ фундаментовъ республиканскихъ учреждений Соединенныхъ Штатовъ.

Строго-свѣтская школа, которая, какъ увѣряютъ, съ одной стороны, способна искоренить всякое религиозное чувство, вовсе не производитъ этого дѣйствія въ Соединенныхъ Штатахъ. Нигдѣ религиозное чувство не является столь всеобщимъ, глубокимъ и особенно плодотворнымъ на дѣлѣ, какъ здѣсь. Всѣ путешественники утверждаютъ это, и, по мнѣнію Токвиля, вѣра служитъ здѣсь основаніемъ и въ то же время противодѣйствіемъ безграничной свободы. Часто измѣряютъ силу чувствъ посредствомъ принесенныхъ денежныхъ жертвъ: на этотъ счетъ цифры краснорѣчиво подтверждаютъ сужденія путешественниковъ. Дѣйствительно, добровольные сборы на жалованье пасторовъ здѣсь доходятъ до 130 миліоновъ, то-есть въ три раза болѣе бюджета вѣроисповѣданій во Франціи. Общая цѣнность 48,000 существующихъ храмовъ доходитъ до 600 миліоновъ, а ежегодно строятъ 1,200 церквей, которыя стоютъ отъ 40 до 50 миліоновъ. Прибавьте къ этому еще 40 миліоновъ на богоугодныя дѣла всякаго рода, и въ итогѣ получится болѣе 210 миліоновъ, или 7 франковъ съ человѣка, свободно посвящаемыхъ на интересы вѣроисповѣданія. Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, даже въ Англіи, не доходятъ до подобныхъ результатовъ. Такимъ образомъ полное отдѣленіе церкви отъ государства и радикальная свѣтскость школы, вмѣсто того, чтобы вредить религіи, придаютъ ей новую силу, соединяя ее съ добровольнымъ развитіемъ индивидуальной совѣсти въ средѣ совершенной свободы.

Во всѣхъ штатахъ Союза обученіе теперь совершенно бесплатно. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ существовали еще нѣкоторые сборы. Тогда полагали въ Америкѣ, какъ въ Англіи и въ другихъ мѣстахъ, что бесплатныя школы уменьшаютъ въ родителяхъ интересъ къ образованію ихъ дѣтей; но позже противное мнѣніе восторжествовало. Допуская это замѣчаніе, какъ справедливое въ нѣкоторыхъ случаяхъ, убѣдились, что для бѣдныхъ семействъ плата составляла серьезное препятствіе, и что слѣдовало уничтожить его, если хотѣли привлечь всѣхъ дѣтей въ школу и основать истинно національное воспитаніе. Въ 1849 году законодательная палата Нью-Йорка рѣшила, чтобы впредь ихъ народныя школы были бесплатны, и утвердила систему *free schools*. Законъ, предло-

женный три раза сряду на разсмотрѣніе всѣхъ избирателей, три раза сряду былъ утвержденъ огромнымъ большинствомъ. Съ тѣхъ поръ всюду послѣдовали примѣру Нью-Йорка. Эта, достойная сожалѣнія, разниа между бесплатными школами, посѣщаемыми бѣдняками, и школами, посѣщаемыми богачами за плату, теперь совершенно исчезла, съ чѣмъ себѣ и поздравляютъ американцы. Когда общественный бытъ—демократическій, то слѣдовало уничтожить все, что со стороны государства могло установить различіе между разными классами. Особенно соединя ихъ въ юности, предупреждаютъ между ними съ одной стороны зависть, съ другой—высокомѣріе; такимъ образомъ утверждаютъ нѣкоторое равенство въ правахъ и общность видовъ, что составляетъ обезпеченіе порядка въ будущемъ. Документы, представленныя законодательнымъ палатамъ различныхъ штатовъ, хвалятъ наперерывъ благодѣянія совершенной бесплатности обученія. Въ одномъ изъ рапортовъ г. Райса (Rice) изъ Нью-Йорка я встрѣчаю слѣдующія прекрасныя слова: «Въ государствѣ, подобномъ нашему, необходимо, чтобы всѣ безъ исключенія дѣти могли пользоваться образованіемъ и просвѣщеніемъ такъ, какъ пользуются воздухомъ и солнцемъ, свободно и безъ всякой платы. Доставить имъ средства для этого—есть первая обязанность націи, потому что въ этомъ ея величайшій интересъ».

Благодаря этой, всюду принятой мѣрѣ, число дѣтей, посѣщающихъ публичныя школы, быстро возрасло и теперь достигло пропорціи, которой нигдѣ не встрѣчается. Трудно представить цифры, относящіяся къ цѣлому Союзу, по двумъ причинамъ: во первыхъ, потому, что публичное образованіе не относится до федеральнаго правительства—слѣдовательно, и не существуетъ общей статистики по этому предмету; во вторыхъ, потому, что соединяя цифры, собранныя во всѣхъ штатахъ, пришли бы къ неточнымъ результатамъ, такъ-какъ въ невольничьихъ штатахъ особенное учрежденіе дѣлало невозможною организацію обученія, предназначеннаго для народа. И такъ приходится довольствоваться данными, которыя представляютъ свободныя штаты. Не будучи въ состояніи привести ихъ всѣ здѣсь, мы ограничимся тѣмъ, что возьмемъ четыре типа: главный штатъ Новой Англіи, большой коммерческой штатъ на берегахъ Атлантическаго океана, одинъ изъ древнихъ и одинъ изъ новыхъ западныхъ штатовъ: Массачусетъ, Нью-Йоркъ, Огіо и Висконсинъ. Въ 1862 году въ Массачусетѣ только въ публичныхъ школахъ считалось 227,319 дѣтей; населенія же было 1.231,066 душъ, что составляетъ 182 ученика на 1,000 жителей, или 1 ученикъ на 5, 4 человекъ. Въ Нью-Йоркскомъ штатѣ пропорція еще болѣе благоприятна: тамъ было 892,500 учени-

ковъ на 3.880,735 душъ, что составляетъ 230 учениковъ на 1,000 обитателей, или 1 ученикъ на 4, 2 человѣка. Огіо же представляетъ цифры самыя замѣчательныя: при населеніи въ 2.339,502 души, тамъ насчитывалось 723,669 дѣтей, посѣщающихъ публичныя школы, что составляетъ 319 на 1,000 душъ, или 1 на 3, 2 обитателя. Это уже чисто-чрезвычайный результатъ, потому что дѣтей, достигшихъ такого возраста, въ которомъ они посѣщаютъ школу, то-есть отъ 7-ми до 13-ти лѣтъ, считаютъ обыкновенно не болѣе, какъ 110 на 1,000 душъ. Изъ этого можно заключить, что не только всѣ дѣти этого возраста посѣщали школу, но что много и такихъ, которые еще не достигли этого возраста, или уже переступили за этотъ возрастъ, равномерно посѣщали школу. Дѣйствительно, возрастъ первоначальной школы считается въ Америкѣ отъ пяти до пятнадцати лѣтъ. Въ новомъ штатѣ Висконсинъ, который основанъ только съ 1848 года, результаты менѣе благоприятны, чѣмъ въ Огіо, но они равняются почти съ результатами Нью-Йорка. Тамъ считалось 149,786 учениковъ на 775,881 жителя, что составляетъ 206 на 1,000 душъ, или 1 на 5, 2 обитателей. Чтобы оцѣнить значеніе этихъ цифръ, которыя относятся только къ публичнымъ школамъ, надобно замѣтить, что по послѣднему официальному рапорту Франція, съ населеніемъ въ 37.382,225 душъ, послала въ свои публичныя и частныя школы 4.336,368 дѣтей, что составляетъ 116 учениковъ на 1,000 обитателей, или 1 на 8, 6 душъ.

Нельзя себѣ представить, съ какимъ жаромъ американцы стараются подвинуть образованіе народа, если замѣчаютъ, что оно начинаетъ отставать. Я приведу одинъ изъ тысячи примѣровъ. Городъ Чикаго въ Илинойсѣ, главный складъ зернового хлѣба на западѣ, совершенно преданный заботамъ о своемъ чудесномъ матеріальномъ развитіи, немного пренебрегъ постройкою школъ для своего, постоянно возрастающаго населенія. Но общественное вниманіе пробуждается: зло указываетъ, каждый понимаетъ его важность и принимается за дѣло для уничтоженія этого зла съ удивительною энергіею. Въ 1851 году тамъ было помѣщеній только для 1,700 учениковъ, въ 1863 году уже было мѣсто для 11,000, и все было занято. Когда въ Соединенныхъ Штатахъ кричатъ: «недѣлжество!» то это то же самое, какъ еслибы закричали: «пожаръ!»

—

— «Въ „Русскомъ Инвалидѣ“ недавно помѣщена была небольшая статья подъ заглавіемъ: „Училища у государственныхъ крестьянъ Тверской губерніи“. Изъ этой статьи видно, что въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ этой губерніи изъ 71 души населенія обоего пола учился въ школахъ только 1. Что же сказать про бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ? — *Прим. переводчика.*

— ПИТЕРЪ

Каждый сѣбѣ спѣшитъ сражаться съ этимъ бичомъ, и только тогда останавливается, когда онъ побѣжденъ.

Въ дѣлѣ обученія, какъ и во всякомъ другомъ, важный вопросъ составляетъ бюджетъ. Въ Европѣ сѣбная скупость правительствъ, столь расточительныхъ, однакожь, для ихъ армій, составляетъ главное и, можетъ быть, единственное препятствіе къ распространенію образованія. Понятно, что въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ плата работнику составляетъ, по крайней-мѣрѣ, 1 долларъ въ день, нельзя безъ огромныхъ пожертвованій образовывать столько милліоновъ дѣтей, заплатить столькимъ сотнямъ тысячъ преподавателей, постронть каждый годъ столько тысячъ школъ! Но правдѣ сказать, тамъ ничего и не щадятъ для этого, потому что знаютъ, что не можетъ быть другихъ расходовъ, которые принесли бы большіе проценты. Здѣсь еще разъ Америка представляетъ противоположность съ Европою. Въ европейскихъ обществахъ, при господствѣ аристократическихъ идей, съ давнихъ поръ и съ большими издержками занимались организаціею обученія, которое давало дѣтямъ достаточныхъ классовъ необходимыя для нихъ свѣдѣнія, и предоставляли заботу объ образованіи народа усердію духовенства или благотворительности частныхъ лицъ. Въ Америкѣ, при демократическомъ общественномъ строѣ, сначала на счетъ общества позаботились объ образованіи народа, а духовенству и частнымъ лицамъ предоставили заботу объ учрежденіи заведеній, которыя требовались для ученаго образованія высшихъ классовъ. По эту сторону Атлантическаго океана государство платило за тѣхъ, которые сами могли это сдѣлать; между тѣмъ какъ по другую сторону этого океана государство платило за тѣхъ, которые сами не могли этого исполнить. Трудно не найти послѣднюю систему лучшею. Американцы это поняли, и суммы, жертвуемыя частными лицами для высшаго образованія, громадны. Они не знаютъ этого преувеличеннаго уваженія къ наследственному праву, по смыслу котораго человѣкъ оскорбляетъ своихъ наследниковъ, располагая частію своего имѣнія для общепользнаго дѣла. Они, напротивъ, полагаютъ, что сама справедливость требуетъ удѣлять въ этомъ случаѣ «десятину» для общественнаго прогресса. Здѣсь, какъ и въ древнія времена, любовь къ отечеству составляетъ довольно сильный противовѣсъ тому, что въ семейномъ чувствѣ заключается узкаго и эгоистическаго. Благодаря щедрости частныхъ лицъ, высшее образованіе развивается съ удивительною

* Не говоря уже объ известныхъ заведеніяхъ, какова Жирардова коллегія (Girard's College) въ Филадельфіи или Smithsonian Institute въ Вашингтонѣ, можно было бы привести безконечное число коллегій, семинарій и заведеній для образованія всякаго рода, содержимыхъ по большей части добровольными

быстротой; но здѣсь дѣло идетъ только о томъ, чтобы знать, сколько стоитъ первоначальное обученіе.

Можно положить, что среднимъ числомъ расходы на этотъ предметъ во всѣхъ не-невольничьихъ штатахъ доходили до 6 франковъ съ человѣка. Такъ Массачусетъ съ 1.231,066 жителей посвящаетъ первоначальному образованію, не считая устройства и поддержки зданій, 7.600,000 фр.; Нью-Йоркъ, съ 3.880,000 жителей—24.500,000 фр., что составитъ 6 фр. 50 сант. съ человѣка; Огіо, съ 2.339,502 жителей—13.700,000 фр.; Мичиганъ, съ 749,113 жителей—11.000,000 фр.; Иллинойсъ, съ 1.711,951 жителемъ—11.000,000 фр.; Калифорнія, съ 379,994 жителей, изъ которыхъ 34,919 китайцевъ—2.500,000 фр. Если же взять города отдѣльно, то результаты будутъ еще болѣе достойны вниманія и, смѣемъ сказать, удивленія. Такъ въ 1861 году, городъ Нью-Йоркъ, при населеніи около 900,000 душъ, посвящалъ на свои публичныя школы около 8 миліоновъ франковъ, или около 9 франковъ съ души. Общее денежное вспоможеніе государства во Франціи на этотъ предметъ доходило въ 1863 году до 6.464,029 франковъ 70 сантимовъ.

Когда возгорѣлась междоусобная война, то источники общественнаго благосостоянія угрожали исчезнуть среди шума оружія и самаго страшнаго опустошенія. Несмотря однакожъ на громадное приращеніе расходовъ, причиненное вербовкою сорока полковъ солдатъ, которыхъ часто содержали семейства, и въ то время, когда возмущившіеся штаты овладѣли священными фондами образованія, Нью-Йоркъ щедро увеличивалъ сумму, посвященную народнымъ школамъ. Г. Рондаль, генеральный директоръ общественнаго образованія въ этомъ городѣ, могъ съ законною гордостію сказать, приводя эти цифры: «Мы можемъ гордиться принесенными нами жертвами для нашихъ школъ, особенно въ настоящихъ обстоятельствахъ.—Какая другая нація, обязанная привести въ движеніе всѣ

подписками. Четыре года тому назадъ, кембриджскій университетъ близъ Бостона получалъ болѣе 5-ти миліоновъ отъ пожертвованій. Нѣкто г. Бюсси даетъ, напримѣръ, 880,000 фр. для юридическаго факультета, а г. Филиппъ 500,000 для обсерваторіи. Ограничиваясь только совершенно новыми извѣстіями, мы видимъ, что нѣкто г. Путнемъ даетъ 380,000 франк. для учрежденія академіи въ Ньюбурипортѣ; одинъ негоціантъ изъ Нью-Йорка, во время полнаго кризиса, посвящаетъ 2 миліона на учрежденіе коллегіи для молодыхъ дѣвушекъ въ Путнипси (Poughkeepsie) на берегахъ Гудзона; одинъ житель Утики предлагаетъ 2¹/₂ миліона для учрежденія школы земледѣлія въ этомъ маленькомъ городѣ. Если нужно открыть новую кафедру и пригласить извѣстнаго ученаго, нѣсколько гражданъ складываются, основной капиталъ готовъ и доходъ обезпеченъ. Самъ народъ интересуется успѣхами высшаго образованія: одна обсерваторія была основана посредствомъ подписокъ въ одинъ су.

свои силы для защиты самыхъ священныхъ своихъ правъ и даже своего существованія и вынести самые тяжелые налоги для содержания подъ ружьемъ значительной арміи, набираемой во всѣхъ слояхъ общества—какая другая нація посвятила общественному образованію столь значительныя суммы и среди столь страшныхъ испытаній? И какая побудительная причина заставляла насъ приносить эти жертвы, если не убѣжденіе, что распространеніе просвѣщенія необходимо для поддержанія свободныхъ учреждений, и что всеобщее образованіе есть основаніе этой славной конституціи, которую намъ завѣщали люди революціи? Народъ понялъ, что самое вѣрное средство обезпечить за собою окончательное торжество дѣла, которому онъ посвятилъ себя съ единодушною рѣшимостью и героическимъ сердцемъ, заключалось въ большемъ еще распространеніи обученія, въ энергическомъ трудѣ надъ его успѣхомъ. Прекрасныя слова, благородная довѣренность силъ истины! Чтобы побѣдить рабовладѣльческое возмущеніе, недостаточно было шпаги, а нужна была книга; чтобы вырвать съ корнемъ беззаконіе, необходимо было болѣе позаботиться о просвѣщеніи, чѣмъ о принужденіи!

Суммы, предназначенныя для общественнаго образованія, состояются изъ многихъ и различныхъ источниковъ. Прежде всего существуетъ такъ-называемый школьный фондъ. Американцы сохранили старинное преданіе, которое разсматриваетъ общественную службу, какъ гражданскую личность, имѣющую нужду для поддержанія своего существованія въ назначеніи суммы, съ которой она могла бы пользоваться опредѣленными доходами. Этимъ способомъ поддерживаются вообще въ Европѣ благотворительныя учрежденія, основанныя еще въ средніе вѣка, госпитали и комитеты общественнаго призрѣнія; точно такимъ же образомъ содержались и содержатся еще древнія церкви, существующія до сихъ поръ. Въ Америкѣ, вмѣсто учрежденія фонда для вспоможенія бѣднымъ, установили извѣстные источники для распространенія образованія, которое предупреждаетъ пауперизмъ. Тамъ скорѣе учредятъ новую каедру въ школѣ, чѣмъ кровать въ госпиталѣ, и болѣе завѣщаваютъ имѣній для распространенія образованія, чѣмъ для раздачи милостыни.

Фондъ для общественнаго образованія происходитъ частью изъ первоначально установленнаго штатомъ опредѣленнаго дохода, частью отъ продажи публичныхъ земель. Конгрессъ, отказываясь на этотъ разъ отъ своихъ привычекъ воздержанія, постановилъ, чтобы тридцать-шестая часть земель была назначена въ фондъ для школъ. Въ западныхъ штатахъ, гдѣ землемѣръ можетъ проводить въ безпредѣльныхъ равнинахъ прямыя линіи, дорогія логическому уму

американцевъ, община образуетъ собою квадратъ, заключающій въ себѣ пространства тридцать-шесть англійскихъ милъ. Этотъ квадратъ подраздѣляется на тридцать-шесть участковъ, въ милу каждый, и средній участокъ, называемый school section, назначается для удовлетворенія расходовъ по обученію. По мѣрѣ населенія общины, земли приобрѣтаютъ цѣнность. Онѣ послѣдовательно продаются *, и получаемая сумма, часто съ прибавкою накопленныхъ процентовъ, составляетъ школьный фондъ, который мало-по-малу увеличивается пожертваніями, завѣщаніями и опредѣленными доходами. Вотъ нѣкоторыя цифры, которыя дадутъ понятіе о важности этого фонда въ различныхъ штатахъ въ 1863 г. Въ Массачусетѣ онъ доходилъ до 8¹/₂ миліоновъ франковъ, въ Нью-Йоркскомъ штатѣ до 15 миліоновъ, въ Огіо до 15 миліоновъ, въ Мичиганѣ до 5 миліоновъ, въ Индіанѣ, какъ болѣе молодомъ штатѣ, который могъ воспользоваться всѣми выгодами отъ продажи общественныхъ земель—до 39 миліоновъ, въ Иллинойсѣ—до 27 миліоновъ, въ Висконсинѣ—до 12 миліоновъ, не считая непроданныхъ еще земель, въ Калифорніи—до 6.622,200 акровъ земли. Второй источникъ дохода школъ составляетъ субсидія, которую имъ выдаютъ всѣ штаты. Общины съ своей стороны должны собрать съ себя такую же сумму или опредѣленную закономъ; но болѣшая часть даетъ гораздо болѣе того, что предписываетъ обязательный сборъ. Такъ въ Массачусетѣ, чтобъ получить часть дохода школьнаго фонда, общины должны были обложить себя налогомъ въ 1¹/₂ доллара съ каждаго дитяти, посѣщающаго школу, то-есть отъ 5 до 15 лѣтъ. Никто не остался ниже назначенной цифры, но, исключая 39, остальные всѣ внесли вдвое или втрое болѣе того, что было назначено посвятить для обученія. Какъ только дѣло коснется такого важнаго предмета, каждый штатъ ухищряется найти для него источники. Такъ въ одномъ существуетъ налогъ на банки, въ другомъ — на желѣзныя дороги, въ третьемъ — на вносеніе въ роспись; но главный доходъ получается отъ пропорціональнаго налога на собственность, собираемаго въ одно время со всѣми другими налогами обыкновенными сборщиками. Сами из-

* Эта продажа производится, по несчастію, иногда при не совсѣмъ благоприятныхъ условіяхъ. Не полезнѣе ли было бы желать, чтобы были отчуждаемы не всѣ земли? Примѣръ европейскихъ учрежденій доказываетъ, въ какой степени цѣнность земель увеличивается, и эта прогрессія была бы во сто разъ быстрѣе въ Америкѣ. Еслибы наши благотворительныя учрежденія имѣли основанной денежный капиталъ, то въ настоящее время ихъ доходъ былъ бы ничтоженъ, а еслибы американскія школы сохранили значительную часть ихъ земель, онѣ бы утроивали доходъ сначала чрезъ каждые десять лѣтъ, а потомъ чрезъ двадцать.

биратели общины, являясь ежегодно въ общее собраніе, рѣшаютъ, какую сумму имъ слѣдуетъ платить, и мы напрасно старались бы доказать, что когда либо плательщики находили ее слишкомъ высокою. Чѣмъ болѣе просвѣщена нація, тѣмъ лучше она понимаетъ благодѣянія образованія, и тѣмъ охотнѣе подчиняется жертвамъ, которыхъ требуетъ организація его. Невѣжественный народъ всегда будетъ думать, что деньги, употребляемыя на образованіе его, составляютъ излишнюю издержку, и весьма вѣроятно, что въ деревнѣ, гдѣ никто не умѣлъ бы ни читать, ни писать, при подачѣ голосовъ не составилось бы большинства для назначенія жалованья школьному учителю. Всѣ чувствуютъ нужды тѣла, но не всѣ испытываютъ потребности ума, потому что надобно имѣть его уже развитымъ, чтобъ замѣтить, чего ему недостаетъ. Вотъ почему въ дѣлѣ обученія инициатива центральной власти необходима въ такой странѣ, гдѣ большинство мало просвѣщено. За неимѣніемъ толчка сверху, народъ будетъ продолжать жить въ невѣжествѣ, какъ въ своей естественной стихіи.

Если мы теперь разсмотримъ въ совокупности организацію обученія въ Соединенныхъ Штатахъ, то будемъ поражены, увидѣвъ, до какой степени она разнится съ системами, дѣйствующими въ Европѣ. вмѣсто преподавателей, состарѣвшихся при отправленіи ихъ обязанностей, почти всюду дѣвушки отъ восемнадцати до двадцати-пяти лѣтъ, а личный составъ преподающихъ возобновляется среднимъ числомъ каждыя пять лѣтъ; вмѣсто отдѣльныхъ школъ для обоихъ половъ, мальчики и дѣвушки соединены въ однихъ и тѣхъ же классахъ; никакого признака іерархіи, или дѣйствія центральной власти, вмѣсто которыхъ дѣйствующими пружинами являются публичные пренія и давленіе общественнаго мнѣнія; расходы на обученіе специально, прямо и свободно вотируются тѣми, которые должны нести на себѣ эту повинность; высшее и среднее образованіе предоставляется отдѣльной инициативѣ, первоначальное же образованіе щедро поддерживается всѣми публичными властями; религиозное обученіе систематически исключается изъ программы—таковы отличительныя черты американской системы, составляющія камень преткновенія для нашихъ учрежденій по обученію. Найдется ли на нашемъ континентѣ страна, которая съ выгодой могла бы принять эту систему? Сомнѣваюсь въ этомъ. Чтобы дѣло обученія не пришло въ разстройство отъ безпрестанной перемѣны лицъ, надобно, чтобы всѣ граждане понимали его важность; но основному принципу, на которомъ держится все остальное, всюду слѣдовало бы подражать. Съ самаго основанія штаты Новой Англіи смотрѣли на воспитаніе народа, какъ на большую общественную услугу, какъ на долгъ общины къ своимъ членамъ. Обу-

чать, распространять просвѣщеніе—такова главнѣйшая обязанность общественныхъ властей и ихъ главнѣйшій расходъ. Между тѣмъ какъ другіе расточали миліоны, собранные съ плательщиковъ, для созданія могущественныхъ флотовъ, для содержанія безчисленныхъ армій, или для украшенія столицъ, они берегли свои миліоны для постройки школъ и уплаты преподавателямъ. Со всѣхъ сторонъ требуютъ децентрализаціи и той формы управленія, которая извѣстна подъ англійскимъ словомъ self-government. Безъ сомнѣнія, во многихъ странахъ, и особенно во Франціи, уже пора распустить слишкомъ тѣсныя узы, которыя оцѣпляютъ произвольныя движенія населеній до такой степени, что заставляютъ зависѣть каждое ихъ движеніе отъ одной воли, дѣйствующей въ центрѣ; но да убѣдятся же наконецъ, что децентрализація не произведетъ большихъ результатовъ и не поведетъ къ свободѣ, какъ только тогда—чему примѣромъ можетъ служить Америка—когда образованіе широко будетъ распространено даже въ самыхъ низшихъ слояхъ народа. Нѣкогда завоеваніе и война составляли пѣль государства, потому что онѣ давали богатства, почести и славу тѣмъ, которые въ государствѣ составляли все—вельможамъ и государю. Теперь же цѣлю государства служить, или по крайней-мѣрѣ должно служить, обезпеченіе всѣмъ гражданамъ полного и свободнаго развитія ихъ способностей. Но единственное средство доставить имъ это благодѣяніе, освобождая ихъ отнынѣ отъ всякой опеки, это—основать много школъ и давать въ нихъ образованіе прочное, привлекательное, полное въ своей сферѣ. Соединенные Штаты это поняли скорѣе и лучше, чѣмъ какаа-либо другая страна. Изъ предыдущаго можно видѣть, что тамъ федеральное правительство, штаты, общины, частныя лица соперничаютъ въ усердіи для распространенія обученія и не отступаютъ ни передъ какими жертвами. Едва появляется штатъ, какъ Канзасъ или Орегонъ, едва учреждается территорія, какъ Дакота или Невада—какъ уже все готово для умноженія школъ по мѣрѣ возрастанія народонаселенія. Образованіе народа есть національное дѣло, которому всякій споспѣшествуетъ, которымъ всѣ занимаются, и къ которому никто не остается равнодушнымъ. Вотъ великій примѣръ, который представляется намъ американскій Союзъ и который долженъ болѣе и болѣе возбуждать соревнованіе Европы.

СПИНОЗА.

Статья Д.-Г. Льюиса.

До сихъ поръ Спиноза слыветь повсюду атеистомъ. Противъ этого заблужденія давно уже возставали многіе писатели, но оно такъ сильно укоренилось въ европейскомъ обществѣ, что каждая новая попытка возстановить правильный взглядъ на философію и личный характеръ Спинозы должна возбуждать сочувствіе всѣхъ, кому дорога правда. Льюисъ не въ первый уже разъ беретъ за перо съ этой цѣлю. Онъ согласенъ, что атеизмъ, признающій существованіе только вселенной, и агносцизмъ, для котораго нѣтъ другаго существа, кромѣ универсальнаго, повсюду разлитаго Бога, очень близки между собою въ логическомъ отношеніи, но думаетъ—и совершенно справедливо — что внутренній характеръ, или самый духъ этихъ ученій противоположны другъ другу. Впрочемъ, удивляясь глубокomyслию Спинозы, Льюисъ нисколько не увлечается его метафизикою. Онъ говоритъ, что только нѣкоторыя мысли изъ нея могутъ войти въ современную философію, и хочетъ приступить въ скоромъ времени къ подробному анализу одного изъ важнѣйшихъ произведеній Спинозы. Теперь же, въ этой біографической статьѣ, онъ доказываетъ, что Спиноза никогда не былъ атеистомъ. Разсказъ Льюиса начинается воспоминаніями изъ его собственной молодости.

I.

Лѣтъ тридцать назадъ тому, на гольборнской площади, въ гостиницѣ «Краснаго Льва», собирались каждую субботу молодые люди, которые, если и не съ большимъ знаніемъ дѣла, то по крайней мѣрѣ очень горячо занимались рѣшеніемъ философскихъ вопросовъ. Клубъ этотъ былъ чрезвычайно простъ по своимъ правиламъ и рѣшительно не соблюдалъ никакихъ формальностей. Члены его, встрѣчавшіеся здѣсь только по субботамъ, имѣли въ виду исключительно одну дружескую борьбу противоположныхъ взглядовъ на

такіе предметы, которые интересуютъ порою мыслящихъ людей. Во всѣ остальные дни недѣли каждый изъ нихъ шелъ своей собственной дорогою, не заботясь о томъ, что дѣлаютъ его клубные товарищи. Одинъ изъ нихъ торговалъ на открытомъ воздухѣ книгами, преимущественно вольнаго содержания; другой былъ часовщикомъ, третій сапожникомъ, четвертый жилъ небольшимъ доходцемъ, пятый пописывалъ стишки, шестой изучалъ анатомію и разные другіе предметы, волнуясь неясными порывами и не избирая для себя опредѣленной карьеры. Несмотря на такое несходство занятій, всѣ эти люди шли каждую субботу съ разныхъ сторонъ въ маленькую столовую гостиницы, и полуночный бой ея стѣнныхъ часовъ тонулъ въ веселомъ шумѣ смѣха и доказательствъ. Последнія высказывались иногда громко и съ досадою, но ихъ заглушалъ обыкновенно гомерическій хохоть, какъ скоро начинали звучать въ голоса опонентовъ ноты внутреннего раздраженія. Сидя вокругъ огня съ сигарами и трубками, попивая кофе, грогъ или пиво, не имѣя ни президента, ни установленной формы для споровъ, и одержимые неодолимымъ желаніемъ говорить всѣ вдругъ, когда словесный бой принималъ одушевленный характеръ, философы эти дѣйствительно перебрасывались искрами, которыя воспламеняли ихъ умы. Реторика была изгнана изъ бесѣдъ этого общества. Сюда собирались для философскихъ разговоровъ, и потому говорили просто. Но, разумѣется, много высказывалось вздорныхъ мыслей, много пустяковъ считалось высшей мудростью, и вообще говорившіе были слишкомъ убѣждены въ непогрѣшительности своихъ собственныхъ мнѣній. Впрочемъ, эти собранія возбуждали скорѣе умъ, нежели подстрекали самолюбіе; и если главный предметъ спора терялся иногда въ общемъ смѣшеніи голосовъ, то довольно было одной остроты, или замѣчанія, для того чтобы возстановить нарушенный порядокъ.

Въ этомъ-то клубѣ узналъ Льюисъ кое-что о великомъ еврейскомъ философѣ, о Спинозѣ. Едва-ли кто изъ членовъ клуба приобрѣлъ впоследствии такую извѣстность, чтобы стоило распространяться о нихъ. Авторъ припоминаетъ только Джемса Пьерпоинта Гривса и нѣмецкаго еврея Юна. Гривсъ былъ мистикъ и говорилъ такимъ страннымъ языкомъ, котораго не понималъ ни одинъ изъ его клубныхъ товарищей. Впоследствии онъ сдѣлался авторитетомъ въ нѣкоторыхъ англійскихъ и американскихъ мистическихъ кружкахъ. Но, конечно, такая извѣстность не заслуживаетъ особеннаго вниманія, потому что ею пользуются очень пустые люди. Впрочемъ, Гривсъ не принадлежалъ къ числу шарлатановъ. Онъ былъ уменъ, благороденъ, но ему не доставало скромности. Въ клубѣ не понимали и не любили его. Другой человекъ, о которомъ вспоми-

наеть Льюисъ, представлялъ рѣзкую противоположность въ сравненіи съ Гривсомъ. Невозмутимое спокойствіе характера, глубоко-философскій складъ ума и замѣчательный даръ слова сдѣлали Кона общимъ любимцемъ молодѣжи. Одинъ разъ онъ сообщилъ собранію, что ему удалось подмѣтить въ книжной лавкѣ нѣмецкую книгу, въ которой изложена система Спинозы. Это извѣстіе очень заинтересовало всѣхъ членовъ клуба, потому что въ то время англичане почти совсѣмъ не были знакомы съ мыслями еврейскаго философа. Конъ, сочувствуя общему настроенію, принялъ на себя трудъ готовить въ каждомъ собранію по одному вопросу изъ системы Спинозы и предлагать его въ субботу на критическое обсужденіе клуба. Но онъ былъ семейный и притомъ очень бѣдный человекъ. Ремесло часовщика и домашнія обстоятельства не позволяли ему свободно распоряжаться своимъ временемъ, и потому онъ нерѣдко манкировалъ недѣли по три. Льюисъ не зналъ еще въ то время нѣмецкаго языка, а между тѣмъ отзвѣы Кона о философіи Спинозы возбудили въ немъ сильнѣйшее любопытство. Съ тѣхъ поръ онъ особенно часто заглядывалъ въ книжныя лавчонки, и наконецъ, о, радость! на полкѣ одной изъ нихъ онъ увидалъ маленькій томикъ съ надписью «Spinozae Opera Posthuma». Книга стоила двадцать шиллинговъ, а это были тогда большія деньги для бѣднаго Льюиса. Однакоже онъ не пожалѣлъ ихъ. Томикъ былъ купленъ, и счастливый обладатель его, желая вѣрнѣе понять и тверже запомнить мысли Спинозы, принялся, въ тотъ же день, за переводъ «Ээни», котораго однакоже не удалось ему кончить.

Спустя нѣсколько лѣтъ, онъ написалъ статью о жизни и произведеніяхъ Спинозы. Она была напечатана въ «Westminster Review» 1843 г. и обратила на себя общее вниманіе, какъ первая попытка защитить знаменитаго мыслителя отъ непріязненнаго мнѣнія англійской публики. Потомъ стали появляться рассказы о жизни Спинозы и критическіе разборы его произведеній въ разныхъ англійскихъ журналахъ. Теперь всѣ они переведены на нѣмецкій языкъ извѣстнымъ романистомъ Ауербахомъ и на французскій—Эмилемъ Сесе. Сверхъ того Макаль перевелъ на англійскій языкъ «Tractatus Politicus», Брудеръ издалъ полное собраніе всѣхъ сочиненій Спинозы «Opera Omnia», и недавно явилось въ Голандіи дополненіе къ нимъ. И такъ, теперь нельзя жаловаться на недостатокъ источниковъ для полнаго уразумѣнія доктринъ этого мыслителя.

II.

Льюисъ признаетъ Спинозу великимъ изъ величайшихъ мыслителей и въ то же время видитъ въ немъ чрезвычайно замѣчательное

лицо въ исторіи философіи. Судьба Спинозы доказываетъ, какъ несправедливо бываетъ человѣчество къ тѣмъ людямъ, которые становятся непопулярны по своимъ убѣжденіямъ, хотя бы эти убѣжденія и были честны сами по себѣ. Всѣ знаютъ, что Спиноза былъ умный, добрый, честный и благородный человѣкъ, однакоже это знаніе не спасло его отъ общихъ проклятій въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній. Спинозизмъ ставили наравнѣ съ атеизмомъ и думали, что сочувствовать мыслямъ Спинозы значитъ отдать душу свою дьяволу.

Но теперь взглядъ измѣнился. Теперь говорятъ объ этомъ мнѣніемъ атеистѣ, какъ о святомъ человѣкѣ, этому «посланнику дьявола» внимаютъ, какъ пророку. Теперь писатели взапуски другъ передъ другомъ превозносятъ его достоинства. Этой перемѣнѣ общественнаго мнѣнія способствовали преимущественно Лесингъ и Мендельсонъ. Они открыли въ проклятыхъ сочиненіяхъ Спинозы величіе и глубину человѣческой мысли, а въ немъ самомъ табу нравственную возвышенность и такое благородство, которыя вполне заслуживаютъ удивленія. Гердеръ, Гёте, Новалисъ, Шлейермахеръ, Шелингъ, Гегель горячо протестовали противъ грубаго заблужденія толпы. Франція отделилась на этотъ призывъ къ чувству справедливости, и теперь считать Спинозу атеистомъ стало такъ же несправедливо, какъ признавать еретикомъ Галилея. Мнѣнія о Спинозѣ были различны до крайности. Благочестивый Мальбраншъ называлъ его *презрѣннымъ*, а благочестивый Шлейермахеръ — *святымъ*; скептикъ Байль признавалъ его *систематическимъ атеистомъ*, а католикъ Новалисъ — *упоеннымъ мыслью о Божѣ человекомъ*. Впрочемъ, хотя въ наше время и очень измѣнился взглядъ на Спинозу, однакоже большинство едва-ли понимаетъ его. «Les âmes mâles — говоритъ Русо — ont un idiome dont les âmes faibles n'ont pas la grammaire».

Барухъ Деспиноза, или Бенедиктъ Спиноза родился 24-го ноября 1632 г. въ Амстердамѣ. Родители его были потомками португальскихъ евреевъ, которые бѣжали въ Голандію отъ преслѣдованій безпощадной инквизиціи. Отецъ Спинозы велъ небольшую торговлю и кромѣ сына имѣлъ еще двухъ дочерей. О дѣтскомъ возрастѣ Бенедикта не дошло до насъ почти никакихъ извѣстій. Такъ-какъ онъ былъ еще очень молодъ, когда родители прогнали его отъ себя, то въ исторіи этого человѣка и не осталось тѣхъ преданій, которыя переходятъ изъ рода въ родъ и разглашаются потомками знаменитыхъ людей. Извѣстно только, что онъ предназначался къ духовной профессіи. Учебное приготовленіе къ ней обнаружило въ этомъ мальчикѣ такія умственныя способности, что великій талмудистъ Саулъ Леви Мортейра обратилъ на него особенное вни-

маніе. Къ несчастію учителей, наиболѣе даровитые ученики бывають часто слишкомъ любознательны и притомъ недовѣрчивы. Бенедиктъ принадлежалъ къ числу ихъ. Онъ былъ такъ понятливъ, уменъ, дѣлалъ порою такіе вопросы и возраженія, что Мортейра, гордясь имъ, опасался однакоже послѣдствій этой пытливости, которой нельзя было успокоить легкими отвѣтами. Четырнадцатилѣтній Бенедиктъ зналъ уже библію не хуже раввиновъ. Когда минуло ему пятнадцать лѣтъ, онъ началъ приводить въ смущеніе синагогу своими вопросами. Напрасно старался Мортейра остановить Спинозу—ни угрозы, ни софизмы не дѣйствовали на него. Неизвѣстно, сколько времени продолжалось это религіозное междоусобіе, но наконецъ Спиноза убѣдился, что ему нельзя оставаться болѣе членомъ синагоги. Легко представить себѣ, какую тревогу между евреями произвело его отступничество. Раввины, отецъ, мать и сестры Бенедикта — словомъ, всѣ близкіе къ нему люди возстали противъ него. Увѣщанія, угрозы и молебны сыпались со всѣхъ сторонъ, но онъ оставался непреклоненъ. Видя, что эти средства не ведутъ ни къ чему, раввины рѣшились прибѣгнуть къ подбупу и предложили отступнику ежегодную пенсію въ тысячу флориновъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ показывался изрѣдка въ синагогѣ и таилъ внутри себя свои тревожныя сомнѣнія. Этимъ путемъ надѣялись избѣжать скандала и дурного примѣра. Но такъ-какъ Спиноза былъ рѣшительно неспособенъ притворяться, то его оскорбило только это предложеніе, и, разумѣется, онъ отвергъ его. Говорятъ, что послѣ этого отказа раввины задумали убить отступника; но Льюисъ не вѣритъ этому. Впрочемъ, какъ бы ни было — фактъ все же остается фактомъ: покушеніе на жизнь Спинозы не подлежитъ сомнѣнію. Однажды вечеромъ, когда возвращался онъ домой изъ театра, или изъ синагоги, на него бросился кто-то съ ножомъ. Къ счастью, ударъ былъ направленъ невѣрно, онъ пробилъ одежду и опаралъ только кожу. Убийца успѣлъ скрыться. Прокотытый кафтанъ былъ сбереженъ Спинозою, какъ памятникъ религіозной ненависти. Вслѣдъ за этимъ проявленіемъ частнаго фанатизма былъ совершенъ торжественный обрядъ отлученія. Раввины отворили святую святыхъ, гдѣ хранились книги закона, и синагога наполнилась тревожной толпою евреевъ. Выпуклые глаза и длинныя бороды озлобленныхъ сыновъ Израиля освѣщались яркимъ блескомъ черныхъ восковыхъ свѣчъ. Мортейра, нѣбогда гордый учитель, а теперь раздраженный жрецъ, совершалъ обрядъ отлученія. Онъ далъ знакъ, и пѣвецъ затянулъ громкимъ заунывнымъ голосомъ слѣдующія слова изгнанія и проклятія:

•Покорные велѣнію совѣта ангеловъ, повинуюсь приговору собора святыхъ, мы отвергаемъ, изгоняемъ, клянемъ и отлучаемъ

его, во исполненіе воли Всевышняго и церкви божіей, въ силу Книги Закона и шестисотъ тринадцати правилъ, содержащихся въ ней. Мы произносимъ тотъ самый запретъ, какой былъ произнесенъ противъ города Іерихона, то же проклятіе, каковымъ Елисей проклялъ буйныхъ и дерзкихъ дѣтей — словомъ, не исключая ни одного изъ проклятій, запретовъ, отлученій и анаемъ, прозвучавшихъ со временъ законодателя нашего Моисея до сего дня, мы произносимъ ихъ во имя Ахтгаріеля, господа духовъ, во имя архангела Михаила, во имя Сардалифона, приносящаго въ видѣ цвѣтовъ молитвы сыновъ Израиля къ подножію престола Всевышняго, во имя того, кто явился Моисею въ купинѣ, чьимъ именемъ отверзъ и раздѣлилъ онъ воды Чермнаго моря, во имя того, кто сказалъ: «Я есмь сый». Мы проклинаемъ его таинственными глубинами великаго имени Іеговы, его святыми велѣніями, которыя видѣлъ Іезекиль написанными на шарахъ, колесахъ и таинственныхъ животныхъ. Да будетъ проклятъ онъ Господомъ Богомъ духовъ, сѣдящимъ выше херувимовъ, тѣмъ, святое и страшное имя котораго было произнесимо первосвященникомъ въ великій день умилостивительной жертвы. Да будетъ проклятъ онъ на небесахъ и на землѣ устами самого Всемогущаго... Да будетъ проклятъ онъ во имя ангеловъ, вѣчно предстоящихъ Богу и служащихъ ему со всей чистотой и святостью.

«Родился ли онъ въ Низанѣ (мартѣ), мѣсяцѣ, находящемся въ распоряженіи Уріеля и подчиненныхъ ему ангеловъ? Да будетъ проклятъ онъ устами Уріеля и устами ангеловъ, которыми начальствуетъ Уріель».

(Слѣдуетъ въ той же формѣ рядъ проклятій по всѣмъ двѣнадцати мѣсяцамъ).

«Да будетъ проклятъ онъ устами семи ангеловъ, управляющихъ семью днями недѣли, и устами всѣхъ ангеловъ, которые слѣдуютъ за ними и воюютъ подъ ихъ знаменами. Да будетъ проклятъ онъ четырьмя ангелами, господствующими надъ временами года, и устами всѣхъ ангеловъ, которые сопровождаютъ ихъ и сражаются подъ ихъ знаменами. Да будетъ проклятъ онъ семью чинами ангеловъ и княземъ закона, его же имя вѣнецъ и печать. Словомъ — да будетъ проклятъ онъ устами крѣпкаго, могучаго и грознаго Бога.

«Молимъ Господа, да посрамитъ онъ такого человѣка и да ускоритъ день его гибели. Да возможетъ Богъ, Богъ духовъ, покарать его, въ какомъ бы тѣлѣ ни былъ онъ, искоренить, разрушить, истребить и уничтожить его. Неповѣдимые суды божіи, самое тлетворное дыханіе бурь и вѣтровъ падаютъ на главу нечестивыхъ; ангелы истребленія стремятся на нихъ. Куда бы ни напра-

вилъ стопы свои нечестивый, повсюду встрѣтитъ онъ противорѣчіе, препятствіе и проклятіе. Душа его, покидая тѣло, будетъ томиться страхомъ, ужасомъ и скорбью. Не избѣжитъ онъ ни смертнаго удара, ни суда божія, ни жестокихъ бѣдствій, низносылаемыхъ за нечестіе. Да погибнетъ же онъ отъ меча, огневицы, сухотки. Да будетъ изсушенъ внутри огнемъ и покрытъ снаружи проказой и гнойными струпами. Да не престанетъ Богъ преслѣдовать его, пока не будетъ истребленъ и разрушенъ до конца. Мечъ нечестивыхъ пронзааетъ собственную грудь ихъ. Они подобны соломѣ, носимой по волѣ вѣтра. Ангель Господень будетъ преслѣдовать ихъ во мракѣ ночи и на скользкой стезѣ, по которой ходятъ змеи. Гибель постигнетъ ихъ въ тотъ мигъ, когда не ждуть они бѣды, и то, что нечестивый втайнѣ готовитъ другому, свершится надъ нимъ самимъ. Изгнанный съ лица земли, онъ будетъ изгнанъ отъ свѣта въ тьму. Скорбь и угнетеніе всюду окружаютъ его. Собственными глазами увидитъ онъ свершенный судъ надъ собою. Онъ выпьетъ чашу негодованія Господа, проклятія котораго лягутъ ризою поверхъ одежды его. Богъ навсегда изгонитъ изъ дома своего нечестиваго. Да не простятся же ему грѣхи его. Да окружаютъ его гнѣвъ и негодованіе Господа, и да будутъ они дымиться вѣчно на главѣ его. Да падутъ на него всѣ проклятія, содержащіяся въ Книгѣ Закона, и да будетъ онъ на свою собственную гибель отдѣленъ отъ всѣхъ колѣнъ Израиля.

«Вы же, еще живущіе, служите Господу Богу, благословившему Авраама, Исаака, Іакова, Моисея, Аврона, Давида, Соломона, пророковъ Израиля и многихъ другихъ людей, разсѣянныхъ между праведными. Да благоволитъ великій Богъ излить свои благословенія на все это собраніе, на другія святыя общества и на членовъ ихъ. Да возьметъ онъ ихъ подъ святой покровъ свой, да сохранитъ ихъ въ своей великой благости и да избавитъ отъ всякой скорби и напасти. Да даруетъ онъ имъ многія лѣта, благословеніе и преуспѣваніе во всѣхъ ихъ предпріятіяхъ, и да ускоритъ день освобожденія, котораго ждуть они вмѣстѣ со всѣмъ Израилемъ. Да свершится же благая воля его. Аминь» *.

Когда звучали эти проклятія съ одной стороны, съ другой отзывались на нихъ повременамъ печальные звуки трубы. Черныя свѣчи были наклонены, и воскъ капалъ съ нихъ въ большой чанъ, наполненный кровью. Этотъ символъ приводилъ въ ужасъ зрите-

* Эту формулу отлученія выписалъ Льюисъ изъ книги, изданной въ Лондонѣ въ 1720 г., подъ заглавіемъ «An Account of the Life and Writings of Spinoza». Она ускользнула отъ вниманія позднѣйшихъ біографовъ еврейскаго философа.

лей. Какъ только кончился обрядъ отлученія — свѣчи были внезапно погружены въ кровь, и въ темнотѣ, охватившей внутренность синагоги, съ крикомъ «амин!» слились дикіе вопли проклятій.

Амстердамъ, по крайней-мѣрѣ, еврейская часть его населенія была сильно взволнована этимъ событіемъ. Но, вѣроятно, молодой, такъ безпощадно проклятый человѣкъ не слишкомъ горевалъ о томъ, что произошло въ синагогѣ. Кровь и капавшій въ нее воскъ черныхъ свѣчъ, заунывный напѣвъ безконечныхъ проклятій и жалобные звуки трубы, могли бы утратить того, кто вѣрилъ, что Богъ дѣйствительно исполнитъ все, что раввины приписывали ему, олицетворяя въ немъ гнѣвъ, ярость, мщеніе — словомъ, всѣ страсти, волновавшія ихъ въ то время. Но эти проклятія могли показаться только смраднымъ дуновеніемъ вѣтра Бенедикту Спинозѣ, который имѣлъ несравненно высшія понятія о творцѣ вселенной, который вѣру свою въ благость Бога и преданность воли его основывалъ не на преданіи, не на профессіи, но на глубокомъ убѣжденіи, непокидавшемъ его во всю жизнь.

§III.

Эти немногіе факты составляютъ, конечно, внѣшнюю обстановку жизни молодого Спинозы; что же касается внутренней стороны ея, то она совершенно неизвѣстна. Вѣроятно, Куно Фишеръ имѣлъ основаніе предполагать, что философія Декарта заставила Спинозу возстать противъ идей раввинизма; однакоже, предположеніе это не подтверждается данными. Незвѣстно также, чѣмъ и какъ жилъ Бенедиктъ, когда былъ онъ изгнанъ изъ отцовскаго дома и еврейской общины. Онъ былъ сначала совершенно одинокъ; нѣсколько друзей явилось у него впоследствии. Разсказы о дочери Ванденъ Энде и о Кларѣ Маріи, въ любви которой сознается самъ Спиноза, и которая въ романѣ Ауербаха предпочитаетъ ему жемчужное ожерелье и выходитъ за гамбургскаго купца Керринга, равно какъ предположеніе еврейскаго біографа Филисона, что будто бы мысль о женитьбѣ еврея на христіанинѣ заставила Спинозу размышлять объ іудействѣ, христіанствѣ и религіи — все это находится въ явномъ противорѣчій съ другими, болѣе достоверными извѣстіями. Вообще любовь играла слишкомъ второстепенную роль въ жизни Спинозы. У него была сильная привязанность къ другому предмету. Вотъ что говоритъ онъ въ своемъ первомъ сочиненіи «Объ усовершенствованіи разума»:

«Опытъ научилъ меня, что все въ жизни суетно и преходяще. Убѣдись, что пугавшіе меня предметы были хороши, или дурны,

смотря по тому, какъ дѣйствовали они на мою душу, я рѣшился, наконецъ, приступить къ рѣшенію вопроса: есть ли что либо изъ предметовъ, доступныхъ человѣку, истинно-хорошее въ самомъ себѣ, то-есть такое благо, которое, замѣнивъ все остальное, могло бы наполнить душу и доставить ей высшее и постоянное счастье? Говорю: *рѣшился наконецъ*, потому что на первыхъ порахъ казалось неразумно отказатся отъ того, что хорошо и вѣрно, въ надеждѣ получить лучшее. Я взвѣсилъ выгоды, доставляемыя славою и богатствомъ. Ими пришлось бы пренебречь мнѣ, еслибы я погнался серьезно за другими предметомъ, который, конечно, не привелъ бы меня къ счастью, еслибы счастье дѣйствительно соединялось съ этими выгодами. Потому-то старался я опредѣлить, возможно ли для меня устроить свою жизнь на новый ладъ, по другимъ правиламъ, или во всякомъ случаѣ убѣдиться въ существованіи такихъ правилъ, не измѣняя образа своей жизни — вопросъ, хотя и нерѣшенный мною, но часто занимавшій меня. Люди, судя по фактамъ, думаютъ, что высшее счастье заключается въ богатствѣ, почестяхъ и чувственныхъ наслажденіяхъ. Три эти предмета почти исключительно занимаютъ человѣческій умъ. Особенно чувственныя удовольствія такъ поглощаютъ его, что онъ становится неспособенъ думать о другихъ предметахъ. Но за наслажденіемъ слѣдуетъ тоска, которая если и не подавляетъ ума, то все же тревожитъ и ослабляетъ его. Поиски за богатствомъ и почестями также занимаютъ умъ, особенно если ищутъ ихъ для нихъ самихъ, полагая, что они-то и составляютъ счастье. Почести и богатство не влекутъ за собою раскаянія, подобно чувственнымъ наслажденіямъ. Напротивъ, чѣмъ болѣе приобрѣтаются они, тѣмъ болѣе увеличивается наше удовольствіе, и, слѣдовательно, тѣмъ болѣе желаемъ мы приобрѣсть ихъ. Почетъ или извѣстность серьезно стѣсняютъ насъ, потому что для достиженія ихъ мы должны жить и дѣйствовать согласно съ желаніями другихъ, избѣгая того, чего толпа избѣгаетъ, и стремясь къ тому, чего ищетъ она. Потому-то, когда встрѣтилъ я препятствія, не позволявшія мнѣ отступить отъ обыкновеннаго порядка, и упдалъ, какъ силенъ антагонизмъ между установившимся и принятымъ мною правилами, я принужденъ былъ приступить къ изслѣдованію: которое изъ нихъ полезнѣе для меня? Тѣмъ болѣе, что невѣрное намѣревался я предпочесть вѣрному. Но, поразмысливъ объ этомъ, я нашелъ, что, отказываясь отъ обыкновенныхъ выгодъ, я отрекаюсь только отъ невѣрнаго блага для другого, столько же невѣрнаго. Однакоже, послѣднее было невѣрно въ отношеніи только возможности съ моей стороны достигнуть его. Наконецъ, послѣ глубокаго размышленія я убѣдился, что побеждаю вѣрное зло для вѣрнаго блага.

Я чувствовалъ, что нахожусь въ величайшей опасности, понуждавшей меня искать хотя бы невѣрнаго лекарства. Я походилъ на больного, который, предвидя вѣрную смерть, если не будетъ чего-то сдѣлано съ нимъ, принимаетъ порою и недѣйствительное лекарство, потому что вся его надежда заключается въ немъ. Впрочемъ, все, чего ищетъ толпа, не только не могло доставить мнѣ лекарства, но, напротивъ, было вредно мнѣ, потому что всѣ эти вещи бывають часто причиною гибели тѣхъ людей, которые владѣють ими, и всегда губяють того, кто позволяетъ имъ овладѣть собою. Нѣтъ недостатка въ примѣрахъ, доказывающихъ, что люди подвергались преслѣдованію, даже смерти за то, что они были богаты. Многіе также, въ надеждѣ на выигрышъ, презирали опасности и платили жизнью за свою глупость. Перѣдко, при стремленіи къ почестямъ, или при желаніи удержать ихъ за собою, честолюбивые становились ничтожнѣйшими людьми. Наконецъ, безчисленное множество примѣровъ доказываетъ, что невоздержаніе въ чувственныхъ удовольствіяхъ ускоряетъ смерть человѣка. Потому-то я видѣлъ скрытое зло во всемъ этомъ, видѣлъ, что наше счастье и несчастье зависятъ единственно отъ качества предмета, котораго желаемъ мы. вещь, которой не желаютъ имѣть, не возбуждаетъ ни ссоръ, ни горя, когда теряють ее, ни зависти къ тому, кто владѣетъ ею, ни страха, ни ненависти — словомъ, никакого умственного, духовнаго волненія. Итакъ, все дурное для насъ заключается въ нашей привязанности къ непостояннымъ, тлѣннымъ, преходящимъ предметамъ. Только любовь къ тому, что вѣчно и нескончаемо, доставляетъ умъ исключительно одну радость и никогда не возмущается горемъ. Этого-то высшаго блага должны бы искать всѣ люди. Однакоже, ясно сознавая все это въ умѣ своемъ, я не могъ отказаться совершенно отъ любви къ богатству, почестямъ и чувственнымъ удовольствіямъ. Я замѣчалъ только, что пока эти мысли занимали умъ мой, страсти были далеки отъ него, и онъ серьезно разсуждалъ о другомъ образѣ жизни по новымъ правиламъ, что очень радовало меня. Я видѣлъ, что зло незлечимо. Но хотя серьезныя минуты были сначала рѣдки, однакоже, по мѣрѣ того, какъ истинное благо сознавалось яснѣе, онѣ приходили чаще и становились продолжительнѣе, особенно когда убѣдился я, что приобрѣтеніе богатства, славы и чувственныхъ удовольствій бываетъ пагубно только въ томъ случаѣ, когда предметы эти ищутся для нихъ самихъ, а не такъ, какъ средства, ведущія къ другой цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, становясь средствами, они не только имѣють свою цѣлю и дѣлають мало вреда, но бывають даже полезны для достиженія предположенной цѣли.

«Теперь позвольте объявить мнѣ, что разумѣю я подъ словами

истинное благо и высшее благо. Для точнаго разумѣнія моея мысли должно замѣтить, что *добро и зло* суть относительныя понятія, потому что одинъ и тотъ же предметъ можетъ быть названъ дурнымъ и хорошимъ, смотря по тому, какъ будутъ смотрѣть на него; то же самое можно сказать о совершенствѣ и несовершенствѣ. Ничто само по себѣ, безотносительно, не можетъ быть названо совершеннымъ или несовершеннымъ. Съ этимъ согласится всякій, кто понимаетъ, что все въ мірѣ существуетъ согласно съ внѣшнимъ порядкомъ и законами природы. Но человѣкъ слишкомъ слабъ для того, чтобы своей собственной мыслью слѣдить за этимъ внѣшнимъ порядкомъ, а между тѣмъ вообще человѣческая природа бажета ему чѣмъ-то несравненно-вышнимъ его собственной природы. Онъ думаетъ, что ничто не препятствуетъ ему достигнуть этой высоты, и потому все, что, по его мнѣнію, ведетъ къ ней, называетъ *истиннымъ благомъ*. *Вышнимъ же благомъ* должны бы для него и другихъ быть наслажденія этой высшей природы. Но въ чемъ же состоятъ они? Мы покажемъ послѣ, что они состоятъ въ сознаніи единства между умомъ и всей природою. При такомъ условіи цѣль, къ которой долженъ я стремиться, заключается въ приобрѣтеніи высшей человѣческой природы и въ употребленіи всевозможныхъ усилій, чтобы и другіе также приобрѣли ее, то-есть для моего счастья необходимо, чтобы многіе другіе раздѣляли мой образъ мыслей, и чтобы ихъ понятія и желанія были сходны съ моими. Для этого же необходимо, во-первыхъ, такъ понимать всю вообще природу, чтобы имѣть возможность приобрѣсть высшую человѣческую натуру, и, во-вторыхъ, составить для себя кружокъ изъ возможно большаго числа такихъ людей, для которыхъ легко было бы достигнуть этого совершенства. Потому-то мы обязаны заниматься *нравственной философіею* и *воспитаніемъ дѣтей*. Такъ-какъ здоровье необходимо для достиженія имѣющаго въ виду у насъ цѣль, то сюда же надо прибавить *медицину* во всемъ ея объемѣ, и сверхъ того *механику*, которая трудное дѣлаетъ легкимъ и помогаетъ намъ сберегать трудъ и время. Но преимущественно должны мы стремиться къ изысканію метода для усовершенствованія умственныхъ способностей, исправляя по возможности основныя начала мышленія для того, чтобы умъ нашъ, охраненный отъ заблужденій, могъ ясно понимать истину».

Все сказанное здѣсь было сдѣлано Спинозою, а потому въ его словахъ нельзя видѣть склонности къ резонерству, или желанія пощеголять краснорѣчіемъ — въ нихъ высказалось его внутреннее убѣжденіе. Онъ былъ очень бѣденъ, и его часто искушали то деньги, то тщеславіе, то чувства. Но онъ умѣлъ устоять противъ искушеній. Онъ не былъ похожъ на тѣхъ людей, которые живутъ

и дѣйствуютъ честно до тѣхъ поръ только, пока соблазнъ находится въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нихъ. Спиноза былъ «Богомъ упоенный человѣкъ», онъ не только въ разгарѣ умственного созерцанія, но всегда, постоянно вѣровалъ въ Бога, какъ въ вѣчно-сущую реальность. Много прежде и послѣ него было бѣдныхъ и незнатныхъ людей, которые презирали богатство и славу, даже пріобрѣта случайно нѣкоторую извѣстность; но немногіе рѣшались отказаться отъ нихъ, пожертвовать ими, и, принеся эту жертву, снова не искать ихъ. Многіе писатели искренно и брасно-рѣчиво рассуждали о томъ, что для истины должно отказываться отъ непрочныхъ благъ міра сего; но мало было такихъ людей, поступи которыхъ согласовались бы съ ихъ же нравоученіями. Спиноза принадлежалъ именно къ числу этихъ немногихъ, и напрасно стали бы мы искать разногласія между его словами и дѣйствіями. Этотъ фактъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, потому что глубокое отвращеніе, которое внушали его философскія мысли, происходило не отъ того, чтобы ихъ считали ложными, но отъ убѣжденія, что будто бы онѣ могли образоваться только въ умѣ, лишенномъ всякихъ нравственныхъ началъ. Льюисъ не отрицаетъ, что многія умозаключенія Спинозы могутъ очень непріятно поразить не только христіанина, но даже деиста, и что его скоѣѣ, нежели Канта, можно назвать «всеразрушающимъ» (*alles zermalnende*), однакоже, несмотря на это, положительно извѣстно, что Спиноза отвергалъ атеизмъ. Страсти свои онъ строго подчинялъ волѣ божіей, и любовь къ Богу постоянно признавала высшимъ благомъ, благороднѣйшей цѣлью и единственнымъ источникомъ истиннаго счастья. Когда Исаакъ Орбіо упрекнулъ Спинозу въ отчужденіи отъ всякой религіи, Спиноза спросилъ его: «Неужели не имѣетъ религіи тотъ, кто признаетъ Бога высшимъ благомъ, любитъ его всей душою и убѣжденъ, что любовь эта должна составлять наше высшее счастье и совершеннѣйшую свободу? Неужели можно назвать нерелигіознымъ того, кто наградою за добродѣтель считаетъ самую добродѣтель, а наказаніемъ за невѣжество и умственное безсиліе самое невѣжество, и думаетъ, что каждый изъ насъ долженъ любить ближняго и повиноваться законамъ?» (*Epist. XLIX*, р. 294). Вообще Спиноза страшенъ для тѣхъ, кто смотритъ на него, какъ на противника по убѣжденіямъ. Но теперь начинаютъ хладнокровно сортировать его доказательства и отдѣлять тѣ изъ нихъ, которыя могутъ войти въ нашу философію, отъ другихъ, несвойственныхъ ей по своему характеру. Такъ повели это дѣло въ Германіи и отчасти во Франціи. Вѣроятно, то же самое сдѣлають и англичане. Льюисъ говоритъ, что онъ, отвергая вообще состоятельность онтологическаго метода, не мо-

жетъ принять системы Спинозы, но увѣренъ, что она не повредитъ нравственнымъ началамъ того человѣка, который сьумѣетъ познать ея хорошую сторону.

IV.

У евреевъ заведенъ обычай, вслѣдствіе котораго человѣкъ, готовящійся въ равнины, обязанъ изучить какое-нибудь ремесло. Спиноза, страстно любившій оптику, занялся съ молодыхъ лѣтъ шлифовкою увеличительныхъ стеколъ, и достигъ въ этомъ дѣлѣ значительнаго совершенства, какъ это доказывается письмомъ Лейбница. Онъ умѣлъ также рисовать. У Колеруса хранился портфель съ портретами его работы. Въ 1660 г. Спиноза жилъ въ Ринсбургѣ, близъ Лейдена, и здѣсь въ числѣ его друзей мы находимъ Генриха Ольденбурга, который исполнялъ должность консула въ Лондонѣ, когда Кромвель былъ протекторомъ. Ольденбургъ, находясь въ дружескихъ связяхъ съ Робертомъ Бойлемъ и способствовалъ основанію королевскаго великобританскаго общества. Подъ первой статью въ «Запискахъ» этого знаменитаго теперь общества находится его имя. Онъ писалъ къ Спинозѣ изъ Лондона въ 1661 г., напоминая ему пріятные споры о мысли, объ отношеніи души къ тѣлу, о Богѣ, о философіи Декарта и Бэкона. Другой другъ Спинозы былъ Симонъ де-Ври, который такъ глубоко уважалъ еврейскаго мыслителя, что однажды писалъ къ нему: «Въ высшей степени счастливъ тотъ молодой человѣкъ, который живетъ въ одномъ домѣ съ вами, можетъ видѣть васъ за обѣдомъ и завтракомъ, гулять съ вами и слышать мысли ваши о высокихъ предметахъ». Спиноза отвѣчалъ на это: «Не завидуйте моему воспитаннику, отъ котораго я заботливо скрываю самого себя. Прошу васъ и другихъ друзей не сообщать ему моихъ мыслей, пока не созрѣетъ онъ для нихъ. Теперь онъ слишкомъ еще молодъ и вѣтренъ; онъ увлекается болѣе любопытствомъ, нежели любовью къ истинѣ. Но я надѣюсь, что эти недостатки исчезнутъ съ лѣтами. Я даже увѣренъ— на сколько могу судить по его характеру, что моя надежда сбудется, и потому очень забочусь о немъ». Этому молодому человѣку объяснялъ Спиноза картезианскую философію, и для него написалъ свои «Начала Декарта, геометрически объясненныя». Это сочиненіе было издано Мейеромъ въ 1664 г. и произвело довольно сильное волненіе въ кругу картезианцевъ.

Изъ Ринсбурга переселился Спиноза въ Гагу. Здѣсь подружился онъ съ знаменитымъ и несчастнымъ Жаномъ де-Витомъ. «Во всей Голандіи — говоритъ Фрудъ — не было подобныхъ имъ людей. Теперь встрѣтились они и такъ полюбили другъ друга, какъ могутъ любить только добрые люди. Отъ Де-Вита согласился получать

Спиноза небольшую пенсію: тридцать-пять фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Причиною согласія была, можетъ быть, увѣренность, что онъ нашелъ въ Де-Витѣ такого человѣка, который понимаетъ настоящую цѣну своего одолженія, не увеличивая и не уменьшая его въ своемъ собственномъ мнѣніи». Вѣрность этого объясненія подтверждается фактами. По смерти отца Спинозы, двѣ сестры его, Ревека и Маріамъ, старались присвоить себѣ наслѣдство, думая, вѣроятно, что отлученный отъ церкви еретикъ не имѣетъ права на деньги того, кто не измѣнилъ вѣрѣ отцовъ своихъ. Спиноза подалъ на нихъ жалобу, выигралъ дѣло и, удовлетворивъ такимъ образомъ чувству справедливости, отдалъ добровольно свою часть наслѣдства сестрамъ. Были и другіе случаи, доказывающіе безкорыстіе Спинозы. Преній ученикъ его Симонъ де-Ври просилъ его принять, какъ легкое вознагражденіе за ту пользу, какую доставилъ онъ ему своими уроками, тысячу флориновъ. Спиноза отказался отъ подарка, увѣряя, что онъ не имѣетъ нужды въ деньгахъ, и что такая значительная сумма вскружила бы ему голову. Симонъ сдѣлалъ послѣ того духовное завѣщаніе и отказалъ ему всю свою собственность. Узнавъ о такомъ распоряженіи тотчасъ по смерти завѣщателя, Спиноза оспішилъ въ Амстердамъ и сталъ хлопотать объ уничтоженіи акта, считая его несправедливымъ въ отношеніи къ брату Симона. Доказательства его были уважены судомъ, и братъ покойника былъ введенъ во владѣніе. Тутъ началась борьба великодушія. Новый наслѣдникъ объявилъ, что онъ не можетъ принять собственности, пока не будетъ позволено ему удѣлять изъ нея ежегодно по пятисотъ флориновъ въ пользу его безкорыстнаго друга. Послѣ нѣкотораго сопротивленія, Спиноза согласился принять триста флориновъ.

Курфюрстъ Карль-Лудовикъ, желая залучить къ себѣ такого знаменитаго мыслителя, предложилъ ему въ 1673 г. катедру философіи въ Гейдельбергѣ, выразивъ при этомъ надежду, что онъ не коснется существующихъ вѣроисповѣданій при развитіи своихъ взглядовъ. «Я никогда не имѣлъ въ виду профессіи публичнаго преподавателя—отвѣчалъ Спиноза.—Если же занимался я изслѣдованіемъ первыхъ началъ философіи, то легко можетъ быть, что у меня не хватитъ силъ къ развитію болѣе глубокихъ вопросовъ ея такъ, какъ бы хотѣлось мнѣ. Я не понимаю также, гдѣ именно могутъ быть поставлены предѣлы моей философіи, для избѣжанія столкновеній съ установленными вѣроисповѣданіями. Расколъ происходитъ не столько отъ природной любви къ религіи, сколько отъ страстей, личныхъ выгодъ и склонности къ противорѣчію, которая побуждаетъ людей искажать и подвергать проклятію даже то, что истинно». Итакъ, катедра не была принята. Лудовикъ XIV

предложили Спинозѣ пенсію, если онъ посвятить ему свое сочиненіе. Философъ отвѣчалъ, что онъ не намѣренъ ничего посвящать ему.

Основываясь на этихъ данныхъ, можно заключить, что Спиноза согласился получать деньги отъ Де-Вита, зная совершенно образъ мыслей своего друга. Часто въ согласіи принять одолженіе обнаруживается столько же великодушія, сколько мы видимъ независимости, или тщеславія, когда отвергаютъ его. Все зависитъ отъ характера друзей и отъ природы существующихъ между ними отношеній.

Льюисъ рассказываетъ довольно любопытный случай изъ жизни Спинозы, пропущенный его біографами. Въ то время многіе еще вѣрили въ чудеса алхиміи. Главнымъ противникомъ ея былъ докторъ принца Оранскаго, Швейцерь, извѣстный въ Европѣ подъ латинскимъ именемъ Гельвеція. Алхимикамъ очень хотѣлось, разумѣется, склонить его на свою сторону, и вотъ 27-го декабря 1666 г. приходитъ къ нему неизвѣстный человекъ. На вопросъ: кто онъ? незнакомецъ говоритъ, что онъ пришелъ по поводу спора Гельвеція съ Кенельмомъ Дигби, что у него есть неоспоримыя доказательства въ существованіи философскаго камня, что имя его тутъ ровно ничего не значить, а потому онъ и хочетъ остаться неизвѣстнымъ. Послѣ жаркаго спора, онъ далъ Гельвецію щепотку желтаго металлическаго порошка, похожаго на сѣру, увѣряя, что порошокъ этотъ превратитъ полторы унціи свинца въ золото. Гельвецій сдѣлалъ опытъ въ присутствіи жены, и къ его удивленію онъ удался совершенно. Вышелъ слитокъ, который всѣ золотыхъ дѣлъ мастера въ Гагѣ признали чистымъ золотомъ. Гельвецій былъ окончательно сбитъ съ толку. Онъ описалъ это происшествіе и объявилъ, что вѣритъ алхиміи, надъ которою прежде смѣялся. Рассказъ его, дополненный сознаниемъ въ своей мнимой ошибкѣ, надѣлалъ много шума. Спиноза былъ чрезвычайно заинтересованъ имъ. Онъ старался узнать подробности этого дѣла, и Льюисъ нашелъ въ письмѣ его отъ 25-го марта 1667 г. слѣдующія строчки: «Я говорилъ Фосію о происшествіи, которое случилось съ Гельвеціемъ. Онъ не могъ удержаться отъ смѣху, удивляясь, что такіе пустяки могутъ занимать меня. Однакоже, я все-таки отправился къ золотыхъ дѣлъ мастеру Брехтету, который дѣлалъ пробу этому золоту, и онъ увѣрилъ меня, что когда въ тигель, гдѣ плавилось оно, было положено небольшое количество серебра, то вѣсъ этого металла нѣсколько увеличился, и что — слѣдовательно — вещество, превращающее серебро въ золото, должно заключать въ себѣ нѣчто особенное, въ чемъ и нисколько не сомнѣвается онъ. Не одинъ Брехтетъ, но

многія другія лица, находившіяся при этомъ, говорили мнѣ, что все слышанное мною — сушая правда. Послѣ этого я пошелъ въ Гельвецію. Онъ показаль мнѣ золото и тигель, внутри котораго осталось еще немного метала. Тутъ же узналъ я лично отъ него, что онъ намѣренъ довести это происшествіе до общаго свѣдѣнія. Вотъ и все, что удалось развѣдать мнѣ». Очевидно, что Спиноза, такъ же, какъ и Гельвецій, поддался обману, который отличался особенной ловкостью. Разказы людей, повѣрившихъ достоинство метала и находившихся при этой повѣркѣ, убѣдили его, что тутъ не было ни малѣйшаго шарлатанства. Такъ-то поддерживалась тогда вѣра въ колдовство, чернокнижіе и другія необыкновенныя вещи. Спиноза, несмотря на свой глубокій и пронизательный умъ, не могъ, конечно, утрѣшиться отъ всѣхъ заблужденій того времени.

Самымъ важнымъ событіемъ въ его жизни едва-ли не было изданіе въ 1670 г. «*Теологико-политическаго трактата*» (*Tractatus Theologico-Politicus*). Это—одна изъ самыхъ смѣлыхъ книгъ, какія когда либо являлись въ печати. И надобно замѣтить, что она была написана въ то время, когда за подобную смѣлость можно было заплатить очень дорого. Спиноза, предвидя волненіе умовъ, которое будетъ возбуждено его мыслями, противился увѣщаніямъ друзей, желавшихъ ускорить изданіе этой книги. «Чего боитесь вы? Писалъ ему Ольденбургъ въ 1665 г. Что останавливаетъ васъ? Приступите къ дѣлу и будьте увѣрены, что всѣ истинные философы будутъ аплодировать вамъ. Я никогда не повѣрю, чтобъ вы могли написать что-нибудь противъ бытія и провидѣнія Божія. Если же уважены эти главнѣйшія основы религіи, то нетрудно оправдать или защитить какое угодно философское мнѣніе». Но самъ Ольденбургъ заговорилъ другимъ языкомъ, когда была издана эта книга. Противъ нее возстали почти всѣ ученые. Она привела въ недоумѣніе даже очень свободныхъ мыслителей. Однакоже, нашлось не мало людей, которыхъ совершенно увлекъ Спиноза. Они-то, желая способствовать распространенію его мыслей, перепечатавали эту книгу подъ другими заглавіями, переводили и сокращали ее. Знаменитый «Трактатъ» сдѣлалъ домъ Спинозы центромъ, къ которому стали стекаться отовсюду иностранныя министры, философы, люди, удивлявшіеся автору, спорившіе съ нимъ и проклинавшіе его. Онъ охотно принималъ посѣтителей, любезно бесѣдовалъ съ гостями и во время разговора снималъ портреты съ нихъ. Любисъ говорить только о Лейбницѣ, который тоже побывалъ у автора «Трактата». Лейбницъ, непонявшій Лока, еще менѣе былъ способенъ понять глубокій смыслъ теоріи Спинозы, и хотя теперь положительно доказано, что онъ началъ своей «предустановленной гармоніи» заимствовать цѣликомъ изъ философіи Спинозы, одна-

коже, этотъ плажіать нисколько не заставлялъ его смягчить своихъ отзывовъ о знаменитомъ современникѣ.

Извѣстіе объ убійствѣ Де-Вита такъ сильно поразило Спинозу, что онъ совершенно упалъ духомъ. Способность контр самимъ собою была возвращена ему необыкновеннымъ происшествіемъ. Когда пріѣхалъ онъ повидаться съ великимъ Конде, въ народѣ пронеслась молва, что Спиноза политическій шпионъ, и толпа окружила гостиницу, гдѣ остановился онъ. «Не бойтесь — сказали испуганному содержателю гостиницы оживленный этой неожиданностью философъ.—Мнѣ легко оправдаться. Здѣсь есть люди, которые знаютъ, зачѣмъ я пріѣхалъ сюда. Впрочемъ, если толпа увеличится, я выйду на встрѣчу къ ней, хотя бы мнѣ пришлось подвергнуться участи Де-Вита».

Спиноза былъ, конечно, не свѣтскій человекъ. Разговоръ съ простыми людьми о томъ, что могли понимать они, нравился ему болѣе шумныхъ сценъ общественной жизни. Роскошнымъ обѣдамъ на чужія деньги предпочиталъ онъ свой умѣренный столъ, состоявшій то изъ супа на молокѣ, масла и пива, то изъ каши съ масломъ и коринкою. Дѣти очень любили его, и онъ забавлялъ ихъ, показывая имъ пауковъ въ увеличительныя стекла. Вообще онъ былъ склоненъ производить наблюденія надъ насѣкомыми. Драга пауковъ заставляла его хохотать до слезъ. Хотя никакихъ особенныхъ болѣзней не случалось съ нимъ, но медленно развивавшаяся чахотка предвѣщала друзьямъ его, что этотъ человекъ не доживетъ до глубокой старости. Въ воскресенье 22-го февраля 1677 г. онъ былъ такъ слабъ, что хозяинъ квартиры и жена его думали остаться при немъ и нейти къ обѣднѣ, но Спиноза уговорилъ ихъ не нарушать заведеннаго порядка. Когда возвратились они домой, онъ разспросилъ ихъ о проповѣди и съѣлъ немного хлѣба. Послѣ обѣда они снова отправились въ церковь, оставя при немъ лекаря, и вернувшись, нашли Спинозу мертвымъ. Лекарь еще до ихъ прихода взялъ со стола ножикъ съ серебряной ручкою, не забылъ захватить также лежавшія тутъ деньги, и вознаградивши себя такимъ образомъ, отправился во-свояся. Спиноза прожилъ только сорокъ-пять лѣтъ, но успѣлъ, однакоже, развитъ вполне свою философскую систему.

(The Fortnightly Review. April 1866).

ТРУЖЕНИКИ МОРЯ.

РОМАНЪ ВИКТОРА ГЮГО.

Часть вторая.

ЖИЛЬЯТЬ-БУДЕСНИКЪ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

БОРЬБА.

V.

ПРОМЕЖУТОКЪ МЕЖДУ ШЕСТЬЮ ДЮЙМАМИ И ДВУМЯ ФУТами — ДОСТАТОЧНОЕ ПОМѢЩЕНІЕ ДЛЯ СМЕРТИ.

Жильяць положилъ ящичекъ въ поясъ, а поясъ въ карманъ своихъ панталонъ.

Онъ оставилъ скелеть на съѣденіе крабамъ подлѣ издохшаго сирута.

Пока Жильяць возился съ спрутомъ и съ скелетомъ, набѣжавшій приливъ затопилъ узкій проходъ въ пещеру. Жильяць не могъ иначе выйти, какъ вырнувъ подъ арку. Онъ сдѣлалъ это безъ большого труда; онъ зналъ, куда приведетъ этотъ выходъ, и былъ притомъ мастеромъ во всѣхъ морскихъ упражненіяхъ.

Легко угадать драму, которая произошла на этомъ мѣстѣ десять недѣль тому назадъ. Одно чудовище захватило другое. Спрутъ поймалъ Клюбена.

Это была какая-то встрѣча двухъ лицемѣрій въ неумолимомъ мракѣ. На самой глубинѣ бездны схватились эти два существа, созданныя изъ тьмы и засады, и одно, которое было гадина, поглотило другое—душу. Роковое правосудіе.

Крабы птаются падалью, спрутъ—крабами. Спрутъ настаиваетъ какое-нибудь плавающее животное—выдру, собаку, волка, чело-вѣка, выпиваетъ его кровь и оставляетъ на днѣ мертвый трупъ. Крабы — это жуки моря. Гниющее мясо ихъ привлекаетъ; они

являются, бдѣть падалъ; спрутъ потомъ ѣсть ихъ самихъ. Остатки мертвыхъ животныхъ исчезаютъ въ крабахъ, крабы исчезаютъ въ спрутѣ. Мы уже указали на этотъ законъ.

Клюбенъ сдѣлался жертвой спрута.

Спрутъ его схватилъ за ногу и потопилъ; крабы его пожрали. Какая-нибудь волна загнала его скелетъ въ ту пещеру, гдѣ нашелъ его Жильятъ.

Жильятъ, возвратясь оттуда, сталъ искать на скалахъ моллюсковъ; онъ уже не хотѣлъ болѣе ѣсть крабовъ. Ему бы теперь показалось, что онъ ѣсть человѣческое мясо.

Впрочемъ, онъ думалъ теперь только о томъ, чтобы какъ можно лучше поужинать, прежде чѣмъ отправиться въ путь. Ничто болѣе его не задерживало. За большими бурями всегда слѣдуетъ тишь, продолжающаяся иногда по нѣскольбу дней. Со стороны моря нечего было бояться болѣе. Жильятъ думалъ отправиться завтра. Надо было сохранить во время ночи, по причинѣ прилива, плотину, сдѣланную между Дуврами, но Жильятъ намѣревался съ разсвѣтомъ снять эту преграду, вывести боть изъ рифа и, поднявъ парусъ, полетѣть въ Сен-Сансонъ. Слабый, тихій, юго-восточный вѣтерокъ — былъ именно тотъ, въ которомъ онъ нуждался.

Была первая четверть майской луны; дни были длинные.

Когда, покончивъ свои поиски по скаламъ и почти утоливъ свой голодъ, Жильятъ возвратился въ корридоръ Дувровъ, гдѣ стоялъ боть, солнце уже сѣло и сумерки увеличивались тѣмъ слабымъ полусвѣтомъ луны, который можно назвать свѣтомъ новолунія. Приливъ достигъ своей крайней высоты и начиналъ отходить. Труба машины, торчавшая изъ бота, была покрыта, благодаря недавней бурѣ, налетомъ соли, блестящей при свѣтѣ луны.

Это напоминало Жильяту, что во время бури много воды налилосъ въ боть, и дождевой и морской, такъ что если онъ хотѣлъ отправляться на другой день, то ему надо было ее вычерпать.

Уходя съ бота, на охоту за крабами, онъ замѣтилъ, что воды въ трюмѣ было на шесть дюймовъ. Его круглой лопаты было совершенно достаточно чтобы выбросать всю эту воду.

Подойдя къ боту, Жильятъ дрогнулъ отъ ужаса. Въ немъ было до двухъ футовъ воды.

Грозное, непредвидѣнное обстоятельство: въ ботѣ была течь.

Онъ мало-по-малу наполнялся водою во время отсутствія Жильята. При такомъ громадномъ грузѣ, какой былъ на немъ, двадцать дюймовъ были опасной прибавкой. Еще немного — и онъ

пошелъ бы ко дну. Еслибы Жильятъ пришелъ часомъ позже, то вѣроятно увидѣлъ бы надъ поверхностью воды только мачту и трубу.

Не было и минуты времени на размышленія. Необходимо было тотчасъ отыскать течь, заткнуть ее и выкачать всю воду, или по крайней-мѣрѣ хоть часть ея. Помпы Дуранды пропали во время ея крушенія; у него была только круглая лопата.

Прежде всего слѣдовало отыскать течь. Это была самая безотлагательная необходимость.

Жильятъ тотчасъ принялся за работу, даже не одѣваясь, не смотря на то, что онъ весь дрожалъ. Онъ не чувствовалъ теперь ни холода, ни голода.

Ботъ продолжалъ наполняться водою. По счастью, не было вѣтра. Малѣйшее колебаніе затопило бы его. Луна заватилась.

Жильятъ, ощупью, нагнувшись, болѣе чѣмъ по поясъ въ водѣ, искалъ очень долго. Наконецъ онъ нашелъ отверстіе.

Во время шквала, въ критическую минуту, когда ботъ погнуло—онъ съ силой ударился объ скалу. Однѣ изъ острихъ выступовъ малаго Дуэра пробилъ въ лѣвомъ борту отверстіе.

Эта пробойна какъ на зло, можно даже сказать мошеннически, была сдѣлана въ точкѣ сплоченія двухъ звень, что и помѣшало Жильяту замѣтить это поврежденіе при осмотрѣ бота во время бури.

Величина пробойны внушала опасеніе, но ея положеніе подавало надежду, потому что хотя ботъ былъ затопленъ и она находилась подъ водою, но она была выше ватерлиніи.

Въ то время, когда ботъ потерпѣлъ это поврежденіе, вода въ проливѣ сильно волновалась, объ ватерлиніи не могло быть и рѣчи: вода хлынула въ отверстіе, и осадивъ ботъ своею тяжестью, погрузила его значительно глубже ватерлиніи. Такимъ образомъ, и теперь еще, по минованіи бури, отверстіе было подъ водою. Отсюда неминуемая опасность, грозившая боту. Прежде въ тримѣ вода стояла на шесть дюймовъ, теперь уже на двадцать. Но еслибы удалось законопатить отверстіе, то можно было бы выкачать воду, ботъ поднялся бы до нормальной ватерлиніи, отверстіе выставилось бы надъ водою и окончательная починка была бы весьма удобна или по крайней-мѣрѣ возможна. Мы уже сказали, что всѣ плотничьи инструменты сохранились у Жильята въ совершенной исправности.

Но сколько затрудненій, сколько неудачъ, сколько опасностей ожидали его прежде, чѣмъ онъ достигнетъ этого желаннаго результата. Жильятъ слышалъ, какъ сочилась вода. Еще одинъ тол-

чокъ—и все пойдетъ ко дну. Что за напасть! Можетъ, и теперь уже поздно.

Жильяты съ горечью упрекалъ себя. Какъ могъ онъ не замѣтить поврежденія? Онъ могъ бы догадаться, видя шесть дюймовъ воды въ трюмѣ. Смѣшно было приписывать эти шесть дюймовъ дождю и волнамъ. Онъ упрекалъ себя за то, что потерялъ время на сонъ и на ѣду, укорялъ себя за то, что усталъ; онъ почти укорялъ себя за то, что была буря и ночь. Все была его вина.

Эти тяжелые упреки не отвлекали однако его отъ работы.

Течь была найдена—это первый шагъ. Затѣмъ слѣдовало законопатить ее. Болѣе нечего было дѣлать — подъ водою не дѣлаютъ столярныхъ работъ.

По счастью, отверстіе было въ части корпуса между цѣпями, закрѣпленными трубу машины. Конопатку можно было прикрѣпить къ этимъ цѣпямъ.

Но вода прибывала. Теперь она уже превышала два фута.

Она была Жильяту выше колѣнъ.

VI.

DE PROFUNDIS AD ALTUM.

У Жильяты былъ въ запасѣ маленькій брезентъ съ четырьмя веревками по концамъ.

Онъ закрѣпилъ этотъ брезентъ двумя веревками къ двумъ кольцамъ цѣпей, придерживавшихъ трубу Дуранды со стороны пролома, и перекинулъ его за бортъ. Брезентъ упалъ въ воду между ботомъ и Малымъ Дувромъ. Напоромъ воды, стремившейся проникнуть въ трюмъ, онъ былъ прижатъ къ стѣнкѣ бота и прильнулъ къ отверстію. Чѣмъ сильнѣе давила вода, тѣмъ плотнѣе льнулъ брезентъ. Вода сама закрывала отверстіе. Рана была перевязана.

Этотъ смоленный хостъ былъ истинной перевязкой. Ни одной капли не проходило болѣе въ боть.

Течь была закрыта, но не задѣлана, не законопачена. Жильяты взялся за ведро и принялся выкачивать воду. Пора уже было облегчить боть. Благодаря этой работѣ, онъ согрѣлся, но изнемогалъ отъ усталости. Онъ долженъ былъ признаться себѣ, что не въ силахъ будетъ выкачать всю воду. Онъ почти ничего не ѣлъ и съ досадою чувствовалъ, что совершенно истощенъ.

Онъ замѣчалъ успѣхъ своей работы по высотѣ уровня воды у его колѣнъ. Вода опускалась очень медленно.

Къ тому же, течь была только перехвачена. Зло было только отсрочено, ослаблено, но не искоренено. Брезентъ, нагнетаемый водою, начиналъ выдаваться въ трюмъ въ видѣ опухоли. Словно могучій кулакъ, просунутый въ дыру, силился прорвать эту тряпку. Полотно плотное и просмоленное не уступало, но давление воды и выпучиваніе брезента увеличивалось. Нельзя было ругаться, что холстина выдержитъ, и каждую минуту можно было ожидать разрыва этого мешка. Тогда вода снова ворвалась бы въ трюмъ.

Всякій бывавшій въ подобномъ бѣдственномъ положеніи знаетъ, что единственное средство въ такомъ случаѣ пробка. Набираютъ всякаго тряпья, всякой вѣтоши и забиваютъ этимъ потуже вдающуюся въ пробонну часть брезента.

Но у Жильята не было этого тряпья: все пли пошло въ дѣло, пли было унесено бурей.

Говоря строго, онъ могъ бы набрать кое-что изъ остатковъ, пошаривъ между скаль. Ботъ былъ на столько облегченъ, что Жильять могъ свободно отлучиться на кабія-нибудь четверть часа, но какъ искать въ темнотѣ. А темнота была совершенная. Луны не было: одно звѣздное небо. У Жильята не было сухой пали, чтобъ свить фитиль; не было сала, чтобъ изготовить свѣчу; не было огня, чтобъ зажечь эту свѣчу; не было фонаря, чтобъ оградить ее отъ вѣтра. Все было темно и смутно и въ ботъ и въ рифъ. Только слышалось журчаніе воды подъ кормой, нельзя было даже видѣть пробонны. Жильять только ошущью убѣждался въ возрасташея напруженіи брезента. Нѣчего и думать отыскивать въ этой темнотѣ доскутьевъ холста или обрывковъ каната, разбѣянныхъ между скалами. Жильять съ грустью всматривался въ мракъ ночи. Столько звѣздъ и ни одной свѣчи.

Съ уменьшеніемъ массы воды въ ботъ, возрасло внѣшнее давление. Брезентъ вздувался болѣе и болѣе. Это былъ уже огромный нарывъ, готовый лопнуть. Положеніе, на минуту было-улучшенное, становилось еще опаснѣе.

Пробка съ каждой минутой дѣлалась необходимѣе.

У Жильята оставалась только его одежда.

Она сушилась на Маломъ Дуврѣ.

Онъ собралъ ее и уложилъ на борту бота.

Загѣмъ онъ сталъ на колѣна, въ водѣ, и втиснулъ въ пробонну свою смоленую куртку, выпихнувъ желвакъ брезента извнутри наружу. За курткой послѣдовала овчина, за овчиной—шерстяная рубашка. Все ушло въ туда.

На немъ остались еще панталоны. Онъ и ихъ снялъ и плотно забилъ ими щель. Пробка была сдѣлана и не казалась негодной.

Она торчала из пробойны, прикрываемая брезентомъ. Напоръ воды сплющивалъ вѣшнюю ея часть, и тѣмъ дѣлалъ ее еще прочнѣе. Такъ-какъ только средина желвака выдавлена была наружу, то вокругъ всей пробки оставался кругообразный поясъ, образуемый брезентомъ, который держался тѣмъ плотнѣе, что края трещины не были ровны. Течь была закрыта.

Но ничто не могло быть менѣе надежно. Острые, занозистые края излома могли прорвать брезентъ и вода снова проникла бы черезъ это отверстіе. Жильтъ могъ этого даже не замѣтить въ темнотѣ. А было невѣроятно, чтобы эта пробка выдержала до утра. Опасенія Жильта перемѣнили форму, но они увеличивались по мѣрѣ того, какъ онъ чувствовалъ, что силы ему измѣняются.

Онъ принялся отливать воду, но измученныя руки его едва могли подымать ведра. Къ тому же онъ былъ безъ одежды и дрожалъ отъ холода.

Жильтъ чувствовалъ, что онъ дошелъ до крайности.

Вдругъ ему пришла мысль о счастливой случайности. Можетъ быть, въ морѣ показался чей-нибудь парусъ. Какой-нибудь рыбакъ, случайно попавшій въ воды Дувровъ, можетъ выручить его изъ бѣды.

Настала минута, когда постороннее содѣйствіе было необходимо. Человѣкъ съ фонаремъ—и все могло бы еще быть спасено. Въ еѣмъ неумудрено было бы выбачать воду; тогда боть поднялся бы до нормальной ватерлинии, пробойна вышла бы изъ-подъ воды и тогда пробку можно было бы замѣнить деревянной заплатой, то есть временную мѣру замѣнить радикальнымъ исправленіемъ. Въ противномъ случаѣ пришлось бы ждать до утра, продать всю ночь! Страшная отсрочка, которая могла бы окончиться гибелью. Необходимость выйти изъ этого положенія бросала Жильта въ лихорадку. Еслибъ въ виду показался фонарь какого-нибудь судна, Жильтъ могъ подать ему знакъ. Время было тихое, море было спокойно. Человѣческая фигура, ясно обозначающаяся на звѣздномъ небѣ, могла быть примѣчена издалека. Никакой капитанъ, никакой хозяинъ барки не осмѣлится идти ночью водами Дувровъ, не наставивъ подзорной трубы на рифъ. Эта предосторожность необходима.

Жильтъ надѣялся, что его увидятъ..

Онъ влѣзъ на обломки судна и по узловатой веревкѣ взобрался на Большой Дувръ.

Ни паруса, ни огонька. На сколько видѣлъ глазъ, море было пустынно.

Не было надежды на помощь, не было надежды и на спасеніе.

Жильять—чего съ нимъ не было до сей минуты—почувствовалъ себя обезоруженнымъ.

Онъ былъ теперь во власти слѣпного рока. Онъ съ его ботомъ, съ машиною Дуранды, со всѣмъ потраченнымъ трудомъ, со всѣмъ блистательнымъ успѣхомъ, принадлежалъ теперь безднѣ. У него отняты всѣ средства къ борьбѣ — онъ обезсиленъ. Какъ противиться прибывающему приливу, какъ обратить длинную ночь? Пробка была его единственной точкой опоры. Жильять истощалъ на нее всѣ оставшіяся у него средства — всю свою одежду, всѣ свои силы. Онъ не могъ болѣе ни услышать, ни укрѣпить ее, она должна оставаться такою, какъ есть. Море имѣло въ полномъ своемъ распоряженіи этотъ на скорую руку смастеренный приборъ. Какъ можетъ выдержать эта затychка? Теперь уже она, а не Жильять, должна была выдерживать бой: она—трипка, а не онъ—могучій духъ. Одной волны было достаточно, чтобы разотнуду эту дыру. Большая или меньшая степень давленія—вотъ къ чему сводился весь вопросъ.

Развязка должна была зависѣть отъ единоборства двухъ механическихъ величинъ. Жильять не могъ ни помочь совзнику, ни повредить врагу. Онъ былъ не болѣе какъ зрителемъ своей жизни или своей смерти. Этотъ Жильять, который былъ почти духомъ, теперь, въ торжественную минуту, долженъ уступить свое мѣсто безсознательному сопротивленію.

На одно испытаніе, на одинъ ужасъ, испытанный Жильятомъ, не могли сравниться съ этимъ послѣднимъ.

Съ самаго своего водворенія на Дуврахъ, онъ находился въ уединеніи. Это уединеніе не окружало, оно какъ-бы обхватывало его. Тысячи угрозъ разомъ показывали ему кулаки. Тутъ былъ и вѣтеръ, всегда готовый завывать; тутъ было и море, всегда готовое рычать. Нѣтъ возможности заткнуть ротъ этому вѣтру, нѣтъ возможности своротить пасть этому морю. И однако онъ поборолся, слабый человекъ — онъ грудь съ грудью дрался съ океаномъ, онъ за горло схватывалъ бурю.

Онъ не отступалъ и передъ другими испытаніями и передъ другими бѣдами. Онъ имѣлъ дѣло со всевозможными крайностями. Онъ работалъ безъ инструментовъ, передвигалъ тяжести безъ посторонней помощи; разрѣшалъ мудренныя задачи безъ содѣйствія науки, вѣлъ и пилъ не имѣя провизіи, спалъ не имѣя постели и крова.

На этой скалѣ, на этой трагической дыбѣ, онъ перевесъ послѣдовательно всѣ истязанія, на которыя способна природа—мать, когда ей заблагоразсудится—палачь; когда ей вздумается.

Онъ преодолѣлъ одычечество, голодъ, жажду, холодъ, лихорадку, трудъ, сонъ. Всѣ препятствія словно сговорились, чтобы загорочить ему путь. За истощеніемъ послѣдовала борьба съ стихіями, за шпливомъ—буря, за бурей—спрутъ, за чудовищемъ—привидѣніе.

Могильная, финальная провія. Въ этихъ утесахъ, изъ которыхъ Жильятъ надѣялся выйти торжествующимъ, онъ встрѣтилъ смѣющагося надъ нимъ мертваго Клюбена.

Смѣхъ привидѣнія былъ полопъ смысла. Жильятъ видѣлъ теперь, что онъ погибъ. Онъ былъ теперь такъ же мертвъ, какъ Клюбень.

Знамя, голодъ, утомленіе, расчистка погибшаго судна, перепоска машины, равноденственныя бури, вихри, громъ, спрутъ—все это было ничто въ сравненіи съ течью. Отъ холода можно было избавиться огнемъ, отъ голода—морскими раковинами, отъ жажды—дождемъ, отъ затрудненій работы—трудомъ и энергіей, отъ прилива—брекватеромъ, отъ спрута—пожомъ. Отъ течи нельзя избавиться никакими средствами.

Это ураганъ оставилъ ему на прощанье. Последнее усиліе вздымающаго врага, коварный, пзмѣническій ударъ побѣжденнаго. Буря, обращенная въ бѣгство, послала въ него эту послѣднюю стрѣлу. Разбитая на голову, она обернулась и ударила. Это была страшная шутка бездны.

Можно бороться противъ бури, но какъ бороться противъ просачиванія?

Если пробка поддастся, если течь снова откроется, боть поидеть ко дну, и никакія силы не въ состояніи отворотить эту бѣду. Это было бы все равно, что сорвать перевязку съ обнаженной артеріи. Разъ, какъ только боть съ своимъ грузомъ, съ этою машиною, пошелъ бы ко дну, его уже не было возможности поднять изъ воды. Эти славныя, титаническія, двухмѣсячныя усилія были бы окончательно уничтожены. Начинать съизнова было бы невозможно. У Жильята не было ни кузницы, ни инструментовъ. Быть можетъ, съ утренней зарею онъ увидитъ, какъ вся его работа будетъ медленно, неумолимо поглощена бездною.

Ужасная вещь—чувствовать подъ собою подкопы мрачной силы.

Бездна влекла его къ себѣ.

Потерявъ боть, онъ умретъ отъ голода и холода, какъ тотъ несчастный, котораго забросило на скалу-Человѣкъ.

Впродолженіе двухъ мѣсяцевъ, сознательныя сущности, разлитыя въ невидимомъ, могли созерцать табою видъ: съ одной стороны пространство, волны, вѣтры, молніи, метеоры, съ другой стороны человѣкъ; съ одной стороны море, съ другой—одна душа; съ одной стороны безконечность, съ другой—одниъ атомъ.

И между ними шла борьба.

И вдругъ это чудо грозило быть ничѣмъ.

Этотъ неслыханный героизмъ кончался безсиліемъ. Отчаяніе грозило положить конецъ борьбѣ, принятой съ вызовомъ, этой борьбѣ между всѣмъ и ничѣмъ, этой Илиадѣ съ однимъ человекомъ.

Жилыять, растерявшись, оглядывалъ пространство.

На немъ не было даже одежды. Онъ стоялъ нагъ передъ безконечностью.

Тогда, подавленный всей этой неизвѣданной безпредѣльностью, самъ не зная чего отъ него хотятъ, лицомъ къ лицу съ этимъ мракомъ, съ глазу на глазъ съ этой непроницаемой тьмою, при шумѣ во инъ, валуновъ, шкваловъ, подъ гнетомъ вѣтра, облаковъ и громадной неопредѣлимой силы, имѣя вкругъ себя и подъ собою океанъ, а надъ собою небо, онъ изнемогъ, онъ покорился, онъ опустился навзничъ на эту скалу, побѣжденный, съ глазами, обращенными къ звѣздамъ, и слагая руки передъ этой страшной глубиною, возопилъ къ безконечности: «Пощады!»

Побѣжденный безпредѣльностью, онъ взмолился къ ней.

Онъ былъ одинъ во мракѣ этой ночи, на этомъ утесѣ, среди этого моря, изнеможенный, словно пораженный громомъ. Нагой, онъ походилъ на гладіатора, но только вмѣсто цирка, здѣсь была бездна, вмѣсто дикихъ звѣрей — мракъ, вмѣсто человѣческихъ глазъ — взгляды неисповѣдимаго, вмѣсто весталокъ — звѣзды, вмѣсто Кесаря — Богъ.

Ему показалось, что онъ начинаетъ исчезать и растворяться во мракѣ, въ холодѣ, въ усталости, въ изнеможеніи, въ молитвѣ; глаза его сомкнулись.

VII.

Безконечность внимлетъ мольбѣ.

Прошло нѣсколько часовъ.

Взошло солнце.

Его первый ослѣпительный лучъ скользнулъ по вершинѣ Большого Дувра и освѣтилъ лежавшую на ней неподвижную форму. Это былъ Жилыять.

Онъ лежалъ какъ пласть.

Нагой, промерзшій, окоченѣлый, онъ уже болѣе не вздрагивалъ. Сомнувшіяся вѣки были блѣдны. Съ трудомъ только можно было убѣдиться, что имѣешь передъ глазами не мертвый трущъ.

Труженики моря.

Солнце, казалось, пристально глядело на него.

Если этот человекъ былъ еще живъ, то малѣйшаго холоднаго дуновенія было бы достаточно, чтобы прервать это существованіе.

Потянулъ съ моря вѣтерокъ, но это былъ теплый весенній вѣтерокъ, живительное дыханіе мая.

Между тѣмъ, солнце плыло по темной синевѣ неба, его лучи становились болѣе и болѣе отвѣсны. Свѣтъ превратился въ теплоту. Эта теплота охватила Жильята.

Жильять не двигался. Если онъ и дышалъ, то такъ слабо, что его дыханіе едва-ли оставило бы какой-нибудь слѣдъ на зеркалѣ.

Солнце продолжало свой путь. Его все менѣе и менѣе отлогіе лучи падали на Жильята. Вѣтеръ, прежде только теплый, теперь былъ почти горячъ.

Это остывшее, оковѣвшее тѣло лежало безъ движенія; только кожа была не такъ мертвецки блѣдна.

Солнце приближалось къ зениту. оно теперь почти отвѣсно свѣтило на площадку Дувра. Цѣлые потоки свѣта лились съ высоты неба и отражались отъ зеркальной поверхности моря. Утесъ сталъ нагрѣваться и согрѣлъ въ свою очередь человека.

Изъ груди Жильята вырвался вздохъ.

Онъ былъ живъ.

Солнце продолжало расточать свои жгучія ласки. Вѣтеръ, теперь уже южный, лѣтній вѣтеръ, старался также согрѣть Жильята своимъ дыханіемъ.

Жильять началъ шевелиться.

Тишина моря была невѣроятная. Его тихій ропотъ можно было сравнить съ пѣсней кормилицы, убаюкивающей свое дѣтище. Волны, казалось, убаюкивали скалу.

Морскія птицы, подружившіяся съ Жильятомъ, тревожно летали вокругъ него. Это уже не было ихъ прежнее дикое безпокойство. Въ этой тревогѣ было что-то нѣжное, почти братское. Они, казалось, призывали его. Одна чайка, должно быть питавшая къ небу особенно нѣжные чувства, опустилась на скалу совсѣмъ вблизи отъ него. Она завела съ нимъ разговоръ. Онъ не слышалъ ея. Она сѣла ему на плечо и стала нѣжно клевать его въ губы.

Жильять раскрылъ глаза.

Довольный эгижъ, но вспомнивъ свою прежнюю дикость, птицы разлетѣлись.

Жильять поднялся на ноги, вытянулся во весь свой ростъ, какъ проснувшійся левъ, подбѣжалъ къ краю площадки и заглянулъ внизъ въ ущелье.

Вотъ былъ цѣль и невредимъ. Пробка выдержала, мое повидному пощадило ее.

Все было спасено.

Жильять чувствовалъ себя бодримъ. Превнїа спмъ возвратились къ нему. Обморокъ превратился въ живительный сонъ.

Онъ выгачалъ всю воду изъ трюма. Пробочна поднялась надъ уровнемъ воды. Онъ одѣлся, напилса, поѣлъ и чувствовалъ себя вполне счастливымъ.

Пробочна, освидѣтельствовавшая днемъ, требовала болѣе поправки, чѣмъ Жильять ожидалъ. Поврежденіе было значительное. Цѣлаго дня оказалось темного Жильяту для его почиванїя.

На зорѣ слѣдующаго дня, разобравъ всѣ преграды, очистивъ выходъ и проливчипи, надѣвъ свою изодранную одежду, спаснїую судно отъ течн, и поясъ Клюбена съ семидесятью-пятью тысячами франковъ, помѣстившись на палубѣ почивающаго бота, рядомъ со спасенной машиной, при попутномъ вѣтрѣ и спокойномъ морѣ, Жильять вышелъ изъ ущелья Дувровъ.

Онъ направился къ Гернсею.

Еслибъ какой-нибудь наблюдатель случился въ ту минуту на Дуврѣ, онъ услышалъ бы, какъ Жильять, удаляясь отъ рифа, затянулъ вполголоса пѣсенку Бонн-Донди.

Часть третья.

ДЕРЮ ШЕТТА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

НОЧЬ И ЛУНА.

1.

ПОРТОВЫЙ КОЛОКОЛЬ.

Нынѣшній Сен-Савсонъ почти городъ; сорокъ лѣтъ тому назадъ Сен-Савсонъ былъ почти деревня.

Съ наступленїемъ весны кончались зимнїа посидѣлки и всѣ ложились спать, какъ только стемнѣеть. Сен-Савсонъ былъ старинный приходъ, въ которомъ и теперь еще сохранилась привычка равно гасить свѣчи. Здѣсь ложились и вставали съ солнцемъ. Эти старїя нормандскїа селенїа не стыдятся походить на курятникъ.

Скажемъ кстати, что народонаселенїе Сен-Савсона, кромѣ нѣсколькихъ богатыхъ мѣщанскїхъ семействъ, все состоитъ изъ каменоломовъ и плотниковъ. Эго портъ, но портъ для тимбе-

ровен судовъ. Цѣлый день ломають камни или обдѣлываютъ дубовыя доски; здѣсь стучить ломъ, тамъ—молотъ. Дубъ и гранитъ постоянно тутъ въ дѣлѣ. Вечеромъ, послѣ такого труда, ноги подкапчиваются, и спишь какъ камень. Тяжелыя работы даютъ спокойный сонъ.

Однажды вечеромъ, въ началѣ мая, месь Летьерри, посмотрѣвъ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ на луну, блестящую спозъ деревья, и послушавъ шаги Дерюшетты, гулявшей въ саду, возвратился въ свою комнату и легъ спать. Дусъ и Грація уже спали. Кромѣ Дерюшетты, все въ домѣ спало. Въ Сен-Самсонѣ тоже все спало. Двери и ставни были вездѣ закрыты. На улицахъ не слышно было шаговъ. Кое-гдѣ только въ слуховыхъ окнахъ взрѣдка мелькалъ огонекъ, словно морганье умирающихъ глазъ—огонекъ, означавшій, что прислуга ложилась спать. Уже нѣсколько времени тому назадъ пробило девять часовъ на старой романской колокольнѣ, повбитой илющемъ, и которая вмѣстѣ съ церковью Сен-Бреладъ на Джерсеѣ имѣеть для обозначенія года ея основанія четыре единицы 1111, что значить *тысяча-сто-одиннадцатый годъ*.

Популярность месь Летьерри въ Сен-Самсонѣ зависѣла отъ его успѣха. Лишившись успѣха, онъ былъ быстро оставленъ всѣми. Надо полагать, что неудача прилипчива, и что несчастные люди заразительны, до того скоро ихъ запраютъ въ карантинъ. Красивые сынки хорошихъ семействъ избѣгали Дерюшетты. Бравэ былъ теперь такъ изолированъ отъ остальнаго міра, что тамъ даже не знали ничего о событіи, взволновавшемъ въ этотъ день весь Сен-Самсонъ. Приходскій пасторъ, достопочтенный Джо Эбенезеръ Кодрэ, вдругъ сдѣлался богатымъ. Его дядя, великолѣпный деканъ Сен-Азафа, скончался въ Лондонѣ. Эту новость привезъ почтовый шлюпъ *Кашмиръ*, прибывшій изъ Англіи въ то утро, и мачта котораго видѣлась на рейдѣ Сен-Пьер-Порта. *Кашмиръ* долженъ былъ отплыть обратно въ Суутгамптонъ завтра въ полдень, и рассказывали, что на немъ отправится достопочтенный ректоръ, котораго вызывали въ Англію для официального открытія духовной и принятія наслѣдства. Весь день, Сен-Самсонъ былъ полонъ толковъ. *Кашмиръ*, достопочтенный Эбенезеръ, смерть его дяди, его богатство, его отъѣздъ, его вѣроятное повышеніе въ будущемъ—вотъ предметы, о которыхъ не уставали говорить. Только одинъ домъ Бравэ не зналъ ничего и оставался безмолвнымъ.

Месь Летьерри бросился на свою койку, совсѣмъ одѣтый.

Со времени катастрофы Дуранды, броситься въ койку было его единственнымъ утѣшеніемъ. Протаянуться на своемъ жесткомъ

одрѣ—наслажденіе для каждаго невольника, а месь Летьерри былъ невольникъ горя. Онъ ложился; это значило отдыхать, переводить духъ, ни о чемъ не думать. Спалъ ли онъ? Нѣтъ. Бодрствовалъ ли онъ? Нѣтъ. Говоря правду, вотъ ужъ два мѣсяца съ половиной—месь Летьерри былъ какъ лунатикъ. Онъ еще самъ себя не создавалъ. Онъ находился въ томъ неопредѣленномъ, смутномъ положеніи, которое извѣстно только испытавшимъ большое горе. Его размышленія не были мыслями, его сонъ не былъ отдыхомъ. Днемъ онъ не бодрствовалъ, ночью онъ не спалъ. Онъ былъ на ногахъ, потомъ онъ лежалъ—вотъ и все. Только въ своей койкѣ онъ немного забывался; это онъ называлъ спать; химеры носились надъ нимъ и въ немъ; облако ночи, съ какими-то смутными лицами, бродило въ его головѣ; императоръ Наполеонъ диктовалъ ему свои записки, у него было нѣсколько Дерюшеттъ — странная птица сидѣла на деревьяхъ; улицы въ Лонде-Сольне превращались въ змѣй. Кошмаръ былъ для него смѣною отчаянія. Ночи онъ проводилъ въ грезахъ, дни въ мечтаніяхъ. Онъ иногда цѣлыми часами стоялъ неподвижно у окна своей комнаты, которая, какъ извѣстно, выходила на гавань; поникнувъ головою, упершись локтями на подоконникъ, зажавъ уши кулаками, обернувшись спиной ко всему свѣту, онъ пристально смотрѣлъ на старое желѣзное кольцо, ввинченное въ стѣну дома—кольцо, къ которому когда-то привязывали Дуранду. Онъ смотрѣлъ на ржавчину, которая начинала покрывать это кольцо.

Месь Летьерри теперь жилъ одной физической, машинальной жизнью.

Самые мужественные люди, лишенные олицетворенія своей идеи, доходятъ до этого положенія—отжившихъ существованій. Жизнь путешествіе, а мысль—маршрутъ... Нѣтъ болѣе маршрута—останавливаешься. Потеряна дѣль, умерла и сила. Судьба имѣетъ таинственную, произвольную власть. Она можетъ коснуться своимъ жезломъ даже нашего нравственнаго существованія. Отчаянье—это почти отставка души. Одни только великіе умы могутъ устоять. И те какъ?

Месь Летьерри постоянно былъ погруженъ въ думы, если бессознательное забытье можно назвать думой. У него порой вырвались горькія рѣчи, въ родѣ слѣдующей: «Мнѣ только и остается, что просить себѣ паспортъ тамъ, наверху».

Упомянемъ о противорѣчій въ этой природѣ, сложной, какъ само море, котораго, такъ сказать, Летьерри былъ изчадь; месь Летьерри не молился.

Быть безсильнымъ—это сила. Передъ лицомъ двухъ великихъ

слѣпцовъ, передъ судьбой и природой, человекъ, въ своемъ безсиліи, нашелъ опору въ молитвѣ.

Человекъ поддерживаетъ себя страхомъ; онъ проситъ помощи у своей боязни; тоска вызываетъ на волѣнопреклоненіе.

Молитва — громадная сила, присущая душѣ, сила одинаковой природы съ таянствомъ, обращается въ милосердію мрака; она взираетъ даже очами мрака на таянство, и передъ могуществомъ этого умоляющаго взгляда чувствуешь возможность умиленія для Невѣдомаго.

Одна возможность этого уже утѣшеніе.

Но Летьерри не молился.

Когда онъ былъ счастливъ, Богъ для него существовалъ, можно сказать, во плоти: Летьерри съ нимъ говорилъ, давалъ ему обѣщанія. Но въ несчастьи — явленіе впрочемъ нерѣдкое — Богъ для него исчезъ.

Летьерри, въ томъ душевномъ состояніи, въ которомъ онъ находился, одно только ясно видѣлъ — улыбку Дерюшетты. Все, кромѣ этой улыбки, было покрыто мракомъ.

Съ нѣкоторыхъ поръ, вѣроятно вслѣдствіе гибели Дуранды, которая и на ней отозвалась рикошетомъ, очаровательная улыбка Дерюшетты появлялась рѣже. Молодая дѣвушка казалась озобоченной. Ея сходство съ веселой птичкой исчезло. Она не кланялась болѣе по утрамъ, при пушечномъ выстрѣлѣ, возвѣщавшемъ разсвѣтъ, восходящему солнцу, говора: «Добраго дня. Милости просимъ». На нее находили иногда минуты глубокой задумчивости, что было грустно видѣть въ такомъ нѣжномъ существѣ. Она принуждала себя улыбаться отцу, чтобъ его утѣшить; но ея веселость ежедневно туснѣла и покрывалась пылью, какъ крыло бабочки, проколотой булавкой. Прибавимъ еще, что отъ сокрушенія ли о горѣ дяди, потому что грусть прилипчива, или по другимъ причинамъ — она, казалось, теперь очень предалась религіи. Во времена стараго пастора Жакмена ерода, какъ извѣстно, она въ церковь ходила только четыре раза въ годъ. А теперь она бывала въ церкви очень часто. Она не пропускала ни одной службы, ни въ воскресенье, ни въ четвергъ. Набожные прихожане съ радостью замѣчали въ ней эту перемѣну, такъ какъ великое счастье, когда молодая дѣвушка, которой угрожаетъ столько опасностей со стороны людей, обращается къ Богу.

Это, по крайней-мѣрѣ, позволяетъ родителямъ быть покойными насчетъ своихъ дочерей.

Вечеромъ, когда ей только позволяло время, она гуляла часъ или два въ саду Бравэ. Тамъ она была постоянно одна, и почти такъ же задумчива, какъ и месь Летьерри. Спать Дерюшетта ло-

жилась послѣдняя въ домѣ, что, конечно, не мѣшало Дусъ и Граціи присматривать за ней, по тому инстинкту, который присущъ всѣмъ слугамъ. Шизоизство — развлеченіе отъ службы.

Эти маленькія перемены въ Дерюшеттѣ ускользали отъ замѣтлившагося ума месь Летьерри. Къ тому жъ, онъ отъ природы не годился въ дуэны. Онъ даже не замѣчалъ, что Дерюшетта стала аккуратно посѣщать всѣ церковныя службы. Упорный въ своемъ предубѣжденіи противъ всего, что касалось церкви и ея служителей, онъ съ неудовольствіемъ смотрѣлъ бы на эти посѣщенія.

Это еще однаго не значило, чтобы онъ и самъ не былъ готовъ помѣниться правдивенно. Скорбь — мрачное облако, и часто мѣняетъ свою форму.

Сильныя, мощныя души, мы уже сказали, могутъ быть погода почти уничтожены ударами судьбы, но только почти. У такихъ твердыхъ, могучихъ характеровъ, какъ Летьерри, спустя нѣкоторое время, всегда является реакція. Отчаяніе имѣетъ свои степеня. Сначала человѣкъ подавленъ горемъ, потомъ онъ переходитъ къ унынію, отъ унынія къ скорби, отъ скорби же къ меланхоліи. Меланхолія — это сумерки. Страданіе въ ней сплавается съ какой-то мрачной радостью.

Эти грустно-элегическіе переходы не существовали для Летьерри; ни его характеръ, ни родъ его несчастія не обуславливали ихъ. Только теперь, когда мы снова его видимъ передъ собою, мрачная задумчивость его перваго отчаянія была уже около недѣли близка къ разсѣянію; оставаясь столь же грустнѣе, Летьерри какъ-бы выходилъ изъ своего безчувственнаго состоянія; онъ былъ все еще мраченъ, но ужъ не такъ убитъ; онъ начиналъ понимать, что дѣлалось вокругъ него, начиналъ ощущать то странное чувство, которое можно назвать возвращеніемъ къ дѣйствительной жизни. Такъ днемъ, въ залѣ, онъ не слушалъ разговоровъ, но онъ слышалъ ихъ; а однажды утромъ, Грація съ торжествомъ объявила Дерюшеттѣ, что месь Летьерри распечаталъ газету.

Это полувозвращеніе къ дѣйствительности, само по себѣ — добрый признакъ. Это выздоровленіе. Большія несчастія приводятъ въ одурѣніе, отъ котораго освобождаешься только однимъ этимъ путемъ. Но облегченіе, сначала, кажется, только усиливаетъ страданія. Прежнее безчувственное состояніе притулило скорбь; тогда видѣлъ все смутно и мало чувствовалъ; теперь же все видишь ясно, ничто не ускользаетъ, и рана раскрывается. Скорбь усиливается всѣми подробностями, которыя начинаешь замѣчать. Все воскресаетъ въ воспоминаніи. Все вспомнить, значить — все

пожалѣть. Въ этомъ возвращеніи къ дѣйствительности повзгорается вся горечь пережитаго горя. Чувствуешь себя и лучше, и хуже. Вотъ въ какомъ положеніи теперь былъ Летьерри. Онъ страдалъ сознательно.

Месть Летьерри возвратило къ жпзпн сильное потрясеніе.

Разскажемъ, въ чемъ оно состояло.

Однажды въ Бразъ, послѣ полудня, около 15-го или 20-го апрѣля, послышались въ дверь два удара, которые всегда возвѣщаютъ почтальона. Дусъ отворила дверь. Дѣйствительно, это было письмо.

Это письмо было пзъ-за моря, и адресовано на имя месь Летьерри; на штемпелѣ стояло *Лисбоа*.

Дусъ отнесла письмо месь Летьерри, который сидѣлъ запершись въ своей комнатѣ. Онъ взялъ его и машинально положилъ на столъ.

Эго письмо оставалось пераспечатаннымъ на столѣ съ добрую недѣлю.

Накопецъ, Дусъ сказала месь Летьерри:

— Сударь, можно мнѣ обтереть пыль съ вашего письма?

Летьерри какъ-бы пробудился.

— Правда, сказалъ онъ

И распечаталъ письмо.

Вотъ что онъ прочелъ:

«Въ морѣ, 10-го марта.

«Месь Летьерри, изъ Сен-Самсона.

Вы съ удовольствіемъ получите извѣстіе обо мнѣ. Я теперь на *Тамолитъ*, на пути къ *Безвозврату*. На кораблѣ есть морякъ Айз-Тостевенъ, изъ Гернсея; онъ возвратится, и ему будетъ что поразсказать. Я пользуюсь встрѣчей съ кораблемъ *Гернан Кортезъ*, плущимъ въ Лиссабонъ, чтобъ вамъ переслать это письмо.

«Дивитесь. Я честный человекъ.

«Столъ же честный, какъ сѣбрь Клюбенъ. Я долженъ полагать, что вы уже все знаете; можетъ быть, однакожъ, не излишне вамъ сообщить все, что случилось.

«Вотъ въ чемъ дѣло:

«Я вамъ возвратилъ вашъ капиталъ.

«Я у васъ занялъ не совсѣмъ законно пятьдесятъ тысячъ франковъ. Передъ отъѣздомъ изъ Сен-Мало, я вручилъ вашему довѣренному, сѣбру Клубену, три банковыхъ билета въ тысячу фунтовъ каждый, что составляетъ семьдесятъ-пять тысячъ франковъ. Вы, конечно, удовольствуетесь этой уплатой.

«Сѣбрь Клюбенъ защищалъ ваши интересы, и получилъ ваши

деньги, съ большимъ жаромъ. Онъ мнѣ показался очень усерднымъ, почему я васъ и предупреждаю.

«Вашъ другой повѣренный Рантенъ.

«P. S. У сѣбра Клюбена былъ револьверъ, отчего я и не имѣю росписки.»

Дотроньтесь до подводной мины, взрывающей корабля, дотроньтесь до лейденской банки, и вы ощутите то, что почувствовалъ месь Летьерри, читая это письмо.

Подъ этимъ конвертомъ, въ этомъ листѣ бумаги, сложенномъ въ четыре, на который въ первую минуту онъ такъ мало обратилъ вниманія, скрывался источникъ могучаго нравственнаго потрясенія.

Онъ узналъ этотъ почеркъ, онъ узналъ эту подпись; что касается до сущности дѣла, онъ сначала ничего не понималъ.

Потрясеніе было таково, что оно какъ-бы поставило на ноги его умъ.

Семьдесятъ-пять тысячъ франковъ, врученныхъ Рантенемъ Клюбену, составляя загадку для Летьерри, заключали въ себѣ ту полезную сторону, что заставляли работать его мозгъ. Дѣлать предположенія — здоровое занятіе для ума: разсудокъ пробужденъ, логика призвана къ дѣйствию.

Съ нѣкоторыхъ поръ общественное мнѣніе на Гернсеѣ стало вновь обсуждать поведение и характеръ Клюбена, этого честнаго человѣка, уважаемаго всѣми въ продолженіе столькихъ лѣтъ. Теперь вдругъ возбудились сомнѣнія, составились партіи за и противъ него. Странныя открытія освѣтили неожиданнымъ свѣтомъ поведение Клюбена, то-есть омрачили его.

Въ Сен-Мало произведено было судебное слѣдствіе, по поводу исчезновенія берегового стража № 619. Сначала судебная зоркость попала на ложную дорогу, что съ ней часто случается. Было предположено, что Цуелла захватилъ силою сторожа и увезъ на *Тамолитъ* въ Чили. Это остроумное предположеніе повлекло за собою много заблужденій. Близорукость правосудія даже не замѣтила Рантена. Но неожиданно судебные слѣдователи напали на другіе слѣды. Темное дѣло еще болѣе запуталось. Имя Клюбена примѣшалось къ этой загадкѣ. Было замѣчено совпаденіе, можетъ быть, соотношеніе, между отплытіемъ *Тамолиты* и гибелью Дуранды. Въ кабакѣ у Динавскихъ воротъ, гдѣ Клюбенъ думалъ, что его никто не замѣтитъ, его признали; хозяинъ кабака показавъ, что Клюбенъ купилъ у него бутылку водки. Для кого? Оружейный мастеръ въ Сен-Винцентской улицѣ показавъ, что Клюбенъ купилъ револьверъ. Противъ кого? Хозяинъ трактира «Жанъ» показавъ, что Клюбенъ дѣлалъ странныя отлучки. Ка-

питанъ. Жертре-Габуро показаль, что Клюбенъ рѣшился отплыть, несмотря на предостереженіе, и вышелъ изъ порта, зная навѣрное, что онъ попадетъ прямо въ туманъ. Экипажъ Дуранды показаль, что груза они не взяли никакого, и баластъ былъ дурно уложенъ, неусмотрительность очень понятная, если капитанъ хочетъ погубить корабль. Гернсейскій пассажиръ показаль, что Клюбенъ думаль, что они набѣжали на Гануа. Тортевальцы показали, что Клюбенъ приходилъ къ нимъ за нѣсколько дней до крушенія Дуранды и направилъ свои шаги къ Пленмону, близъ Гануа. Онъ несъ дорожный мѣшокъ. «Онъ пошелъ съ мѣшкомъ, а воротился безъ него». Гнѣздонстребителі рассказали свою исторію, которая могла имѣть соотношеніе съ исчезновеніемъ Клюбена, если домовыхъ замѣнить контрабандистами. Наконецъ самъ заколдованный Пленмонскій домъ сдѣлалъ важное показаніе: люди, рѣшившіеся все разузнать, проникли въ него и нашли тамъ, что? мѣшокъ Клюбена. Тортевальскія власти взяли мѣшокъ и раскрыли его. Въ немъ были сѣстные припасы, подозрительная труба, хронометръ, мужская одежда и бѣлье съ мѣткой Клюбена. Все это въ пересудахъ Сен-Мало и Гернсея случалось, противопоставлялось и наконецъ темное дѣло приняло размѣры громаднаго зл.дѣйства. Всѣ отдѣльныя нити теперь ясно связывались между собою; и странное пренебреженіе къ совѣтамъ опытныхъ людей, и надежда на успѣхъ во время тумана, и подозрительная небрежность въ нагрузкѣ баласта, и бутылка коньяку, и пьяный рулевой, и замѣна рулевого баптаномъ, и неловкій, чтобъ не сгязать хуже, поворотъ руля. Геройство оставаться на обломкѣ судна теперь превратилось въ мошенничество. Но однако Клюбенъ ошибся рифомъ. Допуская умышленное злодѣяніе, понятенъ выборъ Гануа, ибо легко можно было добраться съ него вплавъ до берега, и въ заколдованномъ домѣ выждать удобный случай къ побѣгу. Мѣшокъ подтверждалъ это предположеніе. Какой нитью это происшествіе связывалось съ исчезновеніемъ берегового стража, этого еще никакъ не могли постичь. Догадывались, что есть между ними соотношеніе, но болѣе ничего. Исчезновеніе этого человѣка, морского сторожа № 619, давало предчувствовать цѣлую драму. Клюбенъ, можетъ быть, въ ней не участвовалъ, но его образъ видѣлся за кулисами.

Умышленная гибель судна не все еще объясняла. Револьверъ оставался безъ употребленія. Этотъ револьверъ вѣроятно играль роль въ другомъ дѣлѣ.

Чутье народа тонко и вѣрно. Общественный инстинктъ возстановляетъ истину изъ отдѣльныхъ фактовъ и уликъ. Только

факты, изъ которыхъ вытекало доказательство злого умысла Клюбена, были ненадежны, на нихъ нельзя было оповаться.

Все согласовалось между собою, все истекало одно изъ другаго, но твердой основы не было.

Не губить же корабль изъ удовольствія его погубить. Не рискуютъ же даромъ всѣми опасностями, которыя представляютъ туманъ, рифы, укрывательство, бѣгство? Чтѣ же побуждало на это Клюбена?

Видѣвъ былъ его поступокъ, но не была видна его побудительная причина.

Отсюда во многихъ умахъ явилось сомнѣнiе. Гдѣ пѣгъ причины, тамъ, кажется, не можетъ быть и дѣйствiя.

Пробѣлъ въ цѣпи доказательствъ былъ очень важный.

Письмо Рантена пополнило этотъ пробѣлъ.

Это письмо объясняло побудительную причину поступка Клюбена — возможность украсть семьдесятъ-пять тысячъ франковъ.

Рантенъ былъ Deus ex machina. Онъ сошелъ съ облаковъ со свѣчкой въ рукѣ.

Его письмо бросило окончательный свѣтъ на все дѣло.

Оно объясняло все и сверхъ того еще указывало на свидѣтеля, Абэ-Тостевена.

Самое важное было то, что письмо указывало на употребленiе револьвера. Рантенъ, безъ сомнѣнiя, все зналъ до подлинности. Письмо его объясняло всякую мелочную подробность.

Въ злодѣйствѣ Клюбена не могло быть никакихъ смягчающихъ обстоятельствъ. Кораблекрушенiе было умышенное; доказательствомъ тому мѣшокъ, принесенный Рантеномъ въ заброшенный домъ. Но если и предположить его виновнымъ, если допустить, что крушенiе было неожиданно, неподготовлено, то не долженъ ли онъ былъ въ послѣднюю минуту, рѣшившись изъ чувства долга пожертвовать собою, вручить семьдесятъ-пять тысячъ франковъ людямъ, спасшимся на лодкѣ? Очевидность уликъ была поразительна. Но чтѣ случилось съ Клюбеномъ? Онъ вѣроятно сдѣлался жертвой своей ошибки. Онъ, безъ сомнѣнiя, погибъ на Дуврѣ.

Этотъ рядъ предположенiй и догадокъ, очень подходящихъ, какъ мы видимъ, къ истинѣ, занималъ продолженiе нѣсколькихъ дней умъ месь Летьерри. Письмо Рантена оказало ему огромную услугу: оно заставило его думать. Въ первую минуту онъ былъ потрясенъ изумленiемъ, но потомъ сдѣлалъ усилiе, и заставилъ себя обсуживать дѣло. Вскорѣ онъ сдѣлалъ другое усилiе, еще труднѣе: онъ сталъ разузнавать. Онъ долженъ былъ вмѣшиваться въ разговоры и даже читать ихъ. Черезъ недѣлю, онъ до

пѣкоторой степени сталъ прежнимъ человѣкомъ; его умъ сдѣлался практичнымъ и почти совсѣмъ исцѣлился. Онъ вышелъ изъ своего безчувственного, безотчетнаго состоянія.

Если месь Летьерри когда нибудь и питалъ надежду на получение украденныхъ у него денегъ, то письмо Раутена уничтожило всякую возможность ихъ возвращенія.

Оно прибавило къ погубленію Дуранды это новое крушеніе семидесяти-пяти тысячъ франковъ. Оно сдѣлало Летьерри снова обладателемъ этихъ денегъ, именно на столько, чтобъ почувствовать ихъ потерю. Это письмо обнаружило всю глубину его разоренія.

Отсюда новое страданіе, и очень острое, на которое мы только что указали. Онъ началъ теперь, послѣ двухмѣсячнаго невниманія, заботиться о своемъ хозяйствѣ и о перемѣнахъ, которыя необходимо было въ немъ сдѣлать.

Эти заботы, эти мелочныя непріятности почти хуже отчаянія. Переносить несчастье по мелочи, отстаивать шагъ за шагомъ у совершившагося факта почву, отнятую имъ—это ужасно! Несчастье въ его грозномъ цѣломъ переносимо, но не въ его мелочахъ. Цѣлое поражаетъ, давитъ, мелочи терзаютъ. Сейчасъ только катастрофа разпла васъ громомъ, теперь она васъ томить.

Это уничиженіе, которымъ усиливается степень уничтоженія. Вы чувствуете, что уничтожены вторично и уничтожены хуже, безобразнѣе. Спускаешься на лишнюю ступень въ хаосъ ничтожества. Послѣ савана—рубашка.

Помышлять объ упадкѣ—нѣтъ мысли грустнѣе.

Быть разорену, это кажется просто. Мощный ударъ, звѣрство судьбы—это катастрофа разъ навсегда. Хорошо. Покоряешься. Все кончено. Разоренъ. Значитъ, умеръ. Нисколько. Вы живы. Вы это замѣчаете на другой день. Почему? По мелочнымъ непріятностямъ, похожимъ на уколы булавки. Какой нѣбудь проходившій вамъ болѣе не кланяется, лавочки со всѣхъ сторонъ заваливаютъ васъ счетами. Вонъ одинъ изъ вашихъ враговъ смѣется. Можетъ быть, онъ смѣется надъ послѣднимъ балабуромъ Арналя, но все равно, этотъ балабуръ ему кажется столь смѣшнымъ только потому, что вы разорились. Вы читаете свое униженіе даже въ безразличныхъ взглядахъ; обѣдавніе у васъ пахотятъ, что за вашимъ столомъ три блюда—была роскошь; ваши недостатки бросаются всѣмъ въ глаза; неблагодарность, зная, что ей уже нечего получать, болѣе не скрывается; всѣ дураки предвидѣли вашу участь; злые васъ режутъ на куски, мошенники васъ сожалѣютъ. А потомъ сотни мелочей. Послѣ слѣзъ является тошнота. Вы пивали вино, теперь будете пить сидръ. Двѣ служанки! Да и одна-то роскошь! Надо будетъ этой отказать, а той

удвоить работу. Въ саду слишкомъ много цвѣтовъ; надо посадить картофелю. Ягоды раздавались друзьямъ, теперь ихъ будутъ продавать на рынкѣ. Что жъ касается до бѣдныхъ, объ нихъ и думать нечего; развѣ вы сами не нищій? Наряды — вопросъ убійственный. Убавить бантигъ въ дамскомъ нарядѣ — какое мученье! Той, кто вамъ жертвуетъ красотой, отказать въ презрѣнной тряпкѣ! Походить на скупого! Она вамъ, можетъ быть, скажетъ: какъ, вы изъ моего сада вырвали цвѣты и хотите еще вырвать ихъ изъ моей шали! — Увы! заставитъ ее носить старья, по выныла платья. За семейнымъ столомъ царитъ молчаніе. Вы воображаете, что на васъ сердятся. Лица всѣхъ близкихъ, любящихъ васъ озабочены. Вотъ оно, что значить упадокъ! Надо ежедневно умпрать съизнова. Пастъ — ничего, это сгорѣтъ въ пламени. Упадать — это горѣтъ на маломъ огнѣ.

Уничтоженіе — это Ватерло; уничтоженіе — это св. Елена. Судьба, воплотившаяся въ Веллингтона, еще имѣетъ какое-то достоинство; но олицетворенная въ Гудсон-Ловэ — фи, какая гадость! Рокъ дѣлается подлецомъ. Видѣтъ, какъ герой Кампо-Форміо спорится за пару шелковыхъ чулокъ. Умаленіе Наполеона умалетъ Англію.

Эти два фазиса, Ватерло и св. Елена, приведенные къ простому знаменателю, испытываетъ всякій разорившійся человекъ.

Въ тотъ вечеръ, о которомъ мы говорили и который былъ одинъ изъ первыхъ вечеровъ мая, Летьерри, оставивъ Дерюшетту блуждать по саду, улегся спать болѣе грустный, чѣмъ когда при лунномъ свѣтѣ.

Всѣ ничтожныя, и пріятныя мелочи, присущія всякому разоренію, всѣ эти заботы третьяго разряда, которыя сначала кажутся глубокими, подъ конецъ становятся горькими, терзали его умъ. Пошлая докучливость несчастій. Месь Летьерри чувствовалъ, что гибель неизбежна. Что съ нимъ станется? что ему теперь дѣлать? Какъ жить? Какія жертвы требовать отъ Дерюшетты? Которой изъ двухъ отказать — Дусъ или Грацін? Не продать ли Бравэ? Не придется ли покинуть островъ? Сдѣлаться ничѣмъ тамъ, гдѣ былъ все — невыносимое униженіе.

И подумать, что все было кончено. Вспомнить эти плаванія, связывавшія Францію съ Нормандскимъ Архипелагомъ, эти уходы по вторникамъ, эти возвращенія по пятницамъ, толпу на набережной, эти громадныя нагрузки, это процвѣтаніе промышленности; это мореходство прямое, гордое; эту машину, подчиненную воли человека, этотъ всемогущій котель, этотъ дымъ, эту дѣйствительность! Паровое судно — это пополненіе компаса; компасъ указываетъ прямой путь, паръ идетъ по немъ. Одинъ предлагаетъ, другой исполняетъ. Гдѣ она, его Дуранда, эта ирелест-

ная, восхитительная Дуранда, эта повелительница моря, эта царица, дѣлавшая его царемъ! Быть въ своей странѣ человѣкомъ идеи, человѣкомъ успѣха, человѣкомъ революціи, и теперь отказать отъ всего этого! Быть ничѣмъ! Быть посмѣшищемъ! Быть пустымъ мѣшкомъ, въ которомъ нѣкогда было что-то! Быть прошлымъ, когда былъ будущностью! Сдѣлаться предметомъ сожалѣнія дураковъ! Видѣть торжество рутины, глупости, невѣжества, эгоизма! Видѣть, какъ снова поползли уродливые катера, колымажки во всѣ стороны по прихоти волны и вѣтра! Видѣть обновленіе дряхлой старины. Потерять то, на что пожертвовалъ всю свою жизнь! Быть свѣтомъ и подвергнуться затмѣнію! Ахъ! какъ она прекрасна была на водѣ, эта гордая труба, этотъ громадный цилиндръ, этотъ пилястръ съ капителью изъ дѣла, эта колонна болѣе величавая, чѣмъ колонна Вандомская, ибо на вершинѣ одной возвышается лишь человѣкъ, на вершинѣ другой — прогрессъ. Океанъ былъ усмирень и погранъ. И все это видѣли на этомъ маленькомъ островѣ, въ этой маленькой пристани, въ этомъ маленькомъ Сен-Сансонѣ? Да, все это видѣли. Какъ, это видѣли и болѣе никогда не увидятъ?

Весь этотъ наплывъ сожалѣній мучилъ Летьерри. У мысли есть свои рыданія. Никогда, быть можетъ, не чувствовалъ онъ сильнѣе своей потери, какъ въ эту минуту. За такими сильными припадками слѣдуетъ всегда оцѣпенѣніе. Подъ этимъ гнетомъ грусти онъ забылся.

Около двухъ часовъ его вѣки оставались закрытыми, онъ немного спалъ, много думалъ. Подобныя овѣмѣнія скрываютъ томительную работу мозга. Среди ночи, часовъ около двѣнадцати, быть можетъ, немного ранѣе или немного позже, онъ стряхнулъ съ себя эту лихорадочную дремоту. Онъ проснулся, открылъ глаза; прямо противъ его койки было окно, онъ увидалъ что-то необыкновенное.

Предъ его окномъ чернѣло что-то. Что-то чудовищное, невозможное. Труба парохода.

Местъ Летьерри вскочилъ на койкѣ, которая заколыхалась какъ отъ качки въ бурю. Онъ устремилъ глаза на окно. Тамъ было привидѣніе. Гавань, озаренная луннымъ свѣтомъ, видѣлась вдали, а подлѣ самаго дома вырѣзывался гордый, прямой, круглый силуэтъ.

Эта была труба парохода.

Летьерри соскочилъ съ койки, подбѣжалъ въ окно, подвѣлъ раму, высунулся въ окно и узналъ трубу.

Труба Дуранды была передъ нимъ.

Она стояла на старомъ своемъ мѣстѣ.

Она четырьмя своими цѣпами была прикрѣплена къ бортамъ

какого то судна; подъ ней видѣлась громадная масса самыхъ сложныхъ очертаній.

Летъерри отскочилъ отъ окна, повернулся къ цему спиной и бросился снова на койку.

Прошло мгновение, онъ опять взглянулъ въ окно, и опять увидѣлъ это видѣніе.

Минуту спустя, онъ уже былъ на набережной съ фонаремъ въ рукѣ.

Къ старому большу. къ которому привзвивали Дуранду, было теперь привязано судно, на кормѣ котораго пзъ-за громадной черной массы возвышалась труба прямо противъ окна Бравэ. Передняя часть барки выходила пзъ-за угла дома по набережной.

Въ баркѣ ничего не было.

Эта барка была оригинальной формы, и ее зналъ весь Герисей. Это былъ *ботъ*.

Летъерри прыгнулъ въ него. Онъ побѣжалъ къ черной массѣ, которая видѣлась пзъ-за мачты. Это была машина Дуранды.

Она была тутъ въ дѣлности, во всемъ своемъ объемѣ, ни мало неповрежденная, твердо стоя на чугуиномъ основаніи; у котла уцѣлѣли всѣ перегородки; дерево колесъ было сложено подлѣ котла, помпа была на своемъ мѣстѣ; все было тутъ, не было ни малѣйшаго недочота.

Летъерри осмотрѣлъ машину.

Фонарь и луна, другъ передъ другомъ, ему свѣтили.

Онъ сдѣлалъ обзоръ всему механизму.

Онъ взглянулъ на два ящика, стоявшіе подлѣ, и на дерево колесъ. Потомъ онъ сошелъ въ каюту. Она была пуста.

Онъ возвратился къ машинѣ, дотронулся до нея, просунулъ голову въ котелъ и сталъ на колѣна, чтобы заглянуть внутрь. Затѣмъ, онъ поставилъ въ отверстіе трубы свой фонарь, пламя котораго освѣтило весь внутренній механизмъ и произвело оптическій обманъ; казалось, машина топилась.

Наконецъ онъ громко захохоталъ, и выпрямившись во весь ростъ, не спуская глазъ съ машины, протянувъ руки къ трубѣ, закричалъ: караулъ!

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него на набережной висѣлъ портовый колоколь; онъ бросился къ нему, схватилъ цѣль и принялся звонить изо всей силы.

II.

Еще портовый колоколь.

Дѣйствительно, Жильяръ послѣ счастливаго плаванія, хотя, конечно, медленно по причинѣ тяжести груза, прибылъ въ Сен-Дансонъ совершенно ночью, часовъ около десяти.

Жильяты выбралъ хорошее время: начинался приливъ и свѣтила луна; можно было легко войти въ портъ.

Маленькая гавань спала. Нѣсколько кораблей стояли на якорѣ съ гитовыми на реяхъ и безъ фонарей. Въ углубленіи порта видѣлись барки, чинившіяся въ киленбалкѣ. Безъ мачтъ, съ прорубленными отверстіями въ подводной части, выказывала изъ-за дырявой обшивки свой обнаженный остовъ, онѣ очень походили на мертвыхъ жуковъ, лежащихъ на спинкѣ лицомъ вверху.

Жильяты, какъ только вошелъ въ гавань, зорко осмотрѣлъ п ее и набережную. Огня не было видно нигдѣ, ни въ Бравэ, ни въ другихъ домахъ. Проходящихъ также не было никого, кромѣ, можетъ быть, какой-то тѣни, вошедшей въ пасторскій домъ или вышедшей изъ него. И то еще не было совершенно достовѣрно, чтобы это былъ человѣкъ; ночь такъ темно все обрисовываетъ, а луна такъ смутно свѣтитъ. Прибавьте еще разстояніе къ темнотѣ. Пасторскій домъ въ то время стоялъ по ту сторону порта, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь построены крытый элингъ.

Жильяты тихо подплылъ къ Бравэ и причалилъ боть къ кольцу Дуранды, подъ окномъ месь Летьерри.

Потомъ онъ перепрыгнулъ черезъ бортъ и очутился на землѣ.

Жильяты, оставивъ боть, обогнулъ домъ, прошелъ переулокъ, потомъ другой, не взглянулъ даже на тропинку, ведущую въ Бюде-ла-Рю, и черезъ нѣсколько минутъ остановился у того уголка стѣны, гдѣ росли розовая мальва, хмѣль, плющъ и крапива. Это тотъ уголокъ, откуда изъ-за терніевъ, сидя на камнѣ, цѣлыми часами, днями, мѣсяцами, онъ смотрѣлъ черезъ стѣну, до того невысокую, что ее хотѣлось перешагнуть, на садъ Бравэ, и сквозь вѣтви деревьевъ на извѣстныя ему два окна въ домѣ. Онъ отыскалъ свой камень, свой терновникъ; стѣна была все такъ же низка, уголокъ такъ же темень, и, какъ животное возвратившееся въ свою нору, скорѣе ползая, чѣмъ идя, онъ притаился тамъ. Однажды сѣвши, онъ болѣе не шевелился. Онъ осмотрѣлся во кругъ. Онъ снова видѣлъ этотъ садъ, эти ален, эти цвѣтники, этотъ домъ, эти два окна этой комнаты. Все это онъ видѣлъ, какъ во снѣ. Луна освѣщала этотъ сонъ. Какъ ужасно, что необходимо дышать. Онъ дѣлалъ все что могъ, чтобы притамыть дыханіе.

Ему казалось, что онъ видитъ привидѣніе рая. Онъ боялся, чтобы все это не исчезло. Было почти невозможно, чтобы все это существовало въ дѣйствительности подъ его глазами; а если оно и существовало, то лишь для того, чтобы исчезнуть, какъ всѣ

небесныя явленія. Одно дуновение—и все разсѣется. Жильятъ этого боялся.

Вблизи, прямо противъ него, въ концѣ ален, стояла зеленая скамья. Читатель помнитъ эту скамью.

Жильятъ смотрѣлъ на два окна. Онъ думалъ о комъ-то, кто, можетъ быть, спитъ въ этой комнатѣ. За этой стѣной спали. Онъ желалъ бы не находиться тамъ, гдѣ онъ былъ, но онъ скорѣе согласился бы умереть, чѣмъ уйти. Онъ мечталъ о дыханіи, колыхавшемъ одну грудь. Она, этотъ миражъ, эта облачная бѣлизна, эта неотступная мысль его ума, она была тамъ, за этими окнами! Онъ думалъ о недоступномъ созданіи, которое спало теперь, и такъ близко, что казалось доступно его восторгамъ; онъ думалъ о женщинѣ, заснувшей и видѣвшей такія же грезы; онъ думалъ о желанномъ, далекомъ, неуловимомъ созданіи, съ закрытыми теперь глазами и съ опущенной на руку головой; онъ думалъ о тайнахъ сна этого идеальнаго созданія, о снахъ, которые можетъ создавать сонъ. Онъ не смѣлъ думать о большемъ, и однако, думалъ; онъ отважился позабыться до оскорбленія мечты, и его смущала мысль, насколько можно придать женскихъ формъ ангелу; ночной часъ поощрялъ бѣзавидные глаза на потайные взгляды; онъ соблазнялся рискнуть на это, и боялся быть оскорбителемъ. Но противъ своей воли, нѣхотя и содрogaась, онъ устремлялъ взоръ въ незримое. Съ ужасомъ, почти съ душевной мукой, онъ представлялъ себѣ юбку на стулѣ, мантилью, брошенную на коверъ, разстегнутый поясъ, косынку. Въ его воображеніи рисовался корсетъ, съ длиннымъ шнуркомъ, валяющимся по полу, чулки, подвязки. Его душа витала въ звѣздахъ.

Звѣзды одинаково созданы для человѣческаго сердца бѣднака Жильята, какъ и для человѣческаго сердца мильонера. На известной степени страсти, каждый человѣкъ подверженъ ослѣпительнымъ грезамъ. Тѣмъ болѣе, воспримчивая и первобытная натура. Дивность усиливаетъ грезы.

Восторгъ—это чаша блаженства, которая можетъ переполниться, какъ всякая другая. Видѣтъ эти окна, казалось, было слишкомъ много счастья для Жильята.

Вдругъ онъ увидалъ ее самое, Дерюшетту.

Изъ-за вѣтвей, покрытыхъ роскошной весенней листвою, съ неописанной медленностью привидѣній и небожителей выступила фигура, платье, божественное лицо, почти свѣтъ, несмотря на то, что была луна.

Жильятъ чувствовалъ, что онъ падаетъ въ обморокъ. Это была Дерюшетта.

Дерюшетта подошла ближе. Она остановилась, потомъ сдѣлала

нѣсколько шаговъ назадъ, снова остановилась, и наконецъ, сѣла на деревянную скамейку. Луна была за деревьями, нѣсколько облаковъ блуждали между блѣдными звѣздами, море перешептывалось съ мракомъ, городъ спалъ, туманъ поднимался съ горизонта: это былъ часъ глубокой меланхоліи. Дерюшетта преклоняла голову съ тѣмъ задумчивымъ взоромъ, который смотритъ въ пространство и ничего не видитъ; она сидѣла профилемъ; голова ея была почти открыта, и развязанная шляпка обнаруживала ея нѣжный затылокъ тамъ, гдѣ начинаются волосы, она задумчиво крутила ленту шляпки вокругъ одного изъ своихъ пальцевъ; полусвѣтъ обнаруживалъ ея руки — руки статуи; ея платье было одного изъ тѣхъ цвѣтовъ, которые ночью кажутся бѣлыми; деревья колыхались, словно они ощущали чары, которыя отъ нея исходили; кончикъ одной ножки виднѣлся изъ-подъ платья; въ ея опущенныхъ рѣсницахъ замѣтна была та неумолимая сжатость, которая всегда доказываетъ или удержанную слезу, или придавленную мысль; ея руки лежали въ очаровательной нерѣшимости, какъ-бы не находя на что облокотиться; во всей ея позѣ было что-то витающее; это было скорѣе мерцаніе, чѣмъ свѣтъ, это была скорѣе грація, чѣмъ богиня; складки ея платья падали изысканно, ея лицо было дѣвственно задумчиво.

Въ чаще пѣлъ соловей. Дуновение вѣтра въ вѣтвяхъ деревьевъ приводило въ движеніе ночную тишину. Дерюшетта, прелестная, священная, являлась въ этомъ полумракѣ, какъ воплощеніе этихъ лучей и этихъ благоуханій; это безмѣрное и разрозненное очарованіе таинственно сосредоточивалось въ ней и она дѣлалась его олицетвореніемъ. Она базалась душой всего этого мрака.

Весь этотъ мракъ, окружавшій Дерюшетту, тяготилъ Жильята. Онъ былъ внѣ себя. Чтò онъ чувствовалъ, того нельзя передать словами; душевное волненіе всегда ново, а слова обвѣтшалы, потому невозможно и выразить волненіе. Утомленіе отъ восторга существуетъ. Видѣть Дерюшетту, видѣть ее самое, видѣть ея платье, видѣть ея шляпку, видѣть ленту, которую она крутила вокругъ пальца, развѣ это возможно? Быть близъ нея, да развѣ это возможно? Слышать ея дыханіе! Она дышты! значить, свѣтила небесныя дышать. Жильятъ чувствовалъ, что дрожь пробѣгаетъ по всему его тѣлу. Онъ былъ самый несчастный и самый блаженный изъ людей. Онъ не зналъ, чтò дѣлать. Видѣть ее было слишкомъ большимъ счастьемъ, оно его убивало. Какъ! это она, это была она, а это онъ, это былъ онъ! Его мысли, ослѣпленныя и неподвижныя, останавливались на этомъ созданіи, какъ на свѣтломъ барбункулѣ. Онъ смотрѣлъ на этотъ затылокъ, на эти волосы. Онъ не говорилъ себѣ, что теперь это все было

его, что скоро, можетъ быть завтра, онъ будетъ въ правѣ развязать эту шляпку, раскрутить эту ленту. Онъ не могъ даже подумать объ этомъ хотя бы на одно мгновеніе. Прикоснуться мыслью, это почти то же, что прикоснуться рукой. Любовь для Жильята была то же, что медъ для медвѣда, сладкая, очаровательная мечта. Мысли его были смутны. Онъ не зналъ, что съ нимъ. Соловей пѣлъ. Онъ чувствовалъ, что умираетъ.

Встать, перешагнуть черезъ стѣну, подойти, сказать: это я, заговорить съ Дерюшеттой, эта мысль ему не приходила въ голову. Еслибъ она подошла къ нему, онъ убѣжалъ бы. Если что нибудь въ родѣ мысли свѣтилось въ его умѣ, такъ это, что Дерюшетта была тутъ, что болѣе ему ничего не нужно, и что вѣчность уже началась.

Неожиданный шорохъ вывелъ ее—изъ задумчивости, его—изъ восторженнаго забытья.

Кто-то шелъ по саду. Деревья мѣшали видѣть, кто. Шаги были мужскіе.

Дерюшетта подняла глаза.

Шаги приблизились, потомъ замерли. Незвѣстный остановился. Онъ долженъ былъ быть очень близко. Тропинка, на которой была скамейка, обанчивалась двумя купами деревьевъ. Незвѣстный остановился именно въ этомъ мѣстѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ скамейки.

Случай такъ расположилъ вѣтви деревъ, что Дерюшетта видѣла тропинку, но Жильятъ не видалъ ея.

Луна отражала на землѣ длинную тѣнь, отъ деревъ до скамейки.

Жильятъ видѣлъ эту тѣнь.

Онъ взглянулъ на Дерюшетту.

Она была очень блѣдна. На ея полуоткрытыхъ устахъ замеръ крикъ удивленія. Она полупривстала на скамейкѣ и опять опустилась на нее; казалось, что она желала убѣжать и желала остаться словно очарованная. Ея удивленіе было восторгомъ, полнымъ страха. На ея устахъ почти играла улыбка, а въ глазахъ блестяли слезы. Она какъ-бы преобразилась отъ чьего-то присутствія. Существо, которое явилось передъ нею, вѣрно не было земное. Ангельское отраженіе видѣлось въ ея взглядѣ.

Существо, бывшее для Жильята одной тѣнью, наконецъ заговорило. Изъ-за деревьевъ послышался голосъ, нѣжиѣ женскаго, но однако мужской. Жильятъ услышалъ слѣдующія слова:

— Сударыня, я васъ вижу каждое воскресенье и каждый четвергъ; мнѣ говорила, что прежде вы не посѣщали церковь такъ часто. Извините, но это общее замѣчаніе. Я никогда съ вами не го-

ворилъ, это былъ мой долгъ; сегодня я съ вами говорю—это мой долгъ. Я сначала долженъ обратиться къ вамъ. *Кашмиръ* отходить завтра. Оттого я и пришелъ. Вы ежедневно гуляете въ вашемъ саду. Нехорошо было бы съ моей стороны знать ваши привычки, еслибъ я не имѣлъ той мысли, которую имѣю. Сударыня, вы бѣдны; съ нынѣшняго утра я богатъ. Согласны ли вы быть моей женой?

Дерюшетта сложила руки, съ видомъ мольбы, взглянула на говорившаго молча, пристально, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Голосъ продолжалъ:

— Я васъ люблю. Богъ сотворилъ сердце человѣческое не для того, чтобъ оно безмолствовало. Такъ-какъ онъ общалъ вѣчность, то значить хочетъ, чтобъ человѣкъ былъ вдвоемъ. Для меня есть на землѣ жена—это вы. Я о васъ думаю, какъ о молитвѣ. Вѣра моя—Богъ, надежда—вы. Крылья, поддерживающія меня—это вы. Вы моя жизнь и мое небо.

— Сударь, отвѣчала Дерюшетта:—въ домѣ нѣтъ никого, кто бы могъ дать отвѣтъ вамъ.

Голосъ снова послышался:

— Я утѣшалъ себя этой сладкой мечтой. Богъ не запрещаетъ мечты. Вы представляетесь мнѣ моею славой. Я люблю васъ страстно. Святая невинность—это вы. Я знаю, что теперь часъ, когда всѣ спятъ, но у меня нѣтъ времени выбрать другую минуту. Помните ли вы то мѣсто въ библіи, которое намъ прочитали? Бытіе, глава двадцать-пятая. Я съ тѣхъ поръ всегда объ этомъ думаю. Я часто перечитывалъ это мѣсто. Достопочтенный Геродъ мнѣ говорилъ: вамъ надо жену богатую. Я ему отвѣчалъ: Нѣтъ, мнѣ надо жену бѣдную. Сударыня, я съ вами говорю не смѣя подойти близко, я даже могу еще попытаться, если вы не желаете, чтобъ и тѣнь моя прикасалась къ вашимъ ногамъ. Вы повелительница; вы придете ко мнѣ, если захотите. Я люблю и жду. Вы олицетворяете для меня небесное благословеніе.

— Сударь, пробормотала Дерюшетта: — я не знала, что меня такъ замѣчаютъ въ церкви по воскресеньямъ и четвергамъ.

Голосъ продолжалъ:

— Нельзя противиться вещамъ ангельскимъ. Любовь—вотъ законъ. Бракъ—это обѣтованная земля. Вы обѣтованная красота. Я преклоняюсь передъ вами.

Дерюшетта отвѣчала:

— Я не думала быть виновнице другихъ, посѣщающихъ храмъ божій.

Голосъ продолжалъ:

— Богъ внушилъ свою волю цвѣтамъ, зарѣ, веснѣ; онъ хо-

четь, чтобъ всё любили. Вы чудо красоты, въ этомъ священномъ мракѣ ночи. Вы насадили этотъ садъ и въ его благоуханіи слышатся ваше дыханіе. Сударыня, встрѣчи душъ не отъ нихъ зависать. Это не наша вина. Вы приходили, ничего болѣе; я былъ тутъ, ничего болѣе. Я ничего не дѣлалъ, какъ только чувствовалъ, что васъ люблю. Иногда мои глаза невольно смотрѣли на васъ. Я виноватъ, но что же дѣлать? Глядя на васъ, я полюбилъ васъ. Нельзя было удержаться. Есть таинственная воля, которая выше насъ. Первѣйшій изъ храмовъ—это сердце. Имѣть вашу душу въ моемъ домѣ—вотъ земной рай, котораго я жажду, согласны ли вы на это? Пока я былъ бѣденъ, я молчалъ. Я знаю ваши года. Вамъ двадцать-одинъ годъ, а мнѣ двадцать-шесть. Я завтра уѣзжаю; если вы мнѣ откажете, я болѣе не возвращусь. Будьте моей невѣстой! Согласны вы? Мои глаза, уже не разъ вопреки мнѣ, задавали вашимъ этотъ вопросъ. Я васъ люблю, отвѣчайте мнѣ. Я переговорю съ вашимъ дядей, какъ только онъ меня приметъ, но сначала я обращаюсь къ вамъ. У Ревеки слѣдуетъ просить руку Ревеки. Развѣ только, вы меня не любите.

Дерюшетта наклонила голову и произнесла шопотомъ:

— О! я его обожаю!

Это такъ тихо было сказано, что одинъ Жильяръ разслышалъ.

Она не подымала головы, какъ будто лицо, скрытое въ тѣни, скрываетъ и мысль.

Настало молчаніе. Листья на деревьяхъ не колыхались. Это была та мирная, торжественная минута, въ которую спятъ не только всё живыя существа, но и всё неодушевленные предметы—минута, въ которую ночь какъ-бы прислушивается къ біенію сердца природы. Въ этой тишинѣ слышался, какъ бы для гармоніи, восполняющей молчаніе, громадный шумъ моря.

Неизвѣстный голосъ началъ снова:

— Сударыня.

Дерюшетта вздрогнула.

Голосъ продолжалъ:

— Увы! я ожидаю.

— Чего вы ожидаете?

— Вашего отвѣта.

— Господь слышалъ его, сказала Дерюшетта.

Тогда голосъ сдѣлался почти громкимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ еще нѣжнѣе. Слова неслись изъ-за листьевъ какъ изъ неопалимой купины.

— Ты моя невѣста. Встань, и приди ко мнѣ. Пусть звѣзды на голубомъ сводѣ видятъ, какъ твоя душа принимаетъ мою душу, и да сольется нашъ первый поцалуй съ твердью небесною!

Дерюшетта встала и съ минуту осталась недвижима, вперивъ куда-то взоръ, вѣроятно, въ другой взоръ. Потомъ, медленными шагами, высоко держа голову, опустивъ руки, она направилась къ деревьямъ и скрылась въ зеленой листвѣ.

Минуту спустя, вмѣсто одной тѣни на песокъ, ихъ появилось двѣ; онѣ сливались одна съ другою, и Жильятъ видѣлъ у своихъ ногъ, какъ обнимались эти двѣ тѣни.

Время бѣжить отъ насъ неудовимо, и мы не ощущаемъ этой быстроты, особенно въ нѣкоторыя важныя минуты нашей жизни. Долго ли оставались въ этомъ положеніи, съ одной стороны—эта чета, которая не подозрѣвала свидѣтеля своего блаженства и не видала его, съ другой стороны—этотъ свидѣтель, который не видалъ этой четы, но зналъ, что она тутъ—невозможно сказать. Вдругъ раздался вдали шумъ, какой-то голосъ кричалъ: караулъ! и зазвонили въ портовый колоколъ. Эту тревогу, вѣроятно, не слышали счастливыя сердца, опьяненные небеснымъ блаженствомъ.

Колоколъ продолжалъ звонить.

Еслибъ теперь кто-нибудь вздумалъ искать Жильята за выдающимся угломъ стѣны, то, конечно, его тамъ не нашелъ бы.

КНИГА ВТОРАЯ.

ДЕСНОТИЗМЪ БЛАГОДАРНОСТИ.

I.

Радость, окруженная горемъ.

Месь Летьерри бѣшено звонилъ въ колоколъ. Вдругъ онъ остановился. Кто-то завернулъ за уголъ набережной. Это былъ Жильятъ.

Месь Летьерри побѣжалъ къ нему, или вѣрнѣе, бросился на него, схватилъ его за руку, сжалъ ее въ своихъ рукахъ и съ минуту смотрѣлъ молча ему въ глаза; молчаніе это было одно изъ тѣхъ молчаній, которыя не что иное, какъ вспышка, незнающая исхода.

Потомъ съ яростью потрясалъ и дергая, и сжимая его въ объятіяхъ, онъ втащилъ Жильята въ залу Бравэ. Толкнувъ ногой дверь, которая однако осталась полуоткрытой, онъ опустился на стулъ у большого стола, освѣщеннаго луной, и заговорилъ голосомъ, въ которомъ слышались и хохотъ и рыданія:

— Ахъ! снѣгъ мой! Музыкантъ, волынщикъ! Жильятъ! Я зналъ, что это ты! Вотъ, чортъ возьми! Расскажи мнѣ все

это! Ты-таки отправился? Сто лѣтъ тому назадъ, тебя бы сожгли. Это колдовство. Вѣдь все цѣло до послѣдняго винта. Я уже все осмотрѣлъ, все призналъ, все изслѣдовалъ. Я догадываюсь, что колеса въ двухъ ящикахъ. Такъ вотъ же ты наконецъ! Я тебя сейчасъ искалъ въ твоей каютѣ. Я звонилъ въ колоколь. Я тебя искалъ. Я говорилъ себѣ: гдѣ же онъ, а его съѣмъ отъ радости! Бываютъ же на свѣтѣ необыкновенныя вещи. Этотъ звѣрь возвратился съ утеса Дувръ. Онъ мнѣ возвратилъ жизнь. Чортъ возьми! Ты ангелъ. Да, да, да, это моя машина. Никто этому не повѣритъ. Увидать, скажутъ: это неправда. И все цѣло, да! Все цѣло! Ничего не пострадало. Насось даже не сдвинулся съ мѣста. Непостижимо, какъ это не случилось никакой порчи. Стоитъ только ее смазать. И все готово. Но какъ ты это сдѣлалъ? И подумать, что Дуранда опять пойдетъ! Деревянная часть колесъ снята, какъ-бы ювелиромъ. Дай мнѣ честное слово, что я не сошелъ съ ума.

Онъ вскочилъ, выпрямился, перевелъ дыханіе и снова продолжалъ:

— Поклянись. Какая перемѣна! Я удараю себя и чувствую, что я не во снѣ. Ты мое дитя! ты мой сынъ, ты мой спаситель. Ахъ! сынъ мой! Ты отправился за этой подлой машиной! Въ открытое море! На этотъ страшный рифъ. Я видѣлъ въ свою жизнь много ловкихъ штукъ, но подобнаго ничего не видывалъ. Я видѣлъ парижанъ, вотъ настоящіе черти. Но и они бы этого не сдѣлали. Это хуже Бастиліи. Я видѣлъ, какъ пашутъ въ пампасахъ; у туземцевъ вмѣсто сохи согнута древесная вѣтка, а вмѣсто бороны—пучокъ терновника, перевязанный кожаной веревкой, а зерна ржи выходятъ въ величину орѣха. Но въ сравненіи съ тобой, все это пустяки. Ты сдѣлалъ чудо, да, настоящее чудо. Ахъ ты плутъ этакой! Бросайся же мнѣ на шею. Тебѣ вся страна будетъ обязана всѣмъ счастьемъ. То-то заговорять въ Сен-Сансонѣ! Я сейчасъ примусь за передѣлку. Удивительно, что шатунъ ничуть не попорченъ. Господа, онъ былъ въ Дуврахъ. Я говорю: Дувры. Онъ ходилъ туда одинъ. Дувры—это камешекъ, хуже котораго нѣтъ на свѣтѣ. Ты знаешь ли, говорили ли тебѣ? Это доказано, что все было сдѣлано нарочно, Клюбень потопилъ Дуранду, чтобъ украсть деньги, которыми онъ долженъ былъ мнѣ отдать. Онъ наполнилъ Тонгрула. Это длинная исторія, въ другой разъ я тебѣ расскажу эту подлость. Я-то, дуракъ, имѣлъ полное довѣріе въ Клубену. Но онъ самъ вѣрно попался, мошенникъ, гдѣ ему было выбраться. Есть же Богъ, чортъ возьми! Видишь ли, Жильяръ, мы тотчасъ примемся за дѣло и перестроимъ Дуранду. Мы ее удлиннимъ футовъ на двадцать. Теперь

дѣлаютъ суда длиннѣе. Я куплю лѣсу въ Данцигѣ и Бременѣ. Теперь, какъ у меня опять машина, мнѣ повѣрять и въ этомъ. Довѣріе возвратится.

Месь Летьерри остановился и поднялъ глаза; взглядъ этотъ былъ одинъ изъ тѣхъ взглядовъ, который видитъ небо сквозь потолокъ. Да, *Омъ* есть, пробормоталъ старикъ сквозь зубы.

Потомъ онъ положилъ средній палецъ правой руки между бровями, упирая ногтемъ въ переносицу, что означаетъ появленіе какого нибудь плана въ мозгу, и продолжалъ:

— Однако, чтобъ все передѣлать на большую руку, немного наличныхъ денегъ было бы мнѣ очень кстати. Ахъ! еслибъ у меня были мои три банковые билета, мои семьдесятъ-пять тысячъ франковъ, которые разбойникъ Рантенъ мнѣ отдалъ, а разбойникъ Клюбенъ укралъ!

Жильягъ, молча, сунулъ руку въ карманъ, и доставъ что-то, положилъ передъ собою. Это былъ кожаный поясъ, который онъ привезъ со дна морскаго. Онъ развернулъ и растанулъ на столѣ этотъ поясъ, внутри котораго, при яркомъ лунномъ свѣтѣ, видѣлась надпись: *Клюбенъ*; изъ карманка пояса онъ вынулъ ящичекъ, а изъ ящичка три сложенные бумажки, которыя развернулъ и подаль месу Летьерри.

Месь Летьерри внимательно рассмотрѣлъ эти три бумажки. Было довольно свѣтло, чтобъ цифра 1000 и слово тысяча были явственно видны. Месь Летьерри взялъ три билета, положилъ ихъ рядомъ, одинъ подлѣ другого, посмотрѣлъ на нихъ, посмотрѣлъ на Жильяга и съ минуту стоялъ какъ ошеломленный; потомъ вдругъ заговорилъ. Это было словно изверженіе волкана послѣ взрыва пороховой мины.

— И это тоже! Ты колдунъ! Мои банковые билеты! всѣ три! по тысячѣ каждый! мои семьдесятъ-пять тысячъ франковъ. Такъ ты ходилъ за ними въ адъ. Это поясъ Клюбена. Чортъ возьми! Я читаю на немъ его подлое имя. Жильягъ привезъ машину и сверхъ того, еще деньги! Это стоитъ публиковать въ газетахъ! Я куплю лѣсъ перваго сорта. Я догадываюсь, ты вѣрно отыскалъ сгнившій трупъ Клюбена въ какой нибудь пещерѣ. Мы купимъ сосновый лѣсъ въ Данцигѣ, а дубъ въ Бременѣ; мы сдѣлаемъ хорошую обшивку: дубъ внутри, а сосна снаружи. Въ старину строили корабли не такъ хорошо, но они были прочнѣе, потому что лѣсъ былъ лучше, и его такъ не востребляли. Мы, можетъ быть, еще сдѣлаемъ кузовъ изъ вяза. Вязъ хорошъ для подводныхъ частей, но быть то сухому, то въ водѣ, ему не годится: вязъ требуетъ всегда сырости, онъ питается водою. Ужъ какую же мы смастеримъ Дуранду. Чудо! Мнѣ не будутъ пред-

писывать условія. Я теперь не нуждаюсь въ кредитѣ. У меня есть копейка. Видывалъ ли кто такого Жильята! Я былъ уничтоженъ, затоптанъ, убитъ. Онъ меня поднялъ на всѣ четыре ноги! А-я то совсѣмъ и забылъ о немъ! Онъ у меня вышелъ изъ головы. Теперь я все понимаю. Бѣдникъ! Ахъ! да, ты знаешь, вѣдь ты женишься на Дерюшеттѣ.

Жильятъ прислонился къ стѣнѣ, какъ человѣкъ, у котораго подкосились ноги, и очень тихо, но внятно произнесъ:

— Нѣтъ.

Месь Летьерри вскочилъ отъ изумленія.

— Какъ нѣтъ?

Жильятъ отвѣчалъ:

— Я ее не люблю.

Месь Летьерри пошелъ послѣднѣе къ окну, открылъ его, потомъ снова закрылъ, возвратился къ столу, взялъ банковые билеты, сложилъ ихъ, поставилъ на нихъ желѣзный ящичекъ, почесалъ у себя въ затылкѣ, и схвативъ поясъ Клюбена, съ яростью пустилъ имъ въ стѣну.

— Тутъ чтонибудь да есть! воскликнулъ онъ.

Онъ засунулъ руки въ карманы и продолжалъ:

— Ты не любишь Дерюшетту! Такъ ты для меня, что ли, игралъ на волынѣ?

Жильятъ, все еще прислоненный къ стѣнѣ, поблѣднѣлъ, какъ человѣкъ, который тотчасъ перестанетъ дышать. По мѣрѣ того, какъ онъ блѣднѣлъ, месь Летьерри краснѣлъ.

— Вотъ дуракъ-то! онъ не любитъ Дерюшетту! Ну, дѣлай, какъ знаешь, а ты долженъ ее полюбить, потому что ей не бывать за другимъ. Что за чортову сказку ты выдумалъ! Но не надѣйся, чтобъ я тебѣ повѣрилъ! Если ты боленъ, то пошли за лекаремъ, но не говори вздора. Вѣдь не могъ же ты съ ней ужъ поссориться. Но впрочемъ влюбленные—такіе олухи. Посмотримъ, какія у тебя на это причины? Если есть, то говори. Безъ причинъ нельзя же такъ поступать. Но у меня вата въ ушахъ, я, можетъ, плохо разслыхалъ, повтори-ка еще, что ты сказалъ.

Жильятъ возражалъ:

— Я сказалъ: нѣтъ.

— Ты сказалъ: нѣтъ. Еще повторяетъ, скотина; съ тобой чтонибудь неладно, это вѣрно! Ты сказалъ: нѣтъ! Вотъ тупоуміе, переходящее границы извѣстнаго міра. Несчастливымъ льютъ на голову холодную воду, за гораздо меньшія глупости. Такъ ты не любишь Дерюшетту! Такъ значитъ, то, что ты сдѣлалъ, ты сдѣлалъ изъ любви къ старику. И ты ради прекрасныхъ глазъ старика ходилъ въ Дувры, переносилъ холодъ, жаръ, умиралъ съ голоду и жажды,

питался гадинами, спалъ подъ туманомъ, на дождѣ и вѣтрѣ и вообще возвратилъ мнѣ мою машину, какъ возвращаютъ хорошенькой женщинѣ ея улетѣвшаго чиха! А буря-то три дня тому назадъ! Ты не думай, чтобъ я этого не понималъ. Потрясло тебя знатно! Такъ ты тесалъ, рубилъ, долбилъ, винтилъ, стругалъ, пилилъ — однимъ словомъ надѣлалъ столько чудесъ, думая о моей старой рожѣ. Ахъ! безмозглый дуракъ! Однакожъ, ты мнѣ страшно надоѣдалъ своей волынкой. Все одинъ и тотъ же напѣвъ, животное! Ахъ, ты не любишь Дерюшетту! Я не понимаю, чтó съ тобой. Я вѣдь все хорошо помню: я сидѣлъ тутъ въ углу, Дерюшетта сказала: я за него выйду замужъ. И она за тебя выйдеть! А! ты ее не любишь! Ну, какъ ни думаю, ничего не понимаю. Или ты сумасшедшій, или я. И онъ еще молчить. Да ты знаешь ли, что нельзя сдѣлать всего того, чтó ты сдѣлалъ, и потомъ сказать: Я не люблю Дерюшетту. Услугу оказываютъ людямъ не для того только, чтобъ ихъ бѣсить. Ну, если ты на ней не женишься, она будетъ христовой невѣстой. Слышишь. Прежде всего, ты мнѣ нуженъ. Ты будешь кормчій Дуранды. Не думай, чтобъ я тебя выпустилъ изъ рукъ! Та, та, та, нѣтъ, сердечный, не отдѣлаешься. Теперь ты мой. Я тебя и слушать не стану. Гдѣ найти такого моряка. Ты мой! Да говори же чтонибудь!

Однакожъ колоколь поднялъ весь домъ и всѣхъ сосѣдей. Дусъ и Грація, вскочивъ съ постели, вбѣжали въ комнату и остановились на порогѣ, удивленные, безмолвные; Грація держала въ рукахъ свѣчу. Между тѣмъ сосѣди, мѣщане, матросы и крестьяне сбѣжались на набережную, и съ ужасомъ и изумленіемъ смотрѣли на трубу Дуранды, торчавшую изъ бота. Нѣкоторые, услышавъ голосъ месь Летьерри въ залѣ, стали молча пробираться въ полуоткрытую дверь. Между двумя головами кумушекъ проглядывало лицо сьера Ландуа, которому всегда удавалось быть тамъ, гдѣ онъ сожалѣлъ бы не быть.

Большія радости не чуждаются свидѣтелей. Подпора хотя и не совсѣмъ устойчивая, которую представляетъ толпа, имъ нравится; они черпаютъ въ ней какъ-бы новую силу. Месь Летьерри вдругъ замѣтилъ, что онъ окруженъ людьми. Онъ тотчасъ обратился въ нимъ съ рѣчью.

— Ага! вотъ и вы. Очень кстати. Вы знаете новость. Этотъ человекъ былъ тамъ и привезъ вонъ то. Здравствуйте, сьеръ Ландуа. Я только что просыпаюсь, вдругъ вижу трубу; подъ самымъ окномъ. Все въ цѣлости, до послѣдняго гвоздя. Дѣлаютъ портреты Наполеона; а я это предпочитаю аустерлицкому сраженію. Васъ подвiali съ постели, добрые люди. Дуранда явилась пока вы спали.

Вы надѣваете колпаки и тушите свѣчи, а есть на свѣтѣ и герон. Всѣ мы подлецы, тунеядцы, грѣемъ у огня свои ревматизмы, но по счастью это не мѣшаетъ существовать и сумасшедшимъ. Эти сумасшедшіе идутъ куда надо идти, и дѣлаютъ то, что надо дѣлать. Человѣкъ изъ Бю-де-ла Рю воротился съ утеса Дуврѣ. Онъ выудилъ Дуранду со дна морскаго, а деньги изъ кармана Клюбена, изъ пропасти еще глубже моря. Но какъ ты сладилъ? Все было противъ тебя, вѣтеръ и море, море и вѣтеръ. Ты въ правду колдунъ. Вѣдь тѣ, кто это говорятъ, не совсѣмъ же дураки. Дуранда возвратилась! Какъ бы бури ни были свирѣпы, она ихъ не боится. Друзья мои, я вамъ объявляю, что нѣтъ болѣе кораблекрушеній. Я осмотрѣлъ машину. Она какъ новая, вся цѣла! Золотники работаютъ на славу. Точно все съ иглочки. Вамъ извѣстно, что вода выходитъ изъ машины въ одну трубу, которая помѣщается внутри другой трубы, приводящей воду; ну, такъ обѣ трубы цѣлы. Вся машина! Колеса, то же самое. Нѣтъ, ты на ней женишься!

— На комъ? на машинѣ-то? спросилъ съеръ Ландуа.

— Нѣтъ, на дочери. Да, на машинѣ. На обѣихъ вмѣстѣ. Онъ будетъ вдвойнѣ моимъ зятемъ. Онъ будетъ капитанъ. Да здравствуетъ капитанъ Жильятъ. Задастъ же себя знать Дуранда! Пойдутъ дѣла, торговля, нагрузки воловъ и барановъ! Я не промѣняю Сен-Сансона на Лондонъ. И вотъ виновникъ всего этого. Я вамъ говорю, это событіе; въ субботу всѣ будутъ читать это въ газетѣ. Жильятъ чудесникъ, дѣйствительно чудесникъ. Но чтѣ это тутъ за золотне?

Месь Летьерри только что замѣтилъ, сквозъ щель крышки, что въ ящичкѣ, стоявшемъ на банковыхъ билетахъ, лежали золотне. Онъ взялъ ящичекъ, открылъ его, опрокинулъ себѣ на ладонь, и положилъ горсть гиней на столъ.

— На бѣдныхъ. Съеръ Ландуа, отдайте эти деньги отъ меня сен-сансонскому констаблю. Вамъ извѣстно письмо Рантена? Я вамъ его показывалъ; ну, вотъ я и получилъ банковые билеты. Будетъ на что вунить и дуба и сосны. Но погодите. Помните вы, какая погода была третьяго-дня? Какая свалка вѣтра и дождя! Небо палило изъ пушекъ. Жильятъ все это вынесъ въ Дуврахъ. И это ему не помѣшало снять обломокъ корабля съ рифа, какъ я снимаю часы со стѣны. По его милости а снова человѣкъ. Галеотъ Летьерри снова начнетъ свою дѣятельность, милостивые государи и милостивыя государыни. Орѣховая скорлупа съ двумя колесами и трубой—я всегда былъ помѣшанъ на этой выдумкѣ. Я всегда говорилъ себѣ: я сдѣлаю такую штуку. Это мысль старинная; она зародилась въ моей головѣ въ

Парижѣ въ трактирѣ, на углу улицъ Христины и Дофины, когда я читалъ объ этомъ въ газетахъ. Знаете ли, что Жильятъ бы не задумался положить въ свой карманъ водоемную машину Марли и пойти съ ней гулять? Этотъ человѣкъ — кованое желѣзо, закаленная сталь, алмазъ, морякъ, вакихъ мало, безпримѣрный молодецъ, удивительнѣе даже самаго принца Гогенлое. Это, что я называю, умный человѣкъ. Мы всѣ гроша не стоимъ. Морскіе волки—это вы, это я, это мы; но левъ морской—вотъ онъ. Ура, Жильятъ! Я не знаю, какъ онъ взялся за дѣло, но конечно онъ самъ чортъ, никому другому съ этимъ бы не совладать. Какъ же мнѣ послѣ этого не отдать за него Дерюшетту!

Между тѣмъ, уже въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ Дерюшетта находилась въ залѣ. Она вошла тихо, молча, словно привидѣніе. Почти никѣмъ незамѣченная, она сѣла на стулъ позади месь Летьерри, который на радостяхъ размахивалъ руками, кричалъ, шумѣлъ, болталъ безъ умолку. Немного послѣ нея явилось другое, столь же безмолвное привидѣніе. Мужчина весь въ черномъ, въ бѣломъ галстухѣ, со шляпой въ рукѣ, остановился на порогѣ растворенной двери. Теперь уже въ постепенно возраставшей кучкѣ людей показались свѣчи, онѣ освѣщали съ одной стороны человѣка въ черномъ, его профиль прелестной юношеской бѣлизны выступалъ на темномъ фонѣ съ рѣзкостью медальона; онъ опирался локтемъ на дверной косякъ, а лобъ закрывалъ лѣвой ладонью, поза бессознательно граціознаа, въ которой маленькая рука особенно выставляла на видъ величину лба. Въ его сжатыхъ губахъ проглядывало безпокойство. Онъ во все всматривался и вслушивался съ глубокимъ вниманіемъ. Присутствующіе, узнавъ въ немъ достопочтеннаго Эбenezера Кодрэ, раздвинулись—было, чтобъ дать ему пройти, но онъ предпочелъ остаться у порога. Во всей фигурѣ его видѣлось какое-то недоумѣніе, какое-то колебаніе, но во взглядѣ свѣтилась твердая рѣшимость. Этотъ взглядъ повременамъ встрѣчался со взглядомъ Дерюшетты. Между тѣмъ Жильятъ, случайно, или нарочно, стоялъ въ тѣни такъ, что его видно было очень неясно.

Месь Летьерри сначала не примѣтилъ пастора, но увидалъ Дерюшетту. Онъ подошелъ къ ней, поцаловалъ ее въ лобъ такъ пламенно, какъ только можно поцаловать въ лобъ. Потомъ онъ протянулъ руку по направленію, гдѣ въ темномъ углу стоялъ Жильятъ.

— Дерюшетта, сказалъ онъ: — ты опять богата, и вотъ твой мужъ.

Дерюшетта подняла голову съ недоумѣніемъ и почти бессознательно взглянула въ темный уголъ.

Месь Летьерри продолжалъ:

— Свадьба будетъ сейчасъ, завтра, если возможно, позволеніе недолго получить, вѣдь здѣсь формальности небольшія, деканъ дѣлаетъ, что хочетъ, и не опомнишься, какъ ужъ и обвинчаютъ, не такъ, какъ во Франціи, гдѣ надо оспаривать, публиковать, выждать и тому подобная чортовщина. Тебѣ можно будетъ гордиться, что ты жена молодца; нечего сказать, это настоящій морякъ, я поналя это съ того дня, какъ онъ воротился съ пушкой изъ Герма. Теперь онъ воротился съ Дувровъ, и принесъ счастье себѣ, мнѣ и всей странѣ; это человѣкъ, о которомъ будетъ говорить весь свѣтъ. Ты сказала: я за него выйду замужъ—и ты за него выйдешь: и у васъ будутъ дѣти, и я буду дѣдъ. Да, тебѣ выпало на долю быть женой славнаго молодца, который умѣетъ работать и приносить пользу; онъ просто чудо, онъ стоитъ сотню обыкновенныхъ людей, онъ спасъ изобрѣтеніе, онъ наше провидѣніе. И потомъ ты не выйдешь, какъ всѣ здѣшнія богатые дѣвушки, за солдата или священника, то-есть за убійцу или обманщика. Да что-жь ты дѣлаешь, тамъ въ углу, Жильятъ? Тебя не видно. Дусъ! Грація! всѣ, огня. Освѣтите мнѣ моего зятя, а giogno. Я васъ обручаю, дѣти мои. Вотъ твой мужъ, Дерюшетта, вотъ мой зять, это Жильятъ изъ Бю-де-ла-Рю, добрый малый, великій морякъ. Я еще разъ даю честное слово Богу, что у меня не будетъ другого зятя, а у тебя не будетъ другого мужа, какъ онъ. Ахъ! это вы, господинъ пасторъ, вы мнѣ обвинчаете этихъ молодыхъ людей, прибавилъ месь Летьерри, неожиданно завидѣвъ достопочтеннаго Эбenezера.

Между тѣмъ, Дусъ и Грація исполнили привязаніе Летьерри. Двѣ свѣчи, поставленныя на столъ, освѣтили Жильята съ головы до ногъ.

— Какъ онъ хорошъ! воскликнулъ Летьерри.

Жильятъ былъ отвратителенъ.

Онъ былъ такимъ, какимъ онъ вышелъ въ то утро въ Дувр-скаго рифа, въ лохмотьяхъ, съ голыми локтями, съ отросшей бородой, волосы у него были взъерошены, глаза красные, лицо оцарапанное, кулаки окровавлены, ноги босня. На мохнатыхъ рукахъ его еще видѣлись волдыри отъ каракатицы.

Летьерри имъ любовался.

— Это мой настоящій зять. Какъ онъ боролся съ моремъ! Онъ весь въ лохмотьяхъ! Чтѣ за плечи! чтѣ за лапы! Какъ ты хорошъ!

Въ эту минуту Грація подбѣжала къ Дерюшеттѣ и поддержала ей голову. Дерюшетта упала въ обморокъ.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Притязанія Франціи на прирейнскія области.—Результаты нынѣшней войны.—
Политика Пруссіи въ Германіи.—Положеніе дѣлъ въ Италіи.—Римскій вопросъ.—
Открытіе прусскихъ палатъ.—Реформистское движеніе въ Англіи.

Никольбургская конвенція, опредѣлившая въ общихъ чертахъ будущее положеніе Австріи, заключеніе перемирія между Австріей и Италіей, а также между Пруссіей и бывшими противъ нея германскими государствами, казалось, предвѣщали скорый всеобщій миръ. Но подобныя надежды осуществляются теперь рѣдко, такъ-какъ въ настоящемъ политическомъ устройствѣ Европы интересы первенствующихъ державъ запутаны до такой степени, что разрѣшеніе одного вопроса вызываетъ за собою другіе вопросы. Такъ, Франція, неожиданная, конечно, быстрыхъ и громаднхъ успѣховъ Пруссіи, не хочетъ остаться равнодушной зрительницею усиленія такой державы, въ которой она видитъ опасную для себя соперницу. Императоръ Наполеонъ, очевидно, ошибся въ своихъ расчетахъ. Онъ могъ предполагать, что при равныхъ почти силахъ Австріи и Пруссіи, имъ придется вести нерѣшительную борьбу, такъ что перевѣсъ не склонится окончательно ни на ту, ни на другую сторону. Такой ходъ дѣлъ казался самымъ благоприятнымъ для тюльрийскаго кабинета, который могъ бы при этомъ воспользоваться ослабленіемъ обѣихъ враждующихъ между собою сторонъ и господствовать надъ политическими интересами Европы. Война дала, однако, другіе результаты. Пруссія заняла первое мѣсто въ ряду европейскихъ державъ и не напомнить о томъ, что существуетъ Франція, считающая себя рѣшительницею ея судебъ, было бы нарушеніемъ той системы политическаго преобладанія, въ которой постоянно стремился нынѣшній государь Франціи. Вѣрный этой системѣ тюльрийскій кабинетъ завязываетъ теперь свои притязанія на часть германской территоріи. Подобное притязаніе, въ дни необыкновеннаго торжества Пруссіи, должно лучше всего показать Европѣ, что Франція не утратила прежней увѣренности въ своемъ преобладаніи,

Т. СLXVII. — Отд. II.

и что она готова помѣриться своими силами съ побѣдоносной прусской арміей.

Впрочемъ, нѣкоторыя газеты отвергають справедливость такого заявленія, утверждая, что между Франціей и Пруссіей сохраняются самыя дружественныя отношенія; но если это и дѣйствительно такъ, то все сущность дѣла измѣняется весьма мало. Еще до начала войны между Австріей и Пруссіей, въ Европѣ распространилось убѣжденіе, что между Франціей и Пруссіей состоялась негласная сдѣлка, цѣлью которой было, въ случаѣ успѣха Пруссіи, удовлетворить завѣтныя стремленія императора Наполеона на счетъ прирейнскихъ границъ Франціи. Ходъ событій все болѣе и болѣе подрѣплялъ такое убѣжденіе. По увѣреніямъ нѣкоторыхъ газетъ, настоящія притязанія Франціи на лѣвый берегъ Рейна—ничего болѣе, какъ только дипломатическая демонстрація, клонящаяся къ тому, чтобъ облегчить берлинскому кабинету уступку прирейнскихъ областей въ пользу Франціи. Сдѣлать такую уступку безъ настоятельныхъ требованій со стороны Наполеона было бы чрезвычайно странно и неумѣстно. Вслѣдствіе этого, Пруссія потеряла бы въ Германіи всякую популярность. Въ виду же рѣшительныхъ притязаній Франціи на лѣвый берегъ Рейна, королю Вильгельму представляются два болѣе благопріятныхъ исхода: или Германія приметъ эту уступку спокойно, какъ неизбежное средство для того, чтобъ отклонить войну между Франціей и Германіей, или, напротивъ, Германія потребуетъ энергической защиты нѣмецкой территоріи, угрожаемой французскимъ господствомъ, и станетъ съ этою патриотическою цѣлью подъ прусскія знамена. Въ первомъ случаѣ, король Вильгельмъ можетъ спокойно удовлетворить притязаніямъ Франціи, не вызвавъ этимъ всеобщаго неудовольствія въ Германіи. Въ другомъ онъ будетъ поддержанъ всей Германіей, и тогда борьба съ Франціей не будетъ представлять для Пруссіи такой опасности, какая ожидаетъ ее, еслибы началась у ней война съ Франціей только за собственные интересы Пруссіи, а не за интересы цѣлой Германіи.

До какой бы, однако, степени ни была приучена Европа къ дипломатическому лицемѣрью, трудно предположить, что передъ нею разыгрывается такая комедія, тѣмъ болѣе, что между императоромъ Наполеономъ и графомъ Бисмаркомъ не было никогда такихъ близкихъ и искреннихъ соглашеній, которыя могли бы имъ позволить войти въ подобную сдѣлку. По всей вѣроятности, настоящія требованія Франціи возникаютъ самостоятельно, помимо всякихъ предварительныхъ условій на счетъ уступки прирейнскихъ областей. Приведенныя выше догадки опровергаются извѣстіемъ объ отказѣ графа Бисмарка исполнить желаніе императора Наполеона. Трудно допустить, чтобы когда нибудь, а тѣмъ болѣе при настоящихъ обстоятельствахъ императоръ Наполеонъ встрѣтилъ въ Берлинѣ ту податливость, какую привыкъ онъ встрѣчать въ Туринѣ и во Флоренціи.

Но кромѣ этого, положеніе дѣлъ въ Европѣ усложняется опять и потому еще, что въ переговорахъ между Австріей и Пруссіей, начатыхъ на основаніяхъ, поставленныхъ въ вильсбургской конвенціи, возникли нѣкоторыя недоразумѣнія. Теперь мирные переговоры не подвигаются впередъ такъ быстро, какъ шли они въ первые дни послѣ заключенія вильсбургской конвенціи. Обстоятельство это очень понятно, если сообразить, что упомянутая конвенція была дѣломъ слишкомъ послѣднимъ. Австріи нельзя не раскayваться въ томъ, что она слишкомъ легко отрелась отъ своихъ вѣковыхъ связей съ Германіей, и она невольно должна помышлять о томъ, чтобъ возвратить себѣ утраченное ею положеніе какъ одной изъ первенствующихъ германскихъ державъ. Безъ всякаго сомнѣнія, возникающія теперь несогласія между Пруссіей и Франціей должны вліять на образъ дѣйствій вѣнскаго кабинета и внушать ему выжидательную политику.

Вникая въ ходъ послѣднихъ событій, нельзя не признать, что Франція могла разсчитывать на готовность Пруссіи касательно уступки прирейнскихъ областей. Нейтралитетъ Франціи дозволил Пруссіи дѣйствовать противъ Австріи и южно-германскихъ государствъ съ полнымъ рѣшимостію. Союзъ Италіи съ Пруссіей, хотя и не совсѣмъ пріятный для Франціи, могъ однако состояться не иначе, какъ только съ согласія послѣдней. Хотя рѣшительный ударъ Австріи и нанесенъ только со стороны Пруссіи, тѣмъ не менѣе Италія значительно содѣйствовала успѣхамъ пруссаковъ. Итальянцы отвлекли ста-пятидесятитысячную австрійскую армію, которая появленіемъ своимъ на Эльбѣ могла бы дать совершенно иной оборотъ всему ходу войны. Такимъ образомъ, императоръ Наполеонъ вправѣ полагать, что онъ косвенно содѣйствовалъ успѣхамъ Пруссіи, а потому и можетъ требовать отъ нея, какъ выраженія ея благодарности, нѣкоторыхъ территоріальныхъ уступокъ.

Къ чему же, однако, привела Европу настоящая война? Вотъ вопросъ, на которомъ приходится теперь остановиться. По всей вѣроятности, мы не ошибемся, если отвѣтимъ на это, что главнѣйшій результатъ прекратившейся, но, быть можетъ, неоконченной еще войны состоитъ въ уменьшеніи вліянія Франціи на политическія дѣла Европы. Какъ въ прежнее время соперницей Франціи была Австрія, такъ теперь будетъ ею Пруссія и, безъ всякаго сомнѣнія, соперничество это сдѣлается для Франціи болѣе чувствительно. При Наполеонѣ I, съ паденіемъ римско-нѣмецкой имперіи, значительно ослабѣло могущество габсбургскаго дома, господствовавшаго надъ Германіей, и вслѣдствіе того усилилось вліяніе Франціи. При Наполеонѣ III, габсбургамъ пришлось окончательно отказаться отъ главенства среди германскихъ державъ, но за то такое главенство переходитъ къ гогенцоллернамъ,

которые сами по себѣ могущественнѣе габсбургевъ. Такимъ образомъ, измѣнились только дѣйствующія лица, но не занимаемое ими положеніе въ Европѣ. Габсбургевъ замѣнили гогенцоллерны, и если послѣдніе упрочатъ окончательно свое вліяніе надъ Германіей, то Франція въ политикѣ берлинскаго кабинета будетъ встрѣчать болѣе энергическій отпоръ, нежели тотъ, какой встрѣчала она въ послѣднее время со стороны вѣнскаго кабинета, державшагося преимущественно традицій, отжившихъ свое время и недѣйствовавшего противъ могущества Франціи ея собственнымъ оружіемъ.

Что касается судьбы Германіи, то въ этомъ отношеніи настоящая война привела къ весьма важнымъ результатамъ. Прусія, ставшая теперь во главѣ Германіи, смотритъ на переустройство ея какъ на домашнее дѣло, а не какъ на международный вопросъ. Прямымъ послѣдствіемъ такого взгляда должны быть усилія Пруссіи къ отстраненію всякаго посторонняго вмѣшательства въ германскія дѣла, а слѣдовательно, и отказъ отъ обсужденія ихъ на обще-европейскомъ конгрессѣ. Положеніе Пруссіи въ Германіи должно обусловиться двумя фактами: территоріальнымъ распространеніемъ ея собственныхъ владѣній въ предѣлахъ бывшаго Германскаго Союза, и ея политическимъ вліяніемъ какъ на государства, вступающія въ сѣверный союзъ, такъ и на тѣ государства, изъ которыхъ будетъ составленъ союзъ южный.

Требованія территоріальныхъ вознагражденій Пруссіей теперь сдѣлались извѣстны. Послѣ осуществленія предположеній, завлеченныхъ нынѣ Пруссіей, она должна будетъ увеличиться пяти-миллионнымъ населеніемъ. Приращеніе весьма значительное, не только въ территоріальномъ, но и въ военномъ отношеніи, такъ какъ, при господствующей въ Пруссіи военной организаціи, такое приращеніе народонаселенія увеличитъ и боевыя силы Пруссіи почти на 200,000 человекъ. Военное могущество Пруссіи должно будетъ составить основу ея политическаго величія. Завоевательному праву Прусія начинаетъ придавать огромное значеніе, считая это право источникомъ постояннаго и законнаго обладанія, даже и въ такомъ случаѣ, когда мирные трактаты и не утвердили бы окончательно за нею территоріальныхъ приобрѣтеній, добытыхъ силою ея оружія. Нельзя не остановиться на томъ, какимъ образомъ officialный органъ прусскаго правительства, газета «Staats-Anzeiger», развивающій юридическое право Пруссіи на мѣстности, занимаемыя ея арміей.

Восхваляя дѣйствія Пруссіи въ столкновеніяхъ ея съ Австріей, упомянутая газета замѣчаетъ, что европейское народное право признаетъ только два способа окончанія войны, а именно: во-первыхъ, посредствомъ заключенія мира, и во вторыхъ, посредствомъ полной побѣды надъ непріателемъ. Въ виду такихъ соображеній оказывается, что въ отношеніи къ Австріи война можетъ быть окончена не иначе, какъ торжественнымъ государственнымъ договоромъ о заключеніи мира, такъ-какъ за ав-

стрийскимъ императоромъ осталась верховная власть, и власть эта противостоитъ побѣдоносной Пруссіи. Поэтому, лишь въ силу сдѣланной австрійскимъ императоромъ уступки, занятія прусскими войсками области Австрійской Имперіи могутъ поступить сообразно съ народнымъ правомъ во владѣніе Пруссіи. То же, по ученію прусской дипломатіи, должно сказать и въ отношеніи къ Баваріи, такъ-какъ король баварскій остается до сихъ поръ дѣйствительнымъ государемъ и пользуется верховными правами.

Что же касается другихъ германскихъ государствъ, то прусская дипломатія примѣняетъ къ нимъ другіе принципы. Она находитъ, что заключеніе съ ними мира ненужно и даже невозможно, потому что принадлежащія имъ области всѣ завоеваны Пруссіею, такъ-что въ нихъ уже не существуетъ государственной власти, съ которою можно было бы договариваться о мирѣ. По ученію прусской дипломатіи, государь, лишившійся всѣхъ владѣній, вообще считается не настоящимъ монархомъ, а частнымъ человекомъ, за которымъ только изъ учтивости оставляется его прежнія права, безъ дѣйствительнаго пользованія ими.

Но трудно понять, къ чему должно повести такое ученіе, въ примѣненіи его къ Германіи, въ которой отдѣльныя государства такъ незначительны, что ихъ легко занять даже небольшою арміею. Въ силу этого, прусская корона, на основаніи права войны, можетъ, безъ всякихъ договоровъ, оставлять за собою навсегда всѣ, исполнѣ занятія во имя ея, государства и восстановление въ правахъ той или другой династіи считать въ нѣкоторомъ родѣ милостію или снисхожденіемъ прусской короны.

Отдѣленіе областей отъ какова либо государства, съ представленіемъ ему политической самостоятельности, прусское правительство считаетъ зломъ, такъ-какъ подобное отдѣленіе служитъ только источникомъ вражды. Очень понятно, что при такомъ взглядѣ на завоевательное право, Пруссіи придется если не тотчасъ присоединить къ себѣ покоренныя ею нѣмецкія государства въ полномъ ихъ составѣ, то все же стремиться къ подобному ихъ поглощенію.

Но кромѣ послыокъ къ международному праву—посылокъ довольно-шаткихъ. Пруссія и другими способами подготавливаетъ свое господство въ Германіи. Она предложила Мекленбург-Шверину, Саксен-Веймару, Мекленбург-Стрелицу, Ольденбургу, Брауншвейгу, Мейнингену, Альтенбургу, Кобургу, Ангальту, Шварцбург-Рудольштату, Шварцбург-Зондергаузену, Вальдеку, обоимъ Рейссамъ, Липпе, Любезу, Времену и Гамбургу вступить съ Пруссіею въ союзъ на основаніяхъ, которыя будутъ приняты нѣмецкимъ національнымъ парламентомъ, долженствующимъ собраться въ непродолжительномъ времени, а затѣмъ безотлагательно поставить войска ихъ на военную ногу и отдать ихъ въ распоряженіе короля прусскаго. Съ своей же стороны Пруссія, въ случаѣ принятія упомянутыми государствами сдѣланнаго имъ предложе-

нія, обѣщала обезпечить за ними ихъ независимость и территориальную неприкосновенность.

Въ силу договора, германскія государства, желающія стать подъ протекторатъ Пруссіи, должны заключить между собою оборонительный и наступательный союзъ, съ тѣмъ, однако, что войска союзниковъ будутъ состоять подъ главнымъ начальствомъ короля прусскаго, а повинности каждаго государства, во время войны, будутъ опредѣлены особыми сдѣлками. Кромѣ того, союзныя государства обязаны отправить въ Берлинъ своихъ уполномоченныхъ для составленія проекта союзной реформы, который будетъ представленъ на разсмотрѣніе и утвержденіе національнаго нѣмецкаго парламента. Изъ этого договора не видно, чтобы Пруссія, становясь во главѣ сѣвернаго союза, сдѣлалась вмѣстѣ съ этимъ и общею представительницею его по дѣламъ внѣшней политики. Умолчаніе объ этомъ въ настоящемъ договорѣ не исключаетъ, однако, возможности подобнаго значенія Пруссіи по двумъ причинамъ. Во первыхъ, потому, что проектъ союзной реформы поступитъ на разсмотрѣніе національнаго парламента, въ которомъ перевѣсъ въ общемъ числѣ голосовъ останется на сторонѣ Пруссіи и, слѣдовательно, самая реформа будетъ произведена главнымъ образомъ въ смыслѣ прусскихъ интересовъ. Во вторыхъ, отдача союзными государствами ихъ военныхъ силъ въ распоряженіе прусскаго короля фактически ставитъ будущій союзъ въ слишкомъ большую зависимость отъ Пруссіи, такъ что на дѣлѣ она, и безъ особнхъ условій, будетъ распоряжаться внѣшнею политикою Сѣверной Германіи.

Въ отношеніи къ Италіи пріостановившаяся теперь война дала весьма замѣчательные результаты. Она обнаружила, что, несмотря на долгое приготовленіе итальянцевъ къ войнѣ, несмотря на ихъ порывы и безграничный патриотизмъ, а также и на то, что главныя силы Австріи были отвлечены на сѣверъ, для нихъ борьба съ Австріей—дѣло весьма трудное. Италія, достигнувъ своей цѣли относительно присоединенія Венеціи, должна, однако, испытывать сильное раздраженіе обманувшейся національной гордости. Неудача Италіи въ войнѣ противъ Австріи искупаются только тѣмъ, что, повидимому, она рѣшилась увлоняться отъ опеки, наложенной на нее Франціей, но за то, въ замѣтъ этой опеки, надъ нею чувствуется протекторатъ Пруссіи, которой собственно она обязана не только уступкой Венеціанской Области, но и тѣмъ еще, что австрійцы не могли употребить противъ Италіи всѣхъ своихъ силъ для рѣшительнаго натиска.

Эти политическія выгоды нанесли, однако, нравственный ударъ Италіи, и война отозвалась внутри страны весьма неблагоприятнымъ образомъ. Принесенные ею донынѣ результаты показали, что организаторы итальянскаго единства не въ состояніи осуществить сами тѣхъ плановъ; вторые были въ виду яри началѣ войны. Эти же результаты обнаружили недостатки внутренняго управленія, показавъ, между прочимъ, что итальянскій флотъ, на

который такъ сильно разсчитывала Италия, и на который были употреблены громадныя суммы, не можетъ противостать австрійскимъ морскимъ силамъ. Приготовленія къ нынѣшней войнѣ обошлись Италиі слишкомъ дорого. Со времени окончанія войны 1859 года, государственный долгъ Королевства Итальянскаго увеличился на 3.500,000,000 франковъ. Долгъ этотъ оказывается чрезвычайно тяжелымъ не только по капиталной суммѣ, но и по платежу процентовъ, такъ-какъ ихъ приходится платить ежегодно до 150.000,000 франковъ. Передъ войной, налоги въ Италиі возрастали съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе, и хотя они возбуждали порою неудовольствіе въ народѣ, но народъ платилъ ихъ, разсчитывая на то, что Италиі необходимо быть готовой къ борьбѣ какъ за свое единство, такъ и за политическую самостоятельность.

Теперь оказалось однако, что всѣ эти налоги были употреблены на бесполезныя затраты, такъ-какъ боевыя силы Италиі, и на сушѣ и на морѣ, не доставили тѣхъ побѣдъ, какихъ ожидала и какихъ вправѣ была требовать отъ нихъ нація, послѣ всѣхъ сдѣланныхъ ею пожертвованій. Разочарованіе итальянцевъ въ ихъ патріотическихкихъ стремленіяхъ и еще большее, противъ прежняго; разстройство государственныхъ финансовъ, сопровождающееся, по необходимости, усиленными налогами и займами, предвѣщаютъ въ будущемъ весьма мало утѣшительнаго для Италиі. Въ виду настоящихъ неудачъ, нація имѣетъ право обвинять правительство, и, по всей вѣроятности, если только дѣла не примутъ иного оборота, между ею и правительствомъ произойдетъ опасный разрывъ. Итальянское правительство поставлено теперь въ крайнее затрудненіе. Съ одной стороны, ему необходимо снять съ себя тѣ обвиненія, которыя выставляютъ противъ него въ виду испытанныхъ нынѣ Италиєю военныхъ неудачъ. Съ другой стороны, оно не можетъ не опасаться, чтобы новыя попытки въ борьбѣ съ Австріей не сопровождались еще болѣшими неудачами. Между тѣмъ нельзя не остановиться на вопросѣ, какъ отнесется итальянская нація къ своему правительству, если она въ окончательномъ результатѣ настоящей войны увидитъ, что Италия обязана присоединеніемъ къ ней Венеціанской Области не собственнымъ своимъ силамъ, но союзу съ Пруссіей и посредничеству императора Наполеона?

Что касается римскаго вопроса, то на него настоящая война не имѣла прямого вліянія, хотя и нельзя не сказать, чтобы она косвеннымъ образомъ не отозвалась на немъ. По извѣстіямъ, сообщаемымъ нѣкоторыми газетами, въ числѣ мирныхъ условій, предъявленныхъ Италией, находится требованіе обязательства отъ Австріи не вмешиваться въ римскія дѣла. Если Италиі удастся достигнуть принятія Австріей этого требованія, то значеніе римскаго вопроса должно будетъ нѣсколько нмѣниться. Франція занимала своими войсками до сихъ поръ Римъ не только для поддержанія части римскаго первосвященника, но и для устра-

ненія австрійскаго вліанія на папскую курію—вліанія, которое могло чрезвычайно усилиться, еслибъ австрійцы заняли въ Римѣ то положеніе, какое занимали тамъ французы. При отказѣ Австріи отъ внимательства въ римскія дѣла, Франція съ большею готовностію рѣшится выполнить сентябрьскую конвенцію. Для нея во всякомъ случаѣ господство итальянцевъ въ папской столицѣ будетъ менѣе неприятно, нежели господство австрійцевъ, особенно теперь, когда Италия, послѣ испытанныхъ ею неудачъ, не отважится прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ противъ правъ, предоставленныхъ римскому первосвященнику сентябрьскою конвенцією. Другое дѣло, еслибъ итальянцамъ посчастливилась война съ Австріей: тогда они, ободренные успѣхомъ и опираясь на союзъ съ Пруссіей, не стали бы, по всей вѣроятности, оказывать уступчивости и передъ французскимъ господствомъ въ Римѣ. Легко могло бы случиться, что они, овладѣвъ съ бою Венеціей и упоенные побѣдами, рѣшились бы двинуться на Римъ, но поражение, нанесенное имъ при Кустоцѣ, должно внушать крайнюю осторожность. Они не могутъ не принимать въ соображеніе, что если имъ не удалось одолѣть австрійцевъ, то еще труднѣе будетъ справиться съ французами.

Между тѣмъ побѣды пруссаковъ отозвались и на римскомъ вопросѣ. Въ обезсиленіи Австріи, какъ католической державы, всегда сочувствовавшей клерикальнымъ интересамъ, римская курія не можетъ не видѣть новаго для себя удара. Прежде она могла надѣяться, что по очищеніи Рима французами, австрійцы займутъ ихъ мѣста. Теперь же, если даже невнимательство Австріи въ римскія дѣла и не будетъ обусловлено особомъ статью мирнаго трактата, то все же фактически Австрія не въ состояніи будетъ поддерживать интересы папства. Она приведена въ такое положеніе, что ей приходится прежде всего устроить собственные свои дѣла, а не думать о вліаніи своей политики на римскій вопросъ, который, однако, какъ надобно предполагать, сдѣлается снова предметомъ дипломатическихъ обсужденій подъ вліаніемъ новыхъ обстоятельствъ, сложившихся вслѣдствіе нынѣшней войны.

Открытіе нынѣшней парламентской сесіи въ Берлинѣ послѣдовало при особыхъ, весьма важныхъ обстоятельствахъ. Оно совершилось послѣ такихъ событій, которыя повидимому должны были убѣдить оппозиціонную партію въ справедливости требованій правительства на счетъ военной организаціи и склонить палату депутатовъ къ утвержденію расходовъ, произведенныхъ, безъ ея согласія, на содержаніе и улучшеніе арміи. Побѣды, доставленныя Пруссіи ея арміею и поставившія Пруссію на первое мѣсто въ ряду европейскихъ державъ, могутъ, при известной точности зрѣнія, убѣдить прусскій народъ въ томъ, что правительство вело страну къ величію и славѣ и что, кромѣ того, оно теперь, благодаря отличной организованной арміи, матеріально готово Пруссію присоединеніемъ къ ней значительной территоріи. Подъ

безъ всякаго сомнѣнія, не всѣ пруссаки, а тѣмъ болѣе уже никакъ не представители прогрессистской партіи, могутъ смотрѣть на завоеванія Пруссіи съ такой утѣшительной точки зрѣнія. Въ побѣдахъ Пруссіи они могутъ видѣть только перевѣсъ военной силы и опасаться, что армія, и безъ того уже оттѣснявшая другія части государственнаго организма на второй планъ, сдѣлается теперь предметомъ еще большей заботливости со стороны правительства и потребуетъ еще болѣшихъ расходовъ. Притомъ прогрессисты, да и вообще нѣмецкіе патриоты не могутъ сочувствовать тѣмъ средствамъ, къ которымъ обратилась Пруссія для образованія германскаго единства. До сихъ поръ единство это, подъ главенствомъ Пруссіи, основывается лишь на завоевательномъ правѣ, которое не можетъ находить сочувствія и почета въ средѣ людей либеральныхъ, ожидающихъ лучшаго политическаго устройства своей родины не вслѣдствіе войнъ и насилія, но подъ влияніемъ успѣховъ гражданственности и политической свободы. На результаты прусскихъ побѣдъ могутъ смотрѣть какъ на династическій успѣхъ гогенцоллернскаго дома, а не какъ на успѣхъ національнаго нѣмецкаго дѣла. Вотъ почему, несмотря на ту благопріятную для правительства обстановку, при которой собралась нынѣ прусская палата депутатовъ, никакъ нельзя еще думать съ полною увѣренностію, что прусское правительство не встрѣтитъ въ представителяхъ страны той оппозиціи, какую оно встрѣчало прежде въ продолженіе пяти лѣтъ всякій разъ, когда поднимался вопросъ объ организаціи арміи.

Правда, что судя по составу нынѣшней палаты депутатовъ, въ которой консервативныя и либеральныя партіи будутъ имѣть почти равное число членовъ, соглашеніе между палатой и правительствомъ представляется болѣе вѣроятнымъ, нежели при прежнемъ составѣ палаты, когда число консервативныхъ депутатовъ относилось къ числу либеральныхъ, какъ 1 къ 8. Но такая перемѣна въ составѣ палаты не ручается еще исполнѣ за успѣхъ правительственныхъ требованій, такъ-какъ силы оппозиціи все-таки еще достаточны для того, чтобы противостоять правительству. Какъ бы, впрочемъ, ни было, но прусское правительство считаетъ отырышующа нынѣ парламентскую сесію самымъ удобнымъ моментомъ для того, чтобы сойтись съ палатой депутатовъ и склонить ее къ согласію по спорному вопросу объ организаціи арміи.

5-го августа, при открытіи палаты, король Вильгельмъ прочиталъ тронную рѣчь, сущность которой заключается собственно въ выраженіи надежды, что совершившіяся ко славу Пруссіи событія устранятъ конституціонное столкновеніе, продолжавшееся уже столько лѣтъ. Упомянувъ о томъ, что Пруссія тяжелыми, но успѣшными жертвами нашла возможность не только отразить отъ своихъ границъ опасность непріятельскаго вторженія, но и блистательнѣе всего побѣдъ преложить путь къ національному развитію Германіи, король перешелъ прямо къ финансовому положенію

нію страны. Говоря объ этомъ, онъ высказалъ, что заботливая предусмотрительность и строгая бережливость дали ему средства побѣдить чрезвычайныя финансовыя затрудненія. Къ этому онъ добавилъ, что, несмотря на то, что уже въ послѣдніе годы, по случаю войны съ Даніей, на государственную казну были возложены значительныя жертвы, все же оказалось возможнымъ покрыть возникшія доселѣ издержки по настоящей войнѣ изъ государственныхъ доходовъ и наличныхъ способовъ, безъ всякаго другаго обремененія страны, кромѣ законныхъ поставокъ нату-рою для удовлетворенія военныхъ потребностей. Затѣмъ въ королевской рѣчи упоминается, что относительно утвержденія государственнаго бюджета не могло въ послѣдніе годы состояться соглашенія съ народнымъ представительствомъ и что, поэтому, государственные расходы, произведенные въ это время, лишены законной основы, которую, какъ выразился король, государственное управленіе получаетъ только въ силу закона, требующаго ежегоднаго утвержденія путемъ соглашенія между правительствомъ и обѣими палатами. Далѣе король какъ-бы оправдываетъ свое правительство въ томъ, что оно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ завѣдывало государственнымъ управленіемъ безъ этой законной основы. Это совершалось, сказано въ тронной рѣчи, въ силу того убѣжденія, что продолженіе стройнаго управленія, исполненіе законныхъ обязательствъ передъ кредиторами и чиновниками государства, содержаніе арміи и государственныхъ учреждений, были жизненными вопросами для государства и что, поэтому, означенный образъ дѣйствій сталъ одною изъ тѣхъ неизбѣжныхъ потребностей, отъ которыхъ правительству не можетъ и не должно уклоняться для пользы страны. Вслѣдъ затѣмъ король выразилъ увѣренность, что послѣднія событія будутъ способствовать къ достиженію соглашенія въ такой степени, что правительству будетъ охотно дано палатою депутатовъ обезпеченіе въ отношеніи къ управленію, происходившему безъ финансоваго закона, и что такимъ образомъ происходившее до сихъ поръ столкновеніе будетъ приведено къ окончанію. По мнѣнію короля Вильгельма, такой исходъ дѣла тѣмъ вѣроятнѣе, что политическое положеніе Пруссіи допускаетъ расширеніе ея границъ и устройство общей союзной арміи подъ предводительствомъ Пруссіи, такъ что издержки на этотъ предметъ будутъ равномерно упадать на всѣхъ членовъ союза.

Такимъ образомъ тронная рѣчь короля прусскаго состоитъ собственно въ нѣкоторомъ разъясненіи финансоваго вопроса, бывшаго предметомъ столкновенія между правительствомъ и палатою депутатовъ, такъ что рѣчь эта не имѣетъ общаго политическаго вопроса, хотя и надобно было ожидать, что она болѣе всего будетъ упоминать о видахъ прусскаго правительства относительно военныхъ событій и соединенныхъ съ ними перемѣнъ въ устройствѣ Германіи. Такое одностороннее содержаніе: королевской рѣчи дѣлается понятнымъ, если рассмотреть таковыя отношенія

какое готовится теперь занять Прусія въ образуемомъ ею съверномъ германскомъ союзѣ, военныя силы котораго будутъ находиться въ распоряженіи Прусіи. Наставать теперь королю прусскому слишкомъ сильно на усиленныхъ издержкахъ для собственной своей арміи было бы не совсѣмъ удобно, такъ-какъ въ союзникахъ могло бы возродиться опасеніе, что подобная система преобладанія военной организаціи будетъ примѣнена и къ нимъ. Въ рѣчи короля Вильгельма явно проглядываетъ готовность къ уступкамъ передъ палатой, такъ что теперь вопросъ о военной реформѣ получаетъ уже другое значеніе. Но если самъ король склоняется къ примиренію и сознаетъ даже незаконность прежней системы управленія финансами, то феодальная партія намѣрена держаться другого пути.

Партія эта силится доказать, что правительству не слѣдуетъ дѣлать никакихъ, даже самыхъ малѣйшихъ уступокъ парламентскимъ говорунамъ, особенно теперь, когда обнаружались такіе блистательные результаты той системы, которой держалось правительство. Феодальная партія считаетъ побѣды прусской арміи надъ Австріей и ея союзниками побѣдой и надъ прусскими либералами, которыхъ она хочетъ подавить окончательно, пользуясь военнымъ торжествомъ правительства. Въ такомъ взглядѣ и въ такомъ стремленіи феодальной партіи лежитъ, однако, начало новыхъ парламентскихъ столкновеній, даже и въ такомъ случаѣ, еслибы правительство старалось сблизиться съ оппозиціонною партією. Всякое неумѣренное требованіе одной стороны вызываетъ неизбѣжно противодѣйствіе другой. Такъ и въ настоящемъ случаѣ, партія прогрессистовъ, готовая сойтись съ правительствомъ, раздражается феодальной партіей и, въ отпоръ ей, выставляетъ противоположное мнѣніе, не совсѣмъ благоприятное для правительства. Партія эта утверждаетъ, что недавнія событія, озарившія Прусію такимъ блескомъ, не были дѣломъ одного правительства, но явились какъ послѣдствія усилій и жертвъ, принесенныхъ прусскою нацією; что правительство должно опѣнить это, и въ награду за усилія и жертвы націи, не отказывать ей въ справедливыхъ ея требованіяхъ, основанныхъ на конституціи. Подобная мысль выражается и въ проектахъ адреса, составленныхъ представителями либеральной партіи, Грабовымъ и Вальдекомъ. Изъ этого можно заключить, что элементы прежнихъ несогласій не уничтожились еще въ палатѣ, и что приблизительное равновѣсіе въ ней партій можетъ подавать надежду, что столкновенія не дойдутъ до такихъ крайностей, до какихъ они доходили прежде.

Говоря о тронной рѣчи короля Вильгельма, мы замѣтили, что она лишена общаго политическаго интереса. Въ ней не упомянуто ни о результатахъ войны, ни объ отношеніяхъ къ союзницѣ Прусіи — Италіи, ни о посредничествѣ императора Наполеона, ни о томъ, какая участь ожидаетъ нѣмецкія государство, утратившія, въ силу прусскаго завоеванія, политическую самостоятельность. Такое умолчаніе возбудило много толковъ, а выстѣ

съ тѣмъ и вызвало нѣкоторое неудовольствіе какъ во Флоренціи, такъ и въ Парижѣ. Тюльрійскій и флорентинскій кабинеты вправдѣ были ожидать благодарнаго упоминанія объ образѣ ихъ дѣйствій въ послѣднихъ событіяхъ. Казалось, что королю Вильгельму нужно было заявить о мировомъ посредничествѣ императора Наполеона, а также и о содѣйствіи Италіи, облегчившемъ успѣхъ прусскаго оружія, отвлеченіемъ силъ Австріи на южныя ея границы. Но ни о томъ, ни о другомъ не было сказано ни слова. Точно такъ же умалчалъ король и о германскихъ союзникахъ Пруссіи, подбръзвившихъ ея армию своими контингентами.

Такой пропускъ въ королевской рѣчи подалъ поводъ къ различнымъ комментаріямъ въ газетахъ. По нашему мнѣнію, въ этомъ случаѣ выразился только взглядъ короля или, вѣрнѣе сказать, графа Висмарка на дѣла Германіи и на права прусскаго парламента. Король прусскій смотритъ на перестройку въ Германіи какъ на домашнее дѣло, которое можетъ быть рѣшено его собственнымъ авторитетомъ и потому, конечно, считаетъ излишнимъ примѣшпвать къ этимъ дѣламъ императора французовъ и короля Италіи. Онъ не находитъ также нужнымъ давать отчетъ о политическихъ событіяхъ парламенту, стараясь, на сколько возможно, отклонить отъ него участіе по вопросамъ внѣшней политики. При томъ, какъ ни счастливо кончилась для Пруссіи настоящая война, но все же нельзя съ полною увѣренностію сказать о тѣхъ результатахъ, къ которымъ могутъ привести Европу совершившіяся событія. Между тѣмъ король, коснувшись политическихъ событий, долженъ былъ бы взложить программу своей внѣшней политики и до нѣкоторой степени сдѣлать эту программу обязательной для себя въ будущемъ, которое пока предусмотрѣть еще весьма трудно. Этими обстоятельствами всего лучше объясняется односторонность королевской рѣчи, которая клонится къ тому, чтобы ссылкой въ общихъ фразахъ на славу и величіе Пруссіи, сблизиться съ палатою депутатовъ и тѣмъ самымъ установить въ Пруссіи единство между правительствомъ и народнымъ представительствомъ, единство не только полезное, но, можно сказать, и необходимое, въ виду того положенія, которое готовится занять Пруссія по отношенію къ Германіи.

Конституціонныя учрежденія Англіи, въ основѣ которыхъ должно лежать прежде всего избирательное право, и которыя столь долго считались для всей Европы образцомъ, достойнымъ подражанія, начинаютъ испытывать сильный кризисъ подъ вліяніемъ вопроса объ избирательной реформѣ. Предполагавшая реформа, расширивъ избирательное право, должна будетъ отозваться на личномъ составѣ палаты общины—этого главнаго органа конституціонной жизни Англіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ будетъ

измѣниться и самый характеръ народнаго представительства. По этимъ причинамъ, реформистское движеніе въ Англiи имѣетъ огромное значеніе. Собственно въ этой реформѣ идетъ борьба демократіи съ аристократіею, бывшею до сихъ поръ въ Англiи главною двигательницею всѣхъ политическихъ вопросовъ, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ. Мы уже имѣли случай говорить однажды о томъ, отчасти прямою, а отчасти и косвенномъ влияніи, какое успѣла утвердить англійская аристократія на палату общинъ, наполняя ее своими приверженцами и сторонниками. Такому факту содѣйствовало ограниченіе избирательнаго права въ ущербъ массѣ народа и въ пользу богатыхъ собственниковъ. Можно вообще сказать, что вопросъ объ избирательной реформѣ въ Англiи, въ одно и то же время имѣетъ и политическій и социальный характеръ, такъ что въ рѣшеніи его должны будутъ проявиться тѣ элементы и тѣ понятія, изъ которыхъ складывается современная англійская жизнь, какъ государственная, такъ и общественная. Отличительною чертою настоющаго реформистскаго движенія въ Англiи можно считать стремленіе тамошнихъ рабочихъ классовъ къ принятію участія, посредствомъ расширенія избирательнаго права, въ дѣлахъ государственнаго управленія. Стремленіе это приняло теперь большіе размѣры.

Въ настоящее время избирательное право въ Англiи основано на законѣ 1832 года, который, безъ всякаго сомнѣнія, уже отжилъ свою пору. Въ этомъ соглашаются и противники избирательной реформы на новыхъ, болѣе либеральныхъ началахъ, такъ что вообще необходимость разрѣшенія этого вопроса по существу признается всѣми партіями, но возникаютъ только несогласія насчетъ тѣхъ началъ, на основаніи которыхъ должна быть пропозведена эта неизбѣжная реформа. Здѣсь предстоитъ главная трудность въ томъ, чтобы, не разрушая тѣхъ основъ, на которыхъ держится прежде всего государственный строй Англiи, допустить въ равномѣрному участію въ дѣлахъ государственныхъ людей, отличающихся не только своимъ имущественнымъ достаткомъ, но и личными качествами, и притомъ такъ, чтобы при этомъ не была нарушена соразмѣрность съ населеніемъ той или другой мѣстности.

Настоящее реформистское движеніе началось 11-го (23-го) іюля большою демонстраціей, въ видѣ митинга, устроеннаго въ пользу избирательной реформы, въ Гайд-паркѣ. Демонстрація эта могла бы окончиться безъ особыхъ послѣдствій, еслибы не сопровождалась вмѣшательствомъ полиціи, нашедшей неприличнымъ допускать подобныя сборища въ мѣстѣ, предназначенномъ для прогулки лучшей лондонской публики. Такой образъ дѣйствій со стороны лондонской полиціи долженъ былъ только усилить раздраженіе приверженцевъ избирательной реформы, которая, какъ мы замѣтили выше, представляетъ собственно борьбу недостаточныхъ классовъ съ классомъ богатымъ. Запрещеніе полиціею митинга въ Гайд-паркѣ подняло общій вопросъ о

правѣ народныхъ сборищъ, съ цѣлью обсуждать предметы, относящіеся къ государственному быту Англій. Извѣстный двигатель избирательной реформы, Брайтъ, высказалъ по этому поводу слѣдующій вопросъ: если реформистской лгѣ помѣшаютъ созвать митингъ въ Гайд-паркѣ, и если откажутъ миллионамъ честныхъ людей въ правѣ подачи голоса, то на чемъ же будетъ основана политическая свобода англичанъ? По словамъ Брайта, политическая свобода въ Англій основывается прежде всего на правѣ безпрепятственныхъ сходокъ для обсуждения дѣлъ, имѣющихъ политическій или общественный интересъ. Смotra съ этой точки зрѣнія на право англичанъ составлять митинги, нельзя не придать послѣднимъ лондонскимъ событіямъ особенной важности.

До сихъ поръ народныя сходбища въ Англій, извѣстныя подъ названіемъ митинговъ, не встрѣчали со стороны правительства никакихъ стѣсненій ни относительно мѣста, ни относительно времени и количества лицъ, явившихся на митингъ. Митинги составляютъ одно изъ существенныхъ условій политической и общественной жизни англичанъ. Только съ 1819 года, при наступившихъ въ Англій народныхъ волненіяхъ, парламентъ ограничилъ право подобныхъ сходокъ, но такой законъ, какъ законъ исключительный, былъ установленъ на опредѣленный, весьма непродолжительный срокъ. Ограниченіе митинговъ въ этомъ случаѣ состояло въ томъ, что составители ихъ должны были заранѣе увѣдомить мѣстное начальство о предстоящемъ митингѣ, опредѣливъ мѣсто и часъ собранія. Притомъ, такъ-какъ тогда на митинги сходились нерѣдко сотни тысячъ народа и происходили страшныя безпорядки, то, по опредѣленію парламента, каждый митингъ могъ состоять только изъ жителей одного прихода, если число ихъ не превышало 16,000; въ противномъ же случаѣ, приходъ долженъ былъ раздѣляться на особые участки, жители которыхъ составляли между собою отдѣльные митинги. Запрещалось ходить на митинги съ знаменами и значками, а также въ такомъ порядкѣ, который представлялъ бы военный строй. И тогда уже подобныя мѣры возбуждали въ Англій сильное негодованіе, такъ что парламентъ въ 1825 году нашелъ нужнымъ отмѣнить всякое ограниченіе на право составленія митинговъ, которые съ тѣхъ поръ и до митинга, происходившаго недавно въ Гайд-паркѣ, были внѣ всякаго стѣсненія и контроля со стороны правительства.

Хотя не столько рѣшительныя дѣйствія лондонской полиціи, сколько мѣры, принятыя комитетомъ реформистской лиги, удержали приверженцевъ реформы отъ повторенія въ Лондонѣ безпорядковъ, подобныхъ тѣмъ, какіе происходили въ Гайд-паркѣ, но тѣмъ не менѣе вызванное избирательною реформою волненіе умовъ не прекращается и съ каждымъ днемъ распространяется все болѣе и болѣе. Во многихъ большихъ городахъ, населенныхъ преимущественно рабочими классами, происходили и еще должны будутъ происходить многочисленные митинги въ пользу избирательной реформы. Вопросъ же о правѣ народа пользоваться

ся всѣми безъ исключенія парками для собранія въ нихъ митинговъ, былъ предметомъ серьезныхъ преній, какъ въ палатѣ лордовъ, такъ и въ палатѣ общинъ, но пренія эти не привели ни къ какому положительному результату.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Народы восточной Азіи. Этюды и путешествія.
Адольфа Бастіана. 2 тома *.

Молодой нѣмецкій ученый, докторъ Бастіанъ принадлежитъ, безспорно, къ числу тѣхъ немногихъ людей, которые готовы отважиться на самое трудное предпріятіе, въ видахъ расширить кругъ положительныхъ знаній человѣчества. Онъ отправился одинъ на огромный полуостровъ юго-восточной Азіи, для того чтобы осмотрѣть тамъ все, достойное вниманія, изучить всѣ языки разнообразнаго населенія, узнать вполнѣ его исторію и особенно проникнуть во всѣ тайны издревле-укоренившагося тамъ буддизма. Два изданные теперь тома знакомятъ отчасти съ результатами этого предпріятія. Первый изъ нихъ, въ которомъ разсказана исторія Индо-Китая, производитъ невыгодное впечатлѣніе. Читатель какъ-бы входитъ внезапно въ громадную, полу-темную залу, наполненную хотя и очель крупными, но плохо-освѣщенными предметами, которыхъ нельзя разсмотрѣть хорошенъко. Впрочемъ, Бастіанъ говоритъ, что онъ собралъ здѣсь только сырой матеріалъ, пригодный для дальнѣйшей обработки. Во второмъ томѣ описываетъ онъ поѣздки свои въ Бирму. Приключеній немного здѣсь, но самый разсказъ о подробностяхъ этихъ путешествій любопытенъ въ высшей степени. Хотя послѣ второй бирманской войны сѣверная часть пространства между рѣками Иравади и Ситангомъ отошла къ англійскимъ владѣніямъ, однакоже, она до сихъ поръ еще мало извѣстна. Бастіанъ направилъ сначала путь въ новую столицу, Мандалай. Надобно сказать, что ни одинъ изъ бирманскихъ монарховъ не оставался по восшествіи на престолъ въ томъ городѣ, который былъ резиденціею его предшественника. Каждый новый государь создавалъ новую столицу. Потому-то страна эта покрыта развалинами дворцовъ и храмовъ. Прибывши въ Мандалай, замѣнившій лучшую по своему положенію Аву, путешественникъ старался по возможности укрыть-

* DIE VÖLKER DES östlichen Asien. Studien und Reisen. Von Dr. *Adolf Bastian*. 2 Bände.

ся отъ вниманія полицейскихъ властей, имѣя въ виду отправиться на сѣверъ, для того чтобы открыть путь въ Китай долиною рѣки Иравади. Однакоже, ему не удалось достигнуть своей цѣли. Король, которому было донесено о прїѣздѣ европейца, пригласилъ Бастіана къ себѣ и сталъ разспрашивать о причинѣ, заставившей его посѣтить Бирму. Путешественникъ сослался на свое желаніе изучить тонкости буддизма. Эта неожиданность очень польстила религіозному чувству монарха. У него явилась мысль о возможности сдѣлать своими единовѣрцами западные народы; онъ велѣлъ отвести квартиру Бастіану въ своемъ дворцѣ, поручилъ его покровительству одного изъ принцевъ врови и назначилъ для него учителя. Было предположено ознакомить любознательнаго путешественника только съ православнымъ характеромъ буддизма и ограничить періодъ его религіознаго перевоспитанія десятью годами. Осмысленный ласками, но содержимый въ почетномъ заключеніи, Бастіанъ скоро убѣдился въ невозможности побѣга, а потому, поклянувшись намѣреніемъ проникнуть въ глубь бирманской имперіи, онъ сталъ просить о дозволеніи выѣхать изъ этой страны. Его не удерживали, но лишили средствъ свернуть на обратномъ пути съ большой дороги. Несмотря, однакоже, на эту неудачу, пребываніе въ Мандалаѣ доставило путешественнику превосходный случай пріобрѣсти вѣрныя свѣдѣнія о фантастической миеологіи и демонологіи буддизма, которыя такъ удивительно сходны съ философскимъ пантеизмомъ Сальмуни. Средство буддизма съ европейской философіей и христіанской религіей, давно уже замѣченное мисіонерами, становится особенно ясно, вслѣдствіе сравненія, сдѣланнаго авторомъ этой книги, который нашелъ также поразительное сходство между суевѣрными понятіями народовъ, исповѣдующихъ буддизмъ и христіанство. О другихъ предметахъ говорится въ этомъ сочиненіи такъ много и притомъ энциклопедично, что нѣтъ возможности дать о нихъ вѣрнаго понятія въ краткомъ отчетѣ. Это богатство содержанія будетъ дополнено описаніемъ Сіама и Камбоджи въ слѣдующихъ томахъ, которые не замедлятъ явиться.

Путешествія по Южной Америкѣ, Чуди *.

Авторъ этой книги, извѣстный уже по своему путешествію въ Перу, посѣтилъ въ послѣднее время два раза ту часть Южной Америки, куда суждено, можетъ быть, направиться преимущественно европейской колонизаціи. Бразилія представляетъ, повидимому, болѣе выгодныхъ условій для переселенія, сравнительно съ другими тропическими странами. Многое ручается за побѣду цивилизаціи надъ враждебными ей варварскими элементами, въ пользу которыхъ сложились здѣсь мѣстныя условія. Португальцы могли бы, конечно, аклиматизироваться въ Бразиліи скорѣе другихъ европейскихъ расъ; но дѣло въ томъ, что переселенцамъ

* REISEN DURCH Süd-Amerika. Von J. J. von Tschudi.

тѣмъ болѣе грозитъ опасность утратить отличительные признаки цивилизованнаго народа и впасть въ варварство, чѣмъ болѣе сродняются они съ условіями тропической жизни. Будущность Бразиліи темна и загадочна. Существующая тамъ система невольничества не можетъ же, безъ сомнѣнія, длиться до безконечности; но едва-ли уничтоженіе рабства не вызоветъ въ Бразиліи тѣхъ кровавыхъ сценъ, какія произошли, напримѣръ, въ Ямайкѣ. Впрочемъ, г. Чуди опровергаетъ очень умно всѣ возраженія, которыя дѣлаются другими писателями противъ эмиграціи въ Бразилію. Онъ выставляетъ въ очень выгодномъ свѣтѣ результаты, достигнутые тамъ общественнымъ образованіемъ. Къ сожалѣнію, домашнее воспитаніе бразильцевъ нисколько не можетъ похвалиться такими же результатами. Сообщество бѣлыхъ дѣтей съ неграми сопровождается обыкновенно чрезвычайно дурнымъ нравственнымъ вліяніемъ. Невозможность сліянія даже чернаго населенія въ одну массу, объясняется разнообразнымъ происхожденіемъ бразильскихъ негровъ. Они составляютъ смѣсь восемнадцати племенъ, переселенныхъ сюда съ восточныхъ и западныхъ береговъ Африки. Теперь изданъ только первый томъ этого путешествія, наполненный преимущественно общими соображеніями. Въ концѣ его помѣщенъ рассказъ о побѣдѣ автора въ Минасъ-Жерасъ, юго-восточную провинцію Бразиліи, которая будетъ вполне описана въ слѣдующей книгѣ.

Путешествія по Чили и западнымъ провинціямъ Аргентинской республики, Августа Каля *.

Хотя нѣкоторыя изъ путевыхъ приключеній этого туриста почти забавны, однакоже, онъ едва-ли не больше другихъ европейцевъ подвергался опасностямъ, проѣзжая черезъ Анды и переѣзжая пампасы. Каль превосходно описалъ эти обширныя луговые степи, которыя будутъ современемъ покрыты густымъ народонаселеніемъ, хотя въ настоящую пору онѣ почти совсѣмъ безлюдны. Удачно также изображено имъ вліяніе на грубыхъ и небрежливыхъ чилийскихъ рудокоповъ тяжкаго труда, къ которому подстрекаетъ заманчивая, но невѣрная надежда обогатиться. Много сообщено здѣсь любопытнаго о гаукосахъ Ла-Платы, но вообще путешественники мало говорятъ объ осѣдой части народонаселенія этой страны, тогда какъ аргентинцы не имѣютъ недостатка въ склонности къ земледѣлію. Можно предсказать, не опасаясь сдѣлаться лжепророкомъ, что эта часть Южной Америки обратится когда-нибудь въ одну изъ самыхъ цвѣтущихъ странъ земли. Виноградъ разведенъ уже тамъ и занимаетъ большія плантаціи. Недостатокъ воды и отсутствіе капиталовъ для устройства искусственнаго орошенія полей, составляютъ теперь главныя

* REISEN DURCH CHILE und die westlichen Provinzen Argentiniens, von August Kahl.

препятствія къ развитію земледѣльческой промышленности въ Аргентинской республикѣ. Также политическія смуты и отдаленность Ла-Платы отъ Европы не предвѣщаютъ скорого притока сюда денегъ и эмигрантовъ. Но придетъ пора, когда сама Европа захочетъ воспользоваться обширнѣйшими и лучшими во всемірѣ полями для своихъ колоній.

Исторія материализма и критика его значенія для настоящаго времени, Фр.-Альб. Ланге *

Авторъ этой книги отличается столько же безпристрастіемъ, какъ и глубокимъ знаніемъ того предмета, о которомъ говоритъ онъ. Материализмъ признаетъ онъ реакцію, возстаніемъ ума и чувственности противъ стремленія къ творчеству идеи, самымъ простымъ и естественнымъ пониманіемъ природы, какое было свойственно человѣку, прежде нежели возвысился онъ до способности уразумѣть самую сущность чувственнаго міра. Такому уразумѣнію природы со стороны философіи способствовалъ Кантъ, а со стороны естественныхъ наукъ теорія волнообразности и физиологія чувственныхъ органовъ. Они доказали, что все слышимое и видимое нами, то-есть всѣ явленія природы составляютъ столько же дѣло нашей собственной организаціи, какъ и результатъ вліянія, производимаго на насъ внѣшней реальностью, что мы волнообразное сотрясеніе воздуха и эира переводимъ въ ощущеніе звука, свѣта, цвѣта или теплоты, что наша собственная субъективность, сознавая сама себя, не сливается съ своимъ я этихъ впечатлѣній, и представляетъ ихъ въ видѣ внѣшняго міра. Кантъ сходится во мнѣніи съ материализмомъ, признавая необходимость опыта для знанія, но онъ не забылъ, что природа человѣческая не довольствуется даннымъ, что для духа нашего необходимы идеи, что философія, искусство, религія и нравственность создаютъ міръ истины, красоты и добра, въ которомъ всегда будетъ стремиться человѣчество.

Ланге раздѣляетъ мнѣніе Канта. Реальное и идеальное одинаково важны для него. «Глубоко-практическая природа и нравственное чувство — говоритъ онъ — заставили Аристотеля отдать предпочтеніе формѣ передъ матеріею и цѣлому передъ частями. Если же мы при точныхъ изслѣдованіяхъ постоянно противорѣчимъ ему и стараемся объяснить цѣлое частями и форму матеріею, то намъ стало извѣстно со времени Канта, что необходимость такого образа дѣйствій обуславливается природою нашего разума, который созданъ для анализа, и что этотъ процессъ есть *processus in infinitum*, если только не суждено ему уклониться отъ данной задачи. Мы знаемъ, что всегда будетъ существовать противорѣчіе между природою цѣлаго и приблизительно-вѣрнымъ объясненіемъ его

* *Geschichte des Materialismus und Kritik seiner Bedeutung für die Gegenwart, von Friedr. Alb. Lange.*

изъ частей. Мы знаемъ, что въ этомъ противорѣчїи отражается природа нашей организаціи, которая даетъ намъ цѣлыя, полныя, округленныя вещи только путемъ творческаго вымысла, тогда какъ при помощи опытнаго знанія мы получаемъ о нихъ только дробныя, приблизительныя, но относительно вѣрныя свѣдѣнія. Всѣ крупныя недоразумѣнія, всѣ міровыя ошибки происходятъ отъ замѣны другъ другомъ этихъ двухъ способовъ представленія, когда опытнымъ, научнымъ путемъ добытыя знанія приводятъ въ столкновение съ фантастическими гипотезами, съ предписаніемъ внутренняго голоса, съ религіозными откровеніями, признавая ихъ безусловными истинами, или же, напротивъ, совершенно не давая имъ мѣста въ сознаніи народовъ». «Къ чему этотъ шумъ?» спрашиваетъ Ланге по поводу книги Бюхнера «Сила и вещество», и прибавляетъ какъ-бы въ отвѣтъ на это: «Никогда болѣе глубокая пропасть мышленія не отдѣляла высшее общество отъ народныхъ массъ. Только періодъ упадка древней культуры представляетъ подобное явленіе; но тогда не было ничего похожаго на эту демократію матеріализма, которая въ наше время то сознательно, то неумышленно возстаетъ противъ аристократической философіи... Если историческій ходъ событій спасетъ насъ отъ угрожающей катастрофы, тогда прежде всего подъ общимъ развигіемъ идеальныхъ началъ должна снова возвыситься философія въ союзъ съ положительными науками. Плодотворный объѣмъ идей долженъ заступить мѣсто ничтожныхъ споровъ. Но все-таки главной цѣлью философа должно быть прогрессивное преобразование нашихъ житейскихъ отношеній, согласно съ тѣмъ идеаломъ, какой можетъ быть осуществленъ даннымъ вѣкомъ... Мы, нѣмцы, привыкшіе представлять себѣ философа непременно возсѣдающимъ на кафедрѣ професоромъ, должны удивляться, видя, что въ Англіи къ числу философовъ принадлежали многіе государственные люди... Я не намѣренъ разоблачать только теоретическія истины и трудиться надъ исторической монографіею, которая доказала бы, что и мнѣ можно занять професорское кресло — нѣтъ! я хочу дѣйствовать на кругъ читателей, который своей образованностью, здравымъ міросозерцаніемъ и свѣжимъ участіемъ въ разработкѣ современныхъ научныхъ вопросовъ способствуетъ прогрессивному развитію духовной жизни народа».

Эти выдержки, заимствованныя изъ разныхъ мѣстъ «Исторіи матеріализма» Ланге, даютъ возможность составить общее понятіе о характерѣ всей книги, который, будучи далеко односторонности и пристрастія, отличается спокойствіемъ ученаго изслѣдованія и глубокимъ сочувствіемъ къ счастью человѣчества. Бросивъ общій взглядъ на ученый трудъ этого автора, мы можемъ теперь заняться изложеніемъ его подробностей.

Историческое развитіе матеріализма началось въ Греціи. Демокритъ, Эпикуръ и сенсуализмъ софистовъ были представителями его въ древнемъ мірѣ. Созданная ими атомистическая тескимъ имѣетъ поклонниковъ и въ наше время. М жетъ быть, греченя

мыслители были наслѣдниками восточной, египетской и халдейской мудрости, но во всякомъ случаѣ имъ принадлежитъ та ученая форма, въ которую умѣли они облечь дошедшія до нихъ отрывочныя мѣнья. Великія мысли нашего времени о сохраненіи силы и неуничтожаемости матеріи заключались уже въ выраженіяхъ: «изъ ничего не можетъ произойти ничего, и ничто существующее не уничтожается совершенно». Народному вѣрованію, которое видѣло повсюду проявленіе сверхъестественныхъ силъ, противопоставляли эти мыслители простое объясненіе предметовъ и дѣйствій природы, равно какъ законосообразность и необходимость космическаго или мірового развитія бытія. Въ то время, когда Протагоръ называлъ человѣка мѣрою всѣхъ вещей, была высказана мысль, что предметы внѣшняго міра существуютъ только въ нашихъ ощущеніяхъ, при помощи которыхъ мы и познаемъ ихъ. Ланге опровергаетъ невыгодное мнѣніе объ александрійскомъ періодѣ. Ученые этой школы — говорятъ онъ — отличались творческимъ духомъ и яснымъ сознаніемъ средствъ и цѣли своего стремленія, которое теперь только положено въ основаніе истинной европейской науки. Критическій образъ мышленія такъ сильно отразился въ трудахъ Эвклида, Архимеда, Гипарха, Галена и грамматиковъ, что изслѣдованія природы и филологія нашего времени находятся вообще въ тѣсной связи съ преданіями александрійской школы. Въ Римѣ порочная страсть къ чувственнымъ наслажденіямъ прикрылась эпикурейскою философіею. Отъ этого гнилого матеріализма спасла человѣчество христіанская религія. Она противопоставила развратному и алчному эгоизму царство взаимной любви. Хотя ея тенденція имѣли болѣе нравственный, нежели теоретическій характеръ, однако же неоспоримо, что единобожіе полезно для строгой науки. Если единому Богу приписывается во всемъ одна главная цѣль, то взаимная связь между фактами, относительно причинъ и слѣдствій, не только возможна, но даже необходима. Теоретически былъ побѣжденъ матеріализмъ въ средніе вѣка преимущественно формализмомъ Аристотеля и схоластикою. Не въ матеріи, но въ формѣ видѣлъ Аристотель самую сущность вещей. Только сформировавшаяся матерія становится дѣйствительностью; безъ опредѣленной формы — она не болѣе, какъ возможность. Переходъ отъ возможности къ дѣйствительности составляетъ образованіе матеріи посредствомъ формы. Такъ, руда есть только возможность статуи. Форма ея находится въ душѣ художника и составляетъ цѣль его дѣятельности, которая посредствомъ формы даетъ матеріи опредѣленную реальность. Ланге очень справедливо признаетъ это умозаключеніе Аристотеля невѣрнымъ, потому что здѣсь понятіе о возможномъ, имѣющее по самой природѣ своей субъективный характеръ, вносится въ объективность предмета. Нѣтъ матеріи, которая не имѣла бы формы. Если невидима она въ мраморѣ для скульптора, то минералогъ все-таки и здѣсь видитъ ее. Схоластическая діалектика имѣла дѣло только съ чистыми понятіями. За нею выступилъ на сцену

эмпиризмъ, и его послѣдователи — эти настоящіе ученики Аристотеля — обращались съ своими вопросами къ самой природѣ. Джордано Бруно признавалъ матерію дѣйствительнымъ и дѣйствующимъ веществомъ, производящимъ формы. Онъ основалъ свою натуральную философію на теоріи Коперника. «Земля движется» — эти два слова отдѣлили вѣру въ науку и въ могущество ума отъ вѣры въ установившееся преданіе, хотя и являлись порою темные люди, старавшіеся задуть блеснувшій свѣтъ и погрузить человѣчество снова въ прежній мракъ невѣдѣнія.

Матеріализмъ XVII вѣка выступилъ вмѣстѣ съ Гасенди, который возстановилъ атомистическое ученіе въ философіи и возражалъ Декарту, что онъ не видитъ причины, почему бы матеріальная и мыслящая субстанція не могли быть въ сущности однимъ и тѣмъ же предметомъ, несмотря на всю разницу этихъ понятій. Доставшееся намъ по наслѣдству отъ древности мнѣніе гласитъ: «Ощущеніе есть движеніе атомовъ, а мысль — слѣдствіе потрясенія нервовъ». Еще Гоббесъ задалъ себѣ вопросъ: «Какой именно родъ движенія можетъ производить въ живомъ существѣ чувство и воображеніе?» Онъ назвалъ ощущеніе обратнымъ движеніемъ. Либихъ въ «Macmillan's Magazine» 1863 г. доказывалъ, что лордъ Бэконъ ничего не сдѣлалъ для прогресса натуральной философіи. На это очень дѣльно возражали г. Родуэль въ «Reader» 2-го іюня 1866, и Жане въ «Revue des Deux Mondes» 15-го апрѣля 1866, по поводу книги Клода Бернара «Introduction à la médecine expérimentale». Ланге, отдавая справедливость критикѣ Либиха, говоритъ однакоже, что Бэконъ много способствовалъ эмпирическимъ изслѣдованіямъ. Англія, переживъ революцію, двинулась матеріальнымъ путемъ къ развитію народнаго богатства и стала могущественной державою безъ внутреннихъ тревоженій, тогда какъ во Франціи переходъ этотъ сопровождался насильственнымъ преобразованиемъ существовавшего порядка. Локъ не только доказывалъ въ Англіи, что чувства составляютъ дѣйствительнѣйшее средство для образованія разума, но содѣйствовалъ также вѣротерпимости, а Толэндъ возставалъ противъ понятія о матеріи, какъ о мертвомъ, недѣятельномъ веществѣ, доказывая, что движеніе составляетъ ея существенное качество. Наконецъ, нѣмецкій врачъ Панкратій Вольфъ объявилъ, что мысль есть продуктъ механическаго устройства головного мозга.

Въ XVIII вѣкѣ поборникомъ матеріализма явился Де-ла-Метри, видѣвшій въ человѣкѣ не болѣе, какъ машину. Онъ писалъ бойко, не скупился на риторическія украшенія, имѣлъ основательныя свѣдѣнія по части естественныхъ наукъ и употреблялъ всѣ средства для распространенія своихъ мыслей въ образованномъ кругу французовъ. Де-ла-Метри былъ даровитый, но легкомысленный и безнравственный человѣкъ. Сладострастіе онъ открыто признавалъ своимъ идеаломъ. Потомъ матеріализмъ нашелъ себѣ защитника въ Гольбахѣ. Этотъ жившій въ Парижѣ нѣмецъ собралъ и привелъ, при помощи Лагранжа и Дидеро, въ система-

тической порядокъ разрозненныя и отрывочныя мысли предшествовавшихъ ему матеріалистовъ. Ланге подвергъ подробному анализу его книгу, показавъ ея хорошую и дурную стороны, находя въ ней полное, достигшее крайнихъ предѣловъ проявленіе матеріализма. Непониманіе идеальнаго и нравственнаго содержанія въ христіанствѣ объясняетъ онъ, между прочимъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что у французовъ того времени совершенно не было истинной поэзіи. «Изъ этого живого ключа — говорить онъ — бьетъ вверхъ вся глубоко-сокрытая въ человѣкѣ сила бытія и творчества, не дожидаясь, пока холодный разумъ явится на помощь къ ней съ своимъ критическимъ анализомъ».

Какимъ образомъ внѣшнее, разнообразное движеніе переходитъ въ субъективное единство, въ ощущеніе и сознаніе? — на этотъ вопросъ никогда не отвѣчаетъ матеріализмъ. Атомы замѣнялъ Лейбницъ самодѣтельными, внутренно-развивающимися монадами, то-есть простыми, несложными существами, и рѣшительно отвергалъ противоположность между духомъ и тѣломъ. Матеріализмъ упорно признаетъ міръ, создаваемый нашими физическими чувствами, міромъ дѣйствительныхъ предметовъ. Но таковы ли они въ самомъ дѣлѣ, какими кажутся намъ? Этотъ вопросъ былъ поднятъ еще древней философіею. Кантъ и новѣйшіе изслѣдователи природы отвѣчали на него отрицательно. Вся наша опытность обуславливается нашей духовной и тѣлесной организаціею. Движеніе внѣшнихъ предметовъ, сотрясеніе воздуха и зѣбра возбуждаютъ въ насъ ощущенія теплоты, звука, свѣта и цвѣта — все это есть слѣдствіе нашей природы. Изъ этихъ ощущеній создаемъ мы свой чувственный міръ, который, слѣдовательно, *самъ по себѣ* совсѣмъ не такой, какимъ онъ намъ кажется.

Ланге такъ безпристрастенъ, что, защищая мысли о Богѣ, о душѣ, о свободной волѣ, находитъ хорошее въ прозяведеніяхъ Фейербаха, Штрауса, Руге, Бюхнера и Кюльбе. О Фохтѣ и Молешотѣ отзывается онъ такъ: «Оба они нечужды стремленія къ опыту, но отлчаются преимущественно воображеніемъ или силою представленія. Фохтъ яснѣе и пропидательнѣе въ отдѣльныхъ вопросахъ; Молешотъ, напротивъ, превосходить его болѣе широкимъ взглядомъ. Фохтъ чаще противорѣчитъ самому себѣ; Молешотъ же любитъ особенно краткія предложенія, которыя не имѣютъ вообще опредѣленнаго смысла *». Если Либихъ назвалъ матеріалистовъ дилетантами, то онъ хотѣлъ выразить этимъ словомъ недостатокъ ихъ философскаго образованія. Матеріализмъ есть послѣдній отпрыскъ той эпохи, когда всякій фзіологъ или ботаникъ думаетъ, что онъ обязанъ осчастливить міръ своею собственной системою. «Точное изслѣдованіе — говорить Ланге — должно быть насущнымъ хлѣбомъ всякаго философа. Хотя бы

* «Molleschott ist reicher an Sätzen, denen überhaupt kein bestimmter Sinn beizumessen ist».

гордость и вызвала въ эмпирикѣ желаніе оставить это поле за собою, однакоже она не можетъ препятствовать философу идти той же дорогою. Безъ точнаго изслѣдованія немислима въ настоящее время никакая философія, равно какъ и самое изслѣдованіе не можетъ обойтись безъ указаній философской критики. Тутъ нѣтъ еще дилетантизма, когда философъ стремится узнать важнѣйшіе результаты и методы изслѣдованія естественныхъ наукъ, потому что это знаніе должно быть необходимой основою всѣхъ его дѣйствій. Нельзя также назвать дилетантизмомъ той умственной дѣятельности, когда изслѣдователь природы создаетъ опредѣленный, согласный съ исторіею и критикою взглядъ на процессъ мышленія человѣчества, съ которымъ неразрывно связанъ онъ, несмотря на видимую объективность его опытовъ и умозаключеній... Если изслѣдователи природы будутъ снова философами, не отступая ни на шагъ отъ строгости своего метода, если философія, не оставаясь особнякомъ, явится посредствующимъ членомъ между разными науками и станетъ соглашать и приводить въ извѣстность ихъ положительныя результаты, тогда возвратится она къ своей главной задачѣ — она будетъ настоящей критикою своего вѣка, блестящимъ фокусомъ, въ которомъ сосредоточатся лучи знанія, и средствомъ смягченія историческихъ переворотовъ, хотя и ускользящимъ ихъ приближеніемъ».

Взапная связь между идеями и фактами вызываетъ теперь вопросы о происхожденіи родовъ и видовъ, объ образованіи организмовъ, о древности и явленіи человѣка, о душѣ и головномъ мозгѣ. Теорія Дарвина не столько важна по выводу всѣхъ формъ изъ одного первоначальнаго типа, сколько по мысли, что въ борьбѣ за бытіе болѣе совершенное образуется изъ менѣе совершеннаго. Что касается атомизма, то всѣмъ извѣстно, что недѣлимыхъ частицъ не найдено, и что эта доктрина принята для математическаго объясненія природы. Стремленіе Молешота и Бюхнера подчинить силу веществу оказывается несостоятельнымъ при современномъ характерѣ физики, потому что вещество есть явленіе силы. Единственное качество, которое обыкновенно соединяемъ мы съ понятіемъ о веществѣ, и которое однако же научнымъ образомъ можетъ быть понято не иначе, какъ сила — есть тяжесть. Рядомъ съ ученіемъ о химическихъ эквивалентахъ и съ теоріею сотрясенія, Ланге ставитъ законъ сохраненія силы, какъ третье великое приобрѣтеніе нашего вѣка. «Этотъ законъ — говоритъ онъ — вынулъ почву изъ-подъ ногъ догматическихъ матеріалистовъ, которые находились, впрочемъ, вездѣ и нигдѣ. Теорія сохраненія силы несравненно полнѣе и лучше матеріализма удаляетъ произволъ и сверхъестественное изъ природы вещей и вытѣснѣ съ тѣмъ совершенно устраняетъ мысль о матеріи, какъ о началѣ всего сущаго». Мы понимаемъ матерію такъ, какъ представляютъ намъ ее физическія чувства. Но они обусловливаются нашей организаціею — слѣдовательно, матерія, на сколько мы понимаемъ ее при помощи чувствъ, есть, подобно звуку и

цвѣту, продуктъ нашей организаціи, производимый посредствомъ взаимной работы внѣшнихъ силъ и нашей внутренней, духовной дѣятельности. «При такомъ условіи — говоритъ Ланге — споръ между тѣломъ и духомъ склоняется въ пользу духовной природы. Матеріализмъ рѣшительно не можетъ объяснить, какимъ образомъ изъ матеріальнаго движенія происходитъ сознательное ощущеніе, тогда какъ нисколько нетрудно допустить мысль, что все наше представленіе матеріи и ея движеній есть результатъ чисто-духовнаго характера ощущеній».

Этику или нравственную сторону матеріализма Ланге также не оставилъ безъ вниманія. Престній матеріализмъ считалъ цѣлью жизни чувственное наслажденіе, которое въ наше время замѣнено эгоизмомъ. Политическая экономія видитъ въ эгоизмѣ главную пружину человѣческаго труда, смягчая это слишкомъ жесткое чувство его общечеловѣческимъ характеромъ, доказывая, что оно свойственно всѣмъ людямъ, и что всякій желаетъ продать свое дорого и купить чужое дешево. «Въ наше время — говоритъ Ланге — стараются скопить средства къ наслажденію, но употребляютъ ихъ не столько на него, сколько снова на приобрѣтеніе новыхъ средствъ къ наслажденію, вслѣдствіе чего нерѣдко въ однихъ рукахъ сосредоточивается громадный капиталъ. Еслибы всѣ, имѣющіе болѣе нежели посредственное состояніе, оставили промышленныя занятія, посвятили досугъ свой общественнымъ дѣламъ, искусству, литературѣ и наконецъ обогороженнымъ, неразрительнымъ житейскимъ удовольствіямъ, то не только сами эти люди вели бы прекрасную жизнь, но явилось бы богатое матеріальное основаніе для прочной поддержки благородной культуры со всѣми ея требованіями, что дало бы высшее содержаніе современному періоду исторіи, сравнительно съ классической древностью. Еслибы исполинскія силы нашихъ машинъ и такъ усовершенствованная раздѣленіемъ труда ручная работа были обращены къ тому, чтобы доставить каждому человѣку то, что необходимо ему для порядочной жизни и высшаго развитія, то вѣроятно можно было бы уже теперь, нисколько не искажая духовной проблемы человечества, распространить благотворное вліяніе культуры на всѣ сословія.» Это не коммунизмъ, конечно, но доброе желаніе человѣка, давшаго, можетъ быть, лишнюю волю своему воображенію. Въ книгѣ Ланге много такихъ мѣстъ; впрочемъ, они вызваны не враждою къ богатству и не презрѣніемъ къ праву собственности, а мыслью о тѣхъ бѣдствіяхъ, которымъ могло бы подвергнуться цивилизованное общество, вслѣдствіе обшгаго недовольства народныхъ массъ своимъ положеніемъ. Будущее пугаетъ автора. Но обратимся къ матеріализму.

Древніе думали, что счастье заключается въ независимости души и въ свободѣ отъ житейскихъ потребностей. Новый матеріализмъ учитъ, напротивъ, что человѣкъ тѣмъ счастливѣе, чѣмъ болѣе у него потребностей, при возможности удовлетворять ихъ. Ланге несогласенъ съ этимъ мнѣніемъ. «Кажется — говоритъ онъ —

могъ бы снова явиться въ цивилизованномъ обществѣ взглядъ, бывшій краеугольнымъ камнемъ классическаго образованія, которое полагало, что существуетъ опредѣленная мѣра, дающая всему здоровый характеръ, и что наслажденіе зависитъ не отъ массы удовлетворяемыхъ потребностей и не отъ трудности удовлетворить ихъ, но отъ формы, въ которой рождаются онѣ и бываютъ удовлетворяемы, подобно тому, какъ физическая красота человѣка обуславливается не большимъ объемомъ его тѣла, но опредѣленнымъ характеромъ математическихъ линій. Такая переменна взгляда повела бы отъ энцическаго материализма къ формализму или идеализму. Сна немислима безъ отчужденія общества отъ страсти къ свойственному ростовщикамъ скопленію богатства, и могла бы весьма легко быть слѣдствіемъ большаго развитія общественнаго чувства». Ланге, наперекоръ Боклю, не видитъ въ исторіи человѣчества нравственнаго прогресса и думаетъ, что промышленный характеръ нашего времени произошелъ не отъ эгоизма, смѣившаго общественное чувство, но скорѣе отъ того, что съ частныхъ интересовъ сняты обременявшія ихъ прежде оковы, что меньшинству нельзя теперь эксплуатировать въ свою пользу большинства, какъ было это при существованіи крѣпостнаго права. Если же увеличивается слишкомъ богатство немногихъ лицъ, въ такомъ случаѣ оно разрушаетъ своей силою преграды, представляемыя ему закономъ и нравственностью, и народная свобода подчиняется денежной олигархіи и пролетаріату. Такъ учить исторія. Лучшее средство противъ этого зла заключается въ идеяхъ христіанства. Его принципъ братской любви не только привелъ въ систему заботливость о бѣдныхъ, но развилъ даже мысль, что несчастіе массъ должно считаться позоромъ человѣчества, и что для устранения народныхъ бѣдствій, необходимо принимать всевозможныя мѣры. «Если—говоритъ Ланге—бросимъ мы широкій взглядъ на исторію всего человѣчества, то едва-ли усомнимся, что тихому, но постоянному дѣйствию христіанскихъ идей должно приписать не только нашъ нравственный, но также преимущественно нашъ умственный прогрессъ». Несмотря на очень энергичную защиту свободы совѣсти, онъ убѣжденъ однакоже, что въ настоящее время, когда между народной массою и богатыми, образованными людьми Западной Европы легла такая страшная бездна, одна только религія остается еще дѣйствительной связью, которая соединяетъ въ одно цѣлое стремящіеся оторваться другъ отъ друга слои общества, и что ни одна доктрина не принесла бѣдной и угнетенной партіи столько реальной пользы, какъ христіанская религія.

Фридель и Освальдъ. *Романъ изъ тирольской исторіи, Германа Шмида* *.

* FRIEDEL UND OSWALD. Roman aus der Tiroler Geschichte von Herman Schmid.

Г. Шмидъ извѣстенъ въ нѣмецкой литературѣ своими прежними произведеніями тоже въ историческомъ духѣ. Онъ авторъ романовъ: «Мой рай», «Тирольскій канцлеръ» и «На зарѣ». Содержаніе его новѣйшаго романа заимствовано изъ исторіи герцога Фридриха безденежнаго или пустоварманнаго (mit der leeren Tasche). Авторъ изображаетъ жизнь своего героя въ изгнаніи, его войны съ тирольскимъ дворянствомъ и съ королемъ Сигизмундомъ, отношенія Фридриха къ папѣ Іоанну и къ синодальному собору, и наконецъ возвратъ его въ завоеванный, при помощи крестьянъ, наслѣдственный удѣлъ. Эти разнообразныя происшествія оттънены, или освѣщены, пожалуй, любовью и дружбою герцога. Первое чувство соединяетъ его съ двумя женщинами, съ двусмысленной благородной дамою и съ простой крестьянкою, а второе — дружба съ минезингеромъ Освальдомъ Волькенштейномъ, прерванная надолго разными обстоятельствами — возобновляется при болѣе благоприятныхъ условіяхъ. Изъ этого легкаго очерка видно уже, что завязка романа основана на разнообразныхъ и занимательныхъ событіяхъ. Авторъ не полѣнился заглянуть въ историческіе источники, которые очень подробно ознакомили его съ духомъ того времени и со всѣми происшествіями, которыя вошли въ рассказъ. Сверхъ того, онъ хорошо знаетъ мѣстность, гдѣ происходило дѣйствіе, и съ большимъ талантомъ рисуетъ картины тирольской природы. Недостатки этого романа заключаются преимущественно въ его объективности, въ неполногѣ развитія характеровъ. Впрочемъ, они составляютъ слабую сторону почти всѣхъ поэтическихъ произведеній, готовый матеріалъ для которыхъ даетъ исторія. Богатство фактовъ влечетъ автора преимущественно къ разсказу, къ описанію событій, а подсказанное лѣтописью предварительное знакомство съ образомъ дѣйствія историческихъ лицъ, препятствуетъ ему заняться тонкимъ анализомъ характеровъ и на основаніи его рѣшать вопросы о томъ, какъ поступилъ бы тотъ или другой человекъ въ данномъ случаѣ. Герцогъ Фридрихъ могъ бы выдти довольно симпатичнымъ лицомъ; но мужество и настойчивость такъ смѣшаны въ немъ съ слабостью и недостаткомъ рѣшительности, что это главное лицо романа не возбуждаетъ ни той антипатіи, ни того сочувствія, съ какими слѣдять читатели за судьбою романческаго героя, когда характеръ его хорошо развитъ и строго выдержанъ. Очень любопытная исторія Освальда Волькенштейна могла бы также возбудить большое къ нему участіе, еслибы авторъ заставилъ минезингера страшиться болѣе опасностей, которыя грозятъ уничтожить его дружескія отношенія къ Фридриху. Введенные на сцену непріатели герцога являются чѣмъ-то въ родѣ заковананныхъ въ латы фигуры средневѣковаго музья: такъ мало похожи они на живыхъ людей. Несравненно удачнѣе представлены тирольскіе крестьянъ. Здѣсь авторъ не ограничивается уже описаніемъ нравовъ и обычаевъ, но изображаетъ са-

мы внутреннія побужденія и сердечныя тайны народной жизни Тироля и верхней Баваріи. Эти картины можно назвать истинно-художественными произведеніями. Г. Шмидъ стремится доказать, что народная любовь составляет самый надежный оплотъ верховной власти. Эта истина, въ которой заключается главная мысль романа, освѣщена такъ удачно и проникнута такой поэтической теплою, что преимущественно посвященныя ей главы романа могутъ стать наряду съ лучшими разсказами Шмида изъ народной жизни, которыми приобрѣлъ онъ большую популярность въ Германіи. Альпійская природа съ ея дикими красотою и ласкающими взоръ прелестями, изображена столько же вѣрно, какъ и художественно. Вошедшія въ этотъ романъ народныя преданія и сказки, напримѣръ: «Садъ розъ» и «Соляная дѣвушка», разсказаны превосходно. Наконецъ надобно замѣтить, что авторъ не только узналъ по книгамъ культуру Тироля въ изображаемый имъ періодъ, но онъ самъ былъ тамъ для того, чтобы провѣрить, насколько возможно, приобрѣтенныя имъ свѣдѣнія, о чемъ и отдаетъ отчетъ въ приложенныхъ къ роману примѣчаніяхъ.

Повѣсти Эдмунда Гёфера. 12 томовъ *.

Г. Гёферъ не только плодотворнѣйшій, но также любимѣйшій писатель своей категоріи. Есть люди, которые считаютъ его первымъ изъ современныхъ бельетристовъ Германіи. Изданные теперь двѣнадцать томовъ его сочиненій, въ каждомъ изъ которыхъ около вятнадцати листовъ, доказываютъ, что онъ нисколько не затруднялся выборомъ предметовъ, довольствуясь преимущественно тѣмъ, что составляетъ высшую занимательность разсказа, и не старался, при помощи тонкаго анализа, углубляться подъ верхній слой той почвы, на которой развились изображаемые имъ факты. Корни ихъ не тронуты имъ. Эдмундъ Гёферъ, безспорно, превосходный разсказчикъ. Если смотрѣть на повѣствовательный талантъ, какъ на особенное умѣнье разсказывать обстоятельства, неизмѣющія внутренней, глубокой связи съ внутренней природою человѣка, то едва-ли кто изъ нѣмецкихъ бельетристовъ, за исключеніемъ развѣ Гагендера, можетъ сравниться съ нимъ. Особенно хороши у него туманныя, сумрачныя, нѣсколько таинственныя въ физическомъ и психологическомъ отношеніи картины. Онъ любитъ рисовать пустынные, монотонные пейзажи, посреди которыхъ гнѣздится тупая, бессмысленная жизнь. Предпочитая этотъ жанръ, Гёферъ не ограничиваетъ однакоже имъ своей поэтической дѣятельности: въ его повѣстяхъ отразилась разнообразная жизнь всѣхъ слоевъ общества. Впрочемъ, несмотря на вѣрность этихъ картинъ, онѣ все-таки слишкомъ поверхностны. Въ нихъ недостаетъ глубокаго

* EDMUND HÖFFERS ERZÄHLENDE SCHRIFTEN. Zwölf Bände.

взгляда въ душу человѣка, нѣтъ живой поэзіи, силы и огня страсти. Привычка автора довольствоваться внѣшностью лишаетъ особеннаго характеристическаго колорита его историческіе рассказы. Стоитъ только забыть на время костюмъ, въ который нарядилъ онъ дѣйствующихъ лицъ, оставить безъ вниманія два-три слова, которыми отгвѣнилъ онъ ихъ рѣчь, и мы не узнаемъ — къ нашему времени, или къ одному изъ бывшихъ вѣковъ относится дѣйствіе. Словомъ, рассказъ реаленъ, но въ немъ нѣтъ того могучаго реализма, того колорита и мѣстныхъ красокъ, которые даютъ особенную привлекательность англійскимъ романамъ, даже средней руки. Впрочемъ, это общій недостатокъ почти всѣхъ нѣмецкихъ беллетристовъ. Что касается языка дѣйствующихъ лицъ, выражающаго ихъ внутреннее настроеніе, то онъ вообще ровенъ, легокъ, но въ немъ нѣтъ діалектики страсти, въ немъ не слышится глубокихъ, задушевныхъ звуковъ чувства. Это по большей части — стереотипныя фразы любви. Кажется, иначе и быть не можетъ. Г. Гёферъ вывелъ на сцену такое множество героевъ и героинь, что обладаа даже силою Пигмалыона, онъ не могъ бы надѣлать каждое изъ этихъ лицъ особымъ характеромъ ума и чувства. Другое дѣло — поэтъ-романистъ, который иногда цѣлые годы вдумывается въ міръ, создаваемый его фантазіею, и наконецъ такъ свывается съ нимъ, что думаетъ и чувствуетъ заодно съ дѣйствующими лицами. Для автора же, который, подобно Гёферу, пишетъ очень быстро и производитъ героевъ дюжинами, даже сотнями, нѣтъ никакой возможности дѣлать ихъ живыми и непохожими другъ на друга людьми. Отсюда прекрасный вообще рассказъ переходитъ нерѣдко въ филістерство. Когда, напримѣръ, авторъ говоритъ о воспитаніи молодого человѣка и началъ его общественной дѣятельности, онъ какъ будто дѣлаетъ выписки изъ аттестата и послужнаго списка. Учился тамъ-то, велъ себя хорошо, или дурно, оказалъ такіе-то успѣхи и по протекціи своего дяди, президента, занялъ такое-то мѣсто. Вообще тѣ повѣсти Гёфера лучше, гдѣ онъ не коснулся вопроса о ранней молодости и школьныхъ годахъ своего героя. Но главный недостатокъ ихъ едва-ли не заключается въ томъ, что онѣ ничего не оставляютъ въ насъ и, слѣдовательно, не даютъ никакого почти понятія о личномъ характерѣ автора. Въ нихъ нѣтъ ничего противъ государства, религіи, нравственности, но это отрицательное качество нисколько не знакомитъ насъ съ его личнымъ взглядомъ на современные вопросы и вообще на то, о чемъ говоритъ онъ. Трудно, говоря о Гёферѣ, не вспомнить извѣстнаго берлинскаго новелиста, Клаурена, хотя, за исключеніемъ плодовитости, между ними едва-ли есть что нибудь общее. Клаурена осуждали вслухъ и жадно читали втихомолку. Въ его рассказахъ вѣрно отразился характеръ нѣмецкаго общества двадцатыхъ годовъ. Но если въ повѣстяхъ Гёфера нѣтъ тѣхъ безнравственныхъ вольностей, которыми отличаются рассказы Клаурена, то причину этой скромности надобно

искать, конечно, въ характерѣ современной жизни. Никакъ нельзя сказать, чтобы она стала нравственнѣе въ послѣдніе сорокъ лѣтъ, но нѣтъ сомнѣнія, что притворство и женская pruderie успѣли очень усовершенствоваться въ Германіи. Клауренскія вольности нетерпимы теперь въ нѣмецкой бельетристивѣ, которая пріютилась въ дамскихъ и модныхъ журналахъ, гдѣ печатались преимущественно первые рассказы Гёффера. Но если прекрасный полъ Германіи сталъ такъ строго къ своимъ отечественнымъ писателямъ, то это не значитъ еще, чтобы самыя вольныя произведенія иностранной литературы не находили тамъ читателей. Напротивъ, французскіе романы, нисколько, конечно, неотличающіеся нравственностью своего содержанія, едва-ли не составляютъ любимаго чтенія мнимо-строгихъ германокъ. Вполнѣ довольствуясь ими, онѣ требуютъ отъ своихъ писателей простыхъ рассказовъ, и чѣмъ легче, поверхностнѣе повѣсть, тѣмъ болѣе нравится она имъ. Гёфферъ повинуется этому требованію, и у него очень большой кругъ читателей. Итакъ, талантъ Гёффера образовался подъ вліяніемъ духа своего времени, которому подчинился онъ, будучи не въ состояніи дать болѣе серьёзнаго направленія общественному вкусу и стать въ главѣ новой школы нѣмецкихъ бельетристовъ.

Пять новыхъ повѣстей. Павла Гейзе *.

То, что мы сказали сейчасъ о нравственной сторонѣ нѣмецкой бельетристики, подтверждается также повѣстями Гейзе, который принадлежитъ къ числу очень популярныхъ писателей Германіи, и пользуется большимъ авторитетомъ, особенно въ женскомъ кругу. Это шестой уже томъ его рассказовъ, и всѣ они выдержали по нѣскольку изданій. Г. Гейзе любитъ рисовать сцены ночныхъ свиданій между влюбленными. Французъ, какъ бы ни были строги его нравственные правила, дастъ въ подобномъ случаѣ волю чувственной, такъ-сказать, струѣ своего воображенія, онъ заключитъ такую сцену по крайней-мѣрѣ объятіемъ, воцалуемъ, и постарается изобразить слабость человѣческой природы, готовой уступить искушенію. Гейзе, напротивъ, устраиваетъ ночныя свиданія въ своихъ рассказахъ для того, чтобы показать ихъ невинную сторону и обнаружить, какъ можетъ человѣкъ бороться съ увлеченіями, не поддаваясь имъ. Надобно отдать ему справедливость—онъ очень хорошо рисуеъ эти сцены, но все же въ нихъ больше искусства, нежели вѣрнаго изображенія человѣческой природы. Вслѣдствіе этого, несмотря на прекрасный языкъ и большое умѣнье автора вести ихъ, онѣ выходятъ порою вялы и скучноваты. Вообще повѣсти Гейзе не могутъ похвалиться удачнымъ выборомъ сюжетовъ и богатствомъ изобрѣтенія, но онѣ такъ хорошо написаны, что врасоты подроб-

* FÜNF NEUE NOVELLEN, von Paul Heyse.

ностей почти совсѣмъ заслоняютъ слабую иногда до безобразія сторону вымысла. Напримѣръ, въ этомъ томѣ помѣщена повѣсть «Клеопатра», чрезвычайно дикая вещь по изобрѣтенію. Въ ней выведенъ на сцену молодой человѣкъ, помолвленный съ своей кузиною. Черезъ нѣсколько дней послѣ сговора, онъ приглашаетъ свою невѣсту съ теткою взглянуть на домъ, приготовленный имъ для семейной жизни. Посѣтительницы восхищены расположеніемъ, удобствомъ и щегольской отдѣлкою комнатъ. Невѣстъ особенно нравятся великолѣпный птичникъ, который—думаетъ она—купленъ для нея собственно. Въ то время, какъ она смотритъ на птиць, въ ея мантію вцѣпляется когтами незамѣтно подкрававшая обезьяна, вырываетъ клок матеріи и уноситъ его въ влѣтку. Эта неожиданность производитъ на всѣхъ неприятное впечатлѣніе, которое еще болѣе усиливается при входѣ въ комнату, гдѣ поставлена статуя «Клеопатра». Она была прислана человѣкомъ, занимавшимся уборкою комнатъ, для того, чтобъ помѣстить ее гдѣ-нибудь въ свободной нишѣ, и подѣйствовала очень невыгодно на все общество, не исключая молодого человека. Когда уѣхали посѣтительницы, хозяинъ дома, оставшись одинъ, долго смотрѣлъ на Клеопатру, волнуясь очень разнообразными чувствами. Въ этомъ тревожномъ состояніи засталъ его другъ, которому и рассказалъ онъ случившееся съ нимъ въ Парижѣ происшествіе. Тамъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, встрѣтилъ онъ дѣвушку. Отецъ ея былъ французъ, мать арабка, родилась она въ Египтѣ и звали ее Клеопатрою. Встрѣча ихъ кончилась любовной связью. Черезъ нѣсколько времени онъ бросилъ эту дѣвушку, и съ тѣхъ поръ не видалъ ея. Но вотъ удивительно—статуя похожа на нее, какъ двѣ капли воды. Вскорѣ послѣ разсказа, молодой человѣкъ легъ спать. Его разбудилъ шумъ въ той комнатѣ, гдѣ стояла Клеопатра. Онъ всталъ съ постели, спустился съ лѣстницы, вошелъ въ комнату и увидалъ, что на столѣ, противъ статуи, сидитъ напроказившая днѣмъ обезьяна. Не имѣя возможности уйти изъ комнаты и желая спастись отъ палки, она прыгнула на статую, и когда молодой человѣкъ возвратился въ комнату, оттуда вышелъ онъ на минуту, обезьяны уже не было тамъ, и онъ не могъ понять, куда она скрылась. Въ слѣдующую ночь тоже не спалось ему. Желая отдѣлаться отъ неприятныхъ мыслей, онъ рѣшился удалитъ отъ себя на сколько возможно причину воспоминанія о быломъ и понесъ статую въ садъ. Но прежде неже ли успѣлъ онъ дойти съ нею до бесѣдки—двѣ холодныя руки обхватили его шею. Это была новая проказа обезьяны, которая не пропустила удобнаго случая покусать и поцарапать его. Словомъ «Клеопатра» и обезьяна довели молодого человека почти до сумасшествія. Но, конечно, все это кончилось ничѣмъ, и онъ сочетался узами законнаго брака съ прекрасною кузиною.

Казалось бы, что такая вздорная сказка, растянутая на восьмидесяти страницахъ, можетъ занять только ребенка. Однакоже,

нѣтъ. Ее прочтеть не безъ удовольствія и взрослый человекъ. Авторъ умѣлъ обставить этотъ странный вымыселъ такими естественными подробностями и такъ искусно расположить свой рассказъ, что дикая мысль о какой-то таинственной связи между покинутой дѣвушкой, статуею и обезьяной ускользаетъ отъ вниманія читателя.

Г. Гейзе нисколько не юмористъ. Онъ приобрѣлъ популярность въ Германіи грустнымъ характеромъ своихъ повѣстей. Несчастливая любовь и смерть, сопровождаемая мрачными привлеченіями, составляютъ его любимыя тѣмы. Онъ умѣетъ заставить плавать своихъ читательницъ, и онѣ любятъ его за это. Впрочемъ, послѣдній изъ пяти изданныхъ теперь рассказовъ доказываетъ, что онъ способенъ нравиться и такимъ людямъ, которые проливаніе слезъ надъ вымышленнымъ несчастіемъ считаютъ непростительной глупостью. Герой этой повѣсти—нѣмецъ, посланный владѣтелемъ одного изъ маленькихъ германскихъ государствъ въ Италію для изученія архитектуры наклонныхъ башенъ въ Пизѣ, Болоньѣ и Моденѣ. Онъ любезенъ съ хозяйкою дома, гдѣ нанялъ для себя квартиру, потому что въ его комнатѣ есть большой столъ, очень удобный для чертежей. Опасаясь потерять такое сокровище, онъ старается приобрести расположеніе вдовы, которая объясняетъ его любезности совсѣмъ иначе. Отсюда выходятъ рядъ приключеній, очень мило рассказанныхъ авторомъ.

Гейзе пишетъ также стихи, но они не могутъ выдержать сравненія съ его прозою. Въ повѣстяхъ своихъ онъ является не только даровитымъ, но сверхъ того чисто-нѣмецкимъ писателемъ, что придаетъ, безъ сомнѣнія, его рассказамъ особенную цѣну.

Не безъ цѣли распространялись мы объ этой отрасли нѣмецкой литературы. Германія ждетъ еще своего Дикенса. Но если Ауэрбахъ, Фрейтагъ и Шмицъ не могутъ стать наряду съ лучшими изъ европейскихъ романистовъ, то никакъ нельзя сказать, чтобы авторы небольшихъ, легкихъ рассказовъ, которыми очень богата Германія, уступали кому-нибудь въ искусствѣ рисовать не слишкомъ сложныя картины человѣческой жизни. Напротивъ—даже англичане признаютъ ихъ первоклассными бельетристами Западной Европы, отзываясь съ особенной похвалою о чисто-литературной сторонѣ нѣмецкой повѣсти, то-есть о ея расположеніи, языкѣ и тѣхъ подробностяхъ, которыя составляютъ, такъ сказать, обстановку главной мысли, имѣющей иногда—какъ мы видѣли уже—нисколько несогласный съ духомъ нашего времени мистическій характеръ.

НОВЫЯ РУССКІЯ, АНГЛІЙСКІЯ, ФРАНЦУЗСКІЯ И НѢМЕЦКІЯ КНИГИ.

Въ послѣднее время вышли слѣдующія книги:

Польская эмиграція, до и во время польскаго мятежа, 1831—1863 г. (Извлеченіе изъ «Вѣстника Западной Европы») Вильно. 1866 г. Ц. 3 р. с.

Гражданское развитіе Америки (Мысли о будущей гражданской политикѣ Америки). Соч. Дж. В. *Дропера*. 1866. Ц. 1 р. 30. Переводъ съ англійскаго. Иосафатъ Огрызко и петербургскій революціонный рожонъ въ дѣлѣ послѣдняго мятежа. Н. П. *Готеля*. Вильно. Ц. 40 в.

Законоположенія о присяжномъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ важнѣйшихъ государствъ Европы и Америки. Выпускъ пятый. Изданіе Н. И. *Ламанскаго*. Слб. 1866.

Космосъ. Опытъ физическаго міроописанія, Александра фон-Гумбольдта. Переводъ съ нѣмецкаго Николая *Фролова*. Часть 1-я, изданіе третье. М. 1866.

Пять частей свѣта. Руководство для изученія географіи. Составилъ *Якимовъ*. Слб. 1866.

Святая церковь и ея принадлежности. Брошюра, изданіе второе. Слб. 1866. Составилъ діаковъ Алексѣй *Медондскій*.

Книги Иисуса Навина и судей Израилевыхъ. Переводъ съ еврейскаго. Архимандрита *Макарія*. М. 1866.

Сочиненія Д. И. *Писарева*. Часть 5. Изд. Ф. Павленкова. Слб. 1866.

Описаніе Міантономо, знаменитаго американскаго монитора. Брошюра. Слб. 1866.

Исторія развитія позвоночныхъ животныхъ и ихъ органовъ. Харьковъ. 1866. *Масловскаго*.

Бурсъ международнаго права. Книга 2-я. Харьковъ. 1866. Профессора Д. *Каченовскаго*.

Очерки восточной войны 1854—1855 г. М. 1866. Сост. кн. С. С. *Урусовъ*.

Ундина. Разсказъ Фридриха Де-ля-метъ Фуке, изданный для русскихъ гимназій, съ присовокупленіемъ введенія, объяснительныхъ примѣчаній и словаря, О. *Шталемъ*, учителемъ 1-й московской гимназій. Второе исправленное изданіе. М. 1866.

Иллюстрированная жизнь животныхъ. А. Э. *Брэма*; выпускъ XXIX, съ рисунками. Томъ II. Слб. 1866. Изд. В. Ковалевскаго.

Словотолкователь 30,000 иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка, съ означеніемъ ихъ корней. Изданіе II, исправленное и дополненное. М. 1866. И. *Бурдона* и А. *Михельсона*.

Для чтенія и разсказа. Хрестоматія для употребленія при первоначальномъ преподаваніи русскаго языка. М. 1866. Сост. П. *Басистовымъ*.

Сказаніе иностранцевъ о Московскомъ государствѣ. М. 1866. Соч. В. *Ключевскаго*.

Письма о Князьяхъ Острожскихъ къ графинѣ А. Д. Блудовой. Брошюра. Кіевъ. 1866. М. *Максимовича*.

Русскіе замѣчательные люди. Разсказы А. *Суворина*. Второе, исправленное изданіе, съ портретомъ патріарха Никона. Слб. 1866.

Царь и великій князь Іоаннъ Васильевичъ Грозный, московскій и всея Россіи. Брошюра. М. 1866. Ил. *Вьялега*.

Сцены изъ военно-походной жизни. Слб. 1866. С. *Турбина*.

Русская летопись, для первоначальнаго чтенія. М. 1866. Сост. С. Соловьевъ.

Опытъ историческаго обозрѣнія русской словесности. Изд. 2-й, вып. 1-й (листы 11—27). Спб. 1866. Оп. Миллера.

Взглядъ на мою жизнь. Записки д. т. с. Ив. Ив. Дмитриева, въ 3-хъ част. (въ одной книгѣ). М. 1866. Изд. М. А. Дмитриева.

Преподобнаго отца нашего Аввы Дороева душеполезныя поученія, съ присовокупленіемъ вопросовъ его и отвѣтовъ на оныя Варсонофія великаго и Іоанна пророка. Третье, вновь исправленное съ греческаго изданія Козельской Введенской Оптинной пустыни. М. 1866.

Жизнь блаженнаго Іоанна Христа ради юродиваго, устюжскаго чудотворца. (Составлено по Чегы-Миней). Брошюра. М. 1866.

Жизнь и страданіе святаго священномученика Антипы. Брошюра. М. 1866.

Жизнь преподобнаго отца нашего Герасима, что на Іорданѣ. Брошюра.

Будьте здоровы и лечитесь сами, когда нѣтъ врача, или самоучитель сельскаго леченія. Часть II-я. Болѣзни нелихорадочныя. Спб. 1866. Штаб-лекаръ К. Бемедиктовъ.

LIV ESTH-UND Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten. Herausgegeben von Dr Th. Georg v. Bunge. Band V. Heft 5. Riga. 1866.

Brought to Light. A Novel. By Thomas Speight. (Поднесенное къ свѣту. Романъ. Т. Спейта).

CHAPTERS from English History on the Representation and Education of the People, by J. D. Maurice. (Главы изъ англійской исторіи о представительствѣ и образованіи народа, Дж.-Д. Морейса).

CHARLES Lamb: a Memoir, by Barry Cornwall.

THE COMPANY and the Crown: the Two Methods of Governing India, by T. J. Howell-Thurlow. (Компанія и корона: два метода управленія Индіей, Т.-Дж. Говел-Торлоу).

ELEMENTS of Chemistry, Inorganic and Organic, by J. C. Buckmaster. (Элементы неорганической и органической химіи, Дж. К. Букмастера).

AN ESSAY on Pantheism, by John Hunt. (Опытъ о пантеизмѣ, Джона Гонта).

THE HOME Life in the Light of its Divine Idea, by J. Baldwin Brown. (Домашняя жизнь, соотнесшая съ духомъ ея божественной идеи, Дж. Балдуина Броуна).

LECTURES on Animal Chemistry, delivered at the Royal College of Physicians, by W. Odling. (Лекціи о животной химіи, читанныя въ королевской медицинскій коллегіи, У. Одлинга).

THE LIFE and Letters of Lady Arabella Stuart, including numerous original and unpublished documents, by Elisabeth Cooper. (Жизнь и письма леди Арабеллы Стюартъ, съ приложеніемъ многихъ подлинныхъ и неизданныхъ документовъ, Элизабеты Куперъ).

LONDON Self-Governed, by Sir W. Fraser. (Самоуправляющийся Лондонъ, сэра У. Фрзера).

LORDS and Ladies. A Novel.

REMINISCENCES of a Bengal Civilian, by William Edwards. (Воспоминанія бенгальскаго гражданина, Уил. Эдуардса).

THE SHADOWS of Destiny. A Novel. By Capt. Columbe. (Тѣни судьбы, романъ. капитана Колумба).

T. CLXVII. — Отд. II.

- SIR OWEN Fairfax. A Novel. By Emily *Ponsonby*.
 STUDIES in European Politics, by E. Grant *Duff*.
 THE TALE of Aunt Margaret's Trouble.
 ТИЕСЛА. A Drama. By Henry *Bliss*.
 THOUGHTS on Great Painters, by J. P. *Davis*. (Мысли о великих живописцах, Дж. П. Дэвиса).
 THE UNITY of Comte's Life and Doctrine, by J. H. *Bridges*. (Единство жизни и доктрины Конта, Дж. Г. Бриджеса).
 UP THE Country, by Emily *Eden*.
 VENETIAN Life, by W. D. *Howells*.

- ADDITIONS à la flore brésilienne. Itinéraire botanique dans la province de Minas-Geraes, par L. *Netto*. (Дополнения къ бразильской флорѣ, Л. Нетто).
 LES AMAZONES de la Fronde, par Albert *Blanquet*.
 LES SAUVAGES du docteur, par le Dr. *Joulin*. (Рассказы доктора, Жулина).
 DANTE et Goethe, dialogues par Daniel *Stern* (la comtesse d'Agout).
 DESCRIPTION d'un météore lumineux qui apparut au Havre, dans la soirée du 28 juin 1865, par le Dr. Ad. *Lecadre*. (Описание блестящаго метеора, показавшагося въ Гаврѣ, вечеромъ 28-го юня 1865, Ад. Лекадра).
 LES DESSINS de Dieu. Essai de philosophie religieuse et pratique, par J. M. *de-la Codre*. (Намѣренія Бога. Опытъ религіозной и прагматической философіи, Ж. М. де-ла-Кодра).
 DIPLOMATES et hommes d'état contemporains.—Le cardinal Consalvi. Par Ernest *Daudet*. (Современные дипломаты и государственные люди.—Кардиналъ Консальви. Эр. Додэ).
 ESSAIS de physiologie philosophique, par T. P. *Durand*.
 ETHEL, souvenirs d'Afrique, par Georges *Bell*.
 GARIBALDI, par Felix *Mornand*.
 HISTOIRE des Etats-Unis d'Amérique, depuis les premiers essais de colonisation jusqu'à l'adoption de la constitution fédérale, 1620—1789, par Edouard *Laboulaye*. (Исторія американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, съ первыхъ опытовъ колонизаціи до усвоенія федеральной конститущіи, 1620—1789, Эдуарда Лабуляэ).
 L'HOMME et Dieu, par Alfred *de-Perrois*. (Человѣкъ и Богъ, Альфреда Перуа).
 DE L'HUMANITÉ, par le Dr. *Bodichon*. (О человѣчествѣ, доктора Бодичона).
 INDUSTRIE des eaux. Culture de plages maritimes, pêche, élevage, multiplication de crevettes, homards, langoustes, arabes, huîtres, moules, mollusques divers, par H. de *La-Blanchère*. (Водная промышленность. Культура морскихъ прибрежій, ловля, воспитаніе, размноженіе морскихъ раковъ, омаровъ, крабовъ, устриць и т. д., Г. Ла-Бланшера).
 LETTRES inédites de madame Swetchine, publiées par le comte de *Falloux*. (Неизданныя письма г-жи Свѣчиной, напечатанныя графомъ Фаллю).
 LUOTHEVIUS, derniers efforts de la Gaule indépendante. par M. *Richard*. (Лутевій, послѣднія усилія независимой Галіи, г-на Ришо).
 MARI-ANTOINETTE, Louis XVI et la famille royale. Journal anecdotique de mémoires secrets.

Mémoires de Frédéric II, roi de Prusse, écrits en français par lui-même, publiés pour la première fois en France et conformément aux manuscrits originaux, avec des notes et des tables, par *Boutaric* et E. *Campardon*. (Мемуары прусскаго короля Фридриха II, писанные имъ самимъ пофранцузски и издаваемые въ первый разъ во Франціи, согласно съ подлинными рукописями, дополненные примѣчаніями и таблицами, *Бутарика* и *Кампардона*).

LE MOUVEMENT scientifique pendant l'année 1865, par E. *Ménault* et A. *Boillot*. (Научное движеніе въ 1865 году, *Мено* и *Буальо*).

LES PREUVES de l'imortalité de l'Âme, par Alfred de *Perrois*. (Доказательства безсмертія души, Альфреда *Перуа*).

SOUVENIRS de Jean Bouthier, président au parlement de Paris.

TABLEAU historique des beaux-arts, depuis la renaissance jusqu'à la fin du XVIII siècle, par Louis et René *Menard*. (Историческая картина изящныхъ искусствъ, съ возрожденія до конца XVIII вѣка, Л. и Р. *Менара*).

LES VOLCANS et les tremblements de terre, par Arnold *Boscovits*. (Вулканы и землетрясенія, Арнольда *Босковича*).

ARCHIV für Anthropologie, Zeitschrift für Naturgeschichte und Urgeschichte des Menschen. Herausgegeben von C. E. von Baer, C. Vogt, E. Desor, L. Rütimeyer, H. Schaaffhausen. Unter der Redaction von A. *Ecker*. Erstes Heft. (Архивъ для антропологіи. Журналъ для естественной и древнѣйшей исторіи человѣка, издаваемый К. Э. Беромъ, К. Фогтомъ и др., подъ редакціею А. *Экера*. Первая тетрадь).

DES AUSLAND. Uebersicht der neuesten Forschungen auf dem Gebite der Natur-Erd-und Völkerkunde. Neununddreissigster Jahrgang. №№ 25—28. (Чужіе края. Обзоръ новѣйшихъ изслѣдованій въ области изученія природы, земли и народовъ. 39-й годъ. №№ 25—28).

BRANDENBURGISCHE Geschichtchen, von Gustav *Putzli*. (Бранденбургскіе исторіи, Г. *Путлица*).

DE LA DEUTSCHE Sprache, von August *Schleicher*. (Нѣмецкій языкъ, Августа *Шлейхера*).

FRIEDRICH der Zweite von Hohenstaufen. Historische Tragödie von I. G. *Fischer*.

DES GANZ des Welthandels und die Entwicklung des europäischen Völkerlebens im Mittelalter, von Wilhelm *Kiesselbach*. (Ходъ міровой торговли и развитіе жизни европейскихъ народовъ въ средніе вѣка, В. *Кисельбаха*).

GESCHICHTE der Stadt Rom im Mittelalter. Vom fünften bis zum sechzehnten Jahrhundert, von Ferdinand *Gregorovius*. Fünfter Band. (Средневѣковая исторія города Рима. Отъ 5-го до 16-го столѣтія, Ф. *Грегоровіуса*. 5-й томъ).

GOETHE'S italienische Reise, Aufsätze und Aussprüche über bildende Kunst. Mit Einleitung und Bericht über dessen Kunststudien und Kunstübungen. Herausgegeben von Christian *Schuchardt*. 2 Bände. (Итальянское путешествіе Гёте, очерки пластическаго искусства и мнѣнія о немъ. Изданіе Хр. *Шухардта*).

HOLBEIN und seine Zeit, von Dr. Alfred *Woltmann*. Erster *Theil*. (Гольбейнъ и его время, А. *Волтмана*. 1-я часть).

DIE INSEL Madeira. Aufenthalt der Kranken und Heilung der Tuberculose daselbst. Nach dreijährigen Beobachtungen von Dr. Rudolph *Schultze*. (Островъ Мадера. Мѣстопробываніе больныхъ и излеченіе тамъ легочныхъ бугорковъ. По трехлѣтнимъ наблюденіямъ доктора Р. *Шулце*).

KARL von Raumers Leben, von ihm selbst erzählt. (Жизнь Карла Раумера, имъ самимъ рассказанная).

DIE LANDWIRTSCHAFTLICHE Fütterungslehre und die Theorie der menschlichen Ernährung, von Dr. Emil Wolff. (Сельско-хозяйственная теорія кормленія животныхъ и теорія человѣческаго питанія, Э. Вольфа).

LESSING's Nathan der Weise. Die Idee und die Charaktere der Dichtung, dargestellt von Kuno-Fischer. («Наанъ Мудрецъ» Лессинга. Идея и характеры этой драмы, объясненные Кунно-Фишеромъ).

MEDICINISCHE Blumenlese aus Shakespeare, zu eigener und seiner Collegen Kurzweile gesammelt von Georg Cless, Doctor der Medicin. (Медицинскій сборъ цвѣтовъ изъ Шекспира, сдѣланный какъ для своей собственной, такъ и своихъ товарищей забавы докторомъ медицины Георгомъ Клесомъ).

NOVELLEN von Gustav Putliz. Inhalt: Der Stellvertreter. Wenn die Binde fällt. Die Töchter der Luft. (Повѣсти Густава Путлица. Содержаніе: Намѣстникъ. Если спадеть повязка. Дочери воздуха).

ROBIN Hood. Ein Balladenkranz nach altenglischen Balladen, von Anastasius Grün.

SCRIPTORES rerum Prussicarum. Die Geschichtsquellen der preussischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft. Herausgegeben von Dr. Theodor Hirsch, Dr. Max Töppen und Dr. Ernst Strehlke. (Писатели о прусскихъ дѣлахъ. Историческіе источники былаго времени Пруссіи до превращенія господства ордена, изданные Гиршемъ, Тёппеномъ и Штрелке).

SHAKESPERE-STUDIEN von Gustav Rümelin.

SYNOPSIS der Nadelhölzer, deren charakteristische Merkmale, nebst Andeutungen über ihre Cultur und Ausdauer in Deutschlands Klima, von Dr. I. V. Henkel und W. Hochstetter. (Обозрѣніе хвойныхъ дѣсовъ, ихъ характеристическіе признаки, съ указаніями на ихъ культуру и долговѣчность въ германскомъ климатѣ, Генкеля и Хохстетера).

ОГЛАВЛЕНИЕ

СТО-ШЕСТЬДЕСЯТЬ-СЕДЬМАГО ТОМА

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

	Стр.
РАЗКАЗЪ БОЛГАРА. В. Стѣцкевича	1
ПОЛМИЛЬОНА. Романъ мисъ Амелли Эдвардсъ . <i>Окончаніе первой части и часть вторая</i> . Главы I—XVII. 43, 300, 421 и 618	
КАЛИФОРНІЯ ВО ВРЕМЯ ЗАВОЕВАНІЯ ЕЯ АМЕРИКАНЦАМИ. Отрывокъ изъ записокъ русскаго странника. В. А. Риттера	78 и 257
ПОСЛѢДНІЙ ИЗЪ ИДЕАЛИСТОВЪ. Отрывокъ изъ ненаписанной повѣсти. Н. Н. Страхова	105
ТРУДЪ И НАСЛАЖДЕНІЕ. <i>Статья третья и послѣдняя</i> . Н. И. Соловьева	125
ЛЮБОВЬ КЪ ПРИРОДѢ ВЪ НОВѢЙШЕМЪ ОБЩЕСТВѢ. <i>Статья Э. Ревлю</i>	150
ПЕТЕРБУРГСКІЯ ТРУЩОВЫ. Романъ въ шести частяхъ. <i>Часть пятая</i> . Голодные и холодные. Главы XX—XXXVI. В. В. Крестовскаго	177, 205, 521 и 585
ПРОЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ РЕФОРМЪ. Историко-экономическіе очерки. <i>Статья вторая</i> . Утопія Томаса Мура. Д. Э. Щеглова	239
ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА. <i>Сочиненіе А. Т. Гримма</i> . (Alexandra Feodorowna, Kaiserin von Russland). <i>Статья вторая и третья</i>	276 и 499
ПОВѢТРІЕ. Комедія въ пяти актахъ. И. Е. Гогниѣва	317
КАРТИНЫ ЮРСКОЙ ЭПОХИ. Н. В. Успенскаго	407
САМУИЛЬ ВЫМОРКОВЪ. Проповѣдникъ ученія объ антихристѣ въ 1722—1725 годахъ. М. И. Семевскаго . 449 и 680	

ЧУПРИНСКИЙ МІРЪ. Разсказъ. Н. ЧЕРЕВАНИНА. . . .	475
ТРУЖЕНИКИ МОРЯ. Романъ ВИКТОРА ГЮГО. <i>Окончаніе второй и начало третьей части</i>	552 и 754
КУЗЬКА, МОРДОВСКИЙ БОГЪ. Разсказъ изъ исторіи мор- довскаго народа. Б.	652
О НАРОДНОМЪ ОБРАЗОВАНИИ ВЪ XIX СТОЛЪТІИ. На- родное обученіе въ американскихъ школахъ. <i>Статья Э.</i> ЛАВЛЕЯ	707
СПИНОЗА. <i>Статья Д. Г. ЛЬЮИСА</i>	737

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА	1, 47, 95 и 161
ИНТЕРЕСЫ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ НА ЗАПАДЪ. 19 и 123	
НОВЫЯ РУССКІЯ, АНГЛІЙСКІЯ, ФРАНЦУЗСКІЯ И НЪ- МЕЦКІЯ КНИГИ	42, 90, 154 и 192
ГРАФЪ БИСМАРКЪ	64 и 110
ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЪТОПИСЬ	75, 138 и 175
О ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ИНФУЗОРИЯХЪ. Письмо въ редак- цію. Н. И. СОЛОВЬЕВА.	158

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

въ 1866 году

выходятъ два раза въ мѣсяцъ (1-го и 15-го числа) книжками, изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ до 15-ти печатныхъ листовъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ,
состоящее изъ двадцати-четырехъ книгъ,

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ И МОСКВѢ:

15 руб. серебромъ.

Съ пересылкою:

16 руб. 50 коп. сереб.

ПОДПИСКА *ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО* ПРИИМАЕТСЯ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ:

Для иногородныхъ и городскихъ жителей: въ Главной конторѣ «Отечественныхъ Записокъ» на Литейной, въ домѣ № 38 (тамъ же, гдѣ контора газеты «Голосъ»).

ВЪ МОСКВѢ:

Для жителей Москвы: въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева (бывшемъ Базунова), на углу Большой Дмитровки и Страстного Бульвара, противъ университетской типографіи, въ домѣ Загряжскаго.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями, надписывая ихъ: *Въ Редакцію Отечественныхъ Записокъ, въ Санктпетербургъ.*

Въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», на Литейной, № 38-й, продаются:

изданныя редакціею «Отечественныхъ Записокъ» книги:

ИСТОРИЯ ЦАРСТВОВАНІЯ ФИЛИППА ВТОРОГО, короля испанскаго. Соч. *Вильяма Прескотта*. 2 тома. Ц. 2 руб.; съ пересылкою 2 руб. 50 коп.

ИСТОРИЯ ЗАВОЕВАНІЯ АНГЛІИ НОРМАНАМИ. Соч. *Огюстена Тьерри*. 3 тома. Ц. 3 руб.; съ пересылкою 3 р. 50 коп.

ИСТОРИЯ АНГЛІЙСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ. Соч. *Гиббс*. 3 тома. Ц. 3 руб.; съ пересылкою 3 р. 50 коп.

РЕДАКТОРЫ-ИЗДАТЕЛИ: А. Краевскій и С. Дельвицкій.

